

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ
УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РАН
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РАН
НАУЧНЫЙ СОВЕТ РАН ПО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ
И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ

Материалы Всероссийской научной конференции
с международным участием
Екатеринбург, 25–26 сентября 2019 г.

Екатеринбург
2019

ББК 63.3(2)+65.03
УДК 94(470)
И 90

Рекомендовано к печати

Ученым советом Института истории и археологии УрО РАН

Ответственный редактор
д.и.н. Е. Т. Артемов

Редакционная коллегия:

чл.-корр. РАН, д.и.н. Л. И. Бородкин, д.и.н. Г. Е. Корнилов,
к.и.н. Н. В. Мельникова, д.и.н. А. Ю. Петров,
д.и.н. И. В. Побережников, д.и.н. Д. А. Редин

Исторические вызовы и экономическое развитие России: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Екатеринбург, 25–26 сентября 2019 г. — Екатеринбург: ООО Универсальная типография «АльфаПринт», 2019. — 540 с.

ISBN 978-5-907080-68-3

В сборник вошли материалы докладов участников конференции, посвященные проблемам, имеющим фундаментальное значение для понимания логики экономического развития России в длительной ретроспективе. В их числе специфика российских модернизаций в историческом контексте, роль институциональных, социокультурных и геополитических факторов в выборе стратегии развития применительно к имперскому и советскому периодам, общее и особенное, преемственность и разрывы в экономической политике.

*Мероприятие проводится при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований,
проект № 19-09-20027*

*При поддержке фонда «История Отечества»,
договор № 19/2019/ФП-ММ от 15.04.2019*

© ИИиА УрО РАН, 2019
© Авторы, 2019

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Алексеев Вениамин Васильевич

д.и.н., академик РАН, Институт истории и археологии УрО РАН
(Россия, Екатеринбург)

E-mail: veniaminalekseev7@mail.ru

Исторический вызов как предмет изучения¹

УДК 930.2

В исследовании ставятся задачи повышения уровня обобщений в исторических исследованиях и совершенствовании их источниковой базы. Рассматривается актуальность и необходимость изучения вызовов в российской истории, которая в некотором роде является ответом на них. Предлагаются типология вызовов и ориентировочная схема их исследования в качестве особой категории исторической реальности.

Ключевые слова: *исторический вызов, типология вызовов, источниковая база, Российская цивилизация*

При всех достижениях исторической науки начала XXI в. она по-прежнему нуждается в обобщениях более высокого уровня и новых источниках. В связи с этим предлагается выделить две проблемы, которые касаются методов исследования и совершенствования источниковой базы, поскольку от их решения в определенной степени зависит уровень разработки темы, названной в заглавии статьи.

Современная теоретико-методологическая база исторических исследований оказывается недостаточной для объяснения особо сложных явлений прошлого, потому что не охватывает всего комплекса проблем их зарождения, развития и следствий во времени и пространстве. Необходим более интегративный подход, основанный на совокупности достижений естественных и общественных наук, то есть социосистемный анализ, который применительно к изучению вызовов рассматривает их как динамично

---

¹ Работа выполнена по проекту фундаментальных исследований Комплексной программы УрО РАН, проект № 18-6-6-37.

изменяющийся комплекс проблем социума, угрожающих самому его существованию, или эффективному развитию [4, с. 41].

Для успешной реализации такого подхода требуется более современная источниковая база с целью получения выводов практической значимости. Возникает вопрос: возможна ли она? На него нередко следует отрицательный ответ, так как, якобы, «история — это кладбище прошлого, не имеющего отношения к настоящему». Между тем, люди научились получать из земной коры и использовать отложения прошлых эпох, особенно востребованные ныне нефть и газ, обеспечивающие значительную часть жизненных потребностей современного человека. С помощью генной памяти передается из поколения в поколение эстафета в животном мире. В этих случаях прошлое как бы оживает в настоящем.

А существует ли такая эстафета в человеческой истории, или последняя представляет собой хаос страстей и случайностей? Биологически, конечно, существует, а социально? Пока не ясно, потому что информация о ней теряется под влиянием бесконечных войн и социальных потрясений, технологических и ментальных трансформаций; не полно сохраняется в исторических источниках, искажается в ходе политических и конфессиональных дискурсов. Возможно, она осуществляется в повторимости исторических вызовов и результируется в правильных или ошибочных ответах на них со всеми вытекающими последствиями, которые исправляются в ходе очередной волны вызовов, что обеспечивает в конечном счете прогресс или регресс человечества. Восстановить эстафету очень трудно, но в перспективе возможно удастся это сделать с помощью современных электронных систем. Пока же обостряется задача повышения эффективности использования традиционных источников и выявления оригинальными методами неизвестной ныне информации для объективного объяснения прошлого и прогнозирования будущего. Когда ученые получают возможность изучать прошлое не только по артефактам, отрывкам из летописей или чьих-то отчетов, но и по принципиально новым данным, тогда они постигнут смысл истории.

* * *

С теоретической, историографической и практической точек зрения целесообразно сфокусировать внимание на исторических вызовах человечеству, поскольку некоторые из них начали угрожать его дальнейшему существованию: экологические,

демографические, этнополитические и др. Тема вызовов, конечно, не нова в обществоведческой литературе. К ней неоднократно обращались А. Ахиезер, А. Тойнби, А. Уткин, С. Хантингтон и многие другие авторы. Однако, делалось это нередко попутно с другими проблемами, тогда как требуется специальное изучение вызовов в качестве особой категории исторической реальности. Такая попытка была предпринята нами в докладе «Большие вызовы в истории имперской России» на Уральском научном форуме 2017 г. и в журнальных статьях ранга Scopus [1, с. 619–634; 2, с. 6–12].

В исследовании акцентируется внимание на подходах к изучению вызовов в российской истории, которая в определенной мере является ответом на них. Исторический вызов — категория сложная, а не просто акция «назло надменному соседу». Она противоречива по своей сути и толкованию, поскольку ее результаты не однозначны как с позиций вызова, так и ответа, но истина конкретна и нуждается в убедительном обосновании, что порождает большие трудности для исторической науки. Между тем, острота напряженности в современном мире требует достижения адекватности в понимании соотношения между вызовом и ответом для того, чтобы не допустить глобальной катастрофы. Поэтому ученым предстоит объективно изучить исторический опыт решения столь сложной проблемы.

Вызовы имеют разный характер: природные, экономические, социальные, политические, религиозные, демографические, этнические, технологические, экологические, большие и малые, долгосрочные, краткосрочные и др. Особое значение имеют исторические вызовы, в которых очень часто совмещаются вышеназванные аспекты, что представляет большую сложность для исследования и предполагает мультидисциплинарный подход. Именно они являются предметом нашего внимания в отличие от узко понимаемых политических коллизий.

Особого внимания требуют глобальные вызовы. В российской истории можно выделить три таких вызова: цивилизационный, модернизационный, постмодернизационный. Первый вызов явился в определенной мере предпосылкой формирования самой российской цивилизации, разместившейся на огромном, относительно свободном пространстве Евразийского континента, не имевшего естественных границ защиты от внешних вторжений как с Запада, так и с Востока. Трудные природно-климатические

условия, сложности производства в них жизненно необходимой продукции, а также периодические иноземные нашествия породили перманентный колониционный процесс сначала на Северо-Восток, а затем и на Юг, что привело в конечном счете к возникновению крупного самобытного государственного образования [3, с. 13–21], которое постоянно сталкивалось с давлением Западной и Восточной цивилизаций.

Второй глобальный вызов порожден технологической революцией нового времени, переходом от традиционно аграрного к индустриально-урбанизационному обществу. На него Россия пыталась отвечать с конца XVII до конца XX в. В этом процессе следует выделить два крупных этапа — имперский и советский, принципиально разных как по тактике осуществления, так и по результатам. На имперском этапе действовали капиталистические методы, на советском — социалистические по форме и идеологическому сопровождению, но со значительным капиталистическим оттенком, поскольку модернизация, как таковая, была капиталистическим порождением, которое привело к неизбежным противоречиям, что послужило одной из главных причин крушения советского общества. Внутри этапов существовали различные периоды, содержащие немало вызовов второго порядка: геополитических, внутриполитических, экологических, религиозных, ментальных и др. Они требуют специального изучения.

Третий глобальный вызов связан с завершением модернизационного процесса в западном мире и переходом к так называемому постиндустриальному обществу. Говорить о постиндустриализме рано, потому что западное общество не отказалось от индустрии, а перенесло наиболее экологически вредные производства дальше от своих границ, например, в Африку. Проблема в другом — наиболее трудоемкие и энергоемкие, главным образом механические процессы, наполняются электроникой и другим современным содержанием, что резко повышает их экономичность и снижает трудоемкость, высвобождает миллионы рабочих рук, порождает массовую безработицу, частично компенсируемую ростом потребности в интеллектуальном труде и услугах.

Если Россия с большим трудом и непомерными издержками вписалась в индустриальную систему, то в электронную вступает еще сложнее. Постмодернизационный вызов привел к губочайшему кризису, опасному для дальнейшего существования.

В связи с этим в новой «Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» уделено особое внимание реагированию на современные вызовы нашему Отечеству. Отмечается, что эти вызовы создают не только «существенный риск... но одновременно представляют собой важный фактор для появления новых возможностей и перспектив научно-технологического развития».²

Перед исторической наукой наряду с изучением глобальных вызовов стоит неотложная задача осмысления вышеназванных конкретных вызовов второго порядка и исторического опыта ответов на них, которые могут носить эволюционный и революционный характер. Предлагается следующая ориентированная схема их разработки: происхождение вызова, его характеристика, необходимость осознания и возможности ответа, борьба мнений по поводу ответа, оценка достигнутых результатов и их значения [1, с. 627–631]. Для этого требуется множество новых исторических материалов, поскольку предстоит исследовать проблемы, ранее не поднимаемые историками, прежде всего те, которые не потеряли своей значимости до настоящего времени и могут служить базой для практических выводов. В данной связи вопрос о их получении и обработке современными методами представляет особую значимость. Более того, к такой работе следует привлечь практиков, занятых ныне в тех структурах, которые подвергнутся изучению на предмет обобщения исторического опыта ответов на вызовы предшествующих эпох. Надо иметь в виду, что некоторые вызовы в разных формах повторяются от одной эпохи к другой, что требует учесть смысл предшествующих ответов.

В имперской истории России вызовы приходили преимущественно со стороны Запада, но в ходе большевистской революции 1917 г. был брошен ответный вызов — мировой пролетарской революции. Соотношение этих вызовов превратилось в сложную «обоюдоострую» проблему, которая требует своего разрешения, так как является осью нынешних противоречий в мире. Попытку сравнения сущности вызовов и ответов со стороны имперской и советской России сделал проф. А. С. Сеньявский. Из нее следует, что некоторые вызовы в определенной мере повторяют прошлые.

² См.: Указ Президента Российской Федерации В. В. Путина от 01.12.2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Официальный сайт Администрации Президента России. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41449> (дата обращения: 15.03.2019).

Они проявляются как во внешнеполитической, так и во внутриполитической сферах, носят агрессивный характер, угрожают суверенитету государства и его целостности, вызывают нарушение национальной идентичности, вместе с тем стимулируют преодоление архаики и формируют новые перспективы развития. Ответы России совершенствовались, усиливались от одной эпохи к другой, обеспечивая назревшие нужды страны, но, к сожалению, далеко не всегда отвечали потребностям времени, что приводило к национальным катастрофам [4, с. 44–47]. Изучение причин такого явления носит судьбоносное значение для государства.

В череде многочисленных вызовов для России главным было и остается — эффективное освоение огромного пространства державы, переход от экстенсивной эксплуатации сырьевых ресурсов к интенсивному научно-технологическому развитию, осознание своего места в современном мире.

Библиографический список

1. Алексеев В., Зубков К., Побережников И. Большие вызовы в истории имперской России: цивилизационное и геополитическое измерение // *Quaestio Rossica*. 2017. Т. 5, № 3. С. 619–634.
2. Алексеев В. В. Энергетический вызов имперской России // *Уральский исторический вестник*. 2018. № 2. С. 6–12.
3. Зубков К. И. Евразийский вызов в формировании Российской цивилизации // *Уральский исторический вестник*. 2018. № 2. С. 13–21.
4. Сенявский А. С. Большие вызовы в имперской и советской истории России: сравнительный анализ // *Уральский исторический вестник*. 2018. № 2. С. 39–48.

Veniamin V. Alekseev

Academician of the RAS, Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: veniaminalekseev7@mail.ru

The historical challenge as a subject of study

The paper sets the task of raising the level of generalizations in historical research and improving its source base. The relevance and necessity of studying challenges in Russian history, which in some way is the response to them, is considered. A typology of challenges and an outline of their research as a special category of historical reality are proposed.

Keywords: *historical challenge, typology of challenges, source base, Russian civilization*

Арсентьев Николай Михайлович

чл.-корр. РАН, директор Историко-социологического института,
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва

(Россия, Саранск)

E-mail: *direktor_isi@bk.ru*

**Московское горное правление
в истории российской индустриализации**

УДК 943:38 “18”

Доклад посвящен истории Московского горного правления, одного из учреждений горнозаводской промышленности России первой половины XIX в. Его деятельность в контексте процессов protoиндустриализации представляет собой уникальный объект исследования. Существование регионального горнозаводского центра способствовало проведению единой промышленной политики, стабильной деятельности управленческих структур в Замосковном горном округе, рациональному использованию внутрипроизводственных резервов и природных ресурсов, а также в целом экономическому и социокультурному развитию Центральной России и Среднего Поволжья, территории, где преимущественно располагались замосковные горные заводы.

Ключевые слова: *Замосковский горный округ, Московское горное правление, protoиндустриализация, реформы*

Индустриализация России в XIX — начале XX в. — феномен в истории модернизации. Этот опыт глобальных преобразований нельзя не учитывать в ее изучении [1–3; 6; 7; 9–11; 20; 21; 23].

Металлургическая промышленность сыграла большую роль в индустриализации страны. Дифференцированная таможенная политика XIX в. позволила России быть в русле технико-технологических изменений в металлургии и поддерживать ее развитие. Заводы были своего рода индустриальными и даже градообразующими центрами, которые втягивали в сферу своего влияния аграрную периферию, интенсифицируя рыночные отношения, меняя образ жизни и трудовую мотивацию населения. Подобный вариант анклавно-конгломератной модернизации стал важнейшим направлением в движении страны от аграрного к индустриальному обществу [15; 18; 19; 22–24].

Замосковский горный округ как производственно-территориальное образование и Московское горное правление как

администрация округа были оформлены юридически только в начале XIX в. В 1865 г. Московское горное правление было реорганизовано. За полвека его деятельности были накоплены огромные фонды документов и материалов, которые до сих пор не введены в научный оборот в полной мере [4; 5; 8; 12; 13; 14; 16; 17].

Деятельность Московского горного правления как института регионально-отраслевого управления представляет собой уникальный объект исследования. Существование регионального горнозаводского центра способствовало проведению единой промышленной политики, стабильной деятельности управленческих структур в Замосковном горном округе, рациональному использованию внутрипроизводственных резервов и природных ресурсов, а также в целом экономическому и социокультурному развитию Центральной России и Среднего Поволжья, территории, где преимущественно располагались замосковные горные заводы.

В середине XIX в. российский металл в основном производился на заводах Урала, замосковных, финляндских, виленско-вольских и царства Польского.

Уральским заводам принадлежало 75 % всего чугуна, добываемого из руды, и 86 % выплавляемого железа. Остальная часть железа и чугуна распределялась примерно следующим образом: 4/12 приходилось на заводы Замосковного горного округа, 1/12 — Финляндии, 7/12 — западных губерний и царства Польского [15].

В среднем с 1801 по 1862 гт. доля Замосковного горного округа в производстве чугуна по стране, составляла 18 %, то есть в этом плане он не мог соперничать с Уралом.

В России, как во многих странах, индустриализация была закономерным процессом развития в условиях острой конкурентной борьбы в мировой политике. Дело в том, что военный потенциал был тесно связан с уровнем технического и технологического прогресса. Кстати, Петр I использовал все возможности, чтобы подвинуть общество к модернизации и противостоять экспансии Запада. В модели промышленности, созданной в его время, впервые обозначилась стратегия российского пути экономического развития с национально ориентированной экономикой, открытой для технико-технологических инноваций и в то же время сохраняющей традиции социально-политической жизни населения.

В первой половине XIX в. самодержавие оказалось не готово к кардинальным реформам и упустило шанс к проведению

инноваций модернизационного характера. Наметившаяся уже в начале XIX в. недооценка углубляющегося стадийного разрыва технологических укладов передовых европейских государств и России привела к вытеснению нашей страны к середине XIX в. на периферию Европы. Она не смогла поддержать вооруженные силы на конкурентоспособном уровне с потенциальными и реальными военными противниками. Сформированная еще в XVIII в. система жесткого государственного регулирования, сохранявшая социально-сословные ограничения, уже не подкреплялась разного рода привилегиями и инвестициями, которые побудили бы предпринимателей внедрять в производство технологические инновации, отвечавшие уровню современного технико-технологического уклада.

Дальнейшая модернизация отрасли была тесно связана с решением вопросов реформирования помещичьего хозяйства, привлечения инвестиций и новых технологий.

Таким образом, в основе модернизационных перемен, определявших переход от аграрного общества к индустриальному, в России, как и во всем мире, лежал процесс становления новой техногенной среды в экономике (изменение материальной базы общества, трансформация его институтов, эволюция социальной и поселенческой структуры, системы ценностей и образа жизни населения и т. д.). Формирование индустриального общества происходило в виде последовательных переворотов в технике и технологиях, появления новых технологических укладов в экономике. Эти процессы были свидетельством прогресса в развитии народов и государств, существовавших в жесткой конкурентной среде мировой истории. Изменения в техногенной среде были главными показателями стадий модернизации и оказали влияние на социальные изменения в обществе. В свою очередь радикальные технологические сдвиги не происходили самопроизвольно, а обеспечивались посредством разных социальных трансформаций.

Библиографический список

1. Алексеев В. В. Российская модернизация в цивилизационном измерении // Цивилизационное своеобразие Российских модернизаций: региональное измерение: материалы Всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 2009. С. 14–24.

2. Алексеева Е. В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII — начало XX в.). М., 2007.

3. Арсентьев В. М. От protoиндустрии к фабрике: модели производственно-отраслевой специализации и механизм функционирования промышленности России в первой половине XIX века (по материалам Среднего Поволжья). Саранск, 2004.

4. Арсентьев Н. М. Замосковский горный округ конца XVIII — первой половины XIX века. Саранск, 1998.

5. Арсентьев Н. М. Московское горное правление в истории российской индустриализации. Саранск, 2019.

6. Арсентьев Н. М. Российская металлургия XIX века в контексте процессов модернизации // Экономическая история. 2009. № 7. С. 53–63.

7. Арсентьев Н. М. Россия накануне Первой мировой войны: итоги социально-экономического развития и социально-политического выбора // Экономическая история. 2015. № 1. С. 20–26.

8. Арсентьев Н. М., Арсентьев В. М., Седов Е. В. Д. Д. Шепелев — герой войны 1812 г.: военная служба и предпринимательство русского аристократа. Саранск, 2017.

9. Бородкин Л. И., Бокарев Ю. П., Сенявский А. С., Фурсенко А. А., Воробьев Ю. Ф., Ананьич Б. В., Шпотов Б. М., Дроздов В. В., Арсентьев Н. М. Проблема модернизации России в XIX–XX вв.: теоретико-методологические подходы, исследовательский опыт // Экономическая история. 2007. № 5. С. 3–23.

10. Арсентьев Н. М., Доленко Д. В. Проблема модернизации в контексте цивилизационного и геополитического выбора // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2010. № 2 (10). С. 4–15.

11. Арсентьев Н. М., Доленко Д. В. Российская модернизация: развитие капитализма и проблема цивилизационного выбора в XVIII — начале XX века // Экономическая история. 2010. № 4. С. 4–19.

12. Арсентьев Н. М., Дубодел А. М. Во славу России...: Трудовая мотивация и образ российского предпринимателя конца XVIII — первой половины XIX века. М., 2002;

13. Арсентьев Н. М., Дубодел А. М. Промышленная Россия первой половины XIX века: Замосковский горный округ в планах и чертежах. М., 2004.

14. Арсентьев Н. М., Дубодел А. М. Отечеству служить обязаны... Трудовая мотивация и образ российского предпринимателя: история и современность. Л., 2000.

15. Гессен Ю. История горнорабочих СССР. М., 1926. Т. 1.

16. Дубодел А. М. Заводовладельцы Замосковского горного округа в конце XVIII — первой половине XIX века: социокультурная и техногенная среда предпринимательской деятельности. Саранск, 2004.

17. Лоранский А. М. Краткий исторический очерк административных учреждений горного ведомства в России: 1700–1900. СПб., 1900.

18. *Металлургическая промышленность России первой половины XIX в.: сб. документов и материалов.* Саранск, 2006.

19. Неклюдов Е. Г. *Горная реформа в России второй половины XIX — начала XX века: от замысла к реализации.* СПб., 2018.

20. Алексеев В. В., Побережников И. В., Зубков К. И., Алексеева Е. В., Корнилов Г. Е., Голикова С. В., Казакова-Апкаримова Е. Ю., Сперанский А. В., Шумкин Г. Н., Нечаева М. Ю., Мельникова Н. В. *Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв.: взаимодействие макро- и микропроцессов.* Екатеринбург, 2011.

21. *Опыт российских модернизаций XVIII–XX века.* М., 2000.

22. Струмилин С. Г. *История черной металлургии в СССР.* М., 1954.

23. Зубков К. И., Корепанов Н. С., Побережников И. В., Тулисов Е. С. *Территориально-экономическое управление в России XVIII — начала XX в.: Уральское горное управление.* М., 2008.

24. Туган-Барановский М. И. *Русская фабрика в прошлом и настоящем.* СПб., 1898. Т. 1.

Nikolay M. Arsenyev

Member of the RAS, N. P. Ogarev Mordovia State University
(Russia, Saransk)

E-mail: *director_isi@bk.ru*

Moscow mining department in the history of Russian Industrialization

The paper is devoted to the history of the Moscow mining department, one of the institutions of Russia's mining industry in the first half of the 19th century. Its activities in the context of the processes of industrialization is a unique object of study. The existence of a regional mining center promoted the implementation of a unified industrial policy, stable activity of management structures in the Zamoskovsky mining district, rational use of internal reserves and natural resources. It also contributed to the overall economic and socio-cultural development of Central Russia and the Middle Volga region, the territory where the main mountain plants were located.

Keywords: Zamoskovsky mining district, Moscow mining department, protoindustrialization, reforms

Артемов Евгений Тимофеевич
д.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН
(Россия, Екатеринбург)
E-mail: ia-history@mail.ru

От Сталина к Хрущеву: предпосылки изменения приоритетов в экономической политике

УДК 94(470)

Доклад посвящен анализу предпосылок реформаторских инициатив послесталинского руководства в экономической сфере. Особое внимание уделяется роли военно-стратегического фактора в изменении приоритетов экономической политики. Отмечается, что предпринятые меры предусматривали придание экономике большей социальной направленности. Однако эта проблема не имела решения в рамках «социалистической системы хозяйствования».

Ключевые слова: экономическая политика, сталинская экономика, военно-стратегические приоритеты, атомный проект, новый экономический курс

Экономические преобразования, последовавшие за смертью И. В. Сталина, оказали огромное влияние на советское общество. Не случайно, в современной историографии им уделяется такое большое внимание. Тем не менее, есть ряд аспектов, нуждающихся в прояснении. В частности, несмотря на солидный историографический задел, отсутствует системное представление о побудительных причинах послесталинских новаций в экономической политике [1–9]. Это затрудняет как понимание замысла хрущевских преобразований, так и оценку их результативности. Сказанное объясняет выбор темы настоящего доклада. Он посвящен анализу предпосылок реформаторских инициатив послесталинского руководства, оформившихся в новый экономический курс.

Разумеется, между экономической политикой позднесталинского времени и так называемым хрущевским периодом наблюдалась высокая степень преемственности. Это объясняется неизменностью системообразующих основ устройства советского общества. Да и персональный состав правящей элиты, несмотря на все перестановки в верхнем эшелоне власти, остался прежним. Отсюда — принципиальное тождество экономической стратегии сталинского и послесталинского руководства. И для тех, и для других форсированное наращивание производственного

потенциала и упрочение геополитических позиций российской государственности были «столбовой дорогой» в «светлое будущее». Практическая реализация такого курса в первые послевоенные годы казалось оправдала все ожидания. Уже к концу четвертой пятилетки удалось заметно превзойти довоенный уровень промышленного производства. Одновременно наблюдались положительные сдвиги в его отраслевой структуре и техническом уровне. Удалось стабилизировать бюджетно-финансовую систему, совершенно расстроенную в годы войны. Ключевую роль здесь сыграла реформа оптовых цен на промышленную продукцию и транспортные тарифы. Ее проведение позволило отказаться от дотирования предприятий тяжелой промышленности. Это мотивировало субъекты хозяйствования реально заниматься сокращением производственных затрат, подвигало их к экономному расходованию материальных и трудовых ресурсов. Другим важным шагом в оздоровлении финансов стала денежная реформа. Она носила конфискационный характер, так что ее издержки легли на плечи населения. Но был и положительный эффект. Достижение равновесия между денежной и товарной массой повысило материальную заинтересованность работников и стимулировало рост производительности труда.

Вместе с тем, очевидные успехи сопровождались нарастанием диспропорций в экономическом развитии. В их основе лежали свойственные советской модели производства слабые места: трудности в оценке затрат и выгод в экономических расчетах, «мягкие» бюджетные ограничения при административном распределении ресурсов, отсутствие внутренних стимулов к повышению качества продукции, к внедрению технических и управленческих новаций. И их негативное воздействие росло по мере увеличения масштабов и усложнения структуры производства. Но воспринимались они как «трудности роста», с которыми можно и нужно бороться путем организационно-административных «усовершенствований». Однако подобные меры имели лишь частичный успех. В частности никак не удавалось ограничить проявление негативных моментов в деятельности хозяйственных ведомств. В сталинской экономике они играли ведущую роль в организации производства. Пользуясь этим, промышленные министерства стремились снизить напряженность своих планов, а с другой — «выбить» дополнительные ресурсы. Чем больше их

удавалось получить, тем прочнее были позиции руководства конкретного ведомства во властной иерархии. В результате появлялись экономически необоснованные производственные программы и инфраструктурные проекты, росли объемы незавершенного строительства и т. д. Это подрывало сбалансированность бюджетно-финансовой системы, оборачивалось «сбоями» в материально-техническом снабжении, отодвигало в неопределенное будущее решение многих, действительно важных экономических и социальных задач.

Особенно широкими возможностями для отстаивания своих частных интересов располагали военно-промышленные ведомства. В условиях ожесточенной «холодной войны» развитию оборонной промышленности отдавался безусловный приоритет. Высшие органы государственной власти пытались жестко контролировать обоснованность ее запросов на ресурсы. На практике, однако, это плохо получалось. Ситуацию усугубляла растущая несогласованность военной стратегии с реальными потребностями обороны страны. По авторитетному свидетельству маршала Советского Союза А. А. Гречко, в 1945–1953 гг. основой могущества Советской Армии и Флота считались «обычные виды оружия и боевой техники, которые применялись в войне против Германии» [10, с. 5]. Они должны были гарантировать Советскому Союзу превосходство над «вероятным противником» на евроазиатских театрах военных действий. В соответствии с этой установкой основное внимание уделялось наращиванию возможностей сухопутных войск и тактической авиации. Для повышения их боевых возможностей реализовывались крупные программы производства оружия и боевой техники. Одновременно предпринимались весьма затратные меры по усилению Военно-морского флота, по его преобразованию из прибрежного в океанский. Масштабные поставки и освоение войсками обычных видов вооружения обернулись стремительным ростом военных расходов. За пять лет, начиная с 1947 г. бюджет предшественников Министерства обороны увеличился почти в два раза. Еще более высокими темпами росли затраты на разработку и производство боевой техники, проходившие по сметам военно-промышленных министерств [11, с. 118, 119].

Однако традиционные виды и рода войск уже не могли обеспечить желаемого уровня обороноспособности страны.

Военно-техническая революция принципиально изменила стратегическую ситуацию. Главную угрозу теперь стали представлять ядерные ударные силы США. И только обладание таким же оружием могло гарантировать Советскому Союзу хотя бы паритет в военной мощи со своими «вероятными противниками». Так создание атомных, а затем водородных зарядов превратилось для высшего руководства страны в «задачу номер один». На ее решение были направлены огромные ресурсы. Соответствующие затраты относились на «специальные расходы», объем которых определялся по «фактической потребности» и удовлетворялся «независимо от степени обеспечения... других нужд народного хозяйства».¹ С начала 1950-х гг. аналогичный порядок стал использоваться при разработке и производстве средств доставки ядерных боезарядов, радиоэлектронного вооружения. Одновременно, в полном объеме сохранялись планы наращивания обычных вооружений. Такая политика оборачивалась устойчивым недофинансированием «гражданских» отраслей промышленности социальной инфраструктуры, обескровливанием аграрного сектора, «сжатием» потребительского спроса, и, в конечном счете, консервацией крайне низкого уровня жизни населения. Это угрожало непредсказуемыми для режима последствиями. Не случайно постсталинское руководство сразу же определилось с необходимостью перемен в экономической политике.

Сначала были «заморожены» затратные «великие стройки коммунизма», увеличены капиталовложения в легкую промышленность, повышены закупочные цены и снижены налоги в сельском хозяйстве. Затем увеличили оплату труда ряду категорий работников и развернули массовое жилищное строительство. Необходимые для этого ресурсы рассчитывали получить путем ускорения научно-технического прогресса и «совершенствования» системы управления промышленностью. Особые надежды связывались со снижением оборонной нагрузки на экономику за счет пересмотра базовых принципов военной стратегии и соответствующего сокращения численности армии. Но видимо проблема «и пушки, и масло» не имела решения в рамках «социалистической системы хозяйствования». В последние годы «хрущевского десятилетия» вновь обозначился опережающий рост

¹ Атомный проект. Документы и материалы: в 3 т. М.; Саров, 2000. Т. 2: Атомная бомба. 1945–1954, кн. 2. С. 207, 208.

военных расходов. И это стало одной из главных причин обострения трудностей в экономическом развитии.

Библиографический список

1. Berliner J. S. Soviet industry from Stalin to Gorbachev: Essays on management and innovation. Ithaca; New York, 1988.
2. Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е гг.: темпы экономического роста, структура, организация производства и управления. М., 1996.
3. The Soviet Defence-Industry Complex from Stalin to Khrushchev. New York, 2000.
4. Попов В. П. Экономическая политика советского государства. 1946–1953 гг. Тамбов, 2000.
5. Данилов А. А., Пыжиков А. В. Рождение «сверхдержавы»: СССР в первые послевоенные годы. М., 2001.
6. Пыжиков А. В. Хрущевская «оттепель». М., 2002.
7. Артемов Е. Т. Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации. М., 2006.
8. Ханин Г. И. Экономическая история Россия в новейшее время: в 2 т. Новосибирск, 2008. Т. 1: Экономика СССР в конце 30-х годов — 1987 г.
9. Катасонов В. Ю. Экономика Сталина. М., 2014.
10. Ядерный век и война. Военные обозрения. М., 1964.
11. Маслюков Ю. Д., Глубоков Е. С. Планирование и финансирование военной промышленности СССР // Вооружение России: в 2 т. М., 2010. Т. 1: Советская военная мощь.

Eugeny T. Artemov

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: iaa-history@mail.ru

From Stalin to Khrushchev: the economic policy change background

The paper studies the background of the reforms initiatives proposed by the post-Stalin leadership in the economic sphere. A particular attention is paid to the role of the military-strategic factor in the economic policy priorities change. The author observes that the intended purpose of the implemented measures was a greater emphasis on the social dimension of the economy. However, this problem could not be solved within the “socialist economic system” structure.

Keywords: *economic policy, Stalinist economy, military-strategic priorities, nuclear project, new economic course*

Бородкин Леонид Иосифович

чл.-корр. РАН, Московский государственный университет

им. М. В. Ломоносова (Россия, Москва)

E-mail: borodkin@hist.msu.ru

**Неравенство доходов в России
в XIX — начале XX вв.: сравнительный анализ
историографических оценок**

УДК 94(470):930.2

Доклад содержит историографический анализ работ российских и зарубежных ученых, изучавших эволюцию неравенства доходов в позднеимперской России; проводится сопоставление и обобщение полученных ими оценок. Отсутствие детальных динамических данных о распределении доходов среди различных социальных групп понижает надежность рассматриваемых оценок. В докладе предлагается подход к синтезу рассмотренной историографической информации.

Ключевые слова: *неравенство доходов, позднеимперская Россия, показатели неравенства, историография*

Анализ дискуссий, состоявшихся на заседаниях XVIII Мирового конгресса экономической истории (Бостон, 2018 г.), выявляет приоритетную актуальность проблемы динамики неравенства доходов — как в глобальном измерении, так и в регионально-страновом. Эта проблема уже не первое десятилетие активно обсуждается на страницах ведущих журналов по экономической истории. Однако число исследований, основанных на материалах по неравенству доходов населения дореволюционной России, невелико. Недавняя публикация статьи авторов из Франции и США, посвященная неравенству в доходах и собственности в России в 1905–2016 гг. [1], дает дополнительный импульс к обобщению оценок, полученных в работах российских и зарубежных ученых, изучавших неравенство в позднеимперской России. Отметим, что в работе этих авторов оценка неравенства дается только для одного года (1905 г.) на всем пореформенном периоде.

Основным источником при изучении степени неравенства доходов являются, как правило, данные о величине подоходного налога. Налоговая система дореволюционной России этого налога не включала. Тем не менее в конце 1960-х гг. одну из первых попыток в этом направлении предпринял известный советский

экономист А. Л. Вайнштейн, изучавший источники по народному доходу Российской империи [2]. В своем исследовании неравенства он использовал данные, собранные в начале XX в. Министерством финансов, которое разработало проект положения о введении в ближайшем будущем подоходного налога и подготовило материалы к проекту, которые были опубликованы в 1906 и 1910 гг. Эти материалы обобщали данные обследований, произведенных податными инспекторами и казенными палатами в 1905 и 1909–1910 гг. и позволили получить приблизительные оценки источников дохода и его распределения по ряду доходных групп, а также ожидаемого числа плательщиков и суммы взимаемых с них налогов.

Существенно, что чиновников министерства интересовали только доходы, превышавшие величину необлагаемого минимума (1 000 руб.); тем самым ни доходы крестьянских дворов, ни заработки рабочих в это исчисление включены не были (так же, как и доходы значительной части мелких служащих). Не были учтены и городские недвижимые имущества, и землевладения с доходностью менее 1 000 руб. [3, с. 303]. В итоге в расчеты Министерства финансов вошло «вряд ли более 15 % дохода, созданного в материальной сфере производства» [3, с. 303].

Сравнение данных на этих двух временных срезах показывает, что число лиц с доходами больше 1 000 руб. увеличилось за 4–5 лет очень заметно — с 404,7 тыс. в 1905 г. до 696,7 тыс. к 1910 г. (на 72,1 %), а суммарный их доход вырос с 1 723,8 млн руб. до 2 644,6 млн руб. (на 53,4 %).

Не меньший интерес представляет распределение по доходу внутри этой наиболее состоятельной категории населения («русской буржуазии», как называет ее Вайнштейн [3, с. 304]) перед Первой мировой войной, тем более что эти данные — «единственный массовый статистический материал по дифференциации доходов зажиточных слоев населения» [3, с. 304]. Выделение по величине дохода шести групп в рассматриваемой состоятельной категории демонстрирует значительную дифференциацию доходов. «Крупная буржуазия» (шестая, наиболее богатая группа, с годовым доходом свыше 50 000 руб. у каждого члена группы) насчитывала в 1905 г. всего 0,7 % среди тех, чей годовой доход превышал 1 000 руб., но концентрировала при этом 26,2 % всех доходов в этой состоятельной категории [3, с. 304].

К 1909–1910 гг. все шесть зажиточных групп выросли как по численности, так и по сумме доходов, но при этом рост численности «мелкой буржуазии» был более заметным, что привело к увеличению ее доли по обоим показателям. В то же время доля 6-й, самой богатой группы (с доходом более 50 тыс. руб.) уменьшилась до 0,5 %, хотя численность ее выросла на четверть, а доля доходов, которая приходилась на эту группу, уменьшилась до 20,3 %. Таким образом, рост численности категории 1000 + происходил в большей мере за счет притока в группы с относительно невысоким (для данной категории) доходом. В итоге А. Л. Вайнштейн приходит к выводу о том, что удельный вес «прослойки крупных капиталистов» в течение рассматриваемого периода не увеличивался [3, с. 305], то есть среди почти 700 тыс. наиболее состоятельных людей империи доля лиц с доходом более 50 тыс. руб. (самых богатых) и доля их суммарного дохода несколько уменьшились с 1905 г. по 1909–1910 гг.

Вопросами неравенства в доходах населения Российской империи занимается в течение более двух десятилетий Б. Н. Миронов — в рамках своей фундаментальной работы о социальной истории России имперского периода [4; 5]. Используя данные целого ряда источников по материальному положению различных социальных групп, автор оценивает уровень материального неравенства населения империи на начало XX в. с помощью децильного коэффициента, измеряющего дифференциацию доходов (это отношение дохода 10 % самых богатых к среднему доходу 10 % наиболее бедных) [5, с. 469]. Численность каждой из этих «полярных» групп в дальнейших расчетах была оценена в 8,490 млн чел.

В состав беднейшей десятипроцентной группы начала XX в. Б. Н. Миронов включает маргинальные слои (0,93 % самодеятельного населения), сельскохозяйственных рабочих (3,53 %), поденщиков и чернорабочих (1,45 %), а также часть низкооплачиваемых промышленных рабочих (4,09 %). Средний годовой доход 10 % самодеятельного населения с минимальными доходами автор оценивает приблизительно в 78 руб. Для оценки дохода 10 % наиболее состоятельных людей Б. Н. Миронов обратился к материалам о числе потенциальных налогоплательщиков, собранным созданной в мае 1905 г. Комиссией по вопросу введения подоходного налога при Министерстве финансов (это источник, использовавшийся и А. Л. Вайнштейном). Исходя из этих данных,

Б. Н. Миронов оценил средний доход 10 % самых состоятельных людей страны в 493 руб. (люди с доходами свыше 1 000 руб. составили всего несколько процентов в этой группе) [5, с. 469, 470].

В соответствии с расчетом Б. Н. Миронова децильный коэффициент неравенства в России начала XX в. составлял примерно 6,3 (493/78); с учетом сделанных допущений он мог варьироваться в пределах 4–11 [5, с. 470]. Как и А. Л. Вайнштейн, Б. Н. Миронов отмечает, что неравенство среди наиболее состоятельных людей (имевших доход больше 1 000 руб.) в начале XX в. не имело повышательной тенденции: в этой категории доля двух нижних групп по доходу увеличилась за 4–5 лет на 7,7%, а доля двух высших групп, наоборот, уменьшилась на 7% [5, с. 470].

В целом Б. Н. Миронов приходит к выводу, что в России в течение имперского периода «имущественное неравенство было умеренным и существенно меньшим, чем на Западе», хотя в пореформенное время уровень неравенства несколько увеличился, оставаясь в целом невысоким [5, с. 470]. Этот вывод приводит автора к заключению, что предположение «об огромном неравенстве доходов в поздней имперской России как главном факторе русской революции не подтверждается эмпирически» [5, с. 471].

При этом среди крестьянства и духовенства, по оценкам Миронова, неравенство было гораздо ниже среднего уровня, в то время как в городской среде — заметно выше. Полученные на основе локальных данных количественные оценки степени неравенства в крестьянской среде (Д. Филд) и в среде промышленных рабочих (Л. И. Бородкин; Л. И. Бородкин и Т. Я. Валетов) подтверждают в целом этот вывод [6–8].

В последние годы интерес к вопросу об имущественном неравенстве, неравенстве доходов в пореформенной России проявляют и зарубежные историки-экономисты. Так, в исследовании П. Линдберта и С. Нафцигера [9] немало внимания уделяется данным о расслоении/дифференциации крестьянства, преобладающей категории населения страны; акцент сделан на использовании различных источников, как агрегированных (данные по уездам или губерниям), так и микро-данных, собиравшихся земскими статистиками.

Авторы используют различные характеристики состоятельности дворов (размер пахотной земли, обеспеченность тягловой силой и домашним скотом). Они отмечают проблемы

статистического учета, отраженные в источниках и связанные с ростом числа крестьян-отходников, уменьшением роли дворянства как доминирующего землевладельца, размыванием сословно-классовых границ. Линдерт и Нафцигер обращаются также к источникам, характеризующим эволюцию уровня жизни различных социальных слоев населения позднеимперской России в условиях промышленного роста (в частности, используются и упомянутые выше данные о доходах наиболее состоятельных людей собранные в 1900-х гг. Комиссией по вопросу введения подоходного налога при Министерстве финансов). В итоге авторы, сделав ряд допущений, получили оценку неравенства населения России в начале XX в., степень которой характеризуется как сравнительно невысокая. Так, 1 % наиболее богатых людей обладал 13,5 % всех доходов, у верхних 5 % было 22,7 %, а у 10 % было 31,9 %. Вычисление индекса Джини дало значение 0,362. Для сравнения: в начале XX в. в Швеции 1 % наиболее состоятельных людей обладал 27 % суммарного дохода, а у верхних 5 % было 35,3 %; для Японии эти же цифры дают значения 18,3 % и 32,3 % [9].

Отметим в заключение, что основные выводы в интересной работе ЛиндERTA и Нафцигера получены по данным источников, относящихся к 1904–1905 гг. Предстоит расширить хронологические и пространственные рамки исследования, что позволит соотнести эволюцию неравенства доходов в позднеимперской России с глобальными трендами неравенства [10]. Проведенный историографический анализ способствует корректной постановке задач разрабатываемого проекта.

Библиографический список

1. Novokmet F., Piketty T., Zucman G. From Soviets to oligarchs: inequality and property in Russia, 1905–2016 // *Journal of Economic Inequality*. 2018. № 16. P. 189–223.
2. Вайнштейн А. Л. Народный доход России и СССР (история, методология исчисления, динамика). М., 1969.
3. Вайнштейн А. Л. Избранные труды: в 2 кн. М., 2000. Кн. 2.
4. Миронов Б. Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века. М., 2010.
5. Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. СПб., 2014. Т. 1.
6. Филд Д. Об измерении расслоения крестьян в пореформенной российской деревне // *Математические методы и ЭВМ в историко-типологических исследованиях*. М., 1989. С. 47–73.

7. Бородкин Л. И., Валетов Т. Я. Динамика дифференциации в оплате труда рабочих-текстильщиков и металлистов в России в период дореволюционной индустриализации // Экономическая история: Ежегодник. 1999. М., 1999. С. 111–151.

8. Бородкин Л. И. Неравенство доходов в период индустриальной революции. Универсальна ли гипотеза о кривой Кузнецца? // Россия и мир. Памяти профессора В. И. Бовыкина. М., 2001. С. 331–355.

9. Lindert P., Nafziger S. Russian Inequality on the Eve of Revolution // Journal of Economic History. 2014. Vol. 74, iss. 3. P. 767–798.

10. Миланович Б. Глобальное неравенство. Новый подход для эпохи глобализации. М., 2017.

Leonid I. Borodkin

Member of the RAS, Moscow State University (Russia, Moscow)

E-mail: lbododkin@mail.ru

**Income inequality in Russia
in the 19th — early 20th centuries: comparative
analysis of historiographical assessments**

The paper contains a historiographical analysis of the works of Russian and foreign historians who studied the evolution of income inequality in the late imperial Russia; a comparison of their estimates is made. The lack of detailed dynamic data on the distribution of income among various social groups reduces the reliability of the estimates under consideration. The paper proposes an approach to the synthesis of the reviewed historiographical information.

Keywords: *income inequality, late imperial Russia, inequality measures, historiography*

Джозефсон Пол Роберт

доктор, профессор, Колби-Колледж, Национальный
исследовательский ядерный университет «МИФИ»;

Томский государственный университет
(США, Уотервилль; Россия, Москва, Томск)

E-mail: *prjoseph@colby.edu*

**Крупномасштабные проекты в российской
истории в сравнительной перспективе с 1900 г.
до наших дней: отличается ли путь России от
путей Китая, Бразилии и США?**

УДК 94“1900/...”

В докладе проанализированы политические, технологические и идеологические основания крупномасштабных проектов, финансировавшихся государством, в России XX в., а также их многочисленны сходства с аналогичными проектами, осуществлявшимися в других частях света. В фокусе внимания находятся по преимуществу водоотводные проекты (каналы, дамбы, резервуары), транспортная инфраструктура и энергетические объекты.

Ключевые слова: *крупномасштабные проекты, индустриализация, гидроэлектростанция, экономическая инфраструктура, ДнепроГЭС, Администрация долины Теннесси*

Советский Союз был инноватором в сфере технологического развития. Конечно, это утверждение в большей степени верно для государственных усилий по ускорению темпа развития, чем для индивидуальных технологий и прорывов на передовом краю технической мысли [6]. И все же советские инженеры, планировщики и политические руководители воплотили на практике новый подход к технологическому развитию — крупномасштабный или «героический» проект («большая стройка»). Крупномасштабная технологическая система стала для остального мира примером того, как осуществлять экономический рост с помощью государственной власти и стремительно осваивать природные богатства [10]. Эта система служила военному могуществу империи и одновременно спланировала ее население с помощью коренизации туземных народов и этнических меньшинств.

Разумеется, СССР не был одинок в развитии крупномасштабных проектов. В начале XX в. США и Великобритания также боролись за централизованный контроль и расширение управления

ресурсами и военными инновациями с помощью бюрократического аппарата и правительственного субсидирования промышленности. С самых ранних дней республики в США инженерные войска осуществляли различные водоотводные проекты. А в годы Нового курса президента Ф. Рузвельта администрация долины Теннесси (Tennessee Valley Administration, TVA), Бонневильская энергетическая администрация (Bonneville Power Administration, BPA), Управление общественных работ (Works Progress Administration, WPA) и прочие организации стремились не только дать людям работу, но и усилить снабжение страны электрической энергией, а также обуздать реки с помощью дамб и ирригационных систем. Равным образом и Бразилия осуществляла развитие Амазонии с помощью государственного управления лесным хозяйством, добычи нефти и газа, производством гидроэнергии. Можно — вслед за Т. Хьюзом — с полным правом назвать XX столетие «веком крупномасштабных технологических систем», а СССР следует считать главным примером подобного подхода [9].

Эволюция советских проектов

С первых лет своего существования СССР применял центральное планирование для ускорения темпов экономического роста. В 1920 г. Ленин выдвинул пятнадцатилетний государственный план электрификации России (ГОЭЛРО), который возглавил Г. М. Кржижановский, ставший первым руководителем ГОЭЛРО, а позднее — главой Государственной плановой комиссии, Госплана. Хоть и скромный по сегодняшним стандартам, ГОЭЛРО предполагал возведение ряда центральных электростанций для повышения мощности и производства энергии в 4,5 раза — цель была достигнута к 1931 г. [1, с. 65–189]. Почти сорок лет спустя Кржижановский вспоминал: «ГОЭЛРО явился знаменем хозяйственного возрождения страны, первой попыткой планирования всего народнохозяйственного комплекса на основе его технического перевооружения на уровне передовой техники — техники электричества» [1, с. 5, 6].¹

Оросительные проекты в Центральной Азии, начатые еще в 1920-е гг., а также проекты, подобные Днепрострою, Турксибу, Беломорско-Балтийскому каналу и Магнитогорску, убедили

¹ Более детальный анализ представлен в работе Д. Куперсмита «The Electrification of Russia» (1992).

советских вождей в необходимости развивать массовую программу с несколькими целями: связать промышленность и аграрный сектор (смычка), установить жесткий контроль Кремля над периферией империи, а также вовлечь полуграмотных крестьян и рабочих в громадные проекты, чтобы воспитать в них творческих, грамотных и лояльных граждан. Ранний «героический» проект, Турксиб (Туркестано-Сибирская магистраль), «первенец пятилетки», должен был связать богатые зерном области Сибири с территорией Средней Азии, бедной зерном, но богатой хлопком [11]. Разумеется, многие из более поздних проектов использовали во имя мощи государства труд миллионов узников ГУЛАГа, обреченных на голод и тяжкие условия заключения [10].

Первый пятилетний план, когда центральное правительство взвалило на плечи устрашающую задачу обеспечения быстрого технологического прогресса всей национальной экономики, должен считаться важнейшим инновационным шагом. Несмотря на то, что цели плана вряд ли можно признать достигнутыми (особенно в первые годы), а экономисты сегодня отвергают официальную статистику по причине ее неточности, СССР все же начал стремительную трансформацию из крестьянского общества в индустриальную державу. Д. Фицджеральд убедительно доказывает, что коллективизация дала импульс формированию крупномасштабного фермерства в США — и имеются свидетельства того, что она повлияла также на развитие агробизнеса и производства монокультур [5].

Кроме того, мы можем рассматривать советские «героические» проекты 1930-х гг. как вызов для США, позволивший переосмыслить роль правительства в капиталистической системе. Руководители США прибегли к государственным проектам в годы Великой депрессии. Миллионы людей остались без работы. Стремясь остановить коллапс экономики, убедить граждан в том, что правительство заботится о них, и предоставить контрпример экономическому росту социализма, президент Рузвельт провозгласил Новый курс. В рамках этой политики США запустили собственные «героические» проекты. К ним надо отнести TVA (именовавшуюся «демократией на марше») и ВРА, которая — с ее 13 крупными станциями на реке Колумбия — соперничала с электростанциями на Волге, став частью гонки сверхдержав, выяснявших, кто выстроит самую первую, самую крупную,

самую мощную плотину-гигант. К этому же числу проектов относится Администрация сельской электрификации (Rural Electrification Administration, REA), целью которой была электрификация сельской глубинки и которая — при ретроспективном анализе ее вклада в повышение качества жизни множества американцев — оказалась одним из наиболее успешных проектов.

Можно также наблюдать сходства в искусстве и литературе, помещавших в центр внимания «героические» проекты. В США на протяжении 1930-х и ранних 1940-х гг. был целый поток художественных росписей, поэм и кинофильмов, получавших государственную поддержку через WPA. В СССР ярчайшим примером могут считаться знаменитые станции вновь выстроенного Московского метро с их роскошными платформами из мрамора, прославлявшими достижения рабочих в годы социалистического строительства.²

Гидрофанатизм

Советские усилия по возведению гидроэлектростанций на крупнейших реках и по использованию каналов для развития засушливых регионов в послевоенные годы также являются примерами крупномасштабного подхода к развитию ресурсов и проявлениями соперничества Холодной войны, нашедшими отклик в Бразилии, Китае и других странах. Советские политики и инженеры продвигали аналогичные проекты в Египте (Асуанская ГЭС). Многие из китайских инженеров, которым довелось работать на сооружении гидроэлектростанции «Три ущелья», некоторое время трудились и в научно-исследовательском институте «Гидропроект» в СССР. Крупные проекты продвигались от Волги до Ангары и даже дальше; первоначально двигателем этих проектов выступало главное управление лагерей гидротехнического строительства (ГУЛГТС) НКВД. И сегодня Русгидро старается взять под контроль реки Сибири. Точно так же и американские инженеры TVA продвигали крупные проекты в Бразилии, Израиле и других странах. Бразильские инженеры

² Советский документальный фильм В. Турина «Турксиб» (1931) запечатлел энтузиазм строителей; П. Лоренц, выступивший продюсером американского документального фильма «The Plow that Broke the Plain» («Плуг, что вспахал равнину», 1936), показывал опасности технологии и капитализма, спровоцировавших серию катастрофических пыльных бурь в прериях США и Канады в 1930-х гг., известную как «Пыльный котел».

из «Гидроэлектрической компании Сан-Франсиску» (Companhia Hidro Eletrica do Sao Francisco, CHESF) при помощи специалистов TVA возвели гидроэнергетическую сеть Паулу-Афонсу [2].

В 1948 г. И. Сталин выдвинул свой План преобразования природы [4]. А в 1960-х гг. бразильский генерал Голбери ду Коуго и Сильва предложил стратегию развития Амазонии, сходную одновременно с нацистской идеологией «жизненного пространства» (Lebensraum) и сталинским планом 1948 г. Голбери полагал, что его стратегия способна решить земельные и экономические проблемы Бразилии, а также предотвратить проникновение в пустующие центральные области коммунизма, источником которого могли стать Куба или другие страны [3, р. 335, 336]. Для того, чтобы осуществить военную утопию Голбери и «заполнить пустоту Амазонии», военные заменили Администрацию плана экономического восстановления Амазонии (SPVEA) новым ведомством, Администрацией развития Амазонии (SUDAM), которое было призвано координировать общественные проекты и создавать налоговые льготы для инвесторов. С помощью SUDAM они рассчитывали принести европейскую цивилизацию, высокие технологии и расовое превосходство в глушь Амазонского бассейна [8]. Ряд других программ развития содержал аналогичные социально-политические месседжи.

Не менее интересной является и тема советских крупномасштабных технологических инноваций в ядерной сфере. Здесь следует упомянуть предприятие Атоммаш, ориентированное на массовое производство, атомные суда и плавучие атомные станции, которые по-прежнему развивает Росатом, хотя другие государства критикуют данные технологии как небезопасные.

Закрывающие замечания: цена крупномасштабных технологий

К сожалению, крупномасштабный подход обычно игнорирует социальные и культурные проблемы, которые для планировщиков должны бы стоять на первом плане. Такой подход предполагает грубые, силовые технологии, которым для успеха нужна грубая, силовая политика. К примеру, советские планировщики не были озабочены экологическими вопросами. Они исключали участие общества в проектах. Большинство проектов было завершено — или, по крайней, было объявлено завершёнными — досрочно

(к примеру, Байкало-Амурская магистраль), до того, как была выстроена социальная инфраструктура, оставляя работников до поры без магазинов, школ и больниц, качественного жилья. Надо отметить, что те инженеры, которые старались поместить социальные вопросы в центр планировочного процесса, оказались вынуждены молчать — как П. Пальчинский, фигурант дела Промпартии [7].

По сути, крупномасштабные проекты требуют инициативы и доминирования государственной власти. Они должны считать ресурсное развитие приоритетным по отношению к экологическому. Они должны опираться на допущение о том, что планирование всегда и везде более эффективно, чем «рыночный» подход. В XX в. их эстетика, равно как человеческие и экологические издержки, были следствиями Холодной войны, стремления превзойти Запад, идеологии производства любой ценой. Все это помещало рабочего — того самого рабочего, для которого и строился социализм — на задний план.

Библиографический список

1. Кржижановский Г. М. Избранное. М., 1957.
2. 50 Anos CHESF, 1948-98. Rio de Janeiro, 1998.
3. Bracher K. The German Dictatorship: the Origins, Structure, and Effects of National Socialism. New York; Washington, 1970.
4. Brain S. The Great Stalin Plan for the Transformation of Nature // Environmental History. 2010. Vol. 15, № 4. P. 670–700.
5. Fitzgerald D. Blinded by Technology: American Agriculture in the Soviet Union, 1928–1932 // Agricultural History. 1996. Vol. 70, № 3. P. 459–486.
6. Graham L. The Formation of Soviet Research Institutes: a Combination of Revolutionary Innovation and International Borrowing // Russian and Slavic History. Columbus: Slavica, 1977. P. 49–75.
7. Graham L. The Ghost of the Executed Engineer: Technology and the Fall of the Soviet Union. Cambridge, 1996.
8. Hecht S., Cockburn A. The Fate of the Forest. Developers, Destroyers and Defenders of the Amazon. London; New York, 1989.
9. Hughes T. The evolution of large technological systems // The social construction of technological systems. Cambridge, 1987. P. 51–82.
10. Josephson P. “Projects of the Century” in Soviet History: Large Scale Technologies from Lenin to Gorbachev // Technology and Culture. 1995. Vol. 36, № 3. P. 519–559.
11. Payne M. Stalin’s Railroad: Turksib and the Building of Socialism. Pittsburgh, 2011.

Paul Robert Josephson

Dr. Prof., Colby College, National Research Nuclear University MIFI,
Tomsk State University (USA, Waterville; Russia, Moscow, Tomsk)
E-mail: *prjoseph@colby.edu*

**Large Scale Projects in Russian History
in Comparative Perspective, 1900 – present:
Is Russia's Path Different from China, Brazil,
and the US?**

This paper analyzes the political, engineering and ideological foundations of large scale, state funded projects in 20 century Russia, and their many similarities with such projects across the globe. The focus will be largely upon water works (canals, dams, reservoirs), transport infrastructure, and energy objects.

Keywords: *large scale projects, industrialization, hydro power station, economic infrastructure, DneproGES, Tennessee Valley Administration*

Петров Юрий Александрович

д.и.н., профессор, директор,
Институт российской истории РАН (Россия, Москва)
E-mail: *dir_iri_ran@mail.ru*

**Экономический рост
позднеимперской России и система С. Ю. Витте**

УДК 94(470)

Доклад посвящен оценке роли факторов экономического роста позднеимперской России. Отмечается, что в стадию бурного индустриального развития страна вступила в середине 1880-х гг. Оно реализовалось в рамках «догоняющей» модели и осуществилось исключительно высокими темпами. Это позволило России существенно упрочить позиции в мировом промышленном производстве и сократить свое отставание по уровню экономического развития от передовых индустриальных стран. Столь впечатляющие результаты удалось обеспечить благодаря активности отечественного предпринимательского капитала, иностранным инвестициям и целенаправленной политики государства. Однако его роль не стоит переоценивать. Государство в дореволюционный период являлось не столько инвестором, сколько получателем выгод от экономического роста. А его движущей силой, в первую очередь, являлась частнопредпринимательская система хозяйствования. Однако она оказалась весьма хрупкой, чтобы пережить потрясения Первой мировой войны.

Ключевые слова: позднеимперская Россия, факторы экономического роста, темпы промышленного развития, государственное регулирование, частнопредпринимательская система хозяйствования

Россия, как известно, принадлежала к числу государств «догоняющего» типа экономического развития, вступив на путь современного индустриального роста позже ведущих стран Западной Европы и США. Насколько органичен или, напротив, зависим от внешних факторов был этот рост и в какой мере империи удалось «догнать и перегнать» ушедших вперед западных конкурентов?

Россия, вступившая в фазу индустриального экономического роста с середины 1880-х гг. («take off»), развивалась по принципиально общей с западноевропейскими странами модели. Гигантский скачок в своем индустриальном развитии Россия совершила в 1890-х гг., в период бурного экономического подъема,

когда всего за десятилетие промышленное производство в стране удвоилось.

Промышленные подъемы конца XIX в. и 1909–1913 гг. существенно продвинули страну по пути индустриального развития. Согласно расчетам, выполненным сотрудниками аппарата Лиги Наций в рамках сравнительного изучения процессов индустриализации и развития международной торговли, доля России в мировом промышленном производстве, составлявшая в 1881–1885 гг. 3,4 %, возросла к 1896–1900 гг. до 5,0 %, а к 1913 г. — до 5,3 %.

Между тем доли передовых индустриальных государств, за исключением США, с конца XIX в. стали снижаться. Россия устойчиво опережала их по темпам роста промышленного производства, вследствие чего ее отставание от Великобритании сократилось в 1885–1913 гг. втрое, а от Германии — на четверть. Гораздо менее заметны были сдвиги при расчете продукции индустрии на душу населения, что в немалой степени объяснялось чрезвычайно высоким темпом прироста населения страны. Доля России в мировом промышленном производстве (5,3 % в 1913 г.) далеко не соответствовала доле ее населения среди жителей земного шара (10,2 %). Из отдельных видов промышленной продукции исключение составляли только нефть (17,8 % мировой добычи) и сахар (10,2 %).

В начале XX в. Россия продолжала оставаться страной со значительным преобладанием сельскохозяйственного производства над промышленным. Однако следует признать, что в начале XX в. империя вступила в фазу перехода к индустриальному обществу.

За счет же каких факторов поздней имперская Россия достигла столь впечатляющих результатов индустриального роста? За экономическим чудом всегда стоит конкретный актер, который и обеспечивает поступательный эффект. Применительно к до-революционной России можно говорить о трех таких акторах. Помимо отечественного предпринимательского капитала к ним относятся иностранный капитал и государство.

Государство в России традиционно стремилось играть активную роль в экономической сфере, стремясь прежде всего к повышению военно-экономического потенциала и расширению бюджетных ресурсов. На рубеже XIX–XX вв. государство являлось крупнейшим собственником экономических ресурсов страны. Казне к началу Первой мировой войны принадлежало 35 % сельскохозяйственных земель России, 60 % лесов, около

7 % национального богатства в целом (стоимость железных дорог, госпредприятий, зданий, сооружений и др.). На казенных предприятиях было занято 8 % рабочих, в производстве товаров и услуг доля казенного сектора экономики составляла около 10 %.

По уровню развития госсобственности Россия не являлась исключением и примыкала к европейским странам, озабоченным ускорением экономического роста за счет казенной мобилизации ресурсов. Так, в Пруссии в начале XX в. госпредприятия составляли комплекс базовых отраслей промышленности (электростанции, угольные шахты, металлургические заводы), обеспечивавшие бесперебойную работу казенных железных дорог (их доля превышала 90 % общей протяженности). Таким образом, государство являлось активным игроком на экономическом поле, хотя эффективность госхозяйства была весьма невелика, даже в приоритетных отраслях, непосредственно обслуживающих оборону страны.

Государство стимулировало экономический рост также с помощью системы косвенного воздействия, то есть через экономическую политику. В пореформенный период она носила крайне противоречивый характер. С одной стороны, правительство способствовало железнодорожному строительству, созданию тяжелой индустрии, росту банков, протекционистской защите отечественной промышленности и тем самым — развитию индустриального производства, а с другой — неуклонно и последовательно отстаивало систему государственного контроля и управления экономикой, интересы дворянства, ограничивало свободу предпринимательства, консервировало архаичные порядки в деревне.

Политика эта обрела свое воплощение в деятельности С. Ю. Витте, крупнейшего государственного деятеля дореволюционной России, министра финансов в 1892–1903 гг. Индустриальный рост для министра означал прежде всего сохранение Россией статуса великой державы и расширение сферы имперского влияния. Система Витте предусматривала, что в условиях самодержавного образа правления ускоренное развитие национальной промышленности возможно только за счет интенсивного использования государственного хозяйства и государственного вмешательства в экономику.

Государство действительно играло весьма активную роль в экономической жизни предреволюционной России, но вряд ли можно

говорить о «насаждении» им промышленности по каналам перераспределения налоговых средств, как полагал А. Гершенкрон. Перелива капиталов через бюджет из аграрного в индустриальный сектор не было, бюджетная политика позднеимперской России в этом отношении была по крайней мере нейтральной. Та же картина наблюдалась и в экономически развитых европейских странах, где бюджетное финансирование экономического роста как осознанная политика берет свое начало не ранее кризиса рубежа 1920–1930-х гг. Сходная ситуация имела место и в России, где индустриальный прорыв рубежа XIX–XX вв. отнюдь не был заслугой правительства, во всяком случае — не только правительства.

Катализатором экономики, способным дать импульс индустриальному росту и тем самым избежать радикальных преобразований в аграрном строе, Витте считал иностранные инвестиции. Для их привлечения и была, собственно, проведена денежная реформа 1895–1897 гг., введшая в России золотое денежное обращение. Золотая валюта и привлечение иностранных капиталов в ссудной и инвестиционной форме являлись двумя главными компонентами финансовой политики Витте и его преемников. В начале XX в. инвестиции росли опережающим темпом по сравнению с государственным долгом, в акции и облигации российских акционерных компаний и облигации муниципальных займов к 1913 г. было инвестировано 1571 млн руб. иностранных капиталов или почти втрое больше, чем в 1900 г. Заграничные инвестиции занимали около 18 % от общего объема капиталовложений в бумаги российских акционерных компаний.

Эти цифры говорят о том, что экономического прогресса имперская Россия добилась не в последнюю очередь благодаря иностранному предпринимательству и заграничным инвестициям, которые подтолкнули создание ряда новых отраслей. Впрочем, в этом отношении Российская империя принципиально ничем не отличалась от других стран, позднее других вступивших на путь индустриализации и пользовавшихся поддержкой более развитых соседей (например, Германия или США). Подчеркнем, что значение иностранных инвестиций, о решающем вкладе которых в дело экономической модернизации России любит писать западная историография, безусловно не было определяющим для индустриального роста, отечественный капитал сохранял лидирующие позиции в народнохозяйственной системе страны.

В канун мировой войны страна вышла на траекторию здорового экономического роста, которая могла обеспечить мирную, эволюционную модель экономического развития. Однако война разрушила эту оказавшуюся довольно хрупкой финансово-экономическую систему.

Итак, экономический рост в позднеимперской России поддерживался не только государственными вливаниями, но прежде всего хозяйственной деятельностью частных предпринимателей, российских и иностранных. Государство в дореволюционный период, как все отчетливее констатирует современная историография, являлось не столько инвестором экономики (за исключением железнодорожного хозяйства, где казенные капиталовложения действительно были велики), сколько получателем дохода от экономического роста. Этот вывод служит косвенным, но весьма важным подтверждением победы в позднеимперской России частнопредпринимательской системы хозяйства.

Yuri A. Petrov

Doctor of Historical Sciences,

Institute of Russian History of the RAS (Moscow, Russia)

E-mail: dir_iri_ran@mail.ru

The economic growth of late imperial Russia and S. Yu. Witte system

The paper is an assessment of the role of the economic growth factors of late imperial Russia. It is noted that the country entered the stage of rapid industrial development in the mid-1880s. It was realized within the framework of the “catching-up” model and at exceptionally high rates. This allowed Russia to significantly strengthen its position in the world industrial production and reduce its gap in the level of economic development from the advanced industrial countries. Such impressive results have been achieved due to the activity of Russia’s entrepreneurial capital, foreign investments and the targeted state policy. However, the state’s role should not be overestimated. In the pre-revolutionary period, the state was not so much an investor but a recipient of the benefits of the economic growth. And its driving force, in the first place, was the private business system of management. However, it turned out to be very fragile to survive the shocks of the First World War.

Keywords: late imperial Russia, economic growth factors, industrial development rates, government regulation, private business system

Побережников Игорь Васильевич
д.и.н., директор, Институт истории и археологии УрО РАН
(Россия, Екатеринбург)
E-mail: pober1871@mail.ru

Проблемы и перспективы анализа российских модернизаций

УДК 930.2(2)

В докладе рассматриваются спорные вопросы и перспективы изучения российских модернизаций: масштабы исследования, хронологические рамки, движущие силы. Аргументируется возможность включения советского периода в контекст модернизационных преобразований.

Ключевые слова: *модернизация, Россия, СССР, хронологические рамки, акторы*

Одним из подходов, чувствительных как к макро-, так и к микро-уровневым измерениям, является модернизационный. Тема российских модернизаций активно разрабатывалась на протяжении последних десятилетий в отечественной литературе. В опубликованных трудах уже нашел отражение ряд значимых теоретических, историографических и конкретно-исторических проблем истории российских модернизаций. Тем не менее, сохраняется ряд проблем, требующих дальнейшей углубленной разработки.

Следует учитывать возможность и необходимость изучения процессов модернизации на разных общественных уровнях, не сводимых элементарно друг к другу. Наиболее высокий уровень обобщения — мировой, *уровень мир-системный* (функциональная специализация стран ядра, периферии и полупериферии в рамках капиталистической мир-экономики). Естественно, процессы модернизации имели различные последствия для разных стран — положительные для одних, негативные (деформации, ловушки, тупики развития) для других. Используя понятие *эпохи модерна*, мы должны хорошо понимать, что модернизация изначально носила очаговый характер, лишь со временем втягивая разные общества, до сих пор не завершив процесс тотальной современной гомогенизации. Это означает, что существовали и существуют общества, подвергшиеся в разной степени модернизации. Далее, это означает, что существовали и существуют общества, испытавшие воздействие модернизации по-разному:

включенные в эпоху модерна на разных основаниях. Наконец, это означает, что существовали и до сих пор существуют общества/сегменты обществ, сохранившие домодерные традиционные устои. *Цивилизационный уровень* фокусирует внимание на цивилизационно-культурные особенности модернизационных процессов, обусловленные воздействием фундаментальных базовых (матричных) структур и ценностей, выступающих в качестве устойчивого каркаса, ядра цивилизаций. Следствием подобного воздействия становится определенная заданность институциональной траектории развития, результатом чего становится разновекторность цивилизационных маршрутов развития. *Страновой уровень* также вносит определенный вклад в дифференциацию модернизационных процессов в страновых масштабах, что обусловлено страновыми различиями в общем уровне социально-экономического развития, размерах внутреннего рынка, времени вступления страны в промышленную конкуренцию, в выборе экономической стратегии. Необходимость исследования модернизации на *региональном (субстрановом) уровне* обусловлена значимостью пространственных измерений модернизации, территориальной неоднородностью модернизационных процессов, вариативностью «поведения» территориальных единиц в контексте модернизации (конвергенция и дивергенция; восходящая, нисходящая или циклическая динамика). *Локальный уровень* представляет необъятный простор для исследований: разнообразие ситуаций модернизации (локальные агенты модернизации или ее противники; реакции локальных сообществ на модернизационные процессы, включение в них или их отторжение, переживание, приспособление, избегание и т. д.) разрастается здесь до наивысших пределов.

К числу спорных принадлежит вопрос о хронологических рамках российских модернизаций. Наибольшее распространение получила точка зрения, согласно которой начало российских модернизаций относится к эпохе петровских преобразований. Действительно, в петровский период предпринимаются целенаправленные попытки догнать (скопировать образцы) страны Западной Европы, ушедшие вперед, сразу в нескольких областях: военной, организационно-управленческой, экономической, культурно-образовательной; при этом преобразования даже приобретают относительно планомерный характер, пускай, скорее

в их поздней части. Далее, преобразования явно сопровождалось вестернизацией: копированием именно западноевропейских образцов, — то есть протекали в типичном для стран догоняющей модернизации варианте. Согласно другой точке зрения, старт модернизации следует отнести к XVII и даже к XVI в.

Сторонники «ранней» модернизации обыкновенно указывают на зарождение многих явлений и тенденций, таких, например, как полки иноземного строя, развитие образования и культуры, появление мануфактур-«заводов» (то есть по сути начало протоиндустриализации, пускай анклавное), еще в допетровский период. Ряд исследователей склонен относить начало российских модернизаций к различным вехам XIX в. (при этом период XVI–XVIII вв. трактуется, скорее, как эпоха продолжения прежних традиций; петровские реформы в данном случае не рассматриваются в качестве водораздела в истории России). Это может быть и эпоха Великих реформ, и рубеж XIX–XX вв. Действительно, подобный подход имеет серьезные основания. Именно в XIX в. проявляются со всей очевидностью такие модернизационные субпроцессы как: а) индустриализация (некоторые исследователи относят ее начало к эпохе промышленного переворота, старт которого традиционно датируют 1830-ми гг.; другие связывают с утверждением в экономике России модели современного экономического роста примерно с середины 1880-х гг.); б) переход от широкого использования принудительного труда и сохранения института крепостного права к рыночной экономике и применению вольно-наемного труда после «великих реформ»; в) трансформация традиционного династического государства в национальное государство (что связывается с утверждением теории официальной народности, отменой крепостного права, переходом к унификаторской имперской политике во второй половине XIX в. и осуществлением ряда мер по ассимиляции нерусских народностей); г) интенсификация процессов формирования гражданского общества в пореформенный период и особенно в начале XX в.; д) нарастание черт взаимозависимости и интеграции в области культурных и прочих взаимодействий с Западной Европой с начала XIX в. Подобное разнообразие мнений отражает, вероятно, разновременность усложнения и интенсификации реальных модернизационных процессов.

К числу дискуссионных относится и вопрос о возможности включения в модернизационный контекст советского опыта преобразований в СССР. С одной стороны, очевидно принципиальное своеобразие социалистического развития, его серьезное отличие от западных моделей: авторитарное государство (некоторые исследователи по-прежнему применяют для его характеристики тоталитарную модель); нерыночная плановая экономика; широкое использование мобилизационных методов; отсутствие демократии западного типа. С другой же стороны, принимая концепцию множественности модернов (Ш. Эйзенштадт), можно рассматривать советский вариант развития как один из путей включения в модерн. Германский историк Ш. Мерль довольно убедительно демонстрирует включенность России и в имперский, и в советский периоды в «трансатлантический» проект модернизации, в основе которого лежали идеи и ценности Просвещения: вера в прогресс, представление о том, что на основе разумной организации общества можно создать более совершенный мир; актуальность веры в прогресс для политического устройства государства, нацеленность политических концептов на преобразование социально-экономических структур; представление о том, что прогресс достижим и научно планируем и существует безграничная возможность изменять мир, опираясь на субъективную волю человека. Социолог и историк Й. Арнасон считает невозможным игнорировать модернизационную динамику коммунистической системы, продолжавшей или начинавшей модернизационные процессы, в том числе ускоренной индустриализации [2]. Он доказывает, что механизм структурно-функциональной дифференциации, хотя и в очень преобразованном виде, действовал и в СССР: таким образом, имеются серьезные аргументы для рассмотрения истории России/СССР в XX в. также в русле модернизационной парадигмы.

Одной из важнейших при изучении российских модернизаций является проблема движущих сил, ее агентов и проводников в страновом и региональном измерении. Без ее освоения невозможно понимание фундаментальных особенностей российского пути развития. Более того, данная проблема имеет и существенную общественную значимость. Одной из ключевых предпосылок успешной реализации модернизационного проекта является наличие в современном российском обществе действующих

субъектов, способных выступить акторами модернизации. Но на вопрос об их присутствии и идентификации дается множество ответов, порой полярно противоположных. Между тем, в историографии широко распространено мнение о том, что государство выступало едва ли не единственным актором российских модернизаций, как имперской, так и, тем более, советской. Однако, проведенное коллективом уральских ученых исследование продемонстрировало многообразие движущих сил российской модернизации имперского периода, отнюдь не сводимых только к самодержавному государству [1]. Да и само государство не оказалось инвариантным монолитом, обладавшим неизменными рецептами развития для всего периода истории империи. Доказано, что на самом деле стратегии модернизации менялись, государство действовало через разнообразные структуры разного уровня и разного ведомства, интересы которых (даже в рамках коронной администрации) далеко не всегда находились в гармонии. При этом показано, что вопреки концепциям о критическом своеобразии Российской империи, в частности, связанным с разрывом «большой», городской, и «малой», сельской, традиций (в терминологии американского антрополога Р. Редфилда), с крайним антогонизмом социального порядка (например, «двойная» поляризация, по выражению американского историка Л. Хаймсона) все-таки в реальности преобладало взаимодействие, причем нередко конструктивное, с обоюдной заинтересованностью, между властными структурами, местным самоуправлением, общественностью, социальными стратами.

Проведенное исследование доказывает, что за анонимными структурами и «законами развития» стоят конкретно-исторические действия исторических персонажей, осознанные или неосознанные, массовые или уникальные, что в процессе модернизации всегда шла борьба между разными силами, одни из которых всегда (или временно) поддерживали новации и структурирование новых отношений, а другие постоянно (или, опять-же, в определенные промежутки времени) отстаивали традиционные институты и ценности. Таким образом, модернизационный переход следует рассматривать как реальный исторический процесс, результирующий противоборство различных социальных и политических группировок, столкновение мнений и стратегий, полный драматизма, героических рывков вперед и катастрофических

отступлений. Это одно из перспективных направлений изучения модернизации.

Библиографический список

1. Акторы российской имперской модернизации (XVIII — начало XX в.): региональное измерение. Екатеринбург, 2016.
2. Арнасон Й. Коммунизм и модерн // Социологический журнал. 2011. № 1. С. 10–35.

Igor V. Poberezhnikov

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: *pober1871@mail.ru*

Problems and prospects of studying Russian modernizations

The paper deals with some controversial issues and prospects of studying Russian modernizations: the scale of the study, its chronological framework and driving forces. The author argues for the possible inclusion of the Soviet period in the context of modernization reforms.

Keywords: *modernization, Russia, USSR, chronological framework, actors*

МЕТОДОЛОГИЯ, ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Аракчеев Владимир Анатольевич
д.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН
(Россия, Екатеринбург)
E-mail: arakk@rambler.ru

Рост налогов и масштабы социально- экономического кризиса в России конца XVI — начала XVII в.: спорные проблемы

УДК 94(47).045

В докладе обсуждается проблема интенсивности фискального принуждения, темпов роста налогов и масштабов кризиса в России конца XVI — начала XVII в. На основе исследования документов Новгородской приказной избы получены данные, корректирующие представления о размерах налогов на Северо-Западе России, алгоритме их взимания, их соотношении с размером налогов, бытовавших в центральной части страны.

Ключевые слова: *фискальная политика, социально-экономический кризис, приходно-расходные книги*

Проблемы интенсивности фискального принуждения, темпов роста налогов и масштабов кризиса в России второй половины XVI — начала XVII в. оживленно обсуждались в историографии. Одним из ключевых проявлений и факторов усугубления кризиса историки считают фискальную политику государства, а важным признаком масштабов кризиса — голод 1601–1603 гг. Проблема динамики и тяжести налогообложения на рубеже XVI–XVII вв. до настоящего времени продолжает оставаться спорной, прежде всего потому, что решается почти исключительно на новгородском материале, в то время как по другим регионам России имеются фрагментарные и несопоставимые данные.

От начала XVII в. (зима 1601–1602 гг.) сохранился наиболее ранний комплекс документов Новгородской приказной избы, который позволяет детально реконструировать систему сбора налогов на Северо-Западе России. Существенные коррективы

в процесс сбора налогов вносил начавшийся осенью 1601 г. голод. В декабре старосты Обонежской пятины докладывали, что к Рождеству они «государевых денег собрати не успили, потому што изо многих погостех крестьяне от гладу розбежались, и с женами и с детьми за белозерский рубеж и по иным местем» [8, с. 207]. Исчерпывающую информацию о порядке сбора налогов в Деревской пятине зимой 1601–1602 гг. содержит челобитная губного старосты Михея Мельницкого от 10 января 1602 г. [8, с. 216–218], из которой следует, что налоги собирались в три «приема», каждый раз в «запечатанном» виде отправляясь в Новгород «в казну» с губным целовальником. Губной староста докладывал, что помещики Арцыбашевы, оправдываясь бегством всех крестьян, «ямским охотникам на прогоны денег не дали», и М. Мельницкий внес за них 11 алтын «из ыново обиходу для книг» [8, с. 219]. Тем не менее, требуемая сумма налогов была выплачена населением пятины в полном объеме, что свидетельствует о незначительных масштабах голода в этой местности зимой 1601–1602 гг. и восстановлении платежеспособности населения после пика кризиса в 1580-х гг.

Проблема общей суммы налогов, взимаемых с определенных единиц налогообложения (сохи, обжи) в различных регионах России не решена до настоящего времени. Так, С. М. Каштанов привел данные о взимании в вотчинах Иосифо-Волоколамского монастыря в 1581/82 г. 38 руб. 15 алт. данных и полоняничных денег с сохи, в 1589 г. — 22,5 руб. данных и полоняничных денег, а в 1592 г. — 10 руб. ямских денег с сохи [6, с. 235]. По новгородским материалам системный анализ фискальной нагрузки на рубеже XVI–XVII вв. осуществил Г. В. Абрамович. В историографии, как правило, используются выводы исследователя о росте налогов в Северо-западных землях за вторую половину XVI в. в номинальном выражении в 5,7 раза [1, с. 75, 76].

Прогрессирующий рост налогов в 1560 — начале 1600-х гг. не подлежит сомнению, но методы подсчета Г. В. Абрамовича нуждаются в некоторой коррекции. В 1601–1602 гг., по данным Г. В. Абрамовича, с обжи в новгородских пятинах платили 429 московских денег. Эта цифра была получена историком, во-первых, путем анализа отписей губных старост Деревской пятины за 1601–1602 гг. Изучив дело о выплате оброчных денег с поместья В. Оничкова, Г. В. Абрамович увидел, что с пол-обжи

помещичьей земли губные старосты на протяжении 14 лет собирали по 20 алтын ямских и приметных денег, что в пересчете на обжу составило бы 40 алтын, то есть 240 денег [8, с. 167–170]. Во-вторых, историк полагал, что помимо ямских денег и примета в 1601–1602 гг. должны были взиматься многочисленные подати, фигурирующие в платежной книге 1588 г., в том числе деньги ямским охотникам на ямы и на прогоны, однако наш пересчет податей, зафиксированных в книге 1588 г. дал цифру в 379 денег с обжи, что на 10 денег меньше суммы, высчитанной Абрамовичем. Если учесть, что в 1601–1602 гг. сумма ямских денег с обжи составляла на 40 денег больше, чем в 1588 г., общая сумма податей в начале XVII в. должна была составлять 419 денег с обжи.

В расчете на соху в новгородских пятинах в 1601–1602 гг. должны были собирать 62 руб. 14 алт. 1 деньгу. Сопоставлять эти расчетные цифры с сохранившимися данными о налогах в Замосковном крае чрезвычайно сложно по двум причинам. Во-первых, размеры основной окладной единицы — сохи — на Северо-Западе и в Замосковном крае не совпадали, составляя соответственно 300 и 1 000 четвертей «средней» земли. Во-вторых, сопоставимые данные по Замосковному краю начала XVII в. неизвестны. Единственная цифра, могущая служить некоторым ориентиром — рассчитанная С. Б. Веселовским сумма налогов, собираемых на посаде Можайска в 1596–1598 гг., где с сохи собирали 58 руб. 17 алт. [2, с. 152]. Приведенные подсчеты при всей их условности, вызванной фрагментарным характером данных, относящихся к наиболее разоренным регионам в стране, выглядят весьма вероятными, характеризуя два синхронно протекавших процесса — чрезвычайное возрастание фискальной нагрузки и падение стоимости денег, зафиксированное исследованиями движения цен. Экономическая ситуация в стране в целом была тяжелой и в начале XVII в. была усугублена голодом.

«Великий голод» был вызван климатическими изменениями в Европе, выразившимися в глобальном похолодании начала XVII в. и холодном и дождливом лете 1601 г., и последствиями кризиса, который подорвал устойчивость крестьянского хозяйства. Весной 1602 г. цены на хлеб достигли максимальных значений и выросли в центре страны в 25 раз. Массовая гибель населения от голода и болезней, когда только в Москве было погребено 120–127 тыс. чел., оставили у современников впечатление катастрофы.

Однако, известный указ Годунова в Соль Вычегодскую от 3 ноября 1601 г. содержит сведения о значительной концентрации хлеба в руках церкви и «прожиточных» светских людей [5, с. 67]. Введенные в научный оборот данные о территориальном распространении голода 1601–1603 гг. позволяют существенно откорректировать представления о его масштабах. Уже Н. А. Горская привела данные о хлебных запасах крупнейших русских монастырей: Иосифо-Волоколамского, Кирилло-Белозерского, Спасо-Прилуцкого. Она, однако, считала, что голод 1601–1603 гг. подорвал хозяйственную устойчивость монастырей, заставляя их даже закупать хлеб для посевов и потребления.

Ее выводы были существенно откорректированы З. В. Дмитриевой, которая показала, что летом голодного 1601 г. в вотчинах Кирилло-Белозерского монастыря планировали собрать не менее 15 тыс. четвертей ржи. Голода, сопоставимого с распространенным в центральных уездах, на Белоозере не было. Монастырь продавал хлеб в августе 1602 и весной 1603 г., причем его цена (120 денег) всего на 20 % превышала «указную» цену 1601 г., которую правительство Годунова установило для пресечения спекуляции хлебом. В эти же годы из монастырских житниц хлеб выдавался монастырским крестьянам «взаем и в денги» [3, с. 124–136; 4, с. 9–15]. Как следует из введенного в научный оборот В. И. Корецким дела о вывозе крестьянина, к декабрю 1602 г. последствия голода были преодолены и в Суздальском уезде. В хозяйстве крестьянина Потапа Денисова в начале зимы имелось 72 четверти зерна разных видов, что позволяет говорить о хорошем урожае 1602 г. и завершении голодных лет в этом регионе [7, с. 180, 181].

Вышеприведенные факты свидетельствуют о неоднозначной хозяйственно-экономической ситуации, сложившейся в России в начале XVII в. Вопреки широко распространенным представлениям нет неопровержимых фактов резкого ухудшения ситуации накануне начала гражданской войны, что побуждает вести поиски обстоятельств ее возникновения и причин в социально-политической сфере.

Библиографический список

1. Абрамович Г. В. Государственные повинности владельческих крестьян Северо-Западной Руси XVI — первой четверти XVII века // История СССР. 1972. № 3. С. 65–84.
2. Веселовский С. Б. Сошное письмо. М., 1915. Т. 1.

3. Горская Н. А. Товарность зернового земледелия в хозяйствах монастырских вотчин центра Русского государства начала XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962 год. Минск, 1964. С. 124–136.

4. Дмитриева З. В. Хлебный бюджет Кирилло-Белозерского монастыря в начале XVII в. // Труды Санкт-Петербургского института истории РАН. СПб., 2015. Вып. 1 (17). С. 9–157.

5. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в. Тексты. М., 1986.

6. Каштанов С. М. Финансы средневековой Руси. М., 1988.

7. Корецкий В. И. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975.

8. Русская историческая библиотека. Л., 1928. Т. 38.

Vladimir A. Arakcheev

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: arakk@rambler.ru

The growth of taxes and the scale of the socio-economic crisis in Russia at the end of the 16th — early 17th century: controversial issues

The paper discusses the problem of the intensity of fiscal coercion, the rate of tax growth and the scale of the crisis in Russia at the end of the 16th — early 17th century. On the basis of studying documents of the Novgorod zakaznaya izba, data were obtained that corrected ideas about the size of taxes in the North-West of Russia, the algorithm of their collection, their correlation with the size of taxes prevailing in the central part of the country.

Keywords: *fiscal policy, socio-economic crisis, receipt and expenditure books*

Берсенёв Владимир Леонидович

д.и.н., профессор, Институт экономики УрО РАН
(Россия, Екатеринбург)
E-mail: colbers@bk.ru

Горст Алексей Петрович

Учебно-методический центр по ГО и ЧС Свердловской области
(Россия, Нижний Тагил)
E-mail: alexhorst71@gmail.com

**Неопубликованные статистические отчеты:
от описания динамических рядов
к клиометрическому анализу**

УДК 930.2

В сочетании с методами экономико-математического моделирования экономическая история предстает как клиометрика — особое направление анализа, посредством которого можно получать контрфактические модели «несостоявшегося прошлого». Оптимальным источником информации при этом выступают неопубликованные статистические материалы, поскольку в них отражается реальное состояние региональной экономической системы и ее элементов в ретроспективе.

Ключевые слова: *годовой отчет колхоза, годовой отчет совхоза, клиометрика, экономико-математическое моделирование, «естественный эксперимент»*

Первые, пусть и достаточно простые, эксперименты по квантификации исторического знания стали реальностью с распространением ЭВМ на рубеже 1950–1960-х гг. Тогда же в среде преимущественно американских ученых и получил распространение термин «клиометрика» или «новая экономическая история». Один из историографов данного направления исторического анализа, С. Уильямсон, отмечал, что эволюция термина с годами привела к следующему приемлемому определению: «Клиометрика — это применение экономической теории и количественных методов для описания и объяснения исторических процессов и явлений в сфере экономического развития» [3, с. 76].

Примечательно, что именно в рамках клиометрики было поставлено под сомнение обывательское утверждение, что история не знает сослагательного наклонения.¹ На уровне «Что было

¹ Если следовать первоисточнику, то выражение К. Хампе «Die Geschichte kennt kein Wenn!» переводится как «История не знает никакого “если”».

бы, если бы...» не подлежит сомнению только событийный ряд, а трактовка источников, анализ статистики, обоснование и верификация гипотез могут предполагать какие угодно допущения. Возможности такого подхода продемонстрировали А. Конрад и Дж. Мейер, доказавшие в считающейся первой публикацией по клиометрике статье «Экономика рабства на довоенном Юге» [4] тезис о том, что рабовладельческое хозяйство сохраняло свою рентабельность даже в условиях промышленной революции, и оно могло бы развиваться и дальше, если бы не Гражданская война в США (1861–1865).

Р. Фогель пошел дальше и в начале 1960-х гг. попытался проверить на языке чисел привычные оценки железнодорожного бума, согласно которым именно строительство железных дорог являлось одним из факторов быстрого подъема американской промышленности и освоения новых земель на Среднем Западе и Тихоокеанском побережье. Он построил контрафактическую модель — как бы развивались Соединенные Штаты Америки без железных дорог, оставаясь с дилижансами и пароходами. Результаты математических расчетов получились весьма парадоксальными: вклад железнодорожного строительства в экономику США оказался крайне невелик [5]. И хотя это исследование вызвало многочисленные споры, в 1993 г. Р. Фогель (наряду с Д. Нортон) был удостоен премии им. А. Нобеля по экономике «за работы в области новой экономической истории».

В СССР в начале 1960-х гг. первые опыты применения ЭВМ и математико-статистических методов в конкретно-исторических исследованиях были связаны с обработкой локальных историко-статистических данных. Только в 1971 г. в Институте истории СССР АН СССР была открыта лаборатория по применению математических методов и ЭВМ в исторических исследованиях, а при Отделении истории АН СССР появилась Комиссия по применению математических методов и ЭВМ в исторических исследованиях. Однако со второй половины 1980-х гг. магистральные линии эволюции этого направления сосредоточились на методологических аспектах применения компьютерных технологий, и квантификационные исследования в рамках социально-экономической истории не получили дальнейшего институционального оформления.

Ренессанс отечественной клиометрики на рубеже XX–XXI вв. связан, несомненно, с плодотворной деятельностью члена-

корреспондента РАН (2016), д.и.н., профессора Л. И. Бородкина и творческих коллективов возглавляемых им кафедры исторической информатики и Центра экономической истории исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Однако исследования клиометрического характера в этот период проводились не только в Москве. Сотрудникам Института экономики УрО РАН в 2006 г. удалось смоделировать достаточно достоверный вариант развития сельского хозяйства Среднего Урала в 1995–1998 гг. при условии, что увлеченное либеральными экспериментами высшее руководство страны приняло бы решение о всеобщей фермеризации сельского хозяйства [1]. При этом был сделан вывод, что при расчете альтернативных моделей следует соблюдать три основные требования:

1) «точка бифуркации», то есть момент времени, с которого начинается расчет альтернативного варианта развития, должна быть конкретно определенной и связанной с реальными событиями, допускающими различные тенденции в последующей эволюции системы;

2) допущения, лежащие в основе ретроальтернативных прогнозов, не должны быть фантастическими;

3) привлекаемая для расчетов статистика должна быть достоверной или, по крайней мере, восприниматься как таковая.

В связи с этим актуализируется вопрос об использовании первичных учетно-статистических материалов. С одной стороны, содержащиеся в таких документах данные еще не прошли проверку и соответствующую обработку, но с другой — именно в них содержится большой массив дополнительной информации, которая неизбежно утрачивается при подготовке сводных таблиц и т. п.

Примером таких источников могут служить годовые отчеты колхозов и совхозов Урала, хранящиеся в Институте экономики УрО РАН. Всего исследователям доступны отчеты по пяти уральским областям и Удмуртской АССР за 1964–1988 гг. Каждый отчет содержит 20 обязательных форм со своим набором таблиц (от одной до восьми) и несколько приложений, то есть весьма существенный объем статистической и текстовой информации.

Соответственно, такого рода сборники первичных данных выступают в качестве информационной базы для проведения «естественных экспериментов» исторического характера [2]. К примеру, при построении контрафактической модели производственной

и иной деятельности колхозов и совхозов любой из уральских областей и/или региона в целом в первоначальную статистическую таблицу включаются все необходимые сведения из отчетов.

№ п/п	Объект отчета	Дата														
		1964	1965	1966	1967	1968	1969	1970	1971	1972	1973	1974	1975			
	Курганская область	..														..
1	Кол-во хозяйств															
2	Основные средства															
3	...															
...																

Далее, в проверочной таблице подсчитываются значения коэффициентов корреляции между показателями.

Диапазон дат		Начальная		1964	Конечная		1965
1	2	3	4	5	6	7	...
1							
2							
3							
...							

После проверки в таблице гипотез остаются только те строки из отчета, закономерности в которых могут быть выявлены. В таблицу гипотез вносятся измененные данные для гипотезы N о воздействии тех или иных факторов на производственные показатели.

№ п/п	Объект отчета	Дата														
		1964	1965	1966	1967	1968	1969	1970	1971	1972	1973	1974	1975			
	Курганская область	..														..
2	Основные средства															
3	...															
...																

Таблица данных по гипотезе N будет демонстрировать ретроальтернативный прогноз по тому варианту событий, который интересует исследователя.

Поскольку неопубликованные статистические материалы, как правило, заранее не подвергаются предварительной обработке, в них отражается реальное состояние региональной экономической системы и ее элементов в ретроспективе. Данное обстоятельство сводит к минимуму субъективность аналитических оценок и повышает достоверность результатов — как положительных (выявление зависимости), так и отрицательных (отсутствие закономерности).

Библиографический список

1. Берсенёв В. Л., Горст А. П. Опыт ретроальтернативного прогнозирования развития социально-экономических систем (на примере сельского хозяйства Свердловской области в 1990-е годы) // Экономика региона. 2007. № 2. С. 33–43.
2. Даймонд Дж., Робинсон Дж. Естественные эксперименты в истории. М., 2018.
3. Уильямсон С. История клиометрики в США // Экономическая история. Обзорение. М., 1996. Вып. 1. С. 75–107.
4. Conrad A. H., Meyer J. R. The Economics of Slavery in the Ante Bellum South // *Journal of Political Economy*. 1958. № 66. P. 94–130.
5. Fogel R. W. A Quantitative Approach to the Study of Railroads in American Economic Growth: A Report of Some Preliminary Findings // *Journal of Economic History*. 1962. № 22. P. 163–197.

Vladimir L. Bersenev

Doctor of Historical Sciences, Institute of Economics,
Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: colbers@bk.ru

Alexey P. Horst

Training Center for Civil Defense and Emergency Situations of the
Sverdlovsk Region (Russia, Nizhniy Tagil)
E-mail: alexhorst71@gmail.com

Unpublished statistic reports: from time series description to cliometric analysis

Economic history combined with economic and mathematical simulation methods portrays itself as “cliometrics”: a special trend of analysis that allows receiving contrary-to-fact models of so-called “frustrated past”. Unpublished statistic materials are the optimal information source for such investigations because they reflect real condition of regional economic system and its elements in retrospect.

Keywords: *annual report of collective farm, annual report of state farm, cliometrics, economic and mathematical simulation*

Гаврилов Дмитрий Васильевич
д.и.н., профессор, Институт истории и археологии УрО РАН
(Россия, Екатеринбург)

**Место государственного планирования
в экономическом развитии России
XX — начала XXI вв.**

УДК 94(470)

В докладе показана роль государственного планирования в развитии экономики России, его влияние на социально-экономическое и политическое развитие страны.

Ключевые слова: *государственное планирование, Октябрьская революция 1917 г., план ГОЭРЛО, пятилетние планы, развал СССР, либерально-демократическая экономика*

Необходимость прогнозирования и планирования в экономическом развитии страны осознавалась российскими экономистами и политиками еще в начале XX в. Жестокий экономический кризис 1900–1903 гг. и промышленная депрессия 1904–1909 гг. вызвали поиск выходов из кризиса, путей прогрессивного роста. М. И. Туган-Барановский и И. Х. Озеров выход из кризиса видели в привлечении иностранных капиталов, без использования которых, по их мнению, было «нечего и думать» о развитии российской промышленности [8; 10].

Начало научному планированию было положено после Октябрьской революции 1917 г. и установления Советской власти. Советское правительство с первых шагов поставило задачу всемерно развивать производительные силы страны, осуществить переход к крупному машинному производству, опираясь на собственные силы и ресурсы [6].

В декабре 1920 г. съезд Советов одобрил план восстановления и развития народного хозяйства страны, подготовленный Государственной комиссией по электрификации России (ГОЭЛРО). Это был первый в мире государственный план, определивший научно обоснованные пути развития народного хозяйства страны, притом на базе самого передового в то время вида энергии — электричества. План был рассчитан на 10–15 лет и успешно выполнен с большим превышением.¹ План ГОЭРЛО

¹ План электрификации РСФСР: Доклад VIII съезду Советов Государственной комиссии по электрификации России. М., 1955.

положил начало советской государственной системе планирования, predetermined стратегию, методологию и проблематику будущих пятилетних планов.

Первый пятилетний план (1928–1932) предусматривал ускоренное развитие производительных сил страны, в первую очередь тяжелой индустрии — металлургии, машиностроения, энергетики, химии, создание новой угольно-металлургической базы на Востоке страны, крупных предприятий легкой и пищевой промышленности, коллективного земледелия, определялись конкретные цели и задачи в экономике и социальной жизни, финансовые, материальные и кадровые ресурсы. Строившиеся предприятия оснащались самой передовой по тому времени импортной или отечественной техникой.²

Первый пятилетний план был выполнен досрочно, за 4 года и 3 месяца. Удельный вес промышленности в валовой продукции страны в 1932 г. составил 70,7 %. СССР превратился из аграрно-индустриальной в индустриальную страну.

Начало первой пятилетки совпало с глубоким экономическим кризисом, охватившим в 1929–1933 гг. США и страны Западной Европы. Кризис сопровождался громадным спадом производства, массовым закрытием предприятий, многомиллионной безработицей, резким обнищанием масс. Крупные советские закупки современного оборудования в те годы помогали западным странам поддерживать производство, снижали у них уровень безработицы, ослабляли социальное напряжение.

В США было куплено основное оборудование Магнитогорского и Кузнецкого металлургических комбинатов, Московского и Горьковского автомобильных заводов, Сталинградского, Харьковского и Челябинского тракторных заводов и т. д. В 1931 г. в Англии была закуплена половина всех произведенных ею металлорежущих станков. К началу Великой Отечественной войны СССР имел один из самых мощных и самых молодых в мире станочных парков [4; 7].³

«Великая депрессия» 1929–1933 гг. значительно подорвала авторитет США и, наоборот, подняла престиж СССР, который

---

² Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. М., 1929. Т. 1–3.

³ Техническая реконструкция народного хозяйства СССР в первой пятилетке. М.; Л., 1934.

в те годы успешно выполнял свой пятилетний план, развивался высокими темпами, полностью ликвидировал безработицу, что вызвало острые дискуссии в западной прессе и среди историков и экономистов. Планирование хозяйства было воспринято на Западе как вызов системе «свободного предпринимательства», как «советский вызов Америке» [1; 3].

Э. Х. Карр писал, что советское планирование привело к созданию «экономики нового образца», превратило ее в «контролируемую центром систему», было «новой и неизвестной концепцией». «Экономическое влияние Советского Союза на остальной мир, — считал Карр, — можно суммировать одним словом — “планирование”» [2]. Президент США Г. Гувер назвал идею советского планирования «заразой, проистекшей из лозунга пятилетнего плана» [5].

В предвоенные пятилетки, в 1929–1941 гг., вступило в строй около 9 тыс. крупных предприятий, построены гиганты черной и цветной металлургии, машиностроения, энергетики, химии, созданы заново станкостроение, автомобильная, тракторная и авиационная промышленность, начался массовый выпуск самолетов, автомобилей, тракторов, комбайнов, вооружений и военной техники. В конце 1930-х гг. по объему промышленной продукции СССР вышел на второе место в мире после США, обогнав Великобританию, Германию, Францию.

Созданный за годы предвоенных пятилеток военно-промышленный потенциал дал возможность СССР не только выдержать огромной силы удар немецко-фашистских агрессоров, имевших в своем распоряжении промышленный потенциал почти всей оккупированной ими Западной Европы, но и сыграл решающую роль в разгроме гитлеровской Германии и милитаристской Японии.

После окончания Великой Отечественной войны за пять лет СССР восстановил разрушенное войной хозяйство и быстрыми темпами стал развивать все отрасли народного хозяйства. В 1949 г. была создана первая советская атомная бомба, в 1957 г. в космос запущен первый в мире искусственный спутник, в 1961 г. осуществлен первый в мире выход человека в космос, достигнут паритет с Западом в ракетно-ядерных вооружениях, освоены миллионы га целинных земель, возводились города в тайге, строился БАМ, создан мощный нефтегазовый комплекс в Западной Сибири. За 1950–1980-е гг. мощь советской экономики удвоилась.

Государственные пятилетние планы позволяли развивать все отрасли производства, сферы обслуживания, науку и культуру, использовать финансовые, материальные и трудовые ресурсы на выполнение государственных целевых программ.

После смены в стране в 1991–1993 гг. общественно-политического строя и перехода к рыночным отношениям плановая экономика была признана неэффективной, подверглась осуждению и порицанию. Осуществлен отказ от плановой экономики, сняты ограничения внешней торговли, разрешен вывоз капиталов, восхвалялись стихийный рынок и частная собственность на орудия и средства производства, рыночные отношения, приватизация, утверждалось, что «рынок все поставит на свое место», «эффективные собственники» обеспечат бурный рост экономики и всеобщее процветание и благоденствие. Однако благостные упования на всеислие «свободного рынка» и «эффективных собственников» не оправдались.

Либеральные историки при «перестройке» и переходе на рыночные отношения критиковали (и до сих пор усердно критикуют) советскую хозяйственную деятельность за «отсутствие самостоятельности», за то, что в советское время «радикальные новаторские предложения» о переходе к рыночным отношениям «отвергались», были «гласом вопиющего в пустыне», «наталкивались на имперские амбиции Сталина» (!), привели «к кризису всей системы» [12]. Руководствуясь теорией тоталитаризма, они утверждают, что в стране «по мере развития индустриального общества, террор превращался в перманентную практику сталинизма», «закупорил саму возможность существования конкурентоспособного в военно-экономическом отношении СССР» [11].

Президент В. В. Путин потребовал от всех ветвей власти в течение ближайших шести лет обеспечить рост экономики, войти в пятерку крупных экономик мира, осуществить «технологический прорыв», выдвинул 12 «прорывных национальных программ». Финансовым источником их выполнения должны послужить также пенсионная реформа, рост НДС, тарифов ЖКХ, штрафов, пошлин, увеличение цен и т. п.

Для осуществления «прорыва» требуется, чтобы темпы роста составляли не менее 4–5 %. Экономика РФ уже 10 лет растет в среднем на 1 % в год. А. Кудрин, глава Счетной палаты, руководитель Центра стратегических разработок, один из топ-менеджеров

экономической ветви исполнительной власти, публично высказал сомнение в исполнимости выдвинутых нацпроектов и «технологического прорыва».

Россия получила в наследство от СССР производство, основывавшееся на 3-м и 4-м технологических укладах. Сейчас в экономике РФ господствуют 4-й и 3-й уклады: на технологиях 4-го уклада базируется 50 % производств, 3-го уклада — 30 %, 5-го уклада — 10 %. В промышленно развитых странах производства базируются: в США и Японии — 60 % на 5-м укладе, до 5 % — на 6-м. В КНР 30 % производства базируется на 5-м укладе.

Освоить 5-й уклад (микроэлектроника, вычислительная техника, робототехника, информационные технологии) РФ в полной мере не смогла, за исключением авиакосмоса и оборонного комплекса. РФ импортирует большое количество электронных товаров (компьютеров, телефонов, смартфонов, телевизоров), изготовленных за рубежом производствами 5-го уклада.

Для осуществления «технологического прорыва» РФ предстоит создать производство, базирующееся на 5-м и 6-м укладах (6-й уклад: нано-, био-, инфо-, когнитивные технологии) [9].

Несмотря на негативное отношение либерализма ко всякому планированию, оно используется во многих странах. После Великой Отечественной войны, доказавшей успехи и устойчивость советской экономики, планирование в разных формах и различных масштабах стало использоваться во Франции, Нидерландах, Норвегии, Японии, в 1950–1960-х гг. — в Швеции, Финляндии, Великобритании, Италии, Бельгии, ФРГ, Испании, в 1970-х гг. — в США и Канаде. Использование планово-рыночной модели управления экономикой помогло КНР добиться крупных социально-экономических достижений, стать второй экономикой в мире.

Библиографический список

1. Касьяненко В. И. Как была завоевана технико-экономическая самостоятельность СССР. М., 1964.
2. Лельчук В. С. Индустриализация СССР: история, опыт, проблемы. М., 1984.
3. Ленин В. И. набросок плана научно-технических работ // Полн. собр. соч. Т. 36. С. 228–231.
4. Мишустин Д. Д. Внешняя торговля и индустриализация СССР. М., 1938.

5. Озеров И. Х. Что делать? М., 1913.
6. Орленко Л. Модель экономики // Отечественные записки. 2018. № 21. С. 10–13.
7. Туган-Барановский М. И. К лучшему будущему. СПб., 1912.
8. Фельдман М. А. Октябрь 1917 г. — начало Советской истории (к 100-летию Октябрьской революции 1917 г.). Екатеринбург, 2018.
9. Хозяйственное освоение Урала и Западной Сибири в XX веке: планирование и управление. Екатеринбург, 2018.
10. Eddy Sh. The Challenge of Russia. London, 1931.
11. Carr E. N. The Soviet Impact on the Western World. New York, 1947.
12. Counts G. S. The Soviet Challenge to America. New York, 1931.

Dmitry V. Gavrilov

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

**The role of state planning in the economic
development of Russia
in the 20th – early 21st centuries**

The paper demonstrates the role of state planning in the development of Russian's economy, its influence on the socio-economic and political development of the country.

Keywords: *state planning, October revolution of 1917, GOERLO plan, five-year plans, collapse of the USSR, liberal-democratic economy*

Давыдов Михаил Абрамович

д.и.н., Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики» (Россия, Москва)

E-mail: *mdhist@gmail.com*

О стереотипах традиционной историографии

УДК 338 (091)

В докладе анализируется ряд стереотипов парадигмы кризиса и пауперизации населения Российской империи после 1861 г. и демонстрируется их несостоятельность. Особое внимание уделено проблеме достоверности урожайной статистики ЦСК МВД, тезисам о «голодном экспорте» хлеба, о росте недоимок как показателе падения жизненного уровня крестьянства, а также проблеме семантической инфляции используемой терминологии.

Ключевые слова: *урожайная статистика, недоимки, семантическая инфляция терминов*

Полемика сторонников и противников пессимистического взгляда на развитие Российской империи в XIX — начале XX в. и причины революции 1917 г. в современной историографии давно достигла той стадии, когда научной общественности требуется ясное понимание смысла и значения предъявляемой сторонами аргументации, а также ее истинной весомости.

Будучи сторонником оптимистического подхода к истории России в конце XIX — начале XX в., я хотел бы остановиться на некоторых из значимых, как представляется, изъянов традиционных негативистских оценок этой истории, из которых вытекают все остальные.¹

1. Едва ли не самым ценным источником для «негативистов» всегда была урожайная статистика ЦСК МВД, по определению источник сомнительной достоверности в силу самой методики сбора данных и определения урожайности.

Еще в XIX в. эта статистика стала предметом продолжающейся и в наши дни дискуссии — и не только по причинам академического свойства. Уже с 1870-х гг. данные об урожаях перестали быть нейтральной, то есть справочной статистической информацией, поскольку аграрное развитие России из проблемы хозяйственно-экономической превратилось в проблему также и политическую.

---

¹ В первую очередь я имею в виду многочисленные работы С. А. Нефедова.

Заведомо заниженная статистика урожаев — а иной она и не могла быть — как будто специально предназначалась для иллюстрации тяжелого положения крестьянства. И, соответственно, начиная с Янсона, она сразу же начала играть важную роль в публицистической борьбе народников с правительством — утверждения о низком уровне урожайности и потребления населения, о «недоедании», удивительным образом не имеющем «пределов», были краеугольным камнем оппозиционных пропагандистских кампаний (в тех же целях ее использовала и советская историография).

Я не буду повторять все свои аргументы, уже представленные научной общественности [2, с. 48–118]. Замечу лишь следующее. Множество источников, характеризующих разные сферы жизни народа после 1861 г., однозначно рисуют повсеместное нежелание людей сообщать представителям власти (или тем, кого они принимают за таковых) любую правдивую информацию о своем материальном положении, если эта информация может быть расценена как свидетельство их (людей) определенного достатка.

Можно уверенно констатировать, что значительная, как минимум, часть населения страны воспринимала разного рода опросы, анкеты, обследования и т. п. в контексте угрозы возможного повышения платежей, и уже в силу этого стремилась так или иначе преуменьшить размеры своего благосостояния, в какой бы форме оно не фиксировалось.

Стремление «прибедняться», «бить на жалость», естественно вытекавшее из нашей крепостнической истории, было свойственно множеству простых людей и в деревне, и в городе. Речь идет не только о волостных писарях, из «податных опасений» уменьшавших «на всякий случай» величину урожаев, но и о переселенцах в Сибирь и стольпинских хуторянах, которые в расчете на правительственное пособие (или его повышение) занижали при опросах свой достаток, о белошвейках, которые при проведении переписи 1897 г. не хотели, чтобы были зафиксированы их дополнительные заработки (не дай Бог, запишут в цех!), о крестьянах, из которых одни боялись вкладывать свои деньги в соседние кредитные кооперативы, а везли их подальше, чтобы никто не знал о том, сколько у них денег, а другие не брали сельхозтехнику на земских прокатных станциях из страха, что за это введут новый налог и т. д.

Однако в случае урожайной статистики эти имманентные тенденции перешли в иное качество. Начиная с голода 1891 г., в невиданных прежде масштабах развернулась правительственная продовольственная помощь (170 млн руб. в 1891–1892 гг., около 8 % имперского бюджета за эти годы), которая с 1892–1894 гг. стала сопровождаться списанием многих десятков (в сумме — сотен) миллионов рублей долгов.

Это быстро и радикально изменило ситуацию с продовольственной помощью — у крестьян появился мощный дополнительный стимул уменьшать размеры урожаев. Данный феномен более чем убедительно подтверждается многочисленными архивными документами. Податные инспекторы разных губерний, а также правительственные ревизоры раскрывают детали этого процесса, солидарно констатируя серьезный рост социального иждивенчества населения. Характерно при этом, что «податные опасения» у крестьян отнюдь не исчезли, напротив, в их сознании они весьма органично соединились с этим иждивенчеством.

Все вышесказанное делает попросту несостоятельными манипуляции «негативистов» с урожайной статистикой и опирающиеся на нее рассуждения о крестьянстве, в течение полувека (!) якобы «балансиравшем на грани голода».

При этом, поскольку вектор искажения информации ясен, мы, разумеется, можем использовать статистику ЦСК МВД — за неимением другой, более совершенной. Надо лишь понимать, что в действительности ситуация с урожайностью в России конца XIX — начала XX вв. была лучше, чем показывает ЦСК.

2. Характерно, что в рассуждениях о бесконечных голодовках до 1917 г. игнорируется тот факт, что правительство Российской империи в неурожайные годы никогда не бросало население страны на произвол судьбы, как это было после 1917 г.

Существовавшая государственная система продовольственной помощи в рассматриваемый период не раз доказывала свою эффективность. На поддержку пострадавших от неурожая тратились гигантские суммы — порядка 500 млн руб. за 1891–1908 гг., 88,1 % которых пришлось на 15 черноземных губерний с наиболее сильным общинным режимом (а также Псковскую) [2, с. 7–28]. Напомню, что «Большая флотская программа», которая к 1930 г. должна была дать России современный флот, стоила 430 млн руб.

Правительство фактически принимало на себя ответственность за стихийные бедствия, поскольку регулярно списывало с крестьян подавляющую часть продовольственных долгов.

3. В связи с этим требует четкого осмысления тезис о так называемом голодном экспорте хлеба из России, который не находит подтверждения в статистике урожаев, перевозок и потребления хлеба. Его новейшая интерпретация свидетельствует, в числе прочего, о полном незнакомстве его сторонников с элементарными сведениями по политэкономии.

Имперское правительство, в отличие от СНК СССР, не обладало монополией внешней торговли и не имело рычагов, позволяющих принудительно изымать хлеб из деревни. Русский хлебный экспорт, как всегда и бывает в странах с рыночной экономикой, был частью хлебной торговли, причем статистика недвусмысленно показывает значительный рост внутреннего рынка в течение рассматриваемого периода, что вполне естественно.

Мифологический характер идеи «голодного экспорта» вполне доказывает тот факт, что в 1894–1913 гг. среднегодовой прирост питейного дохода в 1,7 раза превышал среднегодовой прирост стоимости всего хлебного экспорта, а сумма питейного дохода за данный период превысила стоимость последнего на 13,5 % [1, с. 110–117].

4. Оказался несостоятельным один из ключевых постулатов негативистской историографии о росте недоимок после 1861 г. как объективном показателе падения уровня жизни всего крестьянства. Статистика показывает, что свыше 90 % недоимок по окладным сборам стабильно приходилось на те же 16 общинных губерний, которые одновременно были главными получателями государственной продовольственной помощи. Именно наличие уравнильно-передельной общины в первую очередь и определяло указанные негативные явления в российской деревне.

В большинстве случаев недоимки были следствием не столько народной нужды, сколько несовершенства созданной в 1861 г. системы крестьянского самоуправления, частью которой стало податное дело, основанное на круговой поручке. Неплатежи стали своего рода формой самозащиты общинников от несправедливой податной системы и не являются доказательством снижения жизненного уровня подавляющего большинства крестьян, тем более, что весьма видное место среди должников занимали

зажиточные хозяева, в том числе и представители крестьянской администрации [1, с. 151–229].

5. Совершенно очевидно наличие в современном историческом знании очень острой герменевтической проблемы — проблемы «семантической инфляции» используемой терминологии, которая прямо влияет на делаемые историками выводы.

Не вызывает сомнений, что жители Российской империи в конце XIX — начале XX в. в понятия «голод», «нужда», «непосильные платежи», «насилие», «произвол» и т. п., которые для негативистской историографии являются ключевыми при описании дореволюционной России, вкладывали не совсем тот смысл, который вкладываем мы сейчас.

Прежде всего это касается термина «голод». До революции 1917 г., исключая смертный голод 1891–1892 гг., он обозначал любой крупный неурожаем хлебов в нескольких губерниях, при котором начинал действовать «Продовольственный устав» 1864 г., и жители пострадавших районов получали от государства продовольственную помощь.

Голод при советской власти — это смертный голод с людоедством, причем, кроме 1921–1922 г. никакой действенной продовольственной помощи голодающим не оказывалось. Здесь необходимо особо подчеркнуть, что в течение всей истории человечества каннибализм был главным критерием настоящего голода. Однако мы продолжаем называть одним и тем же словом «голод» и неурожай с «Царским пайком», и «Голодомор» 1932–1933 г., и трагедию Блокады, и голод 1946–1947 гг. В итоге это привело к серьезнейшим деформациям наших представлений о прошлом.

Сказанное, понятно, не делает фиктивными нужду и недоедание людей во время неурожая конца XIX — начала XX в. Однако это ставит вопрос о том, что они должны оцениваться в свою истинную меру и с учетом всей суммы наших знаний. Недопустимо, чтобы недороды конца XIX — начала XX в. и блокадный голод Ленинграда именовались одинаково.

Сказанное, безусловно, относится и к другим перечисленным терминам негативного спектра. Если Столыпинская реформа — насилие и произвол, то какие слова в русском языке мы найдем для характеристики коллективизации? Если дореволюционная деревня была разорена, то какой эпитет мы подберем для колхозной деревни с «законом о трех колосках»?

6. При этом между негативным и позитивным массивами данных об уровне жизни и потребления населения России в конце XIX — начале XX в. нет противоречия. Оно исчезает, как только мы перестаем смешивать проблему положения крестьянского хозяйства в передельной общине с проблемой народного благосостояния, которые отчасти налагаются друг на друга, но отнюдь не идентичны.

Положение крестьянского хозяйства определялось доходами, получаемыми со своего надела. Второй же показатель применительно к крестьянству равен сумме этих доходов и внеадельных заработков, прямо учесть которые мы не в состоянии, но о которых можем судить косвенно.

Ведь динамика уровня благосостояния населения отражается в интегрированных показателях, характеризующих социальное и экономическое развитие России, и — взятые в комплексе — все эти данные неоспоримо говорят о позитивной динамике потребления населения Российской империи, что вполне естественно.

Нужно только помнить, что миллионы крестьян в той или иной форме принимали участие в экономической модернизации и индустриализации, что в большой мере отражалось в росте акцизных доходов и народных вкладов в сберегательные кассы и кредитные кооперативы, в увеличении транспортировки потребительских товаров, в двукратном росте потребления сахара и т. д.

Я ни в малейшей степени не склонен идеализировать успехи, достигнутые Россией в ходе модернизации Витте-Столыпина, или закрывать глаза на многочисленные проблемы, стоявшие перед страной. Однако я настаиваю на справедливой оценке как первых, так и вторых, а также на непредвзятом анализе объективных перспектив развития Российской империи в противовес подгонке нашей истории под заранее известный ответ. Не говоря о том, что откровенная приверженность двойным стандартам вряд ли имеет отношение к науке.

Библиографический список

1. Давыдов М. А. 20 лет до Великой войны. Российская модернизация Витте-Столыпина. СПб., 2016.
2. Ермолов А. С. Наши неурожаи и продовольственный вопрос: в 2 т. СПб., 1909. Т. 2.

Michael A. Davydov

Doctor of Historical Sciences, National Research University
“Higher School of Economics” (Russia, Moscow)
E-mail: *mdhist@gmail.com*

On the stereotypes of traditional historiography

The report analyzes a series of stereotypes concerning the paradigm of crisis and pauperization of the population of the Russian Empire after the year 1861 and demonstrates their unsoundness. A particular emphasis is placed on the problem of reliability of harvest statistics of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs, theses of “hungry export of grain” and the increase of arrears as an indicator of the deterioration of the peasantry living standards. The issue of semantic inflation of the used terms is also considered.

Keywords: *harvest statistics, arrears, “hungry export of grain”, semantic inflation of terminology*

Кабакова Наталья Васильевна

к.и.н., Сибирский государственный автомобильно-дорожный
университет (Россия, Омск)
E-mail: *natalya-kabakova@rambler.ru*

Фонд «Омский обком ВКП (б)» Исторического архива Омской области о перестройке городского хозяйства в годы Великой Отечественной войны: содержание и возможности

УДК 94 (930.253:571.13) «1941/1945»

В докладе рассматривается содержание фонда «Омский обком ВКП (б)» на предмет характеристики его материалов, относящихся к периоду 1941–1945 гг., о перестройке городского хозяйства в условиях военного времени. Отмечается разноплановость деятельности руководящих партийных структур. Подчеркивается необходимость привлечения эго-документов для комплексного изучения и углубления понимания эпохи.

Ключевые слова: *городское хозяйство, Великая Отечественная война, Омская область*

В Государственном историческом архиве Омской области (ГИАОО) содержатся документы о деятельности Омского областного комитета Коммунистической партии в советское время, в том числе охвачен период Великой Отечественной войны.

В существовавшей тогда системе партийные структуры занимали ведущие позиции в управлении государством в различных сферах деятельности, среди которых важное место занимало развитие народного хозяйства страны.

Сведения, содержащиеся в фонде, включают постановления, справки, отчеты, докладные и служебные записки, телеграммы, письма, стенограммы заседаний пленумов, бюро и отдельных выступлений и пр. Среди разнообразной тематики материалов фонда Омского обкома военной эпохи выделяется ряд доминирующих направлений. В документах содержатся распоряжения наркоматов соответствующих производственных отраслей, постановления о размещении, строительстве и запуске оборонных предприятий, данные об итогах развития промышленности за определенные периоды времени, выполнении производственных планов и спецзаказов Государственного комитета обороны. На заседаниях заслушивались доклады директоров отдельных предприятий о деятельности, об обеспечении работы предприятий (например, о создании заводских корпусов, отдельных цехов). Рассматривались причины производственных проблем — к примеру, неудачные испытания самолета ТУ, дефекты танка Т-34.¹

На начальном этапе Великой Отечественной войны в Омскую область было эвакуировано более 100 заводов и фабрик из районов страны, подвергшихся угрозе оккупации врагом, в результате чего в регионе начали развиваться новые отрасли промышленности. Необходимость приема эвакуированных усложнила перестройку городского хозяйства. В черед тематики — постановления, распоряжения Совета по эвакуации при СНК СССР, относящиеся к Омской области, телеграммы серии «Г» о размещении эвакуированных предприятий и учреждений, распоряжения обкома о работе лиц, ответственных за проведение эвакуации [2]. На заседаниях обкома обсуждались вопросы об изыскании дополнительных жилых площадей, о выселении граждан и переводе ряда учреждений из Омска в связи с приемом эвакуированных предприятий и организаций. В фонде отложились списки заведений, подлежащих временному закрытию и перебазированию из Омска, справки о приеме, устройстве и обслуживании эвакуированного населения. Но, помимо прибывавших в город

¹ ГИАОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3516. Л. 14–16; Д. 3905. Л. 103–104.

организованно, оставалось немало граждан, приехавших самостоятельно. Обязанностью властей стало их размещение, а также распределение по районам области административно высланных.

В документы, включающие данные о состоянии промышленности, включены сведения о разворачивании социалистического соревнования между отдельными предприятиями, коллективами цехов, создании фронтовых бригад, о вручении передовым коллективам переходящих Красных знамен. Важной темой, обсуждавшейся областным партийным руководством, стало обеспечение оборонных предприятий кадрами, что обусловило мобилизацию сельского населения, привлечение на заводы женщин, подростков через систему ФЗО. В поле зрения структур власти находились материально-бытовые условия рабочих — размещение и обустройство, снабжение продовольствием и промышленными товарами, вопросы питания [3]. Для решения задач подобного рода на предприятиях создавались подсобные хозяйства, налаживалось обеспечение трудящихся одеждой и обувью.

Значимую роль в практике Омского обкома играла партийно-пропагандистская работа. Политико-массовая деятельность среди рабочего класса, активное внимание воспитанию молодежи — вопросы, стоявшие на повестке дня в ходе заседаний парткомов, успешное разрешение которых должно было обеспечить наращивание экономических мощностей для снабжения нужд фронта.

Основополагающую роль в перестройке народного хозяйства Омской области приобрела в военный период топливно-энергетическая отрасль. Работа ТЭЦ, снабжение электричеством, топливом как хозяйственных объектов, так и социально-культурных и бытовых учреждений и населения города — темы, находившиеся в поле постоянного внимания руководителей области. Документы свидетельствуют, что, с одной стороны, в военное время происходил ввод в эксплуатацию новых мощностей, с другой — существовала проблема упорядочения расходования электроэнергии и топлива и их экономии.² Так, например, была создана Чрезвычайная комиссия, ведавшая контролем по заготовке и вывозу дров для Омска.

Перестройки в военный период потребовала транспортная сеть области, призванная обеспечить бесперебойное налаживание

---

² Там же. Д. 3217. Л. 20–25, 45–47, 80–90.

грузоперевозок, снабжение горюче-смазочными материалами, доставку населения (эвакуированных, рабочих, служащих, колхозников и пр.). Данной тематике посвящались соответствующие постановления обкома, разнообразные справки и отчеты о транспорте и его состоянии, налаживании эффективной работы железных дорог, призванных обеспечить потребности как фронта, так и тыла, содержании подвижного состава, обеспечении его кадрами. В зимний период особой заботой становилась организация расчистки путей. Требовалось также контролировать состояние судоходства, обеспечить работу речного транспорта, с помощью которого доставлялись как грузы, так и пассажиры.

Разумеется, в поле организации и контроля областного партийного руководства постоянно присутствовали проблемы жилищно-коммунального хозяйства, торговли и общественного питания, снабжения населения промышленными товарами и продовольствием.

Омская область являлась преимущественно сельскохозяйственным регионом Западной Сибири. В условиях же, когда значительные территории, обеспечивавшие ранее страну продовольствием, оказались захвачены врагом, восточные районы были призваны обеспечить потребности Красной армии и городского населения. В материалах фонда Омского обкома содержатся протоколы совещаний о перестройке сельского хозяйства на военный лад, ежегодные планы, предоставляемые колхозами и совхозами и отчеты об их выполнении, обсуждения хода работ (организация хранения семян и овощей, посевная, уборка урожая и пр.), деятельности МТС, состояния животноводства, проблематики кадров, обеспечения местными продуктами питания горожан и многое другое. Немаловажную роль в жизни колхозов в годы Великой Отечественной войны играла поддержка со стороны города — отправка рабочих и служащих, студентов и школьников на полевые работы, изготовление разнообразной продукции для сельчан на заводах и фабриках и пр. [1].

Очевидно, что фонд Омского обкома ВКП(б) содержит солидный и разнообразный материал, позволяющий восполнить представления о жизнедеятельности тыла в условиях Великой Отечественной войны. Зачастую его документы иллюстрировались статистическим подкреплением, включавшим сведения сравнительного порядка, способные продемонстрировать

перемены, произошедшие за конкретный исторический период. Этот источник раскрывает особенности развития одного из регионов СССР — Омской области, чьи жители (независимо от того, были они горожанами или колхозниками, населяли данную территорию до войны или прибыли сюда после ее начала) внесли собственный вклад в Победу.

Несомненно, подобные архивные сведения носят ярко выраженный идеологический характер, но они позволяют ощутить дыхание времени, представить обстановку, царившую в советском обществе во время Великой Отечественной войны, вычленить вопросы, являвшиеся актуальными для социума. Представляется также, что документы, освещающие деятельность партийных структур, способны стать своеобразным каркасом в исследованиях по истории повседневности, поскольку «официальные документы» такого рода вызывают необходимость скрупулезного поиска характеристик бытования определенной эпохи. К таковым могут относиться воспоминания, письма, мемуары, иные эго-документы, углубляющие или открывающие новые грани бытия простых граждан. Интерпретация многих подобных документов составляет нередко определенную сложность в связи с трудностями в осознании реальной ментальности людей предшествующих поколений. Для преодоления таковых препятствий, на наш взгляд, необходим комплексный подход в изучении мира повседневности с привлечением разноплановых исторических источников, взаимодополняющих друг друга.

Библиографический список

1. Кабакова Н. В. Повседневность западносибирской деревни: изменения жизнедеятельности сельского населения накануне и во время Великой Отечественной войны (по материалам устных источников) // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае в 2016 г.: археология, этнография, устная история: материалы XII междунар. науч.-практ. конф. Омск, 2017. Вып. 12. С. 177–180.

2. Кабакова Н. В. Эвакуация в Омск в памяти ленинградских рабочих завода им. Н. Г. Козицкого // История повседневности. 2018. № 2 (7). С. 48–61.

3. Козлова А. А. Повседневная жизнь эвакуированных рабочих на начальном этапе Великой Отечественной войны (на примере Омска) // Лучшая научно-исследовательская работа-2017: сб. ст. XI междунар. науч.-практ. конкурса. Пенза, 2017. С. 124–128.

Natalia V. Kabakova

Candidate of Historical Sciences,
Siberian State Automobile and Road University (Russia, Omsk)
E-mail: natalya-kabakova@rambler.ru

**The Fund “Omsk Regional Committee of the VKP (b)”
of the Historical Archive of the Omsk Region
about restructuring urban economy during
the Great Patriotic War: content and possibilities**

The paper reviews the content of the fund “Omsk Regional Committee of the CPSU (b)” and describes its materials from the 1941–1945 period on the restructuring of the urban economy under wartime conditions. The diversity of the activity of the governing party structures is noted. The author emphasizes the need to use ego-documents for a comprehensive study and deepening the understanding of the era.

Keywords: *urban economy, Great Patriotic War, Omsk region*

Кащенко Сергей Григорьевич

д.и.н., Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, Санкт-Петербург)
E-mail: kgs2004@yandex.ru

**Реформа 19 февраля 1861 г. на Севере России.
Результаты исследований с применением
компьютерных технологий**

УДК 94(470) «1861-1881»

Доклад посвящен анализу результатов исследований экономических последствий реформы 19 февраля 1861 г. в Олонецкой, Вологодской и северных уездах Новгородской губернии, проведенных на кафедре источниковедения истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета с привлечением математико-статистических методов и современных компьютерных технологий.

Ключевые слова: *реформа 19 февраля 1861 г., северные губернии России, математико-статистические методы и компьютерные технологии*

Экономические и социальные последствия крестьянской реформы 1861 г. на территории северных губерний Европейской России (Олонецкой, Вологодской, Вятской и трех уездов Новгородской губернии — Череповецкого, Кирилловского и Белозерского, где была расположена основная часть помещичьих имений этого

региона) неоднократно привлекали внимание исследователей [1–7], которые подходили к проблеме по-разному, но всегда считали, что сложившаяся здесь во второй половине XIX в. ситуация имеет ряд особенностей, делающих ее важным объектом для изучения.

В силу ряда исторических причин крепостничество на слабо-заселенной, но огромной по своим размерам территории северных европейских губерний не получило того развития, которое было характерно для центральных губерний. Фактически здесь проходила крайняя граница русского помещичьего землевладения и процессы, обозначившиеся в ходе реформы и последовавшей за ней выкупной операции, приобретали в регионе весьма своеобразные неординарные формы. Помещики довольно часто в своих имениях не жили, среди местных владельцев было много мелкопоместных, оказавшихся после реформы в тяжелом экономическом положении. Вместе с тем, зная «местные» особенности реформы в этом регионе, можно было глубже понять процессы, происходившие в уездах соседних губерний.

В отечественной историографии эти северные территории стали своеобразным исследовательским пространством, где проходили апробацию перспективные методы изучения реформы 1861 г. с применением самых современных на тот период технических средств.

Одной из причин этого был сравнительно небольшой объем сохранившихся местных массовых источников по истории крестьянской реформы и последовавшей за ней выкупной операции, содержащихся в фондах Российского государственного исторического архива (РГИА), областных и республиканских архивохранилищах. Это позволяло в деталях, используя эффективные статистические методы, дополненные «монографическими» описаниями ситуаций в отдельных уездах и поместьях, отработать новые приемы исследования, тогда как большие массивы данных, содержащиеся в материалах других внутренних губерний России, делали эту задачу весьма трудоемкой уже на стадии формализации первичных архивных материалов [5, с. 182].

Однако, в силу того, что эти работы были выполнены в разное время (они велись на протяжении 50-ти лет), с использованием широкого спектра существенно отличающихся источников и часто трудно сопоставимых методов, можно говорить о том, что весь северный регион и сегодня еще до конца не изучен. В частности,

не проведено детальное сравнение экономических последствий реформы на уровне отдельных уездов, входивших в состав разных губерний, нет современной обобщающей работы, позволяющей сделать общие выводы.

Новые возможности в изучении экономических последствий освобождения крестьян появились у исследователей после проведения огромной по масштабам работы по высокоточному профессиональному сканированию материалов Ф. 577 (Главное выкупное учреждение Российской империи) РГИА, осуществленной в 2011–2018 гг. сотрудниками этого архива и Президентской библиотеки в Санкт-Петербурге. В настоящее время эта информация по линиям связи доступна в ряде библиотек СПбГУ и используется большим числом исследователей.

В докладе будут приведены новые данные о результатах реформы на Севере России (прежде всего, в Олонецкой и Вологодской губерниях), полученные в последние годы сотрудниками, аспирантами и студентами кафедры источниковедения истории России Института истории СПбГУ с использованием новейших компьютерных технологий [1; 3–5]. Они будут сопоставлены с результатами, полученными ранее в губерниях Северо-Запада России.

Традиционные показатели изменения размеров наделов и платежей помещичьих крестьян в этих исследованиях были дополнены детальными (с возможностью изменения до любого уровня величины интервалов) вариационными рядами, позволяющими построить статистическую модель процесса наделения крестьян землей и установления новых размеров оброков. Удалось установить реальные цифры отрезки и прирезки крестьянской земли в ходе реформы и выкупной операции, степень трансформации системы наделов и платежей для разных категорий крестьян, а также произвести расчеты повинностей на душу м. п. и десятину удобной земли [4, с. 110–163, 247–264].

Особое внимание в докладе будет уделено результатам и новым возможностям использования так называемого выборочного метода, который позволяет, с одной стороны, формировать «искусственные» выборки (и, тем самым, сокращать объемы поисковой работы, формализации документов и вычислений), а с другой, с высокой степенью вероятности давать оценку результатов, полученных на основании весьма неточных дореформенных данных, содержащихся в «северных» документах. Эти документы

являются «естественно сохранившимися» выборками. Будут приведены фрагменты источниковедческого анализа материалов, проведенного с применением компьютерных технологий.

Интересные выводы были получены в работах с применением «кластерного» анализа, позволившего выделить зоны, включающие уезды соседних губерний, сходные по своим экономическим показателям. Внутри кластеров, в частности, удастся определить ряд близких статистических параметров, дающих возможность описывать процессы не только на «эмпирическом» уровне, но и с применением функций распределения определенного вида [5].

Полученные результаты позволяют говорить о большой степени различий в последствиях реформы для разных уездов региона и различных категорий крестьян, в них проживавших. Эти последствия были благоприятными для зон, где находились сильные в экономическом отношении промысловые оброчные селения и весьма тяжелыми для ряда земледельческих хозяйств, располагавшихся на периферии региона.

Использование предложенных новых методик исследований, базирующихся на сканированных делах Главного выкупного учреждения, позволит, на наш взгляд, в обозримом будущем завершить работу по изучению экономических последствий реформы 19 февраля 1861 г. на территории всей Российской империи и получить научно обоснованные сопоставимые результаты, учитывающие выводы, содержащиеся в ранее опубликованных работах отечественных историков.

Библиографический список

1. Апонасенко А. Н. Реформа 19 февраля 1861 г. в Олонецкой губернии: опыт компьютерной обработки массовых источников: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005.
2. Беловинский Л. В. Наделы и повинности бывших крепостных крестьян в Вологодской, Вятской, Олонецкой губерниях накануне и после реформы 1861 г.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1972.
3. Кащенко С. Г. Освобождение крестьян на Северо-Западе России: экономические последствия реформы 19 февраля 1861 г. М.; СПб., 2009.
4. Кащенко С. Г. Отмена крепостного права в Олонецкой губернии. Петрозаводск, 2012.
5. Костригина Е. В. Массовые источники по истории крестьянской реформы 1861 г. в Вологодской губернии: современный опыт применения компьютерных технологий и количественного анализа при изучении материалов северных губерний России: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2017.

6. Токарева А. Крестьянская реформа в Вятской губернии. Киров, 1941.
7. Филиппов Р. В. Реформа 1861 г. в Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1961.

Sergey G. Kashchenko

Doctor of Historical Sciences, St. Petersburg State University
(Russia, St. Petersburg)

E-mail: *kgs2004@yandex.ru*

**Reform of February 19, 1861 in the North of Russia.
Results of research using computer technology**

The report is devoted to the analysis of the results of studies on the economic consequences of the emancipation reform of 1861 in Olonets, Vologda and part of Novgorod provinces, conducted in recent years at the Department of source studies of the history of Russia of the Institute of history (St. Petersburg State University) with the involvement of mathematical and statistical methods and modern computer technology.

Keywords: *reform of February 19, 1861, Northern provinces of Russia, mathematical and statistical methods and computer technologies*

Красильников Сергей Александрович

д.и.н., Институт истории СО РАН; профессор, Новосибирский
государственный университет (Россия, Новосибирск)

E-mail: *krass49@gmail.com*

**Наука и ученые как мобилизационный ресурс
сталинской системы¹**

УДК 930.2

Исследование представляет адаптацию парадигмы «мобилизации ресурсов» к изучению сферы научной деятельности в сталинскую эпоху. Наука становится частью, элементом государственной системы, управляемым мобилизационным ресурсом, получая в обмен на это необходимые для своего развития средства. Адаптация к сталинской системе имела обратной стороной трансформацию научного сообщества в иерархическое корпоративное сословие с жесткими механизмами внешнего и внутреннего контроля.

Ключевые слова: *мобилизационная парадигма, этатизация научной деятельности, обмен ресурсами*

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00170а.

Период 1930-х — начала 1950-х гг., обозначаемый как «сталинский», символизирует радикальную трансформацию политической системы и основных социальных институтов общества, динамика и последствия которой оказывают как прямое, так и опосредованное влияние на современные процессы. Изучение феноменов *этатизации* науки и *индоктринации* мировоззрения ученых, чем устойчиво занималось отечественное и зарубежное науковедение в последние три десятилетия, требует расширения исследовательских подходов к данной проблематике. Одним из решений может стать применение мобилизационной парадигмы к анализу и оценке механизмов и тенденций взаимодействия политических и научных институций, а также взаимоотношений научной корпорации с элитными и базисными структурами социума. Данный подход призван обеспечить расширение научного знания о противоречиях между объективной ролью науки как драйвера инноваций в самом широком их понимании и инструментальными мобилизационными технологиями использования советского научно-образовательного потенциала; составить более полное представление о степени и результатах трансформации облика, структуры и функций научной корпорации под влиянием мобилизационных механизмов, включавших широкий спектр как преференций и санкций, так и дискриминационно-репрессивных мер. Соединение трех «срезов» — институционального, корпоративного и персонального (личностного) — дает возможность более глубоко изучить и представить природу феномена интеллектуальной мобилизации, выявить характер и последствия включения науки в мобилизационную парадигму сталинской системы, в рамках которой достигавшиеся наукой цели и результаты имплицитно несли в себе риски чрезмерных социальных и профессиональных утрат и потерь.

В теоретическом плане актуальность исследования определяется необходимостью научной рефлексии феномена управляемой, этатизированной научной корпорации, превращенной в мобилизационный ресурс, способный решать ограниченные стратегические задачи в экстремальных условиях, но понесший большие издержки и потери вследствие индоктринации сознания ученых, внутрикорпоративных конфликтов, «чисток» и научно-изоляционизма. Другой актуальный аспект — реконструкция сложившейся в советской науке социально-профессиональной

иерархизации позиций и статусов, а также понимание непреодоленного и поныне состояния, присущего корпоративным общностям с зарегулированной степенью восходящей и нисходящей мобильности. Следует оценить влияние на мобильность в науке как внешних, так и внутринаучных факторов, проявившихся в условиях предвоенного, военного и послевоенного времени.

В основе рабочей гипотезы лежит представление о наличии базового противоречия между фундаментальной природой науки как системы производства новых знаний и ее функциями, одной из которых является их инструментальное приложение и использование другими социальными институтами (политическими, экономическими, культурными). Данное противоречие в контексте постреволюционного (раннесоветского) и сталинского общества разрешалось путем жесткого огосударствления (этатизации) института науки. Функция «полезности» научной деятельности, выступавшая в качестве приоритетной для государственной научной политики, оказала глубокое трансформирующее воздействие на сам социальный институт науки, его структуру, кадровую составляющую, коммуникации и т. д. (функция преобразовала структуру). Трехсекторное строение советского научно-образовательного потенциала (наука академическая, отраслевая, вузовская) породило феномен ведомственности в науке, привело к формированию барьеров и противоречий, которые становились полем конфликтов и бюрократических согласований и компромиссов в борьбе за доступ и перераспределение ресурсов. Научные корпоративные группы пользовались каналами ведомственного влияния и выхода в директивные органы с предложениями своего участия в крупнейших проектах развития производительных сил страны, встраиваясь в мобилизационные процессы с функцией научно-технического их сопровождения и обеспечения (Урало-Кузбасс, транспортные и гидротехнические проекты, ВПК и др.). Мобилизационный фактор «пронизывал» все ступени и уровни научной деятельности. Адаптация научного сообщества к этим условиям в целом произошла в 1930-е гг. Мобилизационный режим позволял концентрировать потенциал всех секторов науки для решения крупных практико ориентированных экономических проектов 1930-х — первой половины 1950-х гг. Эта модель позволяла достигать заявленных целей, сопровождаясь при этом в большинстве случаев значительными издержками, утратами,

потерями. К числу последних, составляющих цену или расплату, понесенную научным сообществом, необходимо отнести деформацию принципов и норм профессиональной этики; перенесение в сферу научной деятельности мобилизационных средств и технологий (директивность, плановость, кампанейский характер, партийно-кадровые мобилизации и др.), присущих политическим и экономическим институтам. Следует установить, какие условия и факторы способствовали адаптации ученых к мобилизационным принципам и какие этому препятствовали. Среди факторов первого ряда необходимо отметить высокую социально-профессиональную мобильность научной среды и резко ускорившийся процесс замещения старшего и среднего поколений ученых молодыми кадрами, имевший иные, чем ранее, механизмы социализации и отбора. Этому же способствовали механизмы иерархизации и формирования «новой сословности» в среде корпорации ученых — стимулы и преференции для одних групп и репрессии и дискриминации для других.

Среди аспектов, позволяющих на эмпирическом материале проверить и скорректировать выдвинутые выше положения, можно выделить следующие:

— структурно-функциональная динамика потенциала академической науки, вызванная требованиями адаптации к мобилизационной парадигме (формы, средства и результаты включенности в обеспечение наукой приоритетных программ экономических преобразований в стране в изучаемый период);

— феномен особых технических бюро (ОТБ), «шарашек» как специфической разновидности репрессивно-дискриминационного использования интеллектуального потенциала страны в целях научно-технического сопровождения важных экономических и оборонных программ;

— механизмы внешнего и внутреннего контроля и регулирования деятельности и мировоззрения научной корпорации (в отношении органичных для научного сообщества и мобилизационно-директивных технологий).

Ключевой для истории науки сталинской эпохи остается разработка проблематики преемственности и разрывов в процессах трансформации социального института отечественной науки. Наряду с констатацией очевидного и значительного эффекта и результатов, которые принес науке механизм ее полного

огосударствления и получения необходимых средств для достижения стратегических и практических задач, поставленных перед учеными политическим руководством (ресурсы в обмен на результаты), необходимо рассмотреть и дать оценку обратной стороны этатизации науки (лояльность и управляемость корпорации в обмен на статус и преференции).

Sergey A. Krasilnikov

Doctor of Historical Sciences, Institute of History, Siberian Branch of the RAS; professor, Novosibirsk State University (Russia, Novosibirsk)
E-mail: *krass49@gmail.com*

Science and scientists as a mobilization resource of the Stalinist system

This paper represents the adaptation of the “resource mobilization” paradigm to the study of the sphere of scientific activity in the Stalin era. Science becomes a part, an element of the state system, a managed mobilization resource, receiving in exchange for it the necessary means for its development. Adaptation to the Stalinist system had the reverse side of the transformation of the scientific community into a hierarchical corporate estate with rigid mechanisms of external and internal control.

Keywords: *mobilization paradigm, etatization of scientific activity, exchange of resources*

Лизунов Павел Владимирович

д.и.н., Северный (Арктический) федеральный университет
им. М. В. Ломоносова (Россия, Северодвинск)
E-mail: *pavelvl@mail.ru*

Национализация петроградских коммерческих банков

УДК 94(47).084.3

В исследовании национализация частных коммерческих банков в Петрограде показана не только с позиции большевиков, пришедших к власти в результате Октябрьской социалистической революции, но и с точки зрения банкиров, утративших в результате политики новой власти свое прежнее положение в финансовой сфере.

Ключевые слова: *национализация, коммерческий банк, банкир, комиссар, декрет, Петроград*

Из многочисленных книг, учебников и воспоминаний о Великой Октябрьской социалистической революции, изданных в советский период, хорошо известно о национализации большевиками частных коммерческих банков. Однако в них отражен только односторонний взгляд на происходившие события. При этом события изложены весьма лаконично.

В публикациях последнего времени, появившихся особенно много к 100-летию юбилею Великой российской революции, тема национализации коммерческих банков не нашла широкого развития.

По плану В. И. Ленина предусматривалось в один день занять вооруженной силой сразу все петроградские банки. Еще в статье «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» [2, с. 161–167], написанной 10–14 сентября 1917 г., Ленин, говоря о необходимости национализации банков, отмечал, что успех этого мероприятия связан с арестом их руководителей. По его просьбе управляющий делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевич с начала ноября приступил к сбору информации об акционерных банках и их руководителях [1, с. 197].

14 (27) декабря 1917 г. комиссары, революционные солдаты и матросы приступили к занятию частных коммерческих банков и арестам некоторых директоров банков. Комиссары имели инструкцию, в которой предписывалось занять все входы и выходы банков, не пропускать ни служащих, ни посетителей, потребовать от кассиров и директоров ключи от всех помещений, сейфов и касс.

Рано утром отряды красногвардейцев выехали из Смольного на 28 грузовиках и 28 автомобилях. Для усиления им были приданы три броневика. Их командиры получили приказ разъезжать по улицам, где располагались банки, и останавливаться напротив их на некоторое время [2, с. 205]. К 15–16 часам вся операция по занятию банков была завершена. Целью принятых мер, по утверждению центрального органа большевиков газеты «Правда», было обеспечение полного контроля над банками.¹

Если большевистские газеты называли эти события «национализацией» или «занятием» банков, то буржуазно-демократическая пресса именовала их вооруженным «захватом» и даже «оккупацией».

¹ Занятие банков // Правда. 15 (28) дек. № 215 (146).

В ходе этой операции были задержаны и доставлены в Смольный директор Русско-Азиатского банка Л. В. Сирвинт, директор и вице-директор Волжско-Камского банка В. В. Виндельбант и В. Ф. Соллогуб, члены правлений Азовско-Донского банков Е. Д. Львов и Е. М. Эпштейн, Русского Торгово-промышленного банка князь Д. Н. Шаховской, Русского для внешней торговли банка Н. И. Капустин.² Аресты банковских деятелей начались еще в ночь на 14 декабря, до занятия банков. Всем им было предъявлено обвинение в саботаже.³

Либеральная оппозиционная газета «Наш век» сообщала: «Отдан приказ об аресте целого ряда директоров разных банков. Говорят, всего предполагается арестовать около 200 финансовых деятелей». Газеты «День» и «Петроградский голос» даже перечисляли имена лиц, которых предполагалось арестовать по ордерам Смольного.⁴ Ранее, еще 11 декабря был арестован и заключен в Петропавловскую крепость председатель правления Международного банка А. И. Вышнеградский.⁵

Порядок занятия банков выглядел следующим образом: в помещение входил отряд солдат или матросов под предводительством комиссара. Частная охрана банков разоружалась. Комиссар предъявлял мандат и требовал передать ему ключи от банковских касс, кладовых, отделений сейфов и т. д. Там, где выполнялись все требования, составлялся протокол и все находившиеся в помещениях банков немедленно отпускались. Директора, управляющие и главные кассиры, которые отказывались подчиниться, арестовывались. Отряды, захватившие банки, оставались в них в течение дня. К вечеру часть отрядов была уведена, а в банках были оставлены лишь патрули.

С раннего утра 14 декабря перестали действовать городские телефоны. Они были отключены специально, чтобы банкиры не могли связаться друг с другом. Только к 15 часам телефонное сообщение в Петрограде было восстановлено.

Весь день на Невском проспекте толпы возбужденных людей осаждали закрытые банки. Люди пытались получить хоть

² Арест банкиров // Правда. Вечерний выпуск. 1917. 15 дек. № 37.

³ День. 1917. 15 дек. № 222.

⁴ Захват частных банков // Петроградский голос. 1917. 15 (28) дек. № 14; Захват банков // Наш век. 1917. 15 дек. № 14.

⁵ Аресты // День. 1917. 12 дек. № 219; Новая жизнь. 1917. 12 (25) дек. № 199 (193).

какую-нибудь информацию о своих вкладах, вернуть свои ценности и деньги. Та же картина наблюдалась и в последующие дни. Ни одно из распоряжений новой власти не вызывало такого негодования среди населения как национализация банков. Происходили весьма тяжелые сцены, вызванные слухами о предстоящей конфискации всех сбережений.

Для координации действий при занятии частных банков большевиками был создан особый орган, получивший название «отдел ревизии банков». При нем находился штаб специального отряда, предназначенного для занятия банков. Начальником его был прапорщик 180-го пехотного запасного полка И. В. Куделько.

Днем 14 декабря состоялось совещание представителей банков, где после горячих прений было решено подчиниться требованию о выдаче ключей. Избежавшие ареста банкиры, решили отправить делегацию в Государственный банк для переговоров с временным заместителем народного комиссара по Министерству финансов В. Р. Менжинским. В состав делегации вошли М. И. Вавельберг от Торгового банка, В. Б. Ельяшевич от Московского Промышленного банка, Ю. И. Ремсейер от Учетного и ссудного банка, В. С. Субботник от Сибирского Торгового банка и управляющий делами Комитета съездов представителей акционерных коммерческих банков В. В. Розенберг и др. Выбранная делегация примерно в 20 часов отправилась в Государственный банк, где встретила с В. Р. Менжинским, Г. Л. Пятаковым и В. В. Оболенским. Во время переговоров обсуждались вопросы об условиях работы банков и судьбе арестованных банкиров. Финансисты уверяли, что «реформа банков невероятно серьезное дело и требует полного душевного спокойствия, а этого спокойствия не может быть, пока арестованные не освобождены». Также было указано на общее тяжелое положение, в котором находятся кредитные учреждения вследствие подрыва доверия к ним со стороны широких масс.⁶

Во время переговоров об освобождении арестованных банкиров произошел торг. Большевики потребовали, чтобы члены Совета съездов банков поручились за своих арестованных коллег круговым ручательством. Представители банков не согласились и предложили внести денежный залог. Пятаков связался по

⁶ Захват банков // Наш век. 1917. 17 (30) дек. № 16.

телефону с Лениным, который установил залог в «миллиард» рублей. На поправку банкиров, что все основные капиталы банков не составляют этой суммы, переданную Пятаковым Ленину, тот согласился уменьшить залог до миллиона за каждого банкира. Сделка была заключена, и банкиры были вскоре освобождены.⁷

Вечером 14 (27) декабря 1917 г., когда все петроградские банки и кредитные учреждения были заняты большевиками, состоялось заседание ЦИК рабочих и солдатских депутатов. Назначенное на 18 часов, оно началось только в 22:30.

Распоряжение Ленина о захвате частных банков и банковских контор в Петрограде явилось совершенно неожиданным не только для ЦИК и его президиума, но даже для многих членов Совнаркома. Об этом некоторые наркомы узнали после того как факт захвата уже свершился. Только вечером 14 декабря перед началом заседания ЦИК Ленин дал остальным наркомам и членам президиума свои объяснения.

Открывая заседание, председатель Я. М. Свердлов огласил его порядок. В повестке дня стоял доклад Троцкого о ходе мирных переговорах, затем доклад об украинской Раде, об Учредительном собрании, о продовольственном деле и др. После оглашения повестки выступил Сокольников, предложивший заслушать первым вопрос о национализации банков. Против выступили интернационалисты, объединенные социал-демократы и левые социалисты-революционеры. Но большинством голосов было принято предложение Сокольникова, который выступил с докладом от фракции большевиков. В заключение Сокольников огласил декреты о национализации банков и ревизии стальных ящиков (сейфов) в банках.⁸

В первом декрете «О национализации банков»: 1. Банковское дело объявлялось государственной монополией. 2. Все существующие частные акционерные банки и банковские конторы объединялись с Государственным банком. 3. Активы и пассивы ликвидируемых банков перенимались Государственным банком. Согласно другому декрету «О ревизии стальных ящиков в банках» все деньги, хранящиеся в банковских сейфах, должны быть внесены на текущий счет клиентов в Государственном банке.

⁷ День. 1917. 19 дек. № 225.

⁸ Наш век. 1917. 15 (28) дек. № 14.

Золото в монетах и слитках конфисковалось и передавалось в общегосударственный золотой фонд.⁹

15 декабря вечером представители банков совместно с Оболенским и Пятаковым обсуждали вопрос о национализации банков. Банкиры настаивали на соглашении, которое заключался бы в следующем: Государственный банк превращается в Народный банк и акционируется, при чем частные банки будут поглощены им, сохранив, свое место, название и т. д. Банковские акции, имевшиеся до этого времени в каждом банке, будут заменены вновь выпущенными акциями Национального банка. Прежняя администрация останется в каждом банке, но в состав правления будут включены комиссары или представители Народного банка.¹⁰ Однако представители большевиков никаких четких гарантий не давали и на все вопросы отвечали уклончиво.

Декретом Совнаркома от 29 декабря 1917 г. все сделки с ценными бумагами воспрещались. За нарушение декрета виновные подлежали преданию суду, а все их имущество конфисковывалось.¹¹ Через месяц, декретом от 26 января, все банковские акции аннулировались, а всякие выплаты дивидендов по ним прекращались. Акции банков подлежали немедленному представлению в местные отделения Государственного банка. Владельцы, не предоставившие свои акции в двухнедельный срок, карались конфискацией всего принадлежащего им имущества. Всякие сделки и акты по передаче банковских акций запрещались, виновные подвергались тюремному заключению сроком до 3 лет.¹²

Наконец, 8 февраля 1918 г. за подписью Ленина был издан декрет, по которому акционерные капиталы (основные, резервные и специальные) конфисковывались и передавались Народному банку Республики. Банковские акции аннулировались, а выплаты

⁹ Декреты Советской власти. Т. 1. 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. М., 1957. С. 230, 231.

¹⁰ Захват банков // День. 1917. 16 дек. № 223.

¹¹ Декрет о прекращении платежей по купонам и дивидендам // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 4 янв. 1918. № 13. Ст. 185. С. 193.

¹² О конфискации акционерных капиталов бывших частных банков // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 30 янв. 1918. № 19. Ст. 295. С. 286.

дивидендов по ним прекращались. Этот декрет явился логическим завершением декрета о национализации частных банков.

Библиографический список

1. Бонч-Бруевич В. Д. На боевых постах Февральской и Октябрьской революции. М., 1931.

2. Ленин В. И. Грозящая катастрофа и как с ней бороться // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1969. Т. 34. С. 161–167.

Pavel V. Lizunov

Doctor of Historical Sciences, Northern (Arctic) Federal University
(Russia, Severodvinsk)

E-mail: *pavelvl@mail.ru*

Nationalization of Petrograd commercial banks

The paper considers nationalization of private commercial banks in Petrograd. This process is examined not only from the position of the Bolsheviks, who came to power as a result of the October Socialist Revolution, but also from the point of view of the bankers who lost their former position as a result of the policy of the new government.

Keywords: *nationalization, commercial bank, banker, commissar, decree, Petrograd*

Михеев Михаил Викторович

к.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН
(Россия, Екатеринбург)

E-mail: *mikheeviiiauroran@yandex.ru*

Советская историография социально-экономических проблем Урала 1945–1953 гг.¹

УДК 94(4)“1945/1953”

Доклад посвящен советской историографии социально-экономических вопросов развития индустриального Урала в позднесталинский период (1945–1953). Особое внимание уделено восприятию и освещению советскими историками проблем экономического развития региона.

Ключевые слова: *индустриальный Урал, поздний сталинизм, экономика, историография*

Социально-экономическая жизнь позднесталинского Урала

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-39-00135.

долгое время являлась предметом исследования советских историков. Уместно выделить два периода советской историографии предмета — с середины 1940-х до конца 1960-х гг. и с начала 1970-х до второй половины 1980-х гг.

Работы первого этапа большей частью носили публицистический характер. Основное внимание авторы уделяли пропаганде мероприятий партии и правительства по восстановлению и подъему промышленности и сельского хозяйства, а также вопросам уральской экономики, в то время как социально-экономический аспект занимал третьестепенное значение. Как справедливо замечает Р. П. Толмачёва в «...работах этого периода допускались преуменьшения трудностей... известная лакировка положения... в них не получили освещения проблемы социально-политической жизни» [17, с. 5]. На этом этапе исследователей больше волновали вопросы организации труда и производства, комплексной механизации сельского хозяйства, партийно-агитационной работы на предприятиях. Именно в таком ключе писали о социально-экономической обстановке на Урале Н. И. Анисимов, С. Гуревич, С. В. Смирнов, А. Н. Травинцев, В. А. Шандра и др. [1; 5; 16; 18; 20].

На втором этапе фокус исследователей смещается к социально-экономическим проблемам Урала времени позднего сталинизма. Труды представителей второго историографического этапа содержат критику предшественников, которые, по словам И. М. Волкова «почти все... имели пропагандистский характер, не были собственно исследовательскими» [4]. Авторы, писавшие в 1970-е — первой половине 1980-х гг., не желали рисовать послевоенные годы «сплошной полосой успехов без каких-либо недостатков».

Одной из первых исследовательских работ серьезного уровня стала опубликованная в 1979 г. монография Р. М. Толмачёвой «Колхозы Урала в первые послевоенные годы (1946–1950)». Работа основана на материалах уральских архивов и бюджетных обследований населения. Р. М. Толмачёва смогла выявить тенденции развития сельского хозяйства Урала и изучить уровень материального благосостояния колхозников. Но автор не избежала ряд весьма грубых фактических ошибок. Так, В. П. Мотревич отмечает, что Толмачевой примерно в 100 раз занижена оплата трудодня колхозников в Свердловской, Пермской и Оренбургской областях. Автор в 5–6 раз завышает цифры годовой выработки трудодней

колхозников Урала. Встречается и путаница материалов (вместо Пермской области — Челябинская, вместо Свердловской — Пермская и т. д.) [11, с. 7, 8].

Вовлечением в научный оборот непроверенных данных грешили многие авторы. Так, В. Г. Волкевич писал, что к 7 ноября 1947 г. в Свердловской области были электрифицированы все колхозы, совхозы и МТС [3, с. 113]. Однако, в действительности к началу 1948 г. таковых было только 73 %, 76 % и 91 % соответственно [11, с. 7]. В. П. Емельянова сообщал о 132 МТС, организованных на Урале в ходе четвертой пятилетки [7, с. 44]. При этом автор приводил ссылку на статистический сборник «Народное хозяйство РСФСР», который не содержал данных по указанной проблематике. В. П. Мотревич убедительно показал, что за 1946–1950 гг. число МТС на Урале увеличилось только на 65 [11, с. 7, 8].

С новых позиций стали смотреть исследователи и на социально-экономические аспекты жизни горожан. В первую очередь это касается рабочего класса. Материалы областных архивов, бюджетные обследования горожан давали историкам широкий простор для исследований в этой области. В 1979 г. Уральский университет выпустил сборник статей «Рабочий класс Урала (1937–1975)» [14]. Значительное место в нем заняли работы, посвященные исследованию качества жизни уральских горожан времени четвертой и пятой пятилетки. Их авторы В. А. Сурин, А. В. Дмитриев, Т. Е. Никитина, И. Ц. Цалковский, В. А. Саматов и другие позволяли себе, пусть и весьма осторожную, критику положения дел в общественно-экономическом и социально-культурном секторах уральской экономики. Так, А. В. Дмитриев писал о сильном товарном дефиците в послевоенном Свердловске, проводил весьма отчетливую параллель между нехваткой потребительских товаров и сталинской кампанией снижения цен; он же вскользь упоминал о злоупотреблениях в торговле и проблемах общепита [14, с. 49]. В. А. Сурин обратил внимание на неудачи в осуществлении политики повышения образовательного уровня неквалифицированных рабочих, писал о проблеме алкоголизма в рабочей среде [14, с. 43, 49]. М. Т. Крючкова в монографии «Рабочий класс Урала в послевоенные годы (1946–1958)» [9], проанализировав рост вкладов в сберегательных кассах во второй половине 1940-х гг., вместо традиционных для советской историографии рассуждений о повышении доверия народных масс к правительству делает

совершенно верный вывод о товарном дефиците и противоречии между возможностями материальной базы роста благосостояния, культуры и спросом трудящихся [9, с. 239].

В конце 1980-х гг. историки впервые начинают интересоваться вопросами функционирования индивидуальных хозяйств на Урале. Эта тема получила освещение в работах С. А. Бугаева, В. Ф. Локотченко, В. М. Пастушенко, В. М. Максимова, А. Г. Пырина, К. И. Тюрева, В. Д. Шульца [2; 10; 12; 13; 19]. В 1991 г. вышла монография М. Н. Денисевича по этому вопросу [6].

Тем не менее, авторы указанного периода не предпринимали попыток комплексно увязать названные выше проблемы с внутренней экономической политикой советского правительства. Такие события второй половины 1940-х гг. как денежная реформа 1947 г., отмена карточной системы и введение свободной торговли, подписка на облигации госзайма, ценовая политика сталинского правительства трактовались исключительно в положительном ключе, комментарии историков к ним почти дословно повторяли тезисы партийной пропаганды. Полноценное научное исследование этих событий стало уделом историков следующего, «постсоветского» периода, который продолжается до наших дней.

Таким образом, для историографии советской эпохи характерна некоторая вариативность оценок социально-экономической обстановки на Урале; была присуща определенная эволюция, критичность и смелость суждений. Однако, вследствие господства марксистско-ленинской научной парадигмы, исследование социально-экономических проблем Урала (как собственно и всей страны) проводилось, в первую очередь, в рамках изучения истории двух классов: рабочих и крестьян. Таким образом, из поля зрения ученых исключалось множество иных, пусть и гораздо менее многочисленных, социальных групп, будь то ИТР, нетрудящиеся, творческая интеллигенция, профессура, служащие, военные, студенты, заключенные и др. Это означало игнорирование воздействия этих социальных групп на культурную, экономическую и политическую жизнь региона.

При этом разнообразные аспекты социально-политической жизни Урала и уральцев занимали третьестепенное место в исследованиях, посвященных формированию территориально-производственных комплексов, промышленных узлов, развитию

специализации и кооперирования, формированию единого народнохозяйственного комплекса региона в рамках социалистической экономики страны [18; 15].

Еще одной проблемой советских исследователей стала прямая зависимость исторической науки от кремлевской идеологии. Авторы 1960–1970-х гг. сами признавали строгую привязку малейших изменений в историческом исследовании к решениям партийных съездов [18, с. 3, 4; 17, с. 4, 5].

Вместе с тем, идеологические установки создавали некоторую системность в направлениях и тематиках научных исследований, возникала своего рода «преемственность» между поколениями исследователей. Кроме того, государственный заказ позволял объединять для исследования истории уральской экономики крупные авторские коллективы, что, опять же, делало их труды более-менее комплексными и завершенными.

Библиографический список

1. Анисимов Н. И. Развитие сельского хозяйства в первой послевоенной пятилетке. М., 1952.
2. Бугаев С. А. Личное подсобное хозяйство. Его место и роль в социалистической экономике: автореф. дис. ... канд. эконом. наук. Пермь, 1968.
3. Волкевич В. Г. Повышение авангардной роли коммунистов Свердловской областной парторганизации в восстановлении и укреплении сельского хозяйства (1946–1952) // Из истории социалистического строительства на Урале. Свердловск, 1976. Вып. 2. С. 112–122.
4. Волков И. М. Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. М., 1972.
5. Гуревич С., Партигул С. Новый подъем народного хозяйства СССР в послевоенной пятилетке. М., 1949.
6. Денисевич М. Н. Индивидуальные хозяйства на Урале (1930–1985 гг.). Екатеринбург, 1991.
7. Емельянов В. П. Борьба партийных организаций Урала за развитие сельского хозяйства в послевоенный период (1946–1953) // В. И. Ленин и социально-экономические проблемы развития Урала. Свердловск, 1970. Вып. 2. С. 41–49.
8. История народного хозяйства Урала: в 2 ч. Свердловск, 1990. Ч. 2.
9. Крючков М. Т. Рабочий класс Урала в послевоенные годы (1946–1958). Свердловск, 1988.
10. Локотченко В. Ф. Роль ЛПХ в реализации продовольственной программы Башкирии // Пути реализации продовольственной проблемы в Башкирии. Уфа, 1984. С. 127–133.

11. Мотревич В. П. Сельское хозяйство Урала в показателях статистики (1941–1950 гг.) Екатеринбург, 1993.
12. Пастушенко В. М., Максимов В. А. Проблемы развития личных подсобных хозяйств // Сельская местность: территориальные аспекты социально-экономического развития. Уфа, 1983.
13. Пырин А. Г. Социальная роль личного подсобного хозяйства городских рабочих // Философия науки. 1972. № 4. С. 23–37.
14. Рабочий класс Урала (1937–1975). Свердловск, 1979.
15. Рабочий класс Урала в период строительства социализма. Свердловск, 1982.
16. Смирнов С. В. Повышение благосостояния трудящихся. Свердловск, 1955.
17. Толмачёва Р. П. Колхозы Урала в послевоенные годы: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Свердловск, 1982.
18. Травницев А. Н. Развитие сельского хозяйства в Свердловской области. Свердловск, 1958.
19. Тюрев К. И. Воспроизводство в колхозах, совхозах и личных подсобных хозяйствах. Ижевск, 1981.
20. Шандра В. А. Повышение материального и культурного уровня жизни народа. Свердловск, 1956.
21. Шульц В. Д., Ильяшенко В. В. Некоторые вопросы развития ЛПХ // Продовольственная программа: социально-экономические аспекты реализации. Свердловск, 1984.

Michael V. Mikheev

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and
Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: [mikheevii@auroran@yandex.ru](mailto:mikheevii@auroran.yandex.ru)

Soviet historiography of socio-economic problems of the Urals of 1945–1953

The report is devoted to the Soviet historiography of socio-economic problems of industrial development of the Urals in the late Stalin period (1945–1953). The author pays special attention to the perception and coverage of the problems of the regional economy development.

Keywords: *industrial Urals, late Stalinism, economics, historiography*

Сенявский Александр Спартакович
д.и.н., Институт экономики РАН (Россия, Москва)
E-mail: senyavsky@yandex.ru

**Советская мобилизационная модель развития
как инструмент индустриальной модернизации
и экономического роста:
институциональный аспект**

УДК 330 (47+57)

Мобилизационная модель — ответ на исторический вызов противостояния Западу, чья традиционная враждебность переросла в ненависть к СССР из-за альтернативного капитализму коммунистического социального проекта. В экстремальных условиях роста угрозы большой войны ответом могло быть только форсированное преодоление отсталости, обеспечение технико-экономической независимости и обороноспособности.

Ключевые слова: *советская мобилизационная модель развития, индустриальная модернизация, экономический рост, экономические институты*

1. История России протекала в экстремальных условиях природного и социального характера, требовавших напряжения сил и мобилизации ресурсов. XX век, начиная с Первой мировой войны, оказался особенно жестоким, сверх-экстремальным: череда внешних и внутренних потрясений и угроз не раз ставила страну на грань выживания. И империя, и сменившие ее либеральные Временные правительства не выдержали испытаний войной, рухнули под напором народного гнева и революционной стихии, направляемых внешними и внутренними противниками. Пришедшая к власти партия левых радикалов-марксистов — большевиков столкнулась с ожесточенным сопротивлением «старого мира» и иностранной интервенцией. Победив в Гражданской войне, они вынуждены были решать практические проблемы на путях НЭПа, противоречившего их идеологии.

2. НЭП был эффективной моделью преодоления разрухи, восстановления экономики в основном на основе загрузки старых, дореволюционных производственных мощностей. Однако НЭП, во-первых, не мог обеспечить внутренней социально-политической стабильности: он возрождал в экономике капиталистическую практику, воспроизводил социальное неравенство,

буржуазные классы, ставил под вопрос «смычку города и деревни»; во-вторых, не мог обеспечить быстрой индустриализации — важнейшего требования времени.

3. СССР оказался во враждебном (геополитически, идеологически, системно) «капиталистическом окружении», в экономической блокаде, под внешним давлением и угрозами. Он сильно отстал от передовых стран, как казалось многим, безнадежно, оказался в «историческом цейтноте»: дефицит времени на преодоление отсталости до того момента, как разразится крупный военный конфликт (к которому не был готов) дополнялся дефицитом почти всех видов ресурсов (финансов, квалифицированных кадров, образованного и культурного населения, инфраструктуры, и т. д.) Задачи обеспечения обороноспособности и экономического суверенитета в индустриальную эпоху требовали не просто высоких темпов, но форсированной модернизации, рывка в развитии, который бы обеспечил и материально-техническую базу обороноспособности, и независимость (экономическую, научно-техническую, технологическую) от враждебного Запада.

4. Именно в этих сверх-экстремальных условиях, с середины 1920-х гг., когда была поставлена задача индустриализации, стала формироваться мобилизационная модель развития как ответ на экзистенциальный вызов времени с его вопросом «быть или не быть» не только советскому государству, но и всей российской цивилизации.

5. Ситуация, в которой зарождалась мобилизационная модель, может быть охарактеризована как социальная катастрофа, растянувшаяся во времени и прошедшая несколько стадий, а суть «запуска» и «отладки» мобилизационной модели — как переход из режима выживания и восстановления жизнеспособности советской экономики в режим форсированного развития.

6. Советская мобилизационная модель вызревала в контексте экстремального исторического периода, вместившего в себя Первую мировую и Гражданскую войны, революционную смуту и иностранную интервенцию, политику «военного коммунизма» и НЭП, а формировалась в условиях свертывания НЭПа. Она вобрала в себя и мировой опыт, и собственно российский опыт выживания в экстремальных условиях, а исторически, «генетически», функционально и структурно больше всего связана с механизмами военно-экономической мобилизации, но вовсе не тождественна им.

7. Мобилизационные сценарии действий государств возникают как ответ на мощные вызовы, угрожающие их существованию (примеры: Политика Петра I в войне со Швецией, военно-экономические мобилизационные стратегии стран — участников ПМВ, и др.). Но в мировой истории не краткосрочные испытания, а стратегические вызовы побуждают реагировать путем формирования полномасштабных, системных мобилизационных моделей развития. Исторически первой из них явилась советская мобилизационная модель.

8. Ключевую роль в мотивации перехода СССР к мобилизационной модели развития сыграли три группы факторов:

— внешние: социокультурная, геополитическая и геоэкономическая враждебность коллективного Запада к России как иной цивилизации, усугубленная установлением в ней леворадикального режима, выдвинувшего альтернативный коммунистический революционный проект; перерастание вражды в классовую ненависть и готовность уничтожить противника любыми средствами — от экономической блокады до военно-силовых методов;

— внутренние: необходимость нейтрализовать социальную нестабильность из-за противоречий между «пролетарским» государством и мелкобуржуазным крестьянством успехами в развитии экономики, насыщением спроса промышленными товарами; возможность в развитии только при опоре на собственные силы (при нехватке основных видов ресурсов); в крестьянской стране село — фактически главный источник инвестиций накопления для индустриализации, который было крайне сложно изымать, и др.

— доктринальные: отход от курса на мировую революцию в пользу идеи построения социализма в отдельно взятой стране; опыт «военного коммунизма», ошибочно воспринятый как шаг по реализации марксистской доктрины, а также его наследие, пережившее НЭП (национализированная госсобственность на основные средства производства, кадры, выращенные ВК, и др.)

9. Советская мобилизационная модель была системной: не только экономического, но комплексного развития общества, всех сфер его жизни. В рамках курса на построение социализма она включила такие направления как форсированная индустриализация, коллективизация деревни, «культурная революция». В экономике она стала инструментом реализации двуединой задачи — индустриальной модернизации и экономического роста

(основные результаты получали на основе создания целых новых индустриальных отраслей, строительства тысяч предприятий). Коллективизация (при всех издержках) позволила создать крупные аграрные предприятия, широко использовать технику. Культурная революция обеспечила прорыв к полной грамотности населения, повышению уровня образования и культуры, в формировании квалифицированных кадров. То есть, экономика была лишь частью системного развития.

10. В сфере собственно экономики институциональная структура советской мобилизационной модели основывалась на государственной (общенародной) и колхозно-кооперативной собственности на средства производства (при государственном контроле). Рынок и конкуренция заменены институтом планирования. Все сферы экономики регулировались из единого центра иерархически выстроенной системой управления. Распределение материальных ресурсов в масштабах народного хозяйства осуществлял Госплан. Важным элементом модели являлась советская финансовая система в виде общегосударственных безналичных расчетов, обеспечивая движение денежных потоков. Денежный оборот был разделен на обслуживание движения потребительских товаров (обращение потребительского наличного рубля) и движения инвестиционных товаров (инвестиционного безналичного рубля), что резко сокращало объем использования наличных денег, сдерживая инфляцию. Беспроцентное кредитование обеспечивало льготный доступ товаропроизводителей к кредитным ресурсам. Единый общегосударственный расчетный центр оперативно обслуживал огромное народное хозяйство в рамках общего госбюджета. Все это обеспечивало высокий устойчивый рост советской экономики в течение десятилетий, способствовало «экономическому чуду» первых пятилеток, победе в Великой Отечественной войне, послевоенному восстановлению экономики.

Alexander S. Senyavsky

Doctor of Historical Sciences, Institute of Economics of the RAS
(Russia, Moscow)

E-mail: senyavsky@yandex.ru

The Soviet mobilization model of development as an instrument of industrial modernization and economic growth: an institutional aspect

The mobilization model is a response to the historic challenge of confronting the West. Its traditional hostility to the USSR grew into hatred as communist social project constituted an alternative to capitalism. Under extreme conditions of increasing threat of a big war, the only possible answer was a forced overcoming of backwardness, ensuring technical and economic independence and defense.

Keywords: *Soviet mobilization model of development, industrial modernization, economic growth, economic institutions*

Солощенко Наталья Владимировна

аспирант, Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова (Россия, Москва)

E-mail: soloshchenko-natalya@yandex.ru

Конструирование «нового рабочего» в годы первых пятилеток (контент-анализ материалов фабричных многотиражек)

УДК 94(47).084.6

В докладе рассматривается деятельность многотиражных газет пищевой промышленности по конструированию «нового рабочего». На примере газет кондитерских фабрик «Рот Фронт» и «Красный Октябрь» изучаются основные приемы формирования и составляющие образа «нового рабочего». Делается вывод, что характерной чертой газет была их направленность на описание женщины в качестве «нового рабочего».

Ключевые слова: *«новый рабочий», довоенные пятилетки, фабричные газеты, контент-анализ, социальное конструирование, пищевая промышленность*

Доклад посвящен изучению проблемы конструирования «нового рабочего», занятого в пищевой промышленности СССР 1930-х гг., на материале многотиражных периодических изданий. Изучение научной литературы по проблеме исследования позволяет сделать вывод, что важным достижением советской

историографии является формирование концепции «рабочего нового типа» по отношению к промышленным рабочим периода первых пятилеток. Подробное рассмотрение этой концепции проводилось в диссертации И. Б. Лежневой на материалах легкой промышленности [3]. Основная концепция современной историографии проблемы — «новый советский человек». Она активно используется как отечественными [1; 2; 4], так и зарубежными историками [6; 7; 8] начиная с 1990-х гг. до настоящего времени. Отличительной чертой современной русскоязычной историографии становится рассмотрение довоенного советского общества как сложного социального проекта. В этой связи следует особо отметить выход коллективной монографии под общей редакцией Л. Н. Мазур [5]. Однако конструирование «нового рабочего» в пищевой промышленности СССР не становилось предметом специального изучения.

Этот вопрос актуален как с научной, так и с общественной точки зрения, так как его исследование позволит прийти к более глубокому пониманию трансформационных процессов, происходивших в Советском Союзе в 1930-х гг. Научная новизна исследования состоит во введении в научный оборот и апробации методики анализа новых источников по истории социального конструирования в советской промышленности — многотиражных газет крупнейших кондитерских фабрик СССР «Красный Октябрь» и «Рот Фронт».

Фабрично-заводская газета представляла собой особый тип издания, который появился в СССР еще в 1920-х гг. Многотиражки создавались на предприятиях «снизу», творческими усилиями самих рабочих, которые хотели издавать газету для себя и о своем предприятии и коллективе. В период сталинской индустриализации в содержании многотиражных газет происходят изменения. Фабрично-заводская газета становится одним из каналов конструирования новой социальной реальности, «нового советского человека», «нового общества».

Газета «Наша правда» выходила на фабрике «Красный Октябрь» с 1926 г. Подписка на шесть месяцев в начале второй пятилетки стоила 1 руб. 20 коп.¹ Газета издавалась силами коллектива фабрики, выходила один раз в шестидневку, однако

---

¹ Наша правда. 1933. 20 янв. (№ 3). С. 1.

периодичность выхода не всегда соблюдалась четко. Годовое количество номеров, сохранившихся в подшивке за рассматриваемый период, составляет: в 1933 г. — 43, в 1934 г. — 53, в 1935 г. — 59, в 1936 г. — 56, в 1937 г. — 59 номеров. Каждый номер «Нашей правды» содержал обычно четыре страницы. Максимальное число страниц в номере достигало восьми, минимальное — двух.

Многотиражная газета «За боевые темпы» фабрики «Рот Фронт» выходила с 1931 г. В начале второй пятилетки тираж газеты составлял 1 000–1 200 экземпляров. Цена годовой подписки на издание в середине второй пятилетки составляла 3 руб.² Каждый номер включал от двух до четырех страниц. Газета выходила раз в шестидневку. За 1933 г. в подшивке сохранилось 39 номеров, за 1934 г. — 51, за 1935 г. — 53, за 1936 г. — 48, за 1937 г. — 50 номеров.

Методика исследования содержания газет «За боевые темпы» и «Наша правда» включала несколько этапов. На первом этапе были выявлены и оцифрованы бумажные номера изданий, проведен их источниковедческий анализ. Далее анализ проводился по двум направлениям.

В рамках первого направления проводилось изучение выборки материалов газет, связанных с проблемой конструирования «нового рабочего». В выборку вошли статьи, рассказывающие о биографиях отдельных молодых работников и работниц, статьи с воспоминаниями старых сотрудников о работе фабрики в дореволюционную эпоху. В среднем каждая из газет содержала около 15 таких публикаций для каждого года второй пятилетки. Статьи имели разный объем, поэтому процедура интерпретации результатов контент-анализа проводилась с использованием относительных показателей. Содержание выборки было изучено с помощью контент-анализа в программе MAXQDA Analytics PRO 2018.2.

На первом этапе работы была создана система категорий, на основе сочетания анализа частотного словаря текстов и представления автора о содержании выборки, сложившегося после многократного прочтения этих материалов. Всего было сформировано 14 категорий: партийная принадлежность, дореволюционный партийный стаж, комсомольская работа, профсоюзная работа, производственные показатели, участие в социалистическом соревновании, участие в работе добровольных обществ, участие в работе

---

² За боевые темпы. 1934. 30 дек. (№ 55). С. 4.

творческих кружков, участие в работе кружков партийной учебы, награды, служба в армии, участие в боевых действиях, грамотность и образование, личные качества. Эти 14 категорий отражали качества, которыми мог обладать «новый рабочий».

На втором этапе каждому материалу выборки были присвоены переменные документа, включавшие сведения о герое очерка, чья биография описывалась в статье, например, фамилия, имя, отчество, пол, возраст на момент выхода статьи, возраст начала работы на фабрике, производственный стаж, должность. На третьем этапе были проведены процедуры подсчета частот встречаемости категорий, частот их совместной встречаемости. На основе полученных таблиц проводилась визуализация результатов в виде диаграмм (с разбивкой по переменным) и графов связей категорий, выполненных в программах сетевого анализа UCINET и NETDRAW.

Второе направление работы с материалами газет включало в себя анализ визуальных материалов газет — портретов рабочих и подписей к ним. Каждый номер многотиражек фабрик «Красный Октябрь» и «Рот Фронт» включал, как правило, не менее двух портретов рабочих. С помощью описанной выше системы категорий и переменных проводилось кодирование подписей к фотографиям. Лаконичный характер подписей определил дальнейшие этапы работы с этими материалами. Для них проводились простейшие подсчеты частот встречаемости категорий и их визуализация с разбивкой по переменным возраста и пола рабочих.

Анализ материалов показал, что фабричные газеты обладают достаточно высоким информационным потенциалом для изучения проблемы исследования. Многотиражки использовали следующие приемы для конструирования «новых рабочих»: публикация биографий «истинно социалистических рабочих», в которых жизненный путь и личные качества работника освещались только с положительной стороны, публикация фотографий рабочих с краткими описаниями их достижений. Учитывая охват рабочих обеих фабрик подпиской на многотиражные газеты и статус этих изданий как наиболее доступного и значимого на локальном уровне СМИ, оба описанных выше приема имели серьезный психологический эффект, вызывали у остальных работников стремление к подражанию «героям» публикаций.

Типичные черты «новых рабочих», которые стремились воспитать система пропаганды в целом и многотиражные газеты

в частности: преданность партии («ценит партию больше, чем жизнь свою»), готовность к постоянным переработкам, коллективизм. Одной из главных особенностей многотиражек предприятий кондитерской промышленности была их преимущественная направленность на описание женщины в качестве «нового рабочего». Наиболее важными качествами при этом являлись партийная принадлежность или комсомольская работа, а также грамотность работницы.

Библиографический список

1. Геллер М. Машина и винтики. История формирования советского человека. М., 1994.
2. Измозик В. С., Лебина Н. Б. Петербург советский: новый человек в старом пространстве. 1920–1930-е годы. СПб., 2010.
3. Лежнева И. Б. Деятельность Ленинградской партийной организации по повышению роли социалистического соревнования в формировании нового типа советского рабочего в годы первой пятилетки, 1928–1932 гг.: на материалах партийных организаций предприятий текстильной и легкой промышленности: дис. ... канд. ист. наук. Л., 1982.
4. Поршнева О. С. Новый человек как компонент революционного советского проекта: ключевые проблемы изучения в современной историографии // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований. Екатеринбург, 2017. С. 6–18.
5. Барышева Е. В., Бугров К. Д., Горбачев О. В., Даренская И. В., Клилин А. П., Мазур Л. Н., Поршнева О. С., Фельдман М. А. Раннесоветское общество как социальный проект, 1917–1930-е гг.: в 2 ч. Екатеринбург, 2019. Ч. 2: Советское общество: культура, сознание, поведение.
6. Attwood L. Creating the New Soviet Woman Women's Magazines as Engineers of Female Identity, 1922–53. New York, 1999.
7. Cheng Y. Creating the “New Man”: from Enlightenment Ideals to Socialist Realities. Honolulu, 2009.
8. Hoffmann D. L. Cultivating the Masses: Modern State Practices and Soviet Socialism, 1914–1939. Ithaca, 2011.

Natalia V. Soloshchenko

Postgraduate, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow)

E-mail: *soloshchenko-natalya@yandex.ru*

Making of a “new worker” during the pre-war five year plans (content analysis of the factory newspapers materials)

The report examines the activities of large-circulation newspapers of the food industry on constructing the “new worker”. On the example of the newspapers of the confectionary factories “Rot

Front” and “Red October”, the basic techniques of formation and the components of the image of the “new worker” are studied. It is concluded that a characteristic feature of the newspapers was their focus on the description of a woman as a “new worker”.

Keywords: *“new worker”, pre-war five-year plans, factory newspapers, content analysis, social engineering, food industry*

Тагирова Наиля Фаридовна

д.и.н., профессор, Самарский государственный
экономический университет (Россия, Самара)

E-mail: *tag-nailya@yandex.ru*

**«Колея» исследовательского мышления
и попытка ее преодоления
в историко-экономическом анализе
(применительно к аграрной истории)**

УДК 947.084.21

В докладе рассматриваются ключевые методологические «ловушки», которые определяют исследовательскую традицию и не позволяют добиться прорыва в изучении аграрной экономики Российской империи начала XX в. Предложено изменить приоритеты в изучении аграрной экономики, рассматривая ее и как целостный организм, и как часть национальной экономики.

Ключевые слова: *марксистско-ленинская методология, организационно-производственное направление, моральная экономика, аграрные дискуссии, В. И. Ленин, А. В. Чаянов, Н. Д. Кондратьев*

Этикет научного исследования требует обязательной оценки (обобщения) работ предшественников. То, что обычно мы называем историографическим обзором, в конечном счете, определяет степень разработанности изучаемой темы. Как и любое другое исполняемое правило, оно имеет не только весьма положительную, но и оборотную сторону. Его оборотная сторона заключается в том, что исследователь попадает в своеобразную «колею» мышления, созданную предшественниками, которую можно развивать, дополнять, но «выскочить» из нее почти невозможно.

Другое правило касается выделения этапов в развитии историографии, которые обычно соответствуют этапам развития российского государства. Чаще всего мы выделяем дореволюционную, советскую и постсоветскую историографию. Тем самым, мы

попадаем еще в одну «ловушку», предопределяя исследование государственной политикой. При этом «рельсы» движения «паровоза» исторической науки проложены четко и прямолинейно. В определенные периоды развития общества, вероятно, эти «правила» и «рельсы», создающие «колею», оправдывают себя. Иначе обстоит дело в периоды общественных «разломов» и революций.

Поводом к этим размышлениям послужил мой неудачный опыт обобщения состояния сельского хозяйства России в 1917 г. К счастью, статья о которой я долго размышляла, так и не была опубликована. Теперь я предпринимаю новую, более обоснованную, попытку.

Историографическая традиция изучения темы отталкивается от ленинского понимания обострения социально-экономических противоречий в деревне, нарастания социального конфликта, первой и второй социальной войны и т. д. Блестящие исторические труды советских историков связаны с выявлением глубины этих противоречий (А. М. Анфимов [2–5], Т. М. Китанина [6], И. Д. Ковальченко [7–10], Л. В. Милов [7; 14]), началом их проявления и размаха (В. П. Данилов) [1]. Эта традиция была заложена В. И. Лениным в работе «Развитие капитализма в России», написанной в конце XIX в. [13]. В контексте этой работы в середине XX в. развернулась активная дискуссия историков-аграрников об уровне развития капиталистических отношений в деревне, в особенности — хозяйстве помещиков и крестьян. Ряд параметров определял уровень капитализма (земля, во владении и хозяйственном обороте, применение наемного труда, обеспеченность хозяйств инвентарем, скотом и т. д.). «Глубину» социально-экономического противоречия (уровня капитализма) проверяли традиционными и математическими методами анализа. Но и через 40 лет, в конце жизни А. М. Анфимов, один из активнейших участников этой дискуссии, подвел ее итог — «неоконченные споры».

Современные историки в меньшей степени анализируют аграрную экономику. Ракурс исследования сместился в изучение ментальности, поведенческих практик крестьян в период революций и войн (П. С. Кабытов, В. В. Кондрашин, О. А. Сухова), что, по сути, продолжает ту же традицию — выявление факторов ускорения социального конфликта в деревне. Социальное противоречие, социальный конфликт выступает основой изучения социально-экономического положения российской деревни.

Другое направление изучения российской деревни — организационно-производственное — было заложено А. В. Чайновым [15]. Многие его сторонники, участники конференции аграрников — марксистов (1930 г.), впоследствии были расстреляны или эмигрировали, работы запрещены, концепции забыты (Б. Д. Бруцкус, П. Н. Макаров, А. В. Чайнов, А. Н. Челинцев и др.). Организационно-производственная школа смещала исследовательские акценты в плоскость крестьянского производства, изучала организацию труда (теория трудового крестьянского хозяйства), крестьянские бюджеты. А. В. Чайнов, не отрицая социальных противоречий, видел и возможности некапиталистического развития деревни, в том числе с помощью кооперации.¹

Н. Д. Кондратьев [11; 12], разделявший основные идеи организационно-производственного направления, еще более сместил вектор изучения аграрной тематики. Он исследовал общие народнохозяйственные процессы, в которых нарушение баланса (спрос-предложение) между городом и деревней, сельским хозяйством и промышленностью вело к нарушению обмена между частями и разладу единого народнохозяйственного организма. Мировая война и революция перевернули этот баланс «с ног на голову», что повлекло за собой «страшное потрясение и расстройство» народнохозяйственного организма. По мнению Н. Д. Кондратьева, государство было вынуждено пойти по пути регулирования спроса и предложения продовольствия. Но, не понимая сути сложнейшего аграрного рынка, оно выхватило лишь «выдающийся его элемент — цену на хлеб». В дальнейшем «огосударствление» всего народного хозяйства приняло всеобщий характер (к середине 1918 г.).

Так, изучение аграрной истории начала XX в. было «упаковано» в координаты социально-экономических противоречий и государственной политики. Эта тенденция продолжает оставаться ведущей и в начале XXI в. В чем причина? В определенной инерции мышления? Вероятно.

Но думаю, что не только в этом. В значительной мере источниковая база также задает вектор исследования.

В качестве одного из вариантов исследования аграрного сектора мы предлагаем изучение сельскохозяйственного развития

¹ На основе теории трудового крестьянского хозяйства родилась концепция моральной экономики (Т. Шанин), основные составляющие которой были обозначены в дискуссии в начале 1990-х гг.

как воспроизводственного процесса. В экономической науке выделяют простое воспроизводство и расширенное. Простое воспроизводство предполагает получение продукта примерно в неизменном размере, расширенное — возможно при активизации факторов производства (земли, труда, капитала, предпринимательской активности). Для расширенного производства у производителя должны быть активные мотиваторы, или стимулы. Воспроизводственный цикл состоит из четырех фаз: производство сельскохозяйственной продукции, ее распределение (то есть амортизационные расходы — семенной фонд и т. д.), обмен (объемы товарной массы) и потребление (городское, сельское). Каждая из этих фаз имеет свою систему связей, отношений с множеством участников, не только помещиков и крестьян, но и торгового сословия, местных органов власти, общественности и т. д. Воспроизводство чаще всего изучают в общенациональном масштабе. Но этот подход вполне применим и на уровне отдельной производственной единицы (крестьянского или помещичьего хозяйства). И тогда более выпукло предстанет вся хозяйственная жизнь в деревне, на которую воздействовало бесконечное множество различных географических, экономических, социальных, технических, технологических, психологических, политических, конъюнктурных процессов и явлений. В условиях войны и, особенно Великой российской революции, стимулы для расширенного аграрного воспроизводства были утрачены. Весь воспроизводственный цикл оказался разрушенным. Производство, как его базовая часть, было оторвано от других элементов воспроизводства (распределение, обмен, потребление) и факторов производства (отсутствие капитала, техники, квалифицированного труда). В условиях всеобщего давления на деревню возврат к самоизоляции и натуральному хозяйству (то есть простому воспроизводству), особенно в гражданскую войну, оставался единственным способом выживания крестьянства.

Предлагаемый вариант изучения сельского хозяйства сквозь призму воспроизводственного процесса ставит также ряд историко-экономических вопросов.

Библиографический список

1. Аграрная история XX века: историография и источники. Самара, 2014.

2. Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881–1904 гг. М., 1980.
3. Анфимов А. М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России в конце XIX — начале XX в. М., 1969.
4. Анфимов А. М. П. А. Столыпин и российское крестьянство. М., 2002.
5. Анфимов А. М. Российская деревня в годы первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.) М., 1982.
6. Китанина Т. М. Война, хлеб, революция. Продовольственный вопрос в России. 1914 — октябрь 1917. Л., 1985.
7. Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Всероссийский аграрный рынок XVIII — начала XX в. Опыт количественного анализа. М., 1974.
8. Ковальченко И. Д. Аграрный строй России второй половины XIX — начала XX вв. М., 2004.
9. Ковальченко И. Д., Литваков Б. М., Селунская Н. Б. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма: источники методы изучения. М., 1982.
10. Ковальченко И. Д., Моисеенко Т. Л., Селунская Н. Б. Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Европейской России в эпоху капитализма: источники и методы изучения. М., 1988.
11. Кондратьев Н. Д. Организация народного хозяйства // Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 458.
12. Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991.
13. Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. Т. 3.
14. Милов Л. В. Великолукский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.
15. Чайнов А. В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М., 1989.

Nailya F. Tagirova

Doctor of Historical Sciences, Samara State University of Economic
(Russia, Samara)

E-mail: tag-nailya@yandex.ru

Conventions of research thinking and an attempt of their overcoming in historical and economic analysis (the case of agrarian history)

The paper examines the key methodological “traps” that define the research tradition and do not allow for a breakthrough in studying the agrarian economy of the Russian Empire at the beginning of the 20th century. The author proposes to change the priorities in studying the agrarian economy and consider it both as an integral organism, and as a part of the national and world economy.

Keywords: *Marxist-Leninist methodology, organizational and production direction, moral economy, agrarian discussions V. I. Lenin, A. V. Chayanov, N. D. Konratyev*

Тимофеев Дмитрий Владимирович
д.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН
(Россия, Екатеринбург)
E-mail: dmitrtim@yandex.ru

**«Между общим и частным благом»: методология
изучения экономических стратегий поведения
«свободных состояний» в России XIX в.**

УДК 930.2 / 94(47).072

На примере сравнительного анализа способов обоснования и практических действий свободных состояний российских подданных первой половины XIX в. доказывается целесообразность применения методологических установок современной «истории понятий» в исследованиях по истории экономической теории и практики.

Ключевые слова: *экономическая риторика, история понятий, крепостной вопрос в России*

В современной российской и зарубежной историографии по истории социальных взаимодействий Нового и Новейшего времени одной из заметных тенденций является отказ от макро-социологических подходов, основанных на представлении о существовании жесткой детерминации между принадлежностью отдельного индивида к определенной социальной страте- его мировоззрением и стратегиями поведения [4]. Конкретно-историческое изучение характера внутри и межсословных взаимодействий на микроуровне неизменно показывает наличие разнонаправленных моделей поведения даже в рамках одной социальной группы. В данном контексте, на мой взгляд, выявление экономических стратегий представителей «свободных состояний» российского общества первой половины XIX в. следует проводить не на основании гипотетически выстраиваемых классовых или групповых интересов, а через анализ коммуникативных практик взаимодействия индивидов в сфере экономических отношений, их представлений о характере и границах свободы личности, возможности получения/приобретения собственности, гарантий ее сохранения и приумножения.

В качестве методологического основания такого рода исследований могут быть использованы теоретические наработки

«Кембриджской школы истории понятий».¹ Реализация предложенного подхода возможна при концентрации внимания историка на содержании дискурсивных практик в рамках одного проблемно-тематического поля, затрагивающего интересы представителей различных социальных групп. Таким образом, рассматривая тексты в тесной взаимосвязи с тем, как они фиксирует намерения и практические поступки конкретных индивидов, историк получает возможность реконструировать целевые установки и результаты действий участников экономических взаимодействий на различных уровнях социальной организации.

При реконструкции экономических стратегий российских подданных XIX в. принципиально важным представляется сопоставление содержаний и риторических приемов, используемых для обоснований необходимости достижения «общего блага», «государственной целесообразности», «частной пользы», и практических действий, направленных на достижение определенных экономических целей в рамках одного проблемно-тематического поля.

В первой половине XIX в. одним из наиболее важных вопросов, решение которого затрагивало экономические интересы не только помещиков и крестьян, но также владельцев фабрично-заводских предприятий, заинтересованных в перераспределении дешевой рабочей силы, и даже членов состоятельных купеческих фамилий — был вопрос о возможности изменения положения крепостных крестьян в России. Сопоставление проектов и практических действий, направленных на получение экономических преимуществ при изменении положения крепостных крестьян, позволило выявить несколько стратегий решения данного вопроса представителями «свободных состояний» российского общества первой половины XIX в.

1. *Стратегия превентивного приспособления к возможным изменениям правительственной политики посредством обоснования важности выработки механизмов повышения эффективности*

---

¹ Несмотря на то, что основным предметом исследования основоположников кембриджской школы истории понятий является история политической мысли, разработанный ими подход к анализу текста как целенаправленного коммуникативного действия, направленного на достижение определенных результатов с учетом возможной ответной реакции слушателя/читателя, может быть применен и при анализе стратегий поведения индивидов в сфере экономики. См., напр. теоретические положения в работах Кв. Скиннера, Дж. Покока, У. Риккена, Х. Э. Бёдекера и др. [1; 2; 3].

помещичьего хозяйства. В рамках данной стратегии представители поместного дворянства подавали разнообразные проекты и записки, в которых обосновывалась необходимость юридической регламентации «пределов власти» помещика и постепенного освобождения крестьян по мере их готовности к «свободному труду». Авторы, чаще всего, обосновывали необходимость предоставления крепостным людям «свободы» несовместимостью «рабства» с нормами христианской морали и необходимостью развития промышленности, что, по их словам, способствовало бы как «частной» пользе крестьян и заводчиков, так и «общей»/«государственной пользе». Содержательно данная стратегия представлена, например, в проекте барона Фридрихса:² проблеме повышения рентабельности помещичьего хозяйства предлагалось решить посредством создания «Практической сельскохозяйственной школы», которая готовила бы из числа наиболее способных государственных и/или помещичьих крестьян квалифицированных приказчиков. Такие крестьяне после обучения и истечения испытательного становились бы лично свободными.

2. *Стратегия минимизации конкуренции со стороны торгующих в городах крестьян при одновременном провозглашении приверженности принципу «свободы торговли» для своего состояния.* Данная стратегия отчетливо просматривается при анализе многочисленных прошений купечества запретить как крепостным, так и государственным крестьянам торговать в городах.

3. *Стратегия представителей финансово состоятельных сословий, не имевших дворянского достоинства, нацеленная на упразднение существующих юридических ограничений и расширение права приобретения «населенных земель».* Яркой иллюстрацией реализации такой стратегии является прошение удостоенных за особые заслуги «осьмиклассными чинами купцов» о предоставлении им «права владеть деревнями» и проект «Общих правил, на основании коих лица, не имеющие Дворянского достоинства, могут приобретать покупкой в собственность деревни» О. П. Козодавлева.³

4. *Стратегия преодоления условности права обладания недвижимой собственностью и крестьянами.* Содержательно она

² РГИА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 27.

³ Там же. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 619. Л. 6–21.

проявлялась в незаконном «присвоении» права распоряжения крепостными людьми посредством покупки людей по «верующим письмам». Примером реализации данной стратегии являются многочисленные жалобы и судебные решения по делам «об отыскании свободы из рабства».

Таким образом применение металогического инструментария современной «истории понятий» позволило выявить разнонаправленные стратегии экономического поведения. Одна часть российского дворянства стремилась всеми возможными способами сохранить право обладания крестьянами, обосновывая экономическую целесообразность сохранения патерналистской модели взаимоотношений между помещиком и крестьянином. Представители другой части дворянства, соглашаясь с тезисом о противоречии «рабства» нормам христианской морали и наличия у каждого человека «естественного» стремления к «благосостоянию», разрабатывали различные проекты смягчения/отмены личной зависимости крепостных. Одновременно с ними, были и те, кто, несмотря на установленные законом ограничения, отдавал своих крестьян лицам недворянского происхождения по различным доверительным письмам. Не менее противоречивым были практические действия отдельных представителей купечества, мелкого чиновничества и даже предприимчивого крестьянства. Все они, с различной степенью интенсивности пытались либо подвинуть власть на расширение юридических оснований для приобретения населенных земель, либо, используя пробелы в законодательстве, фактически приобретали дворовых людей. Такое положение во многом определило нерешительность Александра I в проведении полномасштабных социальных преобразований, которые в большей или меньшей степени затронули бы интересы всех сословных групп российского общества.

Библиографический список

1. История понятий, история дискурс, история метафор. М., 2010.
2. Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. М., 2018.
3. Скиннер Кв. Истоки современной политической мысли: в 2 т. М., 2018.
4. Эльстер Ю. Объяснение социального поведения: еще раз об основах социальных наук. М., 2011.

Dmitriy V. Timofeev

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: *dmitrtim@yandex.ru*

**“Between the general and private welfare”:
methodology of studying economic strategy of
behavior of “free states” in the 19th century Russia**

On the example of the comparative analysis of ways of justification and practical actions of the free groups of Russian citizens of the first half of 19th century, the paper demonstrates the expediency of application of methodological guidelines of modern “history of concepts” in studies on history of the economic theory and practice.

Keywords: *economic rhetoric, history of concepts, a serf question in Russia*

Трофимов Андрей Владимирович

д.и.н., профессор, Уральский государственный
экономический университет (Россия, Екатеринбург)
E-mail: *2519612@rambler.ru*

**Советская экономическая модель и коррупция:
к историографии проблемы**

УДК 343.9.02(47)

В докладе рассматриваются теоретико-методологические аспекты сопряженности советской экономической модели с феноменом коррупции. Выявляются подходы в современной историографии к оценке масштабов коррупции, степени ее проникновения в социально-экономическую сферу, остроты проявлений в разные периоды советской истории, эффективности противодействия со стороны государства.

Ключевые слова: *советская экономическая модель, коррупция, историография*

Усилиями современных исследователей (Е. Т. Артемов, С. А. Баканов, Р. А. Белоусов, О. Э. Бессонова, Ю. П. Бокарев, Л. И. Бородкин, Е. Т. Гайдар, В. Ю. Катасонов, А. И. Колганов, С. Г. Кордонский, В. М. Кудров, А. М. Маркевич, В. А. Мау, С. А. Нефедов, Р. М. Нуреев, Е. А. Осокина, В. В. Седов, А. С. Сенявский, А. Г. Фонов, Г. И. Ханин, Р. Аллен, П. Грегори, Х. Кесслер и др.) создана многоплановая картина формирования, эволюции, модернизационного потенциала, особенностей функционирования мобилизационных механизмов развития, «следов», оставленных

советской экономической моделью. Дискуссионными являются вопросы ее эффективности, способности к реформированию, причин крушения, исторических последствий. Одной из релевантных исследовательских проблем в данном контексте является сопряженность советской экономики с феноменом коррупции.

Под коррупцией принято понимать использование должностным лицом своих властных полномочий и доверенных ему прав в целях личной выгоды, противоречащее установленным законам и правилам. Классифицируют коррупцию по разным основаниям: на бюрократическую и политическую; принудительную и согласованную, централизованную и децентрализованную, уголовную (в основном экономического характера) и политическую; «белую», «серую», «черную»; в сфере торговли, в патронажных системах и кризисную; в широком и узком смысле [2]. Существование феномена коррупции в Советском Союзе признается в настоящее время большинством исследователей, различаются лишь подходы к оценке ее масштабов, степени проникновения в социально-экономическую сферу, остроты проявлений в разные периоды советской истории, эффективности противодействия со стороны государства.

Важнейшим критерием уровня коррупции признается способность государства оказывать услуги беспристрастно и безличностно, а причины коррупции объясняются сохранением рентной экономики или кумовских взаимоотношений власти и экономических субъектов [13]. В Советском Союзе институт советской партийно-государственной номенклатуры, наряду с ограничением возможностей злоупотреблений властью, создавал условия для существования коррупции. Деньги в советской экономике при дефиците товаров и услуг не играли определяющей роли, для самообогащения номенклатура использовала созданную систему материальных льгот и привилегий [11, с. 94].

«Агентский» подход к коррупции, применяемый к «сталинской экономической модели», позволяет выявить несоответствие интересов во взаимодействии «принципала» и «агента», объяснить появление административного торга на всех уровнях власти, искажение экономической информации, создание возможностей для злоупотреблений [4]. Теория коррупции как «статусной ренты» объясняет поведение субъектов коррупционных связей тем, что они пытаются найти оптимальный способ реализации своих интересов в условиях ограниченности ресурсов. Для

них коррупция — рациональный способ оптимизации издержек, экономическое поведение, целью которого является максимизация их полезности посредством извлечения непроизводительного дохода за счет использования и перераспределения ресурсов, не принадлежащих этим индивидам, но доступных им [5, с. 36].

Советская экономическая модель представляла собой огромное многоотраслевое хозяйство, функционирующее в условиях крайне нерационального использования имеющихся ресурсов и, как следствие этого, жесточайшего дефицита большинства видов материальных благ. Коррупция была «платой» за существование планово-распределительно-дефицитной экономики [10]. В 1930–1940-е гг. в стране сложилась разветвленная нелегальная система торговли, производства и посредничества, охватившая все сферы изготовления и сбыта товаров народного потребления и оказания услуг населению, действовавшая параллельно с официальными государственными структурами, одновременно находясь с ними в тесной связи. Тогда же коррупция в СССР приобрела системный характер. В нее в различных формах (самоснабжение, злоупотребления, взятки) была вовлечена значительная часть партийно-государственной и хозяйственной номенклатуры, что способствовало превращению коррупции в неотъемлемый элемент советской хозяйственной системы. Советская «теневая экономика» удовлетворяла те элементарные потребности граждан, которые не могла обеспечить плановая экономика. В то же время она могла существовать, лишь паразитируя на официальных хозяйственных структурах, коррумпируя власть и подрывая принципы экономической системы в целом [3; 11].

Согласно другому подходу, для такого явления как коррупция в стране не существовало социально-экономического фундамента, поскольку, сталинская модель экономики, в ее нормативном варианте, купировала распространение коррупционных стратегий поведения на уровне институтов и отдельных граждан. Этому способствовало наличие: общенародной собственности на средства производства; решающей роли государства в экономике; использование кооперативной формы хозяйства и мелкотоварного производства в дополнение к государственным формам хозяйства; централизованное управление; директивное планирование; единый народнохозяйственный комплекс; мобилизационный характер; максимальная самодостаточность; ориентация в

первую очередь на натуральные (физические) показатели (стоимостные играют вспомогательную роль); отказ от показателя прибыли как главного стоимостного показателя, ориентация на снижение себестоимости продукции; ограниченный характер товарно-денежных отношений; одноуровневая модель банковской системы и ограниченное количество банков; двухконтурная система внутреннего денежного обращения (наличное и безналичное обращение) и др. [6, с. 15]. Утверждается, что в годы правления И. В. Сталина коррупция как социальное явление была в основном искоренена, а ее возрождение и последующий расцвет относится к эпохе правления Н. С. Хрущева и Л. И. Брежнева [7].

Изучая работу силовых структур по борьбе с коррупцией, исследователи [1; 8; 9; 12] отмечают, что активная деятельность сотрудников ОБХСС в целом не смогла снизить интенсивность проявлений «черного рынка», поскольку они видели свою задачу не в «войне до победного конца» с «чуждыми элементами», вплоть до искоренения «черного рынка» как такового, а в установлении контроля над ними, и отчасти сами способствовали росту организованности и профессионализма системы подпольных экономических отношений. В конце 1940-х гг. Прокуратурой СССР были вскрыты многочисленные факты взяточничества, злоупотреблений, сращивания с преступными элементами и вынесения неправосудных приговоров и решений в судебных органах различных регионов страны. В послесталинский период происходит усиление внимания органов госбезопасности к экономической составляющей коррупции. Нараставший масштаб проблемы привел к тому, что в 1960 г. в ведение КГБ были переданы уголовные дела, связанные с незаконными валютными операциями, контрабандой, хищениями социалистической собственности в крупных размерах.

Продолжается поиск ответов на вопросы о возможностях (реализованных и упущенных) политико-экономического реформирования советской экономической модели, включения в ее ткань рыночных механизмов, повышения экономической эффективности, активизации в разрешенном правовом поле деятельности «теневых» экономических субъектов и другие механизмы. Коррупция превратилась в системную проблему задолго до распада СССР, а получившие общественный резонанс «торговое», «рыбное», «хлопковое» и другие дела свидетельствовали о нарастающем масштабе данного явления.

Библиографический список

1. Болдовский К. А. «Нездоровые и антисоветские проявления...»: справка Управления КГБ при Совете Министров СССР по Ленинградской области от 27 июля 1964 г. // Новейшая история России. 2012. № 1. С. 248–258.
2. Быстрова А. С., Сильвестрос М. В. Феномен коррупции: некоторые исследовательские подходы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3, № 1. С. 83–101.
3. Говоров И. В. Коррупция в условиях послевоенного сталинизма (на материалах Ленинграда и Ленинградской области) // Новейшая история России. 2011. № 1. С. 66–80.
4. Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М., 2008.
5. Епифанова Н. Исследование коррупции на основе методов экономической теории // Вопросы экономики. 2007. № 1. С. 33–44.
6. Катасонов В. Ю. Экономика Сталина. М., 2014.
7. Киран Р., Кенни Т. Продавшие социализм. Теневая экономика в СССР. М., 2010.
8. Ключев Е. А. Органы БХСС и их роль в борьбе с черным рынком в первое послевоенное десятилетие (на материалах Ленинграда) // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 5. С. 38–45.
9. Лубянка: обеспечение экономической безопасности государства. М., 2002.
10. Нисневич Ю. А. Коррупция в исторической ретроспективе с уточнениями и дополнениями // Общественные науки и современность. 2015. № 3. С. 90–100.
11. Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 1999.
12. Тростин Е. А., Холодов С. А. ОБХСС. МВД. КГБ. Краткий курс экономической преступности. М., 2018.
13. Fukuyama F. What is Corruption? // Against Corruption: a collection of essays. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/against-corruption-a-collection-of-essays/against-corruption-a-collection-of-essays> (accessed: 20.02.2019).

Andrei V. Trofimov

Doctor of Historical Science, Ural State University of Economics
(Russia, Ekaterinburg)

E-mail: 2519612@rambler.ru

**The Soviet economic model and corruption:
towards a historiography of the problem**

The paper deals with the theoretical and methodological aspects of the Soviet economic model conjugation with the phenomenon of corruption. The author identifies approaches in modern

historiography to assessing the scale of corruption, the degree of its penetration into the socio-economic sphere, severity of its manifestations in different periods of Soviet history and the effectiveness of counteraction measures by the state.

Keywords: *Soviet economic model, corruption, historiography*

Яхно Ольга Николаевна

к.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН

(Россия, Екатеринбург)

E-mail: *mrsyakhno@mail.ru*

**Экономическое поведение в стиле модерн
в зеркале российской прессы
на рубеже XIX и XX вв.**

УДК 94(470) "18/19"

В докладе проанализированы материалы российской прессы на рубеже XIX и XX вв., посвященные вопросам доходов и заработков населения, а также советам по ведению домашнего хозяйства. В качестве источников используются газеты и журналы, рассчитанные на конкретную аудиторию: «провинциальную интеллигенцию», городской образованный «средний класс», художников и богему, а также российскую элиту.

Ключевые слова: *экономическое поведение, стиль модерн, буржуазные ценности*

Стиль модерн, как правило, связывают с определенным направлением в развитии искусства. Однако возможна и более широкая его интерпретация: отождествление с общественными представлениями и нормами поведения буржуазного общества, получившими широкое распространение в конце XIX — начале XX в. С одной стороны, они отражали чувство усталости, утрату прежних нравственных ориентиров, а с другой свидетельствовали о жажде обновления и вере в его возможность [1, с. 13].

Эти настроения проявлялись во всех сферах общественной жизни. Они широко обсуждались в прессе, рассчитанной на городские слои. Особое внимание уделялось вопросам доходов, заработков, «правильному» ведению домашнего хозяйства и т. п. Так что материалы прессы позволяют достаточно адекватно реконструировать особенности экономического поведения и уровень финансовой грамотности формирующегося городского среднего класса.

Разумеется, в поведении горожан наблюдалось смешение различных стилей жизни, некритичное восприятие новых ценностей. Это оборачивалось пренебрежительным отношением к интересам других людей, стремлением только к собственной выгоде. «Наше время — время замечательной развязности и беззастенчивости», — писала «Екатеринбургская неделя». «Взять, сорвать, содрать, облупить и т. п. — пароль и лозунг, которыми руководствуются все и каждый».¹

Подобным настроениям подыгрывала местная пресса, упрощенно трактовавшая актуальность предприимчивости и практичности. В качестве эталона, к которому надо было стремиться, называлась, как правило, Америка. Прямо или косвенно утверждалось, что ее опыт предпочтителен в сравнении с российскими традициями. Так, в фельетоне с критикой новогодних визитов противопоставлялось отношение ко времени русских и американцев. «Для нас, флегматичных русских (в отличие от американского лозунга “The time is money”), время ничего не стоит».² В этом виделась основная причина «российских бед». И даже некоторые клубы в провинции называли «Америка», наверное, чтобы показать приверженность их членов идеалам деловитости.

Требование проявлять практичность распространялось, в том числе, и на семейную жизнь. Российским молодым девушкам авторы советов доходчиво объясняли, что в строго организованном обществе дочь лавочника не бросает взгляды на красивого, но ничего не имеющего офицера. Внушая мысль, что брак становится серьезной финансовой ношей, журналы советовали быть не столько красивой, сколько разумной и изящной.

Дороговизна жизни вынуждала молодых хозяек проявлять фантазию даже в рутинной повседневности. Женские журналы охотно поддерживали мысль, что можно быть элегантной и заниматься скромными домашними делами: стряпать, убирать, мыть посуду. Практичная серьезная женщина, если на ней лежат хозяйственные заботы и воспитание детей, не может отдаться своим нарядам и бросать лишние деньги на свой туалет. Столичные издания, предназначенные для средних чиновников, предпринимателей, конторских служащих, зажиточных крестьян, купцов

¹ Свадебные мытарства // Екатеринбургская неделя. 1893. № 10. С. 214.

² Екатеринбургская неделя. 1896. № 1. Ст. 3.

и ремесленников, все чаще стали обращать внимание именно на круг людей «небогатых, но развитых, способных оценить не только практичность, но и уловить тона изящества, которые способны расцветить и скрасить скромную жизнь».³

Этому могли способствовать в том числе и занятия рукоделиями, которые приносили яркие краски в жизнь семьи и значительно экономили бюджет. И снова в качестве примера счастливого сочетания красоты и простоты приводились зарубежные образцы.⁴

От женщины ожидали рациональной организации домашнего быта. Назывались два «краеугольных камня» домашнего хозяйства: время и деньги. Строгость по отношению к себе и окружающим, умение держать себя в руках, сдержанность — вот что должно было отличать благовоспитанную женщину в идеале. «Женщина, уважающая себя, должна относиться осторожно и обдуманно к своим покупкам. Чем женщина беднее, тем она строже должна относиться ко всякому кредиту и стараться брать все на наличные деньги».⁵

Правда, во внешнем облике тиражировался скорее аристократический идеал богатства и респектабельности, нежели мещанская скромность и простота расчетливости. Аристократический идеал элегантности и утонченности привлекает многих, но его достижение — дело весьма дорогостоящее. «Остается еще огромная категория женщин среднего класса, которые из-за неумения одеваться заставляют своих мужей делать долги... и в конце концов все же оказываются безвкусно одетыми».⁶

Нередко следование модным веяниям создавало проблемы для семейного бюджета. Но, с другой стороны, массовое производство порождало «красоту для бедных». «Страсть к подражанию, стремление низших сословий тянуться вслед за высшими во всем, что касается внешнего строя жизни, никогда не имело столь широкого распространения».⁷

Отчасти скучный прагматизм новой буржуазии подвергался критике на страницах журналов, отражавших взгляды и

³ Семьянин. 1894. Т. 1. С. 175.

⁴ Безделушки // Последняя мода. 1909. № 2–3. С. 13.

⁵ Семьянин. 1894. Т. 2. Март. С. 174.

⁶ Дамский мир. 1912. № 1. С. 31.

⁷ Хозяйство и мода // Хозяйка. 1902. № 46. Ст. 1291.

интересы людей искусства, богемы. «Как создать постоянный жизненный гимн: плясовой ритм жизни, пластику всех людских действий? Это ли пожелание не смешно в наши дни, поработщенное уродством, рассудочными эпидемиями, машинной техникой, в дни систематичного обезображивания природы и мрачной поурности, вызванной борьбой за существование?»⁸

Экономические реалии эпохи модерна также оказывали влияние на предпочтения и поведение российской элиты, о чем свидетельствуют издания, ориентированные на ее представителей. В частности журнал «красивой жизни» «Столица и усадьба» печатал заметки корреспондентов по различным животрепещущим с точки зрения высших классов вопросам. В том числе и про Америку, которая была ярким воплощением капитализма. Но к ее реалиям в этом смысле относились сдержанно. «Доллар — та единственная могущественнейшая сила, к которой янки привыкает стремиться с пеленок. Жизнь становится сухой, однообразной, но зато это сулит владычество Америки над миром. Янки так думают».⁹

На протяжении Первой мировой войны с ее невзгодами и трудностями появляются более пессимистичные оценки будущего. Так в «Фельетоне о долларах»: «Бостон — это оправдание американского делания доллара. Там есть наука, литература, искусство. Уже теперь, когда еще не кончилась война, но уже когда американцы неистово разбогатели за счёт сошедшей с ума Европы, Европа привлекла целые сотни агентов по скупке предметов искусства. За те деньги, которые фабрикуются американским трудом, можно купить действительно все».¹⁰

Столь нерадостные для европейцев перспективы связывались с их недостаточным прагматизмом. Американская целеустремленность к накоплению вещного богатства скорее вызывала отторжение. Это приводило к тревоге и растерянности. В конечном итоге, все обернулось тотальным пересмотром общепринятых установок экономического поведения, произошедшим в революционную эпоху.

---

⁸ Бенуа А. В ожидании гимна Аполлону // Аполлон. 1909. № 1. С. 9.

⁹ Власть доллара // Столица и усадьба. 1914. № 4. С. 8.

¹⁰ Фельетон о долларах // Столица и усадьба. 1916. 77–78. С. 9.

Библиографический список

1. Сарабьянов Д. А. Модерн. История стиля. М., 2001.

Olga N. Yakhno

Candidate of Historical Sciences, Institute of History
and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: *mrsyakhno@mail.ru*

**Economic behavior in the Art Nouveau style
in the mirror of the Russian press
at the turn of the 19–20th centuries**

The paper analyzes press materials devoted to the topic of income, earnings and housekeeping. The sources of research are newspapers and magazines, targeted at a very specific audience: “provincial intelligentsia”, urban educated “middle class”, artists and Bohemians, as well as the Russian elite.

Keywords: *economic behavior, Art Nouveau style, bourgeois values*

ЭКОНОМИКА ИМПЕРСКОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМА ВЫБОРА МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ

Абдуллаев Ясын Сахиб оглы
студент, Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, Санкт-Петербург)
E-mail: ragiev@list.ru

Взаимоотношения российского и французского банковского капитала в 1914–1917 гг.: по материалам Акционерного общества Брянского завода и Русско-Азиатского банка

УДК 94 (47)

В докладе рассматривается один из наиболее показательных эпизодов формирования финансового капитала в России в годы Первой мировой войны. Анализ борьбы банковских монополий за преобладание в Акционерном обществе Брянского завода позволяет прийти к новым выводам относительно положения самой компании и расстановки сил на российском денежном рынке в конце 1917 г.

Ключевые слова: Акционерное общество Брянского завода, Русско-Азиатский банк, Société Générale, концерн Второва, финансовый капитал

В период предвоенного промышленного подъема 1908–1913 гг. процесс формирования финансового капитала в России вступил в стадию зрелости. Российские банки расширяли свое участие в финансировании промышленности [3, с. 418].

«Акционерное общество Брянского рельсопрокатного, железоделательного и механического завода», учрежденное в 1873 г., являлось крупной промышленной компанией, занятой в области машиностроения, металлургии и добычи минерального топлива. С 1910 г. по 1914 г. уровень чистой прибыли организации увеличился с 1,8 до 7 млн руб.,¹ а стоимость акций выросла почти вдвое [6, с. 292]. Судя по имеющимся данным, в 1914 г. около 75 % акций (весь капитал — 41,2 млн руб.) общества принадлежали

---

¹ Отчеты правления Общества Брянского рельсопрокатного, железоделательного и механического за 1910–1914 гг. СПб., 1911–1914; Пг., 1915.

французским вкладчиком.² Однако тенденция была такова, что позиции иностранцев в Обществе постепенно ослабевали. После «Керченского дела» 1899–1903 гг. французы предпочитали не вмешиваться в дела правления компании, полностью сосредоточившись на сохранении за собой ее ценных бумаг [7, р. 293].

В 1900-е гг. наибольший интерес к Акционерному обществу Брянского завода среди российских банков проявлял Петербургский международный банк [2, с. 168]. Вскоре ситуация изменилась. Образование в 1910 г. Русско-Азиатского банка привело к перераспределению сфер влияния российского банковского капитала. С октября 1912 г. по июль 1914 г. Русско-Азиатский банк провел ряд операций по приобретению и реализации акций общества Брянского завода. В результате в портфель банка и принадлежащих к нему организаций и лиц перешло 14 тыс. акций компании на сумму в 2,5 млн руб.³

Начавшаяся в июле 1914 г. Первая мировая война форсировала процессы сращивания банковского и промышленного капиталов и монополизации хозяйства в России. Создание гарантийных синдикатов и обмен пакетами акций служили главным инструментом российских банков по проникновению в промышленность [4]. В условиях войны, когда иностранный капитал не мог вести активную деятельность в России, позиции отечественной буржуазии сильно укрепились. Именно на этой, характерной для всей страны в 1914–1917 гг., почве и произошло столкновение интересов нескольких финансовых групп вокруг Брянского общества.

С лета 1915 г. предприятия Акционерного общества Брянского завода переходят к крупному военному производству. Занимаясь изготовлением снарядов и ремонтом орудий, фирма к маю 1917 г. получила от Военного ведомства заказы на сумму в 65 млн руб. [1, с. 579–656]. Всего компанией за годы войны (август 1914 — январь 1918 гг.) было произведено и сдано 1,4 млн шт. 76-мм снарядов, 1,6 млн 122-мм, 123 тыс. 152-мм бомб, отремонтировано более 350 76-мм скорострельных пушек.⁴ Естественно, что работа на государственную оборону требовала постоянного расширения производственных мощностей.

² РГИА. Ф. 23. Оп. 28. Д. 308. Л. 40б.

³ Там же. Ф. 630. Оп. 2. Д. 377. Л. 11–12; Д. 378. Л. 154; Д. 379. Л. 13.

⁴ ЦГАМ. Ф. 313. Оп. 1. Д. 322. Л. 20б.–149об.

Вследствие этого в декабре 1916 г. правление решает увеличить акционерный капитал фирмы с 41,2 до 64 млн руб. путем выпуска 228 тыс. новых акций.⁵ Тогда же создается синдикат для реализации нового выпуска, возглавленный Русско-Азиатским банком. Кроме него, туда входили «Генеральное общество» («Société Générale»), Петроградский международный и Азовско-Донской банки. На долю Русско-Азиатского банка выпадала реализация 30 % акций, Генеральному обществу и Международному банку отходило по 25 %, Азовско-Донскому банку — 20 %.⁶

В начале 1917 г. условия сделки начали меняться. Московский промышленный банк, принадлежавший концерну Н. А. Второва, смог выкупить у наследников одного из создателей Акционерного общества Брянского завода П. И. Губонина причитающуюся им учредительскую долю от нового выпуска в размере 22,8 тыс. акций.⁷ Операция затягивалась до июля. К тому времени руководство в синдикате перешло ко Второву, а долевое соотношение участников стало следующим: Генеральное общество — 25 % акций, Московский промышленный, Русско-Азиатский и Петроградский международный банки — 20 %, Азовско-Донской — 15 %.⁸ При этом по новым условиям половина всего выпуска, 114 тыс. акций, обязательно должна была быть реализована во Франции. С чем можно связать такое резкое изменение соотношения сил в обществе за неполные полгода?

Из сохранившихся отрывков переписки руководства Русско-Азиатского банка с Генеральным обществом в январе–июле 1917 г. следует, что они так и не пришли к соглашению по поводу места размещения большинства акций общества Брянского завода.⁹ Несмотря на то, что почти 75 % акций Русско-Азиатского банка принадлежали французским финансовым кругам, А. И. Путилов отстаивал собственную, зачастую противную тому, что предлагали французы, стратегию поведения на рынке [2, с. 193–199].

Вероятно, именно группа Генерального общества поддержала Московский промышленный банк, получивший главенство в синдикате. Взамен Второв соглашался на условие о резервировании

⁵ РГИА. Ф. 23. Оп. 14. Д. 725. Л. 1–10б.

⁶ Там же. Ф. 630. Оп. 2. Д. 381. Л. 77.

⁷ Там же. Д. 382. Л. 4об., 12.

⁸ Там же. Л. 155.

⁹ Там же. Д. 381, 382.

половины всех акций за французской биржей. Так, парижским капиталистам удалось снизить влияние Русско-Азиатского банка и сохранить за собой контрольный пакет акций общества. Свою роль мог сыграть и фактор неформального соглашения между Московским промышленным и Русско-Азиатским банком о перераспределении зон влияния, что было связано с проникновением концерна Путилова-Стахеева-Батолина в текстильную промышленность Центрального района [5, с. 100–107].

Так или иначе, но к концу 1917 г. реализована оказалась половина всех акций от нового выпуска. Синдикат был ликвидирован с доходом в 3,4 млн руб.¹⁰ Хотя москвичам и удалось завладеть почти 23 тыс. акций компании, а французы сохранили в нем доминирующее положение, теснейшие финансовые связи Акционерное общество Брянского завода продолжало поддерживать с Русско-Азиатским банком. Об этом наглядно свидетельствуют те беспрецедентные по своим размерам кредитные ресурсы, которые банк предоставил обществу в августе–октябре 1917 г. Суммарный объем выданных ссуд за три месяца достиг 27,8 млн руб.¹¹ Задолженность погашалась путем перевода причитающихся обществу средств за выполнение казенных заказов со стороны Военного министерства сразу на счет Русско-Азиатского банка. Важно отметить, что на всех этапах данная операция патронировалась Генеральным обществом.

В результате борьба финансовых групп вокруг Акционерного общества Брянского завода так и не определила явного лидера в ней. Русско-Азиатскому банку, ставшему главным кредитором общества, удалось проникнуть в состав правления фирмы и получить прямой доступ к ее доходам по оборонным заказам. Попытка же завладеть большей долей акций в первой половине 1917 г. обернулась неудачей, так как конгломерат Генеральное общество и близкие к нему французские предприниматели сохранили свое доминирующее положение в капитале компании. Более того, на рынке ценных бумаг общества появился новый сильный игрок — Московский промышленный банк. Несмотря на все вышесказанное, причислить Акционерное общество Брянского завода к

---

¹⁰ Там же. Д. 382. Л. 163–164.

¹¹ Там же. Ф. 1425. Оп. 1. Д. 384. Л. 23–28; Ф. 630. Оп. 2. Д. 376. Л. 16–17, 68–68об., 96–96об.

военно-промышленной группе Русско-Азиатского банка¹² или концерна Н. А. Второва [4, с. 95], как это делают некоторые авторы, не представляется возможным. В декабре 1917 г. процесс слияния компании с какой-либо одной банковской монополией, тем более российской, был далек от завершения.

Библиографический список

1. Алексеев Т. В. Особое совещание по обороне государства и военно-экономическая мобилизация в России в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). СПб., 2015.
2. Бовыкин В. И. Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. М., 2001.
3. Гиндин И. Ф. Русские коммерческие банки: Из истории финансового капитала в России. М., 1948.
4. Гиндин И. Ф., Шепелев Л. Е. Банковские монополии в России накануне Великой Октябрьской социалистической революции // Исторические записки. 1960. Т. 66. С. 20–95.
5. Китанина Т. М. Военно-инфляционные концерны в России 1914–1917 гг.: концерн Путилова-Стахеева-Батолина. Л., 1969.
6. Шепелев Л. Е. Акционерные компании в России: XIX — начало XX века. СПб., 2006.
7. McKay J. P. Foreign Businessman, the Tsarist Government and the Bryansk Company // Journal of European Economic History. 1973. Vol. 2. P. 273–293.

Yasyn S. Abdullaev

Student, St. Petersburg State University (Russia, St. Petersburg)

E-mail: ragiev@list.ru

Relations between Russian and French banking capital in 1914–1917: on the materials of the Joint-Stock Company of the Bryansk Factory and the Russo-Asiatic Bank

The article discusses one of the most significant episodes of the formation of financial capital in Russia during the First World War. The analysis of the struggle of banking monopolies for the predominance in the Joint-Stock Company of Bryansk Factory allows us to come to new conclusions regarding the position of the company and the balance of power in the Russian money market at the end of 1917.

Keywords: *Joint-Stock Company of Bryansk Factory, Russo-Asiatic Bank, Société Générale, Vtorov concern, financial capital*

¹² Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Март–октябрь 1917 г.: документы и материалы. М.; Л., 1957. Ч. 1. С. 112.

Акульшин Петр Владимирович

д.и.н., Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина

(Россия, Рязань)

E-mail: stone2708@mail.ru

**Промышленность Центральной России
в годы Первой мировой войны
и эпохи «военного коммунизма» (1914–1920)
(на материалах Рязанской губернии)**

УДК 338.4(09) (Р473.8)

Исследование посвящено состоянию промышленности Рязанской губернии в период Первой мировой войны и политики «военного коммунизма» (1914–1920). На основе анализа регионального материала делается вывод о том, что политика «военного коммунизма» являлась вынужденной мерой, порожденной войной и экономическим кризисом.

Ключевые слова: *промышленность России, Первая мировая война, политика «военного коммунизма», Рязанская губерния*

Цели, задачи и хронологические рамки политики «военного коммунизма» до сих пор остаются предметом научных и общественно-политических дискуссий. Поиск объективного ответа для решения этой сложной проблемы отечественной истории невозможен без обращения к региональной истории, в частности без рассмотрения вопроса о развитии промышленности в отдельных районах страны в этот период [3; 5].

В докладе предпринимается попытка проанализировать развитие промышленности в период «военного коммунизма» в одной из губерний Центральной России — Рязанской. Это невозможно сделать без обращения к индустриальному развитию региона в годы Первой мировой войны, с которой непосредственно связаны многие последующие события.

В общероссийской и региональной историографии существует прочная традиция рассмотрения Рязанской губернии как сугубо аграрного региона, составляющего часть Центрально-черноземного земледельческого района. Для дореформенной эпохи для этого имеется ряд веских оснований, связанных как с природными факторами, так и с социально-экономическим развитием губернии. Но крестьянская реформа 1861 г., как и последовавшее за ней интенсивное железнодорожное строительство,

ускорила процесс развития промышленности на территории Рязанской губернии.

Итогом промышленного развития Рязанской губернии к 1914 г. стало ее постепенное превращение из региона аграрного в аграрно-индустриальный. Из 12 уездов к 1914 г. только два юго-западных (Данковский и Раненбургский), которые по основным показателям социально-экономического развития были близки к соседней черноземной Тамбовской губернии, относились к числу «производящих» зерно на продажу. В остальных десяти уездах основным источником существования для сельского населения стали «отход» и промыслы, наиболее развитые из которых находились на различных стадиях перерастания в рассеянную и централизованную мануфактуру. Процесс развития капитализма «вширь» дополнился и появлением на этой территории крупных и средних предприятий, что стало итогом развития российского капитализма «вглубь». Раньше всего эта тенденция обозначалась на северо-востоке Рязанской губернии. Расположенные здесь Егорьевский и Касимовский уезды в экономическом и социальном плане представляли собой составную часть Центрально-промышленного района, тесным образом связанную с хлопчатобумажной промышленностью смежных Московской и Владимирской губерний. В первые десятилетия XX в. к ним добавились ряд других очагов крупного производства (стекольное производство в Егорьевском уезде, цементное в Михайловском и Зарайском уездах, предприятия сельскохозяйственного машиностроения и железнодорожные мастерские в губернском центре, один из крупнейших производителей шинельного сукна в стране в селе Мурмино Рязанского уезда и т. д.) [1].

Всего к началу Первой мировой войны на территории Рязанской губернии существовало 114 крупных и средних предприятий, использующих механический двигатель, на которых трудилось 25 334 рабочих. Причем среди них имелось шесть предприятий с числом рабочих более 1 000, одно — с 3 тыс. и одно — с более 5 тыс. работающих.¹

Основная часть этих промышленных предприятий сохранилась на протяжении всей Первой мировой войны. К 1917 г. по данным текущей статистики на территории Рязанской губернии

¹ Всероссийская промышленная и профсоюзная перепись 1918 г. Предварительная сводка данных. М., 1920. С. 10.

действовало 118 промышленных предприятий с числом работников около 26 тыс. человек, в том числе восемь с числом рабочих больше 1 тыс. человек.² Но порожденные Первой мировой войной экономические проблемы создавали для них, как и для всей российской экономики, все больше трудностей, которые с новой силой проявились в эпоху «военного коммунизма».

Ярким проявлением этого стала конфликтная ситуация на одном из крупнейших предприятий Рязанской губернии — Великодворском стекольном заводе Касимовского уезда. Он располагался неподалеку от Курловского стекольного завода этого же уезда и Гусевского завода Владимирской губернии. Все три завода принадлежали известному предпринимателю Ю. С. Нечаеву-Мальцеву и накануне Первой мировой войны перешли в руки акционерной компании, созданной его наследниками, главным из которых являлся министр народного просвещения П. Н. Игнатьев. Попытки оптимизации, предпринятые владельцами, привели к быстрому росту радикальных настроений среди рабочих предприятия. В ходе трудового конфликта еще летом 1917 г. рабочие явочным порядком ввели рабочий контроль для сохранения предприятия и своих рабочих мест [4].

Последующие за сменой власти в Петрограде в октябре 1917 г. политические и военные события в стране способствовали еще большему ухудшению общей экономической ситуации. Вслед за потерей промышленного потенциала Польши и Прибалтики интервенция Германии весной 1918 г. привела к потере Донбасса, а начало крупномасштабной Гражданской войны в восточных районах страны летом этого года привело к потере промышленности Урала. Нарушение хозяйственных связей, поставок сырья и топлива, транспортный кризис усугубились стремительным обострением продовольственной проблемы, которая с наибольшей силой сказывалась в наиболее развитых в промышленном отношении районах.

Неизбежным следствием этого стало перерастание экономического кризиса в катастрофу крупной и средней промышленности на всей территории страны, независимо от того, какие власти контролировали тот или иной регион. По итогам промышленной переписи, проведенной в августе 1918 г. в губерниях, которые

---

² Там же. С. 3

находились под властью правительства РСФСР, на территории Рязанской губернии было учтено 202 промышленных предприятия, среди которых было 56 (28 %) действующих и 54 «частично действующих» (27 %), бездействующими оказались — 92 (55 %).³

Неизбежным следствием катастрофического положения в сфере промышленности могло быть только принятие чрезвычайных мер, как на общереспубликанском, так и на региональном уровне. Независимо от доктринальных взглядов и пропагандистских заявлений советских и партийных руководителей всех уровней, логика событий требовала чрезвычайных методов для обеспечения элементарной жизнедеятельности в условиях военного времени. Продолжающиеся военные действия, напряженность которых со второй половины 1918 г. нарастала, заставляла Совет народных комиссаров РСФСР во главе с В. И. Лениным направить основные усилия на решение военно-политических вопросов. Для достижения военной победы в Гражданской войне Советская власть располагала в основном человеческими и материальными ресурсами центральных и северо-западных губерний дореволюционной России.

Свидетельством этого является изменение удельного веса промышленности Рязанской губернии в общей структуре экономики РСФСР, потерявшей к этому времени значительную часть индустриального потенциала. По итогам промышленной переписи 1918 г. из 21 губернии, находящейся под контролем Советской власти, 48 % предприятий и 78 % рабочих было сконцентрировано на территории 10 губерний (Петроградской и девяти входивших в Центрально-промышленный район, к которому отнесли и Рязанскую губернию).⁴ Рязанская губерния входила в число шести губерний, на территории которых было сосредоточено 93 % предприятий и 94 % рабочих хлопчатобумажной промышленности, и десяти губерний, на территории которых находилась основная часть механических двигателей, имеющих в РСФСР.⁵

В эпоху «военного коммунизма» Рязанская губерния, в отличие от довоенного времени, оказалась важнейшим источником топливных ресурсов для центральных районов страны. На

---

³ Там же. С. 2.

⁴ Там же. С. 8.

⁵ Там же. С. 16, 25.

протяжении всей Гражданской войны в руках РСФСР находился постоянно только Подмосковский угольный барьер, расположенный на смежной территории Тульской и Рязанской губерний. На национализированных в 1918 г. шахтах франко-бельгийского акционерного общества «Charbonnage de Pobedenko» Скопинского уезда Рязанской губернии трудились более 12 % занятых в добывающих отраслях РСФСР. Для сравнения стоит отметить, что на всех шахтах Тульской губернии было занято только 9 % работников этой отрасли.⁶

Разработка крупных запасов торфа на среднем течении Оки, расположенных в соседствующих уездах Рязанской, Владимирской и Московской губерний, до Первой мировой войны имела только локальное значение. Возникший в годы войны топливный кризис привел к появлению планов их более масштабного использования. Первые изыскательские работы на территории Шатурских болот Егорьевского уезда Рязанской губернии были предприняты в 1917 г. на средства Московской городской управы. Но практическая реализация этого масштабного проекта, итогом которого станет создание первенцев плана ГОЭЛРО Шатурской и Каширской ГРЭС, связано с осуществлением политики «военного коммунизма». В мае 1918 г. были организованы Шатурские государственные торфяные разработки Главного торфяного комитета ВСНХ [2].

Проект, связанный с разработкой Шатурских торфяных болот с целью электрификации центра России, оказался единственным успешным проектом перспективного развития, осуществляемого методами «военного коммунизма» в 1918–1920 гг. на территории Рязанской губернии. Остальные мероприятия политики «военного коммунизма» в регионе являлись реакцией местных советских и партийных органов на директивы центра и нарастающие экономические трудности, при помощи которых они пытались по мере своих возможностей и способностей поддерживать экономическую стабильность и социальную справедливость. Первые заметные шаги в сфере национализации основных отраслей промышленности в Рязанской губернии стали предприниматься осенью 1918 г. Выступая на собрании фабрично-заводских комитетов и контрольных комиссий национализированных

---

⁶ Там же. С. 11.

текстильных предприятий Спас-Клепиковского фабричного района Рязанского уезда, председатель Рязанского губернского совета народного хозяйства Н. Ф. Масалков так объяснял присутствующим представление местных властей об этом вопросе: возглавляемый им орган «...безусловно будет заботиться, чтобы все фабрики и заводы были обеспечены сырьем и денежными средствами. Но при этом заявил, чтобы мы не ожидали кого-нибудь, т. е. кто бы приехал и сделал все за нас, а чтобы каждое предприятие принимало деятельное участие и заботу в своих нуждах».⁷

Процесс национализации в Рязанской губернии не завершился вплоть до осени 1921 г. К 1 октября 1921 г. по данным губернского совнархоза на территории губернии числилось 147 «милитаризированных» и «забронированных» предприятий, на которых работало 14 602 рабочих и служащих. Всего в регионе было учтено к этому времени 5 623 промышленных предприятия, из которых 623 национализированных, 491 частное и кооперативное с применением наемного труда и 3 306 заведений «не применяющих» наемный труд, из которых 1 194 бездействовало.⁸

Библиографический список

1. История Рязанского края. 1778–2007. Рязань, 2007.
2. Крамич Г. А. История и тайны земли Шатурской. Шатура, 2007.
3. Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001.
4. Турбин В. Н. За пять лет: Очерк по истории профессионального и революционного движения на Великодворском стекольном заводе Рязанск. губ. (с 1917 г). Владимир, 1924.
5. Ходяков М. В. Децентрализм в промышленной политике регионов России: 1917–1920 гг. СПб., 2001.

Peter V. Akulshin

Doctor of Historical Sciences, Ryazan State University
named for S. Yesenin (Russia, Ryazan)
E-mail: stone2708@mail.ru

Industry in Central Russia during the First World War and the era of “War communism” (1914–1920) (on the materials of Ryazan province)

The paper is devoted to the state of the Ryazan province industry during the First World War and the policy of “war communism”

⁷ ГАРО. Ф. Р-276. Оп. 1. Д. 171. Л. 5.

⁸ Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 810. Л. 14.

(1914–1920). Based on the analysis of the regional material, it is concluded that the policy of “war communism” was a forced measure generated by the war and economic crisis.

Keywords: *Russian industry, First World War, “war communism” policy, Ryazan province*

Анисимова Дарья Вячеславовна

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Россия, Москва)

E-mail: autea@yandex.ru

Соотношение фондовых рынков России и Финляндии накануне Первой мировой войны

УДК 94(41/99)

Доклад посвящен исследованию автономизации Великого княжества Финляндского в период Первой мировой войны с помощью сравнения индексов фондовых бирж Санкт-Петербурга и Хельсинки. Так как с июля 1914 г. Санкт-Петербургская биржа была закрыта, автором было сделано ретропрогнозирование ее индекса с помощью математической модели. Сравнение общей динамики смоделированного индекса и индекса Хельсинкской биржи, продолжавшей функционировать во время войны, позволило оценить степень независимости последней от экономики России.

Ключевые слова: *экономическая история, математическое моделирование, Российская империя, Великое княжество Финляндское, Первая мировая война*

К началу XX в. Великое княжество Финляндское уже почти столетие было частью Российской империи, однако дарованная ему императором Александром I широкая степень автономии — собственная конституционная система (Закон о форме правления Швеции 1772 г.), отличный от империи григорианский календарь, свое законодательство и парламентское представительство — позволила княжеству к концу XIX в. достигнуть значительной автономии и в экономической сфере. В частности, в это время у Финляндии уже был Центральный банк — Финляндский банк, таможенная служба, торговые и финансовые связи с европейскими странами и валюта. Проблема автономизации Великого княжества Финляндского стала ключевой в русско-финских

отношениях в первое десятилетие XX в., но так и не найдет своего разрешения, будучи прерванной сначала Первой мировой войной, а затем революцией 1917 г.

В данной работе автор предполагает оценить степень автономности Великого княжества с помощью индексов Хельсинкской и Санкт-Петербургской бирж.

Индекс фондовой биржи является довольно точным индикатором экономической конъюнктуры в стране, показывающим рост и спады экономики. В своей предыдущей работе «Факторы динамики индекса Хельсинкской биржи накануне Первой мировой войны» [6] автор рассмотрел степень влияния динамики Санкт-Петербургского индекса на индекс Хельсинкской биржи в предвоенные годы. Влияние оказалось минимальным. Но как изучить ситуацию в военные годы?

В июле 1914 г., в связи с началом Первой мировой войны Санкт-Петербургская биржа прекратила котировку ценных бумаг. В период перед Первой мировой войной, начиная с 1908 г., биржевой индекс Бородкина-Перельмана [7] показывает значительный подъем (после спада, вызванного, в основном, революцией 1905–1907 гг.). К 1912 г. индекс достигает почти своих максимальных значений, однако с 1913 г. начинается постепенное падение индекса, прерванное началом войны. С помощью контрфактической модели можно спрогнозировать динамику биржевого индекса после июля 1914 г. в условиях гипотетического отсутствия войны, которая радикально изменила роль факторов довоенной динамики. Автор обратился к статистической модели ARIMA, построенной на авторегрессии временного ряда. ARIMA — это интегрированная модель авторегрессии — скользящего среднего, являющаяся расширением модели ARMA для нестационарных временных рядов [1; 2]. Модель ARMA используется для анализа и прогнозирования стационарных временных рядов в статистике и является обобщением двух более простых моделей временных рядов — модели авторегрессии AR и модели скользящего среднего MA. Эти модели строятся на гипотезе об авторегрессии временного ряда, взятого с заданным лагом относительно самого себя. Они ориентированы на работу с современными экономическими показателями, однако характеристики модели таковы, что она вполне применима и к историческим временным рядам — в соответствии с базовой гипотезой для создания модели не требуется

привлечения внешних факторов, влияющих на временной ряд, так как она основана на авторегрессии.

Модель ARMA описывает стационарный ряд, который по своим характеристикам максимально приближен к «белому шуму» — во временном ряде должны отсутствовать тренд и сезонные колебания. В том случае, если исследуемый ряд имеет тренд и/или сезонные колебания, следует привести его к стационарному виду путем взятия разностей. Тренд убирается взятием разностей между последующим и предыдущим значением (вычитанием из второго значения ряда первого, из третьего второго и так далее). В том случае, если при взятии разностей все равно можно вычленить тренд, операция повторяется (из второй разности вычитается первая, из третьей вторая и так далее). Эта операция называется декомпозицией: $d = 1$, если берется разность первого порядка, $d = 2$, если берется разность второго порядка.

После приведения временного ряда к стационарному виду определяется порядок авторегрессии (p) и скользящей средней (q) с помощью графиков автокорреляционной функции и частной автокорреляционной функции (ACF и PACF). Затем строится регрессионное уравнение, на основании которого делается прогноз. Итоговая модель, построенная с помощью функции `forecast` сделала прогноз на последующие 12 месяцев (чем больше интервал прогнозирования, тем шире рамки доверительного интервала, поэтому было поставлено ограничение в один год). По этому прогнозу индекс продолжил бы падать и после июля 1914 г. Построенная в этой работе контрфактическая модель показывает, что, исходя из шестилетней предвоенной динамики индекса Санкт-Петербургской биржи, в рамках гипотезы о сохранении роли влияния факторов предвоенного периода, динамика индекса в течение последующего года после июля 1914 г. проявляла бы тенденцию к понижению — даже если бы война не началась, то есть можно говорить о начале депрессивной фазы в циклическом развитии российской промышленности в течение предвоенного года [5].

А что происходит в этот период с Хельсинкской биржей?

В первой половине 1914 г. оборот на фондовой бирже был незначителен, а в августе 1914 г. по примеру многих европейских бирж фондовая биржа Гельсингфорса была закрыта. Но она возобновила свою работу в сентябре следующего года [3].

К тому времени в биржевом комитете были обеспокоены невысокой эффективностью обмена ценных бумаг и ненадежностью котировок. К тому же со всех сторон поступали жалобы на работу биржи, в частности неточности в ее записях. Для изучения причин этих недочетов и подготовки предложений по ее улучшению в апреле 1915 г. было решено назначить особый комитет из членов биржи.

Новые правила вступили в силу после открытия фондового рынка в сентябре 1915 г.

В 1915 г. биржевой оборот составил 4 млн марок, в 1916 увеличился до 190 млн марок, а в 1917 г. — до 294 млн марок.

Торговля на фондовом рынке, которая ранее представляла интерес только для небольшого круга лиц, теперь заинтересовала более широкие слои общества. Фондовый рынок и его котировки стали темой для разговоров не только в столице, но и во всех частях страны. Именно в этих условиях формировалось впечатляющее расширение фондовой торговли.

Первые семь месяцев 1916 г. оборот на фондовой бирже был все еще относительно слаб, хотя уже в марте торги выросли более существенно, чем за весь предыдущий год. В течение июня и июля заседания проводились лишь два раза в неделю. В августе 1916 г. объем торгов увеличился, в сентябре достиг огромного для того времени размера в 45,6 млн марок, и в октябре увеличился еще на несколько сотен тысяч марок [4, с. 43].

В течение года на бирже Гельсингфорса было зарегистрировано большое количество новых бумаг, в первую очередь промышленных компаний. В конце года котировались акции уже 75 различных компаний, в том числе 14 банковских акций [4, с. 43].

К концу 1916 г. появились панические слухи о возможном снижении цен и объема торгов — по контрасту с резким увеличением оборота фондового рынка в предыдущем году. Однако в 1917 г., несмотря на некоторое затишье после Февральской революции, объем торгов на фондовой бирже дважды достиг максимума [3, с. 42].

Как мы видим, на фоне депрессивной фазы экономического цикла Российской империи, Великое княжество Финляндии, напротив, достигает максимальных показателей индекса фондовой биржи.

Данная асинхронность динамик фондовых бирж доказывает гипотезу о значимой автономизации экономики Великого княжества Финляндского в период Первой мировой войны.

Библиографический список

1. Dalinina R. Introduction to Forecasting with ARIMA in R. URL: <https://www.datascience.com/blog/introduction-to-forecasting-with-arima-in-r-learn-data-science-tutorials> (accessed: 20.07.2018).
2. Kohl M. Introduction to statistical data analysis with R. bookboon.com, London, 2015.
3. Stjernschantz G. Pa Borsens Berg-och Dalbana. Helsingfors Fondbors 1912–1987. Helsingfors, 1987.
4. Tiderman F. Helsingfors Bors, 1912–1937. Helsingfors, 1937.
5. Анисимова Д. В. Ретропрогнозирование индекса Санкт-Петербургской фондовой биржи (1914–1915 гг.): опыт работы с моделью ARIMA // Историческая информатика. 2018. № 3. С. 25–32.
6. Анисимова Д. В. Факторы динамики индекса Хельсинкской биржи накануне Первой мировой войны // Экономическая история. 2013. № 4 (23). С. 50–63.
7. Бородкин Л. И., Перельман Г. Е. Структура и динамика биржевого индекса дореволюционной России: анализ рынка акций ведущих промышленных компаний // Экономическая история. Ежегодник-2006. М., 2006.

Daria V. Anisimova

Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow)

E-mail: autea@yandex.ru

The ratio of the stock markets of Russia and Finland on the eve of the First World War

The paper is devoted to the study of autonomization of the Grand Duchy of Finland during the First World War by comparing the index of stock exchanges in St. Petersburg and Helsinki. Since the St. Petersburg Stock Exchange was closed since July 1914, the author made a retro-prediction of its index using a mathematical model. Comparison of the general dynamics of the modeled index and the index of the Helsinki Stock Exchange, which continued to operate during the war, made it possible to assess the degree of independence of the latter from the Russian economy.

Keywords: economic history, mathematical modeling, Russian Empire, Grand Duchy of Finland, First World War

Арсентьев Виктор Михайлович

д.и.н., Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (Россия, Саранск)

E-mail: vicars@bk.ru

**Россия у истоков индустриализации:
трансформация моделей промышленного
развития в первой половине XIX в.**

УДК 94(47)

В работе проведен анализ основных моделей промышленного развития, исследованы процессы трансформации производственно-отраслевой структуры промышленности России в первой половине XIX в. Источниковую основу составили материалы архивных и опубликованных источников по губерниям Среднего Поволжья, которые, несмотря на их региональную специфику, являются наглядной иллюстрацией и отражением аналогичных процессов на общероссийском уровне. Проведенное исследование дает основания говорить о начавшейся к середине XIX в. структурной перестройке, характер и содержание которой обозначили новый тренд — переход от протоиндустриального к раннеиндустриальному этапу экономической модернизации.

Ключевые слова: *промышленность, индустриализация, предпринимательство, производственно-отраслевая структура, Среднее Поволжье, промышленный переворот, экономическая модернизация*

Экономика России в первой половине XIX в.,¹ несмотря на традиционализм своего развития, по целому ряду параметров претерпевала значительные изменения. Модернизационные процессы все более активно пробивали толщу патриархального хозяйства, а рынок формировал новую макроэкономическую среду, задавая новые «правила игры» и изменяя характер функционирования экономических структур и деятельности хозяйствующих субъектов.

Исследование особенностей экономического развития России в предшествующее отмене крепостного права шестидесятилетие, позволяет обнаружить процессы, свойственные как

---

¹ По уже сложившейся в отечественной историографии традиции под «первой половиной XIX в.» подразумевают предреформенное шестидесятилетие (1800–1860 гг.).

протоиндустриальному, так и раннеиндустриальному периодам экономической модернизации. Особенностью России можно считать размытость границ между этими двумя этапами, длительное сохранение в экономике традиционных форм параллельно с появлением инновационных элементов.

Отечественная промышленность в первой половине XIX в. имела сложную организационно-производственную структуру, отличавшуюся существенной вариативностью развития и в территориальном измерении. Применительно к дореформенному периоду выделены следующие модели организации промышленного производства, соединявшие в себе разные параметры и содержательные характеристики: протоиндустриальная, представленная главным образом промыслово-ремесленной деятельностью и кустарными предприятиями крестьян и горожан; традиционная (петровская), включавшая в себя казенные, посессионные и вотчинные предприятия; частнокапиталистическая, функционирующая в форме индивидуально-капиталистических и акционерных предприятий. Этот вариант, несмотря на некоторую условность, соединяет в себе разные параметры и критерии классификации промышленного предпринимательства.

Анализируя в соответствии с указанными классификационными критериями промышленное предпринимательство четырех рассматриваемых губерний Среднего Поволжья (Казанской, Пензенской, Самарской и Симбирской), мы обнаруживаем преобладание вотчинных и купеческих предприятий. Первые доминировали в винокурении, сукноделии, свеклосахарном, полотняном и др. производствах, вторые — в кожевенном, салотопенном, свечном, мыловаренном, хлопчатобумажном и др.

Незначительный удельный вес в общей структуре промышленного производства имели посессионные предприятия, доля которых на протяжении дореформенного времени постоянно сокращалась. Такая организационная форма преобладала в металлургии (производство чугуна, железа, меди), а также в химической промышленности (минерально-купоросные заводы), а в виде единичных предприятий существовала и в некоторых других отраслях (суконная, писчебумажная). Правительственные круги признали неэффективной эту форму промышленного производства, считая ее обременительной и экономически нецелесообразной для владельцев, и ограничивающей свободу и хозяйственную

самостоятельность рабочих. Поэтому на протяжении второй трети XIX в. проводился курс на ее постепенную ликвидацию.

Практически исчерпало свой потенциал на протяжении первой половины XIX в. государственное промышленное предпринимательство. Немногочисленные казенные предприятия, существовавшие, прежде всего в винокуренной отрасли, в этот период прекращают свое действие. После того как государство утвердилось в мысли о неэффективности государственной организации производства вина, прокатилась волна закрытия казенных винокурен.

Набиравшие обороты новые формы промышленного производства, полностью ориентированные на рынок, были представлены частнокапиталистическими (преимущественно купеческими) и акционерными предприятиями. В отраслевом плане они были представлены кожевными, хлопчатобумажными, мыловаренными, салотопенными, воскобойными, свечными, канатными предприятиями. На эти формы организации промышленного производства были ориентированы также механические и машиностроительные предприятия, постепенно выделявшиеся из структуры металлургической отрасли и получавшие самостоятельное развитие.

Материалы по промышленности Казанской, Пензенской, Симбирской и Самарской губерниям в первой половине XIX в., извлеченные из многочисленных и разрозненных данных архивных и опубликованных источников, показывают общий рост основных производственных показателей. В частности, с 1812 по 1854 гг. количество промышленных предприятий, охватываемых государственной статистикой и условно отнесенных к фабрично-заводским, увеличилось с 263 до 468. Причем динамика не учитывает винокуренные предприятия, статистика которых велась не Департаментом мануфактур и внутренней торговли, а Департаментом разных податей и сборов. С учетом того, что отрасль являлась одной из самых развитых в Среднем Поволжье, показатели роста выглядели бы еще более высокими.

Наиболее стремительной динамика численности промышленных предприятий наблюдалась в 1850-е гг., хотя внутри этого периода по отдельным годам динамика количества промышленных предприятиях имела даже умеренно отрицательные значения. К 1861 г., с учетом винокуренных заводов, на территории четырех

губерний Среднего Поволжья насчитывалось 1 026 промышленных предприятий. Параллельно происходило увеличение и двух других важнейших для промышленности показателей — численности рабочих и объемов производства.

На протяжении первой половины XIX в. развитие промышленного сектора экономики меняется и в содержательном плане: создается более благоприятная среда, совершенствуется инфраструктура, формируются индустриально-зрелые формы промышленного производства в виде крупных заводских комплексов и технологически развитых производств.

Как видим, индустриальный вектор развития, который был представлен фабрично-заводской промышленностью, характеризуется довольно устойчивым ростом, особенно заметным в 1850-е гг. Однако это не приводило к снижению роли протоиндустриальных форм промышленного производства в виде крестьянских промыслов, ремесла, полукустарных предприятий, «встроенных» в аграрную экономику. Для них был характерен низкий уровень технической оснащенности и преобладание ручного труда. Сектор занимал четко очерченную нишу в экономической структуре, практически не «конфликтует» с индустриально-зрелыми формами промышленного производства, в некоторых случаях находясь с ними в тесной зависимости.

В данной связи можно даже говорить о наложении друг на друга протоиндустриального и раннеиндустриального этапов экономической модернизации, об их параллельном сосуществовании и взаимопроникновении. В результате в промышленности формировались довольно причудливые формы, соединявшие в себе совершенно разнородные элементы. В частности, докапиталистические, нерыночные методы организации труда, основанные на внеэкономическом принуждении, обеспечивали развитие вотчинных предприятий. Крепостной рабочий создавая прибавочный продукт становился уже участником рыночных отношений. На этом примере мы видим, что традиционные институты и элементы обладая трансформативным и адаптивным потенциалом, зачастую выполняли уже модернистские функции.

Промышленность первой половины XIX в. представляла собой симбиоз традиционного российского общества и внедренных в него элементов европейской индустриальной культуры, что обуславливало относительно устойчивое развитие промышленности

в указанный период. Происходившие в промышленном секторе экономики метаморфозы достаточно сложно реконструировать, поскольку их множество, между ними существуют причудливые взаимосвязи. В производственно-экономической сфере это, прежде всего различные по скорости и масштабу перемены в развитии техники и технологии производства, функционировании капитала и рынка. В пространственно-географическом измерении — крайне неравномерное, асинхронное протекание промышленных процессов. В социальной сфере (на разных ее уровнях) — перемены в формах организации и мотивации труда, сопровождавшиеся частичным переходом от принудительных способов мобилизации рабочей силы к вольному найму, от социально-патерналистских отношений между рабочими и заводовладельцами к контрактно-договорным.

В промышленности России первой половины XIX в. вектор «движения к индустриализации» был направлен не столько на преодоление сопротивления и разрушение традиций, максимальную реализацию новаций и модернизационных устремлений, сколько на создание системы взаимодействия и взаимовлияния, в которой преимущества формирующейся либерально-рыночной экономики и крупного производства переплетались с традиционными принципами организации хозяйственно-экономической деятельности. В целом, даже, несмотря на неблагоприятные факторы, отечественная промышленность находила возможности для своего развития, достигнув к началу 1860-х гг. определенного прогресса и выработав отличный от европейского механизм экономического роста.

Victor M. Arsentev

Doctor of Historical Sciences, N. P. Ogarev Mordovia State University
(Russia, Saransk)

E-mail: vicars@bk.ru

**Russia at the origins of industrialization:
the transformation of industrial development
models in the first half of the 19th century**

The paper analyzes the main models of industrial development. It investigates the processes of transformation of the industrial structure of Russia's industry in the first half of the 19th century. The research is based on the materials from archival and published

sources regarding the provinces of the Middle Volga region. These territories, despite their regional specificity, are a clear illustration and reflection of similar processes at the all-Russian level. The study gives us reason to talk about structural adjustment that has been started by the mid-19th century. Its nature and content marked a new trend, a transition from the proindustrial to the early industrial stage of economic modernization

Keywords: *industry, industrialization, entrepreneurship, industrial and sectoral structure, Middle Volga region, industrial revolution, economic modernization*

Батырбаева Шайыркул Джолдошевна

д.и.н., профессор, Кыргызский Национальный университет
им. Ж. Баласагына (Республика Кыргызстан, Бишкек)

E-mail: shaira60@mail.ru

Промысловые занятия населения как основа становления предпринимательства и развития торговли в начале XX в. в Северном Кыргызстане

УДК 94(575.2)

В докладе рассмотрены основные промысловые занятия населения Северного Кыргызстана после присоединения к Российской империи. На основе анализа данных «Обзора Семиреченской области» были охарактеризованы состояния пчеловодства, садоводства, огородничества, табаководства, разведения винограда, хмеля, рыболовства, которые имели существенное значение в хозяйстве как коренного, так и прибывшего населения.

Ключевые слова: *Северный Кыргызстан, колонизации края, промысловые занятия, предпринимательство, торговля*

Промысловые занятия населения Северного Кыргызстана после присоединения к Российской империи претерпевали изменения. Основным занятием коренного населения было скотоводство. С началом колонизации края все большее значение приобрели пчеловодство, садоводство, огородничество, табаководство, отчасти разведение винограда, хмеля, рыболовство, звероловство и извоз. Естественно это не полный перечень промысловых занятий как коренного, так и прибывшего населения, что справедливо отмечал В. А. Васильев.¹ На основе данных «Обзора

¹ Васильев В. А. Семиреченская область как колония и роль в ней Чуйской долины. СПб., 1915. С. 117.

Семиреченской области» возможно изучение становления промыслов в Северном Кыргызстане.

Начало развития пчеловодства было положено в 1856 г. переселенцем-казаком Осипом Мамедовым. Пасеку из пяти ульев он привез с Алтая и поставил в большом Алматинском ущелье.² Количество занимавшихся пчеловодством с каждым годом увеличивались. В 1870 г. близ Верного было уже более четырех тысяч ульев. Администрация области всячески поддерживала пчеловодство. В 1878 г. Г. Колпаковский выслал три колодки в село Покровское близ Каракол, устраивал образцовые пасеки, ввел рациональные способы выматывания меда, усовершенствованные ульи. Постепенно внедрялись новшества: колодки заменялись рамочными ульями, вводились центрифуги. Промысел получил развитие во всех уездах, что связано с торговлей и продажей меда у дорожных пикетов Каркаринской ярмарке.³ В 1907 г. в области насчитывалось 1333 пасеки с 61251 ульем, меду было собрано 24534 пуда, воска 950 пудов.⁴ В 1912 г. в область прибыли три инструктора по пчеловодству, по их инициативе были организованы в Верненском уезде две пчеловодные артели, а в Пржевальске пчеловодное общество.⁵ Перед Первой мировой войной в Семиречье насчитывалось до 1300 пасек с 70 тыс. ульев, сбор меда доходил до 25 000 пудов, воска до 1 000 пудов.⁶

Садоводство как промысел стало основой для появления и развития промышленного виноделия. Начало садоводству было положено русскими. В 1855 г. по просьбе губернатора Западной Сибири Г. Гасфорта русский консул в Кульдже И. И. Захаров выслал семена и саженцы плодовых культур в укрепление Верный, был основан Казенный сад, организована бесплатная раздача саженцев. Саженцы яблок апорт в Верный привезли переселенцы из Воронежской губернии, сорт прижился. Яблоки из Верного скупались возами и гужевым транспортом, доставлялись в Ташкент, Семипалатинск и далее в Сибирь.

² Монастырский В. Очерки о состоянии пчеловодства в Семиреченской области в 1856–1870-х гг. // Материалы для статистики Туркестанского края. Ташкент, 1874. Вып. 3. С. 109.

³ Обзор Семиреченской области за 1905 г. Верный, 1906. С. 50.

⁴ Записки о состоянии Семиреченской области в 1908 г. Верный, 1908. С. 25.

⁵ Обзор Семиреченской области за 1912 г. Верный, 1913. С. 58.

⁶ Лавров М. В. Туркестан. География и история края. М.; Пг., 1916. С. 68.

Переселенцы разводили яблоки и груши, местное население — алычу, абрикосы, персики и виноград. Разведением винограда занимались в долине Чуй. Русские и дунгане завозили виноград в Джаркентском, Пишпекском и Верненском уездах, отчасти в станице Сарканской Копальскаго уезда. В Джаркентском уезде виноградарством занимались таранчи, выходцы из Кульджи. В Пишпекском уезде виноградарство появилось только в начале XX в. после прибытия переселенцев из Бессарабии. Постепенно виноградарство приобрело промышленный характер, изготавливали столовые и винные сорта, имевшие широкий сбыт и относительно высокую цену.⁷

Несмотря на рост спроса и благоприятные условия, садоводство не получило широкого развития из-за сложностей приобретения земли и трудностей вывоза продукции за пределы региона.⁸

Огородничеством первоначально занимались только дунгане и таранчи, выходцы из Китая. В начале XX в. с увеличением количества переселенцев из Европейской России и с образованием новых русских поселений около городов, огородничество постепенно приобрело характер промысла, им начинали заниматься и обедневшие киргизы «джатаки». Огородничеством с целью реализации занимались только в селениях, находившихся вблизи городов. В Китай вывозили арбузы, дыни и дунганский мед — смесь арбузного сока с мукой. В Верненском уезде огородничество получило наибольшее распространение благодаря значительному спросу на овощи со стороны фабрики сушеных овощей и консервов И. Х. Шнитниковой. Под огородами и бахчами было занято около 4 300 десятин, доход от продажи доходил до 70 тыс. руб.

Перед Первой мировой войной табак в области засеивали на 100 десятинах. Разводили курительный табак преимущественно низких сортов — махорку для русских крестьян и киргизов. Коренное население еще разводило зеленый табак для жевания (насвай) и реже нюхательный. Около города Верный табачные фабриканты купец Гаврилов и мещане Романенковы имели свои плантации табака.

Культурой хлопка, шелководством и хмелем занимались только около города Пишпек. Небольшой плантацией владел

⁷ Обзор Семиреченской области за 1905 г. Верный, 1906. С. 64; Обзор Семиреченской области за 1910 г. Верный, 1911. С. 63.

⁸ Обзор Семиреченской области за 1905 г. Верный, 1906. С. 45, 46.

наманганский сарт Акымбай Исанбаев, он заседал 1,5 десятины земли. Урожай он отправлял в Чимкент, его чистый доход достигал 200 рублей с пуда. В Пишпекском уезде посевы также были у отставного офицера И. Ф. Терентьева, он занимался еще хмелеводством.⁹ На десятине земли он посадил 6000 кустов, за 1905 г. получил 130 пудов прессованного хмеля, которые продал за 1950 руб. (15 руб. за пуд).¹⁰

Для области новым направлением стало выращивание технической культуры мака. Посевы мака в Семиречинской области были произведены в 1916 г. по предложению Верховного начальника санитарной и эвакуационной части. Особенно большие посевы были произведены в Пржевальском уезде. Главными производителями опия в уезде являлись дунгане, затем русские (преимущественно городские жители), татары, киргизы, сарт калмаки, кашкарлыки и другие инородцы.¹¹

Рыболовство как промысел получило распространение на озерах Балхаш, Ала-куль, Иссык-куль и в низовьях рек Или и Чу. На озерах Балхаш и Ала-кул рыболовством занимались казахи, на Иссык-куле и Чу — местные крестьяне и верненские мещане и казаки. Для большинства русского населения рыболовство являлось значительным подспорьем в хозяйстве, излишек вывозили на базары. В Пишпекском и Пржевальском уездах часть рыбаков жили только за счет рыболовства, заготавливали рыбу в копченом, вяленом и сушеном видах. Заработок населения от проданной рыбы, по сведениям собранным волостной и столичной администрацией, в 1905 г. равнялся 21157 руб., в 1911 г. — 77820 руб., а в 1912 г. — 114892 руб.¹² Рыболовство способствовало развитию торговли и предпринимательства в крае. Хранение, перевоз и реализация рыбных продуктов требовали дополнительных видов предпринимательской деятельности.¹³

Из кустарных производств в области наибольшее развитие получили кирпичное, гончарное, столярное известковое,

⁹ Там же. С. 48.

¹⁰ Там же. С. 68.

¹¹ Производство опия в Пржевальском уезде (наблюдения и исследования практикантов М. Я. Казанцева и М. Д. Киркосянца в 1916 г.). Пг., 1917. С. 5.

¹² Обзор Семиреченской области за 1911 г. Верный, 1912. С. 60.

¹³ Обзор Семиреченской области за 1905 г. Верный, 1906. С. 53; Обзор Семиреченской области за 1911 г. Верный, 1912. С. 62.

войлочное и вялочное производства. Их становление связано в первую очередь с переселенцами. В отчете за 1905 г. отмечалось: «Многочисленны также каменщики и штукатуры. Спрос на такие работы всегда есть, так как сырцовый и глинобитный дом требует почти ежегодного ремонта. Кузнецы и слесари, ювелирные мастера так же в большинстве работают на базарах. Среди плотников и столяров есть специалисты по изготовлению лопат, вил, граблей, лотков, деревянной посуды и т. д., но больше работают в отход, поденно или сдельно».

Добыча соли являлась дополнительным источником дохода в хозяйстве населения области. Соляной промысел существовал и до присоединения, но носил кустарный характер, а с приходом русского населения с каждым годом увеличивался.¹⁴ За пределы области вывозилась только каменная соль из Атбашинского участка в Ферганскую область.

В конце XIX — начале XX в. в Семиреченской области с появлением переселенцев получили развитие новые виды промысловых занятий, которые способствовали предпринимательству и торговле. Традиционные промыслы после присоединения к Российской империи кардинальных изменений не претерпели. Все они были связаны с удовлетворением потребности местного населения.

Shaiyrkul D. Bатыrbaeva

Doctor of Historical Sciences, Kyrgyz National University
named after J. Balasagyn (Republic of Kyrgyzstan, Bishkek)

E-mail: shaira60@mail.ru

The rural agricultural occupations of the population as the basis for entrepreneurship and trade development in the early 20th century Northern Kyrgyzstan

The paper considers the main agricultural, manufacturing and rural market occupations of the population of Northern Kyrgyzstan after joining the Russian Empire. Based on the analysis of the “Survey of the Semirechye oblast”, the state of beekeeping, horticulture, gardening, tobacco growing, fishing, grape and hops cultivation was described. These occupations were significant in the economy of both indigenous people and newcomers.

Keywords: Northern Kyrgyzstan, colonization of the region, rural occupations, entrepreneurship, trade

¹⁴ Гулишамбаров С. И. Экономический обзор Туркестанского района, обслуживаемого Средне-Азиатской железной дорогой. Асхабад, 1913. Ч. 1. С. 386.

Бессолицын Александр Алексеевич

д.э.н., Институт российской истории РАН; профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия, Москва)
E-mail: A_Bessolitsyn@mail.ru

**Экономическая программа С. Ю. Витте как
модель перехода к индустриальному развитию
России на рубеже XIX–XX вв.**

УДК 338.24.021.8

Экономическая программа, разработанная в период министерства С. Ю. Витте и при активном участии самого министра финансов, по сути, явилась моделью перехода страны к индустриальному развитию и способствовала ускорению этого процесса. Особенностью этой модели явилось участие государства (прямое и косвенное) в экономической деятельности, что дало существенные результаты.

Ключевые слова: *экономическая программа, С. Ю. Витте, модернизация, человеческий капитал*

В 1870–1880-е гг. в России завершается промышленный переворот (так называемая паровая революция), нашедший отражение в промышленном подъеме 1890-х гг., который, в свою очередь, перерос в индустриализацию. Ускорение этого процесса на рубеже веков сопровождалось нарастанием противоречий разного рода, включая социально-экономические и политические сферы, что ставило правительство перед необходимостью поиска новых форм управления страной с целью вывода ее экономики на уровень передовых стран. В основных чертах эта политика была выработана в период, когда Министерством финансов России руководил С. Ю. Витте (1892–1903), определивший в качестве главной цели правительства — развитие отечественной промышленности (в том числе машиностроения) на базе крупномасштабного железнодорожного строительства, создание условий для активного привлечения иностранных инвестиций, расширения налогооблагаемой базы и емкости внутреннего рынка.

Развитие национальной промышленности рассматривалось С. Ю. Витте не только с точки зрения народных интересов (то есть создания новых рабочих мест), но и как «высший государственный интерес». Он считал, что «современное государство не может быть великим без развитой национальной промышленности».

С этой целью в Министерстве финансов, при активном участии самого С. Ю. Витте была подготовлена программа развития промышленности и торговли, которая представляла собой записку, под названием «Об изменении штатов Департамента торговли и мануфактур».

В записке, официально не опубликованной,¹ на 55 листах изложены предложения С. Ю. Витте, которые и легли в основу его торгово-промышленной политики, вошедшей в историю как «Программа Витте».² Записка состоит из трех частей.

В первой, вводной части, обосновывается необходимость изменения штатов Департамента торговли и мануфактур, поскольку его состав и материальные средства совершенно не соответствуют ни тем задачам, которые возникали в связи с современной торгово-промышленной политикой правительства, ни тем разнообразным требованиям, которые предъявлялись торговлей и промышленностью.

Вторая часть содержит анализ функций отделений Департамента, которыми они обладали к концу XIX в. Из перечня этих функций становилось ясно, что Департамент ведет значительный комплекс дел, связанных с торговлей, фабрично-заводской и мануфактурной промышленностью и т. п. и нуждается в срочной реорганизации, направленной как на увеличение его штатов и финансирования, так и на придание ему новых функций ввиду быстрого роста экономики страны.

Эти предложения были изложены в третьей — основной части программы, написанной, скорее всего, лично С. Ю. Витте. Этот раздел получил название «Соображения», где высказывались мысли относительно характера тех изменений, которые произошли в хозяйственной жизни России за последние 15 лет (с 1878 по 1893 гг.) и тех общих мерах, которые необходимо было разработать на пользу развития народного хозяйства. Значимость этого раздела подчеркивалась его значительным объемом. Он один занимал три четверти объема всего текста записки.

Именно в этой части содержалась характеристика тех принципиальных изменений, которые произошли в хозяйственной

¹ Записка появилась в кратком изложении в журнале «Русский вестник» за ноябрь 1893 года, как Торгово-промышленная программа Министерства финансов (Русский вестник. СПб., 1893. Т. 229. С. 331–334).

² РГИА. Ф. 1152. Оп. 11. Д. 447. Л. 1–55.

жизни России. Суть новой политики заключалась в том, чтобы постепенно утвердить на новых основах национальное экономическое развитие, и в этой связи опыт европейских стран в решении этой проблемы имел для Витте чрезвычайно важное значение.

Отличие России от Европы заключалось в том, что, решая задачи модернизации национальной промышленности и торговли, государство вынуждено было действовать в отсутствие оформившегося гражданского общества. Поэтому, по мнению Витте, правительство «было призвано к более трудной и более сложной деятельности, поскольку должно было заботиться не только о внешних условиях материального развития страны, но, учитывая особенности русского быта, оно должно было энергично войти в самую глубь интересов разнообразных отраслей народного хозяйства и положительным воздействием возбуждать и поддерживать частную предприимчивость в желательном направлении».

Наиболее важными экономическими проблемами в этот период являлись: улучшение путей сообщения, устройство портов, развитие кредита, разработка нового таможенного и железнодорожного тарифа, совершенствование законодательства, во многом относящегося еще к эпохам 1812 и 1833 гг., и т. д. Решение этих задач, как считал С. Ю. Витте, «может произойти лишь при широком и разностороннем положительном руководстве развитием промышленности и торговли со стороны правительства».

В проведении национальной торгово-промышленной политики большую роль играло принятие комплекса экономических мер, таких как: покровительственный таможенный тариф, выгодные для государства торговые трактаты, надлежащий строй железнодорожных тарифов и т. д. Однако эти меры создавали лишь внешние благоприятные условия для развития промышленных производств и различных родов торговли внутри страны.

Важное значение в этой деятельности правительство отводило поддержке отечественной обрабатывающей промышленности. Витте подчеркивал, что «молодая русская обрабатывающая промышленность должна соперничать с иноземною, развивавшейся и совершенствовавшейся в течение многих столетий».

С. Ю. Витте отмечал, что русская промышленность, в силу исторических обстоятельств, поставлена в гораздо более трудные условия и должна в своем развитии преодолеть несколько исторических ступеней. Частный предприниматель, задумывающий

новое дело в России должен с самого начала и одновременно выполнить столько разнообразных и трудных задач для того, чтобы расчистить почву для своего предприятия, что это оказывается большею частью непосильно для отдельных лиц. Поэтому содействие промышленности со стороны государства должно выражаться в России не столько в общей регламентации, сколько в конкретной помощи для отдельных лиц. Именно такое чисто практическое направление в деятельности центральной администрации и рассматривалось Витте в качестве «одной из важнейших обязанностей правительства по отношению к преуспеянию нашей промышленности, рассматриваемой в целом».

Ввиду всей совокупности весьма сложных и многообразных обязанностей, лежащих на управлении по отношению к торговле и промышленности, Витте считал необходимым «создать на местах соответствующие учреждения, в которых находили бы достаточное ограждение интересы промышленности не только в общегосударственном их значении, но и в частнопредпринимательском. Этой цели ближе всего удовлетворяли коллегиальные учреждения в составе как из членов от подлежащих административных ведомств, так и из представителей фабрично-заводского интереса». Устройство таких учреждений по мысли Витте «облегчило бы непосильную работу центрального управления, устранило бы излишнюю регламентацию, ускорило бы разрешение многих вопросов и помогло бы выработке законодательных норм, касающихся фабрично-заводской промышленности и ближе отвечающим местным нуждам».

Помимо этих коллегиальных чиновно-предпринимательских органов, обладающих инициативой в постановке перед правительством важных вопросов, в сфере промышленности и торговли, что должно было значительно облегчить работу центрального управления, устранить излишнюю регламентацию, ускорить разрешение многих вопросов и, наконец, помочь в выработке законодательных норм, касающихся фабрично-заводской промышленности, также планировалось создать еще один координирующий орган — Высший совет, который должен был выразить интересы важнейших производств и торговли. Координация всей этой работы возлагалась на Департамент торговли и мануфактур.

Важным условием реализации Программы являлось повышение качества человеческого капитала. С этой целью Витте

подготовил специальное Представление в Государственный совет от 13 декабря 1893 г. о передаче Министерству финансов «Заведования коммерческими учебными заведениями», в котором предлагалось предоставить министру финансов право решать учреждение новых коммерческих училищ [1, с. 136–153]. Кроме того, при департаменте торговли мануфактур был образован специальный Учебный отдел, в ведении которого передавалась вся сеть учебных заведений коммерческой, художественно-промышленной и технической специальности.

Таким образом, торгово-промышленная программа, разработанная по инициативе и при прямом участии министра финансов, явилась, по сути, моделью перехода страны к индустриальному развитию. Программа предполагала проведение целого комплекса мер, включающего модернизацию экономики за счет привлечения предпринимательского сообщества к систематическому совещательному участию в ее управлении, развитию уже сложившихся и формированию новых промышленных центров; создания более благоприятных условий для частного бизнеса; повышения качества человеческого капитала и т. д.

Библиографический список

1. Витте С. Ю. Собрание сочинений и документальных материалов: в 5 т. М., 2006. Т. 4, кн. 1.

Alexander A. Bessolitsyn

Doctor of Economic Sciences, professor, Institute of Russian History of the RAS; Institute for Social Sciences of RANEPA (Russia, Moscow)
E-mail: A_Bessolitsyn@mail.ru

S. Yu. Witte's economic programme as a model of transition to industrial development of Russia at the turn of the 19th and 20th centuries

The economic programme developed during S. Yu. Witte's tenure as Minister of Finance and with active participation was, in fact, a model for the country's transition to industrial development and contributed to accelerating this process. The model involved direct and indirect participation of the state in economic activity, which yielded significant results.

Keywords: *economic programme, S. Yu. Witte, modernization, human capital*

Богатырев Эдуард Дмитриевич

д.и.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (Россия, Саранск)
E-mail: *edbog@mail.ru*

Марискин Олег Иванович

д.и.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (Россия, Саранск)
E-mail: *mariskinoi@mail.ru*

**Становление и развитие системы дворянского
земельного кредитования
во второй половине XIX — начале XX в.
(по материалам Среднего Поволжья)¹**

УДК 336.71(470.40/.43)

В исследовании проанализированы предпосылки создания и деятельности Государственного дворянского земельного банка. Анализируя динамику основных операций, производимых банком, отмечаются значительные колебания в количестве и объемах предоставленных ссуд, что было вызвано, в первую очередь, причинами социально-политического характера.

Ключевые слова: *земельный кредит, Дворянский земельный банк, ссуда, Среднее Поволжье*

Реформы середины XIX в. привели к тому, что земельная собственность стала полноценным объектом купли-продажи, что предопределило активное развитие мобилизационных процессов в сфере дворянского землевладения во второй половине XIX — начале XX в. Попавшие в тяжелое положение дворяне-землевладельцы, потерявшие после реформы возможность пользоваться бесплатной рабочей силой в виде своих крепостных крестьян, испытывали острую нужду в деньгах, как в целях найма вольнонаемных рабочих, так и для модернизации своих экономий. Одним из путей выхода из данной ситуации, по мнению большинства, являлось создание системы кредитов под залог земли, ведь полученные деньги могли пойти на оплату труда вольнонаемных рабочих, закупку инвентаря, семян, сельскохозяйственных машин и оборудования и в целом на модернизацию дворянских экономий.

Первый земельный банк в Российской империи был открыт в Одессе в 1864 г. — Земский банк Херсонской губернии. Очень

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00043.

скоро в 1866 г. в Санкт-Петербурге появился еще один земельный банк — Общество взаимного поземельного кредита (ОВПК), действовавшее на началах взаимного ручательства. ОВПК функционировало на земельном рынке на основании Устава, утвержденного 1 июня 1866 г. и распространило свою деятельность на всю территорию империи, выдавая ссуды частным землевладельцам, в первую очередь помещикам. ОВПК занимало ведущее место среди всех коммерческих кредитных учреждений, действовавших на земельном рынке. Опыт деятельности учреждений показал, что провинциальные землевладельцы остро нуждаются в деньгах. Одно только ОВПК в период с 1865 по 1873 гг. выдало кредитов на сумму более 100 млн руб., а на 1 января 1885 г. в ОВПК было заложено имений на сумму 201 995 099 руб.²

Успех ОВПК на первых этапах его деятельности привел к тому, что в начале 1870-х гг. активно стали возникать акционерные земельные банки. На территории Среднего Поволжья начали свою деятельность: Московский земельный банк (1872), распространявший свои операции на Пензенскую губернию; Нижегородско-Самарский земельный банк (1872), действовавший в Казанской, Самарской, Симбирской губерниях и с 1875 г. — в Пензенской губернии; Саратовско-Симбирский земельный банк (1873), охвативший Симбирскую, Самарскую, и Казанскую губернии [1, с. 58].

Масштабы их деятельности были довольно значительны и продолжали расширяться даже в период, когда начал функционировать Государственный Дворянский земельный банк. Так, к 1891 г. в Среднем Поволжье в акционерных земельных банках было заложено 775 имений с количеством земли 483 000 дес. и общей суммой долга — 10 886 000 руб., к 1896 г. сумма долга увеличилась на 2 037 000 руб., количество заложенных имений — на 88, а площадь заложенной земли — на 34 000 дес. Больше всего акционерным банкам были должны частные землевладельцы Пензенской губернии — 5 169 000 руб. в 1891 г. и 5 400 000 руб. в 1896 г., что составляло соответственно 47,5 и 41,8 % от всей задолженности в Среднем Поволжье.³

В то же время ОВПК и акционерные земельные банки не баловали своих клиентов низкими процентными ставками, так ставка

² Статистический сборник сведений по земельному кредиту в России. СПб., 1887. С. 251.

³ Хрулев С. С. Наш ипотечный кредит. СПб., 1898. С. 149.

по кредитам в ОВПК составляла 9 % годовых, земельные банки предлагали в лучшем случае 7,5 %.⁴ Эти обстоятельства приводили к дальнейшему росту задолженности помещного дворянства, часто доводя их до разорения. Помимо этого, условия кредитования, установленные ОВПК, не предоставляли его заемщикам возможности переходить в акционерные банки, что вызывало их крайнее недовольство, о котором они неустанно заявляли на земских и дворянских собраниях, а также в печати. В добавок ко всему Министерство финансов изначально установило ограничения в отношении коммерческих банков по размеру выдаваемых ими ссуд, что также вызывало недовольство высшего сословия, привыкшего к более покровительственной политике.

Перечисленные обстоятельства вынудили правительство вновь прибегнуть к практике льготного земельного кредитования, олицетворением которой стало создание Государственного Дворянского земельного банка, который должен был изменить ситуацию в пользу дворянского землевладения, максимально замедлив процесс его убыли.

Государственный Дворянский земельный банк начал свою деятельность в 1885 г. на основании положения «О Государственном Дворянском земельном банке» от 3 июня 1885 г.⁵ Основная цель Государственного Дворянского земельного банка согласно ст. 1 Устава — поддержание землевладения потомственных дворян посредством выдачи наличными деньгами ссуд под залог принадлежащих им земель на срок от 11 до 67 лет.⁶

С момента своего создания банк выдавал ссуды под 5,5 %, очевидно, что подобные процентные ставки акционерным земельным банкам установить было не под силу. Помимо того коммерческие банки при выдаче кредитов должны были брать во внимание их экономическую обоснованность и возможность дальнейшего погашения, в силу чего размеры ссуд были ограничены, как и финансовые возможности самих банков. В свою очередь Дворянский банк никакими обстоятельствами ограничен не был и вполне мог выдавать ссуды в размере 75 % оценки имущества, то есть практически выплачивая его полную стоимость.

⁴ Там же. С. 19, 25.

⁵ Положение о Государственном Дворянском земельном банке от 03.06.1885 г. // ПСЗ-III. Т. 5, № 3016.

⁶ Устав Государственного Дворянского земельного банка. СПб., 1896. С. 3.

Насколько ожидаемо было открытие Дворянского земельного банка в Среднем Поволжье указывают объемы его деятельности по итогам первого года функционирования. Так, в трех губерниях Среднего Поволжья в 1886 г. были выданы 204 ссуды, наибольшее их количество пришлось на Пензенскую губернию — 101, в Симбирской — 88, а в Казанской — всего 15, что объясняется более поздним открытием здесь отделения — 30 июля 1886 г. Дворянской земли в регионе было заложено 183 779 дес., при этом более половины в Пензенской губернии — 96 101 дес., или 52,3 %, а в Казанской всего 15 651 дес., или 8,5 %. Общая сумма выданных ссуд составила 7 369 764 руб., из которой на долю Пензенской губернии пришлось 4 276 976 руб. (58,0 %), Симбирской — 2 675 822 (36,3 %), Казанской — 416 966 руб. (5,7 %)⁷ (в Самарской губернии отделение Дворянского банка было открыто лишь в 1887 г.).

Благоприятные условия, созданные правительством, позволили Государственному Дворянскому земельному банку развернуть активную деятельность. К началу 1898 г. долги кредитному учреждению составили 489 201 500 руб., к 1901 г. — 606 206 700 руб., к 1907 г. — 646 690 200 руб., а к 1 января 1911 г. 585 583 400 руб. В 1898 г. в залоге состояли 15 613 имений с 13 452 895 дес. земли, в 1901 г. — уже 18 721 имение и 16 002 206 дес. земли, в 1907 г. — 19 148 имений с 15 113 004 дес., несколько меньше в 1911 г. — 17 345 имений с 12 345 658 дес. земли. Общая оценка всей заложенной в банке земли составляла: в 1898 г. — 856 435 633 руб.; в 1901 г. — 1 060 409 348; в 1906 г. — 1 131 853 192; в 1911 г. — 1 019 438 120 руб. Наблюдаемое с 1907 по 1911 г. значительное снижение объемов деятельности банка вызвано не отсутствием необходимости кредитования, а причинами социально-политического характера. Первая русская революция 1905–1907 гг. и произошедшие в ее рамках массовые аграрные волнения привели к тому, что с 1907 по 1911 г. количество заложенных имений снизилось почти на 9,5 % (с 19 148 до 17 345), количество заложенной земли — на 18,3 % (с 15 113 004 до 12 345 658 руб.), сокращение затронуло и номинальную сумму займа (9,4 %) и остаток долга (10,1 %) [2, с. 12; 3, с. 12; 4, с. 12; 6, л. 73об.].⁸

⁷ Отчет Государственного Дворянского земельного банка за 1886 г. СПб., 1888. С. 6, 7, 12, 13, 18, 19.

⁸ Отчет Государственного Дворянского земельного банка за 1900 г. СПб., 1901. С. 12; Отчет Государственного Дворянского земельного банка за 1906 г.

Масштабы деятельности Дворянского банка на территории Среднего Поволжья были так же впечатляющими: к 1 января 1898 г. задолженность банку составила 50157000 руб., заложено было 1521 имение с 1648706 дес. земли, оцениваемыми в 88235170 руб. К аналогичному периоду 1901 г. размер долга вырос до 60813100 руб. (+21,2%), количество заложенных имений составило уже 1769 (+16,3%) с 1935266 дес. земли в них (+17,4%), оцениваемыми в 107381978 руб. (+21,7%). В дальнейшем наблюдается, как и в России в целом, достаточно резкий спад показателей, обусловленный обозначенными выше причинами. К началу 1907 г. уменьшилось количество состоявших в залоге имений — с 1769 в 1901 г. до 1580 в 1907 г. и до 1300 в 1911 г. Вслед за этим сократилось количество заложенной в них земли — с 1935266 дес. в 1901 г. до 1190574 в 1911 г., или на 38,5%. Номинальная сумма займа с 1901 по 1911 г. уменьшилась на 27,9%, синхронно сократилась и общая оценка заложенных земель — на 29,2%. По отношению к номинальной сумме займа немного сократился и общий остаток долга, если в 1898 г. он составлял 97,1% по отношению к номинальной сумме займа, то к 1911 г. уже 94,7%.

В дальнейшем политическая нестабильность в стране, вызвавшая отрешение императора от престола в результате революционных событий февраля 1917 г., привела также к крайней нестабильности в системе земельного кредитования. Помимо всего прочего, начавшиеся масштабные крестьянские волнения вызвали массовое разорение и обесценивание дворянских поместий, что, в свою очередь, привело к значительным задержкам по платежам.

В итоге, даже льготный земельный кредит, предоставленный помещику дворянству, не предотвратил общую тенденцию к сокращению дворянского землевладения как в целом по стране, так и в Среднем Поволжье, хотя и существенно замедлил этот процесс. К 1917 г. большая часть принадлежавшей дворянам Среднего Поволжья земли была заложена в земельных банках.

Библиографический список

1. Федосеев Р. В. Развитие системы дворянского земельного кредитования на территории Среднего Поволжья во второй половине XIX в. // Общество: философия, история, культура. 2016. № 1. С. 57–59.

СПб., 1907. С. 286, 288, 290–292; Отчет Государственного Дворянского земельного банка за 1910 г. СПб., 1911. С. 12; РГИА. Ф. 593. Оп. 27. Д. 8. Л. 1890б., 1900б., 1910б.

Eduard D. Bogatyrev

Doctor of Historical Sciences, N. P. Ogarev Mordovia State University
(Russia, Saransk)
E-mail: *edbog@mail.ru*

Oleg I. Mariskin

Doctor of Historical Sciences, N. P. Ogarev Mordovia State University
(Russia, Saransk)
E-mail: *mariskinoi@mail.ru*

**Formation and development of the system
of the noble land credit
in the second half of the 19th — early 20th century
(on the materials of the Middle Volga region)**

The paper analyzes the prerequisites for the creation and activities of the State Noble Land Bank. When studying the dynamics of the main operations carried out by the bank, one can note significant fluctuations in the number and volume of loans granted, which was caused, first of all, by causes of a socio-political nature.

Keywords: *land loan, Noble land bank, loan, Middle Volga region*

Бородина Елена Васильевна

к.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН
(Россия, Екатеринбург)
E-mail: *sosnovi-bor@yandex.ru*

**«А нынче я за делом ходить не могу»:
экономические аспекты судопроизводства в
Российской империи второй четверти XVIII в.**

УДК 94(470)«17»

Доклад посвящен малоизученной проблеме платежеспособности участников судебных процессов в России второй четверти XVIII в. Проанализирован корпус делопроизводственных материалов, отложившихся в результате деятельности органов власти Кунгурского уезда и дистриктов Среднего Урала. Сделан вывод, что возможность оплачивать судебные пошлины имела далеко не у всех жителей страны.

Ключевые слова: *Российская империя, судебная система, судебный процесс, Соборное Уложение 1649 г.*

Российская история XVIII столетия, как правило, связывается с именами таких крупных реформаторов, как Петр I и Екатерина II. Эти правители, безусловно, внесли значительный

вклад в развитие страны и оказались одними из виднейших преобразователей государственной системы управления. Среди их детищ — новая система судов, отделенная от других органов власти как в центре, так и на местах.

Оба монарха известны также и своим стремлением обновить законодательство, которое включало в себя новые нормы гражданского, уголовного и процессуального права. Обращение внимания к этой сфере было связано в первую очередь с осознанием необходимости совершенствования правосудия, улучшением способов регуляции общественных отношений. Несмотря на все старания царствующих особ, дойти до идеала в этом вопросе не удалось. Попытки создать новое уложение обернулись провалом. Одним из базовых документов, использовавшихся в судопроизводстве, оставалось Соборное Уложение 1649 г.

Именно этот документ, несмотря на изменение социальной структуры общества вследствие социально-экономических и политических преобразований, продолжал задавать тон при определении количества судебных пошлин в течение всего XVIII в. К. Д. Кавелин отметил, что пошлины, взимаемые по результатам гражданско-правовых споров, уже в XVII в. стали источником государственных доходов, а их сбор — отраслью финансового управления» [1, с. 101]. Это подтверждает и анализ статей Соборного Уложения о судебных пошлинах, которые называют большинство сборов по результатам судопроизводства «пошлинами в государеву казну», «государевы пошлины».¹ Обратимся к характеристике основных видов судебных сборов.

Статьей 124 главы X Соборного Уложения предписывалось «по судным делам имати» по одной гривне с рубля, с «суда пересуду» — шесть алтын четыре деньги, «правого десятка» — четыре деньги. Несмотря на разницу в названии пошлин, все они собирались с решенного дела без исключения. Кроме того, если судопроизводство задерживалось по вине одного из участников судебного процесса, взимались проести и волокиты в пользу пострадавшей стороны (статья 119). В случае решения дела до начала судебного разбирательства предполагалась выплата мировой пошлины (статья 121). В первой половине XVIII в. она составляла 10 копеек с человека.

¹ Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. М., 1985. Т. 3: Акты Земских соборов. С. 117–119.

Таким образом, минимальная сумма судебных сборов равнялась одной гривне, шести алтынам и восьми деньгам. Много это или мало? Мог ли себе позволить включиться в судебный процесс рядовой, не слишком знатный член русского общества?

Изучение документов, отложившихся в результате деятельности ряда государственных учреждений, так или иначе связанных с осуществлением правосудия на Урале, позволяет с некоторой долей уверенности ответить на этот вопрос. В частности, в фонде «Уральского горного правления» хранятся материалы делопроизводства, содержащие сведения о количестве судебных пошлин, собранных в разные периоды существования как органов управления и суда уровня уездов и дистриктов, так и самого главного учреждения региона — Сибирского обер-бергамта (с конца 1734 г. — Главной канцелярии казанских и сибирских заводов правления).

Например, в «Книге Сибирского обер-бергамта приходной денежной казны 1731 году» можно найти упоминания о размерах судебных пошлин, присланных из нижестоящих учреждений. Так, Арамильская земская контора 22 января 1731 г. прислала в обер-бергамт двадцать один рубль девяносто одну копейку, которые были взяты «по судных делам» в течение 1728–1729 гг.² По всей видимости, записи о поступлении таких пошлин из других мест делались редко, так как в приходной книге за год была сделана всего одна запись с информацией подобного рода. Правда, в документе можно встретить и другие записи о более мелких суммах с отдельных исков.

В приходной книге 1731 г. было сделано три подобных записи. Суммы сборов различались в зависимости от длительности дела, количества участников, а также величины судебного иска. В частности, 23 февраля 1731 г. в приход был записан один рубль шесть копеек, взятых с пришлого «баронов Строгановых с крестьянина Родиона Тонкониткина». Были получены пошлины по гривне с рубля — семьдесят копеек, с суда и пересуда — двадцать две копейки, приводные — тринадцать копеек, на «нужные расходы» — одна копейка.³ 31 декабря 1731 г. получены один рубль пятьдесят шесть копеек и шестьдесят три копейки.⁴ Первый сбор был взят

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 312. Л. 30.

³ Там же. Л. 35.

⁴ Там же. Л. 224–225, 274.

у рассыльщика Каменской земской канторы, суть дела, с которого была взыскана данная сумма, не нашла отражения в книге. Во втором случае дело касалось жителей Камышловского дистрикта. Пошлины были взяты с дела по челобитью жительницы Крутихинской слободы, крестьянской жены Арины Андреевой.

Таким образом, следует отметить, что судебные пошлины, полученные в обер-бергамте в течение 1731 г., поступили из подчиненных ему дистриктов. В большинстве случаев они представляли собой записи о единичных судебном-следственных случаях. Лишь Арамилская земская кантора сумела представить в обер-бергамт крупную сумму, которая была собрана за предыдущие годы.

Данные источника дополняются еще одной книгой прихода за 1731 г., где в более краткой форме содержатся записи об уже указанных случаях поступления в казну обер-бергамта пошлин. Под 22 февраля 1731 г. здесь имеется еще одна запись о получении пошлин: «по указу у копейста Фирса Никонова взятых с посланного указу в Алапаевскую завоцкую кантору с челобитья словесной школы ученика Степана Живодерова о слествии и розыске дворовом и о распашенной земле и о сенных покосах денег дватцать пять копеек принято».⁵

Итак, в 1731 г. в казну обер-бергамта пошлины с судебных дел поступали всего пять раз. В целом мы получаем весьма скудные сведения о их количестве и составе. Правда, можно заметить, что наряду с установленными Соборным Уложением пошлинами также существовал сбор «на нужные расходы», который собирался в случае, если канцелярия учреждения нуждалась в пополнении канцелярских товаров, бумаги, дров и иных необходимых вещей.⁶

Показатели взыскания судебных пошлин лучше просматриваются по приходным книгам административных учреждений дистриктов. Так, например, «Книга приходная Арамилской земской канторы по судным и крепостным делам 1734 году генваря с 1» дает гораздо больше сведений о частоте и размерах взимаемых с населения сборов.⁷ Книга начинается записью об оставшихся от 1733 г. пошлин по судным и крепостным делам. Их на начало года насчитывалось 6 рублей 75 с половиной копеек.

⁵ Там же. Д. 313. Л. 20б.

⁶ Там же. Д. 312. Л. 35.

⁷ Там же. Д. 495.

Последующие записи представляют собой перечень случаев, за которые были выплачены пошлины. Обращает на себя внимание, что по одному делу в книге могло быть несколько отметок. Наряду с собственно судными собирались пошлины за составление поручных записей (10 копеек с человека), а также приводные пошлины (13 копеек с человека), сборы за регистрацию явочного челобитья (4 копейки). В книгу попали не только пошлины с собственно судных и крепостных дел, но и налоги, взимающиеся за составление пропускных писем. Они могли браться как с целью разрешения судебных конфликтов (например, поиска пропавших лошадей), так и для обычного отхода на заработки.⁸

Помесячный анализ приходной книги Арамильской земской конторы показывает, что судебные пошлины поступали в казну неравномерно. Максимальный доход был получен в сентябре, составив 5 рублей 57 копеек. Минимальный — 48 копеек — в июне 1734 г. Наибольшее число дел (10) было зарегистрировано в августе, тогда как наименьшее количество приходится на январь, февраль и апрель (2-3 записи). Изучение соотношения количества записей пошлин по судебным делам и суммы, уплаченной по ним, показывает, что во многих случаях это были пошлины, взятые по явочным челобитным (4 копейки). Лишь незначительная часть налогов превышала 20 копеек, которые, как правило, брались за приводы, мировые, поручные, а также иные судебные издержки.

Изучение книги может привести к ошибочным выводам, что все судебные сборы собирались с большой долей регулярности, без особых проблем. Такую иллюзию могут разрушить как более тщательный анализ, так и сведения из Кунгурского уезда, где в суд неоднократно поступали просьбы завершить дело ввиду финансовой несостоятельности.

Библиографический список

1. Кавелин К. Д. Гражданское право. История русского судоустройства. М., 2018.

---

⁸ Там же. Д. 24. Л. 2, 20б., 3 и др.

Elena V. Borodina

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and
Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: sosnovi-bor@yandex.ru

**“I cannot go to court nowadays” economical aspects
of judicial proceedings in the Russian Empire,
the second quarter of the 18th century**

The paper is devoted to the insufficiently studied problem of the solvency of judicial proceedings participants in Russia of the second quarter of the 18th century. The author analyzed documental primary sources, which illustrate the activity of local authorities in Kungur uyezd and districts of the Middle Urals. It is concluded that court fees was affordable not to all residents of the country.

Keywords: *Russian Empire, judicial system, trial, Law Code of 1649*

Борщик Наталья Дмитриевна

д.и.н., профессор кафедры документоведения и архивоведения,
Таврическая академия, Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского (Россия, Симферополь)

E-mail: arktur4@rambler.ru

**Создание и деятельность российских
таможенных органов в Крыму
(конец XVIII — начало XIX в.)¹**

УДК 93/94 (47)

Сделана попытка исследовать механизм создания, реорганизации и функционирования крымских таможенных органов на начальном этапе вхождения полуострова в состав Российской империи (1783–1800-е гг.), в том числе состояния нормативно-правовой базы, материально-технического и финансового обеспечения крымских таможен. В год пятилетия событий Крымской весны (2014) уместно провести некую историческую параллель между событиями двухсотлетней давности и настоящим временем.

Ключевые слова: *Российская Империя, XVIII–XIX вв., Крымский полуостров, таможенные органы*

Изучение различных аспектов истории таможенного дела России принадлежит к числу приоритетных задач, стоящих перед

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00480.

современной исторической наукой: поиск новых экономических рычагов логично приводит к восстановлению функций таможенных органов как регулятора внешнеэкономических связей, стабилизации финансовой системы и пр. Сложные интеграционные процессы, проблемы адаптации к современным российским реалиям властных структур всех уровней и крымского социума в целом заставляют обращаться к историческому опыту государственного строительства, взаимодействию политических и социальных институтов общества, истории повседневности. Это стало особо актуальным после событий «Русской весны» 2014 г., вернувших Крымский полуостров в состав Российской Федерации.

Хронологические рамки обусловлены важнейшими событиями в организации крымской таможенной службы, начиная с 1784 г. — подписания российской императрицей Екатериной II указа, ставшего руководством к действию по организации первых крымских таможен и заканчивая их масштабной реорганизацией в последние годы правления Павла I.

Источниками стали документы, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве (РГИА) и Государственном архиве Республики Крым (ГАРК). Привлечены материалы краеведческих отделов и отделов редкой книги крупнейших крымских библиотек — научной библиотеки им. А. Х. Стевена «Таврика», научной библиотеки им. И. Франко, научной библиотеки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Симферополь.

В отечественной историографии присутствует определенный дисбаланс в изучении деятельности отечественных таможенных органов. Несмотря на многочисленность научных трудов, посвященных отдельным аспектам исследования, можно констатировать наличие важных, однако малоизученных тем. Вызвано это отчасти тем, что разные историографические направления используют различную методику, закономерно приходя к разным результатам; кроме того, целые группы и даже категории источников до сих пор не введены в научный оборот [6]. Применительно к Крыму можно указать единичные факты обращения к деятельности учреждаемых на полуострове российских таможенных органов: в контексте изучения развития внешней торговли в Азовско-Черноморском регионе [4], возможных путей реформирования таможен [2], опыта государственного строительства [5] и пр.

Вторая половина XVIII в. в отечественной истории по праву считается важнейшим этапом в области территориальных приобретений России. В 1783 г. в состав государства вошел Крымский полуостров, о чем современники этих событий сообщали: «Щедроты, обещания, распоряжения, все было потреблено чтоб без кровопролития очистить путь в Крым».²

Уже в январе 1784 г. вышел Манифест «О свободной торговле в городах Херсони, Севастополе и Феодосии», где Екатерина II провозглашала, что «попечение Наше о разпространении торговли подданных наших и других с ними чрез Черное и Средиземное моря достигло желаемых успехов».³

В Государственном архиве республики Крым сохранились досоветские фонды крымской таможенной службы, из документов которых известно, что в 1784 г. были созданы Феодосийская портовая таможня и Гёзлёвская (Козловская) портовая таможня (позже Евпаторийская). Согласно указу «Об устройстве новых укреплений на границах Екатеринославской губернии» от 10 февраля 1784 г. был основан город Севастополь, «...где ныне Ахтияр и где должно быть Адмиралтейство, верфь для первого ранга кораблей, порт и военное селение».⁴

За основу своей деятельности создаваемые в Крыму таможенные учреждения взяли «Положение о тарифе Крымского полуострова, изданного Шагин-Гиреем и ордера Крымского полуострова на перегон скота по тарифу» от 15 сентября 1783 г.⁵

На присоединенных территориях была образована Таврическая область. 11 июня 1784 г. полномочия правителя были официально переданы генерал-аншефу и действительному статскому советнику В. В. Каховскому. Глава «Крымского правительства» граф О. А. Игельстром направил в нижестоящие инстанции циркуляр, в котором предписывалось в тех местах полуострова, «где есть пристани, на привозящих и отвозящих кораблях, привозимых и вывозимых на них товарах о посаженных в карантинных людях, доносить ему».⁶ Директором крымских таможен был назначен коллежский ассессор К. И. Мавроени. Вскоре была открыта Таврическая

² РГИА. Ф. 1285. Оп. 2. Д. 62. Л. 3.

³ ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. 22, № 15935. С. 50, 51.

⁴ Там же. № 15929. С. 21, 22.

⁵ ГАРК. Ф. 221. Оп. 1. Д. 1.

⁶ Там же. Ф. 799. Оп. 1. Д. 1. Л. 3; Ф. 802. Оп. 1. Д. 3. Л. 2–54.

областная Казенная палата — главный административный орган, занимавшийся фискальной деятельностью, а при нем была создана и Таможенная экспедиция. Таможенной экспедиции подчинялись все таможи полуострова, устройство которых, за некоторыми исключениями, было практически однотипным.

13 августа 1785 г., был издан указ, по которому «все пристани, на полуострове лежащие» с 1 января 1786 г. освобождались от выплаты таможенных пошлин сроком на пять лет, а таможенная стража была переведена за Перекоп. В связи с отменой внутренних таможенных пошлин в Таврической области серьезный импульс для развития получила торговля, а ее оживление в южных регионах империи наблюдается в середине 1780-х гг., когда Россией были заключены выгодные торговые соглашения с Австрией и Францией [3].

В правление российского императора Павла I (1796–1801) была упразднена Таврическая область, ее территория вошла в состав Новороссийской губернии. Рост объемов внешней торговли и многочисленные факты злоупотреблений в таможенных учреждениях, коррупция и взяточничество заставили Павла I упразднить в 1796 г. таможенные экспедиции при губернских казенных палатах и возобновить деятельность Коммерц-коллегии с переподчинением ей всех таможенных учреждений. По указу Павла I от 9 ноября 1796 г. Таможенная экспедиция в Крыму была закрыта, а вместе с ней были подвергнуты расформированию штаты таможен полуострова. Мероприятия по формированию новых таможенных учреждений были продолжены уже при императоре Александре I, который в 1802 г. своим указом разделил Новороссийскую губернию, образовав из ее территорий Таврическую, Екатеринославскую и Николаевскую (с 1803 г. — Херсонскую) губернии [1].

Исследование исторического опыта организации государственных учреждений Российской империи позволяет прийти к ряду важных выводов. Можно констатировать, что таможенная политика Российской империи в конце XVIII — начале XIX столетия была подчинена интересам государственного строительства, укреплению международного авторитета, обеспечению национальной безопасности и пр. Такие грандиозные задачи требовали немалых финансовых ресурсов, регулярное поступление которых и должны были гарантировать органы таможенной службы. Эти

общие для российской таможенной политики черты стали характерны и для таможенных учреждений Крымского полуострова.

Библиографический список

1. Борщик Н. Д. К вопросу о состоянии документооборота крымских таможен в первой половине XIX в. // Документ. Архив. История. Современность: материалы VII Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием. Екатеринбург, 2018. С. 142–146.

2. Головкин Ю. И. Проекты развития черноморской торговли (последняя четверть XVIII — начало XIX в.) // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2014. № 17. С. 83–107.

3. Дружинина Е. И. Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. М., 1959.

4. Поспелова Ю. А. Азово-Черноморские таможи в конце XVIII века: инфраструктура, штат, эффективность работы // Электронный журнал «Вестник Московского государственного областного университета». 2012. № 2. С. 14–23. URL: <http://www.evestnik-mgou.ru/ru/Articles/View/189> (дата обращения: 19.09.2018 г.).

5. Прохоров Д. А. Органы управления Таврической области после присоединения Крыма к России (1783–1787 гг.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1996. Вып. 5. С. 213–225.

6. Borshchik N. D., Latysheva E. V., Prohorov D. A. Formation and Operation of Customs Agencies in Crimea at the Initial Stage (1783–1822) // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 48, issue 2. P. 528–537.

Natalia D. Borshchik

Doctor of Historical Sciences, V. I. Vernadsky Crimean
Federal University (Russia, Simferopol)

E-mail: arktur4@rambler.ru

Creation and activity of the Russian customs authorities in the Crimea (late 18th — early 19th century)

An attempt is made to investigate the mechanism of creation, reorganization and functioning of the Crimean customs authorities at the initial stage of the Peninsula's entry into the Russian Empire (1783–1800), including the state of the regulatory framework, material and technical and financial support of the Crimean customs. In the year of the quinquennium of the Crimean Spring (2014), it is appropriate to draw a certain historical parallel between the two-hundred-year old events and the present time.

Keywords: *Russian Empire, 18th–19th centuries, Crimean peninsula, customs authorities*

Бугров Константин Дмитриевич
д.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН
(Россия, Екатеринбург)
E-mail: *k.d.bugrov@gmail.com*

**Экономические проблемы российского
Staatsroman: антимакиавеллизм, коммерция
и добродетель в «Приключениях Фемистокла»
Ф. Эмина (1763)¹**

УДК 330.813

Роман Ф. Эмина «Приключения Фемистокла» (1763) может быть отнесен к категории антимакиавеллистской литературы, комбинирующей нестоические идеи умеренности и добродетели с примирением морали и политики на путях государственного интереса. Ф. Эмин считает роскошь аморальной, а торговлю предметами роскоши — ненужной, поскольку вместо роскоши государству лучше иметь в изобилии такие товары, как хлеб. Однако вместе с тем он советует развивать торговлю и фабричное производство для экспорта. Таким образом, нестоицизм Эмина контрастирует с советами укрепления государства с помощью развития коммерции.

Ключевые слова: *коммерция, антимакиавеллизм, монархия, стоицизм, Ф. Эмин*

В классической работе по истории литературы и общественной мысли российского XVIII в. Г. А. Гуковский утверждал: «Буржуазный характер социального мировоззрения Ф. Эмина очевиден. В целом ряде своих произведений он настойчиво агитирует за купечество, за его процветание. Он настаивает на исключительной роли, которую должны играть купец-торговец и купец-фабрикант в государстве» [3, с. 206]. Экономические проблемы Эмин затрагивает неоднократно, но едва ли не самым содержательным изложением его взглядов на экономику является политический роман «Приключения Фемистокла» (1763). Этот *Staatsroman*, несомненно, впитавший многое из традиции «княжеских зеркал», был достаточно популярен у читателей — «Приключения Фемистокла» попадали в «демократические» рукописные сборники XVIII в. [4, с. 118, 119].

Текст состоит из пространных бесед Фемистокла с различными персонажами (чаще всего — с собственным сыном Неоклом),

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-39-00110.

тянувшихся во время путешествий Фемистокла из одной локации в другую. Между этими обширными и весьма интересными беседами Эмин помещает описания посещаемых Фемистоклом земель, обычно иллюстрируя с помощью этих описаний тот или иной тезис. Так, Кария представляет собой царство неправосудия, Фракия — царство справедливости. Экономические же воззрения Эмина иллюстрирует описание Эолии, жители которой «упражнялись больше всего в земледелии, и у них никогда дороговизны не бывало». Неокл удивляется, что совсем не видит в Эолии богатых людей из высших социальных слоев, на что получает от отца ответ: «Многие чиновные люди суть беднейшие, нежели те мужички, которых ты видел в нашем проезде чрез эоланские села сошником управлять: ибо простой крестьянин никогда никакого недостатку не претерпевает, потому, что кусок хлеба всегда у него готов и чего только он ни захочет, то все и имеет; потому, что он ничего такого не похочет, чего у него нет» [6, с. 82].

Трудолюбивые, умеренные в потребностях земледельцы противопоставлены у Эмина как диким скифам (беднейшему народу мира, сплошь разбойникам и грабителям), так и афинянам, из-за склонности к роскоши залезающим в долги: «трудолюбивый земледелец... сходствует с разумным философом небольшим довольствующимся». Впрочем, это соображение позволило Фемистоклу затем заметить, что господа «живут милостью» крестьян, и «если они нас оставят и перестанут на нас работать, то мы со своею философией и физикой погибнем» [6, с. 83]. Эмин приходит к выводу о том, что крестьянин полезнее, чем «физические и химические профессора», и что «науки человека весьма украшают, но похищают у него добродетель и свойство природы, которое в том состоит, чтоб всякого ближнего почитать так, как самого себя». Впрочем, мудрого министра Эмин ценит больше, чем «тысячу крестьян»: земледелие — основа обществ, но еще выше Эмин ставит «знание гражданских законов»: «Где изрядное правление, порядочное хлебопашество и тщательное купечество находится, там и без химии золота и всего довольно; не говорю я, чтоб науки не были потребны; но они тогда надобны, когда государство хлебом и всеми к естеству служащими потребностями преизобилует» [6, с. 87]. Итак, министр *важнее*, чем хлебопашец или купец, поскольку способен больше пользы принести обществу; но и министр, и хлебопашец *важнее*, чем ученый

или философ. Фемистокл сурово критикует философов, которые старались уйти от мира и подать другим пример отрешенной от мирских соблазнов жизнью, усматривая в этом особенно хитрый обман, маскирующий чудовищное тщеславие: «Благоразумный муж не должен, потеряв свое счастье, ни мало о такой утрате сокрушаться... но когда счастье само нам предвергаяся, и рассудим, что не только следуя оному от добродетелей не удалимся, но еще больше обществу пользы и себе славы приобрести можем, такого счастья никогда мы презирать не должны. Кто себе добра не желает и об общественной пользе не старается, того не только философом, но едва человеком назвать можно» [6, с. 90, 91].

Эта тема получает развитие, когда Фемистокл по пути в Египет ведет беседу уже с самим персидским царем Ксерксом. Царь желает знать мнение Фемистокла относительно того, как следует основывать колонии на новых местах. И Фемистокл излагает своего рода экономическую программу создания успешного государства. Краеугольный камень — местоположение: новая колония должна быть создана на плодородной земле и в здоровом климате; желательна близость моря и лесов. «Подлого происхождения и здоровых людей» надо селить близ месторождений руды, простой необразованный народ — на пашнях, а вот «нездоровый и малотрудолюбивый народ» — на морском берегу, чтобы те положили начало купеческой торговле. Эти люди смогут кормиться рыбой, продавать ее в соседние земли, и наконец «к коммерции охота мало-помалу в них вкоренится», и тогда «полезно будет подселить к ним разных мастеров, которые могли бы завести фабрики» [6, с. 111]. Деревни по своему культурно-этническому составу должны быть однородны, а городам, напротив, лучше быть прибежищем нескольких культур.

Если сельское хозяйство — фундамент экономики, то купечество является главным источником ее роста. Для роста купечества, ведущего коммерцию, необходимы «вольность, достаток и удобность места». Подобно Монтескье и другим авторам, считавшим международную коммерцию тесно связанной со свободой, Эмин устами Фемистокла разъясняет, что купец обязательно должны обладать свободой, иначе он «завсегда будет сомневаться о удаче». Купечество должно *продавать* дороже, чем *покупает*, и это диктует стратегию. В чужих землях нужно приобретать не товары роскоши, а только то, в чем «государство имеет нужду».

Зато в своей стране полезно развивать «разные щегольства», чтобы экспортировать предметы роскоши задорого, а вот хлеб и другие необходимые товары вывозить не следует. Развитие фабрик и мануфактур должно идти рука об руку с усилением сельского хозяйства; Фемистокл несколько раз напоминает о балансе, без которого роскошные товары займут место необходимых, разоряя государство. Роскошь — опаснейший враг купцов; вообще, предметы роскоши не следует потреблять внутри страны или, по крайней мере, соблюдать в таком потреблении умеренность [6, с. 116].

Экономические рецепты Ф. Эмина, представленные в «Приключениях Фемистокла» двумя отрывками, размещены посреди многочисленных рассуждений на разные темы: о физике, воинском деле, о страстях человека, но более всего — об искусстве управления, необходимом государям, и об искусстве придворной жизни, необходимом советникам. Важнейшими качествами правителя Фемистокл считает мудрость, непоколебимость и добродетель; и раз за разом в его сентенциях повторяется противопоставление страсти и умеренности. Впрочем, в диалоге с вельможей Трифонтом, сомневающимся, возможно ли сохранять добродетель на вершине власти (ведь могущественные персоны «содержат себя великолепно утеснением своих подчиненных»), Фемистокл защищает возможность примирения политики и морали: «Высокие чины суть природное место добродетели» [6, с. 199]. Государственная деятельность не может сочетаться с философским смирением: «Государям во всем философами быть неприлично, понеже философ вменяет то себе в добродетель, ежели меньшему и менее сильному себя уступит, но в государстве то будет великий порок, потому что соперник его не почтет то за уступление, но за собственный свой выигрыш, и для той причины государям полезно завсегда к войне приуготовляться» [6, с. 218].

Хотя Эмина часто рассматривают как «просветителя» [1; 2], его морально-политические советы восходили вовсе не к идеям Ж.-Ж. Руссо или Д. Дидро, а к литературе для придворных более раннего периода — например, к наставлениям, содержавшимся в чрезвычайно популярном «Карманном оракуле» (1647) испанского автора Б. Грасиана-и-Моралеса. В «Карманном оракуле» умеренность и благоразумие ставятся выше всех добродетелей, однако вместе с тем Б. Грасиан — в духе антимакиавеллистской традиции — учил читателя не полагаться только на принципы

христианской добродетели: «Не надо быть только голубем. С глубиной кротостью да сочетается хитрость змеиная!.. И не надо быть настолько благодушным, чтобы толкать ближнего своего на криводушие. Соединив в себе голубя и змею, будь не чудищем, но чудом» [5, с. 54]. Максимы Фемистокла во многом повторяют соображения Грасиана: добродетель не исключает политики, а способна с ней эффективно сочетаться. В этом смысле «Приключения Фемистокла» могут считаться наиболее последовательным антимакиавеллистским текстом российского XVIII в. Экономические советы, представленные в «Приключениях», должны рассматриваться в контексте внимания Эмина к умеренности, с одной стороны, и к государственному интересу — с другой: первая требует отказаться от роскошных товаров, второй — производить и продавать их. Таким образом, в экономическом отношении Эмин менее радикален, чем, например, широко читавшийся в России XVIII в. Фенелон, автор «Приключений Телемака». Внимание Эмина к проблемам торговли и купечества может, конечно, объясняться «буржуазным характером» его идей, если считать основной вектор развития политической мысли со времен Ренессанса «буржуазным». Но более точным было бы возводить генеалогию данных идей Эмина к антимакиавеллистской мысли XVII в., примирявшей государственный интерес с господствующим религиозным морализмом, змеиную хитрость с глубиной кротостью. Именно на этих путях Эмин, опираясь на ключевое понятие умеренности, примиряет коммерцию с добродетелью.

Библиографический список

1. Александров Л. Творчество Ф. А. Эмина в контексте литературно-журнального движения 1760-х годов // Медиаальманах. 2010. № 1. С. 70–75.
2. Гречишников Н. П. Ф. А. Эмин. Философ-просветитель екатерининской эпохи // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 7. С. 57–59.
3. Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века. М., 1939.
4. Титова Л. В. Русская повесть в составе сборников XVII–XVIII веков // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2012. № 12. С. 117–122.
5. Бальтасар Грасиан. Карманный оракул // Критикон. М., 1981. С. 5–66.
6. Эмин Ф. Приключения Фемистокла. М., 1781.

Konstantin D. Bugrov

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: *k.d.bugrov@gmail.com*

Economic Problems of Russian *Staatsroman*: anti-Machiavellianism, commerce and virtue in F. Emin's "Adventures of Themistocles" (1763)

F. Emin's novel "Adventures of Themistocles" could be classified as a piece of anti-Machiavellist literature that was combining neo-Stoic ideas of moderateness and virtue with the collision of morals and politics through the concept of reason of state. Emin considered luxury to be amoral, and the trade in luxury goods to be unnecessary; instead of buying luxuries, the state must accumulate large quantities of goods such as bread. However, on the other hand Emin advises to develop commerce and production to strengthen export of luxury. Thus, Emin's neo-Stoicism contrasts his own advices of pursuing reason of state through development of commerce.

Keywords: *commerce, anti-machiavellianism, monarchy, stoicism, F. Emin*

Голикова Светлана Викторовна

д.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН
(Россия, Екатеринбург)
E-mail: *avokilog@mail.ru*

Финансирование «подготовительных работ по введению всеобщего обучения» в Пермской губернии: вклад государства и земства

УДК 94(475.5)19

На примере Пермской губернии раскрывается механизм совместного финансирования Министерством народного просвещения и местным земством введения всеобщего начального обучения. Прослеживается динамика их денежных вложений, в том числе через школьно-строительные фонды. Показаны успехи развития начального образования: открытие новых училищ, увеличение количества народных учителей и рост числа учащихся.

Ключевые слова: *всеобщ, Министерство народного просвещения, земство, школьно-строительный фонд*

Введение всеобщего (хотя бы начального) образования в России пореформенного времени постоянно откладывалось по причине

чрезвычайной дороговизны новации. Уже одно это делает актуальным исследование финансовых механизмов превращения начальной народной школы во всеобщую. Тем более, что Россия вынуждена была приступить к этим масштабным мероприятиям в условиях социальных и политических трансформаций начала XX в. Однако историография дореволюционного всеобщего образования невелика, изучение его экономической составляющей практически не начиналось.

Внеся в Государственную думу законопроект о введении в Российской империи начального всеобщего образования и не дожидаясь его принятия, Министерство народного просвещения в 1907 г. под видом «подготовительных работ по введению всеобщего обучения» стало реализовывать его принципы. В основу проекта был положен «школьный комплект», в который входили 50 учащихся школьного возраста (от 8 до 11 лет) и обучающий их преподаватель. За каждый такой комплект Министерство просвещения выплачивало органу местного самоуправления, под которым подразумевались, прежде всего, уездные земства по 390 руб. в год: 360 руб. предназначались в качестве годового жалования учителю, а 30 руб. — законоучителю. Дополнительно земства должны были согласиться на прогрессивные надбавки к зарплате педагогического персонала за выслугу лет, а также на предоставление ему квартир «в натуре» либо в обязательном порядке квартирных денег в размере 24–36 руб. в год. Все «сэкономленные» за счет казенных выплат средства уездные земства должны были пустить на нужды школьного образования, прежде всего на постройку школьных зданий. Достигнуть начального всеобщего образования предполагалось в течение 10 лет.¹

Пермская губерния вошла в первую очередь административно-территориальных единиц, осуществлявших реформу, уже в 1908 г. началось сотрудничество Министерства просвещения с земствами шести уездов. В 1910 г. все 12 уездных земств стали получать государственные субсидии. В центральное учебное ведомство нужно было предоставить проект и карту школьной сети, а также финансовый план ее заполнения. В Соликамском уезде он, например, имел следующие параметры: для 23 982 детей школьного возраста в добавление к уже действующим школам

¹ Подготовительные работы по введению всеобщего обучения в России // Журнал Министерства народного просвещения. 1908. № 3. Отд. 3. С. 1–45.

требовалось открыть 44 однокомплектных училища, 77 двухкомплектных, 15 трехкомплектных и 3 четырехкомплектных, а всего 139.² Каждый год предполагалось открывать по 24–25 комплектов и к концу 1918 г. открыть все 255. Единовременные расходы на открытие училищ в 1909 г. выражались цифрой 4375 руб., а за 10 лет (к началу 1919 г.) их сумма должна была достигнуть 39217 руб.³ На их дальнейшее содержание (наем помещения, отопление, обслуживание, покупка учебников) в 1909 г. планировалось 6542 руб., а в 1918 г. — 48693 руб. На оплату труда учителей в новых школах в 1909 г. предполагалось потратить 11040 руб., а к 1918 г. — 100770 руб.⁴ Соответственно до этой суммы возростала ежегодная дотация казны в возмещение школьных расходов. Само же земство на нужды народного образования намеревалось тратить (согласно со сметным ассигнованием 1908 г., от которого по правилам Министерства просвещения запрещалось ему отступать) не менее 75610 руб. в год.⁵ Содержание же в дальнейшем целиком заполненной школьной сети уезда в ценах 1908 г. составляло 267066 руб. в год.⁶

По министерской смете 1910 г., Пермской губернии предназначалось 1074148 руб., в том числе Оханскому земству 149710 руб., Екатеринбургскому — 128310 руб., Пермскому — 102850 руб., Красноуфимскому — 102220 руб., Шадринскому — 96720 руб., Осинскому — 95450 руб., Камышловскому — 92820 руб., Чердынскому — 75660 руб., Кунгурскому — 58790 руб., Соликамскому — 54148 руб., Верхотурскому — 48000 руб., Ирбитскому — 36660 руб.⁷ В 1911 г. выплаты возросли до 1300 тыс. руб., в 1912 г. — до 1500000 руб., в 1913 г. составили уже 1710930 руб.⁸ Земские вложения в народное образование также

² Докладная записка инспектора народных училищ Соликамского уезда по вопросу о всеобщем обучении // Журналы XXVII чрезвычайного и XXIX очередного Соликамских уездных земских собраний, со всеми приложениями 1908 года. Соликамск, 1909. С. 235, 237.

³ Там же. С. 240.

⁴ Там же. С. 244, 245.

⁵ Там же. С. 250, 251.

⁶ Там же. С. 248.

⁷ Обзор Пермской губернии за 1910 год. Пермь, 1911. С. 113.

⁸ Обзор Пермской губернии за 1911 год. Пермь, 1912. С. 112; Обзор Пермской губернии за 1912 год. Пермь, 1913. С. 132; Обзор Пермской губернии за 1913 год. Пермь, 1914. С. 128.

росли. Если в 1908 г. они превышали 1 220 000 руб., то в 1912 г. достигли 1 584 046 руб.⁹ Однако солидные бюджетные вливания начали теснить земское финансирование. Если в 1909 г. они достигли 30 %, то в 1912 г. впервые перевалили за половину, а в 1913 г. поднялись до 57 %. Удельный вес земских трат сократился с 59 % в 1909 г. до 38 % в 1913 г.

Другим источником средств для развития народного образования являлись школьно-строительные фонды. В Пермской губернии об образовании фонда «для выдачи пособий сельским обществам на постройку зданий для народных школ» губернское земство объявило в 1896 г., заложив в смету 1897 г. 24 тыс. руб. [19, с. 20]. «В виду большей потребности в специально приспособленных школьных помещениях» его капитал в смете 1903 г. был увеличен до 50 тыс. руб.¹⁰ В 1910 г. губернское земство выдавало пособия на постройку школьных зданий уже в объеме 150 тыс. руб.¹¹ После отказа Министерства просвещения субсидировать земства, продолжающих брать деньги на школу у населения, правила губернского фонда пришлось изменить — вместо сельских и волостных обществ он стал предоставлять ссуды уездным земствам. Сороковое очередное губернское земское собрание постановило выдавать уездам из фонда средства соразмерно их доле в сборах по раскладке податей. Следующее собрание повысило ежегодные выплаты из него с 150 тыс. руб. до 200 тыс. руб. В 1911 г. Екатеринбургское уездное земство из этой суммы располагало 33 503 руб., Пермское — 25 645 руб., Верхотурское — 22 466 руб., Шадринское — 17 974 руб., Соликамское — 16 510 руб., Красноуфимское — 16 279 руб., Камышловское — 15 523 руб., Осинское — 15 103 руб., Оханское — 9 920 руб., Кунгурское — 9 146 руб., Ирбитское — 9 145 руб., Чердынское — 8 779 руб.¹²

Однако местных средств было недостаточно, и попечители учебных округов жаловались своему Министерству на то, что

⁹ Обзор Пермской губернии за 1908 год. Пермь, 1909. С. 107; Обзор Пермской губернии за 1912... С. 131.

¹⁰ Систематический свод постановлений Пермского губернского земского собрания. Пермь, 1910. Вып. 5. Народное образование. С. 20, 24.

¹¹ Обзор Пермской губернии за 1910... С. 117.

¹² Доклады пермской губернской земской управы пермскому губернскому земскому собранию 42-й очередной сессии. Пермь, 1912. Отдел I. Народное образование. С. 111.

«вопрос о помещениях нередко парализует мероприятия по народному образованию». Насущной необходимостью становилось создание имперского школьно-строительного фонда. По закону 1909 г. он начал свою работу при Министерстве просвещения с перечислением из казны миллиона рублей, всего же до 1915 г. получив от государства более 51 млн руб.¹³ Его средства также формировались пожертвованиями, возвращенными ссудами и процентами «на непогашенные их части». Из министерского фонда в 1910 г. земства губернии пользовались ссудами на 240 376 руб., в 1911 г. на эти цели было выделено 55 028 руб., в 1912 г. предоставляемые ссуды возросли до 304 020 руб., в 1913 г. они составили 170 тыс. руб.¹⁴ Ежегодные размеры ссуд значительно колебались, однако в среднем получалось примерно чуть выше 190 тыс. руб. — цифра сопоставимая с выплатами из губернского строительного фонда.

Благодаря инвестициям казны и земства план заполнения школьных сетей в Пермской губернии выполнялся. Если в 1909 г. в ведении Министерства народного просвещения и духовного ведомства находилось 2 225 школ, то в 1914 г. их количество возросло до 2 984.¹⁵ Соответственно увеличивались ряды преподавательских кадров. Если, по данным 1908 г., в народной школе губернии работал 3 071 педагог, то в 1914 г. их число достигло 5 104 человека.¹⁶ В среднем за период «подготовительных работ» ежегодно появлялось до сотни (иногда и более) новых школьных зданий. В 1911 г. их было построено 108, в 1912 г. — 111.¹⁷ Дальнейшему приросту помешала Первая мировая война — в 1914 г. для школ было сооружено всего 82 здания. К тому времени в губернии на собственных учебных площадях размещалось 1403 начальных народных училища.¹⁸ Созданная за короткий срок внушительная материальная база помогла сделать образование доступным, приблизив его к населению. Число жителей сельской местности, приходящихся на

¹³ Всеобщее обучение. Сборник законов и правительственных распоряжений. Пг., 1914. Вып. 2. 1914 г. С. 44.

¹⁴ Обзор Пермской губернии за 1913... С. 129.

¹⁵ Обзор Пермской губернии за 1909 год. Пермь, 1910. С. 108; Обзор Пермской губернии за 1914 год. Пермь, 1915. С. 125.

¹⁶ Обзор Пермской губернии за 1908... С. 106; Обзор Пермской губернии за 1914... С. 126.

¹⁷ Обзор Пермской губернии за 1912... С. 133.

¹⁸ Обзор Пермской губернии за 1914... С. 125, 126.

одну школу уменьшилось с 1548 человек в 1908 г. до 1220 в 1913 г. Показатель количества детей школьного возраста на одно училище также за этот срок снизился со 145 человек до 115.¹⁹ Возросшая степень доступности начального обучения показывает, что уже к началу Первой мировой войны всеобщ — экстенсивное по своей природе явление, ответственное за распространение школы вширь — прошло в Пермской губернии пик своего развития. Уже в школьной переписи 1911 г. губерния была представлена 1 745 училищами Министерства народного просвещения, в которых обучалось 120 229 учеников; 666 церковно-приходских школ посещали 30 416 учащихся; 72 школы грамоты — 2 028 детей.²⁰ На 1 января 1915 г. до контрольных цифр всеобща в Пермской губернии недоставало всего 17,8 % школьных комплектов.²¹ Причины быстрого поступательного развития крылись не просто в увеличении государственного финансирования, но и в выборе такой его формы, которая постоянно стимулировала местное самоуправление на увеличение денежных вложений в сферу образования.

Svetlana V. Golikova

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: *avokilog@mail.ru*

**Financing of “preparatory work
for the introduction of compulsory education”
in Perm province: contribution of State and Zemstvo**

On the example of Perm province, the paper reveals mechanism of joint financing by the Ministry of Education and local zemstvo of implementation of compulsory education. It traces dynamics of their investments, including investments through school-building funds. The author also shows successful development of primary education: opening of new schools, increase in the number of teachers and students.

Keywords: *compulsory education (vseobuch), Ministry of Education, zemstvo, school-building fund*

¹⁹ Обзор Пермской губернии за 1908... С. 104; Обзор Пермской губернии за 1913... С. 128.

²⁰ Всеобщее обучение. Сборник законов и правительственных распоряжений. СПб., 1913. Вып. 1: 1907–1913 гг. С. 110.

²¹ Приложение. К вопросу о введении всеобщего обучения // Начальные училища ведомства Министерства народного просвещения в 1914 году. Пг., 1916. С. V.

Дмитриева Анна Владимировна
к.и.н., Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова (Россия, Москва)
E-mail: annavkon@yandex.ru

Динамика биржевых котировок в конце XIX — начале XX в.: кризис 1899 г. и его преодоление

УДК 336.761.51

Исследование посвящено рассмотрению динамики биржевых котировок на С.-Петербургской бирже в конце XIX — начале XX в. Основной вопрос: как отразился биржевой кризис 1899 г. и экономический кризис следующего десятилетия в котировках ценных бумаг. Итогом работы является выявление заметных отраслевых различий котировок в рассматриваемый период, даже во время общепбиржевого кризиса.

Ключевые слова: биржевой кризис, исторический биржевой индекс, биржевой промышленный индекс

Данная работа является продолжением уже многолетнего исследования дореволюционной курсовой динамики. Интерес к историческим биржам продиктован несколькими научными вопросами: и в отношении фактических событий, и в отношении интерпретации биржевых событий.

В период дореволюционной индустриализации, в течение 25 лет до Первой мировой войны рост промышленного производства в России составлял 6,5 % в год, что является одним из лучших показателей того времени [4, с. 478]. Параллельно этому процессу шел рост фондовой торговли. Расцвет биржевых операций и ожиданий второй половины 1890-х гг. закончился очень резко. В конце 1899 г. в России разразился экономический кризис, коммерческие банки прекратили финансировать биржевые операции и затребовали назад ссуды, что вызвало волну банкротств. Как именно этот кризис выразился на С.-Петербургской бирже? Этот вопрос неочевиден.

По описанию М. И. Туган-Барановского, 23 сентября 1899 г. на петербургской бирже произошло «общее крушение биржевых ценностей» [9, с. 488]. По его определению подъем конца XIX в. закончился «настоящей катастрофой, разразившейся совершенно неожиданно для наших торгово-промышленных сфер осенью 1899 г.» [9, с. 488]. Там же экономист отмечает, что «еще раньше,

в августе того же года, произошли крупные крахи Дервиза и Мамонтова».

Относительно недавно была сделана работа по созданию промышленного биржевого индекса дореволюционной России [1]. В этом исследовании Л. И. Бородкин и Г. Е. Перельман пишут следующее: «Если принять отправную точку (равновзвешенного — А. Д.) индекса за 100 в январе 1897 г., то... видно, что биржевая динамика... была положительной в первые два года, достигнув 117,2 пункта в январе 1899 г... С марта (курсив мой. — А. Д.) 1899 г. начинается непрерывное падение петербургского фондового рынка, закончившееся в декабре 1901 г. на отметке 44,4, т. е. акции ведущих компаний потеряли в среднем более половины своей стоимости» [1, с. 194].

Эти две различные оценки определили более пристальный интерес к событиям осени 1899 г. в хронике петербургской фондовой биржи: действительно ли ничто не предвещало крах, что происходило на рынке акций, на микроуровне, как влияли события марта–августа 1899 г. на биржевые котировки? В исследовании предпринята попытка дать ответ на эти вопросы.

Для решения поставленных задач следовало обратиться к источникам по курсовой динамике. Часть данных опубликована в цитируемой выше работе Л. И. Бородкина и Г. Е. Перельмана: речь идет о ежемесячных курсах 12 крупнейших промышленных предприятий, вошедших в индекс в 1899 г. Проведен предварительный анализ этих данных. Из 12 предприятий, входивших в индекс в 1899 г., только одно — товарищество Братьев Нобель — было связано с нефтяной отраслью и именно оно показывало заметно отличную динамику в кризис осени 1899 г. Это отличие дало гипотезу об отраслевой специфике ценных бумаг, что продиктовало следующую задачу: увидеть, как кризис отразился на ценных бумагах разных отраслей, насколько он был «всеобщим». Кроме того, внимание к хронике биржевой жизни продиктовало обращение не к ежемесячным, а к ежедневным данным.¹ Для решения поставленных задач были собраны данные по котировкам для трех разных групп ценностей:

¹ Источником сведений котировки стала «Официальная вексельная и фондовая котировка на Санкт-Петербургской бирже», печатавшаяся, в том числе, в биржевом бюллетене газеты «Биржевые ведомости», второе издание (СПб., 1899. № 1–358).

металлургической; нефтяной отрасли; а также банковской (для каждой из отраслей выбраны три ведущих ценных бумаги, дающие представление об отрасли в целом).

Графическое представление и визуальный анализ временных рядов дали возможность увидеть, что в 1899 г. на рынке акций и для банков, и для металлургической группы ценностей, основной тенденцией с начала 1899 г. было понижение. Данные ежедневной динамики для вышеупомянутых групп совпадают с общим трендом биржевого индекса Бородин-Перельмана. При этом группа нефтяных ценностей показывает другую, заметно отличную, динамику: в течение октября–ноября 1899 г. они показывают значительный рост. Для банковской группы ценностей характерна другая черта: для них выявлен очень заметный «обвал» в июле 1899 г., связанный, очевидно, с летними банкротствами. Причем июльское падение цен для данной группы выражено значительнее, чем в сентябре.

Интересно, что созданный 20 октября 1899 г. по инициативе министра финансов С. Ю. Витте интервенционный биржевой синдикат для поддержки курсов бумаг, поддерживал ценные бумаги именно коммерческих банков, крупных металлургических и машиностроительных предприятий, а также бумаги нефтяных обществ [2]. Несмотря на общую поддержку этих ценных бумаг, нефтяные ценности заметно отличаются от банковской и металлургической группы.

Как проявляли себя эти ценности в последующие годы? Следующий важный эффект, который отмечается авторами индекса промышленных компаний: «После этого (декабря 1901 г. — А. Д.), на бирже начинается подъем, который достиг промежуточного пика на отметке 105,1 в сентябре 1905 г., т. е. почти через 8 лет биржевой индекс I2 практически вернулся к исходной точке. Примечательно, что на фоне русско-японской войны и революции 1905 года индекс продолжал расти» [1, с. 194]. Нашей задачей стало более пристальное рассмотрение этого феномена: основной вопрос — выявляется ли отраслевая специфика для ценных бумаг в курсовой динамике первого десятилетия?

Что происходило в металлургической и нефтяной отраслях в России начала XX в.? Можно констатировать, что 1900–1908 гг. были кризисными для российской промышленности. Как свидетельствует М. И. Туган-Барановский, «со времени

кризиса 1900 г. Запад пережил новый подъем в 1905–1907 гг., между тем как русская промышленность все это время пребывала в состоянии крайнего угнетения» [8, с. 526]. И. Ф. Гиндин характеризует это время «полным застоєм в металлургической, каменноугольной, цементной и др. отраслях, производящих основной капитал страны» [3, с. 86]. Л. Б. Кафенгауз пишет, что «в 1901 г. в эволюции нефтяной промышленности наступает перелом: она вступает в полосу длительного и глубокого кризиса» [6, с. 71].

Данные об уровне производства в нефтедобывающей отрасли в статистике темпа нефтедобычи в России в процентном отношении к предыдущему году показывают, что в 1904–1907 гг. уровень производства в нефтедобывающей отрасли был существенно ниже предыдущих лет и добыча нефти значительно сократилась. Особенно выделяется в этом ряду падение 1905 г. [5, с. 166] — нефтяные фирмы вследствие разгрома в Баку понесли существенные убытки.

Для металлургии вслед за 1899 г. последовал период падения физических объемов всех видов производимой продукции, что сопровождалось и падением цен. Главным фактором, объясняющим это положение, следует признать наличие высококонцентрированного рынка казенных заказов, обеспечивавших прежде всего железнодорожное строительство [7, с. 66]. В 1900-х гг. заказы на изготовление паровозов резко сократились.

При этом характерным для динамики курсов металлургических предприятий на фондовом рынке является тот же эффект, что наблюдается для биржевого индекса Бородинско-Перельмана, когда после «застойных» (или даже кризисных) лет начала 1900-х гг. происходит в целом заметный рост курсов акций на протяжении 1904 и 1905 гг.

Сопоставление динамики курсов акций металлургических и нефтяных предприятий показывает заметное различие между ними. Интересно, что наблюдение об отличии отраслевой динамики, сделанное для кризисного 1899 г. подтверждается и для всего остального периода. При этом синхронные колебания курсов в начале 1904 г., в декабре 1904–1905 гг., и, наконец, резкий обвал акций в осенние месяцы 1905 г. показывают, что рынок нефтяных акций следовал классическим представлениям о правилах поведения биржи, демонстрируя устойчивые понижательные

тенденции в моменты наиболее ярких проявлений революционной активности.

Результаты исследования показывают, во-первых, наличие определенной отраслевой специфики для каждой из рассматриваемых групп ценностей, во-вторых, можно констатировать, что эта разница была заметна и во время «всеобщего» биржевого кризиса.

Библиографический список

1. Бородкин Л. И., Перельман Г. Е. Структура и динамика биржевого индекса дореволюционной России: анализ рынка акций ведущих промышленных компаний // Экономическая история. Ежегодник-2006, М., 2006. С. 171–221.
2. Бугров А. В. Государственный банк и биржевые синдикаты в России, 1899–1917 гг. // Экономическая история. Ежегодник. 2002. М., 2003. С. 35–46.
3. Гиндин И. Ф. Банки и экономическая политика в России (XIX — начало XX в.) М., 1997.
4. Грегори П. Поиск истины в исторических данных // Экономическая история. Ежегодник, 1999. М., 1999.
5. Дьяконова И. А. Нефть и уголь в энергетике царской России в международных сопоставлениях. М., 1999.
6. Кафенгауз Л. Б. Эволюция промышленного производства в России (последняя треть XIX в. — 30-е годы XX в.) М., 1994.
7. Сорокин А. К. Прибыли акционерно-паевых предприятий России в условиях монополизации промышленности (1900–1903): дис. ... канд. ист. наук. М., 1988.
8. Туган-Барановский М. И. Народное хозяйство [России в 1913 г.] // Избранное. Периодические промышленные кризисы. М., 1997.
9. Туган-Барановский М. И. Состояние нашей промышленности за десятилетие 1900–1909 гг. и виды на будущее // Избранное. Периодические промышленные кризисы. М., 1997.

Anna V. Dmitrieva

Candidate of Historical Sciences, Lomonosov Moscow

State University (Russia, Moscow)

E-mail: *annavkon@yandex.ru*

**Stock quotes dynamics in the late 19th —
early 20th centuries: crisis of 1899 and its solution**

The paper focuses on the dynamics of stock quotes on the St. Petersburg Stock Exchange (the largest stock exchange of the Russian Empire) in the late 19th — early 20th centuries. The main question is how the stock market crisis of 1899 and the economic crisis of the next decade affected the quotations of the securities. The result is finding evident industry differences for quotations during the period, even during a general exchange crisis.

Keywords: *stock exchange crisis, historical stock index, stock industrial index*

Запорожченко Галина Михайловна

д.и.н., в.н.с., Институт истории СО РАН (Россия, Новосибирск)

E-mail: *galinakoop@yandex.ru*

**«Экономика участия» в потребительской
кооперация позднеимперской России:
реализованные возможности
и утраченные перспективы**

УДК 94(571)332.36

В докладе освещается опыт деятельности потребительских кооперативов в городских поселениях Сибири в начале XX в. Кооперация представлена как «экономика участия», богатая социальными результатами и реализующая потенциал пайщиков, наемных работников и некооперированного населения. Подчеркивается влияние всего комплекса взаимоотношений власти и кооперативов как самостоятельных демократических организаций на способность социума к модернизации.

Ключевые слова: *потребительская кооперация, общественные организации, экономика участия, Сибирь*

Потребительская кооперация занимала важное место в модернизационных процессах, которые обозначились в России в конце XIX — начале XX в. К 1917 г. в стране насчитывалось 23,5 тыс. потребительных обществ с числом членов 6,8 млн чел., паевым капиталом 109 млн руб. и оборотом до 1,8 млрд руб. [1, с. 298, 299]. Актуальность обращения к истории дореволюционной

кооперации диктуется сложностью и незавершенностью модернизационных процессов, теоретическому осмыслению которых будет способствовать комплексная характеристика кооперативного опыта социально-экономической самоорганизации населения как одного из механизмов прогрессивного развития общества в процессе модернизационного перехода.

В обширной историографии дореволюционной кооперации последовательно сменяли друг друга периоды идеализации кооперативных форм хозяйствования, критики их буржуазного, реформистского характера, объективного анализа сущности движения. На рубеже 1980–1990-х гг. в условиях деидеологизации и перестройки общественно-экономических отношений начался отход от господствовавших в советской историографии представлений о буржуазной природе, ограниченности целей и значения потребительской кооперации. В трудах К. Е. Балдина, Е. Ю. Болотовой, В. В. Кабанова, А. П. Корелина, Я. Коцониса, А. В. Лубкова, Ш. Мерля, Б. Н. Миронова, К. Салзман, С. В. Тютюкина, Л. Е. Файна, Ким Чан Чжина, В. В. Шелохаева кооперация рассматривается в контексте проблем модернизации и альтернативности путей развития страны, кооперативная проблематика расширилась за счет дискурса «гражданского общества».

Дореволюционная городская потребительская кооперация Сибири, став объектом исследования в начале 1920-х гг. в работах В. Махова, выводы которого сохраняют важное значение до сегодняшнего дня, в дальнейшем привлекла значительное внимание историков.¹ Сегодня Институт истории СО РАН (Новосибирск) является одним из признанных исследовательских центров изучения кооперативной тематики.

В Сибири на 1 января 1917 г. насчитывалось около 1 тыс. потребительских кооперативов из 5 тыс. кооперативов всех видов с 500 тыс. членами. С учетом членов семей кооператоров они обслуживали 2 млн чел. или 22 % населения региона.² Доля

¹ Среди них: В. В. Аксарин, В. К. Алексеева, А. П. Анашкин, Н. И. Бурнашева, А. А. Гаврилов, Л. М. Горюшкин, М. В. Гузик, Г. М. Запорожченко, А. В. Иванов, Б. В. Иванов, Т. А. Константинова, И. А. Коряков, Л. Х. Корякова, Ю. С. Левашов, И. Б. Ломакина, А. Н. Макеев, Г. М. Малахова, А. А. Николаев, Н. Ю. Пивоваров, В. М. Рынков, А. В. Соболев, Б. С. Старин, А. Г. Сыщенко, О. В. Чудаков и др.

² Известия Общества потребителей Забайкальской железной дороги. 1917. № 2. С. 11.

городских обществ в море мелких деревенских кооперативов в процентном отношении была невелика и постоянно снижалась — с 5,2 %, в 1912 г. до 1,6 % в 1917 г. Но по численности, размаху деятельности и величине оборотов городские кооперативы заметно превосходили сельские. В городах Сибири действовали более 110 потребительских кооперативов, наиболее крупные из которых включали до 3,3 тыс. пайщиков и совершали полумиллионные годовые обороты. Сформировалась когорта известных кооперативных работников с большим стажем: А. В. Байкалов, А. Н. Гладышев, Д. И. Голенищев-Кутузов, И. А. Ловцов, П. Н. Марков, В. Р. Романов, А. К. Скворцов, А. Н. Чеботарев и др.

Невысокие паевые взносы (3–10 руб.) и размеры дивидендов (0,9 %–8,0 %, в большинстве случаев 6 % на паевой рубль), распределение прибыли пропорционально степени участия пайщиков в товарообороте подтверждали соответствие устройства сибирских потребительных обществ принятым кооператорами всего мира рочдельским принципам. Развитие норм демократического самоуправления проявлялось в верховенстве общего собрания, двоецентрии правления и ревизионной комиссии, выборности, отчетности и сменяемости состава управляющих органов, равноправного решения вопросов независимо от числа паев. Наценки при розничной торговле колебались от 7 до 27 %, что позволяло конкурировать с частной торговлей и устанавливать цены ниже среднерыночных.

Кооперативы развивали торгово-заготовительное, кооперативно-организационное и социально-культурное направления деятельности. В торговле многие из них достигли значительных успехов. Ярким примером являлся Верхнеудинский кооператив «Экономия», который в 1917 г. имел три магазина с бакалейной, мясной, хлебобулочной, галантерейной, кожевенной, обувной, мануфактурной, аптечной торговлей, хлебопекарню, крупчатовальцевую мельницу, кожевенно-хромовый, мыловаренный, лесопильный заводы, лесосеку, рыбконсервный завод на Байкале, молочную и свиноводческую фермы. Производимые им колбасы реализовывались на местном рынке через Прибайкальское товарищество кооперативов.³

³ Кооперативное слово (Чита). 1917. № 11. С. 5.

Кооперативная торговля сыграла важную роль в снабжении населения в периоды сахарных, мучных, мясных кризисов, потрясавших рынки сибирских городов в годы Первой мировой войны. До трети горожан снабжались из потребительских лавок. В мелких городских поселениях кооперативы нередко становились монопольными хозяевами местного рынка, повсеместно сотрудничали с городскими властями в ходе продовольственных кампаний, организовали перепись населения и подворные обследования для уточнения плана заготовок.

Не менее важной являлась социально-культурная работа по организации внешкольного обучения неграмотного взрослого населения, поддержке школ, библиотек, открытию собственной кооперативной школы в Мариинске, изданию кооперативной периодики, созданию кооперативных клубов и Народных домов, продвижению культурных форм досуга и новых стандартов быта.

В своей деятельности кооператоры руководствовались преимущественно идеологией общественного согласия, интеграции, культурного наставничества, политической нейтральности. Преобладание политически активных в аппаратах управления ряда кооперативов, особенно в Восточной Сибири, нередко приводило к политизации деятельности, что не находило полной поддержки даже в обществах с большой прослойкой рабочих.

В кооперации создавалась качественно новая идентичность личности с характерным для модернизации рациональным типом мировосприятия — преодолевающей патерналистские ожидания, способной к сотрудничеству, самопомощи, новаторским решениям. Соединение в практической работе двух важнейших форм местной жизнедеятельности — потребительской кооперации и органов городского самоуправления — создавало предпосылки для формирования гражданского общества на региональном уровне [2, с. 513, 514].

Потребительская кооперация являлась сложным феноменом, богатым социальными результатами. В отличие от других участников хозяйственного оборота она представляла собой *экономику участия*, реализующая потенциал всех групп населения, входящих в орбиту кооперативного сектора: пайщиков (их экономического и общественного участия), наемных работников (их трудового участия), некооперированного населения (их «лояльности») [3, с. 20, 60–68]. Оказавшись в весьма сложном положении во время

войны, кооперация сумела преодолеть кризис товарного и денежного рынка, избавиться от некоторых крупных пороков — отпуска товаров в кредит, убыточной торговли, нехватки паевого капитала, выплаты высоких процентов по дивидендам. В то же время накапливались противоречия, связанные с усилением распределительных функций, ростом финансовой зависимости от государства в ущерб самостоятельности и самодеятельности. Главным негативным фактором оказался политический.

Кратковременный исторический лаг не позволил закрепить позитивный тренд развития дореволюционной свободной кооперации. В условиях советского строя кооперативные формы оставались преимущественно по форме, но не по содержанию. В 1935 г. городская кооперативная сеть перешла в государственную торговлю, в том числе созданные в дореволюционный период кооперативы Красноярска, Верхнеудинска, Читы и других городов Сибири. Казенщина вытеснила самодеятельность, предприимчивость и инициативу. По экспертной оценке зарубежных специалистов, несмотря на формальное наличие кооперативов, Россия превращается в кооперативную пустыню, что особенно заметно на фоне устойчивого положения кооперативного сектора в экономиках различных стран мира.⁴

Для современного российского общества жизненность самодеятельных структур имеет особо важное значение с точки зрения процессов формирования как демократической государственности, так и полноценного гражданского общества. Кооперативная модель хозяйствования с главенствующей ролью пайщиков, автономией, независимостью и социальной миссией сохраняет свою ценность в перспективе развития глобальных трендов современной экономики. Вместе с тем необходимо всестороннее исследование как преимуществ кооперативной системы, так и особенностей ее функционирования в обществе на разных стадиях модернизационного перехода.

⁴ Кооперативный сектор в России и применение Рекомендации МОТ № 193 в развитии различных направлений российской кооперации. Аналитический отчет / Отдел кооперативов. Международное бюро труда. Женева / Субрегиональное бюро МОТ для стран Восточной Европы и Центральной Азии. М., 2009. С. 21–23; Доклад Генерального Секретаря ООН 64-ой сессии генеральной Ассамблеи ООН 13 июля 2009 г. «Кооперативы в процессе социального развития» A/64/132. URL: <http://www.un.org> (дата обращения: 15.03.2019). С. 14–17.

Библиографический список

1. Корелин А. П. Кооперация и кооперативное движение в России. 1860–1917 гг. М., 2009.
2. Запорожченко Г. М. Городская потребительская кооперация в Сибири в начале XX в.: поиск идентичности и опыт гражданского самоуправления. Новосибирск, 2015.
3. Наговицина Л. П., Ширяева Т. Ю. Управление отношениями на основе экономики участия в организациях потребительской кооперации. Новосибирск, 2013.

Galina M. Zaporozhchenko

Doctor of Historical Sciences, Institute of History,
Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)

E-mail: *galinakoop@yandex.ru*

“Economy of participation” in consumer cooperation of the late Imperial Russia: realized opportunities and lost prospects

The paper deals with the experience of consumer cooperatives in urban settlements of Siberia in the early 20th century. Cooperation is presented as the “economy of participation”, rich with social results and realizing potential of the shareholders, employees and not cooperated population. It is emphasized that a whole complex of relations between the government and cooperatives as amateur democratic organizations had a certain impact on the ability of society to modernization.

Keywords: *consumer cooperation, public organizations, participation economy, Siberia*

Зубков Константин Иванович

к.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН

(Россия, Екатеринбург)

E-mail: zubkov.konstantin@gmail.com**Колонизация в истории России:
экономика и геополитика**

УДК 94(47)

В докладе на модельной ситуации конца XIX — начала XX в. дается сжатый анализ роли в обеспечении экономических и геополитических интересов России, раскрывается сложная взаимосвязь между хозяйственными, демографическими и политическими эффектами этого процесса. На фоне глобального колониационного «бума» конца XIX — начала XX в. выявляются структурные и мотивационные особенности российской модели колонизации.

Ключевые слова: *Россия, колонизация, экономика, демография, геополитика, Сибирь*

Колонизацию можно рассматривать как одно из имманентных свойств исторического процесса, восходящих к самым его истокам и характеризующим его динамическое развертывание в реальном природно-географическом пространстве. В определенном смысле, колонизация тождественна самой истории, поскольку, как остроумно подмечает Ф. Фернандес-Арместо, «вся история — это летопись колонизации, потому что все мы пришли туда, где находимся, из какого-то другого места» [8, с. 18]. Это тождество связано не только с всеобщим характером *переселений* масс людей в пространстве, но и с *комплексной* природой колониационного процесса — воспроизводством социальной жизни на вновь заселяемых территориях. В колонизации неразрывно слиты и взаимно обуславливают друг друга, во-первых, заселение людьми новых земель и сред обитания, во-вторых, завоевание территории и установление над ней политического контроля, в-третьих, возделывание и эксплуатация приобретенных земель, хозяйственное преобразование заселяемой территории, в-четвертых, утверждение на колонизируемой территории господствующей культуры и образа жизни пришельцев.

Это дает возможность рассматривать экономическое освоение территорий в ходе колонизации в тесном единстве с формированием территории государства и ростом его геополитической

мощи. Больше того, именно заселение и хозяйственное освоение территории в гораздо большей степени, чем формальное установление над ней политического суверенитета, удостоверяют ее *реальное* вхождение в состав государства. Эта связь особенно явно проявилась в расширении ареала русской колонизации XVI–XVIII вв. в южном и юго-восточном направлениях, где открытость границ набегам кочевников длительное время препятствовала прочному закреплению России на новых территориях. Лишь успехи аграрной колонизации, увеличение сети городов и плотности оседлого населения — по сути, кардинальный переворот в цивилизационном облике этих прежде пустынных пространств — создали настоящие предпосылки для их включения в состав государственной территории России [2, с. 102, 103].

При этом данный процесс зачастую вынужденно принимал периодически возобновляемый, повторяющийся характер, что было связано с исторической ограниченностью результатов каждой «волны» колонизационной активности и, как следствие, с *относительной* незавершенностью хозяйственной освоенности и политической безопасности колонизируемой территории. Так, если ранняя колонизация Сибири (конец XVI — первая половина XIX вв.) происходила в условиях, когда ее завоевание Россией, фактически, не оспаривалось никакими из сильных сопредельных держав и могло осуществляться вполне ничтожными силами [4, с. 5], то к концу XIX в. ситуация коренным образом изменилась. Поощряемая и в значительной степени организуемая русским правительством массовая аграрная колонизация Сибири и Степного края конца XIX — начала XX вв., помимо своего экономического значения, имела своей целью усиление на окраинах демографического присутствия русского элемента в видах политической безопасности [5, с. 17]. Задача создать с помощью колонизации «людской оплот» для обеспечения неоспоримого российского суверенитета была особенно актуальной на дальневосточных окраинах Российской империи, где к началу XX в. стало ощущаться возрастающее экономическое и демографическое давление со стороны Японии и Китая, вставших на путь модернизации [6, с. 122]. В 1920-х гг. идеологами советской колонизации среди ее главных мотиваций также выделялась «политическая необходимость в заселении отдаленных и оторванных от центра окраин» [7, с. 286, 287].

При этом к началу XX в. главные геополитические риски, которые должна была устранить массовая колонизация, заключались не столько в угрозе прямого военного отторжения российских окраин, сколько в высокой вероятности их мирного экономического «захвата» инонациональным элементом и, соответственно, их постепенного «дрейфа» в сферы влияния других государств. Отсюда экономический и социально-демографический потенциал колонизации зримо превращался в инструмент геополитической борьбы, особенно в условиях, когда «вторая промышленная революция», благодаря ускоренному росту магистрального транспорта, систем передачи информации и технической вооруженности человека в борьбе с силами природы, привела к резкой активизации и массовизации колонизационных потоков в разных частях света. Как следствие технического прогресса, рациональный выбор человека в пользу *переселения* как способа улучшения своего благосостояния и повышения экономической свободы был значительно облегчен. Все эти факторы, по мысли Дж. Белича, следует рассматривать как важнейшие составляющие глобального феномена «переселенческой революции» [10]. Вместе с тем, в ситуации геополитического «уплотнения мира» (конец XIX — начало XX вв.) и по мере того, как преодолевались культурно-психологические стереотипы восприятия различных частей земной поверхности, удерживавшие национально-своеобразные колонизационные потоки в рамках традиционных ареалов (изменение китайской политики в отношении колонизации Маньчжурии или русской — в отношении Средней Азии) [9, с. 60], все более частым становилось столкновение и напряженное соперничество различных национально-страновых колонизационных потоков. В этом смысле, колонизация на рубеже XIX–XX вв. воспринималась как весомый стратегический фактор, способный произвести коррективу картины *раздела мира* между ведущими державами сообразно их созидательно-экономическому потенциалу, демографическим ресурсам и деловой предприимчивости.

Этими условиями и обстоятельствами в значительной мере объясняется, почему к исходу XIX в. процессы колонизации в разных странах и частях света (США, Южная Африка, Австралия, Аргентина, Сибирь, Маньчжурия и др.) приобретают все больше сходных черт, следуя, во-первых, передовой модели американского «фронта», во-вторых, обнаруживая продуктивные

сочетания свободной экономической деятельности переселенцев с всесторонней ее поддержкой со стороны своих правительств [1]. При этом для России колонизационный «бум» конца XIX — начала XX вв. имел совершенно исключительное значение. Участие Российского государства в организации и поддержке массовых аграрных переселений в Сибирь не только позволяло ему частично разрешать острую проблему крестьянского малоземелья в центре Европейской России (и, следовательно, снимать опасное социальное напряжение), но и использовать для освоения своих зауральских территорий (как средства усиления экономического могущества страны) *наиболее простой и относительно дешевый* способ, уповая на самостоятельную жизненную силу и хозяйственную сметку крестьянина-переселенца, то есть, по существу, вкладывая в развитие востока страны не столько *капиталы* (которых в стране не было), сколько *рабочие руки*. По мнению некоторых исследователей, переселенческая политика русского правительства перед революцией находилась еще под сильным гнетом традиционных социально-патерналистских представлений о том, что основным источником «народного благосостояния» может служить, прежде всего, мелкая поземельная собственность, а первейшая задача власти заключается в наделении ею максимального числа подданных. В результате, распределение колонизационного фонда в ходе переселений в Сибирь несло в себе черты экономики «раздаточного» типа, воспроизводя мириады новых крестьянских хозяйств с *недостаточным уровнем капитализации* [3, с. 13]. Хотя это обстоятельство серьезно сдерживало прогрессивное усложнение экономики восточных регионов страны, русское правительство, располагая таким сравнительным преимуществом, как *избыточное предложение* живого труда, смогло удержать колонизацию своих восточных окраин в рамках сутобо *национального экономического предприятия*. Достигая за счет этого *достаточной* степени демографического присутствия на окраинах, Россия смогла если не освоить в полном объеме эти территории, то обеспечить на них защиту своего суверенитета и своих долговременных экономических интересов. В результате на перспективу всего XX в. Россия стала обладательницей громадных территорий отложенного «исторического спроса», чье стратегическое экономическое значение не исчерпано до конца и по сей день.

Библиографический список

1. Белич Дж. Расцветающий фронтир: бум и крах в истории поселенческих обществ XIX века // Естественные эксперименты в истории: пер. с англ. М., 2018. С. 71–117.
2. Зубков К. И. Аграрная колонизация Евразии как первая российская «модернизация» // Аграрная сфера в контексте российских модернизаций XVIII–XX веков: макро- и микропроцессы. Оренбург, 2010. С. 99–104.
3. Зубков К. И. Ранняя колонизация Сибири: смыслы и уроки истории // ЭКО: Всероссийский экономический журнал. 2019. №1 (535). С. 8–24.
4. Павлинская Л. Р. Особенности русской колонизации Сибири (XVII — начало XVIII в.) // Сибирь в контексте русской модели колонизации (XVII — начало XX в.). СПб., 2014. С. 3–67.
5. Симонов М. И. Очередные задачи колонизации // Вопросы колонизации: периодический сборник. СПб., 1914. № 14. С. 1–17.
6. Столыпин П. А. Нам нужна Великая Россия...: полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. М., 1991.
7. Усов В. С. Колонизация и ее значение для развития производительных сил Сибири // Труды Первого Сибирского краевого научно-исследовательского. Новосибирск, 1927. Т. 3. С. 279–301.
8. Фернандес-Арместо Ф. Цивилизации: пер. с англ. Д. Арсеньева, О. Колесникова. М., 2009.
9. Хаусхофер К. О геополитике. Работы разных лет. М., 2001.
10. Belich J. Replenishing the Earth: The Settler Revolution and the Rise of the Anglo-World, 1783–1939. Oxford; New York, 2009.

Konstantin I. Zubkov

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: zubkov.konstantin@gmail.com

**Colonization in Russia's history:
economy and geopolitics**

Based on the model situation of the late 19th — early 20th centuries, the article gives concise analysis of a role the colonization played in securing both economic and geopolitical interests of Russia, and throws light on the complex interaction between its economic, demographic, and political effects. Against a background of the global colonization “boom” of the late 19th — early 20th centuries, structural and motivating peculiarities of the Russian colonization pattern are revealed.

Keywords: *Russia, colonization, economy, demography, geopolitics, Siberia*

Казакова-Апкаримова Елена Юрьевна
д.и.н., Института истории и археологии УрО РАН
(Россия, Екатеринбург)
E-mail: *Apkarimova@mail.ru*

**Общественные инициативы и эволюция
институтов трудовой помощи в городах Урала
в конце XIX — начале XX в.**

УДК 94(470.342)

В докладе рассматривается исторический опыт реализации идеи трудовой помощи на Урале в конце XIX — начале XX в. На примере открытия Домов Трудолюбия, справочных бюро для людей, нуждающихся в работе, а в дальнейшем бирж труда анализируется феномен общественной благотворительности. В исследовании используется институциональный подход для осмысления эволюции трудовой помощи в городах Урала в конце XIX — начале XX в. Общественные инициативы в этом направлении анализируются в контексте социальной политики государства.

Ключевые слова: *Урал, город, Дома Трудолюбия, трудовая помощь, благотворительность, биржа труда*

Дома Трудолюбия в России как специализированная форма благотворительности приобретали свою уникальность и специфику, выполняя широкий спектр благотворительных функций, не ограничиваясь собственно оказанием трудовой помощи. Особого внимания, по мнению зарубежного коллеги А. Линденмайер, заслуживает проблема моральной реабилитации, осознаваемая сторонниками идеи трудовой помощи. Подводя итоги, исследователь подчеркнула, что идея трудовой помощи прочно укоренилась на российской почве. По всей России создавались Дома Трудолюбия, численность которых со временем достигла 150 [1]. Для реконструкции общей картины их деятельности нужны региональные исследования. Между тем, история Домов Трудолюбия и других институтов трудовой помощи в российской провинции исследована недостаточно. Цель исследования — показать значение общественных инициатив в эволюции трудовой помощи в городах Урала в конце XIX — начале XX в.

Впервые в России Дом Трудолюбия появился в Кронштадте по инициативе отца Иоанна Сергиева. Открытие состоялось 12 октября 1882 г. В нем, по словам И. К. Сурского, автора жития

отца Иоанна Кронштадтского, «безработные и праздные люди могли бы заработать себе дневное пропитание, ночлег и немного денег» [6]. При Доме Трудолюбия имелась домовая церковь во имя св. Александра Невского.

В 1895 г. императрицей Александрой Федоровной было создано Попечительство о домах трудолюбия и работных домах. Попечительство разработало единый устав и правила для обществ, организующих Дома Трудолюбия с целью предоставления трудовой помощи нуждающимся лицам. Дома Трудолюбия стали появляться во многих российских городах, успешно функционировали они и в некоторых крупных городах Урала в конце XIX в. — в Вятке, Перми, Екатеринбурге, Сарапуле.

Екатеринбургская городская дума на заседании 18–19 января 1896 г. постановила учредить в Екатеринбурге Дом Трудолюбия, открыть подписку для сбора пожертвований на учреждение и содержание этого благотворительного заведения, создать комиссию для реализации этого проекта во главе с Преосвященнейшим Симеоном, епископом Екатеринбургским и Ирбитским, «как инициатором это благотворительного дела». Сформированная для подготовки этого проекта комиссия признала на заседании 8 апреля 1896 г. целесообразным создание особого Попечительства о Доме Трудолюбия. На заседании 15–16 апреля 1896 г. эту идею поддержали члены Екатеринбургской городской думы. Кроме того, на этом заседании думцы пришли к решению о выдаче Дому Трудолюбия ежегодной субсидии, при открытии которого эта сумма должна была составить 500 руб. В состав комитета Дома Трудолюбия городская дума сочла нужным избирать трех своих представителей из числа лиц, имеющих право голоса.¹

Попечительное общество о Доме Трудолюбия в Екатеринбурге находилось в ведении Попечительства о домах трудолюбия и работных домах, состоящем под покровительством императрицы Александры Федоровны. В уставе формулировалось «назначение» обществ: «оказывать нуждающимся срочную, по возможности недолговременную, помощь посредством предоставления им труда и приюта, впредь до более прочного устройства их судьбы — определением к постоянным занятиям или помещением на постоянное призрение».² Для достижения этой цели общество

¹ ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 239. Л. 4–4об., 30–33.

² Там же. Л. 41.

открывало Дом Трудолюбия с правом устройства при нем столовой, ночлежного приюта, яслей, начальной школы и других благотворительных заведений.³

В составе попечительного общества в 1902 г. насчитывалось 15 почетных и 65 действительных членов, среди них были крупные предприниматели Екатеринбурга. Бюджет общества формировался из членских взносов, добровольных пожертвований от земства и городского общественного управления, частных лиц, выручки от продажи производимой продукции, средств, получаемых от благотворительных мероприятий. По данным на 1902 г. можно видеть, что членские взносы давали в год доход в сумме 630 руб. Субсидии от городского и земского самоуправления составляли 1 000 руб. В виде пожертвований в том же году поступило от правления Кыштымских заводов 100 руб., от известных купцов и двух неизвестных лиц — еще 353 руб. О. Иоанн Сергиев, будучи почетным членом попечительного общества о Доме Трудолюбия в Екатеринбурге, деятельно откликался на нужды и этого Дома Трудолюбия. Известно, что в 1902 г. о. Иоанн переслал 25 руб. в виде пожертвования в его бюджет.⁴

При Доме Трудолюбия в Екатеринбурге действовала школа, в которой к 1902 г. обучалось 26 мальчиков, а спустя год — уже 40. Почетный член общества М. И. Иванов содержал при Доме Трудолюбия бесплатную столовую для трудящихся.⁵ В Доме Трудолюбия проявлялась забота и о духовных потребностях, и о досуге призреваемых.

В 1905 г. Екатеринбургский дом трудолюбия дал работу, приют и пищу 58 мужчинам и 29 мальчикам. Можно видеть, что в отличие от состава домов трудолюбия в северо-западном крае, ориентированным преимущественно на молодежь и ее исправление путем трудового воспитания, Екатеринбургский дом трудолюбия был рассчитан, прежде всего, на взрослое население, нуждающееся в работе. Почти все люди, поступившие в Екатеринбургский Дом Трудолюбия, были православного вероисповедания, за исключением одного католика и одного протестанта. Большинство

³ Там же. Л. 410б.

⁴ Отчет правления попечительного общества о Доме Трудолюбия в г. Екатеринбурге за 1902 год. Екатеринбург, 1902. С. 3–20.

⁵ Там же. С. 12, 16.

призываемых были грамотными (89,7%).⁶ Занимались екатеринбургские «трудолюбцы» столярными и картонажно-переплетными работами, швейным и сапожным делом, щипкой пера и работой на дворе. По сословно-профессиональной принадлежности среди них были: учителя — 1, писцы — 9, техники — 1, псаломщики — 2, старатели — 1, столяры — 10, маляры — 3, слесари — 2, переплетчики — 2, домашняя прислуга — 3, чернорабочие — 23, нищие — 1. Преобладали холостые (45), вдовых было три человека, женатых — десять.⁷

22 февраля 1898 г. открылся Дом Трудолюбия в Перми. Однако первоначально «дела его шли вяло», пока его не взяло под свою опеку возникшее в 1904 г. в Перми Общество трудовой помощи [2]. 25 мая 1911 г. было заложено собственное здание Дома Трудолюбия в Перми [7]. 9 декабря 1912 г. Дом Трудолюбия располагался в новом собственном прекрасном помещении — в трехэтажном каменном доме, находящемся на углу Торговой и Брюхановской улиц. Бюджет Пермского Дома Трудолюбия достигал примерно 10 000 руб. Доходы общества и подведомственного учреждения формировались из пожертвований, членских взносов, доходов от благотворительных вечеров и главным образом от заработков работников [2].

В Пермском Доме Трудолюбия мужское и женское отделения были изолированы. При Доме Трудолюбия имелись белошвейная, переплетная, сапожная и столярная, а также отделение для изготовления мочала, канатов, швабр, веников. Как и в Екатеринбургском Доме Трудолюбия, так и в пермском учреждении наплыв желающих воспользоваться его услугами был зимой [2].

Собственной недвижимостью Вятский Дом Трудолюбия был обязан одному из самых состоятельных купцов Вятки Петру Павловичу Клобукову. 1 октября 1895 г. в доме П. П. Клобукова при Доме Трудолюбия открылись первые на Вятской земле детские ясли [8].

С чисто экономической точки зрения дома трудолюбия являлись убыточными предприятиями, направленными главным образом на решение социальных проблем. Однако Дома трудолюбия на Урале приносили значительную общественную пользу,

⁶ Отчет Попечительного Общества о Доме Трудолюбия в г. Екатеринбурге за 1905 год. Екатеринбург, 1906. С. 19.

⁷ Там же. С. 22.

несколько смягчая проблему трудоустройства, десятки людей в том или ином городе имели возможность справиться с временными жизненными трудностями. В целом же общество приобретало значительный идейно-мировоззренческий, экономический и шире социальный опыт. Дома трудолюбия вносили свой вклад в повышение культуры горожан.

Очевиден общественный характер деятельности попечительств на Урале, часто относимых исследователями к дуалистичным («государственно-общественным») по своей природе социальным институтам. В Уфе истоки института трудовой помощи были тесно связаны с деятельностью Уфимского попечительного о бедных комитета Императорского человеколюбивого общества. В 1896 г. при нем начало действовать справочное бюро для людей, нуждающихся в трудоустройстве. Его услугами пользовались преимущественно работники низкой квалификации, подсобные рабочие, прислуга. В бюро можно было получить информацию о работе не только в Уфе и Уфимской губернии, но и в других российских городах и губерниях. Население охотно пользовалось услугами бюро. По данным на 1914 г. желающих найти работу насчитывалось 160 человек, а возможность трудоустройства предоставляли 226 нанимателей [3].

Пермские городские попечительства о бедных, действовавшие с конца 1911 г., тоже частично удовлетворяли просьбы бедняков в поиске работы, предоставляя возможность работать в сапожных, столярных и других мастерских, которые действовали при попечительствах, а также открыв специальное «Бюро труда» с целью предоставления нуждающимся информации о работе и о вакансиях. Попечительства предоставляли беднякам и бесплатную юридическую помощь через своих членов-адвокатов.⁸

Несколько позднее в уральских городах стали появляться первые биржи труда. В «горнозаводской столице Урала» инициатива создания биржи труда исходила от гласного городской думы Константина Михайловича Гавриленко. На порайонном съезде союза земств и городов 18–19 августа 1915 г. в Петрограде единогласно было принято Положение о необходимости земствам и городским управлением заняться организацией бирж труда.⁹

⁸ Отчет Пермского городского попечительства о бедных. С 27 ноября 1911 г. по 1 января 1914 г. Пермь, 1914. С. 1–6.

⁹ ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 582. Л. 20–200б.

По Положению о бирже труда, утвержденному городской думой 9 октября 1915 г. и 12 марта 1916 г., Биржа труда, учрежденная в Екатеринбурге городской думой, имела целью посредничество между спросом и предложением труда местного и иногороднего. Надзор за биржей осуществляла городская дума.¹⁰ Официальное открытие биржи труда состоялось 24 июня 1916 г. Торжество началось с молебствия, затем прозвучала речь городского головы А. Е. Обухова. В первый же день стали поступать заявления от нанимателей и работников, а на следующий день биржа зарегистрировала уже 20 предложений труда и 20 заявок спроса на труд.¹¹

В условиях роста безработицы создание соответствующей законодательной базы (постановления Временного правительства от 19 августа 1917 г., а затем декрета об учреждении местных и областных бирж труда) имело важное значение. Непосредственному принятию закона о биржах труда предшествовал острый социально-экономический кризис, который выразился в бурном росте количества безработных после Февральской революции 1917 г. В декабре 1917 г. открылась Вятская биржа труда [5, с. 33]. В Перми городская дума разработала устав биржи труда в декабре 1917 г. После установления советской власти под влиянием Совета профсоюзов на заседании городской думы 7 февраля 1918 г. в Устав биржи были внесены изменения (31 января 1918 г. за подписью В. И. Ленина был опубликован декрет «О биржах труда») [4].

Что касается заводских поселений на Среднем Урале, то даже в конце 1918 г. биржи труда действовали лишь в Невьянске и Нижнем Тагиле.¹² Известно, что осенью 1918 г. количество безработных в Невьянске достигало 2 351 человек, благодаря деятельности биржи труда 4 % служащих, не имевших работы, и 5 % безработных рабочих смогли трудоустроиться.¹³

В заключение следует подчеркнуть особое значение общественных инициатив в процессе создания институтов оказания трудовой помощи в городах Урала в рассматриваемое время. Государственная власть, городские органы самоуправления и общественность совместными усилиями способствовали созданию Домов трудолюбия, справочных бюро и бирж труда в отдельных

¹⁰ Там же. Л. 60–65об.

¹¹ Там же. Л. 100, 116–116об.

¹² Совещание о биржах труда // Горный край. 1918. 18 (5) декабря. С. 3, 4.

¹³ Невьянск. Рост безработицы // Горный край. 1918. 28 (15) декабря. С. 4.

городах Урала, эти институты вносили некоторый вклад в уменьшение безработицы на Урале и содействовали урегулированию трудовых отношений.

Библиографический список

1. Lindenmeyr A. Charity and the Problem of Unemployment: Industrial Homes in Late Imperial Russia // *The Russian Review*. 1986. Vol. 45. P. 1–22.
2. Верховланцев В. С. Город Пермь, его прошлое и настоящее. Пермь, 1994.
3. Гайсина А. В. Деятельность Уфимского попечительного о бедных комитета Императорского человеколюбивого общества // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. Тамбов, 2013. № 9 (35): в 2 ч. Ч. 1. С. 27–30.
4. История Пермской биржи труда. URL: <http://www.szn.permkrai.ru/25-let-na-rynke-truda/istoriya-permskoj-birzhi-truda/> (дата обращения: 15.03.2019).
5. Соловьева И. А. Деятельность Вятской биржи труда (1918–1930 гг.) // *Вестник Вятского государственного университета*. 2016. № 10. С. 31–37.
6. Сурский И. К. Отец Иоанн Кронштадский. М., 1994. Т. 1–2. URL: <http://www.Omolenko.com/zhitiya/surskii.htm?p=4> (дата обращения: 15.03.2019).
7. Трапезников В. Н. *Летопись города Перми*. Пермь, 1998.
8. *Энциклопедия земли Вятской*. Киров, 1999. Т. 9.

Elena Yu. Kazakova-Apkarimova

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: Apkarimova@mail.ru

Social initiatives and the evolution of labor assistance institutes in the cities of the Urals in the late 19th — early 20th centuries

The report is devoted to the historical experience of the implementation of the labor assistance idea in the Urals of the late 19th — early 20th centuries. The phenomenon of public philanthropy is analyzed using the example of Houses of Labor, information bureaus for people in need of work and labor exchanges. The institutional approach is used in this study to understand the evolution of labor assistance. Public initiatives in this direction are analyzed in the context of the state social policy.

Keywords: *Urals, city, Houses of Labor, labor assistance, charity, labor exchange*

Кальмина Лилия Владимировна

д.и.н., Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
СО РАН (Россия, Улан-Удэ)
E-mail: *kalminimal@gmail.com*

Плеханова Анна Максимовна

д.и.н., Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
СО РАН (Россия, Улан-Удэ)
E-mail: *plehanova.am@mail.ru*

**Концепция модернизации экономики
Забайкалья в геополитической стратегии
имперской / Советской России (1880–1920-е гг.)**

УДК 94 (571.5)

Экономическая модернизация Забайкалья в указанных хронологических рамках была, по сути, единым процессом. Идеи самодержавного государства по экономическому преобразованию региона с учетом его важной геополитической роли «проводника» во внутриазиатское пространство получили развитие в концепции советского правительства по его дальнейшему укреплению для повышения своего престижа на Востоке.

Ключевые слова: *Забайкалье, Бурят-Монгольская АССР, экономическая модернизация, геополитическая стратегия, Кяхтинская железная дорога*

На рубеже XIX–XX в. Транссибирская магистраль, инициированный государством крупнейший стратегически ориентированный проект [2, с. 82], дотянулась до Забайкалья. С ее проведением и экономическая, и стратегическая цель выхода России на Восток была достигнута. «Китай и Япония, с приближением к их пределам сибирской железной дороги», как и планировал Комитет по ее строительству, стали «более доступными как для сбыта отечественных продуктов, так и для вывоза к нам предметов производства этих стран».¹ С другой стороны, магистраль реально упрочивала военно-стратегические позиции России на Востоке, что еще задолго до ее проведения осознавалось забайкальским обществом.² Однако в первое десятилетие своего функционирования Забайкальский участок железнодорожной магистрали, проведя некоторый «косметический ремонт» регионального

¹ Забайкальские областные ведомости. 1894. № 7.

² ГАЗК. Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 2257. Л. 22, 24.

экономического пространства, в целом оставил его конфигурацию неизменной. Главная причина отставания Забайкалья в темпах экономической модернизации даже на фоне других сибирских территорий заключалась в том, что регион еще не исчерпал свой экстенсивный потенциал. Обладание богатой сырьевой базой и бесплатной рабочей силой (штрафная колонизация) обеспечивало ему более или менее сносное существование без дополнительных затрат на модернизацию производства и успешное выполнение отведенной ему государством роли поставщика дешевого и ценного минерального сырья при минимальных затратах.

XX век, четко расставивший противоборствующие силы на восточной политической арене, породил внешнеполитическую стратегию укрепления Россией своего влияния на этом направлении. Итоги русско-японской войны, интересы России в обретшей независимость Монголии, сделав необходимость модернизационного преобразования Забайкалья очевидной, сформировали в российском правительстве новый взгляд на роль и назначение региона. С его включением во внешнеполитические интересы России он стал играть все большую роль в государственных проектах ускоренной экономической трансформации восточных рубежей империи. В первом десятилетии XX в. в Забайкалье получили ускоренное развитие добыча угля, производство цемента, проводилась механизация золотодобычи, строились планы по созданию крупного машиностроительного завода в окрестностях Верхнеудинска.

В первую очередь планы экономического укрепления Забайкалья были связаны с созданием здесь надежной транспортной инфраструктуры, обеспечивающей «цепную реакцию» промышленной динамики и распространение российского влияния на прилегающие территории. Близкое соседство с Монголией усиливало геополитический потенциал Забайкалья, которое в статьях-отчетах военных агентов оценивалось как основная база будущих военных действий с Китаем.³ Механизмом усиления российского влияния в Монголии должна была послужить Кяхтинская железнодорожная ветка. Идея ее проведения выдвигалась еще до строительства Транссибирской магистрали. Предполагалось соединить приграничный город Кяхта, бывший

³ Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1889. Вып. 38. С. 34, 41; Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1891. Вып. 48. С. 139, 140.

ранее центром русской торговли с Китаем, с одной из станций Забайкальской железной дороги, а затем при первой возможности продолжить ее по Монголии до города Урги [4, с. 121]. Ее проведение предполагало не только успешную конкуренцию с другими странами в экспорте в Монголию мануфактуры, которая утратила на монгольском рынке свое положение после падения ввоза чая через Кяхту, но и полное вытеснение с него мануфактуры нероссийского производства, последующее установление монополии на ввоз металлоизделий и домашней утвари, а также прочное обоснование там русских золотопромышленников.⁴

С 1906 г. Кяхтинская ветка стала предметом постоянного внимания совещаний о развитии путей сообщения, проводившихся у Иркутского генерал-губернатора. Забайкальское купечество, напуганное перспективой своего вытеснения Китаем с монгольского рынка, выразило готовность финансировать изыскания и строительство ветки.

С началом Первой мировой войны и реальной угрозой потери индустриальных районов в европейской России самодержавное правительство окончательно убедилось в необходимости ориентации на азиатский рынок. В 1914 г. Государственная Дума приняла решение о проведении Кяхтинской железнодорожной ветки, которая должна была стать решающим шагом империи в усилении экономического влияния России во Внутренней Азии и в значительной степени нейтрализации здесь китайского и британского влияния.

На масштабные преобразования территории, с опозданием вступившей в полосу экономической модернизации, самодержавию не хватило времени в связи с начавшимися в стране революционными событиями.

После завершения Гражданской войны и иностранной интервенции Советской России, оказавшейся в состоянии конфронтации со всеми мировыми державами, необходимо было кардинальными мерами решать проблему обеспечения защиты границ. Именно поэтому укрепление восточных районов страны на основе форсированного экономического роста вновь стало одной из приоритетных задач уже новой — советской — власти. Планы самодержавия по созданию в Забайкалье «точки экономического

---

⁴ Район Кяхтинской железной дороги в экономическом отношении. СПб., 1913. С. 68, 75.

роста» были положены в основу развития национальной автономии в Западном Забайкалье — Бурят-Монгольской АССР, образованной в мае 1923 г. Восстановление разрушенного в годы социальных катаклизмов хозяйства и последующий подъем экономики республики должны были, демонстрируя народам Востока, особенно соседней Монголии, достижения социалистического строительства, вовлекать их в сферу советского влияния.

Наряду с политико-идеологическими причинами необходимость экономического укрепления Забайкалья диктовалась внешнеполитическими обстоятельствами. Революция 1921 г., разрушившая основы феодально-теократического строя Монголии, подписание соглашения между правительствами Советской России и Монголии об установлении дружественных отношений, первого торгового соглашения между СССР и Монголией в 1923 г., советско-китайского соглашения о признании Монголии составной частью Китая в 1924 г. и образование Монгольской Народной Республики стали ключевыми политическими событиями, оказавшими противоречивое воздействие на соотношение сил и факторов влияния в треугольнике СССР — Монголия — Китай [1, с. 73], и вновь поставившими на повестку дня вопрос о необходимости промышленного подъема прилегающего к Монголии советского приграничного региона.

Все проекты экономического роста Бурят-Монгольской АССР, разрабатываемые в 1920-е гг., связывались с укреплением и расширением хозяйственных связей с Монголией. Сопредельное Советской России государство рассматривалось в качестве рынка сбыта продукции стекольного, винокуренного, электрометаллургического, целлюлозно-бумажного, лесопильного, лесохимического заводов. Одновременно Монголия с богатым скотоводческим хозяйством могла стать ключевым поставщиком сырья (особенно кожевенного) для обрабатывающей промышленности Бурят-Монгольской республики. Безусловно, в 1920-е гг. слабо развитая бурятская промышленность, работающая на старом, изношенном оборудовании, мало что могла предложить своему ближайшему соседу. Однако в перспективных планах аргументом в пользу организации на территории республики крупных промышленных комбинатов в составе действующих предприятий (при условии их расширения и переоборудования) и за счет строительства новых служило наличие обширного

рынка сбыта не только в Сибири и на Дальнем Востоке, но и в Монголии и Северной Маньчжурии.

Реализация этих проектов потребовала бы одновременного создания разветвленной сети транспортных коммуникаций. В связи с этим в 1926 г. во время разработки Госпланом СССР проекта развития путей сообщения в первой пятилетке была реанимирована идея сооружения Кяхтинской железной дороги. В правительственных кругах данную линию стали называть Верхнеудинск-Монгольской, поскольку считалось, что «конечным пунктом будет не Кяхта, а Урга и может быть дальнейшее направление дороги на Калган».⁵ По мнению специалистов, согласованная деятельность советских и монгольских торговых предприятий, водного транспорта в пределах Монголии, тарифы, держащиеся на уровне себестоимости, дали бы возможность втянуть все монгольское хозяйство в сферу влияния Кяхтинской железной дороги. «Не только монгольское сырье, экспортируемое за границу, но и требующиеся для снабжения монгольского населения промтовары, как советского, так китайского и английского происхождения, в силу коммерческой выгоды, пойдут по пути Урга — Верхнеудинск — Владивосток», — справедливо отмечал заместитель председателя Госплана республики Н. Н. Козьмин [3, с. 73]. Однако из-за ограниченности финансовых ресурсов государства данный проект был реализован лишь во второй половине 1930-х гг.

Таким образом, планы имперского правительства по экономической модернизации Забайкалья в связи с его геополитически значимой ролью получили дальнейшее развитие в стратегии советского государства по экономическому преобразованию Бурят-Монгольской АССР в 1920-е гг. Однако форсированный индустриальный рост и создание разветвленной транспортной инфраструктуры в регионе, обеспечившие распространение советского влияния на прилегающие территории, стали достижением следующего десятилетия.

Библиографический список

1. Грайворонский В. В. Торгово-экономические отношения между Россией и Монголией в начале XX в.: взгляд с российской стороны // Концептуальные вопросы российско-монгольских отношений в первой половине XX в. Улан-Батор; Иркутск, 2016. С. 72–75.

⁵ ГАРБ. Ф. Р-195. Оп. 13. Д. 3. Л. 14.

2. Зубков К. И. Россия и Урал на переломе геополитических эпох (1890–1920-е гг.) // Уральский исторический вестник. 1994. № 1. С. 76–92.

3. Козьмин Н. Н. Основы капитального строительства Бурятии. Верхнеудинск, 1926.

4. Третьяков В. Г. Монголия как геополитический центр притяжения железнодорожного строительства в конце XIX — начале XX века // Россия и Монголия в начале XX века. Дипломатия, экономика, наука. Кн. 3, ч. 1. Статьи участников III Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск; Улан-Батор, 2014. С. 112–120.

Liliya V. Kalmina

Doctor of Historical Sciences, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (Russia, Ulan-Ude)

E-mail: *kalminal@gmail.com*

Anna M. Plekhanova

Doctor of Historical Sciences, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (Russia, Ulan-Ude)

E-mail: *plekhanova.am@mail.ru*

**Transbaikal economic modernization conception
in Russian Imperial /Soviet geopolitical strategy
(1880–1920s)**

Transbaikal economic modernization in given chronological frames was in reality one and indivisible process. Autocratic state's idea on economic transformation of the region in connection with its important geopolitical role as a guide into Inner Asian space was further developed in Soviet Government's conception on its consequent strengthening in order to raise its prestige in the East.

Keywords: *Transbaikalia, Buryat-Mongol ASSR, economic modernization, geopolitical strategy, Kyakhta Railway*

Керов Валерий Всеволодович
д.и.н., профессор, Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики» (Россия, Москва)
E-mail: *vkеров@gmail.com*

**Экономические аспекты политических программ
старообрядцев в марте–октябре 1917 г.
и на выборах в Учредительное собрание**

УДК 271.22-9(47) ` 1917

В докладе рассматриваются взгляды старообрядцев различных согласий на экономические проблемы страны в 1917 г., а также решения этих вопросов, предлагавшиеся в политических программах старообрядцев. Источниковая база исследования включает архивные и опубликованные документы, в том числе, нормативные акты, материалы общественно-политических организаций и форумов староверов, публицистические источники и др.

Ключевые слова: *революция 1917 г., старообрядчество, политическое движение, экономические вопросы, Учредительное собрание*

Старообрядцы в начале XX в. относились к самодержавию и самодержцу вполне лояльно, отправляя Николаю II — «Русскому Державному Вождю» — верноподданнические адреса.¹ Однако с марта 1917 г. их взгляд кардинально изменился. Ведущий старообрядческий орган «Слово Церкви» с воодушевлением провозглашал: «Неизбежное, давно желанное свершилось. Государственная власть, ведшая нашу многострадальную родину к явной гибели, низвергнута и попорана».²

Старообрядцы, как и почти все население России, оказались в плену революционной эйфории. Тем более, что впервые с середины XVII в. они получили абсолютную свободу вероисповедания.

¹ Постановления Освященного Собора старообрядческих епископов 21, 22 и 23 августа 1916 г. М., 1917. С. 6, 7, 17; Отчет Московской Старообрядческой Общины Рогожского кладбища за 1914 г. М., 1914. С. 5–8; Отчет Московской Старообрядческой Общины Рогожского кладбища за 1915 г. [М., 1916]. С. 6–10; и др.

² Шалаев [Мельников Ф. Е.]. Освобожденная Россия // Слово Церкви. 1917. № 10–11. С. 179, 181. См. также: Кириллов И. [А.] Божья воля // Слово Церкви. 1917. № 10–11. С. 182; Семеон, о. (Сафон Яковлевич Лаптев). На союзы // Духовная литература староверов Востока России XVIII–XX вв. Новосибирск, 1999. С. 169; ОР РГБ. Ф. 260. К. 2. Д. 20. Л. 1, 2

Теперь старообрядцы могли свободно развивать свою конфессиональную инициативу, осуществлять межцерковное общение, проводить канонизацию и т. д.³

Не менее активно ревнителю древнего благочестия развивали политическую деятельность, организуя различные союзы и проводя многочисленные региональные и общенациональные съезды и собрания. Если политические тенденции в староверии до революции представлены в литературе относительно полно, то направленность сообщества в марте–октябре 1917 г. исследована недостаточно. Монографические исследования отсутствуют, а в немногочисленных статьях и диссертациях используется исключительно материал отдельных регионов. При этом положения политической программы старообрядцев за редкими исключениями просто перечисляются. Представляется, что именно анализ конкретных тезисов программы староверов позволит во многом решить задачу более четкого определения политической платформы сообщества. Значительное место в старообрядчестве занимали проблемы экономического развития, которые, за исключением аграрного вопроса, почти не представлены в историографии истории старой веры этого периода.

Одной из важных тенденций развития старообрядческого социума 1917 г. стало стремление к политическому единству различных согласий без унификации обрядовых и иных религиозных аспектов. Староверы пытались выработать программу, прежде всего, для обеспечения единых старообрядческих списков на выборы в Учредительное собрание [1]. Конечно, это сообщество не было единым не только в конфессиональном, но и в социальном отношении. Можно выделить основные «полюсные» идейные группы. Во-первых, это — руководство внецерковных старообрядческих организаций. Во-вторых, многомиллионное крестьянство, представители которого участвовали в староверческих съездах, составляли там иногда большинство и оказывали большое воздействие на резолюции этих форумов.⁴ Кроме того, руководящие группы

³ ОР РГБ. Ф. 246. К. 212. Д. 3. Л. 4.

⁴ Здесь, впрочем, следует учитывать, что, по итогам анкетирования 100 тыс. дворов крестьян-старообрядцев в 1909 г., они являлись «экономически более обеспеченным элементом деревни», и вообще — «передовым элементом нашей деревни» [14, с. XVIII, 97, 110–111, 123, 153, 202, 204, 210, 213, 214, 217–220, 230–232].

также не были однородными. Они включали как представителей крупных предпринимателей (Л. А. Малехонов, П. П. Рябушинский, Д. В. Сироткин), так и начетчиков (М. И. Бриллиантов, Н. Д. Зенин, Ф. Е. Мельников).

Однако если в решении аграрного вопроса имели место некоторые разногласия, то в остальных экономических вопросах консенсус был в целом достигнут.

Самым острым вопросом в межреволюционный период стал вопрос о собственности. Старообрядцы вне зависимости от социальной принадлежности — от архиереев до простых крестьян — в разных регионах России категорически выступали против творившихся «бесчиний» [1].⁵ Первым среди этих бесчинств объявлялось «нарушение прав собственности» и только потом «неповиновение властям предержажим».⁶ Староверы аргументировали отрицание «грабежей и захвата чужой собственности» тем, что это «незаконно и противно Богу».⁷ Они призывали рабочих «не злоупотреблять... непомерными требованиями и вредными в данный момент стачками», а крестьян — «потерпеть в своих домогательствах о наделении землей до... решения этого вопроса законным путем».⁸ Это служило для старообрядцев важнейшим аргументом в их отрицании социализма и сотрудничества с социалистическими партиями, которые «сеют смуту людей» и «обольщают народ».⁹

Единая «Политическая программа старообрядцев всех согласий» была выработана специально созданным Исполнительным комитетом и принята на Всероссийском съезде старообрядцев, приемлющих священство Белокриницкой иерархии (ныне Русская православная старообрядческая церковь).¹⁰ Сразу же она была принята всероссийским съездом поморцев, а позже

⁵ Впечатления на всероссийском съезде поморцев // Слово Церкви. 1917. № 20. С. 385; и др.

⁶ Александр, еп. Речь ученикам Старообрядческого московского института 23 марта // Слово Церкви. 1917. № 14. С. 267.

⁷ Фомичев С. [И.] К народу // Слово Церкви. 1917. № 22. С. 410.

⁸ Постановление народного собрания старообрядцев г. Егорьевска и его окрестностей, 30 апреля 1917 г. // Слово Церкви. 1917. № 22. С. 414.

⁹ Письма Иова Немцова, свящ. Балахнинского у. Нижегородской губ., Александру, еп. Рязанскому и Егорьевскому // ОР РГБ. Ф. 246. К. 221. Д. 35. Л. 38.

¹⁰ Политическая программа старообрядцев всех согласий // Слово Церкви. 1917. № 23. С. 417-419.

получила одобрение на десятках региональных и местных форумах старообрядцев различных согласий. В частности, никем не было отвергнуто или оспорено положение Программы о том, что старообрядцы, «целые века страдавшие от беззаконий и насилия власти, от разграбления имуществ, не могут ни в коем случае допускать незаконных захватов чужого достояния». Кроме того, подобная практика «может вызвать братоубийственную войну». В этом контексте Программа настаивала и на том, чтобы старообрядцам было возвращено отобранное у них «старым правительством» — «многочисленные их монастыри, скиты, церкви, колокольни, церковную утварь и другое церковное имущество».¹¹

Соответственно, даже старoverы-крестьяне из небогатых в большинстве своем выступали против социализации («сализации», как они говорили) земли и согласны были выкупать помещичью землю. «Чтоб, значит, не говорили, что мы их ограбили, — утверждал пожилой старообрядец из сельских хозяев. — Бог с ними, много мы терпели от них... а немного заплатим, только чтобы по справедливости».¹²

В целом, экономические проблемы для старообрядцев имели политический подтекст. Когда они говорили об экономической разрухе, угрозе голода и т. п., они чаще всего упоминали активное участие в приближении хозяйственного развала социалистов, особенно Ленина с его «противной пропагандой», Троцкого и всех, кого они считали «русскими провокаторами или просто немецкими шпионами».¹³

Типичным примером такого политического привкуса у экономического вопроса представляется проблема кооперативов. Так, в марте 1917 г. по инициативе поморцев в Саратове открылось Саратовское кооперативное общество потребителей. Кроме торговых операций, оно сразу же начало готовить созыв Саратовского общегородского собрания всех согласий, для решения не только экономических, но и политических вопросов. В регионе старообрядческий (всех согласий) потребительский кооператив стал базой для последующей организации единой политической партии

¹¹ Там же. С. 419.

¹² Впечатления на всероссийском съезде поморцев // Слово Церкви. 1917. № 20. С. 385.

¹³ Слово Церкви. Старообрядческий церковно-общественный журнал. М., 1917. № 23. С. 436; № 30. С. 538.

староверов. Однако после создания Саратовской губернской Русско-демократической партии христиан-старообрядцев (РДПХС) кооперативы потеряли политический акцент и приобрели ощутимый экономический смысл,¹⁴ хотя и остались инструментом конфессиональной консолидации. 29 августа на саратовском общегубернском съезде старообрядцев всех согласий большой резонанс получил доклад главы Комитета РДПХС А. И. Панкратова «О кооперативах и Обществе взаимного кредита». По докладу была принята пространная резолюция: «Открыть повсюду старообрядческие потребительские лавки и прочие кооперативы. Все отдельные старообрядческие кооперативы просить войти в состав саратовского союза старообрядческих потребительских обществ. Поручить саратовскому комитету разработать проект старообрядческого О-ва взаимного кредита и страхового О-ва» [2, с. 11]. В результате кооперативное движение в старообрядчестве приобрело конфессионально-экономический характер и стало очень популярным в Поволжье, на Урале и в Сибири.

Против кооперативов выступили только отдельные фанатично настроенные скитские обитатели «таежных тупиков». Так, например, настоятель часовенных скитов в Кольванской тайге, о. Симеон (Лаптев), учил, что кооперативы — от Антихриста, такой хозяйственный союз суть «совокупность нечестивого общества и наричется зверем... В сем союзе обретаются различных сект еретики и безбожники, немцы и жидаы...»¹⁵

Важной особенностью взглядов старообрядцев всех сословий являлось то, что позиция старообрядцев по важнейшим политико-экономическим вопросам революционного времени отличалась от других политических сил сильным акцентом на христианскую и даже хилиастическую окраску своих проектов, основанных на христианстве «с его требованиями правды и справедливости, братства и любви».¹⁶ Политико-экономической платформой староверов фактически стала идеология в духе левых либералов — кадетов, с которыми староверы иногда блокировалась на местных выборах.

¹⁴ Постановления Освященного Собора старообрядческих епископов 21, 22 и 23 августа 1916 г. М., 1917. С. 39.

¹⁵ Симеон, о. (Сафон Яковлевич Лаптев). На союзы // Духовная литература староверов Востока России XVIII–XX вв. Новосибирск, 1999. С. 161.

¹⁶ Слово Церкви. Старообрядческий церковно-общественный журнал. М., 1917. № 29. С. 526.

Библиографический список

1. Керов В. В. Старообрядчество в 1917 г. // Российская история. 2018. № 1. С. 143–160.
2. Редькина О. Ю. Христианские политические партии на Нижней Волге в 1917 г. // Вестник Волгоградского государственного университета. 2012. Сер. 4. № 1 (16). С. 38–43.

Valeriy V. Kerov

Doctor of Historical Sciences, National Research University
“Higher School of Economics” (Russia, Moscow)

E-mail: vvkerov@gmail.com

Economic aspects of political programs of Old Believers in March–October, 1917 and during the election to the Constituent assembly

The paper considers the views of Old Believers of various denominations on economic problems of the country in 1917 as well as the solutions of these questions proposed in political programs of Old Believers. The sources base of the research includes the archival and published documents, such as statutory acts, materials of Old Believers social and political organizations and forums, publicist sources, etc.

Keywords: *Revolution of 1917, Old Believers, political movement, economic problems, Constituent assembly*

Корчмина Елена Сергеевна

к.и.н., Нью-Йоркский университет в Абу-Даби (ОАЭ, Абу-Даби);
Научно-исследовательский институт «Высшая школа экономики»
(Россия, Москва)

E-mail: e.korchmina@gmail.com

Что лучше для крестьянина: быть крепостным в центральной России или свободным в Сибири? Попытка оценки прожиточного минимума

УДК 334.012

В работе представлен вариант решения задачи определения стандартов жизни в условиях крепостного права. Показана применимость методики Роберта Аллена по составлению потребительской корзины для дореволюционной России. Очерчен круг источников, позволяющих решить поставленные задачи.

Ключевые слова: *экономическая история России XVIII века, крепостное право, Европейская Россия, Сибирь, потребительская корзина*

Русское крепостное право традиционно считалось одним из самых суровых режимов такого рода, почти рабством. Подобные взгляды, глубоко укоренившиеся в российской и советской историографии, могут показаться подтвержденными последними попытками количественной оценки влияния крепостничества на экономическое развитие России [7]. Очевидно, что крепостное право оказывало огромное влияние на жизнь не только крепостных крестьян, но и всех социальных групп, но до какой степени и как именно, пока не до конца ясно. Острой проблемой является не только труднодоступность источников и их рассеянный характер, но и огромный размер Российской империи.

Я пробую еще раз ответить на вопрос о (не)эффективности российского крепостного права, сочетая два подхода. Во-первых, я собираю данные на региональном уровне. Во-вторых, сравниваю два региона Российской империи: Европейскую Россию и Сибирь. Основное различие между ними, как известно, заключается в том, что в Сибири крепостного права не было. Таким образом, в царской России было одновременно два региона с совершенно разными правовыми и экономическими режимами. Европейская Россия была примером режима с гораздо меньшими экономическими стимулами по сравнению с сибирской частью России.

Проект далек от завершения, несмотря на то, что в активной фазе идет уже почти два года. Источниками выступают приходо-расходные книги монастырей. Выбор источника обусловлен тем, что это был единственный институт, который существовал на всей территории России и данные в нем достаточно унифицированы, для большинства других задач можно использовать самые разные приходо-расходные книги. Из приходо-расходных книг собираются данные по ценам на стандартный набор продуктов, по корзине Р. Аллена [6], дневные заработки различных рабочих строительных специальностей, как квалифицированных, так и неквалифицированных, в европейских (в Москве, Санкт-Петербурге) и сибирской столицах (Тобольске), а также по всем другим регионам. Задача состоит в систематическом сборе данных, то есть в монастырях городов, поскольку региональная вариация даже на уровне губерний была огромная. Построение потребительской корзины имеет решающее значение на текущем этапе исследования, поэтому именно эта часть работы будет опубликована.

Потребительская корзина

Я применяю методологию составления прожиточной корзины Боба Аллена, приспособивая ее к российским условиям XVIII в. Пищевая часть корзины Аллена включает в себя рожь (зерновая часть), картофель, мясо (говядина), сливочное масло. Несельскохозяйственная часть корзины включает уголь/топливо, мыло, свечи и ткань.

Во-первых, в корзину включены пять видов зерна (рожь, ячмень, овес, гречка и горох) вместо только ржи, основываясь на оценках П. Елагина, но общее количество калорий остается неизменным [2]. Включение овса особенно важно, потому что овсяная каша была одним из главных блюд русских крестьян. Я исключая картофель, поскольку его не ели в России в то время.

Включение соли представляется абсолютно необходимым в случае России, оно имело жизненно важное значение для выживания, поскольку являлось основным консервантом для широкого спектра продуктов. Потребности в соли были оценены в 12–18 фунтов (от 5,4 до 8,2 кг) на человека в год.

Уголь заменен дровами. Расчеты энергии довольно хитры, но предположения основаны на рекомендациях современников для одной русской печи как для обогрева, так и для приготовления пищи.¹ Рекомендации сделаны для тюрем и казарм, где содержалось по 10 человек, поэтому думаю, что они соответствуют прожиточному минимуму. Для одной русской печи в год в европейской части России требовалось использовать 2,6 кубических сажени. BTU² одной кубической сажени известно, и оно равно 62 496 752,03 BTU. Таким образом, если умножить 62,5 млн BTU на 2,6 кубических сажени, то мы получим 162,5 млн BTU на 10 человек, что на человека составляет 16,25 млн BTU или 0,26 кубической сажени. Мы знаем, что в конце XIX в. в Санкт-Петербурге минимальная прожиточная потребность в дровах в год на квартиру составляла 10,5–11,5 односаженных дров или 2,5–3 кубических сажени в год на квартиру, где могли проживать до восьми человек [1]. Таким образом, на человека расчет был в 0,31–0,36 кубических сажени, что незначительно выше, чем в моих расчетах, но это

---

¹ ПСЗРИ II. № 33073.

² Использование единицы измерения в BTU (британские тепловые единицы) обусловлено тем, что именно их использует Р. Аллен.

расценивалось как минимально возможный уровень отопления, что влекло за собой огромное количество проблем для здоровья.

Оценки того, сколько одежды требовалось крестьянину и его семье в год, основывались на инструкциях помещиков, в которых указывалось, сколько одежды должно быть предоставлено для домашнего крепостного. Это можно рассматривать как минимальный прожиточный минимум.

Для мужчины крепостного с семьей минимальные требования включали одну шубу (зимняя верхняя одежда) каждые три года и один кафтан (летняя верхняя одежда) каждые два года. И каждый год крепостной получал деньги на одну шапку, одну пару рукавиц, две или три рубашки, две или три пары брюк, одни онучи и около 50 пар лаптей. На онучи требовалось около двух аршин холста на человека в год. Ботинки не были обязательным элементом; они могли покупаться один раз на много лет.

Обеспечение этой одеждой во многом зависело от финансовых возможностей семьи, но среднегодовое потребление ткани для одного мужчины составляло около 9 м (шириной 1 м), для женщины требования были немного выше, около 11 м (шириной 1 м). Ширина полотна (холста) на Руси XVIII в. была $\frac{3}{4}$ аршина (около 0,4–0,53 м) [5]. Так, 9 или 11 м ткани (шириной 1 м) равно 18–22 м ткани (шириной 0,5 м), и эти цифры отражают минимальный уровень годового потребления ткани. Российский экономический историк С. Г. Струмилин определил норму годового потребления в 31 аршин различной ткани (около 15 м ткани шириной 1 м) за XIX в. Итак, мы предполагаем, что человек в год мог использовать 25 м ткани (холста) (шириной 0,5 м) [5].

Но какую-то одежду необходимо было покупать. Семье из четырех человек требовалось около 150 пар лаптей, по 50 пар лаптей для мужчины и женщины и 50 пар для детей, на что семья тратила около 1,5–2,5 руб. в конце XVIII в. Шапки и рукавицы покупались каждый год, на человека в 1781 г. это было около 0,7 руб. Регулярные расходы на шапки и рукавицы вполне правдоподобны, поскольку русская зима длится около шести месяцев, и крестьяне должны носить их на постоянной основе [2].

Эти расходы, на мой взгляд, могут быть включены в стоимость ткани. Для оценки предлагаю сравнить рассчитанные цифры с реальными расходами. Так, в 1780-х гг. в Тверской губернии крестьянин потратил 3,27 руб. на шапки и рукавицы для

всей семьи из четырех человек, то есть на человека он потратил около 0,8 руб. В Москве (соседней губернии) средняя цена ткани на тот момент составляла 0,06 руб., поэтому цена 13 м ткани была равна расходам на одежду другого типа. Итак, 25 м ткани для брюк и рубашек и около 15 расчетных метров ткани для рукавиц, шапок и так далее. В целом, в скорректированной корзине мы предполагаем, что человек в год потреблял 40 м ткани (шириной 0,5 м).

Важный момент, это включение расходов на уплату налогов. Русские крестьяне были обязаны платить прямой налог, подушную подать. Крепостные платили 0,72 руб.; экономические крестьяне — 1,1 руб. В целом это означает, что крестьяне в Сибири должны платить чуть больше прямых налогов.

Таблица 1

Прожиточная корзина на XVIII в. в России

	Р. Аллен	Е. Корчмина
Ржаная мука, кг	263 (+13,5 вместо 50 кг картошки)	
Рожь, кг		116
Овес, кг		53
Ячмень, кг		18,1
Горох, кг		24,1
Гречка, кг		52,2
Мясо (говядина), кг	5	5
Картофель, кг		
Масло коровье, кг	3	3
Соль, кг		7
Мыло, кг	1,3	1,3
Холст, м	53	40
Свечи, кг	1,3	1,3
Топливо	12 mn BTU	16,25 mn BTU
Дрова, куб. сажнях	0,19	0,26
Аренда	5 %	5 %

Источники: Allen (2001), Милов, ПСЗ РИ II. № 33074.

Таблица 2

**Номинальная стоимость прожиточного минимума
на человека в Москве в 1786 г., руб.**

	Р. Аллен	Е. Корчмина
Ржаная мука, кг	5,876	
Рожь, кг		1,100
Овес, кг		0,228
Ячмень, кг		0,070
Горох, кг		0,260
Гречка, кг		0,674
<i>Зерно: промежуточный итог</i>	5,876	2,332
Мясо (говядина), кг	0,125	0,125
Картофель, кг		
Масло коровье, кг	0,660	0,660
Соль, кг		0,168
<i>Еда: промежуточный итог</i>	6,61	3,285
Мыло, кг	0,127	0,127
Холст, м	3,180	2,4
Свечи, кг	0,358	0,358
Топливо	1,741	2,38
Аренда жилья	0,675	0,4275
Налоги		0,72
Всего	12,601	9,69

Подсчитано по: Московские ведомости. 1786. Все номера.

Как расчетный прожиточный минимум
соотносится с реальной ситуацией в России?

Во-первых, давайте сравним полученные по международной методологии результаты с «реальными» цифрами. Для начала обратимся к архивным данным на 1786 г., в этом году конюх в Троице-Сергиевой лавре получал 0,03 руб. в день на продовольствие, если он оставался в монастыре, при этом все остальные расходы нес монастырь.³ Или мы знаем, что на еду заключенному, который отправлялся на строительные работы, в XVIII в. по закону полагалось тратить 0,02 руб. Если мы разделим продовольственную часть прожиточной корзины на 365 дней в году,

³ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 19298. Л. 660б.

мы получим либо около 0,02 руб. в день (Р. Аллен), либо около 0,01 руб. в день (Е. Корчмина). Это означает, что обе корзины недооценивают реальные потребности, но мне кажется, что они улавливают только самый низкий уровень жизни.

Во-вторых, мы должны поместить эту корзину в более широкую перспективу.

Среди российских специалистов нет единого мнения о нормах потребления разных продуктов, более того «имеющиеся материалы почти не позволяют определить точные нормы, но похоже, что взрослому мужчине, занятому физическим трудом, требуется минимум три четверти ржи и две-три четверти прочего зерна» [8]. В целом это означает, что около 600 кг зерна в год было необходимым минимумом, что в два раза больше, чем в прожиточной корзине. Но речь идет только о зерновой части пищевого потребления.

Военные уставы могут быть очень полезны для подобных расчетов, поскольку они получают чистый минимум.

В 1720 г. минимальный месячный рацион (28 дней) на человека составлял 5 фунтов говядины, 5 фунтов свинины, 45 фунтов сухарей, 10 гороха, 5 гречихи, 10 овсянки, 4 рыбы, 6 сливочного масла, 7 ведер пива, 16 чашек спирта, 1/2 кружки уксуса, 1,5 фунта соли.⁴

Количество зерна близко к 3/4 на человека в год, но количество мяса представляется намного выше, чем мы могли ожидать.

По данным Л. Н. Семеновой в 1728 г. мастерской в Санкт-Петербурге получал 12 пудов ржаной муки (196,5 кг), 12 «малых» четвериков крупы, предполагая гречневой (около 58,8 кг), всего 260 кг зерна, 60 фунтов мяса (24,5 кг) и 24 фунта соли (около 9,8 кг) [4]. Это равно 2 541 калории. Нормы потребления значительно меньше, чем в военном регламенте, и ближе к прожиточной корзине, но, тем не менее, количество мяса намного выше. Цифры о соли более или менее одинаковы.

Л. Милов рассуждал о тех же трех четвертях (396 кг), которые равны 3 200 калориям, но он включал некоторое количество зерна для кормления скота. Только для взрослого человека количество в год будет составлять 18 пудов (294 кг) или 2 400 калорий. Этого количества зерна будет достаточно для потребления, и даже будет некоторый избыток для продажи, что касается мяса,

---

⁴ ПСЗРИ I. № 3485.

то его употребляли обычно во время сенокоса и хранили для особых случаев.

Для середины XIX в. Б. Миронов подсчитал, что мужчина в среднем потребляет около 259 кг хлеба, и это недалеко от того, что утверждает Р. Аллен. Для женщин он принял 216 кг [3].

Если мы согласны с Б. Мироновым в том, что в течение XVIII–XIX вв. не было разительных изменений в структуре потребления среди рабочих, можно сравнить бюджеты рабочих в конце XIX в. от С. Н. Прокоповича с прожиточной корзиной Р. Аллена. По словам С. Н. Прокоповича, 54 % семейного бюджета тратилось на питание, 15–21 % — на жилье с отоплением, 15–17 % — на одежду, 5–7 % — на религию (пожертвования и расходы на свечи) и т. д.

Сравнение бюджета семейного работника С. Н. Прокоповича с корзиной Р. Аллена показывает, что процент расходов на еду и проживание с отоплением довольно близок к оценкам Прокоповича, но расходы на одежду немного выше. По моим оценкам, затраты на продовольственную корзину значительно ниже, но затраты на отопление намного выше.

Таким образом, прожиточный минимум Р. Аллена отражает самый низкий уровень жизни и структура расходов близка к бюджетам работников.

Библиографический список

1. Давыдович М. Петербургский текстильный рабочий. URL: <http://istmat.info/node/18253> (дата обращения: 10.05.2019).
2. Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001.
3. Миронов Б. Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX в. М., 2012.
4. Семенова Л. Н. Рабочие Петербурга в первой половине XVIII в. Л., 1974.
5. Шипилов А. В. Текстильный промысел в России в первой половине XVIII в. // Известия ВГПУ. 2017. № 2 (275). С. 106–112.
6. Allen R. C. The Great Divergence in European Wages and Prices from the Middle Ages to the First World War // *Explorations in Economic History*. 2001. Vol. 38, № 4. P. 411–447.
7. Markevich A., Zhuravskaya E. The Economic Effects of the Abolition of Serfdom: Evidence from the Russian Empire // *American Economic Review*. 2018. № 108 (4–5). P. 1074–1117.
8. Smith R. E. F., Christian D. Bread and Salt. A social and economic history of food and drink in Russia. Cambridge, 1984.

Elena S. Korchmina

Candidate of Historical Sciences, New York University in Abu Dhabi
(UAE, Abu Dhabi); National Research University
“Higher School of Economics” (Russia, Moscow)
E-mail: *e.korchmina@gmail.com*

**Is the peasant better off as a serf in Russian
heartland or as a free man in Siberia?**

Now quite a hot debate about efficiency of Russian serfdom exists in the literature. I try to tackle the same question about in/efficiency of Russian serfdom combining two approaches, dealing with serfdom on a regional basis. I apply the methodology of Bob Allen’s subsistence basket adjusting it to Russian conditions in the 18th century.

Keywords: *economic history of Russia of the 18th century, serfdom, European Russia, Siberia, subsistence basket*

Кравцова Елена Сергеевна

д.и.н., Курский государственный медицинский университет
Министерства здравоохранения Российской Федерации
(Россия, Курск)
E-mail: *elenakravcova@yandex.ru*

**Специфика деятельности податных присутствий
в Российской Империи
в конце XIX — начале XX в.**

УДК 336.22(47)“18/19”

Особенностью налоговой системы Российской Империи в конце XIX — начале XX в. было включение в нее общественных организаций — податных присутствий, — которые занимались распределением раскладочных прямых налогов между налогоплательщиками. В состав Присутствий входили представители финансовых органов, органов местного самоуправления и непосредственно налогоплательщиков. Деятельность этих учреждений была направлена на справедливое распределение налогов между населением и рассмотрение жалоб по принятым решениям.

Ключевые слова: *налоговая система, Российская империя, податные присутствия, налогоплательщики, налоги*

Модернизация налоговой системы в Российской Империи привела к появлению довольно интересных органов — податных присутствий — по целому ряду налогов: промысловому,

квартирному, городской недвижимого имущества, в дальнейшем — военного и подоходного налогов. В состав присутствий входили представители губернских властей и органов местного самоуправления, а также налогоплательщики. Это был своеобразный консенсус между тенденциями к модернизации экономической системы и традициями российского общества.

Присутствия играли большую роль в жизни плательщиков налогов, так как избранным членам было хорошо знакомо экономическое положение на местах, какие трудности возникали у населения. Даже не редко эти органы выявляли укрывателей своих доходов от налогов, тех, кто припрятал свою прибыль и вел двойную бухгалтерию. Рассмотрим принцип деятельности этих учреждений на примере деятельности присутствий по распределению налогов с торговых и промышленных предприятий Курской губернии, которые были одними из первых (создавались в 1885 г.).

Система присутствий включала в себя губернское и уездные. В губернских присутствиях председателем выступал управляющий Казенной палатой, кроме него в состав входили представители от уездных присутствий, от земства, от городских управ, торговые депутаты и т. д. В уездных присутствиях председательствовали либо представители земства, либо податные инспектора. Социальный состав был различен, но все выбираемые члены и кандидаты к ним должны были быть налогоплательщиками этого сбора, в случае несоответствия таковых назначались пере выборы.

Дела об обложении государственным промысловым налогом рассматривались и на Общем присутствии Казенной палаты, с участием по одному представителю Акцизного управления, Губернской земской управы, Городской управы губернского города, и шести лиц, избираемым из числа налогоплательщиков: четыре — купеческим обществом, одно — Губернским Земским собранием, одно — Городской думой губернского города.¹ Решения в присутствиях принималось простым большинством голосов. Официально податные присутствия образовывались для «рассмотрения жалоб на постановления Казенных палат», хотя общий контроль за назначением и сбором налога возлагался на последнее. Первоначально доходность торгово-промышленных предприятий определялась податным присутствием самым прямым

---

¹ Устав о прямых налогах. СПб., 1914. С. 78.

образом — по заявлению владельцев и при этом без всякой проверки. Правительство высоко ценило вклад присутствий в дело пополнения казны. Члены различных этих органов могли заслужить государственные медали и денежное вознаграждение.²

Отметим, что и внутри присутственных органов постоянно шли прения по наиболее актуальным вопросам. Они вызывались, по мнению самих предпринимателей, тем фактом, что было «недостаточное представительство буржуазии в органах обложения городской недвижимости и промыслов, где они оказывались в меньшинстве по сравнению с чинами налогового ведомства».³

Причина включения налогоплательщиков одного из самых перспективных прямых государственных сборов Российской империи в процесс его распределения и контроля за взиманием заключается в следующем: государство не желало игнорировать интересы плательщиков, привлекая и их к участию в деятельности податных присутствий, пытаясь тем самым добиться их понимания и расположения. В государственном документе — росписи доходов и расходов государства за 1885 г. прямо отмечалось участие «самых плательщиков в распределении налога при надлежащем контроле послужит ручательством за соразмерное обложение».⁴

Циркуляр Министра финансов управляющим Казенными палатами Империи об открытии в самое ближайшее время уездных и губернского податных присутствий был издан 20 марта 1885 г.⁵ Реально данные учреждения открылись в июле–августе 1885 г.⁶ Первые заседания проходили с участием не выбранных членов, а назначенных, или занимающих определенные должности либо при Думе, либо в Земской управе и др.⁷

Все они избирались из налогоплательщиков данного сбора. На это также указывает инспектор Щигровско-Фатежского участка Курской губернии в сообщении в Казенную палату в 1886 г.: «...члены податного уездного присутствия избираются из числа лиц, подлежащих платежу раскладочного сбора».⁸

² ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 6999. Л. 1.

³ Сельские финансы. Киев, 1893. С. 24.

⁴ ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 6385. Л. 10.

⁵ Там же. Д. 6391. Л. 2.

⁶ Там же. Д. 6385. Л. 22; Д. 6396. Л. 9; Д. 6384. Л. 2.

⁷ Там же. Д. 6394. Л. 2.

⁸ Там же. Д. 6391. Л. 305.

Выбор делегатов происходил на соответствующих съездах, о своем решении сообщали в Казенную палату, причем законом от 18 января 1889 г., количество членов от местных организаций было расширено: от земского комитета — был один, а по-новому закону — три и т. д.⁹ Это свидетельствует о заинтересованности Правительства, и Министерства финансов в частности, в этих органах местного фискального обложения.

Кандидаты в члены присутствий выбирались на случай болезни, отъезда членов выборных органов или других чрезвычайных ситуаций, связанных с раскладкой налога, и их также было трое.

Члены присутствий должны были быть лояльны к власти. К примеру, управляющему казенной палатой Саратовской губернии в анонимном письме сообщали, что необходимо обратить внимание на члена присутствия А. П. Миронова, который «по имеющимся сведениям принадлежит к местной группе РСДРП и поддерживал знакомство исключительно с лицами политически неблагонадежными».¹⁰ «Заседания Присутствий по государственному промысловому налогу назначались их председателями по мере надобности и признаются состоявшимися, если в них принимают участие, кроме председателя, не менее двух членов, в том числе один член из плательщиков».¹¹

На заседаниях губернского по податным делам присутствия решались вопросы о раскладке по уездам дополнительного и раскладочного сборов, величина которых для губерний решалась в министерстве, а затем рассылалась на места. При этом учитывались и экономическое положение в уезде, и количество торговых и промышленных предприятий, и развитие промыслов, и другие сопутствующие вопросы. Каждый налогоплательщик мог влиять на обложение своего предприятия, так как в конце каждого года в местных газетах губерний (например, «Курские губернские ведомости», «Курский листок») печаталось приглашение от «Господина Председателя сего присутствия владельцам гильдейских предприятий сообщить Уездным податным присутствия сведения об оборотах и прибылях по каждому из принадлежащих этим лицам торговым и промышленным предприятиям».¹²

⁹ Там же. Д. 7081. Л. 2.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 108. Л. 63–64об.

¹¹ ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 7081. Л. 1–2.

¹² Там же. Д. 6397. Л. 591.

В случае не поступления таких сведений за основу брались данные за предыдущие годы.

На заседаниях присутствия решались дела о снятии недоимок, о снижении платежа и т. д. Об этих вопросах могли просить не только податные инспектора, но и простые налогоплательщики.¹³

Интересные дела решались и на заседаниях Московского губернского податного присутствия. В Журнале Московского губернского податного присутствия от 25 июля 1886 г. описан случай попытки предпринимателей уйти от уплаты налогов: часть полученной прибыли предприятия была пущена на увеличение премиального фонда и дальнейшей выплаты вознаграждений за работу служащим. Этот факт, по мнению членов губернского присутствия, являлся не законным, ввиду того, что «вознаграждение получено из чистой прибыли Товарищества, причем размер сего вознаграждения зависит от количества чистой прибыли, следовательно, прибыль не должна исключаться из сумм обложения».¹⁴

С изменением законодательства о промысловом налоге деятельность присутствий оставалась прежней, даже в сложном 1917 г. Московский Городской голова 31 января 1917 г. сообщал в Департамент окладных сборов, что «торговые депутаты вместе с податными инспекторами принимают участие в надзоре за использованием в г. Москве правил Положения о государственном промысловом налоге. Ввиду введения в г. Москве с 1 января текущего года в действие государственного подоходного налога, деятельность торговых депутатов должна весьма осложниться, т. к. обязанности по наблюдению промыслового налога в Москве несут в большей своей доле торговые депутаты».¹⁵

Значение данного присутствия для раскладки налога в губернии было большое, поскольку члены и губернского и уездных органов хорошо были знакомы с экономическим положением всех налогоплательщиков и поэтому учитывали доходы лиц, относя их к тому или иному разряду.

С пересмотром всей фискальной политики с 1919 г., система присутствий прекратила свое существование.

---

¹³ Там же. Д. 6396. Л. 177–178.

¹⁴ ЦГА г. Москвы. Ф. 51. Оп. 6. Д. 15. Л. 144–144об.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 6996. Оп. 1. Д. 262. Л. 4.

Elena S. Kravtsova

Doctor of Historical Sciences, Kursk State Medical University
(Russia, Kursk)

E-mail: elenakravcova@yandex.ru

The specifics of the taxpayers' presences activities in the Russian Empire of the late 19th — early 20th centuries

The peculiarity of the Russian Empire tax system of the late 19th — early 20th centuries was the inclusion of public organizations — taxpayers' presences — which were engaged in the distribution of direct taxes among taxpayers. The Presence consisted of representatives of financial institutions, local government and taxpayers. The activities of these institutions were aimed at a fair distribution of taxes among the population and the consideration of complaints on the decisions taken.

Keywords: *tax system, Russian empire, taxpayers' presence, taxpayers, taxes*

Кузнецов Игорь Анатольевич

к.и.н., Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
(Россия, Москва)

E-mail: reputwjd68@mail.ru

Динамика урожаев и валовой доходности зернового производства в губерниях Европейской России в 1884–1913 гг.: к постановке проблемы

УДК 338 (091) + 94 (47) “1884/1913”

Сопоставляется динамика валовых урожаев пяти основных зерновых культур с динамикой валовых доходов зернового производства, подсчитанных в текущих ценах, по губерниям Европейской России. Ставятся вопросы о влиянии рыночной конъюнктуры на зерновое производство и о конкуренции регионов за долю в совокупном валовом доходе зернового производства.

Ключевые слова: *аграрная история, статистика урожаев, хлебные цены, аграрный кризис последней четверти XIX в.*

Современная историография рассматривает аграрное развитие России конца XIX — начала XX вв., оперируя преимущественно или даже исключительно натуральными показателями. Даже

изучение истории аграрного рынка стоит главным образом на анализе торговых путей, направлений и объемов перевозок и продаж, где счет идет на километры и пуды. Думается, историкам, занимающимся аграрно-экономической проблематикой, пора активнее вторгаться в сферу ценностно-стоимостных феноменов, выходя за рамки натурально-хозяйственной парадигмы. Причем как при исследовании процессов на уровне страны в целом, так и в региональном аспекте.

Попробуем совместить динамику урожаев пяти основных зерновых культур (ржи, овса, ячменя, озимой и яровой пшениц) по 50 губерниям Европейской России за 30 лет (1884–1913) с динамикой местных осенних цен на эти хлеба. Валовые сборы хлебов взяты по изданиям ЦСК «Урожай года»; сборы 1884–1894 гг. конвертированы из четвертей в пуды (за 1889–1894 гг. по имеющимся в источнике весам четверти соответствующих культур каждого года, а за 1884–1888 гг., для которых вес четверти отсутствует, — по средним весам четверти за то же шестилетие). Цены взяты по «...Год в сельскохозяйственном отношении» (в копейках за пуд). Умножение валового сбора на цену текущего года дало показатель, названный (условно) валовым доходом зернового производства. Этот показатель был рассчитан для каждой культуры в каждой губернии за каждый год; затем были подсчитаны среднегодовые значения валовых доходов и валовых сборов по трем десятилетиям и шести пятилетиям, как для каждой из культур, так и в сумме для пяти культур.

Анализ общероссийских среднегодовых значений валовых сборов и валовых доходов по сумме хлебов за три десятилетних отрезка показал, что при общем росте обоих показателей они имели разнонаправленную динамику прироста (рис. 1). Второе десятилетие отмечено более высоким приростом сборов, чем доходов: собирая хлебов (в пудах) в среднем в год на 28,1 % больше, чем в первом десятилетии, Европейская Россия увеличивала свой среднегодовой доход от производства этих хлебов (в рублях) лишь на 16,9 %. Третье десятилетие показало, наоборот, сильное превышение роста доходов над ростом сборов: производя хлебов на 18,3 % больше, чем во втором десятилетии, российский земледелец получал дохода на 68,8 % больше.

Данная тенденция прослеживается и по каждой из культур в отдельности, хотя и в разной степени: менее значительное

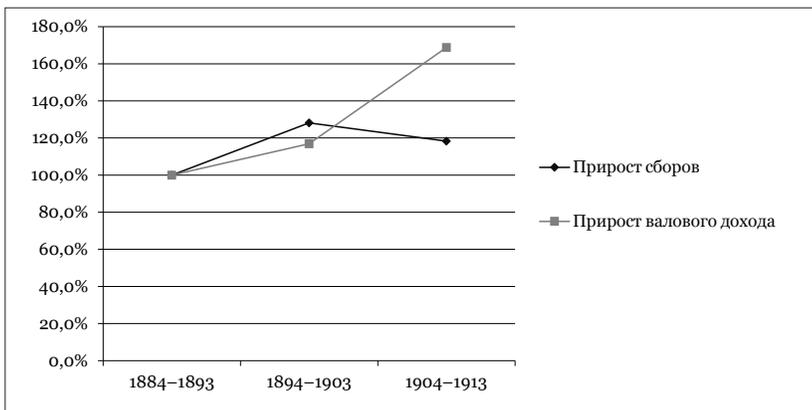

Рис. 1. Соотношение прироста сборов и валовых доходов по десятилетиям

расхождение заметно по овсу, максимальное — по ржи. Так, среднегодовое производство ржи в последнее предвоенное десятилетие выросло в натуральном выражении всего на 0,7%, а в ценностном — на 49,7%.

Эти цифры, думается, заставляют отойти от преобладающей в историографии однолинейной трактовки пореформенного развития России и поставить вопросы о воздействии меняющейся конъюнктуры зернового рынка на состояние зернового производства (и на благосостояние производителей) на разных этапах пореформенного периода. В частности, вернуться к вопросам о влиянии на российское сельское хозяйство мирового аграрного кризиса последней четверти XIX в. и о «попутных ветрах» столыпинской реформы.

Интересными кажутся результаты анализа динамики сборов и валовых доходов по регионам, являвшимся крупнейшими производителями зерна. Целью анализа было, в частности, проследить изменения позиций (процентных долей) регионов в совокупном валовом доходе зернового производства. Использовалась традиционная группировка губерний, известная еще дореволюционной статистике, в которой также давно известны и основные характеристики аграрного строя выделяемых районов. Земледельческий центр — Центрально-черноземный район (Воронежская, Курская, Орловская, Пензенская, Рязанская, Тамбовская, Тульская) — плотно распаханый и перенаселенный, с «крепостническими пережитками», перелыпной

общинной, слабо развитой промышленностью и с характерным контрастом между высоким естественным плодородием почвы и несоразмерно низким уровнем благосостояния крестьян. Примыкавшие к нему так называемые Малороссийские губернии (Полтавская, Харьковская), с несколько иными правовыми и климатическими условиями, традиционно рассматривались отдельно. Многоземельный район бурно прогрессирующего товарного зернового производства в хозяйствах фермерского типа, с распашкой степной целины — Новороссия (Донская область, Екатеринославская, Таврическая, Херсонская); в меньшей степени, но та же характеристика может быть применима и к Среднему Поволжью (Самарская, Саратовская). Юго-Запад (Волынская, Киевская, Подольская) — регион, наверное, лучших в империи природно-климатических условий и наиболее диверсифицированного сельского хозяйства, в котором, однако, зерновое производство играло главную роль. Приуралье (Вятская, Пермская) имело масштабное зерновое производство, прежде всего, в силу огромной численности населения. Наконец, Нечерноземно-промышленный район (Владимирская, Калужская, Костромская, Московская, Нижегородская, Смоленская, Тверская, Ярославская) — район старого земледелия, превратившийся в «хлебопотребляющий», крестьянство которого все более ориентировалось на внеземледельческие источники дохода, а в сельском хозяйстве — на незерновые отрасли, но в котором, тем не менее, еще немалая часть населения была занята хлебным производством, в том числе и на продажу.

Названные регионы в сумме давали более 70 % валовых сборов основных хлебов и имели более 70 % в валовом доходе зернового производства Европейской России. Подсчеты велись по пятилетиям. Динамика урожаев представлена на рис. 2.

Тенденция роста сборов заметна во всех регионах, кроме Нечерноземья, где сбор почти стабилен. Первые четыре пятилетия лидером по абсолютной высоте сбора был ЦЧР, с пятого пятилетия — Новороссия. Новороссия резко выделяется быстротой роста, отсутствием провалов и остановок этого процесса. Сборы в ЦЧР и Поволжье во второе и пятое пятилетие испытывали провалы, которые в других районах менее заметны или отсутствуют.

В динамике валовых доходов все без исключения регионы демонстрировали общий рост, с разной скоростью. Лишь в третьем

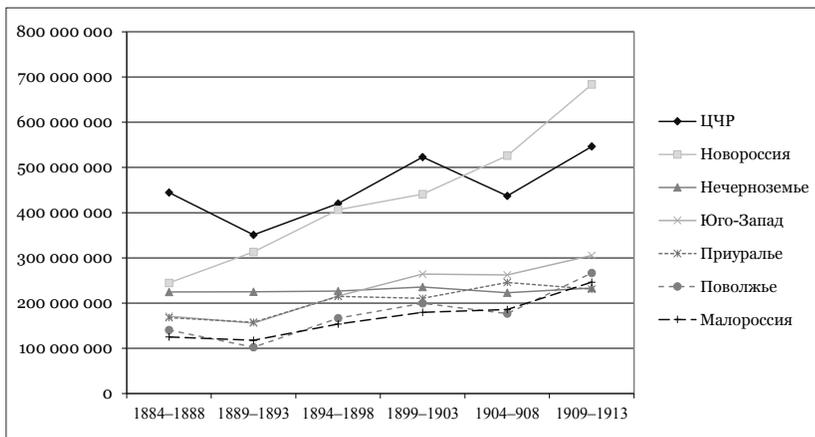

Рис. 2. Динамика среднегодовых сборов по пятилетиям, пуд

пятилетия все регионы, кроме Новороссии, несколько просели по этому показателю. Лидером по абсолютной высоте изначально был ЦЧР, но уже с третьего пятилетия — Новороссия. Однако сравнение движения сборов с динамикой валовых доходов менее информативно, чем сравнение динамики сборов с изменением долей регионов в совокупном валовом доходе (рис. 3).

Непрерывное возрастание своей доли в совокупной ценности российских урожаев демонстрирует Новороссия. При этом наблюдается крутое падение доли зернового хозяйства Нечерноземья, сильное снижение доли ЦЧР и менее выраженное — Приуралья. Вес Среднего Поволжья, несколько возросший в третьем пятилетии, в конечном счете также снизился. Роль Юго-Запада повысилась в третьем-четвертом пятилетии, доля Малороссийских губерний выросла за последние два пятилетия. Таким образом, для ЦЧР, Поволжья и Приуралья значительно увеличившийся в целом за 30 лет объем их зернового производства соответствовал сократившейся доле в совокупном валовом доходе от этого производства. Особенно неблагоприятные соотношения можно заметить для ЦЧР: рост сборов в третьем пятилетии сопровождался падением доли региона в совокупном доходе, резкий рост урожая в четвертом пятилетии соответствовал лишь небольшому увеличению его веса в ценностной массе общероссийского урожая, а намечившемуся крутому подъему урожая в последнем пятилетии соответствовал уже не рост, а начавшееся еще пятилетием

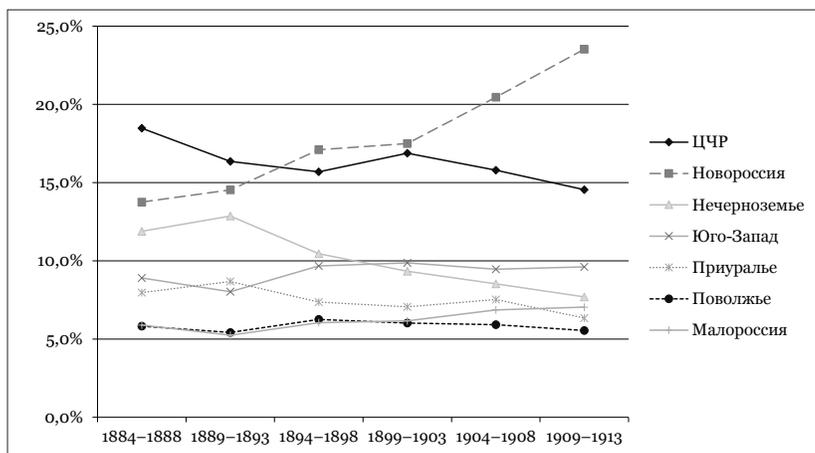

Рис. 3. Изменение долей регионов в совокупном валовом доходе зернового производства 50 губерний

ранее сильное снижение доли дохода. То есть масса совокупного российского дохода зернового производства возрастала намного быстрее, чем регион успевал увеличить свое хлебное производство, и поэтому на его долю приходилось все меньшее количество выработанной российским зерновым хозяйством ценности. Увеличение же общей массы ценности российских урожаев, очевидно, создавалось опережающим ростом ее производства в первую очередь в Новороссии.

В литературе распространено мнение, что регионы России не конкурировали между собой на зерновом рынке, поскольку разные регионы ориентировались на разные рынки (внешние и внутренние) и специализировались на разных культурах (рожь/овес или пшеница/ячмень). Поэтому рост производства в одних (например, Новороссии) не мог оказывать угнетающего воздействия на хозяйство в других (например, ЦЧР). Думается, если изменить точку зрения и поставить вопрос не о конкуренции регионов за рынки сбыта, а о конкуренции за долю производимого дохода, то ответ может оказаться не столь однозначным.

Полагаю, что изложенные в работе наблюдения могут иметь и иные интерпретации, отличные от предложенных автором, и поэтому они заслуживают обсуждения.

Igor A. Kuznetsov

Candidate of Historical Sciences, The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration (Russia, Moscow)

E-mail: *repytwjd68@mail.ru*

**Dynamics of grain crops and gross yield of grain
production in European Russia in 1884–1913:
to the formulation of the problem**

The dynamics of the gross yields of the main grain crops are compared with the dynamics of the gross incomes of grain production, calculated at current prices, in the provinces of European Russia. Questions are raised about the impact of market conditions on grain production and on the competition of regions for a share in total gross income of grain production.

Keywords: *agrarian history, crop statistics, grain prices, agrarian crisis of the last quarter of the 19th century*

Мамаев Андрей Владимирович

к.и.н., Институт экономики РАН; Санкт-Петербургский
государственный университет (Россия, Москва; Санкт-Петербург)

E-mail: *andreydx2006@yandex.ru*

**Проблемы экономического развития и
интеграции Туркестана накануне революции
1917 г. в деятельности Госдумы и правительства¹**

УДК 94(47).083+94(575.1)

Автор изучает действия центральной власти по экономическому освоению и развитию края. Процесс происходил медленно из-за недостаточного внимания метрополии и сосредоточенности на переселении и переселенцах, наблюдались противоречивые тенденции: с одной стороны, к превращению Туркестана в колонию, с другой, к его хозяйственной интеграции и правовой унификации.

Ключевые слова: *Туркестан, империя, колонизация, экономика, развитие*

Туркестан нуждался в усилиях центра для реализации экономического потенциала и интеграции в империю. Восстание 1916 г. свидетельствовало о кризисе в управлении этой окраиной.

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке РФФ, проект № 18-18-00142.

Советская историография акцентировала эксплуатацию трудящихся как бюрократией и буржуазией центра, так и местной. В российских работах есть тенденция к подчеркиванию позитивной, цивилизующей роли метрополии [2, с. 176], историки бывших советских республик акцентируют национализм, подчинение [1; 3]. Д. Смил считает, что именно со среднеазиатского восстания стоит вести отсчет гражданских войн в России. Некоторые исследователи рассматривают проблематику сквозь соответствие имперской модели [4; 5, с. 28–44].

Выявление политики центра по экономическому развитию и интеграции Туркестана поможет выяснить, как воспринимали его положение и какие перспективы строили. Помимо трудов историков используются стенографические отчеты Госдумы и Госсовета, материалы ревизии К. К. Палена, туркестанского генерал-губернатора А. Н. Куропаткина, Полное собрание законов, периодика, материалы архива Азиатской части Главного штаба (ф. 400 Российский государственный военно-исторический архив).

Идею о необходимости особых усилий для хозяйственного развития Туркестана в метрополии осознали на рубеже XIX–XX вв. Цель — геополитические интересы, прочное закрепление региона. Там прижился американский хлопок, необходимый текстильной промышленности. Важнейшее значение для интеграции имела постройка железной дороги в европейскую Россию, которая повысила доступность и обеспечила дешевую доставку хлопка. «Приближение» Туркестана усилило приток крестьян, они не встречали содействия, нужда в земле потенциально грозила конфликтами с коренным населением. Край закрыли для переселения, оно шло стихийно.

При Столыпине правительство провозгласило курс на колонизацию края как комплексную политику его освоения в интересах метрополии. Как подчеркивал в «Записке» 1912 г. главноуправляющий землеустройства и земледелия А. В. Кривошеин, политическое преобладание русской народности в Туркестане должно быть закреплено ее хозяйственной силой. В Госдуме в декабре 1912 г. В. Н. Коковцов указал на первостепенное значение для правительства переселенческого дела и использования естественных богатств окраин «в интересах русского народа».² Жители

² Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1912–1913 гг. Сессия первая. СПб., 1913. Ч. 1. Стб. 271–272.

Туркестана, коренные и пришлые, в 3 и 4 Госдумах не были представлены, регион управлялся Военным министерством.

ГУЗиЗ и большинство в 3 и 4 Госдумах стремились ускорить колонизацию, местные власти предупреждали об опасности конфликта с кочевым населением, чей уклад радикально менялся изъятием «излишков» и искусственным стимулированием перехода к оседлости. В 1906 г. ограничения на переселение были сняты, и темпы увеличились, по итогам ревизии сенатор Пален выступил за замедление темпов колонизации и качественный отбор переселенцев.³ Работники переселенческого управления ГУЗиЗ вытесняли кочевников с мест зимовок, пастбищ. Правовое обоснование — поправки от 19 декабря 1910 г. в статью 270 Положения об управлении Туркестанским краем, допускавшие изъятие из пользования кочевников земель, которые будут оценены как излишки.

Еще один вариант получить свободные земли — их орошение. Единственным крупным проектом правительства стал Романовский канал в Голодной степи. Названный «первым колонизационным», закон об отводе переселенцам орошаемых этим каналом казенных земель был утвержден императором 21 июня 1914 г. Власти пытались проводить отбор: переселенцы должны были быть зажиточными, способными быстро приспособиться и вернуть расходы на орошение, фиксировался принцип национального и религиозного неравноправия: предпочтение русским, православным.⁴

Для экономического развития Туркестана государство поставило целью урегулирование земельных отношений, развитие искусственного орошения, контроль водопользования. В 1910-е гг. при выработке политики центр взял курс на унификацию управления, замену обычного права на общеимперские правовые нормы.⁵ Это способствовало модернизации Туркестана, но имело черты русификации, интересы коренного населения уходили на второй план,

³ Пален К. К. Отчет по ревизии Туркестанского края. Переселенческое дело. СПб., 1910. С. 416–418.

⁴ Проекты законов, одобренные Госдумой. Четвертый созыв. Сессия вторая, 1913–1914 гг. Пг., 1914. Вып. 1. С. 732–735; Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1914 г. Сессия вторая. СПб., 1914. Ч. 5. Стб. 1399–3.

⁵ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3959. Л. 670б.–68.

так, до 1917 г. не был принят закон о землеустройстве кочевников, у которых не было достаточной правовой защищенности. Край втягивался в общероссийский рынок. Интеграция вела к односторонности в развитии — аграрно-сырьевом, создание промышленности не поощрялось. Например, в одобренном Госдумой в 1916 г. проекте о водопользовании в Туркестане фиксировался приоритет задач орошения над промышленно-техническими.⁶ Зарубежные инвестиции не допускались без высочайшего разрешения.

Развитие экономики Туркестана тормозили недостаточность путей сообщения, что определило разницу цен на хлеба в коренных областях Туркестана и Семиречье, отсутствие сельхозкредита.⁷ Попытки развить мелкий кредит наталкивались на сопротивление ведомств, так, до 1917 г. не был утвержден внесенный в Минфин в 1912 г. устав Среднеазиатского земельного банка, ставившего целью «удовлетворение нужды мелкого землевладельческого класса в кредите», из-за непроясненности вопроса земельной собственности и документов на владение.⁸

Центр финансировал Туркестан по «остаточному» принципу, общественность говорила о его убыточности,⁹ что не способствовало росту инвестиций. Слабое внимание уделялось сглаживанию диспропорций, поощрению частной инициативы в деле мелиорации. Модернизация проходила во многом стихийно, вела к слову традиционного уклада, имущественной дифференциации, обезземеливанию, эксплуатации. Появились маргинальные слои. Можно говорить о слабой осведомленности правительства и Госдумы о ситуации в крае, недостаточном внимании к хозяйственным вопросам, однобокой сосредоточенности лишь на вопросе переселения и интересах пришлого населения.

Среднеазиатское восстание 1916 г. стало проявлением кризиса имперской системы управления. Центральная власть не нашла в Туркестане адекватную замену обычной имперской опоре на местные элиты и традиционные властные институты, от которых отказывалась. Парадоксально имевшиеся угрозы в большей

⁶ Приложения к стенографическим отчетам Госдумы. Четвертый созыв. Сессия четвертая, 1916 г. Пг., 1916. Вып. 3. С. 1–54.

⁷ Приложения к стенографическим отчетам Госдумы. Четвертый созыв. Сессия вторая, 1914 г. СПб., 1914. Вып. 9. С. 10.

⁸ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4148. Л. 34, 68–68об., 70.

⁹ Стеткевич А. Убыточен ли Туркестан для России? СПб., 1899.

степени осознавали правые круги, но их идеи (включая искусственные помехи развитию промышленности и обработки сырья в Туркестане, борьбу с доступом в регион частного, особенно иностранного, капитала, ограничение в правах «иностранцев») не могли остановить модернизацию, скорее способствовали углублению противоречий.¹⁰

Назначенный генерал-губернатором для успокоения Туркестана А. Н. Куропаткин предложил сегрегационные меры в районах Семиречья: один из уездов должен был стать русским. Это позволяло расширить фонд колонизационных земель за счет «туземцев» и закрепляло отчужденность пришлых и коренных. В то же время российское правление должно было стать более «справедливым» и авторитетным для коренного населения за счет усиления низших звеньев власти, расширения попечительских функций. Для ослабления недовольства и расслоения Куропаткин пытался остановить распродажу земли за долги, четче обозначить имущественные права кочевников на участки в пользовании, в городах начали борьбу с дороговизной.¹¹

Российская империя в Туркестане столкнулась с колониальной ситуацией, но процесс осознания особенностей хозяйственного управления регионом и необходимости активного вмешательства в развитие экономики шел медленно, по мере становления капитализма и укрепления русского национализма. В курсе центра наблюдалась тенденция, с одной стороны, к превращению Туркестана в колонию, формировались основы курса на колонизацию, с другой, декларировались цели правовой унификации и хозяйственной интеграции Туркестана в состав империи, левые течения в Госдуме, а после восстания 1916 г. и Куропаткин говорили о необходимости улучшения положения «туземцев» в условиях радикальных изменений. Восстание вновь поставило перед метрополией вопрос о судьбах Туркестана.

Библиографический список

1. Ахмеджанов Г. А. Российская империя в Центральной Азии (история и историография колониальной политики царизма в Туркестане). Ташкент, 1995.

¹⁰ Глинка С. Жгучий вопрос // Земщина. 1913. 7 июня; Подвиги русского народа в Средней Азии // Русское знамя. 1913. 24 июля.

¹¹ Из дневника А. Н. Куропаткина // Красный архив. 1929. Т. 34. С. 83–89.

2. Глущенко Е. А. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. М., 2010.
3. Очерки по истории государственности Узбекистана. Ташкент, 2001.
4. Правилова Е. А. Финансы империи: Деньги и власть в политике России на национальных окраинах. 1801–1917. М., 2006.
5. Фурсов К. А. Имперская экономическая политика в Русском Туркестане и Британской Индии: сходства и различия // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2010. № 6. С. 28–44.

Andrey V. Mamaev

Candidate of Historical Sciences, Institute of Economics of the RAS;
St. Petersburg State University (Russia, Moscow; St. Petersburg)
E-mail: *andreydx2006@yandex.ru*

Problems of economic development and integration of Turkestan on the eve of the 1917 revolution in the activities of the State Duma and the government

The author studies the actions of the central government for economic development of the region. The process took place slowly due to the lack of attention of the center and focus on resettlement and settlers. There were conflicting trends: on the one hand, to the transformation of Turkestan into a colony, on the other, to its economic integration and legal unification with the Empire.

Keywords: *Turkestan, empire, colonization, economy, development*

Микитюк Владимир Петрович
к.и.н, Институт истории и археологии УрО РАН
(Россия, Екатеринбург)
E-mail: *umikitjuk@mail.ru*

**Диверсификация производственной деятельности
екатеринбургских предпринимателей
во второй половине XIX — начале XX в.**

УДК (470.5.) “18/19”

В докладе рассматриваются изменения в производственной деятельности предпринимателей Екатеринбурга, происходившие под влиянием различных факторов, имевших как общеимперский, так и региональный характер. Во второй половине XIX — начале XX в. огромное влияние на этот вид предпринимательской деятельности оказали различные реформы, экономические кризисы, военные конфликты и социальные катаклизмы.

Ключевые слова: диверсификация производственной деятельности, Екатеринбург, реформы, военные конфликты, экономические кризисы

Производственная деятельность пользовалась повышенным интересом со стороны екатеринбургских предпринимателей, по крайней мере, с последней четверти XVIII в. В последующие времена, то есть на протяжении XIX столетия и в начале XX в., склонность екатеринбуржцев к этому виду предпринимательской деятельности никогда не исчезала. В то же время она знала свои приливы и отливы, являвшиеся результатом влияния разных факторов, как местного, так и общеимперского характера. Существенное повышение роли данных факторов имело место во второй половине XIX — начале XX в.

В последней четверти XVIII — первой половине XIX в. многие екатеринбуржцы проявили интерес к производственной деятельности, прежде всего к переработке сырья некоторых отраслей сельского хозяйства. Некоторые горожане построили мукомольные мельницы, находившиеся, как правило, за пределами города. Другие предприниматели проявили интерес к переработке продукции животноводства, благодаря чему в Екатеринбурге и его ближайших окрестностях было основано немало кожевенных, клееваренных, мыловаренных, свечных и салотопенных заведений. Особое значение для экономики города имели салотопенные

заведения, так как большая часть их продукции через порты Таганрога и Петербурга уходила на экспорт, в Великобританию. Исключением из общего правила выглядит развивавшееся в Екатеринбурге механическое производство, представленное одной фабрикой.

В начале второй половины XIX в. екатеринбургские предприниматели столкнулись с рядом вызовов. Сначала грянула война 1853–1856 гг., которая привела к закрытию одних салотопен и снижению объема производства на других (с окончанием военных действий екатеринбургские «сальники» вернули утраченные позиции). Спустя некоторое время началась эпоха реформ Александра II. Отмена крепостного права и ряд других реформ оказали мощное воздействие на частную промышленность Екатеринбурга. В первой половине 1860-х гг. владельцы екатеринбургских промышленных заведений в основном столкнулись с негативными последствиями реформ, что привело к закрытию ряда фабричных заведений: с 1861 г. по 1865 г. их общее количество сократилось с 29 до 22. Одновременно имело место снижение общего объема производства: с 1 530 750 руб. в 1861 г. до 703 129 руб. в 1865 г. [1, с. 110].

Однако, уже во второй половине 1860-х гг. екатеринбургские предприниматели активизируются, открывая все новые заводы. К 1870 г. в городе действовало 41 частное предприятие. Их общий объем производства составил 3 285 127 руб. По большей части эти предприятия принадлежали к отраслям, вполне традиционным для Екатеринбурга. В 1870 г. по количеству заводов доминировало овчинное производство, представленное 14 мелкими заведениями с общим объемом производства в 3 тыс. руб. На втором месте по количеству предприятий находилась салотопенная отрасль: в городе было восемь заводов, производивших продукции на 1 110 280 руб. [1, с. 111].

Во второй половине 1860-х гг. екатеринбургские предприниматели смогли воспользоваться целым рядом благоприятных факторов. Отмена обязательной службы в горнозаводском секторе Урала привела к тому, что убывшие урочнорабочие и мастерские пополнили ряды потребителей, в том числе покупателей съестных припасов, в первую очередь хлеба и муки. Это создало благоприятные условия для развития мукомольной отрасли: значительная группа екатеринбургских предпринимателей приобрела

или построила мукомольные мельницы, разбросанные по Исети и ее притокам. Отмена откупов и введение акцизной системы стали побудительным мотивом роста интереса предпринимателей к основанию водочных, винокуренных и пивоваренных заводов. К 1870 г. в Екатеринбурге действовало пять водочных заводов и три пивоварни. Винокуренные заводы екатеринбуржцы предпочитали покупать или строить за пределами города. Еще одним благоприятным фактором для развития частной промышленности стала потеря Екатеринбургом статуса горного города, что позволило снизить уровень зависимости предпринимателей от горного ведомства. Данное обстоятельство позволило некоторым горожанам основать предприятия, не являвшиеся традиционными для промышленности Екатеринбурга. В частности, на стыке 1860–1870-х гг. в городе было открыто три спичечные фабрики.

Открытие спичечных фабрик, водочных заводов и пивоварен в Екатеринбурге, а также винокуренных заводов за пределами города можно считать первыми шагами по диверсификации производственной деятельности екатеринбургских предпринимателей. С каждым последующим десятилетием этот процесс становился все более масштабным и разнообразным.

С появлением новых видов освещения, а также с введением санитарных кордонов на пути следования скота в Екатеринбург резко сократились возможности для развития салотопенной отрасли и сопутствующих ей отраслей — кожевенной, мыловаренной и свечной. В результате интерес предпринимателей к этим отраслям существенно снизился: многие предприятия закрылись, другие сократили объем производства. К концу 1880-х гг. значение этих отраслей, некогда традиционных для Екатеринбурга, снизилось настолько, что они стали работать в основном на местный рынок.

Одновременно происходило развитие других отраслей, менее традиционных или совсем необычных для Екатеринбурга. В частности, с завидной регулярностью начали открываться новые машиностроительные и механические заведения, а также отдельные предприятия других отраслей. Например, начиная с 1880-х гг., екатеринбуржцы стали проявлять устойчивый интерес к текстильной промышленности. В 1882 г. торговый дом «Братья Злоказовы» основал в Екатеринбурге суконную фабрику, которая в начале 1890-х гг. при 350 рабочих производила 170 тыс.

аршин на 128 тыс. руб.¹ В середине 1890-х гг. эта фирма приобрела аналогичную фабрику в селе Арамиль Екатеринбургского уезда и в начале XX в. объединила оба предприятия, увеличив благодаря этому объем производства до 1 млн аршин в год. В 1898 г. торговым домом «Братья Макаровы» в екатеринбургском городском выгоне была построена крупная льнопрядильно-ткацкая и мешочная фабрика, оборудованная новейшим импортным оборудованием.

В этот же период екатеринбургские предприниматели вкладывали средства в сооружение предприятий разного профиля. В 1884 г. в Екатеринбурге начала действовать мукомольная крупчатная мельница купца И. И. Симанова. В этот же период личный почетный гражданин П. Ф. Давыдов основал завод по изготовлению изразцов и красного кирпича. В 1890 г. потомственный дворянин И. Ф. Круковский построил фабрику по производству обоев и бордюров: в год производилось продукции на 5–8 тыс. руб.² В 1895 г. им же было открыто предприятие по изготовлению макарон и вермишели. В начале XX в. Круковский стал владельцем еще одного предприятия — завода по производству сельскохозяйственных орудий и машин. Этим примеры диверсификации производственной деятельности екатеринбургских предпринимателей не исчерпываются.

В конце XIX — начале XX в. екатеринбургские предприниматели столкнулись с большой группой разнообразных вызовов. К наиболее серьезным из них можно отнести экономический кризис с затяжной депрессией, русско-японскую войну 1904–1905 гг., крупные социальные катаклизмы и т. д. Каждый из вышеперечисленных факторов оказывал существенное воздействие на производственную деятельность екатеринбургских предпринимателей, которые, приспосабливаясь к изменившимся условиям, использовали самые разные методы. Одним из наиболее эффективных ответов на вызовы стала диверсификация производства.

Во второй половине XIX — начале XX в. производственная деятельность екатеринбургских предпринимателей была переориентирована с переработки продукции животноводства на переработку зерна (мукомольные мельницы, пивоварни и винокурни), а также на сооружение предприятий самого разного профиля.

¹ Орлов П. А., Будагов С. Г. Указатель фабрик и заводов Европейской России. Материалы для фабрично-заводской статистики. СПб., 1894. С. 19.

² ГАПК. Ф. 111. Оп. 2. Д. 358. Л. 6.

Благодаря диверсификации производственной деятельности екатеринбургских предпринимателей промышленность города стала более разнообразной и более устойчивой к разным потрясениям.

Библиографический список:

1. Горловский М. А. К характеристике развития частной промышленности, торговли Екатеринбурга и изменений в социальном составе населения города в 60-х — начале 70-х гг. XIX века // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1961. Вып. 39. Ч. 1. С. 109–119.

Vladimir P. Mikityuk

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: vmikityuk@mail.ru

Diversification of production activities of Ekaterinburg entrepreneurs in the second half of the 19th — early 20th centuries

The paper deals with the changes in the production activities of Ekaterinburg entrepreneurs, which occurred under the influence of various factors that had both all-Russian and regional character. In the second half of the 19th — early 20th centuries, a huge impact on this type of business had various reforms, economic crises, military conflicts and social upheavals.

Keywords: *diversification of production activities, Ekaterinburg, reforms, military conflicts, economic crises*

Морева Ольга Викторовна

к.и.н., Свердловская областная универсальная научная библиотека им. В. Г. Белинского (Россия, Екатеринбург)

E-mail: moreva.o.v@yandex.ru

Экономика и чтение в конце XIX — начале XX в.

УДК 655.42(470.5)

В докладе представлены разные способы получения уральцами книжной продукции (библиотеки, книга почтой, книжные магазины); особенности книжной торговли на Урале; экономические трудности, с которыми сталкивались книготорговцы. «Читательская революция», развитие российской экономики в конце XIX — начале XX в. способствовали росту книготорговых предприятий.

Ключевые слова: *книжная торговля, книжная продукция, уральские читатели*

«Неграмотность берет тяжелую пошлину с экономики» — это замечание Д. Козола особенно актуально, как нам кажется, для России рубежа XIX–XX вв. [12, с. 29]. В этот период бурно развивалась российская экономика, происходили процессы, обозначаемые как «читательская революция» [3]. Секуляризация общественной жизни, развитие печати, распространение рыночных практик в культуре, количественный рост читающей публики, рост ее активности, а также урбанизация, социальная мобильность, профессионализация, политизация — все это создавало ситуацию необходимости обращения к чтению (не к опыту, как в традиционном обществе, а к знаниям, как в индустриальном). Чтение как «совокупность практик, методик, процедур с текстом» [1] в конце XIX — начале XX в. становится одной из базовых социокультурных практик, которая позволяла менять жизненные стратегии, являлась своеобразным социальным лифтом, гарантировала если не экономическую стабильность, то большую конкурентоспособность на рынке труда. На разнообразных источниках продемонстрируем: сколько для уральцев «стоило чтение».

Фонды уральских библиотек разных видов и типов давали населению возможность приобщиться к чтению [подробнее об этом см.: 6; 8; 10]. В конце XIX — начале XX в. в регионе сложилась разветвленная библиотечная сеть, обеспечивающая читательские запросы представителям различных социальных слоев и возрастных групп, предлагающая книгу и чтение даже неграмотным (чтение вслух в чайных-читальнях, народные чтения). Однако, формировавшиеся под пристальным вниманием цензурного ведомства и на основе особого каталога, библиотечные фонды бесплатных народных библиотек предоставляли читателям довольно ограниченный круг литературы. Плохое финансирование, непрофессионализм библиотекарей (как правило, это были совместители: учителя, священники, волостные служащие), недостаток книг из популярных отделов (беллетристика, история, география, периодика) вело к оттоку читателей из этих библиотек. С другой стороны, более богатые и разнообразные фонды общественных книжных собраний, за редким исключением (возможность бесплатно или за невысокую плату читать периодические издания в читальных залах), ограничивали круг своих читателей, либо из-за ведомственного характера и высокой платы, либо из-за неудобного режима работы. Кроме того, широкая

вариативность уральских библиотек по учредителям и составам книжных фондов формировала у читателей разные, а порой и противоречивые взгляды, ценности и стереотипы поведения, создавая тем самым определенную социальную напряженность.

Характерной особенностью становления книжной торговли на Урале является почти полное отсутствие стационарных и специализированных книготорговых предприятий. «Книжный товар» (лубочная литература, азбуки, учебники и т. п.) в XVIII в. можно было приобрести на ярмарках, у офень и в лавках, в которых книгами торговали как сопутствующим товаром. В Екатеринбурге первый «правильно организованный» книжный магазин был открыт лишь в 1861 г. [2, с. 20]. Кроме того, развитие книготорговых предприятий сдерживалось «запретительно-разрешительными» законодательными нормами, слабой развитостью транспортных сетей, удаленностью от полиграфических центров Москвы и Санкт-Петербурга. Экономические условия не способствовали увеличению количества книготорговых предприятий, хотя согласно «Положению о государственном промысловом налоге» на Урале они и были освобождены от его уплаты.¹ Данные о грузо-перевозках «книжного товара» по железным дорогам Урала демонстрируют благотворное влияние, которое оказывало развитие железнодорожной сети на книготорговлю,² но в тоже время транспортные расходы почти полностью «съедали» слишком маленькую издательскую скидку для провинциальных продавцов и книга оставалась дорогой для покупателей.

«О скидках» председатель Общества книгопродавцев и издателей Ф. Этингер в 1908 г. писал, что «если взять обычную скидку в 20–25 %, делаемую издателем, то из нее приходится при нормальном предложении отдать публике 10 %, остальные же 10–15 % служат для покрытия всех расходов, как-то: пересылка, содержание магазина, служащих, уплата промысловых и иных налогов, а на чистую прибыль падает весьма незначительная сумма. Ясно, что при таком положении может существовать либо книгопродавец, делающий ежегодно весьма крупный оборот, либо книгопродавец мелкий, расходы которого на содержание

¹ Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии 1912 год. Пермь, 1911. С. 35, 36, 95.

² Сведения об Уральской железной дороге в 1890 г. // Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1892 г. Пермь, 1891. С. 161. Отд. I.

магазина так незначительны, личные потребности которого так скромны, что позволяют из дела покрывать все расходы».³ В 1912 г. на Съезде книгопродавцов и издателей было принято постановление о фиксированной скидке в 30 %, но издатели, выпускавшие учебники, отказались ему подчиниться, и оно не было проведено в жизнь [9, с. 191].

О размере уступки для провинциальной книжной торговли можно судить по рекламе. Так, представляя свои издания в 1890-е гг., Императорское вольное экономическое общество особо оговаривало условия продажи: «Выписывающие не менее пяти экземпляров одного и того же сочинения пользуются уступкою 25 %. Книгопродавцы, покупающие на суммы не менее 50 рублей в один раз, пользуются уступкою 35 %; на меньшие суммы — 25 %. Обмен раз приобретенных изданий на другие не допускается».⁴ Издательство журнала «Русское богатство» в 1910-е гг. свои издания для книжных магазинов продавало с уступкой в 25 % при пересылке наложенным платежом.⁵ «При небольшом заказе (малую) сумму стоимости — рекомендуем присылать почтовыми марками во избежание лишних расходов по наложению платежа, — говорилось в рекламе питерского антикварного магазина и склада А. К. Гомулина. — При заказе свыше 10 рублей — следует высылать $\frac{1}{3}$ стоимости в виде задатка. При заказе свыше 25 рублей (одновременно) делается скидка 20 % с указанных в каталоге цен. Пересылка в Европейскую Россию наложенным платежом до 2 фунтов — 35 копеек, до 7 фунтов — 55 копеек, до 12 фунтов — 75 копеек и свыше по почтовому тарифу».⁶ Книжные магазины Товарищества Н. П. Карбасникова крупные заказы для удешевления высылали по льготному тарифу железной дороги. Кроме того, заказы учебных заведений, земских и городских управ, других правительственных и общественных учреждений выполняли без предоплаты, при условии, что они оформлены на бланке учреждения с подписью заведующего.⁷

³ Этингер Ф. «О скидках» // Книжный вестник. 1908. 30 окт. С. 364.

⁴ [Реклама] // Сборник Пермского земства. 1890. № 3. С. 152.

⁵ Рубакин Н. А. Среди книг: опыт обзора русских книжных богатств в связи с историей научно-философских и литературных общественных идей: справочное пособие. М., 1911. Т. 1. С. 8.

⁶ Там же. С. 15.

⁷ Там же. С. 22.

Несмотря на экономические трудности, перемены в экономической и социально-политической жизни в пореформенное время не могли не повлиять на общее состояние книжной торговли на Урале. Число торговых точек, предлагающих населению печатную продукцию, увеличивалось год от года. Так, если в Екатеринбурге в 1860-х гг. книги можно было приобрести лишь в пяти лавках [5, с. 183], то в 1914 г. книготорговых заведений в городе было уже 15 [2, с. 30, 31]. Это были как частные магазины, принадлежащие местным жителям, так и магазины крупных столичных книгоиздателей: московского товарищества И. Д. Сытина и петербургского «Общественная польза», а также — «Великобританского и иностранного библейского общества».⁸ В 1882 г. помощник начальника жандармского управления Пермской губернии в донесении писал, что в Верхотурском уезде продажи книг нет, «исключая разных азбук и сказок» [4, с. 108]. Через 28 лет, в 1901 г. исправники сообщали о наличии восьми книготорговых точек в этом уезде.⁹ С одной стороны, книжная торговля в крупных городах и населенных пунктах не только расширялась, но и дифференцировалась, но с другой — во многих заводских поселках и населенных пунктах сельской местности она отсутствовала. Поэтому многие уральцы пользовались услугой «книга почтой» [подробнее об этом см.: 7; 11].

Частный книготорговый бизнес в России появился позже, чем торговля другими товарами. Этим объясняется отсутствие договоренности между всеми участниками книжного дела (издателями, книгопродавцами, чиновниками почтового и железнодорожного ведомства), кроме того «книга» как товар «особого свойства» был под особым контролем государства. Поэтому в провинции книготорговые предприятия были немногочисленны, ассортимент их был скуден, а цены — высоки. Занятие книжной торговлей было коммерчески очень рискованно и невыгодно. Ею занимались либо из идейных соображений, либо наряду с другими видами предпринимательской деятельности, рассматривая книги как сопутствующий товар (нередко «вывеской книжной лавки подчас пользовались только ради приобретения льгот, полагавшихся по закону этому виду торговли» [5, с. 144]). Таким образом,

⁸ Адрес-календарь и справочная книжка... С. 171.

⁹ ГАСО. Ф. 621. Оп. 1 Д. 259. Л. 63–66.

библиотеки и развивающаяся книготорговая сеть, льготные условия для получения книг и периодики, согласно Почтовому уставу, позволяли уральцам всех возрастных и социальных категорий активно потреблять книжную продукцию, по-разному решая экономические аспекты чтения.

Библиографический список

1. Абушенко В. Л. Чтение // История философии: энциклопедия. Минск, 2002. С. 902.
2. Белобородов С. А. Книжная торговля в Екатеринбурге // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург, 1999. Вып. 3. С. 17–32.
3. Брукс Дж. Когда Россия научилась читать: грамотность и народная литература. 1861–1917 гг. Принстон, 1985 // Что мы читаем? Какие мы? СПб., 1993. С. 120–175.
4. Ганьжа С. В. Тагильская летопись XVI–XIX вв. Нижний Тагил, 2000.
5. Книга в России 1861–1881: в 3 т. М., 1990. Т. 2.
6. Морева О. В. Народные бесплатные церковные библиотеки Пермской губернии в конце XIX — в начале XX века // Церковь Богословие История: материалы VI Всероссийской научно-богословской конференции. Екатеринбург, 2018. С. 343–349.
7. Морева О. В. Почтово-посылочная книжная торговля во второй половине XIX — начале XX в.: законодательство и организация // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. СПб., 2012. № 2. С. 100–106.
8. Морева О. В. Шадринская земская публичная библиотека — образец земских публичных библиотек // IX Зырянские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Курган, 2011. С. 54–55.
9. Муратов М. В. Книжное дело в России в XIX и XX вв.: очерк истории книгоиздательства и книготорговли 1800–1917 гг. М.; Л., 1931.
10. Шабаршина (Морева) О. В. «Библиотечный бум» на Урале во второй половине XIX — начале XX века (на примере платных и заводских библиотек) // Социально-гуманитарные науки и современность: межвузовский сборник научных трудов. Пермь, 2011. Вып. 6. С. 321–346.
11. Шабаршина (Морева) О. В. «Книга — почтой» во второй половине XIX — начале XX века: региональные особенности // Библиотеки вузов Урала. Екатеринбург, 2008. Вып. 9. С. 104–112.
12. Kozol J. Illiterate America. New York, 1985.

Ol'ga V. Moreva

Candidate of Historical Sciences, Sverdlovsk Regional Universal
Scientific Library named after V. G. Belinsky (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: *moreva.o.v@yandex.ru*

Economy and reading in the late 19th — early 20th centuries

The paper presents different ways of obtaining book production by the Urals residents (libraries, books by mail, bookstores). It also analyzes the features of book trade in the region, the economic difficulties faced by booksellers. “Readers revolution”, the development of the Russian economy in the late 19th — early 20th centuries contributed to the growth of bookselling enterprises.

Keywords: *book trade, book production, Ural readers*

Морозан Владимир Васильевич

д.и.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный
университет (Россия, Санкт-Петербург)
E-mail: *v_moga@mail.ru*

Аристократы и сановники — клиенты С.-Петербургской конторы Государственного банка

УДК 94 (47)

Доклад посвящен кредитной истории некоторых высокопоставленных чиновников и аристократов России, которые заимствовали на разные нужды деньги в Государственном банке. В большинстве случаев в результате упадка коммерческих предприятий заемщики оказывались неспособными к возврату средств.

Ключевые слова: *кредит, Государственный банк, банкротство*

Учрежденная в 1894 г., С.-Петербургская контора продолжала оказывать различные коммерческие услуги деловым кругам столицы, сохраняя прежний состав клиентуры Государственного банка, который сложился в предшествующие годы. В число этой клиентуры входили как представители аристократических фамилий России, так и высокопоставленные чиновники империи. Отмеченные потребители банковских средств пользовались услугами конторы по разным кредитным операциям, используя полученные кредиты в разных сферах народного хозяйства. Так,

князьям В. Н. Орлову и А. С. Долгорукову были предоставлены вексельные кредиты, княгине Ю. Л. Урусовой разрешили поручительский кредит, а Н. М. Половцова получила промышленный кредит. Немало таких лиц было среди тех, кому выдавали сельскохозяйственные ссуды под соло-векселя: А. Н. Куломзин, Г. И. Бобриков, А. Е. Врангель, Н. И. Гирс, князь Микеладзе, А. И. Нератов, князь Е. В. Гедройц, И. А. Звягинцев, Н. М. Цеймерн, граф Г. И. Рибопьер, князь Юсупов, А. А. Левашев и другие.

Достаточно долгими и сложными были кредитные отношения Государственного банка и семьи князей Долгоруковых. Они начались еще в начале 1880-х гг., когда князю Александру Сергеевичу Долгорукову был предоставлен соло-вексельный кредит. В феврале 1885 г. ему открыли новый кредит в Киевской конторе банка по учету торговых векселей в размере 120 тыс. руб. Князь просил деньги на развитие своего сахарного производства в Киевской губернии. Примечательно, что отмеченная сумма А. С. Долгорукову была предоставлена с условием, что он погасит долг по прежнему соло-вексельному кредиту в размере 53565 руб. 6 июня 1885 г.,¹ после погашения этого долга, кредит был переведен в С.-Петербург, где князю было удобней им пользоваться. Перевод был произведен по прошению А. С. Долгорукова, который большую часть своей жизни проживал в С.-Петербурге в собственном доме на Галерной ул. под номером 77.

Отметим, что с момента получения означенного кредита и до 1897 г. его размер оставался неизменным, как, впрочем, и сумма задолженности по нему. Получив 120 тыс. руб., князь А. С. Долгоруков не спешил их возвращать, представляя регулярно в банк исключительно векселя своей супруги, княгини О. П. Долгоруковой, внося лишь проценты по кредиту. Внесенные векселя переписывались по мере наступления сроков погашения ранее представленных бумаг. В 1897 г. руководство Государственного банка потребовало от князя начать постепенное сокращение задолженности, определив сумму ежегодного погашения в 10 тыс. руб. А. С. Долгорукову пришлось подчиниться этому решению, и к 1 июля 1908 г. его задолженность по векселям жены была окончательно погашена, а сам кредит закрыт.²

¹ РГИА. Ф. 588. Оп. 5. Д. 81. Л. 3.

² Там же.

Долгими и неоднозначными были кредитные отношения Государственного банка с супругой государственного секретаря А. А. Половцова, Надеждой Михайловной. В 1884 г. она обратилась в банк с просьбой перевести на нее долг по купленному ею у статского советника С. Д. Башмакова 14 июня того же года Богословскому горному округу. В результате совершенной купчей Н. М. Половцова обязана была вернуть с 1 января 1885 г. банку почти 1900 000 руб. Отмеченную сумму она должна была погасить к 1 января 1919 г., внося ежегодно 6 % роста и 1 % капитального долга.³ Примечательно, что Надежда Михайловна состояла еще и должником Горного департамента, которому она должна была вернуть сумму почти равную банковскому долгу. Очевидно, что такое положение дел значительно осложняло ее возможности выполнить свои обязательства перед кредиторами. Так, к 1896 г. за ней числились долги Государственному банку и Горному департаменту в размере 1 584 634 руб. и 1 571 759 руб. соответственно.⁴ Чтобы облегчить финансовое бремя Половцова стала хлопотать о разрешении выпустить облигационный заем с тем, чтобы облигации были выкуплены в течение года и, чтобы их хранение и все расчеты по переведенным на Богословское горнозаводское общество долгам были сосредоточены в Государственном банке. Впрочем, отмеченная операция не улучшила финансовое положение заемщика. Платежи по отмеченным долгам производились нерегулярно или вовсе срывались. К моменту смерти Н. М. Половцовой в 1908 г. за ней числился не возвратным С.-Петербургской конторе Госбанка 1930 015 руб.⁵ Примечательно, что с переходом всех имущественных прав покойной к ее супругу, Александру Александровичу, последний не стал обременять себя управлением Богословским горнозаводским обществом, а поручил ведение всех коммерческих дел своему сыну Александру.

Отмеченные выше кредитные истории были типичны для многих аристократов и высших государственных чиновников, которые были клиентами Государственного банка. В большинстве случаев крах их предприятий был связан с неэффективным управлением полученными в кредит средствами и их нерациональным использованием.

³ Там же. Д. 72. Л. 1.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Д. 81. Л. 1.

Vladimir V. Morozan

Doctor of Historical Sciences, St. Petersburg State University
(Russia, St. Petersburg)
E-mail: *v_moga@mail.ru*

**Aristocrats and dignitaries —
clients of the St. Petersburg office of the State Bank**

The paper is devoted to the credit history of some high-ranking officials and aristocrats of Russia, who borrowed money for various needs from the State Bank. In most cases, because of the decline of commercial enterprises, the noted borrowers were unable to return the funds.

Keywords: *loan, State Bank, bankruptcy*

Неклюдов Евгений Георгиевич

д.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН
(Россия, Екатеринбург)
E-mail: *ntplant9@mail.ru*

**Проекты развития горнозаводской
промышленности в России: взгляд из 1860-х гг.**

УДК 94(470) «1860»

В ходе подготовки горной реформы в России в 1860-е гг. были предложены два варианта реформирования организационных основ горнозаводской промышленности. Автор проводит анализ их содержания и сравнение с действующей моделью организации этой промышленности, сложившейся при участии государства в ходе предшествующего полуторавекового развития.

Ключевые слова: *Россия, Великие реформы, горная реформа, горнозаводская промышленность*

Модернизация, ускоренная усилиями государства в начале XVIII в., привела к созданию в стране крупной горнозаводской промышленности. Решающее влияние государства нашло отражение в нескольких особенностях ее дальнейшего полуторавекового развития. В отличие от других отраслей российской экономики, в середине XIX в. здесь функционировала особая государственная система горного управления, в районах дислокации казенных заводов даже заменявшая собой гражданскую администрацию; правовые условия развития отрасли были систематизированы в специальном кодексе — Горном уставе; в стране действовала особая система горного налогообложения.

Участие государства в становлении промышленности привело к формированию трех ее секторов: казенного, посессионного и владельческого, отличавшихся не только имущественными правами владельцев, но и степенью влияния государства на хозяйственную деятельность. Желание власти подтолкнуть предпринимателей строить заводы в неосвоенных районах привела к формированию окружной системы организации крупного производства, когда вокруг заводов в единый территориально-производственный комплекс объединялись несколько взаимосвязанных отраслей, составивших основу сложноорганизованной и малоподвижной горнозаводской промышленности. Наконец, становление этой промышленности в крепостной период способствовало складыванию особой социальной группы горнозаводского населения, обслуживавшего все отрасли окружного хозяйства и прикрепленного к заводам, а также относительно замкнутой группы предпринимателей-горнозаводчиков, представленных в основном несколькими поколениями известных дворянских родов.

Такой, как выражались современники, «полный строй отдельного управления» вполне соответствовал протоиндустриальному уровню развития промышленности. Он являлся и результатом, и фактором ее роста до середины XIX в., когда сложились предпосылки для нового витка модернизации. Понимание необходимости перемен возникло тогда в связи с очевидным технологическим и темпоральным отставанием российской горнозаводской промышленности от металлургии европейских стран, особенно проявившемся на фоне начавшегося в стране железнодорожного строительства. В 1860-е гг. было предложено несколько вариантов реформирования отрасли, образующих отличные друг от друга модели ее дальнейшего развития [1].

Общим стремлением трех правительственных комиссий, призванных подготовить проект преобразований в горной отрасли, стало первоочередное внимание к частному предпринимательству, с которым связывался дальнейший «успех развития горного дела в России». Однако первая Комиссия для изыскания средств к развитию железного производства в России, действовавшая при Министерстве финансов в 1852–1857 гг., в своих предположениях не вышла за рамки существующего порядка, предложив лишь «частичные улучшения», призванные облегчить условия для отечественного предпринимательства ввиду предполагавшегося

«открытия» импорта металлов из Западной Европы. Ее работа не завершилась созданием полноценного проекта реформы, поскольку в стране начались процессы, которые привели к корректировке цели комиссии и расширению ее полномочий.

Начавшаяся в стране подготовка системных реформ (в первую очередь отмена крепостного права, которая должна была существенно изменить социальную организацию горнозаводской промышленности) в 1857 г. вызвала преобразование первой комиссии в Комиссию по пересмотру Горного устава (Горная комиссия). Ее целью стала подготовка всеобъемлющей структурной реформы, затрагивающей как систему отраслевого управления, так и деятельность казенного, посессионного и владельческого секторов промышленности. Горная комиссия приняла непосредственное участие в окончательной разработке законодательного обеспечения крестьянской реформы для казенных и частных заводов и, конечно, не могла не учесть введенных в 1861 г. положений при подготовке проекта нового кодекса горного законодательства. Именно на этом этапе подготовки будущая горная реформа была скоординирована с другими Великими реформами царствования Александра II и включена в их состав. К 1866 г. Горная комиссия, состоявшая исключительно из представителей отраслевого управления, подготовила проект нового Горного устава.

Участники комиссии учли изначальную и значимую роль государства в развитии горнозаводской промышленности и необходимость специального контроля за рациональным использованием природных ресурсов. В этом отношении они тоже не вышли за рамки сложившейся традиции и сохранили действующую систему отраслевого управления, отменив прежние полномочия в отношении горнозаводского населения, переданного под юрисдикцию гражданской власти, и упростив структуру на региональном уровне. Предполагалось отменить устаревшие «штаты» казенных заводов, «стеснявших местную распорядительность», заменить непрофессиональный контроль частной горнопромышленности в лице заводских исправников системой специального горного надзора в виде института окружных инженеров. Для частных предпринимателей вводились упрощенные правила «горной свободы» на казенных землях империи, в отношении частных земель учреждалось отдельное право собственности на недра. Путем отмены принципа «нераздробности»

горнозаводских имений давалась возможность трансформации окружной системы, сдерживавшей проявления технического прогресса. Под влиянием требований заводчиков было предложено ликвидировать посессионное право с его ограничениями хозяйственной деятельности и разработать правила выкупа посессионных земель заводчиками у казны. Горное налогообложение сохранялось, но сокращались величина и структура податей, а значит и налоговая нагрузка на предпринимателей.

Таким образом, предложенная Горной комиссией модель развития горнозаводской промышленности была проникнута идеями либерализации правовых условий для предпринимателей и демократизации их состава, но при сохранении контроля государства, реализовавшегося через рационально устроенные органы отраслевого управления. Действующая модель существенно обновлялась и наполнялась новым содержанием, сохраняя при этом свою исторически сложившуюся структуру (управленческую и отчасти секторальную).

В 1866–1868 гг. подготовленный проект Горного устава вместе с проектом Правил выкупа посессий обсуждался на заседаниях действовавшей при том же Министерстве финансов межведомственной Комиссии для пересмотра системы податей и сборов (Податная комиссия), призванной разработать «окончательную редакцию» проекта «по связи его с системой налогов вообще и по отношению к делам общего управления». Однако эта Комиссия, состоявшая не только из горных специалистов, но и из чиновников нескольких центральных ведомств, известных экономистов и горнозаводчиков, не просто отредактировала представленный проект, но создала альтернативный вариант Горного устава, существенно отличавшийся от начального.

В соответствии с проектом Податной комиссии, «горный промысел» совсем лишился своего «особого значения» и по правовым условиям был приближен к другим отраслям российской промышленности. Это выразилось в сломе управленческой «вертикали» и рассредоточении функций горного ведомства между несколькими министерствами. Полностью ликвидировался региональный уровень горного управления при сохранении лишь местного управления казенными горнозаводскими округами. Центральная власть была представлена только несколькими горными инспекторами, курировавшими окружные

управления. Надзор за частными предприятиями был признан бесполезным и отменен, а наблюдение за безопасностью рудничных и заводских работ предоставлено общей полиции; сбор же горных податей возложен на действующие в стране акцизные учреждения. Еще более сокращался размер податей и перечень облагаемых податью металлов при упрощенной процедуре проверки. Поддержав идею ликвидации посессий путем выкупа, Податная комиссия предложила свести к минимуму и казенный сектор промышленности, сохранив лишь предприятия, работавшие на оборону и обслуживавшие их металлургические заводы. Были разработаны Правила о продаже и составлен перечень принадлежавших казне заводов и золотых промыслов, подлежавших отчуждению.

Проект Податной комиссии определял совершенно иную перспективу для горнозаводской промышленности, решительно рвущую с традицией и игнорирующую ее специфику. Государственное управление концентрировалось лишь на небольшом казенном секторе промышленности, а расширенный за счет посессионного и отчасти казенного частный сектор был фактически полностью выведен из под опеки государства.

Основное различие проектов Горного устава, предложенных реформаторами 1860-х гг., заключалось в решении фундаментального вопроса о степени и формах участия государства в развитии отрасли. В Горной комиссии, где заседали высшие чины горного ведомства, базовым основанием служило их желание согласовать интересы казны и предпринимателей. В Податной комиссии, где большинство оказалось за горнозаводчиками, либеральными экономистами и «просвещенной бюрократией», на первый план вышли интересы предпринимателей. Однако при всех различиях проектов в определении роли государства для своего времени они являлись либеральными, поскольку отдавали предпочтение частному предпринимательству в развитии промышленности и стремились оградить его от излишней казенной регламентации. В этом отношении оба проекта были разработаны в духе Великих реформ царствования Александра II.

Однако несогласованность общей концепции горной реформы привела к тому, что ни один из предложенных проектов не был утвержден. В условиях, когда участники Горной комиссии уклонились от безоговорочного подписания проекта Податной

комиссии, министр финансов М. Х. Рейтерн предпочел отказаться от единовременной реформы в пользу «частичных изменений», определявшихся «по указанию опыта». Это исключило горную реформу из числа объявленных Великих реформ царствования Александра II и предопределило характер дальнейшего развития горнозаводского законодательства в России. Модернизация правовых условий развития горнозаводской промышленности пошла эволюционным путем и растянулась до начала XX в.

Библиографический список

1. Неклюдов Е. Г. Горная реформа в России второй половины XIX — начала XX в.: от замысла к реализации. СПб., 2018.

Eugeny G. Neklyudov

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: ntplant9@mail.ru

Development projects of the mining industry in Russia: a look from the 1860s

During the preparation of mining reform in Russia in the 1860s two options were proposed for reforming the organizational foundations of the mining industry. The author analyzes their content and compares them with the current model of the organization of this industry, established with the participation of the state in the course of the preceding one-and-a-half century development.

Keywords: *Russia, Great reforms, mining reform, mining industry*

Нефедов Сергей Александрович
д.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН
(Россия, Екатеринбург)
E-mail: *hist1@ya.ru*

Реформы Петра I в контексте концепции «вызовов и ответов»¹

УДК 94(47).05

Доклад посвящен анализу реформ Петра I в контексте концепции «вызовов и ответов», используемой «Стратегией научно-технологического развития Российской Федерации». Показано, что эти реформы соответствуют одному из рассматриваемых в «Стратегии» вариантов, согласно которому вызовом является военная угроза, а ответом — импорт технологий. Ключевые слова: *Россия, реформы Петра I, стратегия научно-технического развития, «вызовы и ответы»*

В «Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» в качестве одного из приоритетов заявляется обеспечение «возможности эффективного *ответа* российского общества на *большие вызовы* с учетом взаимодействия человека и природы, человека и технологий... в том числе применяя методы гуманитарных и социальных наук» [5, с. 10].

«Стратегия» говорит о различных типах больших вызовов, среди которых на первом месте упоминаются военные угрозы. В качестве ответа на большие вызовы рассматривается *импорт технологий* или создание принципиально новых технологий, *технологическое лидерство* [5, с. 7, 11].

Очевидно, что большие вызовы такого рода — так же как и ответы на них — не являются чем-то новым, специфическим для XXI в.; такие вызовы вставали перед Россией и в предыдущие столетия, и стране приходилось давать на них ответы. В этом смысле весьма характерным является пример реформ Петра I.

Крупнейшей военной инновацией конца XVII в. было освоение так называемой линейной тактики. Появление этой тактики было связано с созданием оснащенных штыком и кремниевым замком облегченных мушкетов, «фузей». Новая военная технология обусловила разительные перемены в общественном устройстве: она способствовала становлению абсолютизма. Механизм перехода

¹ Работа выполнена по проекту фундаментальных исследований Комплексной программы УрО РАН, № 18-6-6-37.

к абсолютизму на примере некоторых европейских государств был проанализирован в известной работе Брайана Даунинга [7]. Создание новой армии требовало больших финансовых затрат и введения новых налогов, что вызывало сопротивление сословных собраний, парламентов и штатов. Дворянство, господствовавшее в этих собраниях, понимало, что оно теряет не только свои доходы, но и лишается своей военной опоры, рыцарского ополчения. Однако дворяне-рыцари ничего не могли противопоставить новой военной силе, и подчинявшаяся монарху-полководцу (*Kriegsherr*) дисциплинированная армия расчищала ему дорогу к абсолютизму. Монарх-полководец, естественно, стремился переделать все общество по образцу своей армии, учредить для граждан уставы и регламенты и заставить все государство маршировать как один батальон. Новая военная монархия заботилась прежде всего о военной мощи государства; для этого она сосредотачивала в своих руках финансы, налаживала строгий учет и контроль, увеличивала налоги и стремилась поднять доходы путем развития промышленности и торговли. Конечным итогом «военной революции» было становление режима, который Даунинг назвал «*военно-бюрократическим абсолютизмом*» [7, р. 74–78].

Линейная тактика — это был вызов Запада, на который нужно было немедленно реагировать. Вернувшись в Россию в 1698 г., Петр I приступил к созданию регулярной армии, и далее события развивались по обычной схеме: нуждаясь в средствах, царь вступил в конфликт с Боярской Думой, подавил ее сопротивление и отстранил бояр от государственных дел [3]. Таким образом, ответом Петра I на вызов Запада стало установление абсолютизма — такого же, как на Западе, в Швеции, Дании, Пруссии. Однако Петр I привнес в абсолютистскую систему чрезвычайно важный новый элемент: повышение по службе независимо от происхождения. Дворяне должны были начинать службу простыми солдатами вместе с рекрутами из простонародья, а выслуживший чин прапорщика простолюдин автоматически становился дворянином. Принцип повышения по заслугам воспринимался как удивительное открытие, и историки пишут о демократизации дворянства и о романтическом ореоле петровской эпохи [2, с. 41].

Реформы Петра I означали создание новой общественной структуры, в которой сословную монархию заменил абсолютизм, а сословие дворян-«рыцарей» заменялось сословием чиновников и

офицеров, которые получали ранги в зависимости от заслуг. Целью реформ было создание «регулярного государства» — государства, в котором все сферы жизни общества подлежали бы государственному регулированию в целях достижения «всеобщего блага» [3]. Современные историки [например: 4; 6] отождествляют «регулярное государство» и «государственный социализм».

Концепция «регулярного государства» разрабатывалась в работах немецких камералистов. Один из классиков камерализма, Людвиг фон Секендорф (1626–1692), понимал главную обязанность государства как «обеспечение подданных средствами для получения предметов первой необходимости». Марк Раев писал, что немецкий камерализм оказал большое влияние на преобразовательную деятельность Петра I, что регламенты Петра Великого «в действительности являлись не чем иным как прямым копированием и переводом более ранних немецких административных правил» [4, с. 61].

Концепция «регулярного государства» не была теоретической абстракцией, прообраз такого государства уже существовал в Швеции, где правление Карла XI было отмечено рядом кардинальных реформ. Король отнял у дворян половину земель, отдав их крестьянам, учредил «Табель о рангах», в которой дворянам не давалось никаких привилегий, ввел обязательное начальное образование, создал регулярную армию, развивал государственную промышленность и т. д. Реформы позволили Швеции содержать мощную армию, победы которой заставляли соседние государства подражать Швеции в деле построения «регулярного государства». Именно под влиянием шведских побед реформы проводились в Дании, Пруссии и в России [3].

Таким образом, «регулярное государство» Петра Великого было ответом на вызов Запада. Петр I не скрывал, что он подражает шведам, которых он называл «славным и регулярным народом». Созданная Петром новая административная система была по большей части скопирована со шведского образца.

В военной и промышленной области Петр прибегал, в основном, к *импорту технологий*, который осуществлялся в огромных масштабах. Основной задачей Петра было создание новой регулярной армии. Это делалось с помощью западных военных специалистов, среди которых особую роль играл австрийский фельдмаршал Огильви. Но создание новой армии потребовало

создания военной инфраструктуры. Были привлечены сотни иностранных мастеров, под руководством которых строились металлургические, оружейные, полотняные, кожевенные, амуничные мануфактуры — в общей сложности было построено около 200 мануфактур, заложивших основы русской промышленности.

«Можно без преувеличения утверждать, — отмечает Е. В. Анисимов, — что в первой четверти XVIII в. в России произошел резкий экономический скачок, равный по значению и последствиям индустриализации советского периода» [1, с. 121].

Характерно, что Петр I проводил целенаправленную политику, направленную на достижение *технологического лидерства*. В 1711 г. в Торгау русский царь познакомился со знаменитым математиком Готфридом Лейбницем, который внушил Петру мысль об использовании науки для достижения «всеобщего блага». Следуя рекомендациям Лейбница, Петр I организовал перевод экономических и технических пособий — в том числе пособий по сельскому хозяйству. На базе Навигацкой школы была организована Морская Академия — первый технический университет.

Основным препятствием к проведению реформ был недостаток финансовых средств. Как удалось Петру I решить финансовую проблему? За чей счет создавалась регулярная армия и строились заводы? Для России оставался единственный путь индустриализации — за счет собственных средств, то есть за счет народа. При введении подушной подати налогами обложили помещичьих крестьян, которые прежде мало платили в казну; налоги на помещичьих крестьян увеличились в 5–6 раз. Однако Петр переоценил податные возможности своего народа, и в итоге реформы привели к кризису. Многолетнее тяжкое налоговое бремя вызвало истощение запасов хлеба в крестьянских хозяйствах, и с чередой неурожайных лет (1722–1724) пришел большой голод [1, с. 480].

В этом тоже заключался исторический опыт ответов России на большие вызовы Запада: мобилизация внутренних ресурсов в целях индустриализации может привести к голоду.

Библиографический список

1. Анисимов Е. В. Время петровских реформ. Л., 1989.
2. Волкова И. В. Военное строительство Петра I и перемены в системе социальных отношений в России // Вопросы истории. 2006. № 3. С. 35–51.
3. Нефедов С. А. Происхождение «регулярного государства» Петра Великого // Вопросы истории. 2014. № 4. С. 43–50.

4. Раев М. Регулярное полицейское государство и понятие модернизма в Европе XVII–XVIII веков // Американская русистика: веки историографии последних лет. Императорский период. Самара, 2000. С. 48–79.

5. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41449> (дата обращения: 02.12.2018).

6. Фенор В. Фридрих Вильгельм I. М., 2004.

7. Downing B. The Military Revolution and Political Change. Princeton, 1992.

Sergei A. Nefedov

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: hist1@ya.ru

Reforms of Peter I in the context of the “challenges and responses” concept

The paper is devoted to the analysis of Peter’s reforms in the context the “challenges and responses” concept used by the “Strategy of the scientific and technological development of the Russian Federation”. The author shows that these reforms correspond to one of the options considered in the “Strategy”. According this option, the challenge is a military threat, and the response is the import of technology.

Keywords: *Russia, reforms of Peter I, strategy of scientific and technological development, “challenges and responses”*

Николаев Александр Алексеевич

д.и.н., Институт истории СО РАН; профессор, Новосибирский
военный институт войск национальной гвардии

(Россия, Новосибирск)

E-mail: agronicol@gmail.com

Сибирское маслоделие в контексте аграрно- индустриального типа модернизации России в первой трети XX в.

УДК 94(470+571) «190/192»

Анализируются ключевые факторы, повлиявшие на развитие кооперации, молочного животноводства и маслоделия в Сибири: изменение ценообразования, кормовой кризис, кооперативная политика. Вскрыты причины изменения региональной специализации сельского хозяйства и его переориентации на растениеводство.

Ключевые слова: *сибирское маслоделие, кооперация, молочное животноводство, новая экономическая политика*

Маслодельный промысел, основываясь в феодальном прошлом на домашнем, кустарном производстве, только начиная с конца XIX в. стал приобретать высокотоварный характер, превращая Россию в крупнейшего мирового экспортера коровьего масла. Важнейшую роль в этом прорыве сыграла Сибирь и маслодельная кооперация. В 1913 г. сибирский экспорт масла составлял 16 % от мирового уровня, или 60 % от российского вывоза данного продукта [1, с. 161–163]. В структуре экспортных поставок Российской империи коровье масло стояло на пятом месте после хлеба, лесоматериалов, яиц и льна [3, с. 5]. Перед страной в целом и ее крупнейшими регионами вырисовывался аграрно-индустриальный тип модернизации экономики, с первоочередным обновлением основного капитала в сельском хозяйстве и последующим инвестированием средств в сферу переработки сырья и индустриальный рост.

Молочное животноводство и маслоделие, став основными трендами развития аграрной Сибири в начале XX в., привлекли пристальное внимание современников, что нашло отражение в многочисленных публикациях. Наиболее значимый вклад в исследование дореволюционного этапа в становлении и развитии молочной кооперации в Сибири внесла работа Н. Макарова, который системно анализировал развитие маслоделия и отмечал, что рыночное молочное хозяйство является продуктом сложного взаимодействия естественных, технических и экономических условий [2].

Некоторые работы, изданные в начале 1920-е гг., отчасти унаследовали традиции системного научного анализа дореволюционного этапа развития маслоделия и становления молочной кооперации. Но уже во второй половине 1920-х гг. возобладали советская доктрина оценки дореволюционного этапа. А наиболее значимые труды, посвященные нэповскому периоду, сместили фокус исследования на технико-технологические аспекты анализа маслодельной отрасли и кооперативного строительства [5]. В целом историография 1920-х гг. продемонстрировала существенное сокращение проблемного поля по сравнению с дореволюционным периодом.

Начиная с 1970-х гг., вновь обозначился интерес историков к вопросам становления и развития маслодельной кооперации в Сибири, что нашло отражение в работах В. К. Алексеевой, Л. М. Горюшкина, Н. Ф. Емельяновой, А. П. Еремеева,

И. Н. Пережогойной, В. А. Плющева, О. Г. Семеновой, В. Г. Тюкавкина как в самостоятельной постановке, так и в контексте истории крестьянства. В 2000-е гг. динамично продвинулось изучение маслодельной кооперации периода Первой мировой войны, изученного в советской историографии достаточно поверхностно (А. О. Бунин, М. В. Панова, В. М. Рынков, и другие). По периоду нэпа наиболее значимое исследование выполнено В. А. Ильиных, которому удалось выявить динамику маслозаготовок. Но комплексный, многофакторный анализ кооперативного движения и развития маслоделия в переломную эпоху до сих пор отсутствует. В исследовании ставится задача выявить основные факторы, определяющие развития маслодельной отрасли на протяжении первой трети XX столетия.

В качестве локомотива модернизационных изменений выступило государство, избрав стержнем экономического роста железнодорожное строительство. Ввод в эксплуатацию Транссиба уже на начальном этапе (в 1894 г. железная дорога введена в строй до Кургана) оказала революционизирующее воздействие на всю сибирскую экономику, включая молочное животноводство. Стимулировалось расширение молочного стада, производство и сбыт масла, снизились транспортные издержки, европейские рынки открылись для сибирской продукции. В обратном направлении в Сибирь широким потоком хлынуло оборудование для молочной промышленности, в том числе сепараторы, позволившие значительно поднять производительность и улучшить качество продукта по сравнению с традиционной домашней переработкой молока. Сепаратор для Сибири оказался столь же революционизирующим техническим новшеством, что и ткацкий станок для одного из родоначальников промышленной революции — Англии.

Государственная экономическая политика по отношению к отечественным маслоделам приобрела вынужденно протекционистский характер. Находясь под прессом иностранных кредиторов, профинансировавших строительство Транссиба, правительство стремилось загрузить дорогу высокорентабельной продукцией. С этой целью в 1896 г. вводится Челябинский тарифный перелом, действовавший до 1911 г. и делавший убыточным вывоз хлеба из Сибири.

За казенный счет строились вагоны-холодильники для перевозки масла, являвшиеся дополнительным механизмом

получения прибыли, оплачивались услуги инструкторов маслоделения, осуществлявших организационное и технологическое сопровождение отрасли. Результатом проводимой политики стало преобладание молочного животноводства в структуре товарной сельскохозяйственной продукции Сибири. В 1913 г. доля земледелия в валовой продукции сельского хозяйства составляла 71 %, а животноводства — 29 %. В товарной же части картина складывалась зеркально противоположная: 28 % приходилось на полеводство и 72 % — на животноводство. Причем в последнем доминировало молочное направление, и доля маслоделия составляла чуть более половины (мясо и сало — не более 22 %) [6, с. 49].

Огромную роль и специфический отпечаток на становление и развитие маслодельной кооперации в Сибири оказали сельские крестьянские общины. В историографии вопрос об их влиянии на маслодельные артели остается слабо изученным. В Сибири основной формой регистрации артелей в отличие от Европейской России, являлся договор с сельским сходом. Заносимый в книгу волостного правления он содержал многие нормы, не отвечавшие чистоте кооперативных принципов. Но общинный характер договора не являлся препятствием для позитивного в целом воздействия на развитие кооперативной организации. По свидетельству современников, сельский сход играл исключительную роль в становлении маслодельных артелей. Таким образом, целая совокупность факторов привела к достижению выдающихся результатов в развитии сибирского маслоделия в дореволюционный период.

Оценивая то, что случилось с высокодоходной отраслью в 1920-е гг., мы должны учитывать те тенденции, ростки которых были заложены уже в годы Первой мировой войны и были связаны с изменением отраслевой структуры сельского хозяйства Сибири в пользу полеводства. Возрастающие потребности страны в хлебе, увеличение численности крестьянского населения Сибири за счет естественного прироста и столыпинской миграции заставили правительство отменить дискриминационный железнодорожный тариф при транспортировке хлеба в Европейскую Россию. Первая мировая война привела к дальнейшему росту производства и товарности зернового хозяйства, в связи с увеличением заказов армии и повышением внутреннего спроса. На свертывание маслоделия негативное воздействие оказала Первая мировая война, с началом которой в августе 1914 г. был

закрыт доступ на европейские рынки, а также правительственная политика, оказавшаяся не способной смягчить последствия военно-политических потрясений. В 1915 г. из-за ухудшения продовольственной ситуации и попыток частных заготовителей взвинтить цены были введены предельные (твердые) закупочные цены на масло, а монопольное право на его заготовку передано Союзу сибирских маслодельных артелей. «Белые» власти в Сибири пошли на отмену этой монополии в 1919 г., но это уже ничего не изменило, а пришедшие к власти большевики ввели продовольственную разверстку. Гражданская война и привнесенные большевизмом в экономическую политику идеологические и классовые мотивации только усугубили кризис.

К военно-политическим потрясениям добавились крайне неблагоприятные биоклиматические условия стартовой площадки нэпа. Неурожай, как следствие засухи лета 1921 г., вызвал массовый забой скота в 1922 г. В совокупности это предопределило долговременную тенденцию устойчивого сокращения производства и сбыта масла в течение 1914–1922 гг. Только с 1923 г. наметилось восстановление сельскохозяйственного производства, в том числе молочного животноводства и маслоделия. Однако достичь дореволюционного уровня так и не удалось.

В наиболее благоприятном 1926/27 г. производство масла в Сибири достигло 84,7% довоенного уровня, а товарность — 69,6%. Удельный вес масла в стоимости вывоза из Сибири всех сельскохозяйственных продуктов снизился с 64,4% в 1913 г. до 41,6% в 1928 г. Причины медленного восстановления, а затем угасания отрасли крылись в совокупности экономических и социально-политических факторов.

Цены. Изменение структуры сельскохозяйственного производства, произошедшее под воздействием макроэкономических факторов, кардинально повлияло на ценообразование. Изоляция маслоделия от экспорта, способность растениеводства восстанавливаться быстрее, чем животноводства, в силу биологических особенностей, неотвратимо произвели революцию внутренних цен, и масло, как внутренний рыночный продукт, окончательно уступило свое место хлебу. По данным Сиб. РКИ в 1923 г. пуд масла приравнивался к рыночной стоимости 8–10 пудов хлеба, в то время как в 1914 г. он был эквивалентен 28 пудам хлеба. Покупательная способность масла в сравнении с хлебом упала почти в 3 раза,

с ситцем — более чем в 4 раза [4, с. 237]. На зерновой эквивалент стало возможно приобрестикратно больше промышленной продукции. Экономические факторы расширения молочного хозяйства заметно ослабли. Но сохранялась заинтересованность крестьянства в содержании молочных коров с точки зрения уплаты единого сельскохозяйственного налога и личного потребления.

В дальнейшем неблагоприятное для маслоделия соотношение рыночных цен сохранилось, что явилось основной причиной крайне медленного развития молочного животноводства. С государством выгоднее стало рассчитываться не молоком, а мясом. Под давлением ценообразования не выгодной стала и поддержка молочного животноводства со стороны заготовительных организаций. Отходы мукомольной и маслобойной промышленности стали целевым образом распределяться хозяйствам, выполняющим план хлебозаготовок, а не молочной кооперации, а также поставляться на экспорт.

Налоги. Огромное негативное влияние на динамику молочного животноводства оказала налоговая политика, способствовавшая сокращению удельного веса крупных, высокотоварных хозяйств и возрастанию доли мелких малокоровных, ориентированных преимущественно на личное потребление. Довоенная молочная кооперация базировалась на домохозяйствах, обладавших большим количеством скота.

Кормовой кризис. В историографии в стадии постановки обозначен вопрос об ухудшении кормовой базы молочного животноводства. Очевидно, что интенсивное расширение пашни не могло не затронуть луга и пастбища. Осознание наличия кормовой проблемы пришло к руководству Сибири уже в середине 1920-х гг., когда принимается курс на перемещение молочного животноводства из западных районов края в восточные.

Сибмаслосоюз. Ключевым игроком на рынке масла Сибири во второй половине 1920-х гг. стал Сибирский краевой союз молочной кооперации — Сибмаслосоюз, которому стали присущи черты централизованной административной организации, оторванной от низового звена. Его руководство приняло финансово не обоснованное решение по техническому перевооружению отрасли и реорганизации низовой сети за счет укрупнения маслоартелей и их прикрепления к вновь построенным механизированным маслозаводам. В результате возникла серьезная проблема

с доставкой молока на переработку из отдаленных сел, в которых создавались сливкоотделения.

К концу 1920-х гг. негативные тенденции в маслодельной кооперации возобладали. Крестьяне — пайщики в силу низких закупочных цен на молоко, больших издержек на содержание аппарата управления и расчетам по кредитам, бесхозяйственной эксплуатации маслозаводов утратили материальную заинтересованность в работе маслодельных артелей. Значительные капитальные вложения в строительство новых маслозаводов не давали адекватной отдачи. Политическим руководством это было расценено как недееспособность сбытоснабженческой сельскохозяйственной кооперации, доказательством необходимости перехода к производственным кооперативам. Итог этих реорганизации и развернувшейся коллективизации сельского хозяйства печальный. В 1930 г. вследствие массового забоя молочного скота заготовка масла по стране сократилась по сравнению с предыдущим годом почти в 2 раза: с 4,7 млн пуд до 2,5 млн пуд [3, с. 6].

Таким образом, в рассматриваемый период под воздействием совокупности объективных факторов произошла смена парадигмы аграрного развития Сибири. Маслоделие, ориентированное на экспорт, вследствие продолжительных войн, в особенности Гражданской, стремительно сократилось и перестроилось на внутреннее потребление, что, в сущности, означало переориентацию экономики на автаркический вектор развития и повлекло усиление государственного вмешательства. Динамика экономического восстановления периода нэпа оказалась недостаточной для реализации аграрно-индустриального типа модернизации, намечившегося в начале XX в. Маслоделие и кооперация оказались заложниками постепенного замещения рыночной модели государственного регулирования, начавшегося в годы Первой мировой войны, с рыночной на планово-административную, подчиненную целям индустриальной модернизации. В ходе этого перехода принципиально изменилась вся система кооперативного управления и внутрикооперативных отношений. Вместо экспортно ориентированной отрасли молочное животноводство и маслоделие стали едва обеспечивать внутренние потребности населения деревни и быстро растущих городов.

Библиографический список

1. Горюшкин Л. М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Конец XIX — начало XX вв. Новосибирск, 1967.
2. Макаров Н. Рыночное молочное хозяйство. Пг., 1917.
3. Меринов А. Ф. За качество экспортного масла. М.; Л., 1932.
4. Николаев А. А. Роль маслодельной кооперации Сибири в процессе модернизационного перехода // Сибирское общество в контексте модернизации. Новосибирск, 2003.
5. Степаненко И. Ф., Комков М. П. Сибирское маслоделие. Новосибирск, 1928.
6. Сибирская историческая энциклопедия. Новосибирск, 2009. Т. 3.

Alexander A. Nikolaev

Doctor of Historical Sciences, Institute of History,
Siberian Branch of the RAS; Novosibirsk Military Institute
of the National Guard troops (Russia, Novosibirsk)
E-mail: *agronicol@gmail.com*

**Siberian butter-making industry in the context
of agro-industrial type of modernization in Russia
in the first third of the 20th century**

The author analyzes the key factors that influenced the development of cooperative dairy farming and butter making in Siberia: changes in price formation, food crisis and cooperative policy. The paper shows the causes of changes in the regional specialization of agriculture and its reorientation to crop production.

Keywords: *Siberian butter-making industry, cooperation, dairy farming, new economic policy*

Пак Чжи-бэ

PhD in History, профессор, Университет иностранных языков
Хангук (Корея, Сеул)
E-mail: *ji-bae@hanmail.net*

**Экспорт России в Великобританию
в период континентальной блокады**

УДК 94

Исследуется влияние континентальной блокады на внешнюю торговлю России. В сравнении представлены статистические материалы по экспорту России в Великобританию и ценам на экспортные товары по периодам 1801–1805, 1808–1811, 1812–1815 гг.

Ключевые слова: *российско-британская торговля, континентальная блокада, экспорт*

В XVIII в. экспорт России в Великобританию играл очень важную роль для развития экономики обеих стран. Однако после заключения Тильзитского договора в 1807 г. Россия становится союзницей Франции и присоединяется к наполеоновской континентальной блокаде. Торговля между Россией и Великобританией официально прекратилась на период с начала ноября 1807 г. до начала августа 1812 г.¹

В историографии нет однозначной оценки влияния блокады на внешнюю торговлю России. В одних исследованиях можно встретить утверждения, что блокада оказала катастрофическое влияние на русскую внешнюю торговлю [5; 3; 2]. В других, сравнительно современных, последствия блокады описываются как не столь тяжелые [6; 1; 4; 7]. Цель данной работы состоит в том, чтобы выявить влияние континентальной блокады на русский экспорт в Великобританию через анализ объемов российского экспорта, его путей и способов, а также изменения цен на русские товары в обеих странах в 1801–1815 гг.

Таблица 1

Оборот внешней торговли России,* тыс. сер. руб.

	1801–1805	1806–1807	1808–1811	1809–1811	1812–1815
Экспорт	52,305	37,849	28,744	30,594	38,291
	100 %	72 %	55 %	58 %	73 %
Импорт	33,243	23,696	15,352	16,384	23,827
	100 %	71 %	46 %	49 %	72 %

* Источники: ГАРФ. Ф. 994. Оп. 2. Д. 313. Л. 34; Государственная внешняя торговля в разных ее видах за 1802–1825 гг. СПб., 1803–1826; Арнольд К. Мнение о системе тарифа в России. СПб., 1816.

Из представленных в таблице 1 российских таможенных данных видно, что в 1808–1811 гг. экспорт России сократился и составил 55 % по сравнению с доблокадным периодом, а импорт — 46 %. Даже спустя три года после окончания блокады оборот внешней торговли восстановился не полностью: экспорт составлял 73 %, импорт — 72 %.

¹ ПСЗ. Т. 29. № 22653; Т. 32. № 25197.

Таблица 2

Импорт Великобритании из России по товарам*

	1801–1805	1806–1807	1809–1811	1812–1815
Пенька, <i>тыс. пуд.</i>	2 040 ^{а)}	2 291	2 175	2 027
	100 %	112 %	107 %	99 %
Лен, <i>тыс. пуд.</i>	786 ^{б)}	1 062	1 164	1 026
	100 %	135 %	148 %	131 %
Сала, <i>тыс. пуд.</i>	1 365 ^{в)}	1 061	802	1 457
	100 %	78 %	59 %	107 %
Лес, <i>тыс. фунт. стер.</i>	197 ^{г)}	190	26	71
	100 %	96 %	13 %	36 %
Железо, <i>тыс. пуд.</i>	1 290 ^{д)}	955	485	529
	100 %	74 %	38 %	41 %
Ткани, <i>тыс. фунт. стер.</i>	177 ^{е)}	125	106	74
		71 %	60 %	42 %

* Источники: UKNA, CUST4; CUST14

а) 98 % всего британского импорта пеньки, б) 74 % всего британского импорта льна, в) 92 % всего британского импорта сала, г) 31,4 % всего британского импорта леса, д) 57 % всего британского импорта железа,² е) 86 % британского импорта льняных тканей в 1796–1800 гг.³

По данным таблицы 2 видно, что импорт Великобритании из России сократился; наибольшее сокращение произошло по лесу, железу и льняным тканям. Импорт леса выражен в постоянных ценах, зафиксированных в начале XVIII в. С учетом изменения цен на строевой лес, его импорт уменьшился до 54 % базисного периода (при этом цены повысились в 3 раза).

Таблица 3

Экспорт России по товарам*

Годы	1801– 1805	1806– 1807	1808– 1811	1809– 1811	1812– 1815
Пенька, <i>тыс. пуд.</i>	3 606	3 473	2 694	3 135	2 808
	100 %	96 %	75 %	87 %	78 %

² Британских данных за 1801–1805 гг. по импорту из России не сохранилось. Поэтому цифры табл. 3 за 1801–1805 гг. рассчитаны на основе доли российских товаров во всем импорте Британии за 1796–1800 гг.

³ Экспорт льняных тканей из трех российских портов (Санкт-Петербург, Рига и Архангельск) в 1801–1804 гг. составлял 86 %.

Годы	1801– 1805	1806– 1807	1808– 1811	1809– 1811	1812– 1815
Лен, тыс. пуд.	1447	1494	1329	1542	1315
	100 %	103 %	92 %	107 %	91 %
Сала, тыс. пуд.	1779	1737	984	1145	1867
	100 %	98 %	55 %	64 %	105 %
Лес, тыс. сер. руб.	1093	634	134	149	502
	100 %	58 %	12 %	14 %	46 %
Железо, тыс. пуд.	2162	1935	1501	1655	1584
	100 %	90 %	69 %	77 %	73 %
Ткани, тыс. сер. руб.	2877	2285	1171 ^{а)}	2066 ^{а)}	1689
		79	41	72	59

* Источники: State Archives of Latvia. 4038 F. 2 Apr. 1074a L. 148–171 Lp.; Государственная внешняя торговля в разных ее видах за 1802–1807 гг., СПб., 1812–1825; Неболсин Г. Статистические записки о внешней торговле России. СПб., 1835. Ч. 1. Прилож.

а) Общий экспорт из трех портов.

В целом тенденция изменения российского экспорта по товарам аналогична ситуации импорта Великобритании в Россию. Экспорт главных российских товаров сократился в натуральном выражении, но не до степени сокращения всеобщего экспорта в денежном выражении. Обращает на себя внимание тот факт, что экспорт некоторых товаров (железо, лен, льняные ткани) снизился не столь значительно, как этого можно было бы ожидать. Причина, по которой экспорт этих товаров резко не упал, объясняется временным увеличением их экспорта в США.

В распоряжении английских купцов было два способа вывоза российских товаров при блокаде. Первый заключался в «маскировке» британских кораблей как нейтральных или союзных Наполеону, второй — во фрахтовании иностранных судов с уплатой фрахты. Согласно британским данным, до начала XIX в. британская внешняя торговля обеспечивалась, в основном, собственными судами. Однако в период блокады большая часть импорта российских товаров перевозилась иностранными кораблями. Для этого Великобритания установила контроль над морскими путями. В 1810 г. шведский посланник в Петербурге свидетельствовал, что без лицензии британского правительства «никакой

корабль в Балтийское море показаться не может».⁴ Королевский военно-морской флот конвоировал иностранные суда в российские порты, и было немало торговых кораблей, которые поддерживали торговлю между Россией и Великобританией под охраной английского эскорта [11, с. 127, 128].

Франция и ее союзники пытались противодействовать. Поощрялись захваты судов, чтобы компенсировать потери от блокады. Несколько тысяч судов были захвачены, большинство из них принадлежали Великобритании, Швеции, США и России [10, с. 10, 20]. Таким образом судам, осуществляющим торговлю на Балтийском море, пришлось взять на себя большой риск.

Таблица 4

**Индексы цен на экспортные товары России
в 1801–1815 гг.***

	1801– 1805	1806– 1807	1808– 1811	1809– 1811	1812– 1815
Петербург	100	88	70	73	76
Лондон	100	107	135	130	125

* Источники: ГАРФ. Ф. 994. Оп. 2. Д. 313. Л. 42–44; National Archives of Sweden. Kommers-Kollegium. Skrivelser från Konsuler St. Petersburg 1807–1830; Санкт-Петербургские прейскуранты. СПб., 1806–1814, 1816–1825; Tooke T., Newmarch W. A History of Prices and of the State of the Circulation, from 1793 (to the present time). London, 1838. Vol. 2. P. 379–420.

Как видно из таблицы 4, в период блокады по сравнению с 1801–1805 гг. цены Петербурга упали на 30 % и не восстановились в 1812–1815 гг. И, наоборот, цены Лондона выросли на 35 % в 1808–1809 гг. и оставались высокими в 1812–1815 гг. Эта разница между ценами является важной особенностью торговли России и Великобританией в период континентальной блокады. Ее невозможно объяснить только законом спроса и предложения. Разница цен была также связана с опасностью навигации по Балтийскому морю в период блокады, которая резко подняла расходы на фрахтование в балтийской торговле. Д. Норт отмечал, что стоимость морской фрахты была особенно высока в 1808–1813 гг. [9, p. 542,

⁴ Архив Государственного совета. Царствование имп. Александра I. СПб., 1892. Т. 4. Журналы. Ч. 1. С. 171.

548]. С. Андерсон указывал, что стоимость фрахты за 1 тонну пеньки из Петербурга в Лондон составляла 2 фунта в обычные годы, а в 1809 г. дошла до 30 фунтов [8, р. 74]. В свою очередь, повышение цен на фрахту отразилось на ценах на российские товары. Британские купцы были вынуждены покупать российские товары по высокой цене, а российские купцы — продавать свои товары по более низкой цене, оплачивая часть фрахты.

В целом, континентальная блокада не прекратила торговлю между Россией и Великобританией. Однако она ухудшала условия внешней торговли России и значительно ухудшило ее экономическое состояние.

Библиографический список

1. Васильева С. А. Англо-русские экономические отношения в условиях континентальной блокады: 1806–1812 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Владимир, 2006.
2. Вологдин А. А. Внешняя торговля России в условиях континентальной блокады // Проблемы войны и мира в эпоху нового и новейшего времени (к 200-летию подписания Тильзитского договора): материалы международной научной конференции. СПб., 2008. С. 161–164.
3. Злотников М. Ф. Континентальная блокада и Россия. М.; Л., 1966.
4. Понасенков Е. Н. Экономические предпосылки кризиса тильзитской системы в России (1807–1812) и причины войны 1812 г. // Экономическая история. М., 2002. Вып. 8. С. 132–140.
5. Предтеченский А. В. К вопросу о влиянии континентальной блокады на состояние торговли и промышленности в России // Известия АН СССР. VII серия. Отделение общественных наук. 1931. № 8. С. 893–920.
6. Сироткин В. Г. Континентальная блокада и русская экономика: (Обзор французской и советской литературы) // Вопросы военной истории России XVIII и первой половины XIX века. М., 1969. С. 54–76.
7. Трошин Н. Н. Экономические последствия Континентальной блокады (1806–1814) для России // Проблемы национальной стратегии. 2018. № 4 (49). С. 196–209.
8. Anderson M. S. The Continental System and Russo-British Relations during the Napoleonic Wars // Studies in International History. London, 1967. P. 68–80.
9. North D. Ocean Freight Rates and Economic Development 1750–1913 // Journal of Economic History. 1958. Vol. 18, № 4. P. 537–555.
10. Ruppenthal R. Denmark and the Continental System // Journal of Modern History. 1943. Vol. 15, № 1. P. 7–23.
11. Ryan A. N. Trade with the Enemy in the Scandinavian and Baltic Ports during the Napoleonic War: For and Against // Transactions of the Royal Historical Society. 5th series. 1962. Vol. 12. P. 123–140.

J. B. Park

PhD, Hankuk University of Foreign Studies (Korea, Seoul)

E-mail: ji-bae@hanmail.net

Russian export to Great Britain during the Continental blockade

The paper analyzes the influence of the continental blockade on Russian foreign trade. It presents a comparison of statistical materials on Russian export to the UK and prices for export goods for the periods of 1801–1805, 1808–1811, 1812–1815.

Keywords: *Russian–British trade, Continental blockade, export*

Пашков Александр Михайлович

д.и.н., профессор, Петрозаводский государственный университет

(Россия, Петрозаводск)

E-mail: pashkov@mail.petrso.ru

А. С. Ярцов на Олонецких горных заводах

УДК 94(47).066

Аникита Сергеевич Ярцов в 1772–1780 гг. служил на Олонецких заводах, построил Александровский пушечный завод и в 1774–1780 гг. был его первым начальником. В отечественной историографии этот период его деятельности изучен неполно. Дискуссионным остается вопрос о результативности работы А. С. Ярцова на Олонецких заводах и о причинах его отъезда оттуда. В докладе сделана попытка ответить на эти вопросы на основе статистических данных о выпуске пушек на Александровском заводе в 1774–1780 гг.

Ключевые слова: *А. С. Ярцов, Олонецкие заводы, пушечное литье*

Жизнь и деятельность известного русского горнозаводского деятеля Аникиты Сергеевича Ярцова (1737, по другим данным 1739–1819) достаточно хорошо изучена в отечественной историографии [1; 2; 3, с. 14–22; 4, с. 178; 5, с. 162–173; 6, с. 51–68; 8, с. 315–328; 10 и др.]. По указу Берг-коллегии от 29 декабря 1771 г. бергмейстер¹ А. С. Ярцов и еще 9 горных офицеров были направлены на Олонецкие Петровские заводы² «для определения при

¹ Бергмейстер — горный чин 8-го класса, по «Табели о рангах» равен майору.

² Олонецкие Петровские заводы существовали на территории современной Карелии в 1703–1786 гг. В 1772–1780 гг. в систему Олонецких Петровских заводов входили Кончезерский завод (основан в 1707 г.) и Александровский

тех заводах как в петрозаводскую канцелярию, так и к разным должностям». По некоторым данным А. С. Ярцов уже ранее был привлечен к организации работ на Воицком золотоносном руднике, действовавшем в 1764–1772 гг. к северу от Онежского озера, то есть был знаком с условиями работы на Олонецких заводах.

Уже 16 января 1772 г. А. С. Ярцов был назначен главным командиром Олонецких заводов. Президент Берг-коллегии М. Ф. Соймонов своим «ордером» приказал А. С. Ярцову начать строительство на реке Лососинке нового пушечного завода, и 17 мая А. С. Ярцов заложил там «о четырех домнах пушечный завод». Строительство продолжалось чуть более года, и 30 июня 1774 г. завод был построен и первые две домны «пущены благополучно». В «ордере» М. Ф. Соймонова от 12 июля было велено по «соизволению» Екатерины II «завод именовать Александровским». 13 октября на Александровском заводе была «благополучно» отлита первая пушка, ее калибр составил 12 фунтов.³ В 1779 г. на заводе числилось 232 мастеровых [2, с. 107].

В имеющейся научной литературе период, когда начальником Олонецких Петровских заводов был А. С. Ярцов освещен недостаточно, в частности, дискуссионным остается вопрос об эффективности его работы по литью пушек и о причинах его отзыва в С.-Петербург в 1780 г. (не позднее сентября).

О динамике литья пушек на Александровском заводе в первые годы его существования в бытность его начальником А. С. Ярцова можно узнать из более позднего источника, позволяющего детально выяснить, сколько и каких пушек было отлито на Александровском заводе в 1774–1780 гг. Это «Ведомость, означающая прежнее действие Александровского пушечного завода до восстановления оной по карронской методе».⁴ В последние годы жизни А. С. Ярцов занимался написанием своего

завод (основан в 1774 г.). С 1786 г. были переименованы в Олонецкие горные заводы.

³ Перевод размеров калибров орудий XVIII в. (в фунтах) в современные калибры (в см): 4-фунтовый равен 8,1 см, 6-фунтовый равен 9,5 см, 8-фунтовый равен 10,4 см, 12-фунтовый равен 11,9 см, 16-фунтовый равен 12,7 см, 18-фунтовый равен 13,6 см, 24-фунтовый равен 15 см, 30-фунтовый равен 16,3 см, 36-фунтовый равен 17,2 см, 48-фунтовый равен 16,9 см, 60-фунтовый равен 20,3 см. Вес пушек составлял от 20–40 пудов у пушек 2- и 4-фунтового калибра до 200 пудов в пушек 24-фунтового калибра [9, с. 151].

⁴ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 37. Оп. 1. Д. 2/9. Л. 42–43.

знаменитого труда «Российская горная история» [10], в связи с чем в феврале 1819 г. он через своего сына Н. А. Ярцова сделал запрос на Олонецкие горные заводы с просьбой ответить на интересующие его вопросы по истории этих заводов. Вероятно, сведения эти были собраны и отправлены Н. А. Ярцову только в марте 1820 г., то есть уже после смерти А. С. Ярцова. Среди этих материалов была и «Ведомость, означающая прежнее действие Александровского пушечного завода до восстановления оной по карронской методе», содержащая подробные сведения о выпуске пушек на Александровском заводе с 1774 по 1780 гг., то есть в период, когда начальником Олонецких горных заводов был А. С. Ярцов. На основе этих данных составлена таблица 1.

Таблица 1

Выпуск пушек на Александровском заводе при А. С. Ярцове (1774–1780 гг.) (годных/негодных)*

Калибр, фунтах	1774	1775	1776	1777	1778	1779	1780	Всего
36	Не было попыток литья							
30	0/7	0/1	Не было попыток литья					0/8
24	0/0	0/5	Не было попыток литья					0/5
16	0/0	6/13	0/0	38/75	4/11	52/38	15/8	115/145
12	0/7	17/29	2/24	2/7	2/11	21/26	29/19	73/123
8	Не было попыток литья							
6	0/0	12/38	18/75	16/26	3/4	18/30	30/30	97/203
3	0/0	20/60	0/0	0/0	4/0	0/0	90/26	114/86
Всего	0/14	55/146	20/99	56/108	13/26	91/94	164/83	399/570
Едино-рогов ^{а)}	0/1	0/9	Не было попыток литья					0/10
Фалько-нетов ^{б)}	0/0	26/6	Не было попыток литья					26/6
Мор-тир ^{а)}	0/0	0/0	Не было попыток литья				2/1	3/5
Итого:	0/15	81/161	21/103	56/108	13/26	91/94	166/84	418/591

* Источник: Ведомость, означающая прежнее действие Александровского пушечного завода до восстановления оной по карронской методе // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 37. Оп. 1. Д. 2/9. Л. 42–43.

^{а)} Единорог — русское гладкоствольное артиллерийское орудие-гаубица, стрелял ядрами весом от 4 фунтов до 3 пудов (от 1,8 до 40 кг), калибр до 246 мм, дальность стрельбы до 4 км.

⁶⁾ Фальконет или фалькон — название артиллерийского орудия калибра 1–3 фунтов (диаметр канала ствола 45–65 мм), состоявшего на вооружении в армиях и флотах в XVI–XVIII вв., фальконеты крепились специальными штгьями в специальные отверстия в борту корабля и во время морского сражения их можно было легко перенести с одного борта на другой, увеличив тем самым боевую мощь корабля.

⁷⁾ Мортира — артиллерийское орудие с коротким стволом для навесной стрельбы.

Итак, в 1774–1780 гг. на Александровском пушечном заводе было отлито 591 артиллерийских орудий и из них не имели раковин в стволе и выдержали испытание («пробу») и были приняты на вооружение в армию и на флот 418 орудий (71 %). При этом значительную часть из них составляли пушки малого (3-х и 6-фунтовые) (211 пушек из 418 или 50,5 %) и среднего (12-ти и 16-фунтовые) (188 пушек из 418 или 45 %) калибра. Пушки большого калибра (24-фунтовые и выше) или вообще не отливались или были забракованы.

Таким образом А. С. Ярцову не удалось организовать выпуск артиллерийских орудий на Александровском заводе ни по количественным, ни по качественным (пушки большого калибра) показателям. Главной причиной его неудачи стало отсутствие у него необходимого опыта и навыков в литье орудий из местных озерных руд. В то время пушечное литье являлось не наукой, а искусством. Литейщики действовали на основе опыта, навыков и интуиции («чутья»), а не на основе точных знаний, надежных теорий и готовых формул, которые появились только в конце XIX в., благодаря трудам Д. К. Чернова. У А. С. Ярцова был опыт работы с уральскими рудами с богатым содержанием железа, но он был неприменим к болотной руде.

В. И. Геннин, который имел опыт работы и с олонецкими и с уральскими рудами, писал: «Оные же (уральские — А. П.) руды весьма преизрядны и прибыточны в плавлении на железо и розваривающца в горну житко и так плод из себя дают богатой, что изо ста пуд выходит пятьдесят пуд чюгуна, и оные не в пример олонецким рудам, которая, яко вохра мелкая наверху под дерном находитца и садитца от марциальных вод, которые так к плавлению тверды, что в четверы сутки в горну скопитца токмо 200 пуд чюгуна из руды, ис которых руд чюгуна выходит четвертая доля; из здешних же сибирских железных руд в сутки

копитца в горну по 260 пуд и более, и тако в четверы сутки придет чугуна тысеца сорок пуд, а руды пройдет около 2 000 пуд...»⁵

Можно согласиться с историком Олонецких горных заводов, жившем в середине XIX в., И. К. Чудиновым: «Труды г. Ярцова по отливке пушек не увенчались успехами» [6, с. 193].

Показательно, что неудачи в литье пушек не ставились в вину лично А. С. Ярцову. В 1775 г. он был произведен в обер-бергмейстеры,⁶ а в 1779 г. перешел с таким же чином 7-го класса в гражданское ведомство надворным советником. Но не позднее сентября 1780 г. А. С. Ярцов был отозван с Олонецких заводов и переведен в С.-Петербург на должность советника Гражданской палаты в Санкт-Петербурге. Его преемником стал Федор Илларионович (Ларионович) Грамматчиков (1738–1797).

В связи с упразднением Берг-коллегии в 1782 г. А. С. Ярцов стал горным советником Санкт-Петербургской казенной палаты с присвоением чина коллежского советника. В этой должности он продолжал курировать деятельность Олонецких Петровских заводов, поэтому в некоторых работах указывается, что он продолжал быть горным начальником до 1782 г. 22 сентября 1784 г. А. С. Ярцов был награжден за отличную службу орденом Святого Владимира 4-й степени.

Подлинного расцвета Олонецкие горные достигли, когда их начальником стал приглашенный из Великобритании выдающийся металлург К. К. Гаскойн [о нем см.: 7, с. 46–54; 11, с. 334–363], использовавший для плавки чугуна применявшиеся там каменный уголь и поршневые меха.

В XVIII в. развитие металлургии и пушечного литья были ключевым показателем успешного экономического развития для любой страны. В России имелись хорошие условия для решения этих задач (огромные запасы железной руды, лесов как источников древесного угля, наличие бурных рек и т. д.). Единственным слабым местом было технологическое отставание, эффективно решенное благодаря широкому приглашению иностранных специалистов, прежде всего из наиболее передовой в технологическом отношении страны — Великобритании.

⁵ Геннин В. И. Описание Уральских и Сибирских заводов. 1735. М., 1937. С. 70.

⁶ Обер-бергмейстер — горный чин 7-го класса, по «Табели о рангах» был равен подполковнику.

Библиографический список

1. Аникита Сергеевич Ярцов // Первый век освоения Россией Алтайского региона в публикациях и рукописях XVIII–XIX вв. URL: <http://obs.altspu.ru/althistory/biobibliographies/RU%5CASPA%5CALTPERSON%5C106> (дата обращения: 24.11.2018).
2. Балагуров Я. А. Олонецкие горные заводы в дореформенный период. Петрозаводск, 1958.
3. Елькин М. Ю. Уральские Ярцовы — представители разных сословий. Родословная роспись Ярцовых // Уральский родовед. Екатеринбург, 2001. Вып. 5. С. 14–22.
4. Козлов А. Г. Творцы науки и техники на Урале, XVII — начало XX века: библиографический справочник. Свердловск, 1981.
5. Корепанов Н. С. Первый век Екатеринбурга. Екатеринбург, 2005.
6. Пашков А. М. Горнозаводское краеведение Карелии конца XVIII — начала XX в. Петрозаводск, 2007.
7. Пашков А. М. Иностранцы специалисты на Олонецких горных заводах во второй половине XVIII — первой четверти XIX веков // Отечественная история. 2006. № 4. С. 46–54.
8. Пензин Э. А. А. С. Ярцов — горный деятель и ученый // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2001. Вып. 4: Евразийское пограничье. С. 315–328.
9. Четверухин Г. Н. История развития корабельной и береговой артиллерии. М., Л., 1942. Вып. 1.
10. Ярцов А. С. Российская горная история. Уральская часть. Екатеринбург, 2018. Кн. 1.
11. Bartlett R. Charles Gascoigne in Russia // Russia and The West in the Eighteenth Century. Newtonwill, Mass., 1983. P. 334–363.

Alexander M. Pashkov

Doctor of Historical Sciences, Petrozavodsk State University
(Russia, Petrozavodsk)

E-mail: pashkov@mail.petrso.ru

A. S. Yartsov at Olonets foundries

In 1772–1780 A. S. Yartsov served at Olonets foundries, he built Alexandrovsky foundry and was its first commander in 1774–1780. In Russian historiography this period of his activity studied incompletely. Problems of his effectiveness as the Olonets foundries commander and the reasons for his recall from that position remains debatable. The paper is an attempt to answer these questions on the basis of statistical data about cannon production at Alexandrovsky foundry in 1774–1780.

Keywords: *A. S. Yartsov, Olonets foundries, cannon foundry*

Редин Дмитрий Алексеевич
д.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН
(Россия, Екатеринбург)
E-mail: volot@mail.ru

Налоговая реформа Петра Великого и административное обеспечение фиска

УДК 94(47).05

В докладе идет речь об организации системы управления сбором подушной подати — нового прямого налога, введенного Петром I для содержания армии с 1719 г. и попытках организации взаимодействия между военно-податными и гражданскими администрациями, причинах неудачи этой попытки.

Ключевые слова: Петр I, налоговая реформа, подушная подать, комиссары от земли, канцелярия сбора подушных денег, ординарные и экстраординарные учреждения

Введение в России нового прямого налога — подушной подати, принципиально изменившая систему налогообложения, одновременно вынудило власть приступить к реализации нескольких трудоемких мероприятий, поставивших реализацию налоговой реформы на грань возможного. К ним следует отнести проведение новой масштабной переписи мужского тяглого населения, организацию мест дислокации армии в мирное время («зимних квартир») и создание аппарата для взимания нового налога. Ситуация еще больше осложнялась тем, что параллельно с перечисленным началась новая реформа местного государственного управления — т. н. вторая областная реформа.

В научной литературе закрепилось мнение, высказанное еще в начале XX в. авторитетным исследователем петровской эпохи М. М. Богословским, согласно которому областная и податная реформы «обсуждались и осуществлялись одновременно и параллельно, но порознь и без малейшей попытки согласовать одну с другой» [3, с. 404, 405]. Комплексное прочтение нормативно-законодательных актов, регулировавших проведение реформ на их начальном этапе, показывает, что Петр I, бывший инициатором преобразований, тем не менее пытался каким-то образом соотнести их друг с другом в первую очередь в плане административного регулирования.

Речь идет о двух именных указах, опубликованных в один день, 26 ноября 1718 г. Один из них определял введение в губерниях новых административных должностей,¹ а другой, известный в научном обиходе как указ о введении подушной подати, устанавливал, помимо прочего, процедуру взимания нового налога.² Принципиально важным для нашей темы являлось то, что система сбора подушного налога и передачи собранных сумм оказывалась «привязанной» к реформированному местному коронному аппарату, с которым в этой сфере следовало взаимодействовать командирам полков. Согласно замыслу, это выглядело так: для сбора подушных денег уездные дворянские сообщества избирали сборщика, комиссара от земли, который становился связующим звеном между гражданскими и военными администрациями. Он был подотчетен главе губернии, названному в указе 1718 г. ландсгевдингом (в дальнейшем это звание заменили на более привычное к тому времени наименование «губернатор») и двум центральным ведомствам: Ревизион- и Военной коллегиям. Собранные деньги комиссар от земли должен был передавать уполномоченному комиссару полка, приписанного на содержание данного уезда. Император рассчитывал, что все подготовительные мероприятия можно будет провести быстро, собрав к концу 1719 г. сведения о плательщиках подушной подати, а с 1720 г. развернуть сеть новых местных учреждений.

В «Инструкции, или наказе воеводам» начала 1719 г.³ Петр значительно детализировал полномочия провинциальных руководителей в сфере взаимоотношений гражданских и военных чинов по вопросу сбора подушной. Воеводы получили широкие компетенции по административному надзору за реализацией податной реформы, могли вмешиваться в деятельность комиссаров от земли, переписчиков податного населения и (в меньшей степени) полковых представителей. В то же время, инструкции 1719 г., адресованные провинциальным чиновникам, непосредственно отвечавшим за фиск: земским камерирам и земским комиссарам,⁴ отличались большой неопределенностью и не оговаривали их компетенций в процедурах взимания подушного налога. Так

¹ ПСЗ. Т. 5. № 3244.

² Там же. № 3245.

³ Там же. № 3294.

⁴ Там же. № 3295, 3296.

или иначе, но первоначальное намерение передать перепись тягла и сбор подушной под общий контроль гражданского аппарата потерпело крах и это произошло не столько от недостаточно проработанной нормативной базы, сколько от объективных причин.

Острая кадровая недостаточность и плохое состояние коммуникаций вкупе с обширностью государственной территории — непреодолимы обстоятельства, о которые разбивались многие правительственные начинания XVIII в., привели к тому, что перепись тягла растянулась на несколько лет, а гражданские администрации, парализованные бесконечными преобразованиями, оказались неспособными справиться с возложенными на них задачами организации выборов комиссаров от земли и сбором налога. С 1722 г. перепись населения была передана в руки военных — т. н. переписным канцеляриям,⁵ взявшим на себя и проведение выборов сборщиков налога, а все полномочия по контролю за сбором оказались в ведении полковых командиров. В 1724 г. последнее было законодательно закреплено четырьмя указами: «Плакатом», «Инструкцией полковнику», «Инструкцией земскому комиссару» (имеется в виду комиссар от земли) и «О должности полковника по наблюдению земской полиции».⁶ Непосредственный контроль за сбором подушного налога и связанными с этим полицейские мероприятия стали осуществлять уполномоченные военные учреждения: канцелярии сбора подушных денег на полковых дворах. Развертывание в регионах сети военных учреждений, разделение государства на полковые дистрикты — территориальные военно-податные округа, наложившиеся на только что созданные административно-территориальные единицы гражданского управления: провинции и дистрикты, привело к управленческому хаосу. По сути, в России сложилась система параллельного существования ординарной и экстраординарной моделей управления при явном преимуществе (и нормативной, и фактической) последней.

Основанные на принципах прямого и жесткого воздействия, экстраординарные военные учреждения, исходно не предусмотренные «в программе “регулярных” реформ, претендующей на фундаментальность возводимого государственного здания и тем

⁵ Там же. Т. 6. № 3707.

⁶ Там же. Т. 7. № 4533–4536.

самым исключаяющей всякую временность и случайность» [2, с. 151, 152], выполнили свою задачу. «Финансовым итогом налоговой реформы стало существенное увеличение поступлений в казну в 1724–1726 гг.» [4, с. 140]. По разным оценкам подушные сборы этих лет превзошли подворные 1721–1723 гг. на 28,6–75 % [1, с. 241; 5, с. 128]. Но это был краткосрочный результат, ценой которого стали огромные многолетние недоимки, полное расстройство государственного хозяйства и системы местного управления в целом.

Библиографический список

1. Анисимов Е. В. Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России 1719–1728 гг. Л., 1982.
2. Бабич М. В. Государственные учреждения XVIII века: Комиссии петровского времени. М., 2003.
3. Богословский М. М. Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–27 гг. М., 1902.
4. Козлов С. А., Дмитриева З. В. Налоги в России до XIX в. Курс лекций и материалы для семинарских занятий. СПб., 2001.
5. Юхт А. И. Рец. на книгу Е. В. Анисимова Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России 1719–1728 гг. // Вопросы истории. 1984. № 9.

Dmitriy A. Redin

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: volot@mail.ru

Peter the Great's tax reform and administrative support to the fisc

The paper deals with the organization of the management system for collecting the poll tax, introduced by Peter I for the maintenance of the army since 1719. It also considers the attempts to organize interaction between the military tax and civil administrations and the reasons for their failure.

Keywords: *Peter I, tax reform, poll tax, commissars of the land, office of capitation money collection, ordinary and extraordinary institutions*

Сагинадзе Элла Отаровна
к.и.н. Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, Санкт-Петербург)
E-mail: *lelya-rus@mail.ru*

**«Курорты суть источники народного
национального обогащения»:
правительственная политика
Российской империи по развитию
рекреационного потенциала Кавказа (1894–1917)**

УДК 94(47).083+070:329.11

В докладе будет охарактеризована стратегия столичной администрации по развитию курортно-лечебной инфраструктуры Кавказских минеральных вод и курортов Черноморского побережья. Эти вопросы рассмотрены в тесной связи с социально-экономической ситуацией в регионе, а также с оформлением законодательной базы в области курортного дела, разработкой санитарно-гигиенических и организационно-административных законоположений.

Ключевые слова: Черноморское побережье, Кавказ, Кавказские минеральные воды, рекреационные ресурсы, курорты, экономический потенциал, политика правительства на окраинах

В моем докладе я рассмотрю основные направления правительственной политики по развитию рекреационного потенциала Кавказских минеральных вод и природно-климатических ресурсов Черноморского побережья Кавказа в 1894–1917 гг.

На рубеже XIX–XX вв. рекреационный потенциал Кавказа привлек к себе серьезное внимание в Петербурге и стал предметом особых забот центрального правительства. Успешное развитие курортно-лечебного дела в регионе имело общегосударственное значение, поскольку ежегодно состоятельные российские обыватели оставляли на курортах Европы, по разным оценкам от 100 до 200 млн рублей золотом. Под курортами в XIX в. понимали, прежде всего, минеральные воды и грязи. Главным российским курортом в XIX в. и наиболее важной и многочисленной группой целебных источников были Кавказские минеральные воды (КМВ) (Терская область). Однако ни по развитию курортной инфраструктуры, ни по числу отдыхающих, ни по доходности, отечественные лечебные местности не шли ни в какое сравнение с европейскими курортами. Петербургская администрация видела свою главную

задачу в том, чтобы поставить кавказские лечебные местности в один ряд с лучшими мировыми аналогичными заведениями.

Вместе с тем, на рубеже XIX–XX в. все большую популярность стали получать климатолечебные и горные станции, а также морские купания на Черноморском побережье Кавказа. В 1890–1910-х гг. центральное правительство приняло целый ряд административных и экономических мер по обустройству и освоению этой важной территории. Если процесс формирования курортной инфраструктуры КМВ имел давнюю историю, то становление курортно-лечебного дела на Черноморском побережье Кавказа началось фактически «с нуля». Столичные чиновники по итогам первых беглых исследований и служебных командирований признавали, что благодаря уникальному климату, Черноморье — это «будущая русская Ривьера», но регион станет таковым в полной мере лишь при условии существенных ассигнований, поддержки государства, и содействия опытных лиц. Главными архитекторами имперской политики на Кавказе были А. С. Ермолов и член Государственного совета гофмейстер Н. С. Абаза. С большим вниманием к мероприятиям, направленным на «оживление курортов Кавказа», относился и сам император Николай II.

В центре моего внимания — стратегия столичной администрации по развитию курортно-лечебной инфраструктуры на Кавказе. Особое внимание уделяется дискуссиям высших чиновников империи о перспективах развития кавказских курортов, наиболее эффективных мероприятиях по их благоустройству. Показаны меры, с помощью которых столичные сановники стремились сделать кавказские курорты конкурентоспособными с лучшими европейскими курортами. Правительственная политика по развитию природно-климатического потенциала Кавказа будет рассмотрена мной в тесной связи с основными направлениями правительственной политики по развитию хозяйственно-экономического, природно-климатического и стратегического потенциала побережья. Большое внимание будет уделено оформлению законодательной базы в области курортного дела, разработке санитарно-гигиенических и организационно-административных законоположений. В исследовании будет проведен сравнительный анализ экономических мер по развитию курортного потенциала КМВ и Черноморского побережья Кавказа, а также успешности правительственной политики в этом вопросе.

Исследование базируется на широком круге источников из российских (Санкт-Петербург) и грузинских архивов (Тбилиси, Батуми).

Выводы: Правительственная политика по развитию кавказских курортов проводилась при активном содействии выдающихся ученых, врачей и инженеров, с использованием новейших достижений науки и техники. Благодаря эффективным финансовым мерам и законодательным инициативам, удалось решить задачу по привлечению в регион состоятельных людей и значительных частных капиталов.

Вместе с тем, законодательная база курортного дела, а также санитарно-гигиенической охраны в империи в начале XX в. только начинала формироваться. На развитие региональной инфраструктуры большое влияние оказывали слабость местного самоуправления и недостаток финансирования. Решение этих задач требовало гораздо больших усилий и времени. Превращение кавказских вод во «всесоюзную здравницу» в советское время во многих отношениях стало результатом усилий и замыслов правительства Российской империи по рекреационного потенциала Кавказа на рубеже XIX–XX вв.

Благодаря частной инициативе и содействию правительства, к 1917 г. на Черноморском побережье были заложены основы курортной индустрии, ставшей впоследствии перспективной отраслью экономики. Такие пункты побережья как Анапа, Геленджик, Сочи, Романовск, Гагры, Гудауты и Сухуми к 1917 г. стали получать важное курортное значение, привлекая в сезон тысячи посетителей. Благодаря энергичным усилиям, в том числе, министра земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолова (1894–1905), важное курортное значение приобрел и Сочи, ставший в СССР главным морским курортом.

Ella O. Saginadze

Candidate of Historical Sciences, St. Petersburg State University
(Russia, St. Petersburg)
E-mail: *lelya-rus@mail.ru*

“Resorts are the sources of people’s national enrichment”: the government policy of the Russian Empire for the development of recreational resources of the Caucasus (1894–1917)

The report deals with the central administration’s strategy for the development of resort and medical infrastructure in the Caucasian mineral waters and the Black coast’s resorts. This issue is explored in close relation with the socio-economic situation in the region, as well as with the formulation of the legal framework in the field of resort business, the development of sanitary-hygienic and organizational-administrative legal provisions.

Keywords: *Black Sea coast, Caucasus, Caucasian mineral waters, recreational resources, resorts, economic potential, government policy on the periphery*

Саломатина Софья Александровна

к.и.н., доцент, Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова (Россия, Москва)
E-mail: *ssalomatina@gmail.com*

Коммерческие банки и торговля сельскохозяйственной продукцией в 1870–1890-е гг. (на примере Центрального Черноземья)¹

УДК 94(47).08

Доклад посвящен операциям коммерческих банков по обслуживанию сельского хозяйства (производства и сбыта). Банковские практики реконструируются по материалам Орловского коммерческого банка (1872–1908) и отделений Государственного банка Российской империи. Банки обслуживали в первую очередь местные рынки, излишки отправлялись на запад по Риги-Орловской железной дороге, затем южнее добавился вывоз по Либаво-Роменской железной дороге.

Ключевые слова: *коммерческие банки, сельское хозяйство, торговля зерном, учет векселей, Российская империя*

¹ Исследование подготовлено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00732.

Акционерные коммерческие банки XIX в. принято изучать с точки зрения их связей с рынками капитала и промышленностью, подразумевая, что банки той эпохи внесли вклад в экономическое развитие, прежде всего, финансируя индустриализацию. В то же время, не изучен вопрос о роли банков в кредитовании сельского хозяйства во второй половине XIX в., когда большие аграрные экономики, к числу которых относилась Российская империя, вышли на мировой рынок.

В российской историографии нет исследований по этому вопросу. Банки 1870–1880-х гг. вообще оцениваются довольно скептически по причине банковского кризиса и депрессии. В советский период банки изучались в рамках теории финансового капитала, которая делала акцент на связях банков и промышленности. В итоге, к кредитованию торговли относились как к традиционалистской деятельности банков в противовес инновационному финансированию основного капитала промышленности [5, с. 262–283]. В итоге, считается, что торговля сельскохозяйственной продукцией велась без участия банков в последней трети XIX в. [7, с. 81–85].

Ипотечные банки не могли кредитовать сельскохозяйственное производство и торговлю, потому что эти банки специализировались на долгосрочном кредитовании (на 20–30 лет) под залог крупной земельной собственности, тогда как срок производственного и торгового цикла в сельском хозяйстве не более 1 года, поэтому кредиты сельскому хозяйству должны были бы предоставлять коммерческие банки.

Услуги коммерческих банков XIX в. сельскому хозяйству не попали в поле зрения российской банковской истории еще и потому, что в нарративах XIX в. доминирует теория, в соответствии с которой коммерческие банки нацелены на обслуживание торговли и промышленности, но не сельского хозяйства [6, с. 97–112; 3, с. 256–296]. В итоге, сельское хозяйство оказалось в области «серых» банковских практик, с точки зрения XIX в., однако в них нет ничего некачественного по современной банковской теории [11, с. 174–178; 12, т. 2, с. 960–963; т. 3, с. 1461–1469]. Важно отметить, что при изучении краткосрочного, оборотного банковского кредитования сельского хозяйства XIX в. сложно разделить кредит производителю и кредит торговому посреднику, так как эти отношения были очень тесно переплетены. Точно так же сложно

разделить промышленность и торговлю, когда мы рассматриваем краткосрочные банковские кредиты торгово-промышленным товариществам, хорошо известные по банковской литературе.

Практики, связанные с учетом нетоварных векселей помещиков и хлеботорговцев, удалось изучить по материалам Орловского отделения Госбанка в Российском государственном историческом архиве (РГИА).² Такие операции составляли половину кредитной операции в форме учета векселей в аграрном регионе. Подчеркнем, что в коммерческих банках той эпохи не обслуживались мелкие посредники и крестьяне, речь идет о помещиках, получавших доход от сельскохозяйственного производства, и крупных хлеботорговцах.

Для изучения роли банков в кредитовании сельского хозяйства имеется уникальный, не введенный в научный оборот, источник — годовые отчеты Орловского коммерческого банка. Кроме стандартных для такого рода публикаций сведений об операциях банка, отчеты содержат статистику ссуд под товары, перевозившихся по железным дорогам, с указанием мест назначения грузов за 1873–1901 гг. Банк публиковал и другие ценные данные о межрегиональных расчетах.

Орловский коммерческий банк действовал в аграрных губерниях в 1872–1908 гг.; он входил в банковскую группу Л. С. Полякова, которая фактически обанкротилась в 1901 г. и была санирована Государственным банком с преобразованием ее в Соединенный банк в 1908 г. История этой группы и ее проблемы в 1900-е гг. не раз проанализированы в научной литературе [1, с. 99–148; 2, с. 238–248; 4, с. 38, 39, 78–86; 8, с. 309–344; 9, с. 48–56, 85–99, 132–140; 10, с. 153–172].

Территория, на которой действовал Орловский коммерческий банк, менялась. В 1873–1890 гг. банк кроме правления в Орле имел три отделения в Орловской губернии — Брянск, Елец и Ливны (Центрально-Черноземный район). С 1890 г. сеть отделений банка начинает расти, и в 1901 г. у банка уже было 22 подразделения в 12 губерниях. К Центральному Черноземью добавились южные и западные районы Европейской России (Левобережная и Правобережная Украина, Степной Юг, Белорусский и Литовский экономико-географические районы).

² РГИА. Ф. 587. Оп. 52. Д. 1073. Списки лиц, кредитующихся в Орловском отделении в 1892–1895 гг.

Исследование организовано следующим образом. Во-первых, выявляется комплекс операций коммерческих банков, связанных с сельским хозяйством, и объясняется, как его можно выявить в годовых отчетах банков. Во-вторых, проводится пространственный анализ филиальной сети Орловского банка в связи с сетью железных дорог, что позволяет выявить направления товарно-денежных потоков. В-третьих, для сравнения с данными Орловского коммерческого банка подбирается статистика отделений Госбанка, расположенных на тех же территориях. В-четвертых, по разработанной методике проводится анализ товарно-денежных потоков, которые обслуживали два банка.

В результате удалось доказать, что в период 1870–1890-х гг. в Российской империи существовала специализация акционерного коммерческого банка, связанная с обслуживанием сельского хозяйства. Орловский коммерческий банк еще в 1870-е гг. стал проводником сложных в организации, но эффективных практик кредитования товарных залогов на складах и на железных дорогах. Госбанк вплоть до второй половины 1890-х гг. не мог конкурировать с частным банком в этой области.

В Орловской губернии в 1870–1890-е гг. не было роста банковских операций, хотя их уровень оставался стабильно высоким за счет, в первую очередь, Орловского коммерческого банка и, во вторую очередь, за счет Орловского и Елецкого отделений Госбанка. Оба банка имели внешние источники средств: Орловский банк за счет доступа на московский рынок через Поляковскую группу, а Госбанк — как государственный многофилиальный банк. Таким образом, застой в Орловской губернии был связан с ситуацией на местном рынке.

В 1890-е гг. Орловский коммерческий банк рос за счет операций в других регионах, прежде всего, в южных и западных губерниях. Если раньше вывоз товаров был ориентирован на запад по Риги-Орловской железной дороге, то в 1890-е гг. значительно возросла роль Либаво-Роменской дороги, расположенной южнее Риги-Орловской. Южные отделения банка не были ориентированы на вывоз через черноморские порты, они так же работали на запад по железным дорогам.

В исследовании доказываемся, что триада «банки — торговля — сельское хозяйство» не менее важна для истории акционерных коммерческих банков Российской империи, чем традиционная

триада «банки — кредитование промышленности — формирование основного капитала промышленности». Если взять шире, то экономическое развитие в XIX в. не ограничивается индустриализацией (вторичный сектор); в нем играют самостоятельную роль первичный и третичный сектора (сельское хозяйство и обслуживающие его банки, коммуникации, торговая инфраструктура).

Библиографический список

1. Ананьич Б. В. Банкирские дома в России, 1860–1914 гг.: Очерки истории частного предпринимательства. М., 2006.
2. Бовыкин В. И., Петров Ю. А. Коммерческие банки Российской империи. М., 1994.
3. Вейцман Р. Я. Банковое счетоводство в связи с банковской организацией и техникой банковского дела. Одесса, 1916.
4. Гиндин И. Ф. Московские банки в период империализма // Исторические записки. 1956. Т. 58. С. 38–106.
5. Гиндин И. Ф. Русские коммерческие банки: Из истории финансового капитала в России. М., 1948.
6. Дмитриев-Мамонов В. А., Евзлин З. Теория и практика коммерческого банка. Пг., 1916.
7. Китанина Т. М. Хлебная торговля России в конце XIX — начале XX века: стратегия выживания, модернизационные процессы, правительственная политика. СПб., 2011.
8. Левин И. И. Акционерные коммерческие банки в России. М., 2010.
9. Петров Ю. А. Коммерческие банки Москвы, конец XIX в. — 1914 г. М., 1998.
10. Саломатина С. А. Банки и государство: 100 лет изучения банковской группы Л. С. Полякова // Валерий Иванович Бовыкин: Человек. Исследователь. Педагог. К 90-летию со дня рождения. М., 2018. С. 153–172.
11. Саломатина С. А. Банковский кредит в Российской империи в 1860–1914 гг.: современные концепции и новые данные // Российская история. 2018. № 4 (18). С. 170–187.
12. Шумпетер Й. А. История экономического анализа: в 3 т. СПб., 2001. Т. 2, 3.

Sofia A. Salomatina

Candidate of Historical Sciences, Lomonosov Moscow State
University (Russia, Moscow)

E-mail: ssalomatina@gmail.com

Commercial banks and agricultural trade in the 1870–1890s: the case of Central Black Earth Region

The article deals with commercial banking services to agriculture (production and sales). Banking practices were reconstructed

based on materials from the Oryol Commercial Bank (1872–1908) and branches of the State Bank of the Russian Empire. Banks served primarily local markets, the surpluses were sent to the Western borders by the Riga-Oryol railway; then export by the Libau-Romny railway started its intensive development.

Keywords: *commercial banks, agriculture, grain trade, bill discounting, credit against commodities, Russian Empire*

Слепнёв Игорь Николаевич

к.и.н., Институт российской истории РАН (Россия, Москва)

E-mail: *witte@yandex.ru*

С. Ю. Витте и тарифное регулирование железнодорожных перевозок хлебных грузов

УДК 94(47).082

Доклад посвящен трехлетнему периоду деятельности С. Ю. Витте в качестве директора Департамента железнодорожных дел Министерства финансов и председателя Тарифного комитета. Показана роль Витте в пересмотре хлебных тарифов и введении дифференциальных тарифных схем на железнодорожной сети, а также значение тарифного регулирования в предотвращении негативных последствий неурожая в России.

Ключевые слова: *С. Ю. Витте, Департамент железнодорожных дел Министерства финансов, Тарифный комитет, железнодорожные тарифы, тарифное регулирование, неурожай*

С. Ю. Витте являлся первым директором образованного в связи с железнодорожной тарифной реформой 8 марта 1889 г. Департамента железнодорожных дел Министерства финансов на протяжении почти трех лет, по февраль 1891 г.

Проведенная при непосредственном участии Витте тарифная реформа стала поворотным пунктом в истории российских железных дорог. Ее проведение дало в руки государства мощный рычаг воздействия на хозяйственное развитие страны. Департамент железнодорожных дел, в котором сосредоточилось вся практическая сторона тарифного дела на российских железных дорогах, стал рабочим инструментом правительства по регулированию железнодорожных тарифов. В соответствии с законом 8 марта 1889 г. С. Ю. Витте по должности директора Департамента

возглавил и межведомственный орган по рассмотрению тарифных вопросов — Тарифный комитет.

Тарифному регулированию железнодорожных перевозок хлебных грузов правительство придавало огромное значение. Так, например, при обсуждении хлебных тарифов на заседании Тарифного комитета 29 апреля 1889 г. С. Ю. Витте подчеркнул, что нельзя рассматривать вопрос об упорядочении хлебных тарифов исключительно с точки зрения доходности дорог. Необходимо, чтобы тарифы не препятствовали хлебному производству страны, от которого «в теснейшей зависимости» находится поступление доходов в казну от прямых и косвенных налогов. Кроме того, от состояния хлебного производства зависел размер хлебного экспорта, непосредственно влиявший на курс бумажных денег.¹ На это же указывал министр финансов И. А. Вышнеградский в подготовленной при непосредственном участии С. Ю. Витте обстоятельной записке «Соображения министра финансов о воспособлении сельскохозяйственной промышленности через посредство железных дорог»: «хлеб — главный предмет не только нашего сельскохозяйственного производства, но и отпуска за границу, важнейший источник благосостояния народного хозяйства, а вместе с тем и основной ресурс хозяйства государственного».² Значение, придаваемое Департаменту железнодорожных дел при проведении экономической политики подчеркивает то обстоятельство, что министр финансов И. А. Вышнеградский регулярно представлял на рассмотрение императора Александра III обзорные докладные записки о деятельности руководимого С. Ю. Витте департамента.³

В течение 1889 г. под руководством С. Ю. Витте был проведен пересмотр хлебных тарифов и введены дифференциальные тарифные схемы на сети российских железных дорог. Финансовым результатом проведенных системных изменений стало общее удешевление перевозок. О неизбежности снижения доходности железных дорог в случае радикального вмешательства государства

¹ Журнал особого Совещания и Тарифного комитета. СПб., 1889. С. 2.

² Вышнеградский И. А., Витте С. Ю. Соображения министра финансов о воспособлении сельскохозяйственной промышленности через посредство железных дорог. СПб., 1891. С. 145.

³ И. А. Вышнеградский предоставлял докладные записки по итогам шести-, двенадцати- и пятнадцатимесячного периодов деятельности департамента.

в тарифную политику С. Ю. Витте говорил еще в изданной двумя изданиями в 1883 и 1884 гг. книге «Принципы железнодорожных тарифов по перевозке грузов» [1, с. 197]. По подсчетам руководимого им департамента, при пересчете стоимости перевозок 1889 г. по новым тарифам общее удешевление перевозок составило 579 013 руб. во внутреннем сообщении. Наиболее значительное удешевление тарифов во внутренних перевозках было произведено к Москве и Петербургу.⁴

Существовавшая тенденция к обратному соотношению ставок внутренних и вывозных сообщений на расстояниях до 300 верст и свыше 800 верст обеспечивала преимущества центральных земледельческих губерний. Действительно, расположенные на расстоянии в среднем 300 верст от главного внутреннего рынка страны — Москвы — и на расстояниях в 800–1 500 верст от внешних рынков, они получали все выгоды от произведенного в 1889 г. пересмотра тарифов.⁵ Удешевление перевозок к Москве превысило 269 659 руб. Это было закономерным результатом использованных тарифных ставок внутреннего сообщения, которые на коротких расстояниях были меньше, чем вывозные. Например, на перевозки от 101 до 200 верст вывозные ставки были $1/26$ коп. с пудо-версты, а во внутреннем сообщении — $1/27$ коп.; от 201 до 300 верст — соответственно $1/30$ и $1/35$ коп. с пудо-версты. Тем более, что на расстояние от 1 до 300 верст в 1889 г. было отправлено во внутреннем сообщении 106 135 вагонов (54 % внутренних хлебных перевозок).⁶

Удешевление перевозок хлебных грузов для вывозных сообщений составило почти в два раза большую сумму, чем для внутренних — 1 104 554 руб. В 1889 г. из 790 994 вагонов хлеба (482 560 000 пуд.), отправленных по железным дорогам, 41,8 % вагонов (472 024 с 287 934 640 пуд.) было перевезено к 19 вывозным пунктам. Во внутреннем же сообщении в 1889 г. железные дороги перевезли 194 млн пуд. хлебных грузов. Таким образом, более половины хлебных перевозок российских железных дорог (59,7 %) составлял экспорт. В общей сложности провоз хлебных

⁴ Вышнеградский И. А., Витте С. Ю. Указ. соч. С. 45, 46.

⁵ Справка по вопросу о железнодорожных тарифах на перевозку хлебных грузов. Научно-справочная библиотека РГИА. Печ. записка № 2100. С. 21.

⁶ Вышнеградский И. А., Витте С. Ю. Указ. соч. С. 50, 51, 53.

грузов был удешевлен на 1,7 млн руб.⁷ Безусловно, это способствовало усилению в первую очередь экспортных хлебных перевозок и служило мощным орудием проведения экономической политики, направленной на увеличение золотого запаса и ускорение индустриализации страны. Установив контроль за железнодорожными хлебными тарифами, правительство получило мощный рычаг, с помощью которого оно рассчитывало эффективно управлять внутренней и внешней торговлей страны.

Уже на одном из первых заседаний Тарифного комитета С. Ю. Витте говорил о возможности увеличения экспорта и предотвращения нехватки продовольствия в отдельных местностях путем рационального распределения хлеба в империи при помощи льготных железнодорожных перевозок.⁸ Вопрос об использовании потенциала тарифного регулирования возник на заседании Тарифного комитета 21 января 1891 г., когда рассматривалось отношение министра внутренних дел по представлению пермского губернатора о пятидесятипроцентном понижении тарифов на перевозку зерна и муки по Уральской и Самаро-Златоустовской дорогам в пострадавшие от неурожая местности Пермской губернии. В конце заседания, в основном одобренного предложенные меры, С. Ю. Витте сообщил о приказе министра финансов Департаменту железнодорожных дел приступить к разработке данных о ценах на хлеб по России, продовольственных нуждах отдельных местностей, а также с систематизации ходатайств губернских учреждений о правительственной помощи. Конечной целью работ предусматривалось принятие тарифных мер для облегчения и удешевления подвоза хлеба в местности, пострадавшие в 1890 г. от неурожая.⁹

На основании данных о территориальном распространении неурожая Тарифный комитет предполагал оказывать помощь пострадавшим районам посредством снижения хлебных тарифов. Такую меру на заседании признали своевременной и эффективной в условиях, когда цены на хлеб и овес еще не везде успели подняться. Так, наибольшее повышение цен произошло в восточном

⁷ Там же. С. 53.

⁸ Журналы Тарифного комитета. СПб., 1892. Вып. 1. С. 488. Похожую мысль будучи уже министром финансов, Витте изложил и в своем первом бюджетном докладе Александру III [См.: 2, с. 28].

⁹ Журналы Тарифного комитета. Вып. 1. С. 489, 490.

районе в уездах Пермской и Оренбургской губерний (от 20 до 50 коп. на пуд). В южном районе повышение от 20 до 30 коп. на пуд произошло в некоторых уездах Таврической и Волынской губерний, восточной части Ставропольской губернии и области Терской. Напротив, в Самарской, Симбирской, юго-восточных уездах Казанской и в Саратовской губерниях, несмотря на неурожай, цены на рожь были ниже уровня цен на 1 января 1890 г.

Тарифный комитет постановил понизить на 50 % провозные платы в пострадавшие от неурожая местности. Эта мера рассматривалась как временная и вводилась на срок до 1 сентября 1891 г. Установлением пониженных тарифов на хлеб возглавляемый С. Ю. Витте Тарифный комитет надеялся способствовать «более правильному распределению хлебных запасов в Империи», поддержанию местных цен на более или менее нормальном уровне, рациональному распределению и употреблению правительственных ссуд.¹⁰

Библиографический список

1. Витте С. Ю. Собрание сочинений и документальных материалов. М., 2002. Т. 1, кн. 1.
2. Дякин В. С. Деньги для сельского хозяйства. 1892–1914 гг.: (Аграрный кредит в экономической политике царизма). СПб., 1997.

Igor. N. Slepnev

Candidate of Historical Sciences, Institute of Russian History
of the RAS (Moscow, Russia)

E-mail: *witte@yandex.ru*

Sergei Witte and tariff regulation of grain cargoes rail transportation

The paper is devoted to the three-year period of S. Yu. Witte activity as the Director of the Department of railway affairs of the Ministry of Finance and the Chairman of the Tariff Committee. It analyses Witte's role in the revision of grain tariffs and introduction of differential tariff schemes on the railway network, as well as the importance of tariff regulation in preventing the negative consequences of crop failures in Russia.

Keyword: *S. Yu. Witte, Department of railway affairs of the Ministry of Finance, Tariff Committee, railway tariffs, tariff regulation, crop failures*

---

¹⁰ Там же. С. 496, 498.

Степанов Валерий Леонидович

д.и.н., в.н.с., Институт экономики РАН (Россия, Москва)

E-mail: valerij-stepanov@mail.ru

Государственное регулирование нефтяной промышленности России в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.)

УДК 94(47)

В докладе анализируется политика российского правительства по регулированию нефтяной промышленности в экстремальных условиях Первой мировой войны. Особое внимание уделяется деятельности учрежденного в 1915 г. межведомственного Особого совещания по топливу (ОСОТОП), которое занималось установлением фиксированных цен на нефть, распределением нефтепродуктов и организацией их плановых перевозок. Автор раскрывает причины низкой эффективности мероприятий, проведенных совещанием, среди которых основными были противодействие крупных нефтепромышленников и неспособность регулирующих органов воздействовать на сферу добычи и переработки «черного золота».

Ключевые слова: Первая мировая война, экономическая политика, государственное регулирование, нефть, топливо

С началом Первой мировой войны в России резко увеличился спрос на нефтепродукты со стороны промышленности, транспорта, военного и морского ведомств. Однако удовлетворить его в полном объеме было крайне сложно, так как возрастание нужд потребителей значительно превышало ежегодный небольшой прирост нефтедобычи в стране. Кроме того, положение нефтяной промышленности заметно ухудшилось под влиянием факторов военного времени — дезорганизации транспорта, утраты западных рынков сбыта, прекращения прилива капиталов, падения курса рубля, вздорожания жизни, острой нехватки металлов, нефтяного оборудования и материалов. Проявлениями регресса стали сокращение объема буровых работ, замедление темпов роста нефтедобычи, снижение выпуска продукции нефтеперерабатывающих заводов. Повышение цен на нефть и ее транспортировку позволило крупным компаниям поставить потребителей в зависимое положение и диктовать свои цены на рынках.

Уже в первые месяцы войны выяснилась неспособность центральных государственных учреждений и местных властей

обеспечить производство и распределение жидкого топлива. Поэтому правительство было вынуждено встать на путь расширения регулирования нефтяной промышленности. Это стало проявлением общего усиления этатистских тенденций во всех воюющих странах и мобилизации экономики для нужд войны. 4 марта 1915 г. министру путей сообщения были предоставлены особые полномочия по организации снабжения топливом армии и флота, а также частных предприятий, выполняющих военные заказы. Спустя полгода регулирование нефтяной промышленности было поручено Управлению железных дорог Министерства путей сообщения и учрежденному 17 августа 1915 г. межведомственному Особому совещанию по топливу (ОСОТОП) под председательством министра торговли и промышленности. Этот орган стал частью созданной общей системы особых совещаний (по обороне, топливу, продовольственному делу и перевозкам). В составе ОСОТОП были учреждены угольная, нефтяная, дровяная и торфяная секции.

Первоочередной задачей органов государственного регулирования была борьба с ростом цен на нефть. В годы войны это стало составной частью общей политики правительства по таксации цен на товары первой необходимости. 31 декабря 1915 г. были введены предельные цены на сырую нефть в местах добычи в размере 45 коп. за пуд и нефтяных остатков на нефтеперерабатывающих заводах — 47 коп. за пуд. Нефтепромышленники встретили эти меры в штыки и засыпали совещание докладными записками, в которых доказывали невыгодность фиксированных цен и их опасность для насущных интересов страны. Они ссылались на транспортные затруднения, нехватку вагонов, вздорожание материалов для бурения и другие причины, угрожали закрытием некоторых промыслов и снижением добычи нефти. Их позиция оказывала определенное влияние на правительственную политику. В войну усилились концентрация и централизация капитала в нефтяной промышленности, еще более возросло могущество ведущих компаний. Кроме того, далеко не все в высших эшелонах власти были уверены в целесообразности принудительных мер, которые могли иметь негативные последствия для нефтяного производства. Поэтому бакинские «короли» чувствовали себя достаточно уверенно, уклонялись от выполнения правительственных требований, срывали военные поставки по предельным ценам и требовали от ОСОТОП повышения их нормы.

В условиях саботажа со стороны нефтепромышленников правительство стало прибегать к насильственным действиям. 23–25 апреля 1916 г. было принято решение о реквизициях невосстребованного адресатами жидкого топлива в договорные сроки из-за нежелания продавца совершить сделку и его передаче потребителям. 27–28 апреля 1916 г. ОСОТОП установило реквизиционную цену на 15 % ниже фиксированной при изъятии топлива, не реализованного по договору. Однако и эта мера не оказала должного воздействия на поставщиков и торговцев нефтью, которые находили всевозможные пути, чтобы обходить эти ограничения и продавать свою продукцию по высоким рыночным ценам. В итоге 16–17 января 1917 г. предельная цена сырой нефти в местах добычи была увеличена до 60 коп. за пуд и на нефтяные остатки — до 62,4 коп. за пуд. Позднее, уже при Временном правительстве 31 августа 1917 г. последовало введение третьей предельной цены — 96 коп. за пуд сырой нефти и 99,7 коп. за пуд нефтяных остатков.

Другим приоритетным направлением деятельности ОСОТОП стало распределение нефтепродуктов между потребителями и организация их плановых перевозок. Несмотря на предоставление министру путей сообщения чрезвычайных полномочий, осенью 1915 г. обнаружилось серьезные проблемы в перевозках жидкого топлива и его доставке на внутренние рынки. В связи с прекращением экспорта после начала войны вся добываемая на Кавказе нефть целиком шла на удовлетворение потребностей российской экономики. Топливо транспортировалось по волжской водной артерии, затем на пристанях перегружалась в цистерны и отправлялась к местам потребления по стальным магистралям. Если речной транспорт в целом обеспечивал перевозку нефти, то железные дороги явно не справлялись с таким объемом грузов, особенно в условиях острой нехватки вагонов-цистерн. Остатки не вывезенного из волжских портовых складов топлива достигали огромного объема. Министерство путей сообщения пыталось решить эту проблему путем усиления подвижного состава за счет заказов вагонов и паровозов за границей, строительства новых линий, повышения норм погрузочно-разгрузочных работ, сокращения пассажирского движения и др.

4 мая 1916 г. председатель ОСОТОП утвердил правила о распределении между потребителями нефти и нефтяных остатков.

Отныне они могли получать жидкое топливо только в порядке установленной очереди в зависимости от их значимости для интересов обороны государства. При совещании учреждалась должность главноуполномоченного по снабжению нефтью и нефтяными остатками потребителей империи. Его функции заключались в распределении жидкого топлива на предстоящий год, его нормировке по месяцам и составлении общего ежемесячного наряда на вывоз по железным дорогам. При Управлении железных дорог был учрежден Нефтяной комитет, ведавший по заданию главноуполномоченного плановыми перевозками жидкого топлива. 6 декабря 1916 г. были утверждены правила отправки керосина, бензина и смазочных масел на внутренний рынок. При ОСОТОП был образован Керосиновый комитет, на который возлагалась выработка плана годового завоза продукции в районы распределения и потребления, а также согласование предположений отдельных фирм о ее транспортировке на более короткие периоды времени.

В ОСОТОП планировался еще ряд мер, которые так и остались нереализованными. Не было проведено распределение запасов нефти на местах добычи и нефтяных остатков в соответствии с вывозными возможностями компаний. Совещание не установило надзор за нефтеперерабатывающими заводами и не определило норму производства на них продукции в зависимости от запросов первоочередных потребителей. Не был разработан также общий план транспортировки жидкого топлива по Волге, что позволило бы рационально распределить продукцию по складам на речных пристанях в соответствии с потребностями тех или иных районов. Противодействие нефтяных магнатов сорвало осуществление некоторых инициатив, которые обсуждались в регулирующих органах. В июне–декабре 1916 г. в Нефтяной секции ОСОТОП и Нефтяном комитете при Управлении железных дорог рассматривался проект о предоставлении права общего пользования всеми нефтехранилищами, складами и трубопроводами, принадлежащими частным лицам. Подобное предложение учитывало интересы мелких и средних фирм-экспортеров, и его принятие могло способствовать увеличению объема перевозок жидкого топлива по волжскому пути. Однако проект покусался на права собственности крупных компаний, поэтому был признан неосуществимым. Та же судьба постигла обсуждавшиеся в ОСОТОП

проекты передачи торговли нефтепродуктами в руки государства и устройства казенных нефтепромыслов на Апшеронском полуострове.

В итоге государственное регулирование нефтяной промышленности в годы войны не дало значимых результатов. Усилия бюрократических учреждений в принципе не могли преодолеть общее несоответствие между уровнем развития российской промышленности и растущими потребностями воюющей страны. Созданная в ходе Первой мировой войны громоздкая «пирамида» правительственных регулирующих органов с самого начала переживала организационные трудности, вызванные недостаточно четким разграничением полномочий и сфер деятельности, разобщенностью и несогласованностью действий разных ведомств. Система особых совещаний, и ОСОТОП в частности, не сумела реализовать свои широкие полномочия и решить поставленные задачи. Занимаясь регулированием ценообразования, распределения и транспортировки жидкого топлива, правительство не касалось сферы его производства и не сумело ничего сделать для расширения и увеличения нефтедобычи, снабжения промыслов оборудованием, металлами и вспомогательными материалами. Оппозиция крупных нефтяных компаний вынуждала «верхи» идти на уступки и принимать непоследовательные решения. Таксация цен во многом имела чисто декларативное значение, поскольку правительство опасалось нанести ущерб нефтяной промышленности, а сами предприниматели, как правило, находили возможности обходить установленные ограничения. Введение предельных цен проводилось без должного учета хозяйственной конъюнктуры, так как у регулирующих органов не было твердых экономических критериев для установления их уровня. Эти цены не соотносились с общим вздорожанием товаров и, в частности, материалов, нужных для нефтяного оборудования. Контроль над отпуском и перевозками нефти сыграл некоторую положительную роль в улучшении снабжения фронта и тыла жидким топливом. Однако значительная часть нефти и нефтепродуктов оставалась неучтенной ОСОТОП и поступала на частный рынок, что открывало широкие возможности для спекуляций и обогащения частных фирм.

Valery L. Stepanov

Doctor of Historical Sciences, Institute of Economy of the RAS
(Russia, Moscow)

E-mail: *valerij-stepanov@mail.ru*

**State regulation of Russian oil industry
during the First World War (1914 – February 1917)**

The article analyzes the policy of the Russian government regulating oil industry under extreme conditions of the First World War. Particular attention is paid to the functioning of the interdepartmental Special meeting on fuel (OSOTOP) which was established in 1915. It was in charge of setting the fixed oil prices, distributing oil products and organizing their planned transportation. The author discloses the causes of the low effectiveness of the events held by the meeting. The main among them were the resistance of large oil industrialists and the inability of the regulating organs to influence the sphere of extraction and processing of “black oil”.

Keywords: *First World War, economic policy, state regulation, oil, fuel*

Суржикова Наталья Викторовна

д.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН
(Россия, Екатеринбург)
E-mail: *snvplus@mail.ru*

Михалев Николай Анатольевич

к.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН
(Россия, Екатеринбург)
E-mail: *n.mikhalev@mail.ru*

**Между свободой и принуждением: организация
труда беженцев в России 1914–1917 гг.**

УДК 94(47).083

В работе актуализируется проблема дефицита рабочих рук в России в годы Первой мировой войны и рассматриваются попытки ее решения за счет мобилизации беженского труда.

Ключевые слова: *Первая мировая война, российские беженцы, дефицит рабочих рук, трудовая мобилизация*

Начало Первой мировой войны стало причиной массовой мобилизации в воюющих странах, которая в России только за вторую половину 1914 г. коснулась более 5 млн чел. Это немедленно

привело к существенному дефициту практически всех форм труда, превратив его из проблемы чисто экономической в проблему политическую. Стоит ли удивляться, что 7-миллионная армия российских беженцев, заставивших громко говорить о себе со второй половины 1915 г., сразу стала рассматриваться теоретиками и практиками как один из источников удовлетворения дефицита рабочих рук. Свои планы на этот счет тут же были построены практически во всех принимающих беженцев регионах.¹

Отчеты агентов-проводников, командированных Отделом по устройству беженцев Земского и Городского союзов (Земгора) для сопровождения поездов с беженцами, свидетельствуют, что первые опыты их трудоустройства имели место уже в дороге. Так, к октябрю 1915 г. только при следовании через станцию Смоленск было нанято около 1,8 тыс. беженцев.² Между тем деформированная половозрастная структура беженского населения — в основном это были старики, женщины и дети — быстро развеяла надежды на их деятельное участие в решении проблемы убыли рабочих рук. Другим «главнейшим препятствием» для трудоустройства беженцев стала «неравномерность расселения их среди коренного населения».³ Трудовое посредничество, осуществлявшееся силами различных трудовых комиссий и бюро труда в рамках Отдела по устройству беженцев Земгора, Татьянинского комитета и национальных беженских организаций, хоть и позволило найти работу десяткам тысяч беженцев, но удовлетворило лишь часть зарегистрированного спроса на труд. Так, к 1917 г. бюро труда Татьянинского комитета было получено 73 307 предложений труда и учтено 50 090 ищущих работу беженцев, из которых удалось трудоустроить только 36 632 чел., или 73,1%.⁴

¹ См. об этом, напр.: Петроградское областное совещание по оказанию помощи беженцам // Известия Всероссийского союза городов. 1915. № 17. С. 43; Шаховская Н. Трудовая помощь беженцам // Там же. 1916. № 27–28. С. 269.

² Отчет о деятельности Смоленского Губернского Комитета Всероссийского Земского Союза по оказанию помощи беженцам, следовавшим через станцию Смоленск (транзитным) за время 17 июня–1 ноября 1915 г. Смоленск, 1915. С. 31.

³ Совещания с представителями общественных и национальных организаций помощи беженцам в Москве о трудовой помощи и о прекращении пособий беженцам, получающим заработок, 4-го и 21-го января 1916 г. // Известия Всероссийского союза городов. 1916. № 27–28. С. 286.

⁴ См. об этом: Трудовая помощь комитета беженцам // Известия Всероссийского комитета помощи пострадавшим от войны. 1917. № 25. С. 3.

Другой формой трудовой помощи беженцам, еще менее повлиявшей на решение проблемы дефицита трудовых ресурсов, стала организация специальных ремесленных артелей и мастерских для вынужденных мигрантов. В основном это были швейные, сапожные и портняжные производства, большая часть которых концентрировалась в городах. Благодаря таким учреждениям при Татьянинском комитете к 1917 г. удалось трудоустроить всего 5 616 беженцев.⁵ Значительно успешней на этом фоне выглядела деятельность национальных беженских комитетов, а в особенности — еврейских. Их отличало стремление к созданию таких условий, чтобы «беженец перестал быть беженцем, чтобы он получил возможность индивидуального существования, чтобы он получил возможность такого развития индивидуальных ремесел или мастерств, чтобы он мог сам зарабатывать и получать не пайки, а плату за труд».⁶ Кредитно-ссудная помощь еврейских комитетов своим соплеменникам-беженцам часто вела к тому, что последние «устраивались самостоятельно», как это произошло, например, с белошвейной мастерской в Орле, которой были выделены средства для приобретения швейных машин.⁷

Очевидно, что негосударственные и даже полугосударственные институции были неспособны осуществить массовую мобилизацию беженского труда. Альтернативой их усилиям стала вербовка беженцев на сельскохозяйственные работы, вопрос о которой поставила комиссия, специально созданная в январе 1916 г. при Особом совещании по устройству беженцев. Рассчитывая уже весной 1916 г. «завлечь» в деревню 700–800 тысяч беженцев,⁸ правительство обещало сохранить за принятыми на сельскохозяйственные работы беженцами право на продовольственную и квартирную помощь. Источники же засвидетельствовали, что это «обещание» сразу придало труду беженцев полупринудительный характер. Инструктор Всероссийского бюро труда О. А. Квиткина, описывая ситуацию в Самарской губернии,

⁵ Там же.

⁶ Труды Харьковского областного съезда Всероссийского союза городов по вопросу об устройстве и эвакуации беженцев (Харьков, 29, 30 ноября, 1 декабря 1915 г.). Харьков, 1916. С. 85, 103.

⁷ Отчет Орловского еврейского комитета помощи жертвам войны за время с 1-го октября 1915 г. по 1-ое октября 1916 г. Орел, 1917. С. 28.

⁸ РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 34. Л. 1–10б.

в связи с этим, в частности, указывал: «В способах привлечения беженцев к работам в большинстве случаев признается возможным сводить задачу к выработке мер, которые бы принудили беженца наниматься батраками в местные хозяйства. Из мер же по-нуждения наиболее действительной является лишение казенного пайка. Так, Бузулукский земский комитет, обсуждавший вопрос о привлечении беженцев на полевые работы в заседании 26 января [1916 г.], пришел к решению снять с пайка в феврале 10 % всех беженцев, марте 20 %, в апреле 30 %, с тем, чтобы в июне поддержкой пользовались исключительно дети и старики».⁹ В то же время многие местные организации пошли еще дальше, приняв решение о принудительном выселении беженцев из городов в сельские местности (Ростов-на-Дону, Иркутск, Ярославль и др.).¹⁰ Кроме того, в ряде местностей беженцам запретили выезд за пределы губерний и отказали в выдаче паспортов и проездных свидетельств (Саратов, Кинешма, Тула, Полтава и др.).¹¹ Если прибавить к этому практику формирования не чисто беженских сельскохозяйственных артелей, а артелей одновременно из беженцев, военнопленных, арестантов, инородцев и китайцев, то статус беженца оказывался близок к статусу лиц, пораженных в гражданских правах.

Помимо экономического и административного давления, в ход также были пущены механизмы публичного осуждения беженцев, не пожелавших выйти в поле. Как результат в российском общественном дискурсе виктимизированный образ беженца быстро сменился образом беженца-нахлебника, злоупотребляющего оказанным ему в тылу гостеприимством. Рассказы о «ленивом поведении» беженцев наводнили российские СМИ,¹²

⁹ К сельскохозяйственной кампании в Самарской губернии и Оренбургском уезде. Доклад инструктора Всероссийского бюро труда О. А. Квиткина // Известия Главного комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. 1916. № 40. С. 121, 122.

¹⁰ Выселение беженцев из городов в уезды на жительство и на сельскохозяйственные работы по всей Империи // Известия Всероссийского союза городов. 1916. № 34. С. 297, 298.

¹¹ Труд беженцев // Вестник Всероссийского общества попечения о беженцах. 1916. № 19 (22 мая). С. 10.

¹² См., напр.: Труд беженцев на сельскохозяйственных работах // Земская неделя (Казань). 1916. № 13 (31 марта). С. 6; О беженцах. Село Бессоновка Пензенской губернии // Вестник Пензенского земства. 1916. № 18–19 (17 мая). С. 254; и др.

а характеристики типа «Наша любая девка троих беженцев или австрийцев за пояс заткнет в работе» или «Нам и за полцены бе-гунцов не надо» стали привычными для описания деревенских реалий.¹³ Беженцев, не нашедших возможности реализовать свой социо-профессиональный капитал, клеймили позором, и это несмотря на то что город их просто выдавливал, а село могло предложить только сезонную и низкоквалифицированную работу.

В конечном итоге усилия правительства и земства по привлечению беженцев к полевым работам так и не возымели определяющего значения для рынка сельскохозяйственного труда. По данным Н. П. Огановского, использовавшего неопубликованные материалы сельскохозяйственной переписи 1916 г. по 10-и губерниям Европейской России, беженцы составляли только 1,2 % и 0,9 % соответственно от занятых в сельском хозяйстве мужчин и женщин.¹⁴ Однако даже при более высоких значениях этих показателей проблема дефицита рабочих рук на селе не решалась бы. Уход на фронт порядка 10 млн крестьян могла компенсировать только стремительная и масштабная механизация сельского хозяйства, которая, в свою очередь, требовала огромных капиталовложений. В связи с этим не будет преувеличением сказать, что проблема была не в провале мобилизации беженского труда на нужды деревни, а в традиционном характере российского сельского хозяйства в частности и структуры занятости/разделения труда в российском обществе в целом.

При этом Неспособность российского правительства к тотальной мобилизации беженского труда, частично компенсировавшаяся усилиями общественных организаций, вряд ли стоит рассматривать как лишний пример краха «бюрократической фантазии полного контроля над обществом» (К. Розенберг). Совокупность различных инициатив и мер позволила российскому рынку рабочей силы поглотить тех беженцев, которые были способны, готовы или вынуждены работать, породив своеобразные формы труда, не эквивалентные ни свободному, ни принудительному труду. Размывание границ между ними соответствовало не

¹³ ГАТ. Ф. 335. Оп. 1. Д. 1750. Л. 2. См. также: Работы на полях. Из Городищенского уезда // Вестник Пензенского земства. 1916. № 25–26 (13 июля). С. 321.

¹⁴ Огановский Н. П. Положение сельского хозяйства в 1916 году // Известия Главного комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. 1916. № 51. С. 60.

только универсальным «тотализирующим» тенденциям Первой мировой войны [1], в рамках которых социальная значимость труда резко возросла. Оно также укладывалось в логику исторического развития российского общества, в котором немудреные слова апостола Павла «Кто не работает, тот не ест» совсем скоро стали трактоваться как «первое, основное, коренное начало социализма» (В. И. Ленин).

Библиографический список

1. Людендорф Э. Тотальная война. пер. с нем. А. В. Петров. М., 2015.

Natalia V. Surzhikova

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: snvplus@mail.ru

Nikolai A. Mikhalev

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and
Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: n.mikhalev@mail.ru

Between freedom and compulsion: organization of refugee labor in Russia, 1914–1917

The paper analyzes the problem of labor shortage in Russia during the First World War and considers attempts of its solution by mobilizing refugee labor.

Keywords: *First World War, Russian refugees, labor shortage, labor mobilization*

Федосеев Роман Васильевич

д.и.н., доцент, Средне-Волжский институт (филиал), Всероссийский
государственный университет юстиции (Россия, Саранск)

E-mail: *fedoseevrv@gmail.com*

**Основные показатели динамики дворянского
землевладения во второй половине XIX — начале
XX в. (по материалам Среднего Поволжья)¹**

УДК 332.2(470.40/.43)

В работе представлен анализ ситуации, сложившейся в сфере дворянского землевладения Среднего Поволжья. Продемонстрированы основные причины негативной динамики в указанной сфере, приведены многочисленные цифровые данные, подтверждающие вывод о том, что практически все исследуемые показатели имели ярко выраженную отрицательную тенденцию.

Ключевые слова: *Дворянское землевладение, поместное дворянство, мобилизация землевладения, Среднее Поволжье*

Основой сельскохозяйственной деятельности всегда являлась земля и от того, кто являлся ее собственником, во многом зависели экономические и даже политические процессы, протекавшие в губерниях. Ситуация не изменилась и после проведения крестьянской реформы 1861 г., даже в условиях капиталистической модернизации аграрного сектора экономики земля и все что с ней было связано, продолжала оставаться ядром любой хозяйственной деятельности. При этом в ситуации, когда земля стала товаром и могла быть покупаема представителями любых сословий, позиции поместного дворянства, как главного собственника в среде частного землевладения начали значительно ухудшаться. Дворяне-землевладельцы довольно быстро избавились от излишков своих земельных наделов, сосредоточив внимание на обработке оставшейся части имения, но и это помогло далеко не всем. Не сумевшие приспособиться к новым реалиям помещики закладывали свои экономии в земельных банках или даже полностью продавали. Все это привело к ситуации, которую можно назвать кризисом дворянского землевладения, к ситуации в которой поместному дворянству была отведена преимущественно роль донора на земельном рынке.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00043.

В изучаемый период в России наибольшую долю в частном землевладении имели представители дворянского сословия. При этом после проведения реформы 1861 г., фактически позволившей им продавать свои земли (при условии наделения крестьян землей или перевода их на выкуп),² земельный фонд дворянства резко сократился, что зафиксировали данные земельной переписи сначала 1877 г., а затем и 1905 г. Так, если в 1862 г. в Среднем Поволжье в собственности дворян-землевладельцев находилось 5 615 957 дес. земли, то уже к 1877 г. размер земельных владений высшего сословия сократился до 4 873 783 дес. земли, а к 1905 г. и вовсе до 2 803 777 дес.³ Но несмотря на резкое сокращение земельного фонда поместного дворянства, в 1877 г. в Среднем Поволжье они продолжали оставаться основными держателем земель среди всех частных земельных собственников (4 873 783 из 6 632 785 дес. всей частновладельческой земли, или 73,5 %). Наибольшую долю дворянское землевладение в общей площади частного землевладения имело в Симбирской губернии, где дворянству принадлежало 89,6 % от всего частного землевладения (1 173 052 из 1 308 125 дес.), далее следовали дворяне Пензенской губернии 83,6 % (1 077 081 из 1 287 473 дес.), поместному дворянству Казанской губернии принадлежало 81,2 % (590 517 из 727 295 дес.), в свою очередь, в Самарской губернии представители главенствующего сословия сосредоточили в своих руках 61,4 % (2 033 133 из 3 309 892 дес.).⁴

Еще более плачевная ситуация сложилась в 1905 г.: количество принадлежавшей поместному дворянству земли сильно сократилось — до 2 803 777 из 6 635 657 дес. всей частновладельческой земли (или 42,2 %). Если в трех губерниях Среднего Поволжья дворянству продолжала принадлежать большая часть земель всего частного земельного фонда: в Казанской губернии в собственности дворян было 457 938 (или 62,3 %) из 734 591 дес. всей частновладельческой земли, в Пензенской — 787 084 (62,2 %) из

² Об отводе частным лицам казенных земель в Сибири от 08.06. 1901 г. // ПСЗ-III. Т. 21. № 20338. С. 53.

³ РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 205а. Л. 13; Статистика землевладения 1905 г. СПб., 1906. Вып. 7. Казанская губерния. С. 12; 1905. Вып. 12. Симбирская губерния. С. 12; 1906. Вып. 22. Пензенская губерния. С. 12; Вып. 28. Самарская губерния. С. 12.

⁴ Статистика землевладения 1905 г. СПб., 1906. Вып. 7. Казанская губерния. С. 10, 39; 1905. Вып. 12. Симбирская губерния. С. 10, 32, 33; 1906. Вып. 22. Пензенская губерния. С. 10, 37; Вып. 28. Самарская губерния. С. 10, 33.

1264 091 дес., в Симбирской — 632 714 (57,9 %) из 1 092 496 дес., то в Самарской губернии дворяне владели уже только 926 041 дес. из 3 544 479 дес. (лишь 26,1 %; впрочем, если брать абсолютные величины, эта цифра выше аналогичных показателей в других губерниях).⁵

Таким образом, в период между 1877 и 1905 гг. произошли заметные изменения в количественных показателях дворянского землевладения в структуре частной земельной собственности Среднего Поволжья. Так, общее количество земель в собственности дворян сократилось почти в два раза с 4 873 783 дес. в 1877 г. до 2 803 777 дес. в 1905 г. (на 42,5 %). Наибольшее сокращение произошло в Самарской губернии. Здесь дворянское землевладение уменьшилось с 2 033 133 до 926 041 дес., или на 54,5 %. В Симбирской губернии земельный фонд высшего сословия так же значительно уменьшился: с 1 173 052 до 632 714 дес., или на 48,1 %. Менее значительные изменения произошли в Пензенской и Казанской губерниях: здесь дворянское землевладение сократилось соответственно с 1 077 081 до 787 084 дес., или на 27,0 %, и с 590 517 до 457 938 дес., или на 22,5 %.⁶

Практически не изменившееся за 28 лет количество земель в частновладельческой собственности (6 632 785 дес. в 1877 г. и 6 635 657 дес. в 1905 г.), с одной стороны, и значительное сокращение земель у дворянства — с другой (с 4 873 783 дес. в 1877 г. до 2 803 777 дес. в 1905 г.), красноречиво свидетельствует о том, что дворянские имения массово стали переходить в собственность представителям других сословий, которые быстрее сориентировались в новой экономической ситуации, а также обладали необходимыми денежными капиталами, в первую очередь к купцам, мещанам, зажиточным крестьянам, крестьянским обществам и товариществам.

Отчетливо прослеживаемая тенденция к убыли дворянского землевладения во второй половине XIX в. в Среднем Поволжье была связана, в первую очередь, с тем, что реформа 1861 г.

⁵ Статистика землевладения 1905 г. СПб., 1906. Вып. 7. Казанская губерния. С. 10, 39; 1905. Вып. 12. Симбирская губерния. С. 10, 32, 33; 1906. Вып. 22. Пензенская губерния. С. 10, 37; Вып. 28. Самарская губерния. С. 10, 33.

⁶ Статистика землевладения 1905 г. СПб., 1906. Вып. 7. Казанская губерния. С. 10, 39; 1905. Вып. 12. Симбирская губерния. С. 10, 32, 33; 1906. Вып. 22. Пензенская губерния. 7, с. 10, 37; Вып. 28. Самарская губерния. С. 10, 33.

сняла все ограничения юридического характера в отношениях купли-продажи земельной собственности. Еще одним, не менее важным фактором сокращения дворянского землевладения стала неготовность, а зачастую и неспособность большинства помещиков перейти к капиталистическим формам хозяйственной деятельности, их хозяйственные комплексы изначально были ориентированы на использование бесплатного крестьянского труда, поэтому большинство помещиков не особо заботилось о модернизации своих экономий, а это, в свою очередь, постепенно привело к их технологической отсталости. После реформ середины XIX в., в условиях нарастающей конкуренции, отсутствия финансовых ресурсов, требуемых для модернизации производственной деятельности и оплаты труда вольнонаемных рабочих, поместные дворяне вынуждены были продавать свои земли.

В этих условиях мобилизационные процессы, проходившие в пореформенный период в дворянском землевладении, привели к тому, что земельный фонд поместного дворянства к началу XX в. значительно уменьшился: если в 1862 г. в Среднем Поволжье дворянству принадлежало 5615957 дес. земли (или 21,6 % всей площади региона), то уже к 1877 г. в собственности высшего сословия осталось 4873783 дес. земли (18,8 %), а к 1905 г. — всего 2803777 дес. (или 10,8 %). В итоге между 1862 и 1905 гг. дворянские земли сократились на 2812180 дес. (или на 50,1 %). При этом, процессы сокращения дворянского землевладения, в губерниях Среднего Поволжья, имели разнотемпный характер, процент сокращения дворянской земельной собственности сильно колебался от 28,1 % в Казанской губернии до 63,3 % в Самарской.⁷

Важно отметить, что показатели сокращения дворянского землевладения в целом по региону превосходят аналогичные общероссийские. Так, в 1862 г. дворянское землевладение в Европейской России составляло 87169 тыс. дес., к 1905 г. оно сократилось до 51248 тыс. дес., уменьшившись на 41 % [1, с. 54] против 50,1 % в Среднем Поволжье.

Правительство, видевшее в поместном дворянстве прочную опору на губернском и особенно на уездном уровне, довольно

⁷ РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 205а. Л. 13; Статистика землевладения 1905 г. СПб., 1906. Вып. 7. Казанская губерния. С. 12; 1905. Вып. 12. Симбирская губерния. С. 12; 1906. Вып. 22. Пензенская губерния. С. 12; Вып. 28. Самарская губерния. С. 12.

скоро осознало всю пагубность ситуации. С целью стабилизации положения уездного дворянства и дворянского землевладения в конце XIX в. было издано ряд законов. Так, в 1899 г. было принято Положение о временно-заповедных имениях, согласно которому потомственным дворянам было предоставлено право «учреждать из принадлежащих им как родовых, так и благоприобретенных земельных имуществ временно-заповедные имения».⁸ В 1901 г. принимается закон «Об отводе частным лицам казенных земель в Сибири».⁹ Данным положением подчеркивалось особое значение дворянского сословия в области укрепления власти и авторитета, выражалось особое доверие и надежда в его силы со стороны государства. Согласно данному акту в ряде сибирских губерний и генерал-губернаторств разрешались: 1) продажа казенных земель частным лицам для образования частных хозяйств; 2) отвод для той же цели указанных земель частным лицам в арендное пользование с правом их приобретения в собственность.¹⁰ Но указанные меры в итоге не спасли дворянское землевладение от сокращения, хоть и замедлили этот процесс.

Еще одним из путей выхода из данной ситуации, по мнению большинства, являлось создание системы кредитов под залог земли, ведь полученные деньги могли пойти на оплату труда вольнонаемных рабочих, закупку инвентаря, семян, сельскохозяйственных машин и оборудования, и в целом на модернизацию дворянских экономий. Но и данная мера также не дала требуемых результатов, напротив, привела к тому, что практически 2/3 земельной собственности находилось в залоге кредитных учреждений. Значительная часть заработанных денег уходила на выплату процентов. Многие землевладельцы, не справляясь с кредитами, продавали часть или имение целиком в целях ликвидации задолженностей. В этих условиях дворянское землевладение сократилось почти в двое.

В целом, наблюдаемые на протяжении пореформенного периода тенденции в изучаемой сфере позволяют сделать вывод о том, что в среде частного землевладения Среднего Поволжья шел

⁸ Положение о временно-заповедных имениях от 25.05.1899 г. // ПСЗ-3. Т. 19, № 16949. С. 529.

⁹ Об отводе частным лицам казенных земель в Сибири от 08.06. 1901 г. // ПСЗ-3. Т. 21, № 20338.

¹⁰ Там же. С. 614.

постепенный процесс перераспределения собственности. В качестве основного продавца земли при этом выступали дворяне землевладельцы, большинство из которых, не сумели приспособиться к ситуации, в которой требовались активность, трезвый расчет, умение подстроиться под постоянно меняющуюся рыночную конъюнктуру. В этих условиях они были вынуждены избавляться от земель, которые не могли содержать и обрабатывать. Таким образом, мобилизационные процессы, проходившие в среде частного землевладения Среднего Поволжья, привели к тому, что к началу XX в. поместное дворянство утратило половину принадлежавшей ему земельной собственности.

Библиографический список

1. Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России 1861–1904 гг. Состав, численность, корпоративные организации. М., 1979.

Roman V. Fedoseev

Doctor of Historical Sciences, the Mid-Volga Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (Russia, Saransk)

E-mail: *fedoseevrv@gmail.com*

The main indicators of the dynamics of noble landownership in the second half of 19th — early 20th century (on the materials of the Middle Volga region)

The paper is an analysis of the situation in the sphere of the noble land tenure of the Middle Volga region. The main reasons for the negative dynamics in this area are demonstrated. The author presents various numerical data confirming the conclusion that almost all the studied indicators had a pronounced negative trend.

Keywords: *noble land tenure, local nobility, land tenure mobilization, Middle Volga region*

Шумкин Георгий Николаевич
к.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН
(Россия, Екатеринбург)
E-mail: *shumk@mail.ru*

Ответы на технологические вызовы в оборонной промышленности: модель и ее апробация (на материале производства артиллерийских орудий в середине XIX — начале XX в.).

УДК 94(47).08

В работе рассматриваются особенности ответов на вызовы в производстве артиллерийских орудий в России в середине XIX — начале XX в. В 1860-х гг. использовались различные способы формулирования ответа. Позже военные ведомства стали выбирать стратегии копирования и кооперации. Они давали возможность сделать оптимальный выбор, а с другой стороны — предопределили догоняющий тип развития.

Ключевые слова: *технологические вызовы, военная промышленность, артиллерия, Россия*

В последнее время специфика социальных трансформаций часто анализируется в категориях «вызова» и «ответа». Особый интерес представляют технологические вызовы, так как прогресс, как правило, представляет собой цепочку ответов на вызовы конкурентов. Однако, простое приложение схемы «вызов — ответ» к изучаемым явлениям ничего, кроме дополнительной номинационной нагрузки, не дает. Формализованная модель «вызов — ответ» вводит описание в рамки строгого анализа, дает основание поставить вопрос, почему в этих условиях был выбран именно данный вариант ответа, проанализировать к каким результатам он привел; дает возможность сопоставить преимущества, недостатки и издержки каждого из альтернативных вариантов ответа.

Автором предложена схема анализа технологических вызовов и ответов [4]. Она включает два типа вызовов: 1) ситуация, когда еще ни одна страна не имеет удовлетворительного «ответа» технологический «вызов» (проблему), и та из них, которая решает задачу первой, получает преимущество в технике и технологиях; 2) наличие у потенциального (или явного) соперника инноваций, которые дают ему существенные преимущества (то есть имеются проблема и готовое решение); а также четыре варианта ответов:

1) создание своих оригинальных решений; 2) копирование иностранных технологий; 3) импорт готового продукта и 4) кооперация с иностранным производителем. Все четыре варианта возможны при вызовах второго типа; при первом — только первый и четвертый варианты ответа. В этой работе предпринимается попытка апробировать данную модель на материале производства артиллерийских орудий в России в середине XIX — начале XX вв.

Бомбардировка Кинбурна в конце Крымской войны французскими броненосными батареями показала, что сферические снаряды традиционной гладкоствольной артиллерии бессильны против корабельной брони. Поскольку состояние артиллерии во всем мире было примерно одинаковым, сложился технологический вызов первого типа. Наиболее остро, и как именно вызов, данная проблема воспринималась в России. По условиям Парижского мира она лишалась военного флота на Черном море, и ее столица с запада прикрывалась цепью береговых укреплений, которые оказывались бесполезны против новейших броненосцев. Дополнительным негативным фактором было состояние оружейного производства. Каменский и Верхнетурицкий заводы, выпускавшие чугунные орудия для крепостей и береговой обороны, из-за нестабильного качества продукции в 1857 г. лишились права изготавливать пушки «в наряд». 500 60-фунтовых чугунных пушек (первые орудия, специально спроектированные для борьбы с броненосцами) были заказаны шведским заводам Окер и Финспонг.

Данный вызов касался не только технологий в металлургии и металлообработке. Согласно критериям, предложенным К. И. Зубковым и С. А. Нефедовым [1; 2] (военная угроза, обусловленная особенностями геополитического положения страны, требующая комплексного ответа, предполагающего изменения параметров в различных сферах общества — технологической, военной, экономической и др.), относиться к так называемым большим вызовам. В процессе подготовки ответа (растянувшегося на 10 лет) кардинально изменилась структура производства: созданы новые предприятия; предприняты попытки перенести производство крупнокалиберных орудий береговой обороны с одних предприятий на другие: вначале (неудачно) — с Верхнетурицкого и Каменского заводов на Князе-Михайловскую фабрику, а затем (успешно) — на Пермские пушечные заводы и Обуховский завод.

Были пересмотрены правила размещения заказов, а также роль приемщиков на заводах, которые стали проходить специальную подготовку по металлургии и смежным дисциплинам. Большая научная работа была проведена артиллеристами (приемщиками и сотрудниками Артиллерийского комитета) и горными инженерами. Было исследовано сопротивление чугуна, бронзы и стали пороховому взрыву; создана теория движения в воздухе продолговатых вращающихся снарядов (Н. В. Маиевский); теория скрепления орудийных стволов кольцами (А. В. Гадолин); теория ликвации стали (Н. В. Калауцкий и А. С. Лавров). На основе этих работ были разработаны оптимальные конструкции орудий, технологические приемы, критерии и методики контроля качества продукции.

Но наиболее важные изменения произошли в технологии производства орудий. В конце 1850–1860-х гг. были перепробованы различные стратегии ответа: 1) собственные решения (производство орудий сваркой уклада (сырой стали), скрепление чугунных орудий железной проволокой, литье стальных орудий из шихты на основе чугуна, железа и магнитного железняка); 2) копирование иностранного опыта (изготовление железных орудий по образцу английских, стальных орудий по технологии А. Круппа, чугунных орудий по технологии Т. Родмана); 3) импорт готовых орудий (Крупп, Бергер, Варендорф); 4) кооперация с иностранным производителем (Крупп). Удовлетворительный ответ на вызов был сформулирован во второй половине 1860-х гг. Эффективным средством борьбы с броненосцами оказались крупнокалиберные (от 8 дюймов и выше) казнозарядные нарезные орудия, отлитые из стали или чугуна и скрепленные стальными кольцами [3].

Наиболее успешными оказались стратегии копирования — если удовлетворительное решение уже было (например, США предоставили технологию литья крупнокалиберных чугунных орудий); а также кооперация — если такового еще не было (тип стального орудия был выработан в сотрудничестве с Круппом). Что касается других вариантов ответа — поиск самостоятельного решения и импорт готового изделия; то, как показал опыт Князе-Михайловской фабрики и первых лет работы Обуховского и Пермского сталепушечного заводов, первый вариант был сопряжен со значительными финансовыми издержками без гарантии

результата, а второй ставил страну в прямую зависимость от иностранного производителя.

В дальнейшем оборонные ведомства России, сталкиваясь с ситуацией вызова в сфере артиллерийского вооружения (разработка систем «дальнобойных» орудий после Франко-прусской войны, переход на бездымные пороха в 1880–1890-е гг., появление скорострельной артиллерии в конце XIX — начале XX вв., усиление броневой защиты), как правило, формулировали ответ на основе кооперирования и/или копирования. Военное ведомство разрабатывало проект или технические условия, иностранный производитель изготавливал опытные образцы и выполнял первые заказы, а затем производство переносилось в Россию; либо иностранный производитель продавал техническую документацию, а производство организовывалось в России. Но для того, чтобы реализовать данные схемы, необходимо было дождаться, пока кто-либо из иностранных производителей не предлагал решения проблемы. То есть стратегия «догоняющего» развития выбиралась сознательно.

Она была обусловлена мотивами экономической целесообразности. Самостоятельное решение проблемы было оправдано тогда, когда продукт планировалось продавать большому числу покупателей на мировом рынке (так действовали частные военно-промышленные компании Круппа, Виккерса, Армстронга и др.); либо когда техническая проблема связывалась с геополитическими вызовами, когда цель (сохранение суверенитета или статуса великой державы) казалась несопоставимо важнее затраченных усилий. А поскольку вплоть до 1910-х гг. (до строительства дредноутов) технико-технологические проблемы в изготовлении артиллерийского вооружения не воспринимались как серьезная угроза национальной безопасности, которая потребовала бы мобилизации значительных ресурсов и трансформации системы производства артиллерийского вооружения (то есть не рассматривались как большой вызов), расходы весьма ограниченных средств бюджета на масштабные научные исследования и конструкторские разработки рассматривались как избыточные. Приобретение готовых технологий и документаций было экономичнее собственных разработок. В 1870-х гг. еще велись работы по разработке оригинальной технологии производства «дальнобойных» орудий из сталистой бронзы — она казалась надежнее и экономичнее производства орудий из стали, но после того, как

Крупп в 1877 г. предложил свой готовый вариант «дальнобойной» артиллерии, эти работы были свернуты.

С этого времени военные ведомства ориентировались на стратегии копирования или кооперации. В начале XX в. кооперационные связи с иностранными производителями усилились. В частном секторе это сотрудничество привело к прямым иностранным инвестициям и установлению непосредственного контроля зарубежных фирм над предприятиями военной промышленности, что предоставляло иностранному контрагенту возможность влиять на принятие решений. Например, контролировавшееся Виккерсом РОАЗ (Российское общество артиллерийских заводов), которое по договору с российским правительством должно было построить в Царицыне завод по производству крупнокалиберных морских пушек, потребовало прекратить аналогичные работы на казенном Пермском заводе [9, с. 122].

Сознательный выбор стратегии копирования и/или кооперирования минимизировал потери, связанные с ошибочными техническими решениями, но при этом предопределял догоняющий характер развития. Недостатки данной стратегии формулирования ответов на вызовы в сфере производства артиллерийских систем наглядно показала Первая мировая война. После революции 1917 г. последовательно проводился курс на самостоятельное решение технико-технологических и производственных проблем.

Библиографический список

1. Зубков К. И. Евразийский вызов в формировании Российской цивилизации // Уральский исторический вестник. 2018. № 2. С. 13–21.
2. Нефедов С. А. Большие вызовы в истории России // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация России в XVIII–XXI вв.: материалы XIII всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2018. С. 73–85.
3. Поликарпов В. В. Виккерс на Волге (1913–1917 гг.). // Вопросы истории. 1995. № 7. С. 121–132.
4. Шумкин Г. Н. Технологические «вызовы» и «ответы» в оборонной промышленности: теоретическая модель // Органы государственной безопасности на защите отечества. XI военно-исторические чтения, посвященные 100-летию Управления ФСБ России по Свердловской области. Екатеринбург, 2018. С. 283–289.
5. Шумкин Г. Н. Трансформация системы производства артиллерийских орудий на Урале в конце 1850–1860-х гг. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2016. № 4. С. 202–217.

George N. Shumkin

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and
Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: *shumk@mail.ru*

**Responses to technological challenges in the
defense industry: the model and its approbation
(on the material of production of artillery
in the mid-19th — early 20th centuries)**

The paper discusses the specifics of responses to the challenges in the production of artillery in Russia in the mid-19th — early 20th centuries. In the 1860s, different ways of formulating a response were used. Later, the military authorities began to choose a strategy of copying and cooperation. It gave an opportunity to make the best choice, but predetermined the catching-up type of development.

Keywords: *technological challenges, military industry, artillery, Russia*

МОБИЛИЗАЦИЯ И МОДЕРНИЗАЦИЯ КАК ФАКТОРЫ СОВЕТСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Алёткина Екатерина Юрьевна

магистрант, Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова (Россия, Москва)

E-mail: *sun_shine1996@mail.ru*

Динамика и дифференциация заработной платы в советской нефтедобывающей промышленности в 1950–1980-х гг. (по материалам промышленного объединения «Татнефть»)

УДК 94(470)

Заработная плата является важным фактором материального стимулирования работников и мотивационным механизмом трудовой активности. Изучаемые динамические ряды охватывают более чем 30-летний период. На основе привлеченных архивных и опубликованных материалов прослежена динамика оплаты труда и ее основные тренды, проверена гипотеза о конвергенции заработных плат основных категорий работников добывающей промышленности.

Ключевые слова: *мотивация труда, стимулирование труда, социальная политика, «Татнефть», заработная плата, нефтяная промышленность*

В последнее десятилетие в изучении социально-экономической истории актуальным сюжетом стало изучение эволюции системы мотивации труда в дореволюционной и советской промышленности. Успешные мероприятия по материальному стимулированию работников способствуют не только росту эффективности производства, но также и повышению благосостояния людей. В докладе проводится анализ такого важного элемента материального стимулирования труда как заработная плата, ее дифференциация на предприятиях объединения «Татнефть», созданного в 1950 г. в соответствии с Постановлением Совета министров СССР «О мероприятиях по ускорению добычи нефти в Татарской АССР». Создание в короткие сроки этого крупного

производственного комплекса внесло заметный вклад в преодоление дефицита страны в нефтепродуктах и энергоресурсах.

Источниковую базу исследования составляет широкий круг документов и материалов, которые можно разделить на несколько групп. В архивных документах, находящихся на хранении в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ) и в Национальном Архиве Республики Татарстан (НА РТ), отражены основные сведения о заработной плате различных категорий работников «Татнефти». Эта информация представлена в виде сводных годовых отчетов и прилагавшихся к ним объяснительных записок. Особый интерес в таких отчетах представляют документы Планового отдела и Отдела организации труда, технормирования и заработной платы. В опубликованных источниках также имеются данные о зарплате работников Объединения, однако они являются достаточно общими. В то же время благодаря опубликованному статистическому сборнику «Труд в СССР» мы можем сравнить зарплату по «Татнефти» с общесоюзными показателями в промышленности. Большая часть привлеченных материалов впервые вводится в научный оборот.

В исследовании предпринята попытка восполнить пробел в историографии в изучении проблем динамики заработной платы в промышленности СССР по категориям занятых (с учетом партийно-правительственной политики в области материального стимулирования труда). Нами были рассмотрены следующие вопросы:

1. Как изменялась в динамике средняя зарплата двух основных категорий работников «Татнефти» — рабочих и ИТР?
2. Как зарплата этих категорий работников «Татнефти» соотносилась с зарплатой этих категорий в нефтедобывающей промышленности по РСФСР и в целом по промышленности СССР?
3. Как изменялась зарплата работников «Татнефти» с изменениями значений производственных показателей этого Объединения?

На основе данных Центрального статистического управления по СССР в целом и московских промышленных предприятий — завода «Серп и Молот» и Трехгорной мануфактуры — выдвинута гипотеза о конвергенции заработных плат в добывающей промышленности.

Статистический анализ динамических рядов средней заработной платы рабочих и ИТР «Татнефти» показал отсутствие сходимости

этих рядов, что не соответствует выявленной ранее на материалах московских промышленных предприятий тенденции к схожести аналогичных рядов в 1970-х гг. Более того, на московских предприятиях наблюдалась тенденция к превышению средней зарплаты рабочих над средней зарплатой ИТР (что, в целом, отражало курс руководства страны к выравниванию уровней оплаты труда). Видимо, специфика нефтедобычи характеризовалась дефицитом квалифицированных работников, для привлечения которых требовалось платить им больше.

В работе рассматриваются все три поставленных вопроса. Результаты статистического анализа архивных и опубликованных материалов по динамике зарплаты на предприятиях «Татнефти» и ее факторов могут расширить имеющиеся представления о политике в области заработной платы на предприятиях нефтедобывающего сектора советской промышленности в период, предшествовавший подъему «Большой нефти».

Ekaterina Yu. Aletkina

Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow)

E-mail: sun_shine1996@mail.ru

**Dynamics and differentiation of wages
in the Soviet oil industry in the 1950s–1980s
(on the materials of “Tatneft” industrial enterprises)**

Wage is an important factor of material stimulation of employees and motivation mechanism of labor activity. The studied time series cover more than 30 years. On the basis of archival and published documents, the author traces wage dynamics and its main trends, testing the hypothesis of the wages convergence of main categories of workers in the extractive industry.

Keywords: *labor motivation, labor stimulation, social policy, “Tatneft”, wages, oil industry*

Андреенков Сергей Николаевич

к.и.н., Институт истории СО РАН (Россия, Новосибирск)

E-mail: *andreenkov_sn@mail.ru*

Производство зерна в Новосибирской области в 1990-е гг.¹

УДК 94(571.14) «1990/2000»

Проанализированы показатели развития производства зерна в Новосибирской области в 1990-е гг. (динамика посевных площадей и урожайности зерновых культур, валовые сборы зерна), а также факторы, способствующие их росту / понижению. Изменения в зерновом хозяйстве сопоставлены с тенденциями его развития в 1980-е гг. Установлено, что в 1990-е гг. в зерновом хозяйстве преобладали регрессивные процессы.

Ключевые слова: *аграрные реформы 1990-х гг., производство зерна, сельскохозяйственные предприятия, агротехника, Новосибирская область*

Научно-историческое изучение проблем развития сельскохозяйственного производства необходимо для выявления и объективной оценки результатов аграрной политики государства, в том числе и аграрных преобразований 1990-х гг. — одной из актуальных в настоящее время тем для исследований. Анализ эволюции сельхозпроизводства может принести весомые плоды при опоре на изучение истории развития агропромышленного комплекса (АПК) отдельных территорий.

К числу регионов, исследование АПК которых позволит лучше понять общероссийские аграрно-производственные процессы, относится Новосибирская область. По объему выпуска сельхозпродукции она входит в десятку субъектов Российской Федерации. Базовой специализацией АПК региона является производство зерна. В исследовании проанализировано развитие этой отрасли в 1990-е гг. через выявление изменений в посевных площадях зерновых и зернобобовых культур, агротехнике, валовом производстве зерна, урожайности и качественных характеристиках зерновых. Параметры развития и функционирования зернового хозяйства рассматриваются в хронологическом, административно-территориальном, отраслевом и организационно-производственном разрезах.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-49-540001 и Правительства Новосибирской области.

Накануне постсоветских аграрных преобразований производство зерна в колхозах и совхозах развивалось в соответствии с тенденциями, обозначившимися во второй половине 1960-х гг. Так, в Новосибирской области с 1965 по 1990 г. продолжалось сокращение посевов зерновых культур (уменьшились на четверть) на фоне роста посадок кормовых (увеличились на треть). В структуре посевных площадей зерновых уменьшалась доля пшеницы и увеличивался удельный вес «второстепенных» хлебов (ячмень, рожь, овес, просо, зернобобовые), использовавшихся на фуражные цели. В 1965 г. в Новосибирской области пшеница занимала 74 % посевов всех зерновых, в 1990 г. — 59%.² Среднегодовое производство зерна, сократившись в 1981–1985 гг. на 8 % к уровню 1976–1980 гг., в 1986–1990 гг. пошло в рост, увеличившись на 7 %. Урожайность зерновых в десятой, одиннадцатой и двенадцатой пятилетках составляла соответственно 11,1, 10,8 и 12,4 ц/га.³ Факторами снижения производства хлебов являлись неблагоприятные метеорологические условия и большие потери зерна при его уборке, транспортировке и хранении, а причинами роста — благоприятствование погоды, развитие интенсивных технологий (комплексное применение средств химизации, мелиорация, механизация, передовые приемы агротехники, организации и оплаты труда), высокий уровень квалификации работников. Почти все руководители хозяйств имели высшее и среднее специальное сельскохозяйственное образование.

В результате экономических преобразований 1990-х гг. производителями зерновых культур стали акционерные общества и товарищества (де-факто переименованные колхозы и совхозы), а также крестьянско-фермерские хозяйства (КФХ). Крупные хозяйства (крупхозы) превосходили КФХ по всем параметрам. В 1995 г. на долю крупхозов приходилось 94 % посевов зерновых культур и 93 % всего реализованного потребителям зерна. В конце десятилетия удельный вес акционерных обществ и товариществ в зерновом производстве уменьшился, но незначительно — в 1999 г. до 93 и 92 % соответственно.⁴

² Народное хозяйство РСФСР в 1971 г.: стат. ежегодник. М., 1972. С. 150, 152; Сельское хозяйство России в 1998 г.: стат. сб. М., 1998. С. 203, 209.

³ Российский статистический ежегодник. 1998. М., 1998. С. 462, 464.

⁴ Сельское хозяйство Новосибирской области в 1996–2000 гг.: стат. сб. Новосибирск, 2001. С. 9, 11, 22, 23.

В 1990-е гг. ключевые показатели развития производства зерна существенно снизились. Сократились посевные площади зерновых культур. В Новосибирской области за десятилетие они уменьшились на 16 %. При этом доля пшеницы в структуре посевов зерновых возросла с 59 % в 1990 г. до 75 % в 1999 г. Масштабы выращивания «второстепенных» хлебов на фуражные цели и в целом комовых культур стали меньше из-за сильной деградации животноводческого производства. Хотя в 1997 г. наблюдалось повышение спроса на рожь. Ей заинтересовались, в частности, предприятия, производящие спирт и спиртные напитки. Использование ржи в качестве сырья для выработки этилового спирта оказалось экономически выгодным. Но в целом к уменьшению удельного веса пшеницы в посевах и росту производства зерна всплеск внимания ко ржи не привел. Валовые сборы хлебов сокращались. В 1991–1995 гг. среднегодовые объемы их производства к уровню 1986–1990 гг. составили 90 %, в 1996–2000 гг. — 79 %. Урожайность зерновых в среднем в первой постсоветской пятилетке составила 10 ц/га, во второй — 13 ц/га.⁵

На продуктивность полей по-прежнему существенное влияние оказывала погода. Неблагоприятные метеоусловия обусловили неурожай 1994, 1996, 1998 и 1999 гг. В сентябре 1994 г. в связи с сильной летней засухой на территории семи районов области (Баганский, Карасукский, Купинский, Сузунский, Татарский, Усть-Таркский, Черепановский) было даже объявлено чрезвычайное положение. Благоприятные для развития сельского хозяйства погодно-климатические условия сложились в 1991, 1992, 1995 и 2000 гг.

Интенсивные технологии развития производства зерна в полном объеме и в должном виде не использовались. Кадровый потенциал сельского хозяйства существенно сократился, особенно в районах, расположенных далеко от центра. С 1991 по 1997 гг. в области сменилось 2/3 глав предприятий, а в отдаленных Венгеровском, Кыштовском и Куйбышевском районах — 98 %. В 1997 г. высшего образования не имели 40 % руководителей хозяйств и 50 % главных агрономов.⁶ Подавляющее большинство сельхозпредприятий не располагало средствами

⁵ Сельское хозяйство России в 1998 г... С. 203, 209, 244, 248; Сельское хозяйство Новосибирской области... С. 9, 13, 20; Советская Сибирь. 1997. 4 сент.

⁶ Советская Сибирь. 1997. 6 дек.

для приобретения гербицидов, удобрений, агрегатов для их применения. С 1995 по 2000 г. количество машин для внесения в почву минеральных и органических удобрений уменьшилось в два раза. В связи с этим хозяйствам рекомендовалось для сохранения и восстановления плодородия почвы и борьбы с сорняками использовать посеы трав и чистые пары. Низким было качество семенного материала. В январе 1997 г. в 16 районах области всхожесть семян пшеницы составляла 50–60 %, около 30 % семенного зерна было поражено различными болезнями. Стандартам качества не соответствовала большая часть семян.⁷

Ощущалась нехватка посевной и уборочной техники. В 1995–2000 гг. число тракторов и зерновых комбайнов сократилось более чем на четверть, плугов общего назначения, борон и сеялок — на треть. Пары обрабатывались неудовлетворительно, поля зарастали сорняками. Сильный вред посевам наносил осот. Особо засоренные участки хлебной нивы пытались убирать отдельным способом. Валки до наступления холодов зачастую подбирать не успевали. В 1996 г. из-за этого под снег ушло 300 тыс. га посевов зерновых культур. В целом потери зерна при уборке возросли на 15–20 %.⁸

В связи с деградацией отечественного сельхозмашиностроения дефицит техники предполагалось компенсировать за счет ее приобретения за границей. Поступлению в регион иностранных машин содействовало областное руководство. Так, 17 января 1997 г. глава обл. администрации В. П. Муха провел закрытую встречу с директором германской фирмы GLAAS Д. Дюрингером, на которой обсуждался вопрос о закупке крупной партии сельхозтехники, обеспечивающей полный цикл работ от почвообработки и внесения удобрений до уборки урожая и переработки сельхозпродукции.⁹

Дорогостоящую импортную технику могли приобрести далеко не все хозяйства. Для обеспечения ею малодоходных акционерных обществ и фермерских хозяйств создавались машинно-технологические станции (МТС), работающие за натуроплату. МТС появились в Карасукском и Краснозерском районах. Созданная

---

⁷ Там же. 22 янв.

⁸ Там же. 5 июня.

⁹ Там же. 21 янв.

в апреле Краснозерская МТС должна была осуществлять более 10 видов операций, в частности внесение в почву удобрений, агрохимическую обработку поля, косовицу хлебов, транспортировку грузов, вспашку. Летом в МТС области поступили зерноуборочные комбайны марки «Доминатор» от GLAAS. Однако услуги МТС оказались дорогими, доставка техники до хозяйств, как правило, находящихся в десятках километрах от станций, потребовала больших расходов. Сельхозпредприятия стремились обзавестись собственными сельхозмашинами, что также было недешево.¹⁰

Таким образом, в 1990-е гг. в зерновом хозяйстве Новосибирской области наблюдались в основном регрессивные процессы, качественные и количественные показатели развития отрасли снизились. Технологические факторы, способствовавшие росту валовых сборов и урожайности хлебов, существенно ослабли. Выделить какие-либо позитивные результаты преобразований в сфере производства зерна весьма сложно.

Sergey N. Andreenkov

Candidate of Historical Sciences, Institute of History,
Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)

E-mail: *andreenkov_sn@mail.ru*

Grain production in Novosibirsk region in the 1990s

The article analyzes indicators of grain production development in Novosibirsk region in the 1990s (dynamics of acreages and grain yield, gross grain harvest), as well as factors contributing to their growth and decline. It compares changes in the grain industry with the trends of its development in the 1980s, and concludes that regressive processes were dominant in the 1990s.

Keywords: *1990s agrarian reforms, grain production, agricultural enterprises, agricultural machinery, Novosibirsk region*

---

¹⁰ Там же. 1997. 26 март; 25 июн.; 2, 30 сент.

Баканов Сергей Алексеевич
д.и.н., Челябинский государственный университет
(Россия, Челябинск)
E-mail: *bakanov-s@mail.ru*

**Уровень благосостояния советского населения
в годы семилетки в оценках Госэкономсовета
и Центрального статистического управления СССР**

УДК 93/94

В докладе проанализированы статистические данные об уровне благосостояния населения СССР в конце 1950-х — начале 1960-х гг., отраженные в плановых документах и докладах Центрального статистического управления (ЦСУ) СССР. Автор приходит к выводу, что социально-экономические реформы периода семилетки не смогли полностью решить проблему бедности, а провал в деле изменения структуры потребления продуктов питания привел к уменьшению норм потребления.

Ключевые слова: уровень жизни, благосостояние населения в СССР, борьба с бедностью, потребление продуктов питания, обеспеченность жильем

Экономическая и социальная политика «постсталинского» СССР сегодня прочно ассоциируется и историографией, и широкой общественностью с периодом резкого и, самое главное, качественного роста благосостояния населения СССР. Преодоление последствий войны, голода, успехи советской науки, массовое строительство жилья, распространение бытовой техники, сокращение рабочей недели и т. п. делают «хрущевское» десятилетие своеобразной «эрой процветания» советской экономики. Череда несомненных успехов позволила руководству страны возлагать большие надежды на реализацию «Генеральной перспективы развития народного хозяйства СССР на период до 1980 г.», первым этапом которой должны были стать задания семилетки, и даже включить числовые показатели уровня благосостояния граждан в качестве индикаторов в третью Программу КПСС. Причем сами эти цифры не «брались с потолка», а были «научно обоснованы» Госпланом, Госэкономсоветом и Центральным статистическим управлением СССР. Между тем, детальное изучение документов этих учреждений открывает гораздо более пеструю и неоднозначную картину положения с благосостоянием трудящихся в СССР на рубеже 1950–1960-х гг.

Реальный уровень благосостояния граждан в СССР к концу 1950-х гг. оставался еще достаточно низким, особенно в сравнении с капиталистическими странами, и это несмотря на ряд вполне успешных социальных преобразований, совершенных «коллективным руководством» после смерти И. В. Сталина. Г. М. Иванова, исследовавшая материальное благосостояние советских граждан 1950-х гг., показала, что одной из наиболее проблемных зон в этой сфере являлась высокая доля рабочих и служащих, получающих заработную плату существенно ниже среднего уровня по народному хозяйству (менее 699 руб. в месяц). В 1954 г. доля тех, кто получал менее 500 руб. в месяц составляла 42,6 % от числа всех рабочих и служащих, или 18,5 млн человек. В результате социально-экономических преобразований за следующие четыре года (к 1958 г.) доля этой категории населения сократилась довольно существенно на 7,6 % [1, с. 139, 143]. Успех несомненный, но означающий, что 35 % горожан к концу 1950-х гг. продолжали оставаться на крайне неблагоприятных позициях. У жителей же села среднемесячный заработок в этот период находился в принципе ниже этой, впрочем, довольно условной отметки.

К 1960 г. по данным выборочных бюджетных обследований, проводившихся ЦСУ СССР, средний доход на душу населения в семьях рабочих составил 753 руб. в год, служащих — 884 руб., рабочих совхозов — 487 руб., колхозников — 406 руб. При этом семей с душевым доходом менее 600 руб. в год (менее 50 руб. в месяц) среди рабочих насчитывалось 37 %, а у колхозников — 76 %.¹ К 1964 г. в сопоставимых ценах средний душевой доход членов семей рабочих поднялся до уровня в 824 руб. в год, служащих — 965 руб., рабочих совхозов — 554 руб., колхозников — 498 руб. По семилетнему плану реальные доходы населения должны были увеличиться за первые шесть лет на 33 %, однако по оценке ЦСУ СССР, средний душевой доход вырос за этот период только на 25 %, в том числе у рабочих и служащих на 14 %, а у колхозников на 33 %.² Доля рабочих семей с душевым доходом менее 50 руб. в месяц уменьшилась до 25 %, а семей колхозников до 58 %, ³ что при пересчете в сопоставимых ценах 1958 г., дает феноменальное снижение бедности за первые шесть лет семилетки сразу на 12 %

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 381. Л. 206., 9.

² Там же. Д. 822. Л. 4.

³ Там же. Л. 7.

для рабочих и на 18 % для колхозников. К сожалению, по другим категориям трудящихся в доступных отчетах ЦСУ данные не приводятся. Успех несомненный, но, тем не менее, демонстрирующий масштаб проблемы. Четверть семей рабочих и более половины колхозников к середине 1960-х гг. продолжали оставаться относительно бедными слоями советского населения. Если же оценивать только самые беднейшие слои населения (семьи, где душевой доход составлял менее 35 руб. в месяц) то, по подсчетам ЦСУ СССР в 1964 г. таких семей имелось в стране около 7 млн с населением примерно 32 млн человек (10 млн в семьях рабочих и 22 млн колхозников) или 14 % населения страны.⁴

Таблица 1

**Уровень потребления продуктов питания
в год на душу населения**

	1958 (факт)		1964 (факт)		1965 (план)	
	годовое потребление	% к научно-обоснованным нормам	годовое потребление	% к научно-обоснованным нормам 1959 г.	годовое потребление	% к научно-обоснованным нормам
Мясо, кг	32,7	38,5 %	37	43,6 %	64	75,3 %
Молоко, кг	238	48,9 %	232	48,2 %		
Рыба, кг	11,5	61,8 %	12,1	65,0 %	15,1	81,2 %
Яйца, шт.	113	28,7 %	111	28,2 %	142	36,0 %
Сахар, кг	25,4	59,1 %	33,2	77,2 %	36,3	84,0 %
Фрукты и ягоды, кг	10,6	10,0 %	26	24,5 %	34,7	32,8 %
Хлебопродукты, кг	172,8	144,0 %	156	130,0 %	152,3	126,9 %
Картофель, кг	143	138,8 %	142	137,8 %	117	113,6 %
Овощи и бахчевые, кг	74	48,7 %	70	46,1 %	133	87,5 %

Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 71. Л. 5–9; Ф. 1562. Оп. 41. Д. 822. Л. 10б.

Еще одним важным показателем уровня благосостояния населения может служить потребление продуктов питания.

⁴ Там же. Л. 190б.

Госэкономсовет СССР в 1959 г., опираясь на нормы, утвержденные Институтом питания Академии медицинских наук СССР, разработал плановые задания по данному направлению до конца семилетки. Эти задания предполагали существенные сдвиги в структуре питания населения. В частности, картофель и хлебобродукты должны были постепенно вытесняться и замещаться в структуре питания возрастающим потреблением мяса, рыбы, овощей и фруктов. Из табл. 1 видно, что плановые задания на конец семилетки оказались невыполненными по всем группам товаров. Потребление мяса и рыбы лишь незначительно превысили уровень конца 1950-х гг., по молоку, яйцам и овощам ситуация даже несколько ухудшилась, картофель сохранил свое значение в рационе, и только по потреблению сахара и фруктов наблюдался определенный рост. Высокое потребление хлебобродуктов, характерное для относительно бедных обществ, сокращалось, но темпы этого сокращения отставали от плановых.

Очевидный провал в деле обеспечения научно-обоснованных норм потребления продуктов питания в годы семилетки привел к пересмотру в 1965 г. ранее принятых Академией медицинских наук СССР научных норм потребления в сторону их уменьшения и приближения к советским реалиям. Так нормы потребления мяса уменьшились на 9 %, молока — на 14 %, яиц — на 30 %, сахара — на 18 %, фруктов и ягод — на 39 %, овощей — на 14 %. При этом рост был только по рыбе — на 7,5 %, а также по картофелю — на 23 % и хлебу — на 8 %.⁵ Сам этот факт, а, особенно, рост двух последних позиций наглядно демонстрируют неспособность власти радикально модернизировать структуру потребления продуктов питания.

Если с продовольствием проблемы оказались неисправимыми, то в потреблении товаров долговременного использования ситуация, несомненно, улучшалась. Продажи населению телевизоров выросли с 912 тыс. штук в 1958 г. до 2704 тыс. штук в 1964 г. (на 296 %), холодильников с 341 тыс. шт. до 1042 тыс. штук (на 306 %), стиральных машин с 513 тыс. штук до 2769 тыс. штук (на 540 %).⁶

⁵ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 822. Л. 10б.; Ф. 7. Оп. 3. Д. 132. Л. 4–5; Д. 71. Л. 5–9.

⁶ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 822. Л. 20б.

Таблица 2

**Объем жилищного строительства в СССР
в годы семилетки**

	1959	1960	1961	1962	1963	1964
Построено жилья, <i>млн кв. м</i>	80,7	82,8	80,2	80,5	79,3	74,6
Всего лиц, получивших жилплощадь, <i>млн чел.</i>	13,3	12,8	12,1	11,8	11,5	10,7

Источник: РГАЭ. Ф.1562. Оп.41. Д.822. Л. 20б.

Олицетворением роста благосостояния советских граждан стала реализация хрущевской жилищной программы. Небывалые объемы жилищного строительства в годы семилетки (см. табл. 2) позволили улучшить жилищные условия для 72 млн человек. Однако, при этом, темпы ввода нового жилья год от года снижались, а вместе с ними снижалось и количество счастливицков, получивших новую квартиру.

Таким образом, общие итоги борьбы партии и правительства за повышение благосостояния трудящихся страны в годы семилетки оказались довольно противоречивыми. Успехи в социальной политике были очевидными, но далеко не полными. Практически в каждой из сфер происходили положительные изменения, но темпы этих преобразований заметно отставали от запланированных, что ставило под вопрос как само качество планирования, так и исполнимость уже утвержденных планов. Доклады ЦСУ СССР, с одной стороны, позволяли руководству страны оценить эффективность проводимых реформ, а, с другой, выступали в качестве «холодного душа» для наиболее «горячих голов» в Политбюро.

Библиографический список

1. Иванова Г. М. Проблема материального благосостояния населения СССР и стратегия социального реформирования в 1950-е гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16, № 3. С. 137–145.

Sergei A. Bakanov

Doctor of Historical Sciences, Chelyabinsk State University
(Russia, Chelyabinsk)

E-mail: *bakanov-s@mail.ru*

**The welfare level of the Soviet population
in the years of *semiletka* in assessments
of the State Economic Council and the Central
Statistical Administration of the USSR**

The report analyzes statistical data on the welfare level of the USSR population in the late 1950s – early 1960s, as reflected in the planning documents and reports of the Central Statistical Administration of the USSR. The author concludes that socio-economic reforms of the seven-year plan failed to eliminate the poverty. The failure in changing the structure of food consumption led to a decrease in consumption rates.

Keywords: *standard of living, USSR population welfare, poverty alleviation, food consumption, housing*

Бедель Александр Эмануилович

к.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН
(Россия, Екатеринбург)

E-mail: *bedel54@mail.ru*

**Обогащение урана: проблемы и решения
отечественной науки и промышленности**

УДК 94(47)

В истории отечественной атомной промышленности одним из самых существенных достижений по праву считается создание и развитие двух методов разделения изотопов урана — газодиффузионного и газоцентрифужного. Показано, что для решения этой задачи был необходим ряд условий: правильно определить направление научного поиска, позволяющего заложить основы практических действий, осуществить огромный комплекс работ по проектированию, техническому оснащению и освоению производства.

Ключевые слова: *атомный проект, газовая диффузия, газовая центрифуга, разделительное производство*

История советского атомного проекта освещена во многих публикациях, особенно появившихся в последние годы [4, с. 492–513]. Мы уделим внимание лишь работе ученых и инженеров,

связанной с проблемой разделения изотопов урана. Руководителями коллективов, которые были привлечены И. В. Курчаковым к решению проблем разделения изотопов урана, стали будущие академики И. К. Кикоин и Л. А. Арцимович. Сотрудники И. К. Кикоина сравнили возможности методов разделения: термодиффузии, газовой диффузии и центрифугирования. Л. А. Арцимовичу были поручены работы по осуществлению электромагнитного метода. Определяющую роль в выборе метода разделения изотопов сыграли материалы по британскому атомному проекту, поступившие по линии разведки. Опубликованный в 1945 г. отчет Г. Д. Смита по Манхэттенскому проекту «решительно и бесповоротно подкрепил и нашу позицию при выборе газодиффузионного метода» [7, с. 20].

Чтобы газодиффузионная технология могла стать промышленным производством и надежно обеспечивала наработку высокообогащенного урана-235 оружейной кондиции, в стране необходимо было решить комплекс научных, технических и производственных задач. Конструкторам — правильно выбрать концепцию конструкции диффузионной машины (первичной ступени разделительного процесса). Требовалось обеспечить: ее высокую надежность, технологичность для крупносерийного производства, ремонтпригодность и взаимозаменяемость всех узлов и деталей; коррозионную стойкость в условиях непрерывной работы с высокоагрессивным радиоактивным газом гексафторидом урана; хороший КПД сверхзвукового компрессора и электродвигателя; вакуумную плотность и исключить попадание в вакуумный объем не только воды, но и небольшого количества влаги в течение всего периода эксплуатации; создать пористые перегородки (фильтры) и тонкую технологию их производства. В течение нескольких лет эксплуатации перегородки не должны терять своих разделительных свойств, их поры (а это десятые и сотые доли микрометра) не должны забиваться под воздействием агрессивного газа и продуктов его разложения, пыли и прочее [7, с. 26, 27].

На основе исследования процесса становления газодиффузионной технологии производства высокообогащенного урана, стало очевидно, что возлагавшиеся на него надежды первоначально не оправдали себя. Эта технология не получила в конце 1940-х гг. адекватной реализации из-за трудностей в конструировании диффузионных машин и изготовления основной детали — фильтров.

В 1946–1953 гг. специалистами Особого конструкторского бюро Ленинградского Кировского завода (ОКБ ЛКЗ) и ОКБ Горьковского машиностроительного завода (ГМЗ) было разработано 16 типоразмеров диффузионных машин, которые серийно применялись в промышленности [7, с. 93].

К началу 1953 г. на уральских диффузионных заводах комбината № 813 (Уральский электрохимический комбинат, г. Новоуральск Свердловской обл.) в непрерывном режиме работало около 15 тыс. диффузионных машин, которые потребляли мощность около 250 тыс. кВт. С вводом завода Д-5 в 1958 г. комбинат № 813 потреблял примерно 800 МВт или около 7 млрд кВт.ч/год, что составляло около 3 % электроэнергии, производимой в СССР [2, с. 75].

В 1950-е гг. газодиффузионная технология была успешно освоена, мощность разделительных заводов постоянно возрастала. Построены комбинаты в Сибири: Сибирский химический комбинат (СХК, г. Северск Томской обл.), Ангарский электролизный химический комбинат (АЭХК, г. Ангарск Иркутской обл.), Электрохимический завод (ЭХЗ, г. Зеленогорск Красноярского края).

Недостатки диффузионного оборудования были слишком существенными — огромное потребление электроэнергии. Электростанции, которые в то время назывались «великими стройками коммунизма», строились не для нужд народного хозяйства, а прежде всего для обеспечения диффузии. В сентябре 1959 г. на АЭХК была пущена ТЭЦ электрической мощностью 1,1 ГВт — одна из мощнейших в стране. Решение о строительстве теплоэлектроцентрали, призванной обеспечить производственные мощности электроэнергией, теплом и охлажденной водой, было принято еще в марте 1954 г., когда стало ясно, что мощностей Иркутской и Братской ГЭС будет недостаточно для снабжения строящегося комбината [1, с. 12].

Линии электропередач 500 кВ с Братской ГЭС и трансформаторы на ГПП-1 до сих пор не имеют аналогов в мировой электротехнической практике.

По некоторым сведениям, американцы на свою диффузию тратили до 10 % от общей выработки электроэнергии США.¹

В стране росла потребность в обогащенном уране для создания мощного ядерного щита и развития мирной атомной энергетики.

¹ Зарубки от войны // Атом-пресса. 2005. № 6 (638). С. 4.

Эта задача была решена путем освоения центрифужной технологии разделения изотопов урана. Вопрос о реализации этого метода в промышленном масштабе решался далеко не просто. Работы по газоцентрифужной тематике в Советском Союзе начал немецкий ученый Фриц Ланге. После прихода к власти Гитлера Ф. Ланге решил эмигрировать. В 1934 г., по предложению директора Украинского физико-технического института (УФТИ) А. И. Лейпунского, он переехал в Советский Союз, в Харьков.

В 1942 г. в Уфе по его предложениям были изготовлены две газовые центрифуги, которые поставили на испытания. В 1943 г. в лаборатории электрических явлений Уральского физико-технического института начались эксперименты с горизонтальной центрифугой Ф. Ланге с целью поисков промышленных методов обогащения урана для создания атомной бомбы. С июля 1943 до 1945 г. Ф. Ланге был прикомандирован к Уральскому филиалу Академии Наук СССР в лабораторию электрических явлений (рук. И. К. Кикоин) в Свердловске для выполнения спецзадания — получения урана-235 методом центрифужного разделения изотопов урана. Но конструкция оказалась неудачной, и, несмотря на попытки совершенствования машины, в 1951 г. работы по ней были прекращены [5, с. 561].

Лабораторные работы по газоцентрифужному методу были также начаты в 1946 г. под руководством немецкого ученого доктора Макса Штеенбека в Институте «А», созданном под Сухуми на базе санатория «Синоп», где под научным руководством М. фон Арденне работали немецкие физики и инженеры. Расчеты Штеенбека показывали, что расход энергии по газоцентрифужному методу «будет во много раз меньше, чем при диффузионном и других методах» [3, с. 599].

«Немецкая» центрифуга обладала рядом существенных недостатков, основным из которых являлся способ передачи рабочего газа (гексафторида урана) из одной центрифуги в другую через его конденсацию. С этой конструкцией были ознакомлены специалисты ОКБ ЛКЗ. Сама идея, по их мнению, заслуживала пристального изучения. Руководству Первого главного управления доложили о необходимости расширения работ по центрифужному методу разделения. Ленинградские конструкторы предложили свою разработку конструкции газовой центрифуги с коротким жестким ротором. К 1953 г. были достигнуты положительные результаты.

Экспериментально была доказана возможность разделения изотопов урана и передачи рабочего газа от одной центрифуги к другой, не прибегая к его конденсации за счет отборных труб.

В 1959 г. вышло постановление Совета Министров СССР и ЦК КПСС, в котором говорилось о привлечении трех заводов страны к изготовлению газовых центрифуг: Горьковского автомобильного — головного по технологии, Ковровского им. Дегтярева и Владимирского «Точмаш» [6, с. 307–482].

Промышленная технология разделения изотопов урана газоцентриробежным методом родилась в СССР и по ее внедрению мы опередили развитые страны Запада на 15 лет. Первые шесть поколений газовых центрифуг были разработаны и внедрены в промышленность в период 1950–1980-х гг. конструкторским ОКБ ЛКЗ при активном участии специалистов и конструкторов УЭХК, ИАЭ, ОКБ ПНО «ГАЗ» (Нижний Новгород), заводоизготовителей, научно-исследовательских институтов страны. Седьмое и восьмое поколения газовых центрифуг разработали конструкторы ООО «ННКЦ» (Новоуральск) в 1990-х гг. и начале XXI в., в настоящее время внедряется газовая центрифуга девятого поколения, разработанная нижегородскими конструкторами.

Промышленное освоение этого метода, впервые в мировой практике осуществленное в начале 1960-х гг. на Уральском электрохимическом комбинате, явилось крупным научно-техническим достижением нашей страны. Этот метод позволил в 20–30 раз сократить расход электроэнергии, повысить в десятки раз по сравнению с диффузионным методом коэффициент разделения в одной ступени. Полностью было исключено тепловое влияние оборудования на окружающую среду [6, с. 160–163].

Библиографический список

1. 55 лет успешного развития: календарь знаменательных событий ОАО «АЭХК»: 1957–2012. Иркутск, 2012.
2. Артемов Е. Т., Бедель А. Э. Укрощение урана. Екатеринбург, 1999.
3. Атомный проект СССР: документы и материалы: в 3 т. М.; Саров, 2002. Т. 2: Атомная бомба 1945–1954, кн. 3.
4. Мельникова Н. В., Бедель А. Э. Атомный проект СССР: современная отечественная историография и источники // Экономическая история: ежегодник. 2014/15. М., 2016. С. 492–513.
5. Насонов В. П. Фриц Ланге // История советского атомного проекта: документы, воспоминания, исследования. СПб., 2002. Вып. 2. С. 545–563.

6. Разработка и создание газоцентрифужного метода разделения изотопов в СССР (России). СПб., 2002.

7. Синев Н. М. Обогащенный уран для атомного оружия и энергетики: к истории создания в СССР промышленной технологии и производства высокообогащенного урана (1945–1952). М., 1992.

Alexander E. Bedel

Candidate of Historical Sciences, Institute of History
and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: *bedel54@mail.ru*

Uranium enrichment: problems and solutions of national science and industry

The creation and development of two methods for the separation of uranium isotopes — gas diffusion and gas centrifuge — is rightfully considered to be one of the most significant achievements in the history of Russia's atomic industry. It is shown that solving this problem required a number of conditions: correct determination of the scientific research direction, which allowed laying the foundation for further practical actions; realization of a huge range of design, technical equipment and production development works.

Keywords: *atomic project, gas diffusion, gas centrifuge, uranium enrichment industry*

Быстрова Ирина Владимировна

д.и.н., Институт российской истории РАН; Российский
государственный гуманитарный университет (Россия, Москва)

E-mail: *irin-bystrova1@yandex.ru*

«Кормление медведя»: роль программы ленд-лиза в мобилизации и модернизации экономики СССР в годы Великой Отечественной войны

УДК 94 (47).084.8

Ленд-лиз помог мобилизовать экономику СССР на военные нужды путем восполнения военных потерь вооружений, сырья, продовольствия и промышленного оборудования, способствовал восстановлению экономики из кризиса 1941–1942 гг. Модернизация советской экономики в 1943–1945 гг. была поддержана поставками американских технологий и предприятий. Деятельность Правительственной закупочной комиссии СССР в США способствовала передаче Советскому Союзу современных технологий и технической информации.

Ключевые слова: *Правительственная закупочная комиссия СССР в США, ленд-лиз, техническая информация*

Российский историк Б. М. Шпотов выдвинул удачное определение значения программы ленд-лиза для СССР: «Замещение уничтоженной в боях военной техники; поступление дефицитной или отсутствовавшей в СССР техники и материалов, предназначенных как для непосредственного использования, так и для развития собственного производства; возможность изучения советскими специалистами новейших образцов вооружений и других технических новинок; возможность высвобождения части работников, занятых выпуском военной техники и снаряжения; возможность перепрофилирования части заводов для выпуска военной продукции благодаря замене ранее производимых изделий поставками из-за рубежа; помощь в развитии инфраструктуры в местах получения ленд-лизовских грузов — портового хозяйства, дорог, аэродромов» [4, с. 188, 189].

Поставки в СССР «шли на основе специальных протоколов, которые ежегодно согласовывались в ходе переговоров между обеими сторонами» и устанавливали «максимальные объемы товаров и материалов, которые США могли предоставить нашей стране» [1, с. 102, 103]. С американской стороны поставками занимались Администрация ленд-лиза во главе с Э. Стеттиниусом, Военно-промышленный комитет во главе с Д. Нельсоном, органы Военного департамента, а с советской стороны в феврале 1942 г. был создан специальный орган — Правительственная закупочная комиссия СССР в США (ПЗК) Наркомата внешней торговли СССР.

Ленд-лиз был призван не только поставлять в СССР предметы, необходимые для ведения военных действий, но и восполнять потери, которые понесла советская промышленность. В самый тяжелый период с начала войны до 1942 г., при резком росте военной продукции в СССР отмечалось отставание по таким показателям, как выработка электроэнергии, производство металла, добыча топлива и железнодорожные перевозки, что создало «угрозу дальнейшему росту военного хозяйства».¹ Нехватка сырья, металлов, нефтепродуктов, промышленного оборудования восполнялась и за счет ленд-лиза.

Динамика поставок по группам товаров изменялась: в начале войны главными были поставки вооружений, военной техники и боеприпасов, однако уже в 1942 г. кризис в советской

¹ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 93. Д. 810. Л. 132.

промышленности вызвал рост заявок на нефтепродукты, металлы, другие стратегические материалы и на промышленное оборудование. С 1943 по 1945 гг. росла доля поставок продовольствия, транспортных средств, промышленного оборудования, нефтепродуктов. Добавлялись новые пункты в «ассортимент» поставок (расширялись так называемые внепротокольные обязательства, например, поставки морских судов и оборудования).

Ряд обязательств оказывался перевыполненным, то есть отправлялось больше товаров, чем было положено по протокольным обязательствам. Так, по данным отдела нефтепродуктов ПЗК, III Протокол был выполнен по отгрузке нефтепродуктов (изооктан, алкалайт и другие компоненты к высокооктановым бензинам, авиационный бензин окт. 100/130, присадки к маслам) на 143,7%.²

В 1943 г. в ходе реорганизации системы управления американскими поставками по ленд-лизу создана Администрация внешней экономики, во главе с Л. Кроули. США сократили объемы помощи всем своим союзникам, даже Великобритании. Только СССР продолжал получать помощь в прежних объемах и более. С середины 1943 г. до мая 1945 г., когда правительство США объявило о прекращении поставок по ленд-лизу, объемы поставок в СССР возрастали, с достижением пика помесечных поставок в мае 1945 г.

Тенденцией динамики поставок было сохранение «остатков» обязательств по предыдущим протоколам и переход их на период нового протокола. «Хвост» невыполненных обязательств тянулся вплоть до последнего IV Протокола. Потерянные в ходе транспортировки изделия (самолеты, танки и др.) американская сторона зачастую отказывалась возмещать.

Американцы понимали под «выполнением обязательств» не конечную доставку товаров в СССР. Согласно тексту III Протокола, Военный департамент США считал выполнившим свои обязательства, если товар был поставлен советской стороне в лице ПЗК для отправки в порт.

«Узким местом» в выполнении советских заказов была проблема стандартов производства изделий в промышленности США и СССР, а также хронические недопоставки запасных частей для танков, самолетов и других видов техники. Различия в стандартах

² Там же. Ф. 413. Оп. 12. Д. 9022. Л. 81.

производства влекли за собой трудности в размещении заказов СССР по разным видам промышленного оборудования. Представитель Администрации ленд-лиза объяснял, что «американские фирмы и инженеры... сильно заняты выполнением важных проектов, и не в состоянии в настоящее время заниматься разработкой нестандартных для американской промышленности проектов».³

Посылая самолеты, работникам ПЗК необходимо было посылать и инструменты. По их словам, «если мы захотим отвернуть гайку нашим ключом, то ни один наш ключ не подойдет, ибо американская система — в дюймах...»⁴

При поставках самолетов и танков сказывалась разница в организации производства. В СССР выпускались самолеты, полностью укомплектованные, готовые к боевым действиям. В Америке самолеты производились неукомплектованные. Имелся ряд наименований, так называемых правительственных деталей (приборы и оборудование, винты, пулеметы, бомбодержатели, показатели скорости, кислородное оборудование и др.). При этом на основании заказа заводы выпускали самолеты без какого-либо оборудования.

Важную роль в усовершенствовании процесса поставок играла «обратная связь» с советской стороной, улучшение американской техники по требованиям СССР. Инженерное управление НКВТ критиковало отношение советских военных органов к поставляемой по ленд-лизу технике. Указывалось, что «отношение Бронетанкового управления к импортируемым машинам ожидает быть лучшим. Ответственные работники... не могут определенно сказать, какие машины им требуются, какие машины завоевали признание и каких машин больше не следует завозить».⁵ При заказе импортной техники наблюдался разноречивый в потребностях между различными управлениями Красной армии.

Во время визита в Мурманск американский посол А. Гарриман в апреле 1944 г. поинтересовался: «Где в СССР собираются американские платформы и паровозы, а также грузовики, танки и самолеты и какие районы СССР снабжаются прибывающим из

³ Там же. Д. 6749. Л. 139.

⁴ Там же. Д. 6796. Л. 371.

⁵ Там же. Д. 8615. Л. 35.

США продовольствием. Заместитель Наркома [внешней торговли тов. Борисов] сообщил ему, что платформы и паровозы собираются близ Мурманска, а вооружение осматривается на месте назначения; получаемое продовольствие направляется на Карельский, Балтийский и Беломорский фронты, в Ленинград и некоторые другие районы Союза».⁶

В ходе доставки грузов в СССР производилась модернизация транспортной инфраструктуры: портов, аэродромов, железнодорожных путей. И. В. Сталин 7 сентября 1941 г. отдал распоряжение о реконструкции Архангельского порта. Вскоре после прибытия первого конвоя — 15 октября уполномоченным ГКО по перевозкам на Севере был назначен знаменитый полярник И. Д. Папанин. Он сумел мобилизовать работу местных органов на решение задачи приемки и обработки грузов. К ноябрю 1941 г. в Архангельск были доставлены краны и лебедки из Ленинграда, Мурманска, Владивостока, выделено около ста автомобилей, 15 барж, 6 буксиров; три военизированные рабочие колонны численностью до трех тысяч грузчиков. Началась реконструкция Мурманского порта.

Первый конвой, прибывший в Мурманск 11 января 1942 г., RQ-8, доставил 3 тыс. т высококачественного бензина для нужд Красной Армии. В дни прибытия конвоя немцы бомбили порт ежедневно, и руководитель британской миссии военно-транспортных перевозок Маккормик предложил И. Д. Папанину во избежание взрыва танкеров и разрушения части порта отправить суда обратно с кораблями военного эскорта. Однако на оперативном совещании у И. Д. Папанина было принято другое решение. Танкеры в глубокой тайне отвели в далеко отстоящий от основных причалов Лесной порт и быстро разгрузили в железнодорожные цистерны бензин, так необходимый фронту.

Всего за период войны «Мурманский порт принял и обработал 379 пароходов, на которых было доставлено 322,9 тыс. т различного вооружения и боевой техники. Все эти годы работа Мурманского порта проходила под неослабным наблюдением уполномоченного ГКО И. Д. Папанина и его штаба» [2, с. 112, 113].

Особо следует сказать о поставках промышленного оборудования, которые стали предметами долговременного пользования

⁶ АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 28. Пор. 72. Папка 162. Л. 24.

для восстановления советской экономики. Например, после длительных обсуждений и проволочек, как пишет Н. И. Рыжков, «в конечном итоге в СССР было поставлено 4 нефтеперерабатывающих завода стоимостью более 43 млн долларов. На американском оборудовании были построены и в конце 1944 г. начали давать продукцию нефтеперерабатывающие заводы в Куйбышеве, Гурьеве, Орске, Краснодарске. Они, безусловно, внесли определенный вклад в Победу Советского Союза в войне в Германии, но в полную силу стали работать в послевоенный период» [3, с. 295].

ПЗК распространила сеть своих представителей на американские предприятия, в порты, авиабазы. Их деятельность сводилась к следующим функциям: приемка и испытания поставляемых в СССР материалов и оборудования, обучение советских специалистов обращению с этим оборудованием, сбор технической информации. К методам изучения американской техники относились: 1) «путем изучения отдельных производственно-технических вопросов на основе договоров на техпомощь, заключенных с американскими фирмами»; 2) «путем использования поездок на инспекцию оборудования», для изучения технических вопросов «конструкции и эксплуатации приобретаемого оборудования». 3) «путем организации разовых посещений заводов с целью осмотра работы оборудования, аналогичной закупленной СССР»; 4) путем посещения научно-технических конференций и съездов, промышленных выставок; 5) «путем использования случайно представившихся возможностей от американских фирм или их представителей для получения технической информации».⁷

Благодаря ленд-лизу, который один из зарубежных исследователей образно назвал «кормлением медведя» [5], советские бойцы ездили на американских машинах, питались высококачественными продуктами, летали на первоклассных самолетах, с двигателями на авиационном бензине, изготовленном с добавлением американского, работали с американской аппаратурой радиосвязи, получали подарки Красного Креста. Советская промышленность в период металлического голода стала получать американские металлы и металлоизделия, восполнялись изделия машиностроения, которые в СССР почти перестали (например, паровозы, крупные корабли) или совсем перестали производиться

⁷ См.: РГАЭ. Ф. 413. Оп. 12. Д. 9022. Л. 171–169.

(кабель, гусеничные краны). В 1943–1944 гг. заработали доставленные из США предприятия нефтепереработки, шинный завод; цеха машиностроительных заводов оборудовались американскими станками, в том числе не производившимися в СССР. Поставки по ленд-лизу помогали восстанавливать разрушенную советскую промышленность на новой технической основе. Одним из ярких примеров восстановления почти «с нуля» стали поставки морских и речных судов и оборудования для судостроительной промышленности. Советские сотрудники Правительственной закупочной комиссии СССР в США усердно собирали и отправляли на родину сотни отчетов с подробной технической информацией о «секретах» различных американских производств.

Библиографический список

1. Бутенина Н. В. Ленд-лиз: сделка века. М., 2004.
2. Быстрова И. В. Поцелуй через океан: «Большая тройка» в свете личных контактов (1941–1945 гг.). М., 2011.
3. Рыжков Н. И. Великая Отечественная: ленд-лиз. М., 2012.
4. Шпотов Б. М. Военно-экономическое значение ленд-лиза // Экономика Победы. К 65-летию Победы СССР в Великой Отечественной войне. М., 2010.
5. Tuyl van Hubert P. Feeding the bear: American aid to the Soviet Union, 1941–1945. New York, 1989.

Irina V. Bystrova

Doctor of Historical Sciences, Institute of Russian History of the RAS;
Russian State University for the Humanities (Russia, Moscow)

E-mail: irin-bystrova1@yandex.ru

“Feeding the bear”: the role of lend-lease in mobilization and modernization of the Soviet economy during the Great Patriotic war

Lend-lease helped to mobilize the Soviet economy for military needs by replenishing war losses of armaments, raw materials, foods, and industrial equipment, it assisted to the recovery of the Soviet industry from its crisis in 1941–1942. The Soviet economy modernization in 1943–1945 was supported by importing modern American technologies and enterprises. The activities of the Government Purchasing Commission of the Soviet Union in the United States contributed to the transfer of modern techniques and technical information from the USA to the USSR.

Keywords: *Government Purchasing Commission of the USSR in the USA, lend-lease, technical information*

Водичев Евгений Григорьевич

д.и.н., Новосибирский государственный технический университет;
Томский государственный национальный исследовательский
университет (Россия, Новосибирск, Томск)

E-mail: vodichev@mail.ru

**Территориальные проекции
советской научно-технической политики:
возможности и пределы мобилизационной
парадигмы в послевоенные годы¹**

УДК 582.29:504.3.054(571.14)

Анализируется формирование представлений о пределах возможностей мобилизационной парадигмы в советской модели научно-технической политике. В статье характеризуется территориальный аспект научно-технической политики СССР и его проявления в «гражданском» сегменте науки на востоке страны в первое послевоенное десятилетие. Сделан вывод о недостаточности потенциала региональной науки для обеспечения перехода к новому технологическому укладу.

Ключевые слова: *научно-техническая политика, отраслевая наука, поздний сталинизм, восточные регионы СССР, мобилизационная парадигма*

Постановка проблемы. Анализ особенностей советской модели модернизации, несомненно, относится к числу ключевых сюжетов отечественной истории. Для тех исследователей, кто занимается проблемами экономической истории, он естественным образом связан с проблемой специфики мобилизационной экономики СССР. Представляется, что дискуссии на предмет того, насколько реализованная в стране экономическая модель была эффективной, какие имелись альтернативы, каковы были экономические и социальные издержки модернизационной программы, осуществленной методами и средствами мобилизационной экономики, вряд ли когда-либо прекратятся.

Один из аспектов этого проблемного поля — выявление пределов и возможностей мобилизационной парадигмы в отношении к научно-технической политике СССР. Этот аспект далеко не нов — ему посвящено немало исторических сочинений, заслуженно привлечших к себе внимание профессиональной

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00170.

аудитории. Однако в большинстве случаев они касаются сюжетов, которые позволяют рельефно показать достигнутые результаты из числа тех, что невозможно подвергнуть сомнению, таких, например, как работы по истории создания в СССР ядерного оружия. Вместе с тем, за кадром зачастую остается «рутина» — те сегменты научно-технического и технико-технологического развития, которые были связаны с массовыми секторами экономики за пределами ВПК и высокотехнологичных отраслей «народного хозяйства». Но, на наш взгляд, именно они лучше других проявлений показывают не только возможности, но риски и ограничения мобилизационной парадигмы советской модернизации.

Таким образом, *целью работы* является формирование представлений о пределах возможностей мобилизационной парадигмы советской модели модернизации в приложении к научно-технической политике. *Хронологические рамки* — вторая половина 1940-х — первая половина 1950-х гг., то есть период так называемого позднего сталинизма. Именно в это время произошла «кристаллизация» мобилизационной парадигмы советской модернизации и были окончательно сформированы основные социальные институты системы. Вместе с тем, к этому времени на фоне достигнутых успехов, отчетливо замаячили и объективные ограничения реализованной экономической модели.

Территориальные рамки — восточные регионы России, главным образом, территории Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского экономических районов. С одной стороны, производственный потенциал этих регионов существенно возрос в ходе Второй мировой войны за счет массовой эвакуации промышленных предприятий. С другой стороны, после завершения послевоенной реконструкции темпы экономического роста на востоке существенно замедлились.

Методология анализа. Основная методологическая категория исследования — понятие «мобилизации». Под мобилизацией нами понимается совокупность сверхординарных форм использования всех доступных режиму материальных, социальных, политических и идеологических (духовных) ресурсов для достижения целей с применением разнообразных инструментов и методов стимулирующего и санкционного характера. Следует подчеркнуть, что в советской практике наука рассматривалась, прежде всего, как одна из отраслей экономики, и на нее в той

или иной мере были распространены все аспекты экономической политики.

Особенности советской научно-технической политики послевоенного периода. Мобилизационная парадигма развития определила контуры социально-экономической и социокультурной политики в стране, в том числе и научной (научно-образовательной, научно-технической), понимаемой как один из компонентов макросоциальной политики. В первые послевоенные годы единая научная политика как системная совокупность целей и задач по использованию науки для обеспечения государственных приоритетов и мероприятий, направленных на достижение этих целей, в стране фактически отсутствовала. Исключение составляли лишь оборонные задачи, где фактически использовался метод программно-целевого планирования. В целом же, в наборе идеологем место науки как фактора развития производства занимал «технический прогресс». В этом проявлялась логика предшествующего периода, поскольку опора на повышение технического уровня производства составляла смысл философии индустриализации, как и военной конверсии производственной системы СССР в предвоенные годы. В то же время, зарубежные источники получения оборудования, как и сроки, в течение которых ввоз технологий оставался возможным, были крайне ограниченными. Ввоз технологий касался весьма небольшого количества отраслей и не мог решить проблемы повышения технологической культуры всей экономики страны. Зависимость производств от технологий, не имеющих собственной научной базы внутри страны, представлялась чрезвычайно рискованной, особенно в машиностроении — основе производственного потенциала экономики.

В это период роль науки для экономического и социокультурного развития страны явно недооценивалась. Научно-техническое развитие определялось совокупностью весьма разрозненных отраслевых политик, которые зачастую базировались на разных основаниях и не имели под собой фундаментальной научной основы. Как уже многократно показано в исторических исследованиях, изменения, приведшие впоследствии к смене акцентов в пользу формирования собственной технологической базы, основанной на полном цикле «наука — техника — технологии — производство», которые затронули как оборонные, так и гражданские сектора экономики, начались в военно-техническом секторе экономики.

Однако и новые подходы полностью оставались в рамках мобилизационной парадигмы, по крайней мере, с точки зрения методов приоритизации задач и концентрации ресурсов для их выполнения. Успех в реализации атомной проблемы естественным образом добавил аргументов сторонникам такого подхода.

Риски и ограничения мобилизационной модели научно-технического развития (на примере восточных регионов России). Главным следствием мобилизационной парадигмы стало то, что после окончания войны на востоке СССР сформировался огромный «Архипелаг ВПК» со своей собственной системой научно-технического и технико-технологического обеспечения, выросший в окружении предприятий, действовавших в рамках устаревших технологических укладов, и практически изолированный от прочих сегментов региональной экономики. Перед регионом остро встала проблема научно-технического и технико-технологического обеспечения производства и социально-экономического развития в целом. Предполагалось, что основной груз ответственности за научно-технический прогресс должны взять на себя центральные НИУ соответствующих ведомственных вертикалей, по большей части в рассматриваемый период расположенные в центре страны. Однако при этом оставалась задача регионализации научных и технико-технологических разработок для использования в суровых условиях локализованных в Сибири предприятий. Решать ее предстояло отраслевой науке региона, а также ограниченному сегменту «заводской науки». Вопрос заключался в том, в какой мере «гражданская» отраслевая наука восточных территорий СССР была к этому готова? Практика показала, что принцип приближения институтов к производственной базе фактически не работал. Локализация НИУ была обусловлена интересами отдельных ведомств, однако с точки зрения региональной и общенаучной целесообразности она зачастую оказывалась далеко неоптимальной.

Выводы и заключения. Анализ структуры сети, профиля и совокупного потенциала научных учреждений, локализованных на востоке страны, позволил прийти к нескольким базовым выводам. Во-первых, и в количественном, и в качественном аспекте потенциал отраслевой науки в восточных регионах существенно уступал соответствующим показателям отраслевых НИУ в центральной части страны. Кадровый потенциал НИУ Сибири в большинстве случаев также не позволял им претендовать на весомый

вклад в реализацию, а тем более — в формирование отраслевых стратегий даже в пределах Сибирского региона. Способность НИУ адекватно удовлетворять не только перспективные, но и текущие потребности производства, локализованного в Сибири, оставалась под большим вопросом. Особенно острой эта задача оказалась для НИУ промышленного и строительного профилей. Имевшийся в регионе потенциал, ориентированный на научное обеспечение и сопровождение развития таких отраслей промышленности, как топливно-энергетическая, нефтехимическая, лесохимическая, металлургическая нуждался в кардинальном укреплении.

Во-вторых, распределение отраслевых НИУ по территории Сибири также не соответствовало намеченным приоритетам в развитии производительных сил. НИУ не демонстрировали большого стремления к продвижению в регионы перспективного хозяйственного освоения, стремясь «задержаться» в крупных городах и мегаполисах.

В-третьих, в рассматриваемый период в восточных регионах РСФСР активно формировались отраслевые НИУ закрытого типа. Однако, являясь продолжением «оборонных» производств, они, как правило, находились во внерегиональном экономическом, технико-технологическом и научно-техническом пространстве и крайне слабо влияли на состояние «гражданского» сегмента отраслевой науки и технико-технологический уровень предприятий за пределами ВПК.

Отраслевая наука не опережала потребности производства, а шла за ними, причем с заметным отставанием. Конфигурация сети НИУ ставила под вопрос ее потенциал по научному обеспечению производства даже в рамках сложившихся пропорций, не говоря уже об объективных потребностях их скорейшей трансформации. Частично эта проблема компенсировалась возможностями восточных филиалов АН СССР, ориентированных в основном на изучение ресурсных возможностей регионов, но не «завязанных» на отдельные отрасли экономики и социокультурной сферы. Потенциал региональных вузов с региональной экономикой был связан весьма незначительно.

В целом, во второй половине 1940-х гг. наука на востоке СССР оставалась «заложницей» мобилизационной парадигмы, находясь в тени других приоритетов, и была явно не готова обеспечить переход на новый уровень технологического развития.

Eugeniy G. Vodichev

Doctor of Historical Sciences, Novosibirsk State Technical University;
Tomsk State National Research University (Russia, Novosibirsk, Tomsk)
E-mail: vodichev@mail.ru

Territorial projections of Soviet scientific and technological policy: possibilities and limits of mobilization paradigm in the post-war years

The paper analyzes ideas about the limits of mobilization paradigm within the Soviet model of scientific and technological policy. It characterizes the territorial aspect of the USSR scientific and technological policy and its manifestations in the “civil” segment of science in the east of the country in the first post-war decade. The conclusion is drawn that regional science potential was insufficient for ensuring the transition to a new technological order.

Keywords: *scientific and technological policy, branch science, late Stalinism, eastern regions of the Soviet Union, mobilization paradigm*

Демчик Евгения Валентиновна

д.и.н., Алтайский государственный университет
(Россия, Барнаул)

E-mail: demtchikev@mail.ru

Гряникова Галина Андреевна

Алтайский государственный университет (Россия, Барнаул)

E-mail: galya9309@mail.ru

Продуктовый дефицит в изобильном крае: к вопросу о феномене советской торговли 1960–1970-х гг.

УДК 94(571.150).084.9: 64.024

Доклад посвящен вопросам продовольственного снабжения жителей Алтайского края в 1960–1970-е гг. На основе статистических данных и материалов Государственного архива Алтайского края определены стандартные продукты питания, розничный товарооборот, качество продуктового снабжения и роль предприятий общественного питания в продовольственном обеспечении городского и сельского населения.

Ключевые слова: *советская торговля, питание, Алтайский край*

Выгодное географическое положение и высокая транспортная доступность Алтайского края способствовали установлению

межрегиональных торговых связей. В связи с сельскохозяйственной направленностью экономики края развитие получили отдельные отрасли промышленности — зерновая, молочная, маслодельная и сыродельная [4, с. 387–420].

Продовольственное потребление и снабжение советского населения исследовалось в ограниченном числе работ. К теме питания обращался историк и экономист Н. А. Мендкович [3]. Имеются и региональные исследования уровня жизни, однако в этих работах не нашли отражение сведения относительно Алтайского края [1; 2]. Ввиду этого представляется возможным применение содержащихся в них сведений только в качестве проведения сравнительного анализа. Кроме того, приведенные данные не дают достаточной информации о продовольственном обеспечении населения, а отражают либо динамику расходов на потребление, либо абсолютное потребление отдельных продуктов в рамках изучения проблем товарного дефицита, либо содержат информацию, касающуюся более раннего периода.

Цель исследования — анализ уровня продовольственного потребления населения Алтайского края, качества снабжения, как части экономического развития региона, и доступности продуктов питания, что также представляет интерес для изучения экономики повседневности.

Для достижения поставленной цели помимо данных статистических сборников особую ценность представляют документы Государственного архива Алтайского края (фонды — Р-1033, Р-926, Р-784, Р-1037, Р-1573), анализ которых позволяет характеризовать уровень цен, выявить основные черты организации розничной торговой сети и предприятий общественного питания, проследить перебои в снабжении и переизбыток определенных товаров.

В 1960–1970-е гг. происходило постепенное улучшение качества рациона посредством роста доли животной пищи. Согласно данным официальной статистики, продовольственный товарооборот Алтайского края в течение 1971 г. вырос на 6,3 %. Рост реализации мяса и птицы составил 16,7 %, колбасных изделий — 21,4 %, молочных продуктов — 8,8 %, кондитерских изделий — 5,1 %.¹ Приведенные данные также свидетельствуют о количественном улучшении рациона.

---

¹ ГААК. Ф. Р-1033. Оп. 5. Д. 472. Л. 43–44.

Основой продовольственного снабжения являлась розничная торговая сеть: магазины, палатки, киоски, ларьки, развозная и разносная сеть, находившиеся в подчинении Хлебторга, и Горплодоовощторга.² О бесперебойности торговли молочными и мясными продуктами, маслом, сахаром, кондитерскими и хлебобулочными изделиями свидетельствуют данные Конъюнктурного обзора Алтайского края. В 1967 г. по местным торгам продажа продовольственных товаров в целом увеличилась на 9,3 %, в том числе по хлебобулочным изделиям — на 1,5 %, растительному маслу — на 6,3 %, сельди — на 1,4 %, сыру — на 3,3 %. Но сократилась продажа безалкогольных напитков на 1,2 млн руб. (45 %), крупы — на 155 тыс. руб. (7,6 %), сахара — на 533 тыс. руб. (4 %), соли — на 34 тыс. руб. (1,4 %), варенья, джема, повидла — на 319 тыс. руб. (24 %). Имели место перебои в торговле сахаром, кондитерскими и макаронными изделиями, животным и растительным маслом, при наличии перечисленных товаров на складах и базах.³

Увеличению продовольственного потребления способствовала такая отрасль народного хозяйства как общественное питание. Посредством предприятий общепита осуществлялось 15 % от общего товарного потребления населением продуктов питания, при этом в государственной торговле доля реализации продуктов в общественном питании достигала более 17 % от общего объема реализации [5, с. 42]. Помимо этого общественное питание находилось на втором месте по объему товарооборота после местных торгов (879 000 тыс. руб. и 74,5 %).⁴

Советский общепит состоял из предприятий, различных по своему назначению, типу, профилю работы, контингенту потребителей, формам обслуживания и организации производства, месту нахождения, ассортименту выпускаемой и реализуемой продукции. Работали фабрики-кухни, столовые, домовые кухни, кулинарии, рестораны, кафе, закусочные, буфеты. Также в Алтайском крае располагалось 18 точек весенне-летней сети на 498 посадочных мест.⁵ Сеть предприятий общественного питания Алтайского края получила развитие за счет предоставления

² Там же. Ф. Р-784. Оп. 3. Д. 247. Л. 117–118; Д. 206. Л. 231.

³ Там же. Ф. Р-926. Оп. 3. Д. 78. Л. 29–30, 195–196.

⁴ Там же. Ф. Р-784. Оп. 4. Д. 150. Л. 106–108.

⁵ Там же. Ф. Р-1573. Оп. 1. Д. 78. Л. 11.

помещений в первых этажах вновь выстроенных жилых домов.⁶ В период с 1966 г. по 1970 г. в Алтайском крае было открыто 133 предприятия общественного питания на 7 731 посадочное место, то есть количество посадочных мест увеличилось в 2,8 раза.⁷ К началу 1980-х гг. количество работников предприятий общественного питания Алтайского края составило 14 580 человек, что в 11 раз превышало их численность в конце 1960-х гг.⁸

При общей положительной динамике развития сети общественного питания и выполнении плана товарооборота, стоит отметить недостатки в работе по выполнению отдельных плановых заданий. Например, в 1973 г. пятая часть предприятий торговли и общественного питания края не выполнили установленные показатели государственного плана.⁹

Основным вопросом оставались формирование ассортимента, недостаточная изученность спроса населения и неравномерное распределение товарных запасов между торговыми предприятиями. Например, в Горно-Алтайском крае к началу 1968 г. запасы рыбы, маргариновой продукции, овощных и фруктово-ягодных консервов, крупы, ликероводочных изделий превышал норматив на 117 тыс. руб., а в Новоалтайском крае их норма была ниже на 54 тыс. руб.¹⁰

В рассматриваемый период можно выделить несколько стратегий потребления продовольственных товаров, общих для потребления в целом. Помимо очередей развитие получили «черный рынок», деятельность спекулянтов и торговля «из-под прилавка». Другой способ заключался в наличии полезных знакомых либо личной принадлежности к партийной номенклатуре или работникам торговли и общепита, снабжаемых в приоритетном порядке. Кроме того, на рубеже 1960–1970-х гг. появилась система продовольственных заказов, создававшая «дефицит второго уровня», когда заказов поступало меньше числа сотрудников.

Таким образом, несмотря на быстрые темпы развития пищевой промышленности, сельского хозяйства и сложившееся мнение об изобилии Алтайского края, в торговле продовольственными товарами 1960–1970-х гг. сложилась неоднозначная ситуация.

⁶ Там же. Ф. Р-1037. Оп. 4. Д. 3. Л. 14–15.

⁷ Там же. Д. 12. Л. 35.

⁸ Там же. Ф. Р-784. Оп. 4. Д. 150. Л. 52; Ф. Р-1573. Оп. 1. Д. 7. Л. 40.

⁹ Там же. Ф. Р-1033. Оп. 5. Д. 452. Л. 2; 9; 68–69.

¹⁰ Там же. Ф. Р-926. Оп. 3. Д. 78. Л. 192–196, 288–309.

Низкий уровень удовлетворенности населения сохранялся из-за специфики распределения и неспособности существующей системы удовлетворить повседневные нужды. Но в целом, удавалось сохранять тенденцию к росту потребления продуктов питания. Этому способствовали высокие темпы производства продовольствия, выгодные географические условия, разветвленная сеть розничной торговли и общественного питания. Анализ архивных данных позволил определить, что количество предприятий общепита увеличилось практически в два раза. Однако стоит отметить, что основное развитие получили предприятия столицы Алтайского края — Барнаула, в то время как остальные города края и сельская местность располагали небольшим количеством магазинов, кафе, столовых и буфетов.

Библиографический список

1. Манько Н. История питания новосибирцев — от ковриги до пармезан // Новосибирские новости. URL: <http://nsknews.info/news/144123> (дата обращения: 13.09.2018).
2. Мартюшов Л. Н., Мартюшова И. Л. Потребление продуктов питания жителями Уральского региона в 1950–1980-е гг. // Четвертые Татищевские чтения. Екатеринбург, 2003. С. 170–174.
3. Мендкович Н. А. Питание в СССР в «Эпоху застоя» (1960–1980-е гг.) // Актуальная история. URL: http://actualhistory.ru/zastoi_foods (дата обращения: 12.09.2018).
4. Очерки истории Алтайского края. Барнаул, 1987.
5. Тительбаум Н. П., Новожилова Е. М., Макарова Л. М., Астафьев М. Т., Минделевич А. М. Статистика общественного питания. М., 1975.

Evgenia V. Demchik

Doctor of Historical Sciences, Altai State University (Russia, Barnaul)

E-mail: demtchikev@mail.ru

Galina A. Gryanikova

Altai State University (Russia, Barnaul)

E-mail: galya9309@mail.ru

Food shortage in the abundant land: on the Soviet trade phenomenon in the 1960s–1970s

The paper deals with food provisioning of Altai Krai population in the 1960s–1970s. Based on the statistical data and materials of the State Archive of Altai Krai standard food staples, retail turnover, quality of food supply and the role of catering enterprises in food provisioning of urban and rural population are determined.

Keywords: *Soviet trade, nutrition, Altai Krai*

Ежов Аркадий Олегович

к.и.н., руководитель музейно-выставочного центра,
ПАО «Корпорация ВСМПО-АВИСМА» (Россия, Верхняя Салда)
E-mail: ezhov.ao@mail.ru

**Титановое производство на Урале:
проблема становления**

УДК 669.295

В докладе анализируются предпосылки, причины и особенности становления титановой промышленности на Урале в 1954 — начале 1960-х гг. на примере крупнейших производителей металлического титана и изделий из него: Березниковского титано-магниевого комбината (БТМК) и Верхнесалдинского металлургического производственного объединения (ВСМПО) (ныне — ПАО «Корпорация ВСМПО-АВИСМА»). СССР, приступив к освоению титана почти на десятилетие позднее, чем развитие в индустриальном отношении страны, значительно опередил их, менее чем за пятнадцать лет создал новую мощную стратегическую отрасль.

Ключевые слова: *становление титановой промышленности, Урал, корпорация ВСМПО-АВИСМА*

Из всех отраслей цветной металлургии, которыми богат «опорный край державы» Урал, ни одна не развивалась столь стремительно, как титановая. Производство металлического титана, важного стратегического конструкционного материала, и изделий из него является одним из показателей высокого уровня промышленного развития государства. В настоящее время Россия занимает около 30 % мирового рынка титановых изделий авиакосмического назначения, которые производит крупнейший в стране и один из самых крупных в мире интегрированных производителей уральское предприятие ПАО «Корпорация ВСМПО-АВИСМА» [5, с. 50].

Этап становления советского титанового производства пришелся на 1954 г. — начало 1960-х гг. Это было время перехода от опытно-экспериментального и опытно-промышленного к промышленному производству металлического титана и изделий из него.

9 марта 1954 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по реализации производства титана», где ставилась задача разработки и внедрения в производство технологии изготовления листов из технического титана

и его сплавов из слитков весом 100–500 кг для нужд реактивной техники.¹ Последующие постановления детализировали области применения титановых сплавов, конкретизировали направления теоретических и экспериментальных исследований, разработки технологии выплавки, организации выпуска поковок, листов, труб и других изделий из титана и его сплавов и т. д.

В процессе исследований, проводившихся в научно-исследовательских институтах (Государственном научно-исследовательском и проектном институте редкометаллической промышленности, Всесоюзном институте авиационных материалов, Институте металлургии им. А. А. Байкова АН СССР, Центральном научно-исследовательском институте черной металлургии им. И. П. Бардина и других), изучался широкий круг вопросов: от оптимизации процесса добычи и обогащения титаносодержащих руд до технологии получения металлического титана, сплавов различного назначения, слитков и полуфабрикатов из них. Были окончательно определены способы серийного производства титановой губки (магнийтермический) и получения слитков (вакуумная дуговая плавка с расходуемым электродом). Изысканиями руководила Комиссия Академии наук СССР по координации научно-исследовательских работ по проблемам титана [7, с. 167, 168].

Шел активный поиск применения титана в боевых самолетах, затем в межконтинентальных ракетах [8, р. 123]. В целях сокращения расходов и ускорения строительства в качестве приоритетного был взят курс на перепрофилирование действующих предприятий. На Урале это были Березниковский магниевый завод (БМЗ, будущий БТМК) и верхнесалдинские заводы № 95 легких сплавов и № 519 по обработке цветных металлов (после объединения двух последних в 1957 г. — Верхнесалдинский металлообрабатывающий (ВСМОЗ, будущее ВСМПО).

Решение о размещении крупных специализированных предприятий по получению металлического титана и изготовлению титановых полуфабрикатов именно на Урале было продиктовано несколькими факторами. Во-первых, наличие здесь действующих магниевого и металлообрабатывающего заводов, перепрофилирование которых обеспечивало максимально быстрое развертывание серийного производства с минимальными

---

¹ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 106сч. Д. 937.

затратами. Во-вторых, основу их кадрового состава составляли высококвалифицированные работники, имевшие опыт работы в сфере выполнения авиационных заказов. Определенную роль сыграла позиция, занятая руководством завода № 95 и поддерживаемая правительством. Она состояла в том, что участие в крупной государственной программе давало возможность привлечения значительных средств, направленных на замену устаревшего и изношенного за годы войны оборудования, перестройку производственного процесса и развитие социальной сферы. В-третьих, удаленность Верхней Салды и Березников от границ страны являлась важным стратегическим преимуществом.

Значение играл и опыт верхнесалдинского завода № 519 в производстве плоского проката, где в условиях жесткого режима секретности в октябре 1954 г. были проведены первые работы по горячей прокатке плит из технического титана. В августе 1962 г. в эксплуатацию вступил цех плавки титановых концентратов, в результате чего полностью замкнулась технологическая цепочка титанового передела первой очереди БТМЗ, который стал одним из основных поставщиков металлического титана для дальнейших переделов на ВСМОЗ (ВСМПО) [1, с. 94].

В 1956 г. во исполнение постановления правительства от 9 марта 1954 г. выплавка слитков и изготовление полуфабрикатов целиком передавались в ведение минавиапрома СССР.

Первый титановый слиток массой 4 кг на заводе № 95 в Верхней Салде был выплавлен в феврале 1957 г. [6, с. 64]. В июне 1957 г. было выплавлено 200 кг слитков, в июле — 2 т, в августе — больше 3 т, в сентябре и октябре завод вышел на уровень СМК и ПХМЗ. Всего за 1957 г. завод выплавил около 75 т титана.² К концу 1958 г. верхнесалдинское предприятие догнало по этому показателю передовые заводы Великобритании и США.³

В конце 1950-х гг. помимо авиастроения на сцену вышел новый мощный игрок, судостроение, с проектами существенно более емких титановых конструкций — цельно-титановых подводных лодок. Принципиальное различие между этими отраслями состояло в том, что к началу 1960-х гг. несколько сотен слитков массой 250–400 кг было достаточно, чтобы обеспечить годовое

² Фонд МВЦ ВСМПО. Паспорт завода № 95 на 01.01.1958.

³ ЦДОСО. Ф. 2400. Оп. 4. Д. 204. Л. 54.

производство аэрокосмической техники. Для средней по размерам подводной лодки (длиной 120 м) были необходимы слитки массой 4–8 т, листы толщиной от 5 до 60 мм, поковки весом до 4–6 т, фасонные отливки, сварочная проволока и другие изделия. Широкое использование помимо авиационных новых морских титановых сплавов для кораблестроения явилось ярким проявлением научно-технической революции [2, с. 221].

Процесс становления титановой промышленности в СССР и на Урале проходил в русле решения задачи развития материально-технической базы советской экономики, полностью совпавшей с развернувшейся научно-технической революцией. Серьезным фактором, способствующим становлению и быстрому развитию отрасли стало создание комплекса научных учреждений, которые приступили к исследованиям, касающимся широкого спектра вопросов по этой проблематике. На этом этапе сами титановые предприятия по существу являлись опытно-производственной базой титановой промышленности СССР, им была присуща тенденция превращения в научно-производственные структуры [3].

Производственные и теоретические проблемы разрешались наиболее эффективно при комплексном подходе. Важным шагом в этом направлении стало создание в Березниках филиала Всесоюзного алюминиево-магниевого института (ВАМИ) [1, с. 111]. Постоянное присутствие разработчиков на заводе значительно продвинуло создание высокоэффективного титанового комплекса. Освоение рудных месторождений, разработка технологии получения губчатого титана, слитков и полуфабрикатов создали условия для того, чтобы придать титановому производству промышленный характер [4, с. 49].

Особенностью формирования и существования титановой отрасли в СССР являлось то, что руководство ею осуществляли два ведомства. Министерство цветной металлургии ведало добычей, обогащением руды, получением чистого металлического (губчатого) титана; министерство авиационной промышленности отвечало за организацию и развитие производства изделий из титана и его сплавов. Титановое производство развивалось в рамках экономической стратегии государства, которая со второй половины 1950-х гг. ориентировала индустрию Урала на интенсивное использование созданного потенциала, переход от количественных факторов развития к качественным. Этот важный этап

становления и определения структуры управления титановой отраслью СССР полностью совпал с началом модернизационных процессов на Урале в эпоху НТР.

Советский Союз, приступив к созданию титановой промышленности почти на десятилетие позднее, чем развитые в индустриальном отношении страны, использовав мобилизационный ресурс и преимущества социалистической плановой системы за 15 лет создал мощную отрасль. Основной ее потенциал был сосредоточен на Урале, в городах Березники и Верхняя Салда. Уже на данном этапе развития титановой отрасли по базовому показателю, производству слитков, только одно уральское предприятие опередило все титанопроизводящие фирмы США.

В начале 1960-х гг. завершилась опытно-промышленная стадия развития производства металлического титана и полуфабрикатов и осуществился переход к промышленному выпуску продукции. Он характеризовался устойчивым уровнем производства с явной тенденцией к росту. Были определены направления для развития в стране крупносерийного выпуска изделий, заложены основы производственной, кадровой, социально-культурной базы титановых предприятий Урала.

Библиографический список:

1. Год рождения — 43-й. Пермь, 1968.
2. Горынин И. В. Размышления с оптимизмом. СПб., 2014.
3. Ежов А. О. Становление титановой промышленности Урала: формирование кадрового потенциала, развитие его творческой активности (1954 г. — начало 60-х гг. XX в.) // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4/2. С. 56–59.
4. Квасов Ф. И., Каганович И. Н., Кожевникова Л. И. Квасов Ф. И., Каганович И. Н., Кожевникова Л. И. Титан. Производство, применение, люди. М., 1992.
5. Мастушкин М. Ю., Кусакина Ю. Н., Федорова Л. В. Развитие титановой отрасли в России как один из технологических факторов обеспечения национальной безопасности // Титан. 2018. № 3. С. 48–57.
6. Научное совещание по металлургии, химии и электрохимии титана // Известия АН СССР. Металлургия и топливо. 1960. № 2. С. 167–168.
7. Прядеин В. С., Ежов А. О. Становление титановой промышленности Урала: формирование кадрового потенциала, развитие его творческой активности (1954 — начало 1960-х гг.) // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы VI Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2004. Т. 1. С. 479–487.
8. Housley K. L. Black Sand. The History of Titanium. Hartford, 2007.

Arkady O. Ezhov

Candidate of Historical Sciences, PSC VSMPO-AVISMA Corporation
(Russia, Verkhnyaya Salda)
E-mail: *ezhov.ao@mail.ru*

Titanium production in the Urals: the problem of formation

The paper analyzes the prerequisites, causes and characteristics of the formation of the titanium industry in the Urals in 1954 — early 1960s on the example of the largest producers of metallic titanium and products made thereof: Berezniki Titanium and Magnesium Plant (BTMK) and Verkhnyaya Salda Metallurgical Production Association (VSMPO) (now — PSC VSMPO-AVISMA Corporation). The USSR started developing the titanium industry almost a decade later than the industrialized countries, but was well ahead of them, and in less than fifteen years had created a powerful new strategic industry.

Keywords: *formation of the titanium industry, Urals, VSMPO-AVISMA Corporation*

Запарий Василий Владимирович

Институт истории и археологии УрО РАН
(Россия, Екатеринбург)

E-mail: *pantera.zap@gmail.com*

Тенденции модернизации танковой промышленности Урала в условиях конверсии: 1945–1950 гг.

УДК 94(470.5)

Развитие танкостроения на Урале в послевоенное пятилетие стало важным этапом на пути промышленной модернизации региона. Резкое усложнение технологических процессов и отказ от экстенсивной стратегии развития привели уральский танкопром в 1946–1950 гг. к ситуации затяжного производственного кризиса.

Ключевые слова: *Урал, танковая промышленность, модернизация, конверсия, военное производство*

Завершение Великой Отечественной войны подвело определенный итог процессу становления и ускоренного развития танковой промышленности на Урале. Благодаря сочетанию сверхцентрализации управления военной экономикой и тотальной мобилизации человеческих и материально-технических

ресурсов, проведенных партийно-государственным руководством страны, к началу 1945 г. отрасль могла ритмично снабжать фронт боевыми машинами. Произошло становление территориально-производственных комплексов (ТПК) по выпуску тяжелых и средних танков, а также самоходно-артиллерийских установок (САУ) на их базе, была выстроена разветвленная кооперация ведущих предприятий, задействованных в танковом производстве.

Стратегическое наступление Красной Армии летом–осенью 1944 г. сделало скорое завершение войны очевидным для высшего военно-политического руководства СССР фактом, и потребовало задуматься о путях грядущей демилитаризации экономики. На уровне Наркомата танковой промышленности (НКТП) и директоров ведущих танкостроительных предприятий Урала начались консультации относительно характера гражданской продукции, которую они должны были выпускать после завершения боевых действий.

Эти перемены способствовали нарушению хрупкого состояния относительного равновесия, в котором пребывала танковая промышленность СССР и Урала на завершающем этапе войны. Неизбежный возврат ранее включенных в состав НКТП предприятий их прежним ведомствам ставил под удар устоявшуюся систему кооперации. Этот ведомственный конфликт ярче всего «заиграл» именно на Урале, когда Наркомтяжмаш и Наркомат путей сообщения (НКПС) затребовали передать под их управление Уральский завод тяжелого машиностроения (УЗТМ), завод № 76 в Свердловске, а также территорию бывшего Уралвагонзавода (УВЗ) в Нижнем Тагиле. Передача их бывшим хозяевам привела бы к полному коллапсу танкостроения. В сентябре–октябре 1946 г. руководство НКТМ и Главное автобронетанковое управление (ГАБТУ) обратились лично к И. В. Сталину, надеясь убедить его сохранить минимально приемлемые для этих ведомств мощности танкового производства [2, с. 336]. В результате высшее партийно-государственное руководство пошло на компромисс, приняв решение о полном прекращении со второго квартала 1946 г. танкового производства на УЗТМ, однако завод № 183 на площадке бывшего УВЗ было приказано оставить в подчинении НКТМ и, соответственно, «Главтанка».

Переход к мирному времени, при резком сокращении валовых объемов военной продукции, поставил вопрос о сохранении

подготовленных за годы войны в танкостроении квалифицированных рабочих и инженеров, пришедших на заводы НКТМ из других отраслей машиностроения. Требовалось научиться управлять производством без штурмов, мотивировать людей к труду «экономическими» методами, выполнять не только количественные, но и качественные показатели плановых заданий...

Четвертый пятилетний план (1946–1950) предписывал произвести 38 250 ед. танков и САУ. Тем не менее, заводы ведомства (сначала наркомата, а позднее уже Министерства) транспортного машиностроения в 1946 г. выполнили план военного производства на 83 %, а в 1947 г. — только на 65 % [3, с. 199]. Это объясняется и тем, что в 1947 г. завершился выпуск танков, принятых на вооружение в годы войны и спешно организовывался выпуск танков первого послевоенного поколения. Всего с сентября 1945 г. по январь 1948 г. предприятия Министерства транспортного машиностроения произвели 8 879 танков и САУ образца военного времени [3, с. 11].

При этом танкостроение региона во второй половине 1940-х гг. погрузилось в глубокий производственный кризис, связанный с коренной ломкой принципов управления производством, устареванием технологий танкостроения. Программа «Главтанка» на 1946–1947 гг. не была выполнена, а в 1948 г. показатели вновь ухудшились; преодолеть этот негативный тренд удалось только в начале 1950-х гг.

К концу 1940-х гг. производство танков на Кировском заводе в Челябинске прекратилось, сложившийся в военное время территориально-производственный комплекс по выпуску тяжелых танков прекратил свое существование. Часть из составлявших его заводов продолжали участвовать в процессе разработки и изготовления бронетанковой техники послевоенного поколения. Территориально-производственный комплекс, центр которого находился в Нижнем Тагиле, несмотря на структурные трансформации (потеря Уралмаша), смог к концу 1940-х гг. освоить массовое производство танков Т-54/Т-55. Дирекции завода удалось решить ряд «застарелых» производственно-технических и социальных проблем, значительно осложнявших работу УТЗ № 183 на протяжении всего периода Великой Отечественной войны.

Расположенные в Челябинской области танкостроительные мощности, первоначально удалось сохранить под контролем

«Главтанка». Однако обязательства привлекать свои производственные ресурсы и кадровый потенциал для решения актуальных задач атомного проекта и неспособность дирекции поднять качество оперативного управления в условиях «перегретого» планирования, привели завод к закономерному кризису. В 1950 г. Министерство транспортного машиностроения снимает с Кировского завода программу тяжелых танков (ИС-4, ИС-5), по причине их крайней технической ненадежности. Постановление Совмина СССР № 4753-1833 от 15 декабря 1949 г. возложило ответственность за невыполнение программы тяжелых танков на дирекцию Кировского завода, в лице И. М. Зальцмана и ряда его заместителей. В вину дирекции поставили развал производства: несвоевременную подачу деталей и полуфабрикатов, плохое управление танковыми цехами. Не остался без внимания высокий уровень брака среди танковых башен, поданных с завода № 200.¹

Эти очевидные современникам факты, однако, не отменяют ошибки в управлении и со стороны аппарата Министерства транспортного машиностроения, которому не удалось привести трудовую и технологическую дисциплину на заводе № 200 к должному порядку, а также организовать нормальное взаимодействие «двухсотого» и ЧКЗ (Челябинский Кировский завод). В итоге, И. М. Зальцман был объявлен главным виновником случившегося, снят с должности директора Кировского завода [1, с. 152]. В целом удручающие итоги деятельности Челябинского Кировского завода в течение 1949–1950 гг. были «сдобрены» некоторыми успехами в области дизельного производства. К концу 1949 г. без каких-либо дефектов прошли испытания 73,5 % моторов, в то время как в 1948 г. только 45,4 %. Дизельное производство Кировского завода также обеспечивало программу УТЗ № 183, оставшись после войны единственным производителем танковых силовых агрегатов в регионе.²

Традиционно слабым звеном в структуре челябинского центра танкостроения оставался завод № 200. В декабре 1949 г. по его вине был сорван план выпуска танка Т-54 на УТЗ № 183, в виду несвоевременной подачи им башен.³ Технологическая дисциплина

¹ РГАЭ. Ф. 8798. Оп. 4. Д. 247. Л. 8.

² Там же. Л. 22.

³ Там же. Д. 232. Л. 12.

на заводе находилась на низком уровне, особенно в отношении выплавки броневой стали и ее термической обработки.

В результате необходимости за свой счет устранять конструктивные недостатки, у Кировского завода не оставалось ресурсов для проведения полноценных опытно-конструкторских работ (ОКР). Перспективные узлы и образцы танковых двигателей вынуждено собирались в цехах основного производства, ориентированных на серийный выпуск тракторов. Руководство серийных цехов считало нужды опытного производства своей «головной болью».

Территориально-производственный комплекс по изготовлению средних танков и САУ на их базе, в составе двух центров концентрации производства (Уральский танковый завод № 183 им. Сталина (танки Т-34)) и (Уралмашзавод (САУ на базе Т-34)) прекратил существование в прежнем виде. В феврале 1946 г. сборка Т-34/85 здесь полностью прекратилась; дирекция начала проводить, утвержденную наркоматом реконструкцию УТЗ под вагонное производство и выпуск новых танков Т-54.⁴ Уралмаш завод прекратил работу в интересах танкостроения, а кооперирующие с ним заводы: № 50 (элементы трансмиссии) и № 76, (танковые дизели) также подверглись демилитаризации.

Реконструкция для нужд вагонного производства и усложнение технологических процессов в условиях отмены чрезвычайных методов управления, заметно снизили показатели валовой продукции УТЗ № 183. Но относительно высокое качество управления со стороны дирекции позволило сохранить ключевые рабочие кадры, получившие в годы войны бесценный опыт поточного производства. На протяжении 1946 г. в Нижнем Тагиле продолжались испытания прототипа нового среднего танка Т-45, однако он по-прежнему не полностью удовлетворял требованиям заказчика в лице Главного автобронетанкового управления (ГАБТУ). Повторяющиеся серии испытаний Т-54 заставили пересмотреть значительную часть уже отлаженных технологических процессов.⁵ Перманентная реорганизация технологических процессов на заводе продолжалась около пяти лет, и обошлась ему и государству в сумму 22 млн 786 тыс. руб. [1, с. 155]. В 1947 г. в СССР планировалось выпустить 400 танков Т-54 на трех заводах: 250 шт. — в Нижнем Тагиле, 100 шт. — в Харькове и 50 шт. — в Омске.

⁴ НТГИА. Ф. Р-417. Оп. 1. Д. 411. Л. 5–6.

⁵ Там же. Л. 38.

Реально же было изготовлено только 22 машины, причем все — на заводе № 183 [3, с. 34]. Только в 1950 г. началось массовое производство кондиционных Т-54. Несмотря на очередную модернизацию в 1951 г. (исчез обратный скос в кормовой части башни), в Нижнем Тагиле собрали более 800 танков [4, с. 77].

В ходе конверсии на всех уральских заводах, входивших в территориально-производственные комплексы по выпуску танков, произошел отход от массового выпуска изделий, изменилась их номенклатура, что потребовало переквалификации значительной части кадров. Более высокие эксплуатационные характеристики, заложенные в конструкции послевоенных танков, сделали их изготовление значительно более трудоемким. И, вместо того, чтобы навести порядок в нормировании и организации труда, многие «командиры производства», по инерции мышления рассчитывали и дальше действовать мобилизационными методами. В таком случае, большое количество рабочих могло и дальше заниматься непроизводственным трудом: транспортировкой, подсобными и иными ручными работами.

Библиографический список

1. Шубарина Л. В. Оборонно-промышленный комплекс на Урале: региональный опыт развития 1945–1965 гг. Челябинск, 2011.
2. Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е гг. М., 1996.
3. Устьянцев С. В., Колмаков Д. Г. Т-54/Т-55. Нижний Тагил, 2006.
4. Уралвагонзавод. Екатеринбург, 2001.

Vasilii V. Zapariy

Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS
(Russia, Ekaterinburg)

E-mail: pantera.zap@gmail.com

Modernization trends of the tank construction industry in the Urals during conversion: 1945–1950

The development of the tank construction industry in the Urals during the postwar five-year period was an important stage on the path of industrial modernization. The dramatic complication of technological processes and the abandonment of an extensive development strategy led the Ural “tankprom” in 1946–1950 to a long industrial crisis.

Keywords: *Urals, tank industry, modernization, conversion, military production*

Запарий Владимир Васильевич
д.и.н., Уральский федеральный университет
(Россия, Екатеринбург)
E-mail: *vvzap@mail.ru*

**Эволюция управления
промышленным производством в СССР:
от ВСНХ до отраслевых министерств 1917–1991 гг.
К постановке проблемы**

УДК 94(470)

Предметом доклада является анализ изученности проблемы управления промышленностью Советского Союза с периода создания Высшего совета народного хозяйства и до образования отраслевых министерств. Задача состоит в том, чтобы при изучении эволюции управления промышленным производством СССР объективно проследить некоторые тенденции, которые помогут современной экономике извлечь важные уроки.

Ключевые слова: *промышленное производство, управление, методология, экономическая политика, эффективность, людские ресурсы*

Исследование экономической политики советского государства является актуальным вопросом современной историографии. Придя к власти, большевики не имели разработанной политики в области управления промышленностью и экономикой в целом. Да ее и не могло быть, так как тот социально-экономический эксперимент, который совершался в России, не имел предшествующего опыта ни в стране, ни за рубежом. Общетеоретические построения Маркса, Ленина и других теоретиков марксизма никогда ранее не реализовались на практике.

Крайне важным является современная сбалансированная, а не политизированная оценка экономической политики советской власти за весь период ее существования, что даст возможность оценить ее слабые и сильные стороны. Необходимо выяснить, как на экономическую политику государства влияли общественные организации, компартия, профсоюзы и комсомол, что является особенностью советского и вообще социалистического метода экономической политики. Важным является выяснение вопроса о том, насколько возможным или невозможным было изменение экономической политики государства в условиях социализма, и насколько был закономерен тот результат, который мы имеем.

Был ли он вполне соответствующим ходу исторического развития или являлся результатом неумелого руководства в осуществлении экономических и социальных процессов?

В настоящее время ведутся споры о государственном регулировании экономического развития. Одни отрицают любое государственное вмешательство в управление экономикой, другие считают его неизбежным для преодоления «изъянов рынка». Выводы несут не только теоретический характер, но могут быть использованы для получения правильного ответа на вопрос об оценке исторических событий и опыта нашей страны в отечественной и мировой истории. Это позволит использовать опыт социально-экономического эксперимента в нашей стране в дальнейших экономических и социальных реформах.

Наиболее интенсивно эта проблема изучалась в советский период. В современной историографии не существует единого подхода к проблеме. Российские ученые исследуют историю организации управления промышленностью СССР в рамках двух методологических концепций. Оценивая проводимые в промышленности управленческие реформы с точки зрения теории модернизации, историки привлекают внимание к тем организационным формам управления, которые позволяли наиболее эффективно развивать промышленное производство, положительно оценивают территориальную (совнархозовскую) систему управления, существовавшую в СССР в годы НЭПа и хрущевских реформ [1; 3; 5].

Исследователи, работающие в рамках мобилизационной теории советского общества, полагают, что наиболее адекватно отвечала задачам создания социалистической промышленности административно-командная система управления, к которой относились как территориальная, так и отраслевая системы [6; 7; 8].

Западная историография в оценке перспектив существования советской экономической модели не является единой. В последнее десятилетие внимание зарубежных ученых все больше привлекает послевоенный период, ибо, по их мнению, именно в 1945–1991 гг. были заложены причины краха советской экономической модели. Для исследователей консервативного направления, оценивающих историю СССР с точки зрения концепции советского тоталитаризма, крах советского общества был предрешен с момента его возникновения. Ряд зарубежных авторов [4; 2] причину

неэффективности советской экономики видели в том, что именно центральные министерства были настоящими хозяевами страны.

Либеральные исследователи полагают, что имелись реальные альтернативы развития советской экономики. Исследования, проведенные в этой области Т. Данмором показали, что реальное экономическое поведение хозяйственных единиц далеко не всегда определялось командами из центра [9]. Он считал, что командная экономика в рассматриваемый период была непригодна для достижения приоритетных целей.

Зарубежные авторы приходят к обоснованному выводу о том, что совнархозовская реформа 1957 г. не дала сколько-нибудь существенных положительных результатов и привела к серьезным проблемам в экономике [10]. В зарубежной литературе большим влиянием пользуется точка зрения, согласно которой в эпоху Л. И. Брежнева в СССР существовала экономика смешанного типа с преобладанием элементов централизма.

В последние три десятилетия зарубежная историография экономической истории СССР сделала заметный шаг вперед. У сторонников тоталитарной модели появились влиятельные оппоненты в лице представителей «социальной истории», которые значительно расширили поле исторического исследования, обратившись к изучению влияния экономических реформ, в том числе реформ в области управления промышленностью.

В последнее время в экономической теории возрос интерес к институциональному направлению, изучающему поведение экономических объектов и приведшей к возникновению новой школы. Отчасти это связано с попытками преодоления характерных для неоклассики: аксиомы полной рациональности, совершенной конкуренции, установления равновесия посредством ценового механизма, и рассмотреть все экономические процессы комплексно всесторонне и в возникшей необходимости исследовать новые явления эпохи НТР.

Национализация промышленности разрушила рыночную систему управления производством. Большевики полагали, что ее успешно заменит централизованная командная система, когда каждое предприятие выполняет государственное задание. В этих целях 1 декабря 1917 г. был создан Высший совет народного хозяйства (ВСНХ). В его задачи входили разработка общих норм и плана регулирования экономической жизни страны и руководство

всеми существующими учреждениями по регулированию хозяйства. Рост самостоятельности трестов, усложнение управления промышленностью в период индустриализации привели к тому, что от ВСНХ стали отделяться самостоятельные отрасли управления. В 1932 г. союзный и все республиканские СНХ были преобразованы в отраслевые народные комиссариаты.

Промышленность в СССР играла решающую роль в создании базы для ускоренной индустриализации отраслей общественного производства на основе современной машинной техники. С расширением хозяйственного строительства и накоплением опыта совершенствовалась система государственного управления экономикой, в том числе и ее промышленной составляющей. В 1922 г. ВСНХ были присвоены права объединенного наркомата, в ведение которого оставлены предприятия союзного значения. В январе 1932 г. его преобразовали в общесоюзный наркомат тяжелой промышленности. В связи с дальнейшим развитием промышленности и созданием новых отраслей производства происходило разукрупнение промышленных наркоматов.

К 1957 г. в СССР имелось 37 общесоюзных и союзно-республиканских министерств по промышленности и строительству, когда была начата перестройка по территориальному принципу. Она дала некоторые положительные результаты, но привела к утрате централизованного управления промышленностью, что заставило отказаться от этого эксперимента. В 1963 г. ВСНХ был образован повторно для централизации системы управления по территориально-производственному принципу. После отставки Н. С. Хрущева органы территориального управления промышленностью были упразднены, а вместо них были созданы отраслевые промышленные министерства.

Важное значение в развитии промышленного развития СССР имела экономическая реформа 1965 г. Происходила ликвидация совнархозов и воссоздание отраслевых министерств. Руководители предприятий наделялись широкими правами в области планирования. Это привело к увеличению роста экономики в целом.

За время своего существования централизованная система управления промышленностью СССР дважды сменялась децентрализацией, а последняя неизбежно сменялась новой централизацией. Причины такого рода циклических колебаний

в литературе совершенно не изучены. Проанализировав развитие промышленного производства СССР в указанный хронологический период, следует обратить внимание на то, что современная экономика нашей страны имеет ряд проблем, которые можно решить благодаря опыту предыдущих лет.

Библиографический список

1. Благих И. А. История экономических учений. М., 2016.
2. Боффа Дж. СССР: от разлуки к мировой державе. Советский про-
рыв. М., 2015.
3. Веденеев Ю. А. Организационные реформы государственного
управления промышленностью. 1957–1987 гг. М., 1990.
4. Верт Н. История советского государства. 1990–1991 гг. М., 1992.
5. Гафурова В. М. Создание и трансформация органов управления со-
циалистической промышленностью Урала (1918–1929 гг.). Екатеринбург,
2008.
6. Зиновьева Л. Г. Государственное управление промышленными
предприятиями в 60–70-е годы XX века. М., 2006.
7. Симонов Н. С. ВПК СССР: темпы экономического роста, структура,
организация производства, управление. М., 2015.
8. Хозяйственное освоение Урала и Западной Сибири в XX веке: пла-
нирование и управление. Екатеринбург, 2018.
9. Dunmore T. The Stalinist command economy. The Soviet state
apparatus and economic policy 1945–53. London, 1980.
10. Dyker D. A. Economic Policy Making and Business Culture: Why is
Russia so Different? London, 2011.

Vladimir V. Zapariy

Doctor of Historical Sciences, Ural Federal University
(Russia, Ekaterinburg)
E-mail: vvzap@mail.ru

Evolution of industrial production management in the USSR: from VSNKH to industrial ministries 1917–1991. To a problem statement

The subject of the paper is the analysis of scientific scrutiny of the USSR industry management from the period of the High Council of the National Economy to the formation of branch ministries. The task is to study the evolution of industrial production management in the USSR and trace some trends that will help the modern economy to draw important lessons.

Keywords: *industrial production, management, methodology, economic policy, efficiency, human resources*

Ильиных Владимир Андреевич
д.и.н., Институт истории СО РАН (Россия, Новосибирск)
E-mail: *agro_iwa@mail.ru*

**Сельское хозяйство Сибири
в 1970–1980-е гг.: застой
или структурная перестройка**

УДК 94(47)«197/198»

В 1970-е гг. темпы роста производства сельхозпродукции в Сибири снизились, во второй половине 1980-х гг. — выросли. К концу исследуемого периода в сельском хозяйстве региона произошли позитивные структурные сдвиги. Основной его специализацией являлось животноводство, в рамках которого существенную роль играли свиноводство и птицеводство.

Ключевые слова: *сельское хозяйство, аграрная политика, земледелие, животноводство, Сибирь*

В годы восьмой пятилетки (1966–1970) в Сибири были достигнуты высокие темпы наращивания сельхозпроизводства. Валовое производство по сравнению с предыдущим пятилетием увеличилось по региону на 19,7%.¹ Этому, безусловно, способствовали меры по экономическому стимулированию сельхозпредприятий и сельских тружеников, а также увеличение капитальных вложений. Но эффект от этих мер был усилен благодаря более благоприятным, чем в предыдущее пятилетие, погодно-климатическим условиям.

В 1970-е гг. темпы прироста аграрного производства начали снижаться. В годы девятой пятилетки (1971–1975) валовая продукция сельского хозяйства в Сибири увеличилась на 11%, в годы десятой пятилетки (1976–1980) — на 2,3%. На темпы развития аграрного сектора экономики региона во второй половине 1970-х гг. существенное влияние оказали погодно-климатические условия. Годы десятой пятилетки оказались существенно менее урожайными, чем предыдущей. Одиннадцатая пятилетка (1981–1985) началась с двух подряд катастрофических неурожаев на

¹ Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, количественные параметры аграрного производства рассчитаны по статистическим сборникам ЦСУ СССР и Госкомстата СССР, РСФСР и РФ: Сельское хозяйство СССР (1965–1981 гг.). М., 1982; Сельское хозяйство СССР. М., 1988; Развитие агропромышленного комплекса РСФСР. М., 1989; Сельское хозяйство в России. М., 1998; Российский статистический ежегодник. 2000. М., 2000.

большей части Западной Сибири. В целом за 1981–1982 гг. объем аграрного производства в Сибири сократился на 6,2 % [1, с. 151].

Снижение темпов развития сельского хозяйства происходило на фоне нарастания кризисных явлений в отрасли. Резко упали эффективность сельхозпроизводства, его фондоотдача, окупаемость применяемых средств, производительность труда, возросла себестоимость продукции. Главным сдерживающим фактором роста производства являлась низкая трудовая отдача работников сельхозпредприятий. Колхозники и рабочие совхозов, трудившиеся в громоздких и трудноуправляемых подразделениях, не были связаны с конечным результатом ни организационно, ни материально. Деньги они получали за выход на работу, а не за ее итоги. А основная трудовая функция сводилась к механистичному (почти как на заводском конвейере) выполнению операций сельскохозяйственного цикла. Нарастающее отчуждение от средств производства и результатов труда приводило к ослаблению трудовой, исполнительской и технологической дисциплины, нерациональному расходованию сырья, материалов, электроэнергии. Негативное влияние на ситуацию в аграрном секторе экономики оказывала усилившаяся сельско-городская миграция, приводившая к сокращению сельского населения. Острый характер приобрел дефицит трудовых ресурсов. Потребительский спрос на ценные продукты питания опережал предложение. В связи с этим началась реанимация карточной системы.

Кризисные явления в разной степени затронули отдельные отрасли и подотрасли аграрного сектора экономики. В 1981–1985 гг. среднегодовое производство яиц в Сибири выросло по сравнению с 1966–1970 гг. на 131 %, овощей — на 52,4 %, мяса — на 32,4 %, молока — на 9,3 %, зерна — 0,6 %, а картофеля снизилось на 17,2 %. Валовая продукция животноводства в целом за годы десятой пятилетки увеличилась на 5,9 %, одиннадцатой пятилетки — на 6 %. В растениеводстве во второй половине 1970-х гг. была зафиксирована рецессия (-3,5 %), а в первой половине 1980-х гг. — незначительный рост (+2,8 %).

В рамках животноводства постоянно возрастала роль скороспелых подотраслей — птицеводства и свиноводства, производство продукции которых все более перемещалось на крупные птицефабрики и свинокомплексы. В то же время темпы молочного скотоводства были низкими.

Необходимость налаживания стабильного кормообеспечения животноводческих комплексов и птицефабрик определяла расширение посевов кормовых и зерновых фуражных культур. Площади, занятые пшеницей, напротив, сокращались. В 1985 г. зерновых культур в целом и пшеницы посеяли на 8,7 и 36 % меньше, чем в 1970 г., а кормовых культур — на 17,2 % больше. Доля кормовых культур в регионе в общей площади посева увеличилась с 30 % в 1970 г. до 36 % в 1985 г., а зерновых уменьшилась — с 66 до 61 %. Наиболее значимыми были сдвиги в структуре зерновых. Доля пшеницы в общей площади посевов и посевах зерновых сократилась с 48,5 до 31,4 и с 73,4 до 51,5 %. Прочие зерновые в 1970 г. занимали 26,6 % хлебного поля, а в 1985 г. — 48,5 %.

Существенно (на 17,2 %) уменьшились посадки картофеля. Это объясняется улучшением структуры питания и сокращением числа и размеров личных приусадебных хозяйств. Негативное влияние на зерновое хозяйство и картофелеводство оказывали периодические засухи. Развитие овощеводства на поливных землях в пригородных совхозах компенсировало его снижение в личном секторе экономики.

Более высокий уровень прироста сельскохозяйственного производства был достигнут в районах ускоренного развития нефтегазовой и горнодобывающей промышленности. С целью обеспечения продовольствием населения, занятого в индустриальном секторе экономики, в этих районах шло интенсивное строительство птицефабрик и животноводческих комплексов, развивалось пригородное овощеводство. Большие средства вкладывались и в создание продовольственной базы в прилегающих к территориям нового освоения южных районах. В Томской, Тюменской и Омской областях объем валовой продукции сельского хозяйства в 1981–1985 гг. по сравнению с 1966–1970 гг. вырос соответственно на 33,8, 31 и 29,9 %.

В то же время в районах с более традиционной специализацией сельское хозяйство развивалось крайне медленно. В Читинской области прирост составил 16,3 %, в Новосибирской области — 14,9 %, в Алтайском крае — 9,5 %, а в Туве был зафиксирован небольшой спад (-0,6 %).

Кризисные явления в сельском хозяйстве СССР в конце 1970-х — начале 1980-х гг. со всей очевидностью продемонстрировали бесперспективность продолжения прежней аграрной

политики. С этого времени с целью преодоления отчуждения тружеников села от средств производства и результатов труда началось повсеместное внедрение в сельское хозяйство коллективного, а затем и арендного подряда.

Распространение новых форм организации труда, продолжающееся введение в эксплуатацию крупных птицефабрик и животноводческих комплексов, а также более благоприятные, чем в начале 1980-х гг., погодные условия позволили уже в середине десятилетия улучшить ситуацию в сельском хозяйстве Сибири. Несмотря на рецессию 1981–1982 гг., валовое производство сельхозпродукции за одиннадцатую пятилетку в целом выросло в регионе на 5,6%. Во второй половине десятилетия темпы наращивания сельхозпроизводства продолжали увеличиваться. Среднегодовое валовое производство аграрной продукции за годы двенадцатой пятилетки (1986–1990) в Сибири выросло на 11,8%.

Разные результаты демонстрировали отдельные отрасли сельского хозяйства региона. В 1986–1990 гг. среднегодовой прирост производства мяса, яиц и молока превышал показатели предыдущего пятилетия и составлял соответственно 18,1, 11,5 и 13,9%. Зерновое хозяйство развивалось более умеренными темпами (+4,3%). В то же время овощей, картофеля во второй половине 1980-х гг. в Сибири произвели соответственно на 6,1 и 8,7% меньше, чем в первой половине десятилетия.

В целом последняя советская пятилетка оказалась для сельского хозяйства региона достаточно результативной. Более высокие темпы прироста в регионе за предыдущее тридцатилетие были достигнуты лишь за годы восьмой пятилетки. При этом следует иметь в виду, что в первой половине 1960-х гг. в сельском хозяйстве был зафиксирован значительный спад, связанный с неурожаем 1962, 1963 и 1965 гг. в целинных районах. Поэтому высокие темпы развития сельского хозяйства в годы восьмой пятилетки имели в значительной степени компенсаторный, восстановительный характер.

В итоге в 1970–1980-е гг. в сельском хозяйстве Сибири произошли существенные сдвиги во внутриотраслевой структуре. Основной специализацией аграрного сектора экономики региона во второй половине 1980-х гг. являлось животноводство, в рамках которого существенную роль играли птицеводство и свиноводство. Удельный вес животноводства в общем объеме

сельхозпроизводства в 1986–1988 гг. составлял 64,5 %. Таким образом, структура сельского хозяйства Сибири в конце 1980-х гг. была достаточно диверсифицированной и сбалансированной.

Несмотря на позитивные структурные и количественные изменения, принципиальных качественных сдвигов в аграрном секторе экономики не произошло. Низким оставалось качество производимой продукции, высоким уровень потерь, недостаточной и несовершенной переработка. Прирост производства сельхозпродукции не компенсировал нарастающее превышение платежеспособного спроса населения на продукты питания над их предложением. Продовольственное снабжение населения продолжало ухудшаться. Карточная система приобрела тотальный характер. Это способствовало радикализации общественного сознания и привело к смене политической и экономической системы, включая аграрный строй.

Библиографический список

1. Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. 1960–1980-е гг. Новосибирск, 1991.

Vladimir A. Ilinykh

Doctor of Historical Sciences, Institute of History, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)

E-mail: agro_iwa@mail.ru

Siberian agriculture in the 1970s–1980s: stagnation or restructuring

In the 1970s, the growth rate of agricultural production in Siberia decreased, but it increased in the second half of the 1980s. By the end of the studying period, there were positive structural changes in the regional agriculture. Its main specialization was animal husbandry, where pig and poultry production played a significant role.

Keywords: *agricultural industry, agrarian policy, crop farming, livestock farming, Siberia*

Карпов Виктор Петрович

д.и.н., Тюменский государственный университет

(Россия, Тюмень)

E-mail: 7654321.58@mail.ru

**Проблемы геологического обеспечения
российских арктических проектов:
исторический аспект**

УДК 338 (98)

Показаны преемственность задач и несогласованность решений в подготовке минерально-сырьевой базы в Арктике, роль государства в развитии геологии в советский и постсоветский периоды. Успехи в изучении региона во многом объясняются долгосрочными научными программами поисковых работ в Арктике. В постсоветский период сиюминутные интересы заслоняют перспективу развития Крайнего Севера.

Ключевые слова: *Арктика, государство, наука, разведка, программы*

Исследователи часто противопоставляют дореволюционный, советский и постсоветский периоды в истории отечественной геологии: до 1917 г. — ничтожные затраты на науку и разведку, невнимание правительства к нуждам отрасли; в СССР — расширение географии минерально-сырьевой базы промышленности в рамках политики комплексного развития производительных сил страны, после распада СССР — развал отрасли. Но преемственность задач в обеспечении экономики страны необходимой минерально-сырьевой базой (МНСБ) очевидна. Одним из важнейших факторов развития государства остаются ресурсы Арктики.

В советский период созданию гигантских территориально-производственных комплексов (ТПК), составивших промышленный «каркас» российской Арктики, предшествовали успехи геологов по выявлению МНСБ будущих ТПК. В 1960–1980-е гг. в европейской части страны сложился Мурманский ТПК, в республике Коми и в Ненецком АО — Тимано-Печорский, в северной части Красноярского края — крупнейший в стране Норильский горно-металлургический комплекс, на севере Тюменской и Томской областей — мощный Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс.

Государственная организация геологической службы в СССР позволяла охватывать поисками полезных ископаемых

значительные территории, включая Крайний Север Западной Сибири, арктическое побережье с прицелом на шельф Северного Ледовитого океана и его острова. Объем геологоразведочных работ (ГРР) был настолько велик, что все открытые месторождения невозможно было сразу включить в народнохозяйственный оборот, поэтому особое внимание обращалось на те, которые непосредственно примыкали к индустриальным центрам, могли быть задействованы при наименьших капитальных вложениях. Несмотря на высокую эффективность разработки сибирских полезных ископаемых, многие открытые месторождения не готовились к промышленному освоению по мере их открытия, а подлежали консервации. Предполагалось, что по мере необходимости они будут включаться в комплексные разработки территориально-производственного планирования СССР [7, с. 75]. Некоторые из открытых в СССР газовых гигантов Ямала вводятся или планируются к освоению только в 2010-е гг.: Бованенковское месторождение открыто в 1971-м, в освоении с 2012 г., Харасавэйское месторождение открыто в 1974-м, планируемый запуск в эксплуатацию — 2019 г.

На рубеже 1980–1990-х гг. произошло свертывание экономической активности государства, изменилось само понятие геологической отрасли. Правительство основные надежды возлагает на то, что поисками месторождений займутся горнодобывающие компании. Однако концепция, основанная на воспроизводстве МНСБ за счет негосударственных инвестиций, как показывает уже многолетний опыт, себя не оправдала. Объемы ГРР упали. Планы «Энергетической стратегии России на период до 2035 г.» (принята в 2014 г.) могут остаться на бумаге, если не обеспечить необходимый прирост запасов. А для этого нужно развивать геологию. На конкурсы государство выставляет уже не месторождения, а участки земель. Компании их брать не хотят, потому что победителю придется вложить в разведку недр миллиарды рублей, неся колоссальные геологические риски.

Во всех правительственных документах по Арктике придается большое значение разработке концепций и стратегий по развитию МНСБ. Но такие решения должны разрабатываться на основе долгосрочной программы развития экономики России, наподобие «Генеральной схемы развития и размещения производительных сил страны и ее районов». Такие программы разрабатывались

в СССР сроком на 15–20 лет [2, с. 92, 93]. Сегодня необходим более далекий горизонт планирования и, разумеется, реализация таких программ возможна уже не в рамках командной экономики, а на основе государственно-частного партнерства (ГЧП). Его, к сожалению, нельзя пока назвать эффективным. В числе прочих причин неэффективности — отсутствие выверенной перспективы развития страны. В результате государство на чем-то не оправданно экономит, на другом — необоснованно теряет. Появляются, например, проекты проведения сейсморазведки с помощью подводных лодок. Они могут обеспечить военно-промышленный комплекс выгодными заказами, а в какую сумму обойдется такая разведка? Между тем, задача решается намного дешевле на базе дрейфующих станций типа «Северный полюс», давным-давно используемых в гидрометеорологии. Другой пример нерационального расходования бюджетных средств — полуостров Ямал, где строится три порта, в то время как, по мнению специалистов, хватило бы одного. Нестыковки объясняются отсутствием генеральной схемы и реального ГЧП [3, с. 92].

Серьезные проблемы, связанные с ГРП в Арктике, — технические и технологические. Доля зарубежного оборудования для разведки здесь составляет до 80 %, а для работы на морской поверхности — до 100 % [6, с. 389]. Многие типы сложного оборудования, необходимые для работы на шельфе, Россия не производит. В частности, у отечественных компаний нет специальных кораблей для осуществления глубоководного бурения. Нет и самоподъемных буровых установок (СПБУ), а их аренда стоит дорого — один день работы иностранной СПБУ обойдется в 500 тыс. долл., а строительство скважины — в 50–70 млн долл. Необходимо отечественное оборудование, способное выполнять буровые работы на шельфе, но в данном направлении государство не предпринимает никаких шагов, полагаясь, видимо, на нефтегазовые компании. Те, в свою очередь, эти проблемы тоже не торопятся решать — строительство добычных и буровых платформ требует миллиардных затрат (стоимость строительства арктической буровой платформы — около 40 млрд рублей) [1, с. 57, 58]. При этом мировые инвестиционные потоки, направляемые в минерально-сырьевой комплекс, почти миновали Россию. Оцениваемая в треть от мировой, отечественная МНСБ привлекает менее 0,5 % глобальных инвестиций.

После утверждения в 2008 г. «Основ государственной политики в Арктике на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу» в РФ ускорилось лицензирование месторождений арктического шельфа. Победителями стали «Газпром» (68 лицензий) и «Роснефть» (51 лицензия). Но дела у этих госкомпаний идут плохо, изученность арктического шельфа остается крайне низкой — примерно в 20 раз ниже, чем шельфа Норвегии и в 10 раз — чем американского шельфа Чукотского моря [4, с. 14].

Российская нефтегазовая промышленность имеет богатейший опыт, и еще недавно считалось, что достаточно перенести его на шельф, а наработки в судостроении — в строительство морских буровых платформ, и можно приступать к разработке арктических ресурсов. Но оказалось, что этих наработок недостаточно. Мировая индустрия сейсморазведки и геофизики ушла далеко вперед. Если за рубежом на высокоразрешающие методы сейсморазведки приходится уже более половины проводимых работ, то в России они практически отсутствуют. Технологический уровень геофизических исследований, которые выполняли на своих лицензионных участках в Арктике «Роснефть» и «Газпром» в 2016 г., соответствует уровню 10–15-летней давности [5, с. 37].

Несмотря на то, что ресурсно-сырьевой приоритет отчетливо прослеживается в государственных программах освоения Арктики, новые масштабные задачи причудливым образом сочетаются с ослаблением внимания государства к геологоразведке. В советское время важнейшей предпосылкой всякой экономической деятельности на Севере было изучение МНСБ территории. А в постсоветский период геологическая отрасль в значительной мере разрушена, отдана на откуп горнодобывающим компаниям. Если Россия не хочет остаться «на берегу», ей предстоит решить очень широкий комплекс проблем — от разработки собственных технологий разведки и добычи до организации массового строительства морских буровых платформ, от окончательного правового урегулирования международного статуса «родной» Арктики до создания эффективного инвестиционного механизма для ее освоения.

Библиографический список

1. Банько Ю. Упущенный шанс // Нефть России. 2018. № 1–2. С. 56–59.
2. Карпов В. П. Север и Арктика в «Генеральной перспективе» СССР: проблемы комплексного освоения // Уральский исторический вестник. 2016. № 1. С. 91–99.

3. Карпов В. П. Освоение российской Арктики: в плену ситуационных решений // Горные ведомости. 2018. № 2. С. 90–100.

4. Конопляник А., Бузовский В., Попова Ю., Трошина Н. Возможности и разработки арктического шельфа // Нефть России. 2016. № 1–2. С. 14–19.

5. Кутузова М. «Холодный душ» для шельфа // Нефть России. 2016. № 1–2. С. 36–40.

6. Комлева Е. В., Куперштох Н. А., Ламин В. А., Матханова Н. П., Тимошенко А. И., Шиловский М. В., Элерт А. Х. Россия в Арктике: государственная политика и проблемы освоения. Новосибирск, 2017.

7. Тимошенко А. И. Государственная организация геологоразведочной службы — важное условие модернизации экономики Сибири и Дальнего Востока: взгляд историка // Горные ведомости. 2014. № 5. С. 74–82.

Viktor P. Karpov

Doctor of Historical Sciences, Tyumen State University

(Russia, Tyumen)

E-mail: 7654321.58@mail.ru

Problems of geological support of Russia's Arctic projects: historical aspect

The paper demonstrates the sequence of tasks and inconsistency of solutions in the preparation of the mineral resource base in the Arctic, the role of the state in the development of geology in the Soviet and post-Soviet periods. Achievements in the study of the region can be explained by long-term research programs of Arctic exploration. In the post-Soviet period, short-term interests overshadow the perspective of the Far North development.

Keywords: *Arctic, state, science, exploration, programs*

Комгорт Марина Валерьевна

к.и.н., Тюменский индустриальный университет

(Россия, Тюмень)

E-mail: komgort@mail.ru

**«Широта и узость сибирских горизонтов»:
геологическая наука и производственная
геология в борьбе за сибирскую нефть**

УДК 553.98

В докладе анализируются взаимоотношения тюменской производственной и научной геологии при реализации плана опорного бурения на территории Западной Сибири в 1950–1960-е гг. Автор приходит к выводу, что противоречия между учеными и производственниками были обусловлены различными подходами к методике изучения нефтегазоносного потенциала региона.

Ключевые слова: *Западно-Сибирская нефтегазоносная провинция, опорное бурение, Н. Н. Ростовцев, Ю. Г. Эрвье*

В отличие от других нефтегазоносных провинций страны, доминировавших до открытия Западно-Сибирского мегабассейна, новая провинция изучалась и осваивалась как единый геологический объект с определенными закономерностями формирования и локализации углеводородов. Важную роль в ее открытии сыграли как научные институты, так и производственные геологические организации. Были ли они союзниками в борьбе за сибирскую нефть? Постановка вопроса может показаться странной, но ответ на него, на наш взгляд, не будет однозначным.

Рассмотрим его на примере взаимоотношений тюменских геологов-производственников и ученых в преддверии «открытия века». Поскольку эти отношения в значительной степени оказались персонифицированы, в центре внимания будут два выдающихся представителя региональной геологии — Николай Никитич Ростовцев и Юрий Георгиевич Эрвье.

Детальное изучение их биографий обнаруживает ряд удивительных совпадений. Ростовцев и Эрвье были практически ровесниками: Николай Никитич старше Юрия Георгиевича всего на два года. Оба практически одновременно, в конце 1920-х гг., начали производственную деятельность в геологических организациях и достаточно быстро продвинулись по карьерной лестнице, став начальниками партий. Ростовцев, в силу разных

причин, смог окончить институт экстерном, Эрвье получил образование на годичных Высших инженерных курсах геолого-разведчиков. Позже Николай Никитич уйдет «в науку», Юрий Георгиевич останется верен производству, хотя предложение заняться наукой, судя по воспоминаниям, он получал неоднократно. В Тюмени Эрвье достаточно быстро пройдет по карьерной лестнице от главного инженера Тюменского нефтеразведочного треста до начальника треста «Тюменьнефтегеология» и начальника Главтюменьгеологии. Ростовцев, начав работу в Сибири в должности научного руководителя Западно-Сибирской комплексной тематической экспедиции Всесоюзного геологического института (ВСЕГЕИ), в 1957 г. станет заведующим отделом нефти в Сибирском научно-исследовательском институте геологии, геофизики и минерального сырья (СНИИГГиМС), а в 1964 г. будет назначен директором Западно-Сибирского научно-исследовательского геологоразведочного нефтяного института (ЗапСибНИГНИ).

Для Н. Н. Ростовцева Западная Сибирь стала своеобразным «полигоном» для осуществления плана опорного бурения, разработанного во ВСЕГЕИ под его непосредственным руководством. Стоит отметить, что в конце 1940 — начале 1950-х гг. в геологическом сообществе явно обозначились две основные методики проведения поисково-разведочных работ на нефть и газ в Западной Сибири. Сторонники первой делали упор на региональные исследования и в соответствии с этим предлагали покрытие ее аэромагнитной съемкой, пересечение всей низменности сейсмическими профилями, бурение опорных скважин с доведением каждой из них до кристаллического фундамента и выявление геофизическими работами поднятий между каждой парой опорных скважин с последующей постановкой на них поискового бурения. Приверженцы второй методики, ссылаясь на слабую изученность низменности и признаваемую большинством геологов перспективность поисков нефти и газа в ее южных районах, предлагали сосредоточить работы именно в этой, сравнительно обжитой и доступной местности. Подходя к Западно-Сибирской низменности, как территории по определению нефтегазоносной, они предлагали заняться поисками локальных поднятий, оконтуриванием их геофизическими методами и бурением глубоких скважин на каждом поднятии.

После трудной победы, одержанной в научной дискуссии с противниками последовательного осуществления плана опорного бурения, Ростовцеву пришлось столкнуться с противодействием геологов-производственников уже при непосредственной реализации плана. «Ругали нас невероятно, — вспоминал Николай Никитич. Руководители треста, главка называли опорные скважины аферными и еще так, что произносить неприлично. Как только ни чудили...» [1, с. 156]. Ростовцев не указывает, кого лично именно он имеет ввиду, но догадаться не сложно. Одним из самых ярких противников «пустой траты» государственных средств на опорное бурение был начальник треста «Тюменьнефтегеология» Ю. Г. Эрвье. «Где и как искать нефть и газ, никто не знал, — утверждает он. Предложенный Советом по опорному бурению план носил чисто познавательный, геологический характер. Скважины, задаваемые по этому плану, были не чем иным, как “дикими кошками” — скважинами, которые бурились без геолого-геофизических обоснований» [4, с. 67]. По его мнению, «переоценка опорного бурения и недооценка предварительного изучения территории региональными геофизическими методами принесли государству не пользу, а огромный вред» [4, с. 68]. В отличие от Ростовцева, полагававшего, что верная теория, если не отступить, рано или поздно проложит себе дорогу в практику, Эрвье верил: «Нефть там, где ты ее находишь, и главные аргументы в научных спорах приводит “профессор Долото”» [3, с. 64, 65].

Производственников можно было понять: опорные скважины, которые, как правило, были одиночными, не обеспечивали им достаточного фронта работ и создавали проблемы с выполнением плана. В отличие от разведочной скважины, при бурении опорной со средней глубиной в три километра требовался более полный отбор керна по всему стволу скважины, обязательное опробование максимально возможного числа проницаемых пластов и выполнение всех известных видов каротажа. К тому же частый спуск и подъем инструмента (как правило, через каждые семь-десять метров) приводил к быстрому изнашиванию обсадных труб и становился причиной сложных аварий. И, наконец, стоимость опорных скважин была в шесть-восемь раз дороже разведочных.

Противостояние разных точек зрения о приоритетных направлениях нефтепоисковых работ и методике их проведения не могло не сказаться на их характере. Как впоследствии признавался

Н. Н. Ростовцев, хотя предложенный им план опорного бурения и был принят и во многих своих частях успешно осуществлен, тем не менее, при его реализации было допущено много ошибок и отклонений от намеченного генерального направления работ. Главным образом это выразилось в сосредоточении буровых работ на отдельных структурах преимущественно южной части низменности.

Действительно, в ходе осуществления программы опорного бурения на территории Западной Сибири в 1949–1962 гг. было пробурено двадцать девять скважин, двадцать четыре из которых были проведены к югу от 60-й параллели. И только пять скважин — Тазовская, Туруханская, Казымская, Мало-Атлымская и Березовская — к северу от нее. При этом на территории Ханты-Мансийского округа было пробурено всего восемь скважин, а в пределах Ямало-Ненецкого забурена единственная, Тазовская, опорная скважина, переведенная по причине получения аварийного газового фонтана в разряд поисковых. При огромных размерах территории Западной Сибири плотность бурения составила всего одну скважину почти на 100 тыс. км. Динамика роста объемов опорного бурения была характерна для периода 1949–1953 гг., пока территория низменности была слабо изучена геофизическими методами и поисково-разведочным бурением. В последующие годы происходил его неравномерный спад и в 1950–1955 гг. около 70 % общего количества опорных скважин было закончено бурением [2, с. 206].

Н. Н. Ростовцев и в своих публикациях, и в выступлениях на совещаниях разного уровня продолжал убеждать в необходимости продолжения опорного бурения. В декабре 1958 г. на заседании Ученого Совета по опорному бурению Н. Н. Ростовцев представил новый план опорного бурения и региональных работ в Западно-Сибирской низменности на 1959–1965 гг. Планом предусматривалось бурение 14 опорных и 51 поисково-структурных скважин преимущественно в «неизученных или явно недостаточно изученных районах» низменности. При этом Тюменское геологическое управление должно было пробурить семь опорных скважин: Тазовскую, Надымскую, Тарко-Салинскую, Каменно-Мысскую, Байдарацкую и Тамбейскую. Заметим, что все они располагались на территории Ямало-Ненецкого округа. Разработчик плана настаивал на первоочередном бурении самых северных опорных

скважин, начало бурения которых, к его сожалению, сибирские геологические управления переносили на 1968–1970 гг. В частности, Тюменское управление откладывало бурение Байдарацкой, Север-Ямальской и Тамбейской скважин с 1965 г. на 1970 г.

Оценивая значение реализации программы бурения опорных скважин на территории Западной Сибири, следует заметить, что благодаря этим скважинам была не только доказана потенциальная нефтегазоносность региона, но и открыты Березовский, Тазовский нефтегазоносные районы и Фроловская область. Некоторые из опорных скважин оказались на расстоянии всего нескольких километров от открытых позже месторождений нефти и газа. При бурении опорных Березовской (1953 г.) и Тазовской скважин (1962 г.) были обнаружены газовые залежи. В первом случае это сыграло решающую роль в активизации поисково-разведочных работ в Сибирском Приуралье, а во втором случае привело к усилению внимания к северным районам Западно-Сибирской низменности. Сургутская, Колпашевская, Локосовская, Ханты-Мансийская и ряд других скважин определили «нефтяное лицо» Среднего Приобья. При этом подсчеты, выполненные специалистами ЗапСибНИГНИ, показали, что если на все опорное бурение в Западной Сибири было израсходовано 26 млн руб., то на провозку «сухих скважин на бесперспективных участках — 65 млн, то есть в 2,5 раза больше» [1, с. 167]. В этой связи вызывает удивление утверждение Эрвье, что никто не знал, где и как искать нефть и газ, и что геологи «пришли к открытиям без широкой науки» [4, с. 6]. Документы доказывают обратное: производственники часто не хотели прислушиваться к доводам науки.

Противостояние Ростовцева и Эрвье интересно не столько само по себе, как конфликт двух неординарных личностей, но в большей степени как яркое проявление обычно очень непростых взаимоотношений между геологией, как отраслью народного хозяйства и геологией как наукой. А поскольку научная геология в силу своей специфики имеет кроме фундаментального еще и выраженное прикладное значение, вот эта вторая ее составляющая часто вызывает у геологов-производственников соблазн непосредственного подчинения ее отраслевым потребностям.

Так случилось, что в данной непростой ситуации конфликт науки и производства оказался исчерпанным в 1969 г. после передачи ЗапСибНИГНИ в ведение Главтюменьгеологии, а спустя

два года после «ухода» Ростовцева на заслуженный отдых и вынужденного обстоятельствами отъезда из Тюмени завершился и их личный конфликт. Осталась неопубликованной и статья Н. Н. Ростовцева «Широта и узость сибирских горизонтов» — своеобразная рецензия на книгу Ю. Г. Эрвье «Сибирские горизонты», впервые вышедшую в 1968 г. Статья планировалась к изданию в одном из новосибирских журналов, но была снята по понятной причине — автор не имел морального права критиковать своего непосредственного начальника.

Библиографический список

1. Огнев И. Постыжение открытия // Экономика и организация промышленного производства. 1976. № 3. С. 136–168.
2. Проблемы геологии Западно-Сибирской нефтегазонасыщенной провинции. М., 1968. (Труды ЗапСибНИГНИ. Вып. 11).
3. Штурман нефтегазового океана («Открытие века» и судьба ученого. Тюмень, 2014.
4. Эрвье Ю. Г. Сибирские горизонты. Екатеринбург, 1999.

Marina V. Komgort

Candidate of Historical Sciences, Tyumen Industrial University
(Russia, Tyumen)

E-mail: komgort@mail.ru

“The breadth and narrowness of the Siberian horizons”: geological science and production geology in the struggle for Siberian oil

The report deals with relations between Tyumen industrial and scientific geology during implementation of the stratigraphic drilling plan in Western Siberia in 1950s–1960s. The author demonstrate that the contradictions between scientists and manufacturers were due to different approaches to the methodology of studying the oil and gas potential of the region.

Keywords: *West Siberian petroleum province, stratigraphic drilling, N. N. Rostovtsev, Yu. G. Erv'e*

Кондрашин Виктор Викторович

д.и.н., Институт российской истории РАН (Россия, Москва)

E-mail: vikont37@yandex.ru

**Механизмы взаимодействия союзного центра
и республиканского руководства Беларуси
в 1943–1945 гг. по вопросам восстановления
сельского хозяйства республики**

УДК 930.1

В докладе охарактеризованы основные направления деятельности республиканского руководства Белорусской ССР и союзного центра по решению наиболее важных проблем восстановления и развития сельского хозяйства Беларуси после ее освобождения от немецко-фашистских захватчиков в 1943–1945 гг.: снабжение колхозов, совхозов и МТС сельскохозяйственной техникой и семенами, организация основных хозяйственных кампаний и т. п.

Ключевые слова: *сельское хозяйство, Белорусская ССР, союзный центр*

При активном участии автора в рамках сотрудничества Федеральной архивной службы России, Комитета по архивам и делопроизводству Республики Беларусь и Института российской истории РАН опубликован сборник документов, посвященный восстановлению сельского хозяйства Белорусской ССР в 1943–1945 гг. [2]. Он продолжает сложившуюся в отечественной историографии традицию глубокого и всестороннего изучения истории России в годы Второй мировой войны [1], делая акцент на регионально-национальные особенности Великой Отечественной войны на территории СССР. Это позволяет лучше понять причины победы Российского государства в этой войне, которые связаны с особенностями функционирования в военные годы экономики в целом и сельского хозяйства, в частности.

В данном контексте представленные в сборнике документы Национального архива Республики Беларусь, областных архивов Беларуси, а также центральных архивов России (РГАЭ, ГАРФ, РГАСПИ), в большинстве своем впервые введенные в широкий научный оборот, убедительно свидетельствуют о том, что важнейшей причиной победы СССР над фашистской Германией и ее сателлитами в годы Второй мировой войны был сложившийся механизм управления экономикой страны союзным центром.

Он позволил с максимальной эффективностью использовать имеющиеся материальные и людские ресурсы страны, чтобы обеспечить потребности армии и фронта, с одной стороны, и сохранить функциональную дееспособность основных отраслей экономики, с другой. Более того, на примере Белорусской ССР можно утверждать, что действовавшая модель управления СССР в годы войны и созданный сталинским режимом в довоенный период народнохозяйственный комплекс позволяли в кратчайшие сроки не только восстанавливать разрушенные оккупантами огромные районы страны, освобожденные Красной армией, но и использовать их потенциал для нужд продолжающейся войны.

Ярким подтверждением этого является тот факт, что, несмотря на тяжелейшие последствия немецко-фашистской оккупации, уже в 1944 г. восстановленные в освобожденных районах Белорусской ССР колхозы и совхозы в условиях острого дефицита рабочей силы, тягла и сельскохозяйственной техники, продолжающихся военных действий в целом успешно выполнили данные им задания по обязательным государственным поставкам сельскохозяйственной продукции и различным видам трудовой повинности военного времени. Эта тенденция была закреплена и усилена в 1945 г., в том числе в западных областях Белорусской ССР, где единоличный крестьянский сектор доминировал в сельскохозяйственном производстве. Параллельно, начиная с осени 1943 г. — начала освобождения БССР от немецко-фашистских захватчиков, — в «партизанской республике» шел процесс восстановления жилого фонда колхозов и совхозов, укрепления их материально-технической базы, улучшения материального положения сельского населения.

Наряду с трудовой активностью и даже во многих случаях трудового героизма сельских тружеников Беларуси, подобный результат был обусловлен и эффективной деятельностью республиканской власти, ее успешным взаимодействием с союзным центром в решении насущных задач сельского хозяйства республики в 1943–1945 гг.

Документы вышеназванного сборника указывают, что еще до освобождения Белорусской ССР от оккупантов по инициативе Советского правительства и при участии представителей государственных органов власти БССР была разработана детальная программа восстановления экономики республики после изгнания

с ее территории захватчиков. И она успешно реализовывалась в рамках конкретных колхозов, МТС и совхозов, снабжения их техникой и специалистами, начиная с осени 1943 г.

На взаимоотношения республиканского руководства Белорусской ССР и союзного центра оказывали влияние три фактора. Первый — это героическая борьба белорусского народа в оккупации, его огромные жертвы, принесенные на алтарь Победы. Второй — (видимо, именно по этой причине. — *В. К.*), особо теплые отношения И. В. Сталина с руководителем БССР П. К. Пономаренко, возглавлявшим до осени 1943 г. Штаб партизанского движения в СССР. И третий — необходимость особого внимания к экономике Беларуси в связи с ведением на ее территории в 1944–1945 гг. крупнейших наступательных операций Красной армии. Эти обстоятельства и определили, на наш взгляд, региональные особенности процесса восстановления разрушенной немецко-фашистскими захватчиками экономики Белорусской ССР в рассматриваемый период. Их суть состояла в особом внимании союзного центра к нуждам республики, по сравнению с другими регионами страны, в том числе, так же, как и Беларусь, переживших оккупацию.

Это внимание проявилось в достаточно оперативном перемещении и возвращении на территорию освобожденных районов БССР эвакуированных в 1941 г. в различные области РСФСР техники, скота и специалистов, хотя в ряде случаев они и сопровождались различными бюрократическими проволочками на местах, в том числе нежеланием эвакуированных специалистов возвращаться в Беларусь.

В этом же ряду предпринятые по линии ГКО и СНК СССР в результате согласования с республиканским руководством меры по направлению в Белорусскую ССР в рамках репараций из Германии и Польши элитных пород скота, сельскохозяйственной техники, промышленного оборудования для МТС и предприятий пищевой промышленности и сельскохозяйственного машиностроения.

В 1944–1945 гг. Белорусская ССР получила значительную помощь союзного центра в виде плановых поставок тракторов, комбайнов, сеялок, горюче-смазочных и прочих материалов за счет ущемления интересов других регионов страны.

Свидетельством успешного взаимодействия республиканского руководства с союзным центром в вопросах восстановления

сельского хозяйства Беларуси является поддержка И. В. Сталиным предложенной П. К. Пономаренко программы строительства в сельской местности республики небольших заводов по производству кирпича и керамической плитки для строительства жилья и объектов соцкультбыта в разрушенных оккупантами районах БССР.

Следует подчеркнуть факт, с одной стороны, достаточно широкой автономии республиканского руководства (ЦК КП(б) Белоруссии, СНК БССР, республиканских наркоматов земледелия, совхозов и т. п.) в решении задач восстановления экономики освобожденной Беларуси, включая сельское хозяйство, а с другой — постоянный и неослабевающий контроль за ним со стороны центральных органов союзной власти (СНК СССР, Наркомзема СССР, МГБ СССР и др.).

В последнем случае контроль осуществлялся за выполнением республиканскими органами власти заданий союзного центра по снабжению материальными ресурсами конкретных областей и районов республики, пострадавших от немецко-фашистских оккупантов, получаемых из других регионов страны. Также, начиная с 1944 г., этот контроль осуществлялся в части выполнения областями и районами БССР государственных заданий по обязательным поставкам сельскохозяйственной продукции (хлебозаготовок, льнозаготовок и т. п.).

Начиная с 1944 г. республиканское руководство столкнулось с проблемой так называемых антиколхозных настроений: нежелание части крестьян Беларуси добросовестно работать в восстановленных после оккупации колхозах и их стремление вести единоличное хозяйство. В 1945 г. такие настроения были распространены в областях Западной Белоруссии, вошедших в состав СССР. Проблема решалась при активном участии союзного центра, который поддержал инициативу П. К. Пономаренко об усилении в освобожденных районах республики агитационно-пропагандистской работы. В ней делался акцент на разъяснение крестьянам пользы колхозов, страшной цены, заплаченной белорусским народом за восстановление Советской власти, героической борьбы партизан против гитлеровских оккупантов.

Одновременно органы госбезопасности, руководимые из союзного центра при поддержке местных органов власти, осуществляли на территории республики необходимые действия по

борьбе с оставшимися пособниками оккупантов, распространителями «клеветнических» и «антисоветских слухов». В областях Западной Беларуси была проведена операция по выселению польского населения и оказанию помощи белорусским крестьянам-единоличникам в проведении основных сельскохозяйственных работ (организация МТМ, выдача зерновых ссуд, проведение землеустроительных работ и т. п.).

Хотя в 1943–1945 гг. процесс восстановления сельского хозяйства Белорусской ССР не был завершен, но его темпы и результаты были значительными. В этот период было восстановлено подавляющее большинство довоенных колхозов, МТС и совхозов, которые за небольшим исключением успешно выполняли государственные планы сельхозпоставок. Произошло это за счет огромной помощи, оказанной Беларуси союзным центром в виде централизованных поставок техники, скота и других ресурсов из тыловых регионов СССР, а также за счет его успешного взаимодействия с республиканским руководством в решении первоочередных задач экономики БССР. В этом проявилась эффективность действовавшей тогда военно-мобилизационной модели управления экономикой СССР и самой советской экономики, обеспечивших Великую Победу народов Советского Союза в Великой Отечественной войне.

Библиографический список

1. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. М., 2013. Т. 7: Экономика и оружие войны.
2. Восстановление сельского хозяйства Беларуси: 1943–1945: документы и материалы. Минск, 2018.

Viktor V. Kondrashin

Doctor of Historical Sciences, Institute of Russian History of the RAS
(Russia, Moscow)

E-mail: *vikont37@yandex.ru*

Mechanisms of interaction between the union center and the republican leadership of Belarus in 1943–1945 on the restoration of the republic agriculture

The paper describes main activities of the republican leadership of the Byelorussian SSR and the union center in solving the most important problems of restoring and developing agriculture in

Belarus after its liberation from the Nazi invaders in 1943–1945: restoration of collective farms, state farms and MTS, supplying them with agricultural machinery and seeds, organization of main economic campaigns, etc.

Keywords: *agriculture, Belarusian SSR, union center*

Конов Алексей Александрович

к.и.н., Уральский государственный университет путей сообщения; Институт истории и археологии УрО РАН
(Россия, Екатеринбург)

E-mail: *alek.konov2012@yandex.ru*

**Модернизация железнодорожного транспорта
на Урале в 1956–1991 гг.**

УДК 94(47).084.9:656.2"1956/1991"

Процесс коренного технико-экономического обновления железнодорожного транспорта Урала на базе электрификации и введения тепловозной тяги произошел в 1950 — начале 1990-х гг. Это было связано с огромным транзитным значением Урала, расположенным на стыке между европейскими и восточными районами СССР, и освоением на Урале самых больших в стране объемов грузовых перевозок. Решающим направлением модернизации железнодорожного транспорта края стала электрификация.

Ключевые слова: *электрификация, тепловозная тяга, локомотив, вагонное хозяйство, железная дорога*

В отечественной и зарубежной исторической науке неоднократно ставился вопрос о возможности модернизации железнодорожного транспорта СССР на базе достижений мирового научно-технического прогресса. В работах многих специалистов и историков транспорта сформировалось мнение о невосприимчивости советской системы к достижениям мирового научного прогресса. Противоположного мнения придерживаются отечественные историки транспорта. В. П. Лукьянин считал, что целью модернизации железнодорожного транспорта было повышение эффективности всей транспортной системы страны. Однако основное место в модернизации железнодорожного транспорта он отводил тепловозной тяге [3, с. 218–222]. В. В. Фортунатов полагал, что главным направлением научно-технического прогресса

на железнодорожном транспорте являлась электрификация, а не тепловозная тяга [4, с. 156].

По нашему мнению, модернизация железнодорожного транспорта — это коренное технико-экономическое обновление железнодорожного транспорта на базе электрификации, введения тепловозной тяги и развития сети путей сообщения. В докладе мы ограничиваемся исследованием модернизационных процессов в материально-технической базе железнодорожного транспорта Урала.

К февралю 1956 г. объективно сложились предпосылки для модернизации железнодорожного транспорта СССР и Урала на базе электрификации и тепловозной тяги. Во-первых, модернизация железных дорог остро требовалась для увеличения пропускной и провозной способности железных дорог в связи с быстрым ростом экономики СССР, ускоренным возрождением оборонного потенциала страны и расширением связей с другими государствами. Через Урал проходили транзитные связи с крупнейшей угольно-металлургической базой страны — Кузнецким бассейном, с мировым центром нефтяной и газовой промышленности — Сибирью. Во-вторых, к середине 1950-х гг. практически полностью оказался исчерпанным технико-экономический потенциал паровозной тяги, не отвечавший новым требованиям перевозочного процесса. Оснащение железных дорог все более мощными паровозами приводило лишь к разрастанию паровозного хозяйства на дорогах. В-третьих, возрастало количество пригородных перевозок, вызванное развитием промышленности и увеличением населения промышленных районов Среднего и Южного Урала. Пригородное движение становилось в крупных городах и индустриальных центрах таким же необходимым, как и городской транспорт.

С учетом новых требований научно-технической политики советское правительство 3 февраля 1956 г. приняло Генеральный план электрификации железных дорог страны,¹ предусматривавший за 1956–1970 гг. электрифицировать 40 тыс. км линий, то есть увеличить протяженность электрифицированных железных дорог в девять раз.

В 1955–1956 гг. в СССР начались научные исследования в области электрификации железных дорог по системе переменного

¹ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 106. Д. 1064. Л. 174–189.

тока промышленной частоты (27,5 кВ). Переменный ток позволял значительно повысить скорости движения поездов, уменьшить электропотребление, улучшить использование мощностей электровозов и тяговых подстанций. Тяговые подстанции переменного тока обеспечивали энергоснабжение сельскохозяйственных и районных потребителей. С 1958 г. началась электрификация по новой системе тока самых грузонапряженных участков Транссибирской магистрали.²

В электрификации железнодорожного транспорта Урала можно выделить три этапа.

На первом этапе (1956–1965) были электрифицированы железнодорожные линии широтного направления большой протяженности: Челябинск — Исиль-Куль, Москва — Свердловск. Темпы электрификации оставались в течение всего периода достаточно высокими в связи с выполнением заданий Генерального плана электрификации.

На втором этапе (1966–1980) на электрическую тягу переводили железнодорожные линии меридионального направления, соединявшие Урал с Казахстаном и республиками Средней Азии. Электрифицированы выходы с Южного Урала на Северный, из Башкирии в центральные районы страны. На втором этапе темпы электрификации существенно снизились.

На третьем этапе (1981–1990) в связи с ростом грузопотоков из восточных районов страны, особенно из Западно-Сибирского нефтегазового района, на электрическую тягу были переведены линии, работавшие ранее на тепловозной тяге. Построены и электрифицированы железнодорожные обходы крупных сортировочных станций и железнодорожных узлов — Свердловск-Сортировочный, Пермь-II, Челябинск.

Всего на Урале за 1956–1991 гг. были электрифицированы 5514 км железнодорожных линий. В основном это были широтные магистрали, соединявшие Урал с Поволжьем, центральными районами страны и Сибирью.³ Удельный вес электрифицированных линий Урала практически в два раза превышал удельный вес таких линий по СССР, что служило несомненным

---

² РГАНТД. Ф. Р-603. Оп. 5–4. Д. 254. Л. 17, 88, 107.

³ Краткие сведения о развитии отечественных железных дорог с 1838 по 2000 гг. М., 2001. С. 152–217.

подтверждением ключевой роли электрификации в модернизации железных дорог на Урале.

Железнодорожный транспорт стал оснащаться только тепловозами и электровозами, притом все более мощными, с лучшими техническими характеристиками, приспособленными для вождения тяжеловесных составов. В 1960-е гг. на железных дорогах появились электровозы ВЛ22, что позволило поднять грузовые нормы поездов с 1800 до 2400 т. Вслед за ними появились ВЛ8 (7350 л. с.), мотор-вагонные секции, а потом и пассажирские электровозы ЧС2. В 1970-х гг. железнодорожному транспорту Урала поставлялись усовершенствованные восьмиосные двухсекционные электровозы нового поколения: ВЛ10, ВЛ11 и ВЛ80 различных модификаций [5, с. 28]. Однако полностью обновить локомотивный парк железных дорог Урала за счет внедрения новых мощных тепловозов и электровозов не удалось.⁴

Основным назначением тепловозной тяги на Урале стала временная замена электрической тяги на тех грузонапряженных линиях, которые планировалось электрифицировать в последующие годы. Тепловозная тяга призвана была постепенно вытеснить из перевозочного процесса паровозную тягу, чтобы не сдерживать движение грузовых и пассажирских поездов. Тепловозная тяга нашла широкое применение в маневровой работе сортировочных станций, полностью вытеснив из станционного хозяйства паровозы. В 1970-е гг. модернизация тепловозного парка на железных дорогах Урала происходила на основе поэтапного наращивания секционной мощности тепловозов [2, с. 211].

Коренная техническая реконструкция тяги вела к интенсивным модернизационным процессам в вагонном хозяйстве железных дорог Урала. Во второй половине 1950-х гг. шло интенсивное пополнение вагонного парка большегрузными четырехосными вагонами, все типы вагонов оснащались автосцепкой и автоматическими тормозами, увеличивалась специализация вагонного парка. Началось широкое внедрение стальных цельнокатаных колес и более прочных тележек с литыми боковинами, допускающими движение со скоростью до 120 км/ч [1, с. 414].

В августе 1956 г. вышло постановление Совета Министров СССР «Об оборудовании железнодорожного подвижного состава

---

⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 101. Д. 295. Л. 90.

роликовыми подшипниками» [2, с. 261, 262]. Применение таких подшипников снижало сопротивление движению, сокращало расходы топлива на тягу поездов на 11 %, уменьшало в 7–10 раз усилия при начале движения поезда, длина безостановочного пробега грузовых поездов возрастала со 120–150 км до 500–800 км. Однако обеспечение ими грузового парка шло медленно и с большими трудностями. Подшипниковые заводы не имели специализированного оборудования для выпуска цилиндрических роликовых подшипников малых габаритов.⁵

Таким образом, электрификация стала главным и решающим направлением модернизации железнодорожного транспорта Урала, все остальные направления научно-технического прогресса носили подчиненный электрификации характер. Наиболее ощутимые результаты в модернизации железнодорожного транспорта Урала были достигнуты в 1956–1960-х гг., начиная с 1970-х гг., интенсивность модернизационных процессов стала снижаться, пропускная способность дорог и скорости движения поездов — падать. Незавершенность процесса электрификации, недостаток сортировочных станций и разгружающих линий привели железнодорожный транспорт региона к глубокому кризису в 1990-е гг.

Библиографический список

1. История железнодорожного транспорта России, XIX–XXI вв.. М., 2012.
2. История железнодорожного транспорта Советского Союза. М., 2004. Т. 3: 1945–1991 гг.
3. Лукьянин В. П. Больше века на службе России. Екатеринбург, 1998.
4. Люди дела. Вклад железнодорожников в социально-экономическое развитие России. М., 2007.
5. Люди и годы. 120 лет локомотивному хозяйству железной дороги. Екатеринбург, 2000.

---

⁵ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 97. Д. 1108. Л. 22–23.

Aleksey A. Konov

Candidate of Historical Sciences, Ural State University
of Communications; Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: *alek.konov2012@yandex.ru*

Modernization of the Ural railway transport in 1956–1991

The paper considers the process of radical technical and economic renewal of the Ural railway transport on the basis of electrification and diesel traction. Electrification became the decisive way of modernization of transport due to the great transit significance of the Urals, situated between the western and eastern regions of the USSR.

Keywords: *electrification, diesel traction, locomotive, van service, railway*

Корнилов Геннадий Егорович

д.и.н., профессор, Институт истории и археологии УрО РАН
(Россия, Екатеринбург)
E-mail: *genakorn@mail.ru*

Аграрный вызов России в XX веке: долгий поиск ответа

УДК 94(470)

В докладе ставится вопрос об аграрном векторе развития России в XX в. Автор полагает, что аграрная модернизация в России являлась основным трендом столетия. Один из главных вопросов модернизации — о введении частной собственности на землю был разрешен только в конце XX в. Но остается другой не менее важный вопрос — завершился ли аграрный переход России.

Ключевые слова: *аграрная модернизация, аграрные реформы, частная собственность на землю*

Научное обобщение всех попыток аграрного реформирования в истории России имеет обширную литературу [3; 10–12]. Тем не менее создается впечатление, что последняя аграрная реформа проводится для преодоления тех недостатков, которые накопились в советское время [6; 9].

Следует признать, что в постсоветских аграрно-исторических исследованиях сделаны существенные шаги в направлении выработки концепции проводимых аграрных реформ. Тем не менее

все аграрные реформы в России следует рассмотреть с позиции континуитета. Такой анализ необходимо сделать для того, чтобы увидеть историческую связь между осуществлявшимися в России аграрными революциями и реформами и нынешним положением в аграрном секторе экономики. Их непрерывность в истории России XX в. связана с поисками ответов на вызовы времени, с поисками дальнейшего эффективного развития аграрной сферы.

От состояния аграрного строя в историческом прошлом России в значительной мере зависела вся общественно-политическая ситуация страны. В. П. Данилов писал, что реформы и революции в России заняли особенное место в историческом процессе, они «стали определять характер не только аграрной эволюции, но и общий ход истории России» [1, с. 4]. Изменения общественно-политической ситуации в целом, безусловно, определяющим образом влияли на состояние аграрных отношений, вызывали потребность в их совершенствовании.

С 1861 г. российское государство пытается найти и определить оптимальную земельную и аграрную политику. Казалось бы, государственное вмешательство в дела сельского труженика должно приобрести научный характер, учитывающий недоработки и ошибки предыдущих реформ. Однако в конце XX в. политика, направленная на регулирование сельского хозяйства страны, по признанию как политиков, так и научных экспертов, страдала необоснованностью, а принимаемые при этом нормативно-правовые акты по существу не работали [2]. 27 декабря 1991 г. вышел президентский указ «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР», в котором предписывалось колхозам и совхозам до 1 марта 1992 г. принять решения о замене общественной собственности на землю на частную в любой ее форме — индивидуальной, кооперированной или акционерной.¹ Таким образом, было заявлено, что в аграрном секторе начинается осуществляться капиталистическая модернизация. В 1990-е гг. оставались нереализованными положения законодательства об имущественных и земельных паях; фермеры все еще требовали

¹ Президентский указ «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР» // Государственная система правовой информации. Официальный интернет-портал правовой информации. URL <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102013844&rdk=&backlink=1> (дата обращения: 12.12.2018).

земли; вместо рыночных механизмов в сельском хозяйстве продолжали процветать административные методы.

Со времени Великих реформ сельское хозяйство России стало объектом неоднократных государственных реформ. Памятными вехами в истории России остались: отмена крепостного права и начало капиталистических преобразований; столыпинская аграрная реформа и рост количества фермерских хозяйств; принятие Земельного кодекса 1922 г. и развитие частной инициативы; сплошная коллективизация и огосударствление всего сельскохозяйственного производства в 1930-е гг. и весь последующий советский период [11]. Наконец, 1991 год — начало новой аграрной реформы, когда сельское хозяйство пытались освободить от административно-командной системы управления. Таким образом, в истории России накоплен богатый опыт проведения аграрного реформирования, который был ответом на вызовы времени.

Российские аграрные реформы в отличие от аналогичных реформ в западных государствах никогда не имели четкой, общей концепции проведения и последовательности в реализации. Государственная власть при каждом их проведении не формулировала главную (переходную в другое состояние) концепцию, не обозначала ясного представления о последствиях, к которым должна привести аграрная реформа. Аграрные реформы в истории России проводились, как правило, с целью увеличения производства сельскохозяйственной продукции. При этом акцент всегда делался на развитие коллективных форм организации сельскохозяйственного производства, а индивидуальная деятельность крестьян не только не поощрялась, а в условиях колхозного строя и преследовалась. Колхозники не распоряжались ни землей, ни результатами своего труда. Большое влияние на содержание реформ, проводимых и в аграрном секторе экономики России, оказывал сложившийся здесь менталитет, связанный с такими ценностями, как соборность, общинность, коллективность. Как в историческом прошлом, так и в настоящее время не преодолена зависимость российского крестьянина от различных форм организации сельскохозяйственного производства, навязанных ему государством.

Аграрный переход, аграрная модернизация в России растянулась на более чем полтора столетия. Наряду с другими составляющими в ходе этого перехода осуществлялась экономическая трансформация села: происходило утверждение частной

собственности на землю, внедрение прогрессивных сельскохозяйственных технологий, интенсивных систем земледелия, сельской электрификации, внедрение научных достижений, новых орудий труда и усовершенствованной сельскохозяйственной техники, развитие рыночных отношений и кооперации [8].

Стержневой проблемой являлось внедрение частной собственности на землю и развитие рыночных товарно-денежных отношений. Переход от аграрного общества к индустриальному связан с коммерциализацией поземельных отношений, ростом социальной дифференциации, разрушением традиционного социального уклада деревни. Опыт модернизации зарубежных стран в экономической области сводится к двум основным тенденциям: западной модели правовой системы, основой которой являлись частная собственность на землю и свобода предпринимательства; и восточной модели, основные черты которой заключались в том, что собственником всей земли и регулятором всех общественных отношений являлось государство.

Вопрос о частной собственности на землю в России был поставлен в столыпинской реформе и в реформе 1990-х гг. Только столыпинская аграрная реформа и реформы, начатые в СССР в 1990 г. и продолженные в России в 1990-е гг., попытались изменить основы земельного строя и формы государственного управления сельским хозяйством. Столыпинской реформе не суждено было реализоваться до конца, а реформа 1990 г. продолжается и поныне. Лишь в 2000-е гг. стали обозначаться основные государственные направления в аграрных преобразованиях — гарантии прав и свобод частной собственности на землю сведены к единому правовому знаменателю, гарантированному российским законодательством; общая государственная политика направлена на поддержку сельскохозяйственного производителя. О полной реализации этих направлений говорить еще рано, так как, на наш взгляд, генетическая предрасположенность России к восточной модели государственности не позволяет ей быстро перестроиться в соответствии с западными принципами. Провозглашенные частная собственность на землю и свобода аграрного предпринимательства с трудом реализуются в нашей стране из-за общей консервативности государственной политики.

Представители исторической науки, оценивая реформы 1861, 1906, 1918, 1922, 1930, 1990 гг., каждый раз констатируют

кризисное состояние сельскохозяйственного производства и объясняют это, как правило, двумя причинами: недостаточным количеством обрабатываемой земли; общей политикой государства, не поддерживавшей рыночного аграрного производителя. Заключение почти всех экспертов сводится к тому, что реформы не привели к стабилизации крестьянской жизни и наращиванию сельскохозяйственного производства, они не были завершены и нуждались в продолжении. Такая оценка аграрных реформ в истории России считается оправданной до сих пор [4; 5; 7]. Даже в последние тридцать лет, когда Россия в Конституции 1993 г. объявила себя страной, идущей по пути строительства правового государства и рыночной экономики, ее аграрный сектор не может не быть сориентированным на эти же ценности.² Отсюда, и аграрная реформа в России была ориентирована на рыночную экономику и на более эффективную правовую защиту личных прав и свобод субъектов сельскохозяйственной деятельности. Однако главной задачей аграрной реформы в России остается проблема, как и в преобразованиях в сельском хозяйстве советского периода, увеличения производства сельскохозяйственной продукции. В советский период акцент всегда делался на развитие коллективных форм организации сельскохозяйственного производства, а индивидуальная деятельность отдельных крестьян не только не поощрялась, но и нередко преследовалась. Большое влияние на содержание реформ, проводимых в аграрном секторе России, оказывал сложившийся здесь менталитет, связанный с такими ценностями, как соборность, общинность, коллективность.

Ни одна российская аграрная реформа полностью еще не освободила крестьянина от форм организации сельскохозяйственного производства, навязанных со стороны. Крестьянина подчиняли то помещику, то общине, то государству. Реформа 1861 г. предоставила крестьянину определенную самостоятельность, но размер земельного участка и вопросы распоряжения им закрепила в зависимости от решения общины. Последующие реформы 1906, 1918, 1922, 1930 гг. также не освободили его полностью, а после массовой коллективизации посягали на его независимость. Попытка организовать сельскохозяйственное производство самому государству через привязку крестьянина то к одному, то к другому

² Конституция Российской Федерации. М., 2009.

распорядителю его судьбы — основной замысел всех аграрных реформ. Не был определен актор аграрной модернизации. Такая ситуация не преодолена и в последней аграрной реформе.

С начала 2000-х гг. четко обозначилась тенденция преодоления глубокого аграрного кризиса в России. Вопрос о собственности на землю, поставленный для разрешения в постсоветскую эпоху, играет решающую роль в продвижении аграрного перехода, в подъеме сельскохозяйственного производства. Тем не менее, на огромной территории страны формы и направления развития сельского хозяйства различны. Однако все аграрные реформы, в их числе и последняя, исходят из единой концепции, определенной в общероссийском законодательстве. В субъектах Российской Федерации нормативные правовые акты чаще всего не учитывают региональной специфики. Исторический опыт показывает, что реформы без учета национальных форм ведения сельского хозяйства и местных особенностей приводили к социальным конфликтам и кризису сельскохозяйственного производства. Аграрный переход в целом вступил в третью последнюю стадию, его завершение не закончилось, новые вызовы требуют продолжения поиска разрешения аграрной модернизации.

Библиографический список

1. Данилов В. П. Аграрная реформа и крестьянство в России (1861–1994 гг.) // *Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование: материалы XXIV сессии симпоз. по аграрной истории Восточной Европы*. М., 1995. С. 3–23.
2. Данилов В. П. Аграрная реформа в постсоветской России (взгляд историка) // *История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: в 2-х ч.* М., 2011. Ч. 2. С. 665–674.
3. *Земельный вопрос*. М., 1999.
4. Ильиных В. А., Андреенков С. Н., Рынков В. А. *Проекты преобразования аграрного строя Сибири в XX веке: выбор путей и методов модернизации*. Новосибирск, 2015.
5. Кондрашин В. В. Влияние коллективизации на судьбы России в XX в. // *Российская история*. 2018. № 4. С. 3–13.
6. *Концепция аграрной политики России в 1997–2000 годах*. М., 1997.
7. Корнилов Г. Е. *Историографическая ситуация в историко-аграрных исследованиях России: конец XX — начало XXI в.* // *Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы*. 2018: *Итоги и перспективы исследования аграрной истории России X–XXI вв.* М.; Брянск, 2018. С. 175–187.
8. Корнилов Г. Е. *Аграрный переход в России в XX веке: особенности, темпы, результаты* // *История науки и техники*. 2018. № 2. С. 36–50.

9. Многоукладная аграрная экономика и российская деревня (середина 80-х — 90-е годы XX века). М., 2001.

10. Никольский С. А. Аграрный вопрос в России в XX веке. История, современное состояние, стратегии решения. М., 2012.

11. Никонов А. А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика (XVIII–XX вв.). М., 1995.

12. Рогалина Н. Л. Власть и аграрные реформы в России в XX в. М., 2010.

Gennady E. Kornilov

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: *genakorn@mail.ru*

Russia's agrarian challenge in the 20th century: a long search for an answer

The report raises the question of the agrarian vector of Russia's development in the 20th century. The author believes that the agrarian modernization in Russia has been the main trend of the century. However, one of the main issues of modernization — introduction of private ownership of land — was resolved only at the end of the 20th century. But there remains another equally important question — has the Russian agrarian transition been completed?

Keywords: *agrarian modernization, agrarian reforms, private ownership of land*

Лаврик Людмила Александровна

к.и.н., Владивостокский филиал Российской таможенной
академии (Россия, Владивосток)

E-mail: *llavrik@hotmail.com*

Торговая политика местных правительств в дальневосточном регионе в условиях политического кризиса (1917–1922)

УДК 339.543(091)

Рассмотрены методы государственного регулирования внешнеторговой политики в дальневосточном регионе в условиях политического кризиса (1917–1922) на основе изучения делопроизводственной документации местных правительств из фондов Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИА ДВ)

Ключевые слова: *государственное регулирование, внешняя торговля, торговые дома, таможня, революция, гражданская война*

Как справедливо заметил П. Б. Струве, «никакая другая область экономической политики не является в такой мере “государственной”, т. е. связанной с самим бытием государства, как внешняя торговая политика, она отражает в своем развитии все стадии эволюции и укрепления государственной власти» [3, с. 4].

Механизм государственного регулирования внешней торговли начал складываться еще в ходе Первой мировой войны. Как метко заметил И. М. Кулишер, «одним ударом война перевернула вверх дном всю торговую политику» [2, с. 149]. С одной стороны, усилия российского государства были направлены на резкое ограничение торговых прав иностранных торгово-промышленных фирм, а, с другой стороны, ограничения коснулись ввоза иностранных товаров немецкого и австрийского происхождения. В значительной степени эта политика, известная как «чрезвычайное законодательство», была продиктована политическими соображениями.

Главной задачей государства в условиях военного времени было снабжение армии и обеспечение населения продовольствием и предметами первой необходимости. Государственный контроль над внешней торговлей принял форму контроля над ввозом и вывозом товаров и прямых запретов («Списки товаров, запрещенных к вывозу из России за границу по обстоятельствам военного времени», 1915 г.; «Об ограничении ввоза в Россию предметов роскоши», 1916 г.).¹ Государство стремилось накопить внутренние ресурсы для «военных надобностей» и снабжения населения, получить валюту для пополнения бюджета («О сдаче Министру Финансов экспортной валюты», 1916 г.).²

Сложилась запретительно-разрешительная система контроля над импортом и экспортом. Экспорт и импорт всех товаров или определенных видов полностью запрещался, а затем на основании отдельных разрешений импорт или экспорт допускался [2, с. 153].

Временное правительство в 1917 г. не только не отменило «чрезвычайное законодательство», но и вынуждено было продолжить запретительно-разрешительную внешнеторговую политику. При регулировании внешней торговли Временное правительство опиралось на таможенное законодательство Российской империи и акты, принятые в 1914–1916 гг., в основном изменялись

¹ РГИА ДВ. Ф. Р-739. Оп. 1. Д. 88. Л. 3–6.

² Сборник узаконений и циркуляров по таможенной части за 1917 год. Пг., 1918. С. 13.

и дополнялись списки запрещенных импортируемых и экспортируемых товаров.

Владивосток стал уникальным местом, где наиболее ярко проявились все особенности внешней торговой политики. С 1914 г. роль и значение Владивостока как морского порта существенно возросли, через него шла вся помощь России от союзников — вооружение, снаряжение, продовольствие. Кроме того, во Владивосток «прибыли многочисленные представители учреждений и фирм из европейской России для производства закупок. Экспедиторские и транспортные конторы открыли свои отделения и агентства».³

Одной из самых сложных проблем, с которой столкнулись коммерсанты в 1917 г., была проблема вывоза частных грузов. Владивостокский порт и железная дорога оказались не в состоянии справиться одновременно с таким количеством казенных и частных грузов. По сведениям Биржевого комитета, в порту находилось до 25 млн пудов грузов.⁴ Всего во Владивостоке скопилось до 34 млн т грузов [1, с. 23]. Причиной «транспортного коллапса» было отсутствие вагонов. Вследствие этого стали сокращаться торговые операции с Сибирью и Европейской Россией. Частные грузы портились, существовала угроза пожара и кражи имущества в порту и на таможенных складах. Торговые фирмы обращались с многочисленными ходатайствами во Владивостокскую таможню с просьбой выпустить грузы. Иностранные компании просили помощи у дипломатического корпуса.

В начале лета 1917 г. общая политическая и экономическая обстановка в регионе ухудшилась. Временное правительство предприняло ряд мер в сфере торговли: ограничение денежных переводов за границу, принятие закона о воспрещении вывоза за границу и ввоза в страну многих товаров. Владивостокский Биржевой комитет возбудил ряд ходатайств в Министерстве финансов, продовольствия и промышленности о разрешении денежных переводов в пределах полосы отчуждения КВЖД, о возможности получения иностранной валюты.⁵ Некоторые из них

³ Там же. Ф. 252. Оп. 1. Д. 85. Л. 2.

⁴ Дальний Восток России в 1917 году: документы и материалы из фонда Комиссара Временного Правительства по делам Дальнего Востока. Владивосток, 2017. С. 199.

⁵ РГИА ДВ. Ф. 252. Оп. 1. Д. 85. Л. 11.

увенчались успехом: был разрешен ввоз товаров для нужд местного рынка и денежные переводы, однако транспортные проблемы решены не были.

Приход к власти большевиков еще больше усложнил деятельность коммерческих фирм. В начале 1918 г. СНК запретил ввоз и вывоз всех без исключения товаров. Этот декрет вызвал крайне негативную реакцию Владивостокского Биржевого комитета. Однако управляющий таможней И. К. Ковалевский занял осторожную позицию и издал приказ о выполнении Декрета СНК.⁶ Это был единственно правильный выбор в условиях острого политического кризиса власти.

На протяжении 1918–1922 гг. в Дальневосточном регионе происходила постоянная смена местных правительств как советского, так и антибольшевистского направления. Механизм государственного регулирования внешней торговли, сложившийся в годы Первой мировой войны и революции, продолжал функционировать при всех правительствах (А. В. Колчака, Д. Л. Хорвата, С. Д. Меркулова). Во время Гражданской войны запретительно-разрешительная система регулирования внешней торговли привела к образованию многочисленных специальных органов и комиссий, выдававших коммерсантам разрешения на импорт и экспорт товаров.

В основном инициатива создания комиссий по регулированию экспортно-импортных операций исходила от Приморской областной земской управы. При ней в разное время были созданы три комиссии: Временная комиссия по урегулированию ввоза и вывоза (июль 1918 — апрель 1919 гг.), Комитет по внешней торговле (апрель 1919 — март 1920 гг.), Комитет по ввозу и вывозу (март 1920 — июнь 1921 гг.). В качестве своей основной деятельности комиссии рассматривали ходатайства торговых домов и торгово-промышленных товариществ по вопросам ввоза и вывоза частных грузов через Владивосток.

Временная комиссия по урегулированию ввоза и вывоза своей главной задачей считала содействие развитию торговли между Россией, союзными и нейтральными странами; развитие отечественной торговли и промышленности; удовлетворение

---

⁶ Там же. Ф. 25. Оп. 1. Д. 426. Л. 23.

населения предметами первой необходимости.⁷ Деятельность комиссии осложнялась тем, что практически параллельно была создана вторая комиссия. Временный правитель Дальнего Востока Д. Л. Хорват возложил выдачу разрешений на вывоз на особую Комиссию при Владивостокской таможне, которая работала с 5 августа 1918 г. по 2 сентября 1919 г. По распоряжению Д. Л. Хорвата 26 июля 1918 г. был изменен список товаров, из 67 групп товаров, ранее запрещенных, 33 группы были разрешены.⁸

В 1918–1919 гг. через Владивосток осуществляли внешнеторговую деятельность владивостокские фирмы: торговый дом «Кунст и Альберс», акционерное общество «Преемники И. Я. Чурин и К^о и А. В. Касьянов и К^о», «Бринер и К^о»; а также московские и петроградские акционерные общества: «Герард и Гей», «Кавказ и Меркурий», «Книп и Вернер»; японская фирма «Киосинша», американская фирма «Юровэта»; английские фирмы «Хунтер и К^о», «Л. В. Ланг». География вывоза товаров была широкой.⁹

Анализ журналов Комиссии, состоящей при Владивостокской таможне, показывает, что вывоз товаров преобладал над ввозом. Это объяснялось стремлением местной власти получить валюту, а внешняя торговля оставалась единственным способом это осуществить.

С апреля 1919 г. по март 1920 г. при Приморской областной земской управе работал Комитет по внешней торговле, который подчинялся Министерству финансов правительства А. В. Колчака. Особое внимание Комитет обратил на проблему экспорта сырья, а также оказание содействия русским фирмам, работавшим на внешнем рынке.¹⁰ Сложная политическая обстановка не позволила Комитету выполнить эту задачу и в марте 1920 г. он был преобразован в Комитет по ввозу и вывозу. Главной своей целью Комитет считал регулирование ввоза и вывоза товаров, а также разработку мероприятий по упорядочению торговли.¹¹

Во время Гражданской войны кроме специальных комитетов по ввозу и вывозу действовали и другие многочисленные комиссии: Комиссия по урегулированию торговли, Комиссия по

⁷ Там же. Ф. Р-535. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

⁸ Там же. Ф. Р-723. Оп. 1. Д. 9. Л. 59–63.

⁹ Там же. Ф. 25. Оп. 1. Д. 433. Л. 1–73.

¹⁰ Там же. Ф. Р-535. Оп. 1. Д. 29. Л. 1–2.

¹¹ Там же. Д. 44. Л. 53.

использованию грузов, Комиссия по эвакуации грузов и др. Основная их цель состояла в обеспечении армии всем необходимым.

Временное Приамурское правительство Меркулова (май 1921 г.) провозгласило свободу торговли, был упразднен Комитет по ввозу и вывозу, его функции были возложены на Владивостокскую таможню.¹² В сентябре 1921 г. Совет управляющих ведомствами Временного Приамурского правительства принял решение, разрешившее свободный вывоз транзитных, каботажных грузов и пассажирского багажа, также был снят запрет на ввоз предметов роскоши из-за границы.¹³

11 июня 1921 г. была образована Комиссия по вопросам о претензиях частных и иностранных фирм по оплате грузов, реквизируемых бывшими местными правительствами, а также Правительством Колчака.¹⁴ Предполагалось, что комиссия будет рассматривать вопросы о возмещении стоимости грузов, реквизируемых для нужд казны, сумма которых на 1 июня 1921 г. составила около 13 млн руб.¹⁵ Комиссия начала свою деятельность, однако столкнулась с проблемой оценки частных грузов. Временному Приамурскому правительству не удалось осуществить декларируемые принципы свободной торговли. Однако именно это правительство попыталось ослабить запретительную внешнеторговую политику, а также предприняло попытку разрешить проблему возмещения ущерба за реквизируемые коммерческие грузы.

Внешнеторговая политика различных правительств, существовавших в дальневосточном регионе в 1917–1922 гг., показывает, что для регулирования торговли в основном применялись административные методы. Важнейшим государственным институтом, который смог обеспечить четко работающий механизм государственного контроля при осуществлении внешнеторговых операций и защиту государственных и коммерческих интересов были таможенные учреждения.

Библиографический список

1. Виноградов П. В. Роль Архангельского и Владивостокского портов в снабжении российской армии в Первую мировую войну (1914–1917 гг.) // Россия и АТР. 2008. № 2. С. 20–26.

¹² Там же. Ф. 25. Оп. 1. Д. 463. Л. 86.

¹³ Там же. Л. 147.

¹⁴ Там же. Ф. Р-723. Оп. 1. Д. 143. Л. 2.

¹⁵ Там же. Л. 1, 9, 10.

2. Кулишер И. М. Основные вопросы международной торговой политики. Челябинск, 2008.

3. Струве П. Б. Торговая политика России. Челябинск, 2007.

Lyudmila A. Lavrik

Candidate of Historical Sciences, Vladivostok Branch
of the Russian Customs Academy (Russia, Vladivostok)

E-mail: llavrik@hotmail.com

The trade policy of local governments in the Far Eastern region under conditions of political crisis (1917–1922)

This article discusses the methods of state regulation of foreign trade carried out by different local governments in the Far Eastern region during political crisis (1917–1922). The study is based on documentary sources from the Russian State Historical Archive of the Far East in Vladivostok.

Keywords: *government regulation, foreign trade, house of commerce, customs, revolution, Civil war*

Мельников Никита Николаевич

к.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН
(Россия, Екатеринбург)

E-mail: meln2011kit@gmail.com

Производственные ресурсы советского танкостроения: проблемы становления промышленной базы танкопрома в начале войны (1941–1942)¹

УДК 94(47).084.8

К началу Великой Отечественной войны в СССР была создана система танкостроительных предприятий, которая была потеряна уже в первые военные месяцы. Восточное танкостроение было вынуждено развиваться в условиях тотального дефицита производственных ресурсов, который был особенно сильным в первый период войны. Именно этот фактор предопределил низкое качество советской бронетехники в 1942 г.

Ключевые слова: *советская экономика, топливо, электроэнергия, броня, моторостроение, танкостроение, производственные ресурсы*

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00050.

Советское танкостроение прошло в 1930-е гг. путь своего становления ценой огромных издержек. Непременное требование властей постоянно увеличивать выпуск танков создало в танкопроме ситуацию, когда выпускаемая техника изготавливалась достаточно низкого качества, а реальный ресурс боевых машин, как правило, не превышал 1 тыс. км. Основные причины — дефицит качественных комплектующих, узлов и агрегатов, неотработанность технологий и недостаток квалифицированных специалистов. На этом фоне в 1939–1941 гг. советское правительство приняло на вооружение новые модели танков, которые обладали целым набором признаков, делавших их самыми передовыми разработками. Но вместе с тем все проблемы, существовавшие в танковой промышленности, остались прежними. Следовательно, качество и надежность танков оставались низкими.²

В течение предвоенного года и первых трех месяцев военного времени сталинское руководство начало стремительно расширять производственную базу советского танкостроения. Летом 1940 г. началась подготовка производства Т-34 в Сталинграде и КВ в Челябинске. После 22 июня 1941 г. процесс наращивания производственных возможностей танкопрома стал развиваться лавинообразно. Горьковский завод «Красное Сормово» (завод № 112) начал подготовку выпуска Т-34. На Урале было решено создать новый центр изготовления КВ: в Свердловске — производство двигателей и бронекорпусов; конечная сборка — в Челябинске. В Нижнем Тагиле, Магнитогорске и Сталинске (Новокузнецк) начинался выпуск броневых листов.

Однако осенью 1941 г. потеря западных регионов СССР заставила советское руководство принять решение об эвакуации основных центров танкостроения на Урал. Танкостроение такого масштаба требовало соответствующего развития индустрии, но реальная промышленная база региона резко отставала от потребностей танкопрома.

Анализ событий конца 1941 — начала 1942 гг. показывает, что все ресурсы восточных промышленных районов в части танкостроения были брошены, прежде всего, на три направления: танкосборочное производство, изготовление брони и дизелестроение. Производственная база других отраслей развивалась

² Оборонно-промышленный комплекс СССР накануне Великой Отечественной войны (1938 — июнь 1941 г.): сб. документов. М., 2015. Т. 4. С. 697–701.

по остаточному принципу. Существовавший потенциал не мог удовлетворить нужды активно развивающегося танкостроения.

Топливо-энергетические мощности. Восточная энергетика развивалась в основном в рамках теплоэнергетики. По данным С. А. Баканова, угледобывающие предприятия Урала и Сибири резко сократили добычу угля. Суточная и месячная добыча падали всю осень 1941 г. [1, с. 168]. В марте 1942 г. электростанции региона работали с нулевым остатком, недополучив более 100 т угля.³ Сама электроэнергетика первый военный год должна была резко нарастить объемы своего производства. Однако реальная потребность была такова, что все восточное народное хозяйство все военные годы развивалось в условиях дефицита электроэнергии.

В первый месяц войны были очерчены будущие проблемы. Коэффициент заполнения графика суммарной нагрузки доходил до 0,98. Это означало резкое сокращение текущих и капитальных ремонтов. Такая хищническая эксплуатация не могла продолжаться долго. Летом 1942 г. аварийность в системе «Свердловэнерго» возросла в несколько раз с общей потерей миллионов кВт/ч.⁴ Другой проблемой стало сохранение нормальной частоты в сети (50 Гц). Такой режим работы энергосистемы Свердловской области начался в октябре 1941 г. и закончился в марте 1943 г.⁵

Мы должны учитывать, что танковые предприятия имели свои собственные генерирующие мощности. Но их блок-станции были замкнуты в единую систему, поэтому концентрация энергоресурсов, в частности, в танкостроении или металлургии, приводила к тому, что другие промышленные потребители находились в режиме перманентного энергетического голода.

Строительство и строительные материалы. Практически сразу после начала войны строительная сфера на востоке страны столкнулась с двумя проблемами. С одной стороны, это недостаток рабочих рук, спецоборудования и строительной техники, а с другой — дефицит строительных материалов.

Трест «Свердловскпромстрой» (СПС) осуществлял промышленное строительство на Уралмаше и Уралтурбозаводе. В конце

³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 296. Л. 304.

⁴ Материалы музея энергетики Урала. Итоги развития системы Свердловэнерго в 1943 г. (Рукопись.) Л. 11.

⁵ Подсчитано по: Материалы Музея энергетики Урала. Итоги развития системы Свердловэнерго в 1943 г. (Рукопись.) Л. 8, 9, 30.

лета ежедневно на работу выходило только 30–40 % рабочих.⁶ «СПС» в августе должен был получить для строящихся свердловских объектов 1955 вагонов основных строительных материалов, но получено было менее 30 %! Планы на сентябрь свердловская железная дорога фактически отказалась выполнять: стройматериалы до места назначения невозможно было довести в силу отсутствия свободных вагонов.⁷

Именно в таком состоянии уральская промышленность встретила осень 1941 г., когда в регион были эвакуированы основные мощности западных танковых, броневых и дизельных заводов. Завершить даже работы, начатые летом, оказалось невозможно. Следовательно, новая программа восстановления эвакуированных мощностей изначально находилась под сомнением и в итоге была сорвана [2, с. 205–208].

Броневое производство. С осени 1941 г. на востоке страны действовали только три металлургических завода, способные выпускать броневые листы 45 мм: Новотагильский металлургический завод, Кузнецкий и Магнитогорский металлургические комбинаты. Все бронекорпусное производство для танков Т-34 и КВ напрямую зависело от работы этих предприятий. В течение осени 1941 г. — первой половины 1942 г. бронепрокатные заводы находились в стадии освоения основного производства и, в то же время, должны были наращивать выпуск брони для танков. Что само по себе стало одним из важнейших факторов массового брака броневых листов. Катастрофическое положение с броней Т-34 достигло такого уровня, что во второй половине 1942 г. доля корпусов средних танков, пораженных трещинами, достигала 70–80 %.⁸

Производство комплектующих. На вновь созданных танковых заводах (Уральский танковый завод № 183 в Нижнем Тагиле, свердловский завод № 37, челябинский Кировский завод) создавалось массовое производство шестерен для КПП, бортовых редукторов, механизмов поворота башни и прочего.

На востоке в необходимом количестве отсутствовали целые отрасли, производящие такие комплектующие, как

⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 191. Л. 124–125.

⁷ Там же. Л. 57, 58.

⁸ Музей истории Уралмашзавода. Военная приемка Управления самоходной артиллерии ГАБТУ РККА на Уралмашзаводе. Отчет о работе за период Великой Отечественной войны. Свердловск, 1945. (Рукопись). Л. 126, 129.

шарикоподшипники, резинотехнические изделия, радиостанции и многие другие. Это все необходимо было не только создать, но и нарастить серийное производство до уровня, который бы обеспечивал массовый выпуск бронетехники. Однако и без того скудные ресурсы строительной сферы были практически полностью сосредоточены на развитии основных предприятий военпрома.

В Свердловске фактически было заморожено строительство подшипникового и шинного заводов как минимум до конца 1942 г.⁹ Потеря западных промышленных регионов привела к возникновению дефицита мощностей для изготовления резиновых бандажей. Это вынудило танкостроителей с начала 1942 г. ставить на Т-34 катки с так называемой внутренней амортизацией, что резко повышало вибрации в танке и являлось дополнительным фактором преждевременного выхода машины из строя.

Итоги первого года войны. Танкосборочные, моторные и корпусные заводы массово получали материалы низкого качества. Гусеничные траки и шестерни начинали разрушаться на первых сотнях пробега танка. Моторные заводы (СТЗ, № 76 и Кировский) выпускали двигатели, которые не могли выдерживать даже заниженных довоенных требований (менее 100 моточасов). Бронекорпуса Т-34 массово поражались трещинами уже на этапе изготовления.

Дефицит всех перечисленных производственных ресурсов стал фактором, делавшим невозможным изготовление танков даже на уровне качества 1940 г. Вплоть до апреля 1943 г. фактически были прекращены обязательные приемо-сдаточные пробеги бронетехники.¹⁰ Перечисленные факты сами по себе были причиной низкого качества техники. Следовательно, вплоть до устранения или резкого сокращения дисбаланса между танковыми заводами, с одной стороны, и их ресурсным обеспечением, с другой стороны, восточные предприятия могли выпускать бронетехнику только заниженного качества.

Библиографический список:

1. Баканов С. А. Угольная промышленность Урала: жизненный цикл отрасли от зарождения до упадка. Челябинск, 2012.

2. Хозяйственное освоение Урала и Западной Сибири в XX веке: планирование и управление. Екатеринбург, 2018.

⁹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 414. Л. 46; Д. 420. Л. 2.

¹⁰ ГАСО. Ф. Р-262. Оп. 1. Д. 35. Л. 224; ОГАЧО. Ф. Р-792. Оп. 3. Д. 8. Л. 45.

Nikita N. Melnikov

Candidate of Historical Sciences, Institute of History
and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: *meln2011kit@gmail.com*

**Production resources of the Soviet tank building:
problems of formation of the industrial base of the
tank industry at the beginning of the war (1941–1942)**

A system of tank-building enterprises has been created in the USSR by the beginning of the Great Patriotic War. It was lost during the first wartime months. Eastern tank building was forced to develop under conditions of a total shortage of production resources, which was particularly acute in the first period of the war. It was this factor that predetermined the poor quality of Soviet armored vehicles in 1942.

Keyword: *Soviet economy, fuel, electricity, armor, engine building, tank building, production resources*

Мельникова Наталья Викторовна

к.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН
(Россия, Екатеринбург)
E-mail: *melnatvik@mail.ru*

**Подготовка кадров
для советского атомного проекта¹**

УДК 94(470)“19”

Доклад посвящен складыванию системы подготовки специалистов с высшим образованием для советского атомного проекта в период с 1942 г. до второй половины 1950-х гг. Рассмотрены основные пути ее развития, проблемы, достижения и значение для советской высшей школы, атомного проекта и промышленности.

Ключевые слова: *советский атомный проект, кадры, высшее образование*

Создание атомного оружия явилось серьезным научно-технологическим вызовом для Советского Союза, ослабленного Второй мировой войной. Решение кадровой проблемы атомного проекта было ключевой частью ответа на этот вызов. Проект как

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-01-00102-ОГН.

высокотехнологичное и наукоемкое начинание требовал большого количества высококвалифицированных специалистов. Мобилизационный режим позволял решить задачу набора кадров в необходимые сжатые сроки за счет перераспределения трудовых резервов страны в пользу проекта. Однако этого было недостаточно: требовались не просто высококвалифицированные специалисты, но кадры, имеющие специализированную «атомную» подготовку. Таковых катастрофически не хватало, а в случае некоторых специализаций — просто не было. Необходимо было сформировать систему соответствующего обучения.

Используя ключевой принцип реализации атомного проекта — решение имеющихся проблем несколькими способами одновременно, — подготовка «атомных» кадров шла несколькими путями. Первым, наиболее простым, менее затратным и маневренным способом, была переподготовка получивших высшее образование в вузах, через стажировку в научных учреждениях, уже работавших на атомный проект, и курсах, организуемых на «атомных» объектах. Следующим этапом было создание специальных (закрытых или секретных) кафедр, отделений и факультетов в имеющихся учебных заведениях, а затем, наконец, учреждение «своих» вузов.

Первые шаги в направлении подготовки отечественных «атомных» кадров были сделаны еще во время Великой Отечественной войны, начиная с 1942 г. В этот период основные усилия были сосредоточены на переподготовке, что было обусловлено невысоким статусом проекта, находившегося на стадии становления, и ограниченными возможностями воюющей страны. Тем не менее, переподготовка была организована для специалистов в области геологии и геохимии (отраслей, которые должны были обеспечить научные эксперименты значительными объемами урана), а также физики (отрасли, на которую ложилась основная научная нагрузка в проекте). Осуществленный в 1945 г. поголовный учет «запасов» физиков и радиохимиков с получением копий учетных карточек на каждого давал возможность не только лучше использовать имеющийся потенциал, но и сделать выводы относительно подготовки новых специалистов. Систематически она стала вестись только после 20 августа 1945 г. с образованием руководящих органов проекта — Специального комитета и Первого главного управления (ПГУ).

Четыре секретных постановления СНК/Совета Министров СССР в 1946–1949 гг. определили 18 вузов, которые должны были готовить молодых специалистов для ПГУ. В 1946–1951 гг. наибольшая нагрузка по подготовке студентов (47,7 %) для атомного проекта ложилась на три вуза: Московский государственный университет, Московский механический институт и Ленинградский государственный университет.² В 1950-х гг. первенство в подготовке атомных специалистов начинает принадлежать Московскому механическому институту (с 1953 г. — Московский инженерно-физический институт), ставшему профильным «атомным» учебным заведением. Из региональных лидировали Уральский политехнический институт (7,4 %) и Горьковский государственный университет (6,3 %).³

В вузах, определенных для подготовки молодых «атомных» специалистов, параллельно приходилось решать несколько проблем: укомплектование учащимися, обеспечение преподавательским составом и разработка специализированных учебных программ. Дабы ускорить получение новых квалифицированных кадров на старшие курсы спецфакультетов и отделений переводились наиболее успевающие студенты других факультетов и вузов. В некоторых случаях традиционное пятигодичное обучение для старшекурсников продлевалось на полгода или год, чтобы они успели освоить спецпрограмму.

Подготовка специалистов в новых областях науки и техники предъявляла иные требования к самим преподавателям высших учебных заведений. В МГУ и Ленинградском политехническом институте в 1949 г. были организованы трехмесячные курсы, рассчитанные на 100 человек. В последующем, часть «атомных» выпускников оставлялась при вузах для обеспечения процесса обучения.

Кроме проблемы преподавательского состава было немало трудностей с подбором и изложением учебного материала по дисциплинам, которые находились в стадии становления (как, например, технология радиоактивных веществ). Открытые сведения (в том числе и из зарубежной литературы) были в чем-то не точны и частично устарели. Решением и проблемы

² Подсчитано по: Атомный проект СССР: Документы и материалы: в 3 т. М.; Саров, 1998–2010. Т. 2, кн. 2. С. 105; Кн. 3. С. 784; Кн. 4. С. 212, 758.

³ Подсчитано по: ГАРФ. Ф. 10208. Оп. 2. Д. 1632. Л. 46–48.

преподавательского состава, и содержания учебных курсов было обучение студентов самими учеными — участниками проекта. Преподавали Л. А. Арцимович, И. Е. Тамм, Н. Н. Семёнов, И. М. Франк, И. В. Курчатов, Я. Б. Зельдович, И. Я. Померанчук, М. А. Леонтович, А. Н. Тихонов, А. Б. Мигдал, И. К. Кикоин, А. И. Лейпунский и др.

К 1951 г. для ПГУ и его «смежников» было подготовлено 2726 специалистов, более половины из них составляли физики разных специальностей, треть — химики. Большинство молодых специалистов (54 %) были направлены в основные исследовательские и промышленные объекты ПГУ. 15 % поступили в институты Академии наук, в которых решались задачи для атомного проекта. 21 % пополнили организации и учреждения «смежников» проекта. 10 % были оставлены при вузах в аспирантурах и для ведения педагогической работы.⁴

Начиная с 1951 г. количество вузов, готовивших новые «атомные» кадры, было уменьшено до тринадцати. Сокращение было связано, в том числе, с открытием в 1952–1959 гг. шести филиалов и отделений Московского механического института в поселениях, где располагались ведущие предприятия формирующейся атомной отрасли. К 1956 г., ежегодно увеличивая выпуск «атомных» студентов, в стране должно было быть подготовлено еще более, чем 5 тыс. молодых специалистов, что почти в два раза превышало количество выпускников на начало 1951 г.

По сравнению с Манхэттенским проектом, советское специализированное «атомное» образование развернулось относительно быстрее. В то время как начало работ по атомной бомбе в США относится к 1939 г., специализированные образовательные ядерные «единицы» стали массово появляться только в 1950-е гг.,⁵ то есть спустя десятилетие. В СССР это произошло через три года после распоряжения Государственного комитета обороны «Об организации работ по урану» (1942). Такая интенсификация объяснима большими потребностями. Манхэттенский проект не испытывал острой кадровой нужды, как его советский аналог.

⁴ Подсчитано по: ГАРФ. Ф. 10208. Оп. 2. Д. 1632. Л. 51, 160, 161.

⁵ The Oak Ridge School of Reactor Technology. 1951–1952. Oak Ridge, TN: UCC, 1952. P. 3 // The Naval Reactors History Database. URL: <http://navalreactorshistorydb.info/xtf/data/pdf/109/109.pdf> (дата обращения: 15.02.2019).

Во-первых, ядерная физика и инженерия не считались там «наукой, оторванной от жизни» (как в предвоенном СССР), и соответствующее образование развивалось и ранее. Во-вторых, Америка получила львиную долю европейских ученых, которые бежали от нацизма и приняли участие в Манхэттенском проекте.

Подготовка специалистов с высшим образованием для отечественного атомного проекта, кроме утоления кадрового «голода» предприятий и организаций системы ПГУ, имела несомненные плюсы для советской высшей школы и промышленности. Она стимулировала появление новых образовательных «единиц» (кафедры, факультеты, вузы), перераспределение качественной образовательной базы в пользу периферии, в том числе, за счет открытия филиалов МИФИ в закрытых городах (ср.: Ок-Риджская школа реакторных технологий), совершенствование и осовременивание образовательных программ по ряду специальностей и повышение квалификации преподавательского состава. В то время, как до войны ядерных физиков и радиохимиков готовилось значительно меньше по сравнению с другими специальностями, теперь появилась целая когорта молодых ядерных физиков и радиохимиков. Только за первое пятилетие существования ПГУ молодое пополнение ядерных физиков составило прирост в два раза, радиохимиков — в полтора. Необходимость подготовки высококлассных специальных кадров для атомного проекта, осознаваемая на высшем государственном уровне, стала катализатором воплощения идеи физтеха и начала подготовки «инженеров-ученых». Молодые специалисты, подготовленные для ПГУ, дополнили также организации и учреждения «смежников» проекта, укрепляя тем самым «родственные» отрасли промышленности. Образовательная «атомная» система, в основу которой было положено единство науки, образования и производства, обеспечивала высокое качество специалистов и была залогом эффективности складывающейся атомной отрасли.

Natalia V. Melnikova

Candidate of Historical Sciences, Institute of History
and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: *melnatvik@mail.ru*

Personnel training for the Soviet atomic project

The report is devoted to the development of a higher education system to train specialists for the Soviet atomic project in the period from 1942 to the second half of the 1950s. The author considers the main ways of its progress, problems, achievements and importance for the Soviet high school, atomic project and industry.

Keywords: *soviet atomic project, personnel, education*

Мухин Михаил Юрьевич

д.и.н., Институт Российской истории РАН (Россия, Москва)
E-mail: *mukhin@mail.ru*

Складывание системы органов мобилизационной подготовки промышленности в Советской России и СССР в 1921–1927 гг.

УДК 93/94

Долгое время создание системы мобилизационной подготовки в СССР блокировались различными факторами. Однако события «военной тревоги» 1927 г. вынудили советское руководство резко активизировать работы по данному направлению, в результате чего в СССР сформировалась система мобилизационных органов, просуществовавшая без радикальных изменений вплоть до Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: *«военная тревога», оборонная промышленность, мобилизационная подготовка, «оборонка», оборонное строительство, Реввоенсовет*

В годы Великой Отечественной войны СССР удалось достаточно быстро реорганизовать индустрию, сельское хозяйство и транспорт в интересах обеспечения действующей армии всем необходимым. Однако, детали подготовки механизма такой перестройки, как правило, уходят за скобки внимания.

Между тем, процесс формирования системы мобилизационной подготовки экономики СССР весьма интересен с академической точки зрения, и, возможно, будет бесполезен и нынешнему руководству нашей страны. Разумеется, в одном

выступлении невозможно осветить все аспекты этого процесса. Поэтому мы позволим себе избрать предметом исследования лишь один достаточно узкий сюжет — генезис системы высших и центральных органов мобилизационной подготовки экономики в 1920-х гг.

Советское руководство, безусловно, учло опыт мобилизационных мероприятий времен Первой мировой и Гражданской войн. Впервые вопрос о начале мобилизационного экономического планирования был поднят осенью 1921 г., когда военное ведомство поставило вопрос о создании перспективной программы промышленной модернизации, предусматривавшей не только те ресурсы, которые были в распоряжении Совнаркома, но и планируемые результаты экономического роста.¹ Уже на этом этапе советское руководство приняло стратегическое решение, которое определило основной вектор мобилизационной подготовки страны на долгие годы вперед — ставка делалась не на накопление военных запасов, а на подготовку экономики к функционированию в военное время. Как видим, уже в начале 1920-х гг. советское руководство достаточно адекватно подходило к проблеме мобилизационной подготовки, но вопрос упирался в нехватку финансов. Переход к политике НЭПа вывел на первый план вопрос о финансовой стабилизации и сокращении расходов. Тем не менее, определенная подготовка мобилизационного планирования велась. В октябре 1923 г. Политбюро ЦК РКП(б) санкционировало создание Комиссии обороны, на которую возлагалась координация работы различных ведомств в интересах обороны, причем каждый наркомат был обязан создать в своем составе мобилизационный аппарат, работа которого курировалась бы этой Комиссией. Одновременно в качестве постоянной комиссии Реввоенсовета был создан Межведомственный мобилизационный комитет [4, с. 73]. Однако на этот раз идея мобилизационной подготовки промышленности стала жертвой внутривластной борьбы. Во главе обоих новоучрежденных органов мобилизационного планирования встал Л. Д. Троцкий, что и предопределило их бесплодность. После поражения Троцкого в политической борьбе, работы по подготовке плана экономической мобилизации пришлось начинать фактически с «чистого листа».

¹ Реввоенсовет республики: Протоколы, 1920–1923: сб. документов. М., 2000. С. 233–236, 247, 250, 251.

В январе 1925 г. наркомат военных и морских дел (НКВМ) СССР возглавил М. В. Фрунзе, который немедленно приступил, в том числе, к формированию основных контуров мобилизационной политики страны. Судя по всему, именно Фрунзе стал основным инициатором и бюрократическим «мотором» идеи создания Военно-Промышленного управления (ВПУ) ВСНХ, но сам он увидеть воплощение своего замысла в реальность не успел. 31 октября 1925 г. нарком умер, а приказ ВСНХ о создании в его структуре ВПУ был подписан лишь 4 декабря 1925 г. Так или иначе, теперь в состав ВСНХ входила специальная институция, получившая прерогативы по составлению мобилизационного плана для промышленности в соответствии с приказами НКВМ. Таким образом, в стране начала складываться достаточно продуманная система мобилизационного планирования: НКВМ определяет, что и сколько ему потребуется в случае войны, ВПУ ВСНХ решает, как в мирное время подготовить выпуск в годы войны необходимой армии продукции. К сожалению, смерть Фрунзе привела к замедлению формирования мобилизационной стратегии СССР. Новый наркомвоенмор К. Е. Ворошилов сконцентрировал внимание по большей части на вопросах военного строительства, в известной мере устранившись от проблематики мобилизационной подготовки экономики страны в целом. Поэтому в 1925–1927 гг. обсуждение этих вопросов сосредоточилось в Комиссии Политбюро под руководством председателя Совнаркома СССР А. И. Рыкова («Комиссия Рыкова», она же «Комиссия обороны»).²

Таким образом, к 1925 г. одним из основных факторов, тормозящих создание системы экономической мобилизации, стал именно организационный раздрай. Вопросы мобилизационной подготовки СССР оказались явочным порядком распределены между несколькими ведомствами. С одной стороны, СТО формально считался головной организацией по обеспечению координации действий различных ведомств в интересах обороны. Однако Фрунзе в 1924 г. отозвался о СТО следующим образом: «СТО фактически по характеру своей работы совершенно не соответствовал второй половине названия и переродился из СТО просто в совет Труда. Он стал хозяйственным органом» [3, с. 28].

² История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР. 1900–1963: документы и материалы. М., 2005. Т. 2. Советское военно-промышленное производство (1918–1926). С. 628–630.

В то же время претензии на руководство мобилизационной подготовкой предъявляли и Межведомственный комитет, руководителем которого был начальник Штаба РККА, и «Комиссия Рыкова». Таким образом, ВПУ ВСНХ оказывался в положении «слуги трех господ» в буквальном смысле этого слова.

Между тем, ситуация оставалась напряженной. В декабре 1926 г. Политбюро получило доклад Штаба РККА, в котором утверждалось: «Ни Красная Армия, ни страна к войне не готовы» [2, с. 65]. Пытаясь разобраться в сложившейся ситуации, 6 января 1927 г. Политбюро поручило ВПУ ВСНХ и РВС СССР проинспектировать положение дел в оборонной сфере, и «доложить о состоянии военной промышленности с точки зрения ее соответствия обороне».³ Тем временем, международная обстановка начала стремительно накаляться. В начале 1927 г. национально-революционная армия Китая, действовавшая под эгидой Коммунистической партии Китая и Гоминьдана, заняла британские концессии в Ханькоу и Цзюцзяне и перенесла военные действия в бассейн Янцзы, который Лондон считал своей сферой влияния. Вероятность обострения англо-советских отношений радикально возросла за считанные недели. Соответственно, вопрос о готовности страны к войне именно в начале 1927 г. стал критически важным. Уже 27 мая 1927 г. правительство Великобритании официально разорвало как дипломатические, так и торговые связи с Советским Союзом. В историографии эти события получили название «военной тревоги 1927 г.». Еще в феврале 1927 г., то есть — до демарша британского правительства, СТО, заслушав отчет о результатах проверки, проведенной в январе того же года ВПУ ВСНХ, образовал Комиссию обороны, к которой практически полностью перешли функции «Комиссии Рыкова» [1, с. 39]. В мае того же года, на своем первом заседании, эта комиссия была переименована в Распорядительное заседание (РЗ) СТО. Наконец, 25 июня 1927 г. — то есть уже в разгар англо-советского кризиса — на заседании РЗ СТО было принято постановление «Об организации центральных мобилизационных аппаратов»,⁴ согласно которому РВС и Госплан получали полномочия по созданию низовых органов мобилизационной

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 4. Л. 80.

⁴ ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 28. Д. 130. Л. 40–42.

подготовки экономики СССР к войне в каждом наркомате. При этом за подготовку промышленности в целом к войне отвечал ВПУ ВСНХ.

Таким образом, 25 июня 1927 г. в СССР впервые была создана система высших и центральных органов мобилизационной подготовки экономики страны к войне. Впоследствии эта система неоднократно проходила различные трансформации и модернизации. Однако ее базовая структура, основные принципы ее построения и функционирования оставались неизменными. В полной мере значение этих решений проявилось лишь в годы Великой Отечественной войны, но это тема уже для отдельного исследования.

Библиографический список

1. Кен О. Н. Мобилизационное планирование и политические решения. М., 2008.
2. Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 20–50-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996.
3. Фрунзе М. В. Собрание сочинений. М., 1926. Т. 2.
4. Цветков И. Ф. Организационно-мобилизационные органы и организационные структуры Военно-Морского Флота России (1695–1945). СПб., 2000.

Michael Yu. Mukhin

Doctor of Historical Sciences, Institute of Russian History of the RAS

(Russia, Moscow)

E-mail: mukhin@mail.ru

The formation of the system of organs of mobilization preparation of industry in Soviet Russia and the USSR in 1921–1927

For a long time the creation of system of mobilization preparation in the USSR has been blocked by various factors. However, the events of the 1927 “military alarm” forced the Soviet leadership to intensify work in this direction. As a result, a system of mobilization bodies was formed in the USSR, it existed without radical changes until the Great Patriotic War.

Keywords: *“military alarm”, defense industry, mobilization training, defense construction, Revolutionary Military Council*

Пасс Андрей Аркадьевич
д.и.н., Челябинский государственный университет
(Россия, Челябинск)
E-mail: *pass_andrey@mail.ru*

Огосударствление кооперативной промышленности в СССР (1956–1960)

УДК 94(47).084.9

Показан процесс огосударствления промысловых артелей, который поначалу охватил крупные, технически оснащенные предприятия. Оставшиеся сосредоточились на бытовом обслуживании населения. Работа на потребительском рынке укрепила финансовую и материально-техническую базу кооперативов. Это обусловило их окончательную ликвидацию, поскольку противоречило идеологическим установкам партноменклатуры.

Ключевые слова: *кооперативная промышленность, Российский промысловый совет, рынок товаров и услуг, КПСС, национализация*

В XX в. в Российской империи, а затем и в Советском Союзе существовал самобытный экономический уклад, называемый промысловой кооперацией. Его источником служили сбережения, имущество, а также трудовые навыки и умения граждан. Небольшие производственные артели занимались изготовлением предметов первой необходимости, предоставлением услуг для населения и принадлежали самим работникам. Их особенностью являлось то, что управление осуществлялось коллективно, а получаемая по итогам года чистая прибыль распределялась по паям соответственно участию каждого в создании конечного продукта. Хозяйственная устойчивость товариществ даже в условиях большевистской диктатуры и реализации масштабных социальных проектов, таких как индустриализация и коллективизация, объяснялась необходимостью поддерживать жизненный уровень населения на субъективно приемлемом уровне.

Важную роль промартели сыграли в годы Великой Отечественной войны, совмещая выпуск товаров широкого потребления с выполнением военных заказов.

В мирное время главные надежды на преодоление дефицита на потребительском рынке стали возлагаться на государственные заводы и фабрики, проводившие ускоренную конверсию. И хотя

в выступлениях лидеров страны и в партийной печати по-прежнему говорилось о гармоничном развитии всех отраслей, имеющих отношение к группе «Б», июльский Пленум ЦК КПСС 1955 г. впервые поставил под сомнение целесообразность самостоятельного существования кооперативной промышленности. Было объявлено о скорой передаче артелей, утративших кооперативный характер, в госпромышленность.¹

14 апреля 1956 г. вышло постановление ЦК КПСС и СМ СССР «О реорганизации промысловой кооперации». 21 мая его продублировал Совмин РСФСР.² Под предлогом дальнейшего увеличения производства товаров широкого потребления, повышения их качества и снижения себестоимости, а также лучшего использования производственных мощностей и усиления специализации наиболее крупные объекты промкооперации передавались в ведение республиканских министерств соответствующих отраслей промышленности и областных и городских Советов депутатов трудящихся, а предприятия торговли и общественного питания — в ведение местных организаций министерства торговли и потребительской кооперации. Республиканское правительство ориентировало Российский промысловый совет и оставшиеся в его ведении артели на всестороннее улучшение бытового обслуживания населения.

В течение 1957–1960 гг. промкооперативная система, несмотря на то, что функционировала на суженной основе, продемонстрировала беспрецедентные темпы роста валового производства и рентабельности. В частности, челябинские товарищества в последний год своего существования план работ для населения выполнили на 102,1 % (в суммарном выражении — 68 670 тыс. руб., рост по сравнению с 1958 г. на 14 %), открыли 105 мастерских, в том числе 10 комбинатов и павильонов бытового обслуживания, доведя их число по области до 875. С целью механизации трудоемких процессов ввели в строй 373 единицы оборудования. Ими были освоены новые виды услуг — починка в присутствии

---

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1985. Т. 8: 1946–1955. С. 521, 523.

² Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 4: 1953–1961. С. 297–302; Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР. М., 1959. Т. 5: 1954–1956. С. 458, 459.

заказчика и с выездом на дом. Заявки принимались также на заводах, в учреждениях и общежитиях. Для ремонта бытовой техники к клиентам стали приезжать на специальных автомашинах передвижные бригады. Дополнительные издержки не помешали снижению прейскурантных цен на 5%. На учебно-курсовой базе были подготовлены сотни квалифицированных портных, столяров, фотографов, парикмахеров, пимокатов и т. д. В практику вошли сезонные смотры модных моделей одежды и обуви с последующей распродажей представленных экземпляров.³ Как следствие, прибыль южно-уральских артелей только в третьем квартале 1960 г. увеличилась наполовину. В сравнении с предыдущим годом цифра должна была составить 216%.⁴

Слагаемыми успеха стали: упор на собственные каналы обеспечения сырьем; оперативное маневрирование имеющимися средствами; диверсификация производства в ответ на изменение покупательского спроса и рыночной конъюнктуры.

Изменения к лучшему наблюдались повсеместно. Это дало повод председателю Роспромсовета А. П. Заговельеву на III съезде уполномоченных в феврале 1960 г. уверенно заявить о том, что ближайшие 15 лет будут периодом дальнейшего укрепления промышленной системы [1, с. 99]. В планово-экономическом управлении РПС были подготовлены перспективные проекторки по выпуску продукции на период 1960–1980 гг.⁵

Вместе с тем, промартели, которые ранее были переданы в госсектор, испытывали серьезные трудности из-за перехода на иные управленческие стандарты, нехватки квалифицированных инженерно-технических кадров, перебоев в снабжении фондовыми материалами, в результате чего их выработка упала.

Несмотря на отмеченные обстоятельства, 20 июля 1960 г. Пленум ЦК КПСС предписал передать все кооперативные предприятия в ведение государственных органов с одновременным упразднением Роспромсовета [2, с. 1].

Документальные свидетельства о подготовке или обсуждении данного решения не обнаружены до сих пор. Интервью, взятые историком П. Г. Назаровым в 1990 г. у современников тех

³ ОГАЧО. Ф. 965. Оп. 5. Д. 219. Л. 228; Д. 262. Л. 48–50; Д. 238. Л. 8.

⁴ Подсчитано автором по: ОГАЧО. Ф. 1029. Оп. 15. Д. 1769. Л. 81.

⁵ ГАРФ. Ф. 396. Оп. 1. Д. 2454. Л. 2–80.

событий, бывших: председателя Центропромсовета А. Е. Петрушева, главы Мосметпромсоюза В. Г. Лосева, преподавателя Высшей школы промкооперации Е. Э. Бейлиной, позволяют заключить, что принято оно было под влиянием сиюминутного настроения. Якобы на одном из столичных совещаний зашел разговор об отдельных недостатках в деятельности артелей. Слово взял А. И. Микоян и предложил: «А давайте совсем их ликвидируем». Предложение было принято [1, с. 100].

Национализацию кооперативной промышленности в СССР обусловили следующие факторы: 1) стремление партийной номенклатуры обеспечить доктринальную чистоту социалистического эксперимента, в которую факт наличия многоукладной и разноформатной экономики не вписывался; 2) власти остро нуждались в дополнительном финансировании оборонно-промышленного комплекса и в огосударствлении промкооперации видели один из его источников.

Запрет коллективного предпринимательства спровоцировал в стране затяжной кризис потребления, который впоследствии явился одной из причин крушения СССР.

Библиографический список

1. Назаров П. Г. История российской промысловой кооперации. 1799–1960. Челябинск, 1995.
2. Промысловая кооперация. 1960. № 9.

Andrew A. Pass

Doctor of Historical Sciences, Chelyabinsk State University
(Russia, Chelyabinsk)

E-mail: pass_andrey@mail.ru

Cooperative industry nationalization in the Soviet Union (1956–1960)

The papers shows the process of nationalization of the producers' co-operation, which initially affected large, technically equipped enterprises. The remaining ones focused on domestic services. Consumer market activities strengthened financial and logistical base of cooperatives. This led to their eventual elimination, because their existence was contrary to ideological attitudes of the party nomenclature.

Keywords: *cooperative industry, Russian producers' board, market of goods and services, CPSU, nationalization*

Пивоваров Никита Юрьевич
к.и.н., Институт всеобщей истории РАН; Российский
государственный архив новейшей истории (Россия, Москва)
E-mail: *pivovarov.hist@gmail.com*

**Советская внешняя торговля во второй половине
1950-х — начале 1960-х годов:
в поисках новых стратегий¹**

УДК 94(470)

Цель исследования проанализировать тенденции развития советской внешней торговли во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг. Используя документы ЦК КПСС, автор пришел к выводу, что несмотря на бурное развитие советской внешней торговли, СССР значительно отставал от ведущих индустриальных держав. В основе этого были технологически-организационные, политические и структурные причины. Изучены также попытки модернизации советской внешней торговли, представленные в проектах Г. Л. Сахнововского и А. Ф. Засядько. Автор отмечает, что расширение внешнеторговой деятельности обернулось негативными тенденциями, в частности со значительными валютными расходами.

Ключевые слова: *СССР, внешняя торговля, Н. С. Хрущев, ЦК КПСС*

Монополия внешней торговли, установленная большевиками практически сразу после прихода их к власти, просуществовала вплоть до краха советской политической системы. В. И. Ленин и И. В. Сталин рассматривали монополию как естественную защиту социалистической экономики от внешнего давления, барьер, ограждающий советскую республику от капиталистического влияния. Совсем иначе на внешнюю торговлю взглянул Н. С. Хрущев, который увидел в ней инструмент расширения влияния идей социализма, а сама экономика превратилась в один из способов мирной конкуренции с капиталистической системой.

Несмотря на такое исключительное значение, история советской внешней торговли изучена крайне фрагментарно. Основное внимание историки и экономисты уделяли или отдельным статьям экспорта и импорта товаров, или внешнеторговым связям СССР с отдельными странами. Исключением в этом отношении

---

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта № 17-18-01728.

стали монографии О. С. Сибони и М. А. Липкина [1; 2]. Однако именно после смерти И. В. Сталина советская внешняя торговля претерпела существенную трансформацию. Цель исследования осветить тенденции развития советской внешней торговли во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг. В качестве ключевых источников использованы материалы бывшего текущего архива ЦК КПСС — ныне Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ).

К началу 1960-х гг. советская внешняя торговля совершила колоссальный рывок в своем развитии. Так, общий товарооборот с 1953 по 1960 г. вырос почти вдвое — с 20,1 млрд руб. до 46,6 млрд руб. в год.² В 1955–1960 гг. СССР в буквальном смысле ворвался на новые рынки, в первую очередь стран третьего мира — в Азиатском регионе и Африке. При Н. С. Хрущеве произошла существенная модернизация Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), он стал превращаться в один из экономических институтов, успешно конкурировавших с капиталистическими аналогами.

Несмотря на феноменальное развитие советской внешней торговли, следует признать, что СССР все еще значительно отставал от ведущих индустриальных держав. В записке заместителя председателя Совета Министров СССР А. Ф. Засядько (которой мы коснемся чуть ниже) приводилась следующая любопытная статистика. По объему промышленного производства СССР к 1960 г. занимал второе место в мире, но только шестое по объему внешней торговли и 34 по объему внешнеторгового оборота в расчете на душу населения. СССР вывозил около 4 % производимой продукции, тогда как США — 10 %, ФРГ — 28 %, Англия — 38 %. Каковы были причины того, что СССР, имея столь впечатляющие возможности для развития внешнеторговых оборотов, значительно отставал от своих капиталистических конкурентов? Можно выделить технологически-организационные, политические и структурные причины.

К технологически-организационным относится общая техническая отсталость СССР по сравнению с западными странами. Например, в 1954 г. советский экспорт металлопродукции был не выполнен почти на треть, так как в СССР не было

² РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 478. Л. 36; Д. 605. Л. 193; Д. 617. Л. 111–113.

нужного количества вагонов, способных перевозить железную руду. Неоднократно на заседаниях Президиума ЦК обсуждались вопросы о неудовлетворительной работе того или иного министерства «по отгрузке машин, оборудования, приборов и запасных частей на экспорт», так как многие промышленные министерства не успевали изготовить экспортную продукцию в запланированном объеме. Технологическая отсталость СССР была видна в статистике по торговому флоту. К 1959 г. общий тоннаж торгового флота СССР составлял 3 млн т дедвейта и занимал 12 место в мире (первые три места — США, Англия, Либерия). Однако более 50 % общего тоннажа приходилось на суда возрастом свыше 25 лет. Для фрахтования использовали иностранные корабли.³

К организационно-техническим причинам относятся и откровенно бюрократические. Вплоть до 1955 г. руководство МВТ не имело права принимать заказы на изготовление промышленных товаров в СССР, если они не соответствовали советским стандартам. Министерство не могло принять многочисленные заказы на поставку колесных тракторов в Индию, Бирму, Пакистан, Иран, Египет, Ливан, Турцию, Уругвай, так как большинство фирм просили поставлять тракторы с электростартером, что не было предусмотрено советским стандартом качества. Большой ущерб престижу советской внешней торговли наносил непостоянный и неустойчивый характер продажи отдельных советских экспортных товаров, в особенности, когда с экспорта снимались товары, потому что они не были включены в новый годовой план.

Негативно отражались на внешнеторговом балансе и политические причины. В 1954 г. в связи с «делом Петрова» СССР прекратил импорт и экспорт товаров в Австралию, в том числе, дешевой шерсти. Это привело к тому, что вплоть до конца 1950-х гг. Советский Союз был вынужден покупать шерсть у фирм-перекупщиков на 25–30 % дороже. В 1956 г. в ходе Суэцкого кризиса советское руководство заявило о прекращении поставок нефти и мазута в Израиль.⁴ К политическим также относятся и санкции, которые накладывали западные страны. В частности, запрет на продажу соцстранам новейшего промышленного оборудования. Так, при попытках приобрести трубы большого диаметра и выдерживающих высокое

³ Там же. Д. 141. Л. 68.

⁴ Там же. Оп. 14. Д. 135. Л. 11.

давление, советские представители столкнулись с тем, что североамериканские и европейские производители отказались от сотрудничества, мотивировав это тем, что подобные изделия находились в запретительном списке правительства США.

Но главной причиной, негативно отражавшейся на советской внешней торговле, были ее структурные изъяны. Советская внешняя торговля не отражала промышленного развития СССР. Советский экспорт, как и имперской России, почти на 70 % состоял из сырья и материалов, топлива и зерна. К 1960-м гг. СССР занял второе место по производству химических товаров (уступив только США) — удельный вес СССР в мировой выработке продукции химической промышленности составлял 13 %, но доля в мировом экспорте достигала только 2 %. СССР не экспортировал такие новейшие товары, как пластмассы, синтетические смолы и другие соединения. Денатурализации экспорта фактически не произошло, напротив, с конца 1950-х гг. начался новый виток экспорта сырьевых товаров, в первую очередь — нефти.

Характерно, что в Президиуме ЦК практически не рассматривались предложения по модернизации советской внешней торговли в рассматриваемый период. Исключением стали две записки — министра торговли УССР Г. Л. Сахновского и заместителя председателя Совета Министров СССР А. Ф. Засядько. Записка Г. Л. Сахновского — это взгляд регионов на решение вопроса. Главная идея украинского политика заключалась в предоставлении больших свобод местным властям в формировании экспортно-импортных операций. В частности, он предлагал предоставить право республикам получать кредиты у иностранных фирм для покупки товаров, сначала краткосрочные (коммерческие), а в дальнейшем долгосрочные.⁵

В записке А. Ф. Засядько затрагивались перспективы развития советской внешней торговли в глобальной перспективе. В документе отдельно представлены тактики СССР с соцстранами, с капиталистическими странами и слаборазвивающимися странами. В отношении экономик социалистического лагеря Засядько предлагал превратить разрозненные национальные экономики в единое хозяйственное целое, устранить межгосударственные экономические барьеры. На практике это означало, что хозяйственные

⁵ Там же. Оп. 12. Д. 35. Л. 74.

связи внутри социалистического лагеря должны были складываться из отношений между отдельными экономическими районами единого мирового социалистического хозяйства, а основные народнохозяйственные пропорции должны формироваться как единый общий план мировой социалистической системы.

Менее утопично выглядели взгляды автора по поводу действий Москвы на рынках стран третьего мира и индустриальных стран. Так, Засядько предлагал усилить экономическую помощь слабым странам, выделяя ежегодно 1–2 % национального дохода СССР на эти цели. На рынках капиталистических стран А. Ф. Засядько предлагал играть на противоречиях, в частности, на амбициях западноевропейских стран (в первую очередь Франции и ФРГ) по отношению к США. Интересно, что хроническую проблему валютного дефицита А. Ф. Засядько предлагал решать за счет увеличения объемов сырьевого экспорта.

Середина 1950-х гг. стала не только временем смены советской политической системы (переход от сталинской системы управления к коллективной), изменился подход советского руководства во взаимодействии с внешним миром. Внешняя торговля стала использоваться советскими руководителями в качестве инструмента для демонстрации потенциала возможностей советской системы перед капитализмом и раскрытия альтернативных путей развития мировой экономики. Несмотря на бюрократическую неповоротливость советского внешнеторгового аппарата, жесткую конкуренцию со стороны западных производителей, вторая половина 1950-х — начало 1960-х гг. стали «золотым» временем деятельности СССР во внешнеторговой сфере. Вместе с тем именно в этот период ярко высветились негативные явления, такие как увеличение экспорта нефтересурсов и рост импорта дорогостоящего промышленного оборудования. Вторая половина 1950-х г. стала временем своеобразной исторической развилки, когда советскому руководству предстояло выбрать путь дальнейшего экономического развития страны, используя в том числе ресурсы советской внешней торговли.

Библиографический список

1. Sanches-Sibony O. Red Globalization. The political economy of the Soviet Cold War from Stalin to Khrustchev. Cambridge, 2014.
2. Липкин М. А. Советский Союз и интеграционные процессы в Европе: середина 1940-х — конец 1960-х годов. М., 2016.

Nikita Yu. Pivovarov

Candidate of Historical Sciences, Institute of World History
of the RAS; Russian State Archive of Modern History (Russia, Moscow)
E-mail: pivovarov.hist@gmail.com

Soviet foreign trade in the second half of the 1950s — early 1960s: in search of new strategies

The purpose of the paper is to analyze the trends in the development of Soviet foreign trade in the second half of the 1950s — early 1960s. Using the documents of the CPSU Central Committee, the author concluded that despite the rapid development of Soviet foreign trade, the USSR lagged far behind the leading industrial powers. This was due to technological, organizational, political and structural reasons. The author also studied the attempts of the Soviet foreign trade modernization presented in the projects by G. L. Sahnovskiy and A. F. Zasyadko. A conclusion is drawn that the expansion of foreign trade activities brought about negative trends, in particular, significant foreign exchange costs.

Keywords: *USSR, foreign trade, N. S. Khrushchev, the CPSU Central Committee*

Пискунов Сергей Александрович

д.и.н., Благовещенский государственный
педагогический университет (Россия, Благовещенск)
E-mail: grew5@mail.ru

Имперская и советская политики переселения: преемственность или разрывы?

УДК 94(470)-314.15, 314.7

В докладе на основе широкого корпуса источников выполнены анализ и обобщение истории реализации переселенческой политики во второй половине XIX — XX вв. на территории России. Проведено сравнение задач государственной политики переселения имперского и советского периодов, мер миграционного стимулирования — льгот, определены схожие и отличительные черты указанных параметров.

Ключевые слова: *льготы, переселение, переселенческая политика, Российская империя, РСФСР*

Наращивание демографического потенциала отдельных слабозаселенных регионов России является одним из важнейших проявлений государственной региональной политики.

Особое значение эти инициативы приобрели во второй половине XIX — начале XX столетий, отмеченных высоким уровнем рождаемости в европейской части страны, усугубившим там, по мнению П. А. Столыпина, решение аграрного вопроса. Средством смягчения проблемы должно было стать переселение на окраины империи [8, с. 108, 109]. Схожая роль отводилась переселению после установления власти Советов: об этом прямо указывалось в декрете «О земле». При этом подчеркивалось, что расходы должно было принять на себя государство.¹ Отметим, что такого рода задача возлагалась на этот вид миграции и позднее.²

Несколько иначе были определены задачи государственного переселения в конце 1930-х гг. Так, во-первых, путем плановой аграрной миграции предполагалось смягчить кадровый вопрос в промышленности отдельных трудодефицитных регионов, и, во-вторых, обеспечить рабочей силой сельскохозяйственные предприятия районов-доноров с целью удовлетворения потребностей их жителей в продуктах питания. Со временем, в связи с демографическим истощением деревни, проблема обеспечения продовольствием за счет местного производства по-прежнему являлась актуальной. Актуальной, как это следует из документов, в условиях советской плановой экономики, будет оставаться и роль переселения как одного из источников решения кадровой проблемы [6, с. 41].

Важнейшей государственной задачей переселения как в имперский, так и в советский периоды являлось увеличение численности населения слабозаселенных, как правило, окраинных, приграничных земель. Так, Приамурским генерал-губернатором А. Н. Корфом в деле закрепления Дальнего Востока за Россией подчеркивалась важность наращивания демографического потенциала региона за счет русских [7]. Схожая риторика стала звучать в отношении советского Дальнего Востока во второй половине 1920-х гг.: требовалось вытеснение иностранной рабочей силы (китайцев и японцев), доля которой, по некоторым оценкам, в отдельных отраслях экономики региона превышала 50 % [5, с. 25]. Стратегическую важность Дальнего Востока

¹ Собрание Узаконений и Распоряжений Правительства за 1917–1918 гг. М., 1942. № 1. Ст. 3.

² Речь идет, напр., о резолюции XV съезда ВКП(б), постановлениях ЦИК и СНК СССР от 18 января 1928 г.

на XVIII съезде ВКП(б) подчеркивал В. М. Молотов, назвавший Дальневосточный край «мощным форпостом Советской власти на Востоке» [1, с. 302]. Этот тезис сохранил свою актуальность вплоть до развала СССР, находя подтверждение как на региональном, так и на республиканском и союзном уровнях [6, с. 52–55].

Еще одной важной характеристикой переселенческой политики выступали льготы, существовавшие как в Российской империи, так и в РСФСР-СССР.

Анализ и обобщение литературы и источников позволяет сделать вывод о наличии преемственности имперского и советского опытов поддержки новоселов российской деревни. Во второй половине XIX — начале XX в. основными мерами миграционного стимулирования являлись: освобождение от податей и различного рода повинностей, включая рекрутские наборы (до военной реформы Д. А. Милютина), денежная ссуда,³ выдача земельного надела в пользование,⁴ а в связи с открытием Транссибирской железной дороги — льготный проезд и провоз имущества. Помимо этого, в начале XX в. в местах выхода списывались казенные недоимки, а в местах вселения бесплатно выделялся лес для строительства [2, с. 421; 3, с. 52; 4, с. 126; 5, с. 97, 98; 9, с. 58, 59].

В 1920-е гг. новоселы могли рассчитывать на льготный проезд, выдачу ссуды и бесплатный лес на строительство. Новоселы, как и прежде, освобождались в местах вселения от налогов и получали трехгодичную отсрочку от службы в армии. Отличием от предшествующей практики стало выделение 0,5 га земли на едока и ее бесплатная распашка [5, с. 94].

Очередные изменения, преимущественно организационного порядка, произошли в 1937 г. Согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 17 ноября 1937 г. переселенцы имели возможность сдать скот и зерно в заготовительные конторы в местах выхода с тем, чтобы получить аналогичный объем в местах вселения. Новоселов, следовавших организованно, и их имущество

---

³ Выдача ссуды переселенцам не была регулярной во второй половине XIX в., по крайней мере, переселенцам, направлявшимся на Дальний Восток. Упорядочение этой проблемы произошло во время реализации аграрной реформы П. А. Столыпина.

⁴ Согласно законодательству, до 1 января 1901 г. в Амурской области новоселам выделялась земля до 100 дес. на семью, с 1 января — 15 дес. на мужскую душу.

перевозили за государственный счет. В местах вселения выделялся кредит на обустройство, приусадебный участок (как правило не превышал 0,5 га на семью), дом с надворными постройками, а в случае его отсутствия — ссуда на строительство. Ссуда выдавалась и на приобретение скота. Как и прежде, в местах выхода списывались все недоимки, а в хозяйствах приема — предоставлялись налоговые преференции.⁵

Перечень льгот, утвержденный в 1937 г., с незначительными изменениями, преимущественно количественного характера, применялся и в послевоенный период: правительственные решения кардинально не изменили имевшиеся меры миграционного стимулирования. Исключением, пожалуй, стало постановление Совета Министров СССР от 31 мая 1973 г.: документ содержал дополнительные льготы семьям, главным образом, переезжавшим в земледельческие районы Дальнего Востока и Читинскую область. Во-первых, переселенцы получили возможность частичного или полного соединения отпусков (не более трех лет). Хозяйство было обязано оплачивать проезд к местам отдыха один раз в три года. Во-вторых, новоселам этих районов предусматривалось внеочередное выделение мотоциклов и легковых автомобилей.⁶ Отметим, что правила 1973 г. явились основой для последующих правительственных решений до конца 1980-х гг.

Таким образом, изучение литературы и источников по проблеме исследования показывает, что имперский и советский опыт политики переселения имеет общие основы как с точки зрения задач, так и некоторых инструментов ее реализации. Вне зависимости от курса развития России аграрное переселение традиционно оставалось способом решения государственных задач с сохранением основополагающих принципов прошлого опыта. Специфика советского периода заключалась в наращивании организационного и финансового участия власти в реализации переселенческой политики.

Библиографический список

1. XVIII съезд ВКП(б): стеногр. отчет. М., 1939.
2. Грум-Гржимайло Г. Е. Описание Амурской области. СПб., 1894.

⁵ ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 1. Д. 3. Л. 45–47.

⁶ Собрание действующего законодательства СССР. Разд. 12. Законодательство о сельском хозяйстве. М., 1974. Кн. 4, т. 32. С. 233, 235.

3. Кабузан В. М. Как заселялся Дальний Восток (вторая половина XVII век — начало XX века). 2-е изд., доп. Хабаровск, 1976.

4. Обзор земледельческой колонизации Амурской области. Благовещенск, 1913.

5. Пикалов Ю. В. Переселенческая политика и изменение социально-классового состава населения Дальнего Востока РСФСР (ноябрь 1922 — июнь 1941 г.). Хабаровск, 2003.

6. Пискунов С. А. Плановое сельскохозяйственное переселение в РСФСР: опыт второй половины 1940–1980-х гг. Благовещенск, 2016.

7. Ремнев А. В. Проблемы управления Дальним Востоком России в 1880-е гг. // Исторический ежегодник. Омск, 1996. URL: <http://www.omsku.omskreg.ru/histbook/articles/v1996/a017/article.shtml> (дата обращения: 19.05.2008).

8. Столыпин П. А. Нам нужна великая Россия. Самые знаменитые речи и письма. М., 2013.

9. Шагин Э. М. Столыпинская аграрная реформа и хозяйственное освоение восточных окраин России // Власть и общество России в прошлом и настоящем. М., 2000. С. 54–88.

Sergey A. Piskunov

Doctor of Historical Sciences, Blagoveschensk State

Pedagogical University (Russia, Blagoveshensk)

E-mail: grew5@mail.ru

Imperial and Soviet resettlement policy: succession or rupture?

On the basis of a wide range of sources the paper analyzes and generalizes the history of the resettlement policy implementation in the second half of the 19–20th centuries in Russia. The author compares the goals of the state policy of resettlement during imperial and Soviet periods, measures of migration stimulation — benefits; similar and distinctive features of these parameters are identified.

Keywords: *benefits, resettlement, resettlement policy, Russian Empire, RSFSR*

Попов Алексей Алексеевич
к.и.н., Челябинский государственный университет
(Россия, Челябинск)
E-mail: *aapopov@csu.ru*

**Торгово-экономические отношения СССР
и европейских социалистических стран и вторая
волна индустриализации (1950–1960-е гг.)¹**

УДК 94(47).084.9

В докладе рассматриваются особенности торговых и экономических отношений социалистических стран в контексте общих особенностей развития плановых экономик. Анализ основан на ранее не публиковавшихся в открытом доступе статистических данных Совета экономической взаимопомощи (СЭВ). Особое внимание уделено особенностям взаимных инвестиционных проектов соцстран в сырьевом секторе.

Ключевые слова: Совет экономической взаимопомощи, внешняя торговля СССР, внешняя торговля социалистических стран

В последние годы в исторической науке наблюдается возрождение интереса к торгово-экономическим отношениям внутри социалистического лагеря. По мере открытия архивных материалов и совершенствования аналитического инструментария начали меняться представления о специфике взаимодействия социалистических стран друг с другом, с СССР и с капиталистическими странами [3; 5; 6]. На сегодняшний день совершенно ясно, что оно предполагало сложный комплекс различных форм взаимодействия, равно далекий и от стереотипных представлений о полной подчиненности воле СССР, и от ранних и упрощенных моделей псевдо-рыночного взаимодействия, характерных для западных советологов-экономистов. Экономическое развитие Восточной Европы во второй половине XX в. все чаще помещают, в духе глобальной истории, в контекст общеевропейских и общемировых экономических и интеграционных процессов.

В этой связи многие традиционные вопросы функционирования социалистических экономик получили дополнительную остроту. Речь идет, прежде всего, о мотивах и механизмах

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, проект № 17-78-10070.

расширения товарооборота, формирования торговых цен, взаимного инвестирования и кредитования.

Нерешенность этих вопросов до сих пор в значительной степени объяснялось пробелами в доступных статистических данных. В национальных статистических сборниках социалистических государств материалы по внешнеторговым операциям обычно даны по укрупненным категориям. Наиболее детализированные данные касаются внешней торговли Советского Союза и представлены в Статистических сборниках Министерства внешней торговли или в рассекреченных данных Госплана [1]. При этом национальные статистические данные социалистических стран плохо соотносятся друг с другом и по стоимости, и по объему поставок. Расхождения в статистике были связаны с несколькими факторами: различиями в товарной номенклатуре (особенно в 1950–1960-е гг.), несовпадением сроков учета, разными методиками учета поставок (к примеру, отдельные национальные статистические ведомства не включали поставки в счет погашения).

В рамках исследования была предпринята попытка восполнить пробелы внешнеторговой статистики через привлечение унифицированных статистических данных рассекреченных сборников Секретариата Совета экономической взаимопомощи по внешней торговле стран-членов СЭВ, отложившиеся в фонде 561 РГАЭ. На мой взгляд, данная группа источников может оказаться чрезвычайно полезной для исследователей многосторонних экономических отношений стран народной демократии.

Цель исследования — анализ углубления экономической кооперации Болгарии, ГДР, Венгрии, Польши, Чехословакии и СССР в сфере ископаемых ресурсов в контексте общеевропейского дефицита угля и стали в 1950–1960-е гг. и второй волны индустриализации восточноевропейских стран.

Проведенный анализ позволил получить следующие результаты:

Модель индустриализации социалистических стран с ориентацией на советский опыт и советские представления о приоритетных направлениях развития экономики значительно усиливала дефицит основных видов сырья: коксующегося угля, железной руды, стали и проката, руд цветных металлов. Планы развития предусматривали перераспределение инвестиций внутри страны на строительство предприятий машиностроения

и химической промышленности, но не на расширение ресурсной базы. Взаимные задолженности по торговым поставкам и необходимость закупки дефицитных товаров в западноевропейских странах стимулировали экспорт ископаемого сырья в капиталистические страны. Все это усиливало остроту проблемы дефицита сырья в Восточной Европе и вынуждало искать более эффективные формы кооперации уже с середины 1950-х гг.

Одновременно существовали жесткие институциональные ограничения на глубину интеграции плановых экономик. Так, ситуация «инвестиционного голода» (в терминологии Я. Корнай [2, с. 210–223]) внутри национальных экономик существенно осложняла возможность взаимных прямых инвестиций в ресурсный сектор, делая иностранные инвестиции внутри блока нежелательными ни для импортера сырья, ни для экспортера. Перераспределение средств между странами грозило нарушением планов развития обеих сторон и дополнительными тратами дефицитных ресурсов.

В итоге, в условиях дефицита ресурсов основной формой экономической кооперации стала координация хозяйственных планов при одновременном расширении взаимных товарных поставок.

Однако данная форма была не эффективна в краткосрочной перспективе. Поэтому в конце 1950-х — начале 1960-х гг. в странах СЭВ появилось несколько проектов, когда одни страны все-таки инвестировали в расширение добывающего сектора других стран. Правда, они между собой отличались друг от друга по условиям, а попытки их стандартизации в середине 1960-х гг. провалились [4].

Проведенный анализ данных внешней торговли стран-членов СЭВ позволяет утверждать, что имелась прямая зависимость между остротой дефицита ресурсов и степенью расширения экономического сотрудничества между парами или группами стран. При этом для всех проектов, которые предполагали иностранные инвестиции, было необходимо выполнение нескольких условий.

Во-первых, ресурс, в добычу которого на территории другой страны планировались инвестиции, должен был иметь первостепенное значение для национально хозяйственного плана страны-импортера. В условиях индустриализации, это фактически сужало круг возможных вариантов до сырья для машиностроения, химической отрасли и металлургии.

Во-вторых, для того чтобы инвестиции были оправданными, они должны были сокращать валютные издержки страны-импортера. То есть инвестиции в расширение добычи ресурса на территории других социалистических стран снижали одновременно и остроту дефицита валюты страны-импортера.

В-третьих, для страны-экспортера должна была существовать возможность нарастить поставки ресурса в капиталистические страны, чтобы компенсировать собственные расходы на сопутствующие расходы, не предусмотренные национальным хозяйственным планом.

Все проанализированные проекты строго удовлетворяли данным условиям. Наиболее показательным, являлось взаимодействие Чехословакии и Польши, на которое пришелся наибольший объем всех взаимных инвестиций. После расширения месторождений в Польше, Чехословакия сократила долю импорта из капиталистических стран в общей структуре своего импорта меди с 54,8 % в 1960 г. до 12 % в 1975 г., серы — 28,6 % до 1 %. При этом доля Польши в чехословацком импорте возросла для меди с 1 % до 21,2 %, а для серы с 0,04 % до 64,3 %. Но еще более впечатляющим выглядит изменение доли экспорта в капиталистические страны в общей структуре экспорта польской меди и серы, которые выросли в абсолютных цифрах в 770 и 25,6 раз соответственно. Аналогичная ситуация наблюдалась и при расширении польской угледобычи на средства ГДР и Чехословакии, с той лишь разницей, что валютная компенсация носила непрямой характер.

При этом для обсуждавшихся, но нереализованных проектов такого типа не выполнялось второе или третье условие.

Показательно, что этим условиям удовлетворяло и большинство проектов, реализуемых на территории СССР как в этот период, так и в более поздние годы. В свою очередь, не соответствовавшие условиям инициативы были отвергнуты или проигнорированы европейскими социалистическими странами.

Таким образом, торгово-экономические отношения социалистических стран представляются довольно децентрализованными и ориентированными на экономическую сферу (только с точки зрения «советской» теории политэкономии), чему в немалой степени способствовали сходные модели индустриализации и выстраивания внешнеторговых отношений в условиях неконвертируемых национальных валют.

Библиографический список

1. Валетов Т. Я. Цветные металлы в СССР. Производство и внешняя торговля в 1917–1966 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. № 3–4 (13–14). С. 3–18.
2. Корнаи Я. Дефицит. М., 1990.
3. Липкин М. А. Советский Союз и интеграционные процессы в Европе: середина 1940-х — конец 1960-х годов. М., 2016.
4. Попов А. А. Из истории Совета Экономической Взаимопомощи: проекты долевого участия в сырьевом секторе (1950–1960-е годы) // Новый исторический вестник. 2018. № 1 (55). С. 105–109.
5. Kansikas S. Soviet-Bloc Controversies over East-West Trade. London, 2014.
6. Sanchez-Sibony O. Red globalization. The political economy of the Soviet Cold War from Stalin to Krushchev. Cambridge, 2014.

Alexey A. Popov

Candidate of Historical Sciences, Chelyabinsk State University
(Russia, Chelyabinsk)
E-mail: aapopov@csu.ru

**Trade and economic relations between the USSR
and European socialist countries and the second
wave of industrialization (1950s–1960s)**

The article discusses the features of trade and economic relations of the socialist countries in the context of the general specifics of the planned economies development. The analysis is based on previously unpublished statistical data of the Council for Mutual Economic Assistance. A special attention is paid to the peculiarities of mutual investment projects of socialist countries in the commodity sector.

Keywords: Council for Mutual Economic Assistance, USSR foreign trade, foreign trade of socialist countries

Поршнева Ольга Сергеевна

д.и.н., профессор, Уральский федеральный университет

(Россия, Екатеринбург)

E-mail: o.s.porshneva@urfu.ru

**«Новый человек» как феномен советского
проекта модернизации 1920–1930-х гг.:
замыслы и реальность¹**

УДК 94(47).084.3/.084.6

Доклад посвящен анализу феномена большевистского проектирования «нового человека», рассматриваемого как составляющий элемент советской программы модернизационной трансформации 1920–1930-х гг. Характеризуются базовые факторы формирования и эволюции большевистского идеала «нового человека», ее этапы, направленность, тенденции в изменении сознания и поведения людей в раннесоветский период.

Ключевые слова: *«новый человек», советская модернизация, раннесоветское общество*

Задача переделки сознания, поведения, образа жизни и всего облика человека была важной составляющей большевистского проекта по созданию нового мира. Ее решение базировалось на марксистском понимании путей преодоления отчуждения человека при капитализме через пролетарскую революцию и осуществление преобразований, способствующих всестороннему развитию личности. Главным условием преобразования человека считалась коренная трансформация социально-экономического базиса, создающая предпосылки для изменения всей общественной системы, формирования «нового человеческого материала» [4, с. 204; 9, с. 334, 335].

Трудности и проблемы, порожденные состоянием «объекта» социального конструирования, — человека и общества советской России конца 1910-х — начала 1920-х гг., вышедшей из горнила мировой войны и не имевшей достаточных культурных предпосылок для социализма, осознавались Лениным и другими лидерами большевистского государства. Руководя на практике преобразованиями в первые годы после Революции, Ленин сформулировал

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 16-18-10106.

ряд положений, ставших базовыми для большевистской политики. В качестве главной из них, применительно к рассматриваемой проблеме, выступает идея «воспитания масс» в интересах строительства социализма [3, с. 180]. Советский человек должен был не только разделять социалистические/коммунистические ценности (противопоставлявшиеся буржуазным и мелкобуржуазным), но и активно и сознательно участвовать в государственных делах.

Практические задачи создания нового, более передового, по сравнению с капитализмом, общественного устройства, развития экономики, техники, науки, культуры, требовали опоры на профессиональное знание и специалистов, освоения прогрессивных культурных навыков индустриальной эпохи широкими массами. Для Ленина и ряда других большевистских руководителей-прагматиков это стало очевидным вскоре после начала строительства «регулярного» пролетарского государства, провала проекта государства-коммуны к весне 1918 г.

В середине 1920-х гг. в советской России начинается реализация программы индустриализации — «социалистической» модернизации, природа которой может быть осмыслена с учетом идей В. В. Алексеева, И. В. Побережникова и др. историков, акцентировавших внимание на преемственности целей и методов российских модернизаций. Авторы обосновывают решающее влияние российской модернизационной традиции на трансформацию большевизма, отмечая, что он был «переварен» Россией и на деле воплощал в жизнь стратегию модернизации с опорой на собственные силы и в национальных интересах, как они понимались правящей элитой [8, с. 109].

Неразрывная связь проектирования «нового человека» с задачами модернизационной трансформации общества проявляется в эволюции его идеала на протяжении 1917–1930-х гг. Первая фаза проектирования «нового человека» (1917 — конец 1920-х гг.) была экспериментальной, связанной с поисками идеализированного пролетарского субъекта, использованием для его формирования возможностей индустриальных технологий и научной организации коллективного труда [2, с. 37, 48–50]. Наступление второго этапа было обусловлено утверждением форсированной модели развития, идеологии «большого скачка» на рубеже 1920–1930-х гг. Суть изменений состояла в том, что антропологический идеал сталинского государства 1930-х гг. был в большей степени

сфокусирован на индивидуальном (воля, героизм), чем на коллективном [10, р. 315–317]. Не случайно именно в этот период формируется культ героев, совершивших подвиги в мирной, трудовой, боевой сферах, а с 1934 г. вводится звание «Герой Советского Союза». При этом концепция героизма, возвеличивая индивидуальные достижения человека страны Советов, предполагала возможность и необходимость героизма массового [7, с. 89].

Отражая поворот в понимании «нового человека», А. М. Горький в статье «О старом и новом человеке» в 1932 г. писал: «Отрицая буржуазный зоологический индивидуализм, *новый человек прекрасно понимает высокую цельность индивидуальности, крепко соединенной с коллективом, — сам — именно такая индивидуальность* (курсив мой. — О. П.), свободно черпающая энергию и вдохновения свои в массе, в процессах ее труда».²

Принятие нового мировоззрения значительной частью населения объяснялось его ассоциацией с прогрессом, с современностью. «Был или не был советский режим легитимен для широких слоев населения, но его модернизирующая (цивилизующая) миссия, по всей очевидности, была», — пишет Ш. Фицпатрик [7, с. 269]. Вера советских людей в прогресс, ассоциирующийся с социалистическими преобразованиями, свидетельствовала об успехе социального проектирования и создавала основу для формирования идентичности нового, «советского» человека. В поведении и образе жизни крестьян, рабочих, служащих происходили перемены, связанные с их рационализацией, получением образования, включением в общественную жизнь, внедрением новых бытовых практик, праздников, форм досуга.

Утверждение модели форсированного развития на рубеже 1920–1930-х гг., предполагавшей максимальную мобилизацию человеческих ресурсов, определило потребность в использовании внеэкономических форм стимулирования труда, традиционных резервов выживания, опоры на традиционные ценности. Механизмы социальной мобилизации стали основными методами обеспечения поддержки режима и решения задач развития в 1930-е гг. Несмотря на то, что они использовались в интересах модернизации, они стали опираться на «реабилитированные» традиционные институты и ценности (семьи, социалистического

² Горький А. М. О старом и новом человеке // Правда. 1932. № 117. 27 апр.

патриотизма, героизма), что придало дополнительную легитимность проекту советской модернизации.

Наряду с успехами социального инжиниринга в раннесоветском обществе явно проявлялись его проблемы и пределы. Их можно проиллюстрировать на примере трудностей в воспитании «новых рабочих» и «новых горожан», с которыми власть столкнулась в 1930-е гг. [11, р. 11]; сложностей в создании «нового рабочего» даже в передовой с официальной точки зрения рабочей среде [5, с. 72; 6, с. 11]; проблем с формированием «новой женщины»; существования, несмотря на массовые репрессии и жесткий идеологический контроль, слоя людей, не принимавших советского режима и его идеологии [1, с. 8].

Методы формирования «нового человека» в понимании большевистской элиты включали не только убеждение, но и принуждение, наказание, воспитание обязательным трудом «несознательных» и классово чуждых элементов. Насилие играло особую роль в выработке «нового человеческого материала». После принятия демократической по своему характеру Конституции СССР 1936 г. последовали беспрецедентные по масштабу репрессии, ставшие результатом спланированных сверху мероприятий в масштабах всего государства, что обозначило жесткие пределы и условия самореализации советского человека.

Библиографический список

1. Будницкий О. В., Зеленина Г. С. Идеиный коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны // «Свершилось. Пришли немцы!». Идеиный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны. М., 2014. С. 4–62.
2. Бухарин Н. Пролетарская революция и культура. Пг., 1923.
3. Ленин В. И. Заключительное слово по докладу о партийной программе 19 марта [VIII съезд РКП (б) 18–23 марта 1919 г.] // Полн. собр. соч. М., 1969. Т. 38. С. 174–184.
4. Ленин В. И. Проект программы Российской социал-демократической рабочей партии // Полн. собр. соч. М., 1972. Т. 6. С. 203–210.
5. Постников С. П., Фельдман М. А. Социокультурный облик промышленных рабочих России 1990–1941 гг. М., 2009.
6. Фельдман М. А. Стахановское движение: место в мифической и реальной предвоенной советской истории // Вопросы истории. 2015. № 8. С. 3–19.
7. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2001.

8. Алексеев В. В., Алексеева Е. В., Артемов Е. Т., Зубков К. И., Лебедев В. Э., Нефедов С. А., Побережников И. В. Цивилизационное своеобразие российских модернизаций XVIII–XX вв.: пространственно-временной аспект. Екатеринбург, 2011.

9. Энгельс Ф. Принципы коммунизма // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. М., 1955. Т. 4. С. 322–339.

10. Fritzsche P., Hellbeck J. The New Man in Stalinist Russia and Nazi Germany // Beyond Totalitarianism. Stalinism and Nazism Compared. Cambridge, 2009. P. 301–341.

11. Hoffmann D. L. Peasant Metropolis. Social Identities in Moscow, 1929–1941. Ithaca; London, 1994.

Olga S. Porshneva

Doctor of Historical Sciences, Ural Federal University
(Ekaterinburg, Russia)

E-mail: o.s.porshneva@urfu.ru

**The “new man” as a phenomenon of the Soviet
modernization project of the 1920s–1930s:
plans and reality**

The report is devoted to the analysis of the phenomenon of the Bolshevik projecting of the “new man”, considered as an integral element of the Soviet modernization program of the 1920s–1930s. The basic factors of the formation and evolution of the Bolshevik ideal of the “new man”, its stages, direction, and tendencies in changing the consciousness and behavior of people in the early Soviet period are characterized.

Keywords: *“new man”, Soviet modernization, early Soviet society*

Прищепа Александр Иванович
д.и.н., профессор, Сургутский государственный университет
(Россия, Сургут)
E-mail: *aiprishepa@yandex.ru*

Некоторые аспекты истории урбанизации ХМАО — Югры в 1960–1980-е гг.¹

УДК 94(571.122):711

В докладе анализируются процессы градостроения в ХМАО — Югре в годы его интенсивного промышленного освоения. Показывается как в экстремальных природно-климатических условиях севера Западной Сибири, отсутствия транспортных коммуникаций и нормативной базы осуществлялось жилищное и гражданское строительство. Подчеркивается роль в этом процессе главка «Главтюменнефтегазстрой» во главе с А. С. Барсуковым.

Ключевые слова: *природно-климатические условия, проектирование, градостроение, строительный трест*

Открытие Мегионского и Усть-Балыкского месторождений нефти в начале 1960-х гг. являлось убедительным аргументом в пользу наличия в ХМАО — Югре крупной энергетической базы углеводородного сырья. В середине 1960-х гг. в пределах Северо-Западной Сибири четко вырисовывались четыре крупных нефтегазовых провинции на территории ХМАО — Югры: Шаимо-Березовская, Сургутская, Нижневартовская и Северная.

Состоявшийся в феврале 1966 г. XXIII съезд КПСС в качестве стратегической задачи поставил цель довести к 1970 г. ежегодный объем добычи нефти до 345–353 млн т.² Перед руководством страны и академической наукой остро встал вопрос о выборе форм их освоения и расселения трудовых ресурсов, интенсивно прибывающих на север Тюменской области. В середине 1960-х гг. в Тюмени было проведено три научно-практических конференции, в которых приняли участие академики Н. Н. Некрасов, А. А. Трофимук, Р. З. Сагдеев, А. Г. Аганбегян, Е. П. Велихов и доктора наук Ф. Г. Гурари, Г. С. Мигиренко, Н. Н. Ростовцев. В ходе продолжительной дискуссии о достоинствах и недостатках

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-49-860007\18.

² Материалы XXIII съезда КПСС. М., 1966. С. 13.

«внутренней» и «внешней» моделей расселения большинство ученых отдали предпочтение не вахтовой организации нефтепромысловых работ, а строительству новых стационарных городов на севере Тюменской области, которые должны стать базовыми центрами организации внутрирегиональной вахты по схеме «базовый город-вахта» [1, с. 186].

В сентябре 1969 г. последовало постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по ускоренному развитию нефтедобывающей промышленности в Западной Сибири», закрепившее эту рекомендацию ученых и специалистов в качестве правительственного акта для выполнения всеми руководителями производственных организаций, имеющих в своей структуре строительные организации.³

Однако в 1980-е гг., как с горечью отмечал главный архитектор Тюменской области В. А. Бешкильцев, нефтяники, воспользовавшись безответственным подходом Госстроя СССР, заявившем «стройте что хотите и где хотите», развернули самостоятельное строительство небольших городков-поселков, расположенных в нескольких десятках километров от базовых городов: Мегиона, Лангепаса, Южного Балыка и других [1, с. 199].

Строительство новых городов на севере Западной Сибири начиналось с белого листа, без геофизических, съемочных, картографических, планировочных документов. В Тюмени формировались группы специалистов, которые с учетом наличия близких поселений, природно-географических условий, перспективы разработки месторождений, транспортной доступности, возможности строительства промысловых дорог и аэродромов выбирали площадки для новых поселений.

Исходя из этих подходов были определены первоочередные пункты расселения: для освоения Западносибирской группы месторождений им стал Сургут; для Самотлора и Мегиона — Нижневартовск; для освоения Шаимской группы — Урай; Игрим, Березов стали опорной базой освоения группы Березовских месторождений; Надым, Пангоды, Уренгой, Новый Порт, Каменный Мыс, Салехард, Лабитнанги для разработки газовых месторождений Ямала и Карского моря. Весьма показательны, что во второй половине 1960-х гг. при подготовке «Гипробором» Госстроя РФ

³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1986. Т. 10. С. 131

схем данных промышленных планировок все указанные пункты подтвердились [1, с. 155, 156].

Однако после решения проблем размещения и зонирования новых городов перед их создателями встал не простой вопрос о технологии жилищного строительства в них, ведь в мире не было аналогов возведения домов в условиях существования одновременно вечной мерзлоты, заболоченной территории, низкой температуры и высокой влажности воздуха.

Для их разработки была мобилизована 1000 лучших проектировщиков страны, которые под контролем министра нефтедобывающей промышленности Д. В. Шашина в течение двух недель занимались подготовкой таких норм и правил. Через месяц они были утверждены и в течение 20 лет являлись руководством к действию строителям, переходя пунктами и частями в основной СНИП [1, с. 190]. Можно утверждать, что Западносибирский нефтяной комплекс во многом создавался на базе «Временных строительных норм и правил», созданных и утвержденных Миннефтепромом СССР.

Однако возложить на себя ответственность за создание строительной индустрии на севере Западной Сибири «Миннефтепром» не мог в силу того, что в тот период мощности строительных организаций нефтяной отрасли страны требовали значительного увеличения для реализации задач, поставленных в решениях руководства партии и государства. В самой Тюменской области строительные организации так же были слабо оснащены как механизмами, так и кадрами рабочих и специалистов. Поэтому с возрастающими масштабами строительства они не справлялись. Необходимо было создать новый стратегический центр по формированию и управлению капитального, гражданского и жилищного строительства в Западной Сибири.

В то время на удивление успешно развивалась газовая промышленность. Решающим организационным фактором ускоренного развития газовой промышленности в первой половине 1960-х гг. явилось то, что в условиях реорганизации системы управления народным хозяйством, начавшейся в 1957 г., газостроительные организации после длительной борьбы, в отличие от нефтяных ведомств, не попали в сферу влияния совнархозов, а составили основу структуры сформированного тогда «Главгаза» при Совете Министров СССР во главе с А. К. Кортуновым.

Нефтестроительные же организации в территориальных строительных главках утратили свои ведущие позиции, что отрицательно сказалось в целом на развитии нефтяной промышленности в первой половине 1960-х гг. По воспоминаниям Ю. П. Баталина, «в 1964 г. А. Н. Косыгин уговорил А. К. Картунова взять 12 нефтестроительных трестов в состав “Главгаза”, а затем преобразовать его в комитет по газовой промышленности — “Газпром”, и поставить их на ноги» [1, с. 32]. Именно «А. Н. Косыгин предложил А. В. Картунову взяться и за Тюмень», — утверждает Ю. П. Баталин [1, с. 3].

Алексей Кириллович Картунов пошел навстречу своему авторитетному тезке. Было принято решение о создании в Тюмени специального главка, наделенного чрезвычайными полномочиями, в задачу которого входило бы создание в кратчайшие исторические сроки фундамента становления индустрии жилищного и капитального строительства на территории Западной Сибири, его социального обустройства, развертывания уникального в мировой практике градостроительства в сложных природно-климатических условиях совершенно не обжитого региона.

Теперь необходимо было найти человека, который согласился бы совершить этот трудовой подвиг. Выбор пал на Алексея Сергеевича Барсукова, высококвалифицированного специалиста промышленного и гражданского строительства, окончившего в 1936 г. Московский институт хозяйственников Наркомтяжстроя СССР, а позже Высшие инженерные курсы промышленного и гражданского строительства [2].

Знакомство с трудовой биографией А. С. Барсукова поражает актуальностью народно-хозяйственной значимости возглавляемых им строительных объектов, масштабами их географии, способностью талантливого инженера оперативно вникать в суть разноплановых производственных вопросов и неординарно их решать [3, с. 75].

В октябре 1964 г. А. С. Барсуков назначается специальным уполномоченным Комитета газовой промышленности СССР с задачей создать в Тюмени новый Главк. Его основной функциональной целью должно стать формирование промышленной базы добычи нефти и газа, обустройство нефтегазодобывающей территории, строительство новых городов, жилья и социально-бытовых объектов для тружеников Западной Сибири [3, с. 76].

Решая эту задачу со свойственной ему энергией, Барсуков формирует оперативную группу из пяти человек: представителей Москвы, Тюмени и Омска. На основании распоряжения Совета Министров СССР от 6 февраля 1965 г. № 209-р и в соответствии с приказом Государственного производственного комитета по газовой промышленности СССР от 16 февраля 1965 г. № 114 было организовано хозрасчетное предприятие «Главное управление по строительству предприятий нефтяной и газовой промышленности в Западной Сибири» с местоположением в Тюмени — «Главтюменнефтегазстрой».⁴

Наделенный чрезвычайными полномочиями главк, сыграл решающую роль в градостроении на территории ХМАО — Югры. Позже Алексей Сергеевич Барсуков вспоминал: «Я в Тюмени прожил около 7 лет. Когда оттуда уходил, это было в семидесятом году, то оставил двенадцать трестов, тридцать пять тысяч человек. Хозяйство огромное. Тюмень есть Тюмень. Ох, какая это была работа! Страшно просто» [2].

В течение 30 лет в ХМАО — Югре было возведено 15 городов: Сургут, Урай, Нефтеюганск, Нижневартовск, Мегион, Лангепас, Радужный, Нягань, Когалым, Белоярский, Пыть-Ях, Лянтор, Покачи, Юганск, Советский [1, с. 138]. Всего же на севере Западной Сибири за время ее нефтегазового освоения был построен 21 город [1, с. 192].

Таким образом, урбанизационные процессы, проходившие на севере Западной Сибири, проектирование и гражданское строительство здесь отличались большой интенсивностью. Строительство городов в условиях залесенности и затопляемости, сурового климата севера Тюменской области не имели аналогов обеспечения его нормативной базой и технологической документацией ни в СССР, ни за рубежом. Ведущая роль в решении организационных и производственных задач градостроения в ХМАО — Югре принадлежит созданному стратегическому центру городского строительства в лице «Главтюменнефтегазстрой» под руководством А. С. Барсукова.

Библиографический список

1. История и перспективы градостроительного освоения территории Севера. М., 2004.

⁴ ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 84. Д. 64. Л. 35.

2. Официальный сайт Музея геологии, нефти и газа. URL: <http://www.muzgeo.ru/stars/index.Phg?Ement.Id=33>; <http://www.9million.ru/content/article/stars/ru/Barsucov.isp> (дата обращения: 10.03.2019).

3. Соратники. Поколение Виктора Муравленко. Тюмень, 2002.

Alexander I. Prishchepa

Doctor of Historical Sciences, Surgut State University
(Russia, Surgut)

E-mail: aiprishepa@yandex.ru

**Some aspects of KhMAO — Yugra urbanization
history in the 1960s–1980s**

The article analyzes the processes of town planning in KhMAO — Yugra in the years of its intensive industrial development. It is shown how under extreme climatic conditions of the North of Western Siberia, the lack of transport communications and regulatory base housing and civil engineering was carried out. The role of “Glavtyumenneftegazstroy” headed by A.S. Barsukov is emphasized.

Keywords: *climatic conditions, designing, town planning, construction trust*

Пушкарева Наталья Львовна

д.и.н., Институт этнологии и антропологии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Россия, Москва)

E-mail: pushkarev@mail.ru

**История включения советских женщин
в экономическую жизнь страны
и их современное положение в ней (1945–2015)**

УДК 396.5 – Женский труд

Экономическая жизнь СССР 1945–1991 гг. — это история расширения в ней женского участия. Но, занимая рабочие места, советские женщины получили доступ лишь на низшие, обесцененные ступени экономической иерархии. Этот процесс в 1950–1980-е гг. натурализовал половое разделение труда. В постсоветский период число работающих женщин выросло, особенно за счет прекариата. Гендерные различия в зарплатах существенны; участие женщин в экономической жизни страны оценено в финансовом отношении несправедливо.

Ключевые слова: *женская история, женский труд, феминизация труда, гендерные асимметрии в оплате труда, прекариат*

Экономическая история СССР после 1945 г. — это история дальнейшей, начавшейся еще до великой революции 1917–1922 гг., экономической мобилизации женщин. Велением времени было восстановление разрушенного войной хозяйства, и эта задача обеспечивала полную занятость всего трудоспособного населения, включая слабый пол, окончательно переставший быть слабым. Вера в прогресс и «светлое будущее всего человечества», низкая стоимость энергоносителей, рост производительности труда, подкрепляемый идеологическими установками, результативные инвестиции в образование и обучение, гарантировали неоспоримый экономический рост. И хотя темпы этого роста могли бы быть еще выше, все же востребованность рабочих рук обеспечила то осторожное начало расцвета потребительского общества, которое растянулось в СССР на долгие годы. Советские женщины самым активным образом принимали участие в экономической жизни страны, но... едва ли получали от этого ожидаемые выгоды. Но быстро и неоспоримо втягивались в систему образования, занимали должности на низших, исполнительских ступенях управления, главным же образом — в сфере обслуживания. Профессии, в которых женщины постепенно стали составлять большинство, были профессиями, продолжавшими женские социальные роли (воспитательницы, обслуживающий персонал, поварихи и т. д.); феминизация профессий учителя, участкового врача, продавщицы обесцененнвала эти виды профессиональной занятости, делала их непрестижными и малооплачиваемыми. На глазах у всех происходил процесс натурализации полового разделения труда. Этот процесс был ощутим и в довоенный период, но он ускорился после ее окончания.

Мобилизация женщин в общественное производство диктовалась нуждами модернизации советской экономики, ее перехода из фазы аграрной в индустриальную. К 1970-м гг. доля женщин в общей численности рабочих и служащих достигла 51 %, этот показатель не только удерживался, но и рос: к концу 1980-х гг. 92 % советских женщин трудоспособного возраста работали и/или получали профессию. Сфера обслуживания сыграла решающую роль: чем больше она росла, тем большее количество женщин нанимались на работу. Так было не только в СССР: скажем, во Франции между 1968 и 1973 гг. сфера обслуживания отвечала

за 83 % новых рабочих мест, 60 % из которых принадлежали женщинам. «Бюрократический феномен», который можно было наблюдать по всей Европе, также имел в СССР женское лицо: на низших административных должностях была занята масса женщин. Поощряемые к участию в экономической и политической жизни, убежденные в своем абсолютном равенстве, они считали совершенно естественным для себя трудиться, выходить на работу сразу после рождения детей, отдавать младенцев в ясли, а дошкольников в детские сады, записывать школьников в группы продленного дня — лишь бы самим заниматься не столько семейными делами, сколько общественными. Практически все женщины Страны Советов были «работающими матерями». По сравнению с женщинами Европы и Америки, советские женщины этого времени были более социально активными. Они ощущали себя полезными для общества и гордились этим.

Между тем, на европейской карте наемного труда сформировались свои «континенты»; их контуры игнорировали географические границы. *Мужской* континент состоял из рабочих и менеджеров высшего звена, в то время как *женский* — представлял собой огромный лабиринт офисов. В это самое время — во времена, именуемые сейчас в учебниках временами экономического застоя, — СССР позиционировал себя как особая часть мировой суши, как континент гендерного равенства на рынке труда, в том числе труда квалифицированного, в технических и научных работах, в преподавании, праве и медицине. На самом деле, глянцева картинка заявлений и публикаций в СМИ не совсем соответствовала реальности, а зачастую просто искажала ее.

Занятые в советской экономике труженицы оказались сконцентрированы в низкооплачиваемых секторах экономики или же выполняли неквалифицированную работу, которую можно было бы без сожаления оставить, чтобы воспитывать детей. Наследие войны плюс политика пренебрежения к «человеческому материалу» имели следствием использование женского труда на тяжелых работах, платить за этот труд копейки вместо того чтобы его механизировать (шпалокладчицы, работницы вредных химических и текстильных производств и т. п.). В 1976 г. женщины составляли до 70–80 % среди самых неквалифицированных категорий и лишь 5–6 % среди самых высших и высокооплачиваемых (в частности управленческих) категорий на предприятиях.

Женщины производили. Но руководили мало, и еще реже принимали решения [1].

По сравнению с Западной Европой и США, где замужество и рождение детей было препятствием к активному включению в рынок труда, в СССР женщина скорее отказывалась от семьи, нежели от работы. Наличие детей положительно влияло на продвижение мужчины по службе, но отрицательно сказывалось на женской карьере, где бы она ни выстраивалась. В 1975 г. занятые на производстве и вообще вне дома женщины работали дома (выполняя в условиях дефицита услуг, домашней техники и даже продуктов) в три раза больше, чем мужчины. Они постоянно должны были выполнять два вида труда — оплачиваемый вне дома и неоплачиваемый домашний, в то время как большинство мужчин считали своим долгом специализироваться и совершенствоваться в своих профессиях, оставив за скобками выполнение каких-то ранее считавшихся мужскими домашних работ (починка мебели, ремонт квартиры своими руками, исправление технических неисправностей в электроприборах — все это стало той частью ранее считавшегося домашним труда, которое взяло на себя государство). Советская семья чаще всего не могла обеспечить достойного уровня жизни всем ее членам (особенно если в семье было более одного ребенка), если работал только мужчина, глава семьи. Эта необходимость удобно подкреплялась марксистским положением о том, что профессиональная занятость для женщин есть фактор положительный и освободительный. Включение женщин в рабочую силу замаскировывало ограничения, которые социальный порядок накладывал как на их образовательные, так и на профессиональные, трудовые возможности. Маскировка эта только дополнялась иллюзией, возвращенной советским школьным воспитанием и его известным постулатом, что шансы девушек на трудовой, профессиональный успех были равны шансам юношей.

В те же самые годы (к середине 1980-х гг.) во всем промышленно-развитом мире женщины оказались активно втянутыми на рынок труда. Бесполезно искать один фактор, который отвечал бы за растущее их количество на трудовом рынке: во всех индустриальных странах женщины видели в работе путь к самореализации, различные отрасли промышленности нуждались в рабочих руках и общим стремлением было его облегчение, механизация. Увеличению доли женщин способствовали также

«коллапс социальной базы движения в поддержку семьи» и семейного разделения труда (когда муж является кормильцем, а жена воспитывает дома детей), улучшение качества внесемейного воспитания и социализации детей в детских коллективах, доступность детских садов или яслей, ускоренный рост числа предметов бытовой техники, облегчавших домашний труд [3].

И в СССР, и в Западной Европе, и в США расширение возможностей и доступности среднего профессионального и высшего образования для женщин не только поощряло их искать внедомашние сферы применения труда, но и направляло их в уже феминизированные секторы экономики, которые от этого становились еще более феминизированными. В 1980-е гг. во всей Европе, как и в СССР женщин стало очень много в сфере обслуживания, особенно в розничной торговле, в сфере коммунальных услуг, но даже в СССР (не говоря о странах Европы и Америки) они становились меньшинством в обрабатывающей промышленности, горном деле, в строительстве (хотя на отделочных работах на стройках социализма их работало все еще немало), в высокооплачиваемых сферах транспорта (в СССР женщины не управляли самолетами и не могли быть водителями у номенклатурных чиновников, зато их все еще было немало среди водителей троллейбусов, трамваев, проводниц на железной дороге).

Уникальность советской экономической системы и советского «государственного феминизма» была в том, что ни в одной экономике мира не было такого высокого образовательного уровня среди работающих женщин; женщин-груженец с высшим образованием в 1979 г. было больше, чем профессионально-занятых мужчин с таким же уровнем подготовки. Однако — даже при наличии закона, требующего равной оплаты за равный труд, — гендерный разрыв в зарплатах сохранялся. Такой разрыв рассматривался как логичное следствие тех видов труда, которыми занимались женщины. А заняты они были все так же в феминизированных и потому плохо оплачиваемых профессиях; они не получали доступа на высокие уровни профессиональной иерархии и в среднем были менее квалифицированы, нежели мужчины. Во всех странах, а не только в СССР, стала заметна зависимость: чем ниже уровень квалификации и занимаемая позиция, тем меньше неравенство, тем невзрачней разрыв в зарплатах. И наоборот, чем выше квалификация и занимаемая позиция, тем больше неравенство в окладах.

Как в СССР, так и в странах Западной Европы, в США и Канаде женщины, работавшие на предприятиях с только женским коллективом, получали самую низкую зарплату. Наоборот, мужчины, работающие на предприятиях с только мужским коллективом, получали самую высокую зарплату. Феминизация рода занятий — фатальна для уровня зарплаты; маскулинизация — напротив — приносит заметную прибавку [2]. Подчас различия любым способом «изобретаются» там, где в действительности существует эквивалентность. Таким примером для советской экономики может быть назван так называемый неполный рабочий день, право на который с начала 1960-х гг. стало предоставляться матерям. Занятость с учетом права на неполный рабочий день как бы оправдывает разницу в заработной плате, позволяя женщинам совмещать материнство с работой; она давала государству возможность снизить общие затраты на фонд заработной платы, и обеспечить гибкий способ регулирования спроса и предложения на рабочую силу. Однако такой неполный рабочий день почему-то никогда не предлагали отцам. Вместо традиционно-го полового разделения труда в СССР возникло и благополучно существовало половое разделение времени, затрачиваемого на него: полный рабочий день для мужчин, неполный — для женщин. По сути, это было все то же половое разделение труда, — явленное как естественная часть экономики.

Постсоветский период в истории российской экономики был периодом возрастающей роли женщин на рынке труда, что — по понятным причинам общей экономической сумятицы и нестабильности — совпало с ростом прекариата. Женщины заняли непропорционально большую долю нестабильных рабочих мест, поскольку охотнее соглашались работать по краткосрочным договорам и даже вовсе без договора. Неравенство сохранилось, хотя и стало менее очевидным. Мужское доминирование сегодня сосуществует с эгалитарными законами и с узким кругом «успешных» женщин. Все эти моменты — всего лишь анестезия, призванная усыпить сознание, для которого очевидно неравенство шансов женщин и мужчин в сферах образования и труда. Мало кто высказывает протест против существующего неравенства. Женщины и женское движение в постсоветской России делегировали свои полномочия властям — министрам по делам женщин и семьи, гарантам эгалитарных законов. Но эти министры,

как правило, не разделяют никаких идей женского движения и крайне редко признают тот факт, что гендерное неравенство — часть российской культурной традиции и общемирового тренда, которая в измененном виде заметна при изучении прекариата. Женщины вовсе не мечтают работать на временных должностях, не рассчитывая на профессиональный рост и социальные гарантии; но у них нет иного выбора.

Библиографический список

1. Пушкарева Н. Л. Гендерная система в России 20 века и судьбы россиянок // Новое литературное обозрение. 2012. Вып. 117. С. 8–24.
2. Guilbert M. Les Fonctions des femmes dans l'industrie. Paris, 1966.
3. Lenoir R. L'Effondrement des bases du familialisme // Actes de la recherche en sciences sociales. 1985. Vol. 57/58 (6). P. 69–88.

Natalia L. Pushkareva

Doctor of Historical Sciences, Institute of Ethnology
and Anthropology of the RAS (Russia, Moscow)

E-mail: pushkarev@mail.ru

Soviet women, their current status and the history of their inclusion into the country's economic life (1945–2015)

The economic life of the USSR in 1945–1991 is the history of women's economic mobilization and their active participation in development of soviet economy. But being included, Soviet women had access only to the lower, devalued levels of the economic hierarchy. This process in the 1950s–1980s naturalized the gender division of labor. In the post-Soviet period, the number of working women increased, especially in the frames of the precariat. Gender differences in salaries are significant; the participation of women in the country's economic life is financially unfairly assessed.

Keywords: *women's history, female labor, feminization of labor, gender asymmetries in payments and salaries, precarious employment*

Пьянков Степан Александрович
к.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН
(Россия, Екатеринбург)
E-mail: *kliostefan@mail.ru*

**Автомобильная промышленность Урала
в первое послевоенное десятилетие (1946–1955):
проблемы производства и кадровый потенциал¹**

УДК 94(470.5) «1946/1955»

Рассмотрена история развития автомобильной промышленности Урала во второй половине 1940-х — начале 1950-х гг. Описан процесс модернизации автомобильной продукции. На примере Уральского автомобильного завода им. И. В. Сталина показаны источники комплектования кадров, изменения численности сотрудников предприятия и пути повышения их квалификации.

Ключевые слова: *история автомобилестроения, Урал, Уральский автомобильный завод, УралЗИС*

Возникновение автомобильной промышленности на Урале связано с событиями Великой Отечественной войны. В результате эвакуации московского автозавода в 1941–1942 гг. здесь были созданы несколько предприятий: Миасский моторный завод (впоследствии — Уральский автомобильный завод им. И. В. Сталина), Кузнечно-прессовый завод им. И. В. Сталина (КПЗИС), Шадринский автоагрегатный завод им. И. В. Сталина (ШААЗИС). Перечисленные заводы имели общесоюзное значение и были подчинены одному из главных управлений Народного комиссариата среднего машиностроения (НКСМ) СССР — ГлававтоЗИС. 21 февраля 1946 г. на базе НКСМ было создано новое ведомство — Народный комиссариат автомобильной промышленности (НКАП). Преемником ГлававтоЗИС стало Главное управление автомобильных заводов. В его ведении находились наиболее крупные предприятия Урала по производству автомобилей и их компонентов: УралЗИС и КПЗИС. Кроме того, в ведении НКАП находились заводы по производству мотоциклов, автоприцепов, запасных частей автомобилей: Ирбитский автоприцепный завод, ШААЗИС, Юрюзанский механический

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-39-00135 мол_а.

завод, Завод «Автозапчасть» и Завод им. Кирова в Чкалове, 6-й Государственный подшипниковый завод в Свердловске, Ирбитский мотоциклетный завод.²

В первое послевоенное десятилетие система управления автомобильной промышленностью претерпевала неоднократные изменения. В 1946 г. автомобильные заводы находились в ведении Народного комиссариата автомобильной промышленности СССР, в 1946–1947 гг. — Министерства автомобильной промышленности СССР, в 1947–1953 гг. — Министерства автомобильной и тракторной промышленности СССР, в 1954–1955 гг. — Министерства автомобильного, тракторного и сельскохозяйственного машиностроения СССР [1]. Неоднократные изменения были направлены на поиск оптимальных вариантов организации промышленного производства в рамках централизованной системы управления.

В эти годы предприятия автомобильной промышленности Урала специализировались на производстве грузовых среднетоннажных автомобилей — наиболее востребованном в народном хозяйстве СССР классе машин (табл.). Значительное место в номенклатуре выпускаемых изделий занимали полуфабрикаты и автомобильные детали для автозаводов, располагавшихся в западной части СССР. В конце 1940-х — начале 1950-х гг. КПЗИС изготавливал детали автомашин не только для УралЗИС, но и для Минского и Ярославского автомобильных заводов.³ Эти факты свидетельствуют о том, что уральские заводы были важным элементом во всесоюзной системе производственной кооперации автомобильной промышленности.

Таблица

**Производство грузовых автомобилей на Уральском
автомобильном заводе им. И. В. Сталина
в 1946–1955 гг., шт.***

Годы	ЗИС-5В, ЗИС-5, УралЗИС-5	ЗИС-21А	ЗИС-50	УралЗИС-352	ЗИС-361	ЗИС-362	Всего
1946	9 802	446	—	—	—	—	10 248
1947	10 453	792	—	—	—	—	11 245
1948	15 205**	3 001	—	—	—	—	18 206
1949	6 476	4 015	10 367	—	—	—	20 858

² РГАЭ. Ф. 8573. Оп. 1. Д. 33. Л. 45–48.

³ РГАЭ. Ф. 8573. Оп. 1. Д. 37. Л. 180–182.

Годы	ЗИС-5В, ЗИС-5, УралЗИС-5	ЗИС-21А	ЗИС-50	УралЗИС-352	ЗИС-361	ЗИС-362	Всего
1950	11 063	5 027	12 188	—	—	—	28 278
1951	8 019	4 975	227	—	—	—	13 221
1952	14 585	364	—	3 773	—	—	18 722
1953	20 026	—	—	4 137	—	—	24 163
1954	25 070	—	—	3 033	—	—	28 103
1955	26 239	—	—	4 001	222	100	30 562
Итого	146 938	18 620	22 782	14 944	222	100	203 606

* Источники: ОГАЧО. Ф. Р-1640. Оп. 1. Д. 64. Л. 3; Д. 106. Л. 13, 85; Д. 133. Л. 134, 187; Д. 165. Л. 2; Д. 242. Л. 2; Д. 303. Л. 5, 95; Д. 336. Л. 4; Д. 380. Л. 103; Д. 381. Л. 3; Д. 429. Л. 3, 4.

** Здесь же указаны и автомобили ЗИС-50.

В первые послевоенные годы уральские предприятия были нацелены на массовое производство автомашин, сконструированных еще до Великой Отечественной войны, что было обусловлено необходимостью ускоренного наращивания производства, удовлетворения острой потребности народного хозяйства в грузовых автомобилях. Грузовик ЗИС-5 и его модификации наилучшим образом отвечали этой задаче. Автомобиль был сравнительно прост в производстве, а технологии его изготовления были хорошо отлажены. Для увеличения выпуска этих грузовиков не требовалось кардинальной модернизации завода. Кроме того, машина была хорошо знакома «потребителю» — эксплуатирующим организациям, механикам и водителям. В 1946 г. на УралЗИС было налажено производство газогенераторных автомобилей ЗИС-21А, с этого времени предприятие становится ведущим производителем серийных газогенераторных автомобилей в стране. Газогенераторные автомобили, работавшие на газе из древесных чурок, были востребованы в лесном хозяйстве, активно использовались в местностях с неразвитой транспортной инфраструктурой. Использование «газенов» позволяло снизить потребление бензина, дефицитного в первые послевоенные годы. Дальнейшее развитие производства шло по пути частичной модернизации выпускаемых автомашин. С 1948 по 1951 г. на заводе производилась переходная модель ЗИС-50. Ее основное отличие от ЗИС-5 заключалось в двигателе. Грузовик оснащался более мощным мотором ЗИС-120, поставлявшимся в рамках

межзаводской кооперации из Москвы. Двигатель ЗИС-120 был разработан для нового грузовика ЗИС-150, который начали производить на московском автозаводе в 1947 г. Модернизировались и газогенераторные автомобили. В 1952 г. на заводской конвейер в Миассе был поставлен автомобиль УралЗИС-352, являвшийся улучшенной версией газогенераторного грузовика ЗИС-21А. Выпускал уральский завод и небольшие серии автомобилей ЗИС-361 и ЗИС-362. По данным заводского отчета эти автомобили были выпущены в количестве 222 и 100 единиц соответственно. Разработки и технологические решения, внедренные в производство в первое послевоенное десятилетие, нашли свое воплощение в новом серийном грузовике УралЗИС-355М. В отличие от своего довоенного предшественника, он обладал более мощным двигателем и цельнометаллической кабиной, выгодно отличавшейся от деревянной кабины ЗИС-5 по уровню комфорта. Наладили производство УралЗИС-355М в 1958 г.

Переход уральской автомобильной промышленности к новому модельному ряду грузовых автомашин был сопряжен с целым рядом трудностей. Это было связано с тем, что основанные в годы войны предприятия не обладали должным уровнем технического оснащения, так как основная часть станочного парка и оборудования использовалась, по крайней мере, с 1930-х гг. Часть оборудования была изношена, часть утрачена во время эвакуации. Кроме того, сказывался недостаток производственных площадей. Значительная доля цехов КПЗИС, УралЗИС, ШААЗИС, а также других заводов автомобильной промышленности Урала располагались во временных или не приспособленных для производственной деятельности помещениях.

Если проблемы производства можно было решать поэтапно, то другой острой проблемой, требующей немедленного разрешения, был жилищный вопрос. Новое жилье было необходимо как для рабочих и инженерно-технических работников, которые прибыли на Урал еще в годы войны и расселенных в спешном порядке в самые разные помещения, так и для вновь поступающих на заводы работников — выпускников школ ФЗО и техникумов. Жилищная проблема оказывала непосредственное влияние на производство. Бытовые трудности негативно отражались на производительности труда, приводили к оттоку рабочих и специалистов на другие предприятия. В рамках решения этой задачи заводами автомобильной

промышленности проводилось масштабное строительство ведомственного жилья и общежитий для молодых рабочих. В первое послевоенное десятилетие эта проблема постоянно находилась в поле зрения не только руководителей отдельных предприятий, но и руководства автомобильной промышленности страны.⁴

Важным является вопрос об источниках пополнения рабочей силы автомобильной промышленности, а также уровне профессиональной подготовки работников. По данным отчета УралЗИС на 1 января 1947 г. штат завода имел следующие источники комплектования: эвакуированные сотрудники (главным образом из Москвы) составляли 16,7 % работников завода, направленные из рядов РККА — 9,1 %, поступившие на завод из ремесленных училищ и школ ФЗО — 11,7 %, из местного населения — 24,1 %, спецпереселенцы — 1,4 %, прочие — 37,0 %.⁵ Представленные сведения показывают, что в количественном отношении значительную долю работников УралЗИС составляли трудовые ресурсы, мобилизованные государством. Ключевым элементом личного состава предприятия, позволяющим ему решать сложные вопросы производства, являлись «старые кадры» ЗИС, эвакуированные в Миасс из Москвы. Кадровый потенциал предприятия в 1946–1955 гг. характеризовался значительным ростом числа работников, что было вызвано увеличением масштабов производства. Общая численность работников завода возросла в 1,6 раза.⁶ Вместе с тем, повышался и уровень их квалификации, который осуществлялся либо непосредственно на заводе (производственное обучение), либо на вечерних отделениях Миасского автомеханического техникума и Челябинского политехнического института.⁷

Таким образом, в течение послевоенного десятилетия уральским предприятиям автомобильной промышленности удалось в несколько раз увеличить количественные показатели производства грузовых автомобилей и комплектующих к ним. Проведенная в эти годы частичная реконструкция производства, а также подготовка высококвалифицированных кадров позволили перейти к масштабному выпуску более технологически сложных в изготовлении моделей машин.

⁴ РГАЭ. Ф. 8573. Оп. 1. Д. 37. Л. 212–221.

⁵ ОГАЧО. Ф. Р-1640. Оп. 1. Д. 64. Л. 55.

⁶ Там же. Д. 63. Л. 49; Д. 64. Л. 54; Д. 381. Л. 78.

⁷ Там же. Д. 381. Л. 80, 81.

Библиографический список:

1. Курлаев А. Е. Заводы Министерства автомобильной промышленности СССР на Урале (1941–1966 гг.) // Шестые Татищевские чтения: тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 2006. Т. 1. С. 103–107.

Stepan A. P'yankov

Candidate of Historical Sciences, Institute of History
and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: *kliostefan@mail.ru*

**Automotive industry of the Urals
in the first post-war decade (1946–1955):
production problems and human resources**

The article considers the development of the automotive industry of the Urals in the second half of the 1940s — early 1950s. It describes the process of modernization of automotive production. On the example of the Ural Automobile Plant named after Stalin, the author shows sources of staffing, changes in the number of employees and ways of improving their skills.

Keywords: *history of automotive industry, Urals, Ural automobile plant, UralZIS*

Рынков Вадим Маркович

к.и.н., Институт истории СО РАН; Новосибирский
государственный университет (Россия, Новосибирск)

E-mail: *vadsvet@list.ru*

**Продовольственный рынок Сибири
во второй половине 1918–1919 гг.:
пространственные и отраслевые модели**

УДК 338.439+338.5(571) I1918/1919I

Проанализирован комплекс статистических источников, свидетельствующих о ценах на основные продовольственные продукты в городах Сибири с июля 1918 по декабрь 1919 г. Динамика роста цен на разные продукты отличалась в зависимости от региона и даже города. Военно-политическое положение, состояние транспорта, неравномерность денежного обращения рассмотрены как факторы влияния на состояние цен.

Ключевые слова: *Гражданская война, прожиточный минимум, цены, продовольственные продукты*

Очевидный, на первый взгляд, тезис о влиянии политических переворотов и военных действий на экономику не всегда можно подтвердить статистически, а уж тем более определить масштабы такого влияния на репрезентативных источниках. История экономики России периода Гражданской войны плохо обеспечена источниками. Многолетняя практика статистического учета и обработка информации оказалась прервана. Тем ценнее крупницы сводных статистических данных, которые по большей части остались неопубликованными.

В фонде Сибирского статистического управления сохранились сведения о рыночных ценах на важнейшие продукты питания по главным городам Сибири за июль 1918 — декабрь 1919 г., а также отрывочные данные о прожиточном минимуме в отдельных городах. Статистическими органами велся учет цен на шестнадцать продуктов, включенных в продовольственный набор для определения прожиточного минимума. Наиболее ценна сводка помесячных данных по шести губернским и областным центрам и уездному Новониколаевску.¹

Сама формула определения прожиточного минимума подвергалась в сентябре–октябре 1919 г. критике со стороны профсоюзов, инспекции труда и даже статистических органов. По ней продовольственный набор должен был составлять 55 %, остальные 45 % отводились на одежду и обувь, проживание, отопление и освещение жилища, бытовые нужды. Но в суровом сибирском климате, при существовавшем уровне цен расходы на перечисленные нужды превышали расходы на продовольственное обеспечение. Норматив не был пересмотрен, поэтому с многочисленными оговорками прожиточный минимум горожан продолжали считать по утвержденной формуле, более того, собрали данные о ценах на составлявшие его продукты за предыдущий год.

По указанию Министерства труда в 64 губернских и уездных городах востока России при местных управлениях труда учреждались специальные комиссии по вычислению прожиточного минимума. Данные этих комиссий сохранились фрагментарно, преимущественно за вторую половину 1919 г. Они не могут использоваться для дополнения сводки, выявленной в фонде Сибирского статуправления, так как подсчитывались в разных

---

¹ ГАНО. Ф. Р-1328. Оп. 1. Д. 243. Л. 10б.–6.

городах по ценам не только рыночным, но и кооперативным или принятым в городской системе снабжения. В редких случаях они совпадали с данными, указанными в сводке, но чаще существенно отличались, причем, как в большую, так и в меньшую сторону. Они дают сведения о ценах в уездных городах, что позволяет существенно дополнить картину, полученную на основе сводки.²

Сохранившаяся сводка имеет значительные лакуны. За лето 1918 г. отсутствует информация о ценах в Семипалатинске, Красноярске и Иркутске, за сентябрь 1918 г. — в Красноярске, за март и сентябрь 1919 г. — в Семипалатинске. С октября 1919 г. по мере оставления Сибирской армией городов Западной Сибири, информация о состоянии рынка в них постепенно перестала включаться в общую сводку. Есть и ряд пропусков в сведениях о ценах на отдельные продукты в те или иные месяцы в одном из шести городов. Такое состояние источника несколько затрудняет подсчеты. В отдельных случаях лакуны означали полное отсутствие товаров на рынке, в других — отсутствие информации о ценах.

Что касается пространственных сопоставлений, они указывают на существенные колебания цен. В сентябре 1918 г. по таким относительно доступным на всем пространстве Сибири продуктам, как мясо и мука-сеянка, они были минимальными в Омске. Причем на мясо в Томске цены стояли на 48 % выше, чем в Омске, в Иркутске — на 63 %. Мука же в Томске стоила вдвое дороже, в Иркутске — в 2,4 раза. Через год, в сентябре 1919 г., «карта» ценовых различий кардинально изменилась. Если летом–осенью 1918 г. наименьшие цены на хлеб стояли на юге Западной Сибири и резко увеличивались при движении на север и, особенно, на восток, то к концу 1918 г. ценовой разрыв постепенно сокращался и приблизительно на рубеже февраля–марта цены окончательно сравнялись. Низкие цены стояли в Барнауле и Семипалатинске. Но уже в Омске возрастали вдвое. При этом в Красноярске составляли лишь 43 %, а в Иркутске 78 % от омских цен. В последующие месяцы наблюдался своеобразный географический разворот хлебных цен. Летом 1919 г. ржаная и пшеничная мука в Иркутске и Красноярске стоила дешевле, чем в Западной Сибири. Цены на мясо изначально были более «ровные», весной и летом 1919 г. испытывали сильные колебания в разных

---

² ГАНО. Ф. Д-146. Оп. 1. Д. 420.

регионах. Нестабильность в мясном сегменте возникла в апреле 1919 г., когда неожиданно разница рыночной цены мяса в разных городах удвоилась, причем самой высокой она стала в наиболее «мясных» Семипалатинске и Иркутске.

Другая модель пространственного колебания цен наблюдалась в «чайном» сегменте. Летом и осенью 1918 г. рынок вел себя классически для экспортного товара – цена росла по мере продвижения с востока на запад. В сентябре 1918 г. новониколаевские цены стояли на 260 % выше иркутских. В октябре 1918 г. в Томске, Омске, Новониколаевске стояли примерно на одном уровне, составляя 240 % от иркутских.

В первые месяцы 1919 г. динамика оказалась «рваной», то есть в Красноярске цены поднимались в 4,75 раз выше, чем в Иркутске, а в Омске в 3,3 превышали иркутские, или оказывались на 14 % ниже, чем в Красноярске. В последующие месяцы возникал совершенно другой расклад, и временами цены на чай в Западной Сибири опускались ниже иркутских. Это свидетельствует о затоварке, неравномерном ввозе данного продукта в разные города.

Темпы движения цен в разных городах очень сильно отличались. За год с сентября 1918 г. по сентябрь 1919 г. цены на сеянку в Омске выросли в 4,68 раза, а в Иркутске, будучи изначально в 2,4 раза выше, выросли за год только в 2,66 раза. Подобная крайняя неравномерность наблюдалась по каждому товару.

Существовали две основные модели соотношения цен в губернских и уездных городах. Сгладить влияние неравномерных колебаний цен на отдельные товары можно, используя такой агрегированный показатель, как прожиточный минимум. В Енисейской губернии летом–осенью 1919 г. набор продуктов, входивших в прожиточный минимум, стоил в уездных городах на 20–30 % ниже, чем в Красноярске, в Амурской — на 25–50 % выше, чем в Благовещенске. В других губерниях и областях могли быть менее выраженные и, наоборот, более сложные различия. В том числе прослеживается зависимость не только от географического и транспортного положения отдельных городов, но и от дислокации крупных воинских подразделений. Возможности для построения пространственной модели ограничены в широком хронологическом диапазоне только шестью губернскими и областными центрами и Новониколаевском. Сопоставление в пределах губерний и областей между губернскими и уездными

центрами возможно только за период с сентября по декабрь и по далеко не полным данным. Тем не менее, есть возможность сделать некоторые выводы.

На динамику цен оказывали влияние два сугубо экономических фактора. Первым было движение товарных потоков, сильно затрудненное и нарушенное в условиях Гражданской войны. Но в чистом виде этот фактор просчитать невозможно, так как одновременно на ценовую ситуацию влиял масштаб выпуска в оборот бумажных денег. Власть не могла наладить его одновременно и в одинаковых пропорциях в разных городах. Дефицит денежных знаков сдерживал рост цен, а долгожданное поступление денег в избытке, и как часто тогда случалось, в крупных купюрах, могло «взрывным» образом повлиять на рынок.

Политические факторы также очень хорошо прослеживаются. Столичное положение Омска, концентрация в нем людских и финансовых ресурсов не сразу сказались на ценах, но на протяжении первой половины 1919 г. превратили его в город, где уровень цен превышал цены в соседних городах, а по скорости их роста Омск занял лидирующие позиции. Переход на прифронтовое положение осенью 1919 г. привел к тому, что в городских центрах, находившихся восточнее Омска, рост цен происходил более умеренными темпами, а жизнь в Восточной Сибири оказалась относительно дешевле, чем в Омске.

Vadim M. Rynkov

Candidate of Historical Sciences, Institute of History, Siberian Branch
of the RAS; Novosibirsk State University (Russia, Novosibirsk)
E-mail: vadsvet@list.ru

**Food market in Siberia
in the second half of 1918–1919:
spatial and sectoral models**

A complex of statistical sources demonstrating the prices of the main food products in Siberian towns from July 1918 to December 1919 has been analyzed. The dynamics of rise in food prices differed depending on the region and the town. The author considered military and political situation, transport condition, unevenness of monetary circulation as influences on the state of prices.

Keywords: *Civil war, cost of living, prices, food products*

Санникова Яна Михайловна

к.и.н., Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Россия, Якутск)

E-mail: sannikowa@mail.ru

**Традиционное хозяйство Арктики в период
первых постсоветских трансформаций
(на примере Якутии 1990-х гг.)**

УДК 93.908 332.05 363/369

Традиционное хозяйство якутской Арктики представлено исторически сложившимися отраслями — оленеводством, скотоводством, табунным коневодством, охотничьим и рыболовным промыслами. В контексте исследуемой темы основное внимание в первое постсоветское десятилетие уделено вопросам изучения аграрной политики и динамики количественных показателей развития — численности поголовья и объема производства в животноводстве.

Ключевые слова: *традиционное хозяйство, Арктика, Якутия*

Первое десятилетие постсоветского времени развития страны было одним из самых противоречивых периодов российской истории XX в. И процессы, происходившие в государстве, в очередной раз трансформировали традиционный хозяйственный образ жизни коренных народов изучаемого региона. С одной стороны, образовывались самостоятельные хозяйства различной формы собственности, с другой стороны разрушалась централизованная государственная экономика, создавшая в том числе, специфичное советское сельскохозяйственное производство в стране. Нужно отметить, что идея советского государства о товарности производства сельскохозяйственной продукции не претерпело больших изменений и при переходе на рыночные отношения постсоветского периода, поэтому традиционное хозяйство продолжало развиваться в рамках отнесения его к традиционным отраслям сельского хозяйства. В формирующейся новой экономической системе государства сохранялось такое положение, когда успешность развития традиционного хозяйства коренного населения Арктики в конце XX в. продолжало измеряться экономическими показателями аграрного производства — как количественными, так и качественными, а сами труженики и их хозяйства выступали

в статусе сельскохозяйственных товаропроизводителей (производителей сельскохозяйственной продукции), которые должны бороться за высокие показатели производства (в исторической традиции такой количественный показатель как количество поголовья в хозяйстве определяло благополучие хозяйства, но это не было борьбой за экономические показатели). И проблемы традиционных хозяйственных занятий коренных народов Арктики развивались в контексте проводимой экономической политики в сфере народного хозяйства как страны в целом, так и отдельного региона, и стратегии их дальнейшего развития, зависели от аграрной политики государства.

В связи с этим в изучаемый период, прежде всего, необходимо рассмотреть преобразования в структуре управления аграрным сектором региона, в той части, которая отражалась в конечном итоге на повседневной жизни хозяйств арктических и северных территорий Якутии, во многом определив реализацию аграрной политики республики. В этом плане будет обращено внимание также на опыт деятельности районных управлений сельского хозяйства на местах. В докладе речь будет идти о 1992–1999 гг. — периоде первых постсоветских трансформаций, в рамках которого произошли кардинальные управленческие и социально-экономические изменения в развитии изучаемых хозяйств.

Социально-экономические изменения рассмотрены на примере того, как в арктических и северных районах Якутии претворялась в жизнь аграрная политика государства в 1990-х гг. Следует отметить, что из 15 изучаемых улусов, большинство вошли с 1993 г. в перечень районов проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера. Не относятся к данным территориям из изучаемых улусов Верхоянский район и сельские поселения Среднеколымского и Томпонского улусов (кроме Березовского и Томпонского наслегов данных улусов соответственно). Традиционное хозяйство якутской Арктики и Субарктики в изучаемых улусах представлено оленеводством, рыболовным и охотничьим промыслами, табунным коневодством и скотоводством, определяющими ментальную составляющую всего образа жизни коренного сельского населения. В эти годы большое значение в жизни сельских жителей имело личное подсобное хозяйство, которое давало возможность развития индивидуального подворного хозяйства. Здесь

внимание должно быть уделено судьбе традиционного хозяйства коренного арктического населения в постсоветское десятилетие, которое представляло собой развитие хозяйств разных форм — совхозов, коллективных предприятий, родовых общин, крестьянских хозяйств, которые создавали свой уклад. Изучаемые 15 улусов/районов на основе природно-хозяйственного разделения распределены по группам районов на основе сельскохозяйственного зонирования Н. Н. Тихонова: северо-западно-прибрежная (Аллаиховский, Анабарский, Булунский, Нижнеколымский, Оленекский, Усть-Янский, Жиганский) специализировалась на оленеводстве, рыболовном и охотничьем промыслах; северо-восточная (Верхоянский, Момский, Оймяконский, Томпонский, Эвено-Быгантайский) — на оленеводстве, табунном коневодстве, скотоводстве и охотничьем промысле; индигиро-колымская (Абыйский, Верхнеколымский, Среднеколымский) — на скотоводстве, табунном коневодстве, охотничьем и рыболовном промыслах [2].

В контексте изучаемой темы большое внимание, кроме аграрной политики на местах, уделяется динамике показателей развития традиционных отраслей хозяйства, в частности животноводству. Численность поголовья является одним из основных критериев благополучия северного животноводства. Обратимся непосредственно к статистическим данным 1990–1999 гг.¹ В северо-западно-прибрежной группе произошло наибольшее снижение численности домашних животных: оленей — на 60,3% (с 174 874 до 69 424 голов), лошадей — на 33,7% (с 2 279 до 1 511 голов), крупного рогатого скота — на 56,7% (с 1 773 до 767 голов), в том числе коров — на 58,4% (с 875 до 364 голов), и, как следствие, объемов производства молока — на 78,5% (с 1 935 до 416 т) и мяса в живом весе — на 90,6% (с 3 768 до 352 т). Большая уязвимость северо-западно-прибрежной группы объясняется моноотраслевым характером животноводства, с чем и связаны ощутимые потери именно в оленеводстве. В северо-восточной группе поголовье домашних оленей сократилось на 53,1% (с 111 445 до 52 221), лошадей — на 31,8% (с 24 640 до 16 799), крупного рогатого скота — на

¹ Основные показатели агропромышленного комплекса РС (Я) за 1999–2004 гг. Якутск, 2005. С. 66; Республика Саха (Якутия) за годы суверенитета (1990–2000 гг.). Офиц. изд. Якутск, 2000. С. 27; Экономика улусов и городов РС (Я) в 1985–1999 гг. Офиц. изд. Якутск, 2000; Экономика районов и городов РС (Я). Офиц. изд. Якутск, 2002.

31,4 % (с 23 609 до 16 193), в том числе коров — на 25,1 % (с 9 043 до 6 777), объемов производства молока — на 47,7 % (с 18 654 до 9 755 т), мяса в живом весе — на 68,6 % (с 7 130 до 2 239 т). В индигиро-колымской группе количество домашних оленей снизилось на 73,7 % (с 21 566 до 5 670), лошадей — на 21,8 % (с 10 266 до 8 028), крупного рогатого скота — на 32,8 % (с 8 728 до 5 872), в том числе коров — на 20,2 % (с 3 344 до 2 670), а также объемов производства молока — на 54,7 % (с 6 274 до 2 845 т), мяса в живом весе — на 67,7 % (с 2 762 до 893 т) [1].

Таким образом, 1990-е гг. как в хозяйственном, так и в социальном плане, были самыми сложными в развитии традиционного хозяйства коренных народов Якутии. В условиях трансформации форм собственности, прав землепользования и аграрной реформы в целом, северные хозяйства оказались практически без реальной финансовой поддержки. На фоне охватившего всю страну системного кризиса, республиканские управленческие структуры на всех уровнях могли содействовать только решению ситуационных хозяйственных проблем, в основном критического характера, на местах. В этот период, преимущественно во второй его половине, начали формироваться (как тенденция) механизмы регулирования новыми социально-экономическими отношениями в хозяйствах. К этому времени ни поголовье, ни производство продукции в традиционных отраслях, уже не могли повернуть вспять процесс последовательного снижения своих количественных и качественных показателей.

Библиографический список

1. Санникова Я. М. Традиционное хозяйство коренных народов Севера Якутии в условиях трансформаций постсоветского периода: некоторые результаты исследования // Арктика и Север. 2017. № 28. С. 92–105.
2. Тихонов Н. Н. Северное село. Новосибирск, 1996.

Yana M. Sannikova

Candidate of Historical Sciences, Institute for Humanities Research
and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the RAS
(Russia, Yakutsk)

E-mail: *sannikowa@mail.ru*

**The Arctic's traditional economy during the period
of the first post-Soviet transformations
(on the example of Yakutia)**

The traditional economy of the Yakut Arctic is presented by traditionally established industries — reindeer herding, cattle breeding, horse breeding, hunting and fishing. In the context of the topic under consideration, the main attention in the first post-Soviet decade is paid to the study of agrarian policy and the dynamics of quantitative indicators — livestock numbers and levels of production in animal husbandry.

Keywords: *traditional economy, Arctic, Yakutia*

Симонов Максим Анатольевич

Институт истории и археологии УрО РАН
(Россия, Екатеринбург)

E-mail: *m.a.simonov1@yandex.ru*

**Развитие Уральского экономического района
в проекте генерального хозяйственного плана
СССР на 1951–1970 гг.¹**

УДК 94(47).084.8

В докладе рассматриваются послевоенные представления Госплана СССР о развитии Уральского экономического района в проекте предварительного генерального хозяйственного плана СССР на 1951–1970 гг. Представлен анализ предполагаемых макроэкономических показателей и приоритетов развития Урала. Ставится вопрос о соотношении планируемых преобразований и реальной экономической практики.

Ключевые слова: *советская региональная политика, генеральный хозяйственный план, комплексное развитие, Урал*

После окончания Великой Отечественной войны Советский Союз оказался в сложных экономических условиях. Для их преодоления руководством страны в 1947 г. было принято решение

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-39-00135.

о разработке генерального хозяйственного плана, рассчитанного на двадцать лет.² В истории СССР это был уже третий генеральный хозяйственный план, первый, разрабатывался в конце 1920-х гг. [3; 5, с. 179–183; 7; 8], но он не был принят к реализации из-за взятого ВКП(б) курса на форсированную индустриализацию и коллективизацию сельского хозяйства. Осуществлению второго генерального хозяйственного плана помешала Великая Отечественная война [2; 4].

После окончания войны профильными группами экономистов Госплана СССР к концу 1947 г. был подготовлен доклад о предварительном проекте генерального хозяйственного плана на 1946–1965 гг., а затем передан на рассмотрение в ЦК ВКП(б) и СМ СССР. По итогам рассмотрения план был утвержден в начале 1948 г. как проект постановления ЦК ВКП(б) и СМ СССР о предварительном генеральном хозяйственном плане СССР на 1951–1970 гг. Согласно ему период осуществления генерального плана должен был составить четыре пятилетки. Для облегчения управления экономикой страны с этого времени вся территория СССР была разделена на тринадцать экономических районов — четырнадцать союзных республик образовывали четыре экономических района по принципу близости географического положения и хозяйственной специализации, а РСФСР как наиболее крупная союзная республика, наоборот, разделялась на девять самостоятельных экономических районов.

Главная цель регионального развития в генеральном хозяйственном плане была обозначена как «мощный подъем народного хозяйства во всех <...> экономических районах СССР <...> обеспечивающий изобилие продуктов и переход от первой фазы коммунизма ко второй его фазе».³ Перед каждым из регионов ставились задачи в области промышленного и сельскохозяйственного производства, а также развития социальной и культурной сферы. Предполагалось, что за двадцать лет с помощью централизованных усилий удастся выровнять дисбалансы регионального развития СССР. Анализ предполагаемого роста выработки электроэнергии на душу населения, как наиболее важного интегрального показателя развития всей экономики, показывает

² Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953. М., 2002. С. 243, 244.

³ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 96. Д. 1387. Л. 243.

приоритет в развитии районов с относительно слабо развитой промышленностью.

При росте выработки электроэнергии на душу населения в целом по СССР почти в четыре раза (с 433 до 1778 кВт/ч) в Средней Азии и Казахстане она должна была увеличиться в шесть раз (с 254 до 1601 кВт/ч), а в Восточной Сибири в двенадцать (с 337 до 4167 кВт/ч). В то же время в Центральном промышленном районе рост душевых показателей производства электроэнергии не должен был превысить и трех раз (с 395 до 1210 кВт/ч). Аналогичная ситуация складывалась с продукцией промышленности и сельского хозяйства.⁴

В обозначенных Госпланом СССР условиях для Уральского региона предполагался стабильный и сбалансированный сценарий развития с линейным увеличением выпуска продукции основных отраслей народного хозяйства, но с сохранением их доли в общесоюзных показателях (табл. 1)

Таблица 1

**Стоимость продукции основных отраслей
хозяйства Уральского экономического района
в ценах 1926/27 г., млн руб.
(в скобках приводится доля
в валовых показателях СССР, %)***

	1950	1955	1960	1965	1970
Промышленность	30 000 (13,8)	37 500 (11)	51 500 (10,5)	69 000 (10,6)	90 000 (11,2)
Сельское хозяйство	2 000 (6,9)	2 680 (6,6)	3 500 (6,7)	4 100 (6,3)	4 800 (6,1)

* Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 96. Д. 1388. Л. 1, 3, 16.

Анализ представленных в таблице данных показывает сохранение приоритета в развитии промышленности над сельским хозяйством Урала. За двадцать лет соотношение общей стоимости продукции промышленности к стоимости продукции сельского хозяйства должно было вырасти с 15 до 18,75 раз. Это свидетельствовало о реализации установки на сохранение «четко выраженной общесоюзной специализации каждого экономического

⁴ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 96. Д. 1388. Л. 5–6.

района»,⁵ которая для Урала заключалась в производстве изделий металлургии и машиностроения. Поэтому главные натуральные показатели развития региона были обозначены как обеспечение выплавки «чугуна с 6,8 млн т в 1950 г. до 11,8 млн т в 1970 г., стали с 9,3 млн т до 17,9 млн т, проката с 6,6 млн т до 12,7 млн т».⁶ Для выполнения этой задачи необходимо было закончить строительство Магнитогорского, Нижне-Тагильского, Челябинского и Орско-Халиловского металлургических заводов, а также в перспективе ввести в действие еще один завод мощностью 1,3 млн т, который обеспечивался бы ресурсной базой северного Урала.

В свою очередь, новые промышленные мощности требовали ликвидации отставания энергетической базы Урала. Поэтому к 1970 г. необходимо было обеспечить выработку 48 млрд Квт/ч электроэнергии, вместо располагаемых к началу периода исполнения плана 16,3 млрд Квт/ч. Добиться этих показателей также предполагалось за счет ввода новых мощностей, преимущественно постройки ряда гидроэлектростанций в бассейне Камы — Молоотовской в 1957 г., Соликамской в 1959 г. и Воткинской в 1965 г.⁷

Помимо сформированного индустриального развития предварительный генеральный хозяйственный план на 1951–1970 гг. предполагал углубление территориальной интеграции внутри Уральского региона. За двадцать лет предполагалось строительство в общей сложности 37 тыс. км шоссейных дорог, главные из которых связывали бы Киров и Надеждинск на севере Уральского экономического района, а также Магнитогорск и Абдулино на юге. Предполагалось развитие дорожной сети от западного к восточному склонам Уральских гор. Для ввоза и вывоза крупногабаритных грузов из границ Уральского региона, преимущественно предназначенных для предприятий тяжелой промышленности, предполагалось возведение Камо-Печерского-Вычегодского водного пути общей протяженностью 1000 км.⁸

Хотя тяжелая промышленность и инфраструктурные проекты выступали как приоритет для развития хозяйства Урала, Госпланом СССР были заданы и ориентиры для развития гражданских отраслей. Душевое потребление основных продуктов

⁵ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 96. Д. 1387. Л. 243.

⁶ Там же. Л. 277.

⁷ Там же. Л. 278.

⁸ Там же. Л. 280–281.

в Уральском регионе должно было вырасти в 1,5–4 раза, а производство хлопчатобумажных тканей, как следствие и производство одежды, должно было увеличиться на порядок (табл. 2).

Таблица 2

Рост основных показателей гражданского потребления в расчете на душу населения за двадцать лет*

	1950	1970	Увеличение
Сбор зерновых, кг	820	1 160	1,4 раза
Производство мяса, кг	14,9	57,6	3,9 раза
Выпуск хлопчатобумажных тканей, м	2,8	28,5	10,2 раза
Выпуск обуви кожаной, пар	0,7	2,9	4,1 раза

* Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 96. Д. 1387. Л. 279.

Помимо роста потребления граждан в плане было заложено решение жилищной проблемы. За 1951–1970 гг. должно было быть возведено «в городах и рабочих поселках Урала 60 млн кв. м жилой площади и <...> 860 тыс. домов в сельских местностях».⁹

На территории Уральского экономического региона была расположена Башкирская АССР — одна из автономных республик, всестороннее развитие которых отдельно прописывалось в проекте генерального хозяйственного плана. Главным экономическим профилем БАССР должно было оставаться развитие нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей отраслей промышленности на сырьевой базе Волго-Уральского нефтегазоносного района, промышленная разработка которого началась в начале 1930-х гг. Помимо этого в БАССР предполагалось развитие и других отраслей тяжелой промышленности, прежде всего угольной, за счет освоения, открытого в 1943 г. Байгузинского месторождение бурых углей, черной и цветной металлургии, предприятий химической промышленности. Сельское хозяйство республики должно было профилироваться на выращивании посевов сахарной свеклы.¹⁰

Таким образом, разработанный в первые послевоенные годы предварительный генеральный хозяйственный план СССР

⁹ Там же. Л. 281.

¹⁰ Там же. Л. 259.

на 1951–1970 гг. предполагал широкую программу «второй индустриализации» Уральского экономического региона, где концентрация промышленных предприятий была и без того значительной, благодаря предвоенным пятилеткам и размещения в ней эвакуированных предприятий во время войны. Однако реальная экономическая политика строилось не только на директивных указаниях Госплана СССР, но и на основании экономической целесообразности. Так, предприятия атомной промышленности, создававшиеся в это время на Урале, были выведены из двадцатилетних плановых заданий, в связи с тем, что руководство советского атомного проекта не считало такое планирование нужным для отрасли [1, с. 133, 134]. Также, в 1948 г. сам Госплан СССР «выступил против сооружения железной дороги между Печорой и Уралом (которая была предусмотрена разрабатывавшимся в это время предварительным генеральным планом — С. М.) в пользу модернизации Северо-Печорской дороги» [6, с. 199].

Указанные примеры показывают противоречия перспективного планирования и реальной хозяйственной практики, выходившей за рамки этого планирования. После ареста в 1949 г. Н. А. Вознесенского — главного куратора разработки генерального плана — дальнейшая работа над планом была прекращена, а после смерти И. В. Сталина проект окончательно был передан в архив. Однако осуществление позднее ряда крупных экономических мероприятий, запланированных во второй половине 1940-х гг., показывают преемственность в советском планировании. В этой связи выявление взаимовлияния на развитие Уральского экономического региона предполагаемого планирования и реальной экономической практики является перспективной задачей для дальнейшего изучения.

Библиографический список

1. Артемов Е. Т. Атомный проект в коридорах сталинской экономики. М., 2017.
2. Артемов Е. Т. Восточные регионы в проектировках предвоенного Генерального хозяйственного плана // ЭКО. 2013. № 1. С. 151–166.
3. Бурнашева Н. И. Оценка перспектив экономического развития Якутии в материалах к составлению Генерального плана развития и реконструкции народного хозяйства СССР на 1926/27–1940/41 годы // Исторические, философские, политические и юридические науки,

культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: в 2-х ч. 2015. № 7, ч. 1. С. 27–29.

4. Иголкин А. А. О проекте Генерального плана развития народного хозяйства СССР на 1943–1957 гг. // Труды Института российской истории РАН. М., 2012. С. 204–220.

5. Мау В. А. Реформы и догмы. М., 1993.

6. Михеев М. В. Индустриальный Урал в советской региональной политике позднесталинского периода (1945–1953 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2017.

7. Фельдман М. А. «Генеральный план развития Уральской области на 1926–1941 гг.»: между мифом и реальностью // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований. Екатеринбург, 2017. С. 322–332.

8. Хозяйственное освоение Урала и Западной Сибири в XX веке: планирование и управление. Екатеринбург, 2018.

Maksim A. Simonov

Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS
(Russia, Ekaterinburg)

E-mail: m.a.simonov1@yandex.ru

Development of the Ural economic region in the draft of general economic plan of the USSR for 1951–1970

The article discusses the post-war views of the USSR State Planning Committee on the development of the Ural economic region in the draft preliminary economic plan of the USSR for 1951–1970. The analysis of the proposed macroeconomic indicators and development priorities of the Urals is presented. The question of the relationship between planned changes and real economic practice is raised.

Keywords: *Soviet regional policy, general economic plan, integrated development, Urals*

Соколов Александр Станиславович
д.и.н., Рязанский государственный радиотехнический университет
(Россия, Рязань)
E-mail: *falcon140770@yandex.ru*

**Денежное обращение СССР
в условиях реализации второго пятилетнего плана
(по материалам издания Лиги Наций
«Валюта и банки»)**

УДК 94(470)

Рассматривается ситуация, сложившаяся в системе денежного обращения Советского государства в период реализации второго пятилетнего плана. Особое внимание уделено анализу статьи финансового комитета Лиги Наций, посвященной характеристике денежного рынка СССР.

Ключевые слова: *денежное обращение, золотой запас, картонная система, коммерческие цены, пятилетний план*

Чрезмерная эмиссия в годы первой пятилетки усиливала нестабильность в развитии экономики СССР и угрожала устойчивости государственной власти. Поэтому партийно-государственное руководство делает шаги по сокращению бюджетного дефицита и стабилизации денежного обращения. Предпринимались меры по увеличению товарного фонда государства, развитию коммерческой торговли, развитию розничного товарооборота. Выступая с докладом на объединенном пленуме ЦК ВКП(б) в январе 1933 г. Сталин заявил: «Устойчивость советской валюты обеспечивается, прежде всего, громадным количеством товарных масс в руках государства, пускаемых в товарооборот по устойчивым ценам» [5, с. 425]. Таким образом, генсек ЦК ВКП(б) связывал стабильность рубля с наличием товарных масс, находящихся в руках государства, а не с золотым запасом. В конце 1933 г. Наркомату финансов СССР удалось частично приостановить процессы инфляции рубля. Однако правительству не удалось добиться финансовой стабилизации в 1934 г. Вновь усилилась эмиссия, приводившая к обесцениванию рубля. Был произведен выпуск новых образцов казначейских билетов. К этому времени достигло своего пика использование денежных суррогатов (боны), которые широко использовались различными учреждениями при выдаче зарплаты. Расследование, проведенное летом 1935 г., вскрыло 1340 таких

случаев [1, с. 294]. Успехи в оздоровлении денежного обращения, достигнутые в 1934 г., позволили провести поэтапную отмену карточной системы. В сентябре 1935 г. одновременно со снижением цены на хлеб были отменены карточки на мясо, рыбу, сахар, жиры и картофель. С февраля 1936 г. прекратило свое существование Всесоюзное объединение Торгсин [4, с. 224]. После отмены карточной системы были установлены так называемые средние цены, которые были выше пайковых, но значительно ниже коммерческих. В годы второй пятилетки ситуация в области денежного обращения заметно улучшилась: возросла покупательная способность рубля, увеличилась скорость его обращения. Заметно возросли доходы госбюджета с 44,3 млрд руб. в 1933 г. до 126,9 млрд руб. в 1938 г. Значительно возросли обороты Госбанка. В 1938 г. Госбанком было выдано ссуд на 475 млрд руб. [3, с. 191]. Эти обстоятельства дали возможность руководителям Наркомата финансов заявлять об устойчивости советского рубля. В то же время среди советских экономистов стала утверждаться позиция, доказывающая несовместимость инфляции и планового хозяйства. Такая точка зрения была сформулирована Н. А. Вознесенским, который писал в 1935 г. в статье «О современных деньгах»: «В силу особенностей планового социалистического производства, безраздельно господствующего в нашей стране, советская экономика исключает возможность инфляции» [6, с. 15].

В Европе, в условиях экономического кризиса 1930-х гг., внимательно следили за финансовым состоянием СССР. Еще в 1920 г. по решению Брюссельской конференции при Лиги Наций был создан финансовый комитет для урегулирования некоторых практических проблем финансовой реконструкции Европы. Одним из направлений деятельности комитета стал выпуск экономических обзоров, издаваемых в Женеве. В 1936 г. в сборнике «Валюта и банки» была помещена статья, посвященная анализу состояния денежного обращения СССР. Она основывалась на материалах советской печати, законодательных актах и опубликованных статистических данных. В статье указывалось, что в течение действия первого пятилетнего плана денежное обращение увеличилось более чем на 6 млрд руб., тогда как план предусматривал рост на 1,25 млрд руб. Причины этого по мнению издания заключались в проведении банковских реформ 1930 и 1931 гг., а также в выпуске в обращение значительных сумм денег в форме различных

вспомогательных платежных документов (ордеров, векселей, квитанций). С начала 1933 г. до второго полугодия 1934 г. наблюдалось снижение денежной массы, что объяснялось ускорением денежного обращения, которое сопровождалось усилением темпа товарооборота.

Во втором полугодии 1934 г. тенденция к сокращению денежной массы перешла в противоположную тенденцию. В 1935 г. ясно проявился рост обращения, одни только банковские билеты с апреля по сентябрь 1935 г. возросли более чем на 1 млрд руб. Такое увеличение связывалось с результатами реализации постановления СНК СССР от 31 мая 1935 г. усилившего уголовную ответственность граждан за выпуск всякого рода денежных суррогатов и ценных бумаг. Тем не менее в основном расширение денежного обращения относилось за счет перестройки системы цен, проведенной в 1934–1935 гг. Авторы статьи указывали, что уничтожение карточной системы для хлеба с 1 января 1935 г. и фиксирование цен на него выше прежних «карточных» цен сопровождалось общим подъемом заработной платы промышленных рабочих, что привело к росту денежного обращения. Новый шаг в направлении дестабилизации рубля был сделан декретом от 14 ноября 1935 г., который дал Государственному Банку разрешение в течение 1936 г. производить обмен иностранной валюты на червонцы как по переводам, так и наличной валюты, предъявляемой в его кассы. По установленному в декрете курсу один червонный рубль равнялся трем франкам. Авторы делали вывод, что будучи девальвационным мероприятием, установление нового курса рубля для туризма имело лишь ограниченное значение.

Издание отмечало, что коммерческая задолженность СССР в течение 1931–1935 гг. уменьшилась, составляя не выше 120 млн зол. руб. Это снижение было осуществлено благодаря излишкам торгового баланса, вывозу золота, расходам иностранных туристов и среднесрочным кредитам, предоставленным Чехословакии и Германии. Указывалось, что золотой запас Государственного банка постоянно возрастал, достигнув на 1 января 1935 г. 963 млн руб. По мнению авторов статьи, накопление золота имело своей целью заменить внешние краткосрочные кредиты, которые прежде частично использовались для компенсации колебаний платежного баланса СССР.

В «Замечаниях» к статье написанных сотрудником Наркомата финансов в феврале 1937 г. отмечалось, что текст корректен и особо грубых искажений не содержит. Однако же авторы статьи не ясно представляют себе особенности денежного обращения и кредита. Делался вывод, что вполне целесообразно заменить их информацию о денежном обращении СССР нашей информацией.¹

Авторы статьи вполне реально осветили тенденции, наметившиеся в денежном обращении СССР к концу второй пятилетки. Расходы, связанные с выполнением заданий двух пятилетних планов, превысили доходную часть бюджета. Так, за 1927–1937 гг. денежная масса в обращении увеличилась в 8 раз, среднегодовые темпы прироста массы денег оказались выше темпов прироста продукции промышленности и составили 24 %. Ситуация в денежном обращении СССР еще более ухудшилась в 1938–1940 гг., что во многом было связано с резко возросшими затратами государства на производство военной техники и содержание армии [2, с. 191]. К решению вопроса стабилизации рубля власть подошла не с экономической, а с административной точки зрения. Решающими факторами сдерживания инфляции были конфискационная система получения сельскохозяйственной продукции у крестьян и доходы от реализации продажи водки. Денежная система, созданная в эпоху нэпа перестала существовать.

Библиографический список

1. Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М., 2008.
2. История Министерства финансов. М., 2002. Т. 3: 1933–1985.
3. Козлов Г. А. Советские деньги. М.; Л., 1939.
4. Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 2008.
5. Сталин И. В. Вопросы ленинизма. М., 1952.
6. Хандруев А. А. К вопросу об устойчивости денег // Деньги и кредит. 1988. № 10. С.14–22.

---

¹ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 15. Д. 588. Л. 8–13.

Alexander S. Sokolov

Doctor of Historical Sciences, Ryazan State
Radio Engineering University (Russia, Ryazan)
E-mail: *falcon140770@yandex.ru*

**Monetary circulation of the USSR
in the conditions of the second five-year plan
(based on the publication of the League of Nations
“Currency and banks”)**

The paper considers situation in the system of monetary circulation of the Soviet state during the implementation of the second five-year plan. Special attention is paid to the analysis of the article of the financial Committee of the League of Nations devoted to the characteristics of the USSR money market.

Keywords: *monetary circulation, gold reserve, card system, commercial prices, five-year plan*

Соловенко Игорь Сергеевич

д.и.н., Юргинский технологический институт (филиал)
Национального исследовательского Томского
политехнического университета (Россия, Юрга)
E-mail: *solovenko71@mail.ru*

**Выбор стратегии развития угольной
промышленности России в 1990-е гг.**

УДК 622.33:94(470)«1992/1999»

Анализируется выбор стратегии развития угольной промышленности России в 1990-е гг. Делается вывод о том, что очевидная цель трудно достигалась из-за размытости и частой смены направлений развития. Скорректированная осенью 1998 г. стратегия развития сумела объединить интересы всех участников угольного рынка. Это способствовало выходу угольной промышленности России из кризисного состояния.

Ключевые слова: *Россия, рыночные отношения, угольная промышленность, стратегия*

Период 1990-х гг. является одним из самых сложных в развитии отечественной угольной промышленности. Ее судьба во многом зависела от оптимального выбора стратегии — цели и задач (направлений) развития. Вполне очевидной была цель, соответствовавшая мировой практике — создание конкурентоспособной отрасли как в системе топливно-энергетического комплекса России, так и в международном масштабе.

В начале 1990-х гг. государство сохраняло экономический контроль над большинством предприятий. Вместе с тем набирала обороты и приватизация. Вне зависимости от формы собственности все шахты и разрезы нуждались не только в гарантиях поддержки спроса на уголь, но и в создании эффективного механизма реализации произведенной продукции. После распада СССР, например, угледобытчики испытывали серьезный дефицит в экспортноориентированной инфраструктуре [1, с. 72].

Президент и Правительство России оказались в замешательстве, в том числе и потому, что еще в конце 1980-х гг. ситуацию в угольной промышленности они отдали на откуп регуляторам рынка. Первоначальными решениями Кремля стали отдельные нормативно-правовые акты, которые продолжили политику расширения экономической самостоятельности предприятий, но они особо не меняли положение в отрасли. Она нуждалась в четкой стратегии развития.

В реализации стратегии столкнулись две позиции госструктур. С одной стороны, весьма либеральная, которую олицетворял блок федеральных министерств, отвечавших за макроэкономическую политику (например, Минэкономразвития). С другой — «консервативная», которую представлял отраслевой орган управления, госкомпания — «Уголь России», затем «Росуголь».

Желание либеральных реформаторов, быстро и эффективно преобразовать угольную промышленность, не было подкреплено возможностями научной и финансовой базы российского государства. К тому же Правительство РФ отводило малопривлекательные для угольной отрасли место и роль в топливно-энергетической политике страны. В условиях сильного экономико-политического потенциала, которым угольщики обладали в первые годы строительства новой государственности, такая позиция могла дестабилизировать и так непростую обстановку в стране. Поэтому Б. Н. Ельцину пришлось считаться с доводами «консерваторов», которые выступали за поддержание высокого уровня угледобычи, достойные для отрасли госдотации, глубоко продуманное закрытие предприятий, повышение зарплаты рабочим и т. д. Эту позицию активно продавливали лидеры Росуглепрофа [2, с. 156]. В пользу этого была и важная социальная роль угольной промышленности. Это обусловило продолжительное сохранение в отрасли низкой доли частных предприятий и компаний.

Несмотря на шахтерское недовольство, процесс приватизации продолжился. К тому времени он охватил все отрасли национальной экономики и являлся необходимым условием финансовой помощи со стороны международных экономических организаций. Да и госбюджет уже не выдерживал тех трат, которые требовались на поддержку шахт и разрезов. Соответственно Правительство РФ продолжило денационализацию отрасли, но, в большей степени, ориентируясь на новую цель — рентабельность.

Переход на рентабельную работу угледобывающих предприятий стал реализовываться посредством программы реструктуризации отрасли (1994). Главным условием повышения рентабельности стала ликвидация убыточных и неперспективных предприятий. Однако выделялись и другие очень важные направления, которые постепенно утверждались в производственно-экономической деятельности — модернизация оборудования, оптимизация численности персонала, решение социальных вопросов и др. В будущем эта программа обещала полное устранение государства от финансирования отрасли, включая и социальную сферу углепромышленных городов. Дополнительные ресурсы для финансирования реструктуризации угольной промышленности России предоставил МБРР.

Процесс реструктуризации сдерживался негативной макроэкономической ситуацией, а также отсутствием необходимых рыночных институтов и инфраструктуры. Отсутствовала законодательная база, позволявшая вести приватизацию с учетом региональных особенностей. Отрасль оказалась сильно подвержена рискам потери научной базы, неэффективной ценовой политики, монопольному влиянию «Росугля», политическому и региональному лоббированию и т. д. Неоднократные изменения направлений реструктуризации (вплоть до 1997 г.), в сущности, не меняли тяжелое положение в отрасли. Стабильно снижалась реальная заработная плата рабочих [5, с. 131].

В такой ситуации ничего не оставалось, как свести реформирование отрасли к «поддержанию перспективных и ликвидации убыточных предприятий и производств».¹ Министерство экономики РФ считало перспективными в основном те предприятия,

¹ О прогнозе социально-экономического развития Российской Федерации на II квартал 1995 года и на 1995–1997 годы по отраслям топливной промышленности, 20.03.1995 г. ГАРФ. Ф. 10128. Оп. 1. Д. 1578. Л. 68.

которые занимались открытой угледобычей. В течение первого этапа реструктуризации (1994–1997) в стране была остановлена добыча угля на 95 нерентабельных и с опасными условиями труда шахтах и одном разрезе [4, с. 246].

Ситуация в угольной отрасли несколько стабилизировалась в 1997 г., когда существенно возросло количество приватизированных шахт и разрезов, а многие нерентабельные предприятия были закрыты. Росла производительность труда, к минимуму были сведены долги государства по финансированию отрасли. Одной из ключевых причин положительной динамики стала ликвидация в 1997 г. госкомпании «Росуголь». На ее слабую эффективность всегда обращали внимание эксперты международных финансово-экономических организаций [3, с. 134]. Поэтому объемы столь важной финансовой поддержки реструктуризации угольной отрасли России с ее стороны являлись запоздалыми и незначительными.

Между тем «Росуголь» являлся одним из буферов между шахтерами и Правительством РФ. Его ликвидация стала одним из факторов резкого всплеска протестного движения шахтеров в первой половине 1998 г. Это еще больше осложнило реформирование угольной промышленности.

Осенью 1998 г. новое Правительство Е. М. Примакова скорректировало стратегию развития угольной промышленности России. Она реализовывалась в двух основных направлениях: 1) усиление государственного регулирования деятельности угольной промышленности; 2) углубление и расширение рыночных преобразований.

Правительство Е. Примакова оперативно приняло очень важное постановление, которое позволило региональным властям контролировать финансовые потоки угледобывающих предприятий, а также улучшить защиту прав трудящихся. По мнению А. Г. Тулеева, документ стал первой фактической победой на пути к возрождению угольной промышленности [6, с. 354].

Несмотря на значительное сокращение количества предприятий в отрасли, с 1999 г. обозначился поступательный рост угледобычи в стране. Менялись в лучшую сторону технико-экономические показатели, сглаживались социальные проблемы рабочих.

Итак, очевидная цель в стратегии развития угольной промышленности России в 1990-е гг. трудно достигалась из-за размытости

и частой смены задач (направлений). Их чехарда сдерживала реальное реформирование отрасли и вызывала социальные потрясения. Скорректированная осенью 1998 г. стратегия развития отрасли сумела объединить интересы всех участников угольного рынка, в том числе и международных финансово-экономических организаций. Это способствовало выходу угольной промышленности России из кризисного состояния.

Библиографический список

1. Адаев Е., Берсенева Л., Галкина И., Думенко Т., Карзова В., Козлов В., Лавренков И., Никитин А., Сербина И., Скорнякова Т., Соболева Т. День шахтера (реструктуризация угольной промышленности глазами участников и журналистов) М., 2004.
2. Катальников В. Д., Кобяков А. А. Уголь и шахтеры в Государстве Российском. Экономический и социально-исторический аспекты. М., 2004.
3. Кожуховский И. С. Реструктуризация угольной промышленности России: дис. ... канд. экон. наук. М., 2003.
4. Попов В. Н., Рожков А. А. Социальные проблемы в угледобывающих регионах при структурной перестройке угольной промышленности России. М., 1998.
5. Рожков А. А., Соловенко И. С. Основные тенденции развития угольной промышленности России в конце XX — начале XXI в. // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 418. С. 124–136.
6. Тулеев А. Г. Преодоление. Кемерово, 2009.

Igor S. Solovenko

Doctor of Historical Sciences, Yurga Institute of Technology (Branch)
of the National Research Tomsk Polytechnic University
(Russia, Yurga)

E-mail: solovenko71@mail.ru

The choice of the strategy for the development of Russia's coal industry in the 1990s

The choice of the strategy for the development of Russia's coal industry in the 1990s is analyzed. It is concluded that the obvious goal was difficult to achieve due to the vagueness and frequent changes in the direction of development. The development strategy adjusted in the fall of 1998 managed to unite the interests of all participants in the coal market. This contributed to the exit of Russia's coal industry from the crisis.

Keywords: *Russia, market relations, coal industry, strategy*

Сперанский Андрей Владимирович
д.и.н., профессор, Институт истории и археологии УрО РАН
(Россия, Екатеринбург)
E-mail: *avspersky@mail.ru*

Оборонно-промышленный комплекс Урала как фактор Великой Победы над фашизмом в годы Второй Мировой войны¹

УДК 94(470.5)

В докладе проанализирован процесс формирования и развития оборонно-промышленного комплекса на Урале в период противостояния СССР с фашистской Германией в 1941–1945 гг. Показаны основные механизмы его функционирования в контексте решения кадровых и производственно-технических проблем. Сделан вывод о выдающемся вкладе уральской «оборонки» в достигнутые Красной Армией победы над фашистскими агрессорами.

Ключевые слова: *Урал, война, эвакуация, кадры, танки, артиллерия, стрелковое оружие*

Значимость Уральского региона в возможном столкновении с агрессором сталинское руководство СССР осознавало еще в предвоенный период. О необходимости превращения его в «становой оборонный хребет» неоднократно говорили на крупных партийных форумах В. В. Куйбышев, В. Н. Андронников, Р. И. Эйхе, Г. М. Кржижановский и другие. Поэтому не случайно в 1920–1930-е гг. на Урале были построены основные, базисные отрасли, способные обслуживать нужды оборонных производств (химическая, топливная, металлургическая, машиностроительная, электроэнергетическая) и освоены резервные природные ресурсы (новые рудные и угольные месторождения). За 1928–1937 гг. основные фонды уральской промышленности возросли в 12 раз, а ее валовая продукция в 7 раз [6, с. 107].

Однако главная задача превращения Урала в оружейный арсенал решена не была. К июню 1941 г. более 80 % производства военной продукции по-прежнему размещалось на территории западного военно-промышленного пояса СССР. Это объясняется огромными временными затратами связанными с созданием

---

¹ Статья подготовлена по Комплексной программе фундаментальных исследований УрО РАН № 18-6-6-17.

промышленного базиса Урала и острым недостатком денежных средств. Сказалось и влияние субъективного фактора, связанного с военной доктриной И. В. Сталина, не предполагавшей возможности глубокого вторжения неприятеля и потери западных промышленных районов страны. В связи с чем не форсировалась и тотальная милитаризация Уральского региона [7, с. 108, 109].

Однако война опровергла эту теорию. Уже в первые месяцы войны большая часть западного военно-промышленного пояса СССР была захвачена неприятелем, а оставшаяся часть оказалась в зоне действия вражеской авиации. Надежда на избежание полной катастрофы теперь связывалась только с восточными районами, куда в результате эвакуации были перемещены 2593 промышленных предприятия [2, с. 802]. Важнейшим звеном формирования не имевшего аналогов в мировой истории оборонно-индустриального комплекса стал Уральский регион, разместивший на своей территории оборудование 830 предприятий и принявшего 2127 тыс. чел., составивших к концу 1942 г. 9,7 % от всего населения края [9, с. 267–269].

Эвакуация рабочей силы на Урал в значительной мере облегчила решение кадровой проблемы. 55 % прибывших активно включились в работу на промышленных предприятиях. На некоторых объектах доля эвакуированных достигала 75 %, что фактически приводило к формированию нового трудового коллектива. Кроме эвакуированных максимально использовались и внутренние кадровые ресурсы. Действенной мерой было привлечение в промышленность пенсионеров (4,3 %), женщин (47,7 %) и подростков (15 %) [1, с. 250].

Кадровый голод в значительной мере преодолевался и методами внеэкономического принуждения. К январю 1942 г. трудовая армия на Урале насчитывала около 290 тыс. бойцов, среди которых более 50 % составляли советские немцы и выходцы из Средней Азии и Казахстана [3, с. 245, 247]. Активно использовался труд «спецконтингента»: заключенных, военнопленных, спецпереселенцев. К 1945 г. численность пленных в регионе достигла максимальной цифры в 250 тыс. чел. [9, с. 271].

Отметим, что эта категория рабочей силы составляла только 6,4 % от общего числа рабочих и служащих занятых в уральской промышленности и не могла кардинально влиять на рост военного производства. Решающая роль здесь принадлежала

местным и эвакуированным специалистам, самоотверженно выполнявшим свой патриотический долг. В анналы истории вошли трудовые подвиги уральских «стахановцев» (Н. Базетова, Д. Босого, Ф. Дацука, П. Поджарова, Н. Сушко, Д. Сидоровского, А. Черепанова, И. Янкина и др.), чьи рекорды достигались не за счет сверх перенапряжения мускульной силы и произвольно продленного рабочего дня, а за счет лучшей организации труда, применения придуманных ими же и внедренных в производственный процесс технических инноваций.

Процессы, проходившие в уральской промышленности периода войны, не сломали устоявшихся форм руководства, сохранили централизованное планирование и распределение. Однако сочетание командно-административных методов управления с трудовым подъемом населения в экстремальных условиях дало положительный эффект. К концу войны на заводах и фабриках края трудилась 1/5 всех промышленных рабочих страны, обеспечивших превышение довоенного уровня выпуска промышленной продукции в 3,6 раза. На долю региона приходилось около 40 % продукции специального военного назначения, выпускавшейся в стране.

На территории края по указанию Государственного Комитета Обороны были созданы три танковых завода-гиганта. Челябинский «танкоград» начал массовое производство тяжелого танка КВ («Климент Ворошилов»), разработанного конструктором Ж. Я. Котиним. Уже осенью 1941 г. бронемашины с Южного Урала приняли участие в сражениях за Москву. В 1942 г. завод перешел к серийному строительству среднего танка Т-34 и созданию самого мощного в мире тяжелого танка ИС («Иосиф Сталин»). За весь период военных действий челябинские танкостроители поставили на фронт свыше 16 тыс. единиц боевой техники [10, с. 325].

Фирменной продукцией расположенного в Свердловске «Уралмаша» стала самоходная артиллерийская установка СУ-122, разработанная в 1942 г. группой конструкторов под руководством Л. И. Горлицкого. С 1943 г. был налажен серийный выпуск ее усовершенствованной модели СУ-85, прекрасно зарекомендовавшей себя в сражении на Курской дуге. Снаряд, выпускаемый из ее мощной пушки, легко пробивал броню немецких «тигров», «пантер» и «фердинандов», буквально сносил танковые башни. Всего за годы войны, труженики УЗТМ дали фронту более 5 тыс. самоходных артиллерийских установок. Основным видом продукции Уральского

танкового завода им. Коминтерна, составляющей 86,5 %, были средние танки Т-34. 29,9 тыс. единиц бронетанковой техники предоставила нижнетагильская «вагонка» Красной Армии самым существенным образом усилив ее боевую мощь [4, с. 69].

В целом за 1941–1945 гг. Урал направил на фронт 46,8 тыс. средних, тяжелых танков и самоходно-артиллерийских установок [5, с. 168].

Урал являлся и крупнейшим в мире производителем пушек. Только Воткинский машиностроительный завод произвел за военный период 52 тыс. артиллерийских установок разных систем, что составило 11 % от всего выпуска этого вида вооружений в СССР. 48,6 тыс. корпусных пушек выпустил Пермский (Мотовилихинский) машиностроительный завод. Свердловский завод им. М. И. Калинина изготовил более 20 тыс. зенитных установок и несколько тысяч противотанковых пушек. Производством артиллерии занимались также Уральский артиллерийский, Усть-Катавский вагоностроительный и другие заводы. Всего за годы войны артиллерийская промышленность Урала направила в действующую армию более 150 тыс. орудий.

За годы войны свердловский завод «Уралэлектроаппарат» поставил на фронт 1711 реактивных установок. Знаменитые «качюши» производились также в Челябинске на заводе им. Д. Колющенко [3, с. 251, 253].

Основную роль в изготовлении стрелкового оружия в стране играли предприятия Удмуртии и прежде всего Ижевский машиностроительный завод. За годы войны оружейники дали фронту 11,1 млн винтовок и карабинов (92,8 % их общесоюзного производства), 7,1 тыс. авиапушек, 213,4 тыс. пулеметов системы М. Е. Берзина и Х. Максима, 131,3 тыс. противотанковых ружей системы В. А. Дегтярева (ПТРД) и С. Г. Симонова (ПТРС), 961,5 тыс. пистолетов системы Ф. В. Токарева (ТТ). Продукция Ижмаша, освоившего в 1941–1945 гг. 15 новых видов стрелковых и авиационных вооружений, возросла в 3,5 раза [10, с. 205; 8, с. 55].

Выдающуюся роль в укреплении мощи советских ВВС сыграли флагманы уральской авиационной промышленности — Уфимский и Пермский моторостроительные заводы. За годы войны они произвели более 200 тыс. моторов, ставших «сердцами» бомбардировщиков А. Н. Туполева и В. М. Петлякова, истребителей С. А. Лавочкина и А. С. Яковлева [9, с. 273].

Таким образом, созданный на Урале в годы Великой Отечественной войны оборонно-промышленный комплекс, включавший в себя предприятия выпускавшие основные виды вооружений, стал основным арсеналом страны, обеспечивающим Красную Армию всем необходимым для успешного ведения военных операций и нанесения немецко-фашистским агрессорам сокрушительного поражения.

Библиографический список

1. Антуфьев А. А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1992.
2. Великая Отечественная война. Энциклопедия. М., 1985.
3. Военная история Урала. События и люди. Екатеринбург, 2008.
4. Запарий Вас. В. Танковая промышленность на Урале в 1940-е годы. Екатеринбург, 2015.
5. Мельников Н. Н. Уральское танкостроение накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 2016.
6. Корнилов Г. Е., Сперанский А. В. Великая Отечественная война // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998. С. 107–109.
7. Сперанский А. В. Военная доктрина Сталина и ее реализация на Урале в годы Великой Отечественной войны // Уральский исторический вестник. 2010. № 3. С. 108–116.
8. Сперанский А. В. Военный потенциал Урала как фактор российских модернизаций XX века // История науки и техники. 2018. № 2. С. 51–64.
9. Урал в панораме XX века. Екатеринбург, 2000.
10. Щит и меч Отчизны. Оружие Урала с древнейших времен до наших дней. Екатеринбург, 2008.

Andrei V. Speransky

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the RAS (Ekaterinburg, Russia)
E-mail: avsperansky@mail.ru

The defence industrial complex of the Urals as a factor of the Great Victory over fascism during the Second World War

The paper analyzes the process of formation and development of military industry in the Urals during the period of confrontation of the USSR with Nazi Germany in 1941–1945. It shows basic mechanisms of its functioning in the context of solving personnel and production problems. A conclusion is drawn about an outstanding contribution of the Urals military industry to the Red Army victories over Nazi aggressors.

Keywords: *Urals, war, evacuation, personnel, tanks, artillery, small arms*

Сухова Ольга Александровна

д.и.н., Педагогический институт им. В. Г. Белинского,
Пензенский государственный университет (Россия, Пенза)

E-mail: savtemp@yandex.ru

**Хозяйство и практики социального
взаимодействия в советской деревне в контексте
мобилизационной экономики СССР
в 1930-е — начале 1950-х гг.¹**

УДК 93/99 (093.32)

Автор анализирует проблемы методологии изучения хозяйства и социального взаимодействия в советской деревне в контексте мобилизационной экономики СССР в 1930-е — начале 1950-х гг.: периодизация процесса, определение предметного поля научного анализа, условий возникновения и функционирования подобных практик.

Ключевые слова: *советская деревня, мобилизационная экономика, хозяйство и практики социального взаимодействия*

Неоднозначность и многомерность дефиниции термина «мобилизационная экономика», введенного в научный оборот в начале 1990-х гг. для определения стратегии странового развития [9] и распространившегося впоследствии в системе массовых коммуникаций в качестве единицы культурной информации, задает необходимость беспристрастного и объективного анализа как системы представлений, характеризующих существо проблемы, так и методологии и методики ее изучения. Интерес к теме мобилизирующегося социума в научной среде усиливается по мере возрастания угроз национальной безопасности в системе международных отношений и кризисных явлений в российской экономике. Так, дважды в 2009 и 2012 гг. в Челябинском государственном университете проводилась Всероссийская научная конференция на тему: «Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века». Подобная проблематика находит поддержку у российских научных фондов [2; 5].

Вместе с тем, на сегодняшний момент сложно констатировать хотя бы наличие общего понимания проблемы мобилизационной экономики в российской истории: не решен вопрос о ее

---

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00125\18.

периодизации, не определены предметное поле научного анализа, условия функционирования подобных практик, не выявлены предпосылки и причины актуализации мобилизационных стратегий. По мнению В. В. Седова, «уникальный опыт формирования и использования мобилизационной экономики» четко датируется периодом 1931–1989 гг., в то время как А. С. Сенявский отмечает значимость внеэкономических приоритетов в экономическом развитии России на протяжении всей ее истории [5, с. 8, 9, 64]. Такая же неопределенность существует и в отношении понятийного аппарата: сомнению подвергается синонимичность понятий: мобилизационная экономика и модель мобилизационного развития [2, с. 143], ключевой характеристикой мобилизационной экономики называется регулярное использование чрезвычайных мер, нарушающих существующие нормы и правила [2, с. 144] и т. д.

Очевидной представляется необходимость сопряжения данной категории с модернизационной макротеорией (теорией модернизации). Спровоцированная некогда крушением колониальных империй и поиском альтернатив коммунистической ориентации, парадигма, объясняющая закономерности перехода от традиционного к индустриальному обществу (обществу модерна), к настоящему времени значительно эволюционировала, что повысило ее эвристическую ценность. Так, в числе наиболее значимых изменений исследователи отмечают: признание вариативности национальных моделей модернизации, отказ от идеи существования «центра modernity»; реабилитация значения традиционных институтов, способных стать факторами социальных изменений; признание зависимости эффективности модернистских программ от гармонии политических, экономических и социокультурных ценностей; рост внимания к конфликтам в процессе модернизации; отказ от трактовки модернизации как единого процесса системной трансформации; осознание некорректности интерпретации модернизации как непрерывного процесса (акцент на циклическую, волнообразную природу модернизации); признание обусловленности модернизации внутренними и внешними ограничителями (в роли которых могут выступить социальные представления, ментальность и т. д.) [7].

В этом контексте системным признаком выбора мобилизационной стратегии социального развития (на очередной волне модернизационных усилий) будет выступать степень этатизации

общественных отношений. Уникальность имперского цивилизационного проекта в российской истории задавала определенный антураж, позволявший весьма эффективно использовать внеэкономические (в том числе и ментальные) методы стимулирования странового развития. Отличия советской модели здесь будут минимальными: например, доминирование внеэкономических приоритетов на всем протяжении ее истории [8, с. 64].

Мобилизационная модель экономики, окончательно утвердившаяся в качестве основного курса социально-экономической политики советского государства к концу 1920-х гг., официально позиционировалась в качестве единственного и исключительно средства для противодействия угрозе государственной безопасности со стороны «враждебного» окружения. Однако при детальном анализе факторов возрождения подобных практик следует констатировать отсылку к опыту чрезвычайного управления времен Гражданской войны при сохранении милитаризации общественного сознания на протяжении всех 1920-х гг., инструментальное прочтение стратегии для решения задач борьбы за власть в политическом руководстве СССР, обоснование применения непопулярных чрезвычайных мер при наращивании военного потенциала за счет ограничения внутреннего потребления и т. д. И, хотя, формального признания исторической преемственности советской и имперской эпох в российской истории не состоялось, фактор учета геополитических, геоэкономических и социокультурных констант цивилизационного развития очевиден.

Основным объектом избранной стратегии выступало крестьянство, по-прежнему составлявшее большинство населения СССР. Степень «этатизации» советского сельского хозяйства, вмешательства государства в сферу производства и распределения произведенного продукта беспрецедентна. С момента утверждения «Примерного устава сельскохозяйственной артели» (17 февраля 1935 г.) единой мерой учета труда колхозников и распределения доходов становится трудодень. Следующим шагом по пути укрепления мобилизационной стратегии становится введение обязательного минимума трудодней (с подачи майского 1939 г. пленума ЦК ВКП(б)). В условиях резкого сокращения объемов производства сельскохозяйственной продукции на начальном этапе войны минимум был существенно увеличен (постановление СНК и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г.). Для

Пензенской области увеличение составило свыше 30 % (с 90 до 120 трудодней). Впервые был установлен минимум трудодней для подростков в возрасте от 12 до 16 лет (в размере не менее 50 трудодней в году) [3, с. 391]. Невыполнение минимума влекло за собой наказание в виде исправительно-трудовых работ или исключение из сельхозартели.

К началу войны налоговое законодательство фактически уравнило все категории сельского населения. Согласно положениям Закона «О сельскохозяйственном налоге» от 1 сентября 1939 г., к уплате сельхозналога помимо хозяйств колхозников и единоличных хозяйств, были привлечены хозяйства членов промысловых кооперативов, а также рабочих и служащих, имевших подсобное хозяйство в сельской местности. В военные годы налоговое законодательство менялось неоднократно и в сторону увеличения: 3 июля 1941 г. размер сельхозналога был удвоен, в 1942 г. Указом Президиума ВС СССР от 29 декабря 1941 г. был введен военный налог, в 1943 г. были повышены нормы доходности крестьянских хозяйств. При этом сохранялись и натуральные налоги, введенные еще декретами 1921 г. и продублированные в форме «обязательств» в начале 1930-х гг. Помимо этого существовала трудовая и гужевая повинности на предприятиях Наркомлеса СССР. В течение 1930–1950-х гг. количество дней работы колхозников на лесозаготовках в порядке трудгужповинности постепенно возрастало. Если в конце 1920-х гг. оно составляло 50–60 дней, в 1930-е — первой половине 1940-х гг. — 100–120 дней [1, с. 76–97].

Принципиальное значение имеет изучение крестьянского социума как самоорганизующейся системы, выступающей одновременно и объектом внешнего воздействия, государственной экономической и социальной политики и субъектом, творцом новой социальной реальности, находящейся в постоянном взаимодействии с внешней средой и обменивающейся с ней энергией и информацией. При этом, скажем, специфика содержания и методов аграрной политики ВКП(б) может быть прочитана как попытка обуздания спонтанных социальных реакций, не предусмотренных идеологией преобразований. С другой стороны, в контексте современной синергетики адаптационные поведенческие стратегии экстремальной повседневности, «жизни в катастрофе», формирующиеся в процессе коммуникации, предстают как механизм

самопроизвольного возникновения упорядоченных структур, к рождению порядка из хаоса [4].

Концепция самоорганизации оказалась востребованной социальными и гуманитарными науками по мере утверждения синергетического подхода, открывшего новые горизонты исследований [6]. Эвристическая ценность подобных построений определяется выделением и противопоставлением двух состояний социальных связей и взаимодействий: социальной самоорганизации как естественного порядка и социального управления, выступающего искусственным процессом, привносимым извне и задействованного в конструировании «человеческой природы» [6, с. 40, 41]. Социальная динамика при этом определяется возможностью трансформации определенных областей в системе социальных отношений (областей свободы, характеризующихся специфической пластичностью, допускающей восприятие новаций), что и программирует парадоксальную формулу осуществимости утопий [6, с. 41]. На наш взгляд, рассматривая человеческое общежитие как социальную систему, важно учитывать ее неотъемлемую характеристику — тяготение к состоянию равновесия, что и предполагает наличие областей, отвечающих за адаптацию к вызовам извне, к изменениям, облегчающим восприятие нового. В этом контексте мобилизационная стратегия может рассматриваться как способ усвоения новых смыслов через привычные для коллективной памяти институты. Сюда же следует отнести и этатистские установки крестьянской психологии. Так, в начале 1930-х гг. на территории Пензенского округа имели хождение слухи о том, что колхоз есть не что иное, как реставрация барщины, а во второй половине 1940-х гг. главным признаком устранения военной угрозы в массовом сознании признавался роспуск колхозов.

Библиографический список

1. Безнин М. А., Димони Т. М., Изюмова Л. В. Повинности российского крестьянства в 1930–1960-х годах. Вологда, 2001.
2. Круглый стол «Мобилизационная экономика»: понятие, его границы и содержание // Вестник Челябинского государственного университета. История. Вып. 40. 2010. № 15 (196). С. 142–147.
3. Курицына Е. В. Трудовой подвиг пензенцев в годы Великой Отечественной войны // Пензенский край в истории и культуре России. Пенза, 2014. С. 386–401.

4. Лысак И. В., Басина Н. И. Общество как саморазвивающаяся система: возможности применения системного и синергетического подходов к исследованию социальной реальности // Вестник ДГТУ. 2011. Т. 11, № 10 (61). С. 1896–1903.

5. Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: сб. материалов II Всерос. науч. конф. Челябинск, 2012.

6. Пигалев А. И. Социальная самоорганизация, синергетика и конец истории // Мир психологии. 2011. № 2. С. 38–51.

7. Побережников И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006.

8. Сенявский А. С. Экономическое развитие России в XX веке: историко-теоретические проблемы // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: сб. материалов II Всерос. науч. конф. Челябинск, 2012. С. 61–67.

9. Фонов А. Г. Россия: от мобилизационного общества к инновационному. М., 1993.

Olga A. Sukhova

Doctor of Historical Sciences, Penza State University (Russia, Penza)

E-mail: savtemp@yandex.ru

Economy and practices of social interaction in the Soviet countryside in the context of the USSR mobilization economy in the 1930s — early 1950s

The author analyzes the problems of the methodology of studying the economy and social interaction in the Soviet countryside in the context of the USSR mobilization economy in the 1930s — early 1950s: periodization of the process, determination of the subject field of scientific analysis, conditions for the emergence and functioning of such practices.

Keywords: *Soviet village, mobilization economy, economy and social interaction practices*

Тимошенко Альбина Ивановна

к.и.н., Институт истории СО РАН (Россия, Новосибирск)

E-mail: timoshenkoai@ngs.ru

Мобилизационная модернизация экономики СССР (на примере Урало-Сибирского региона)

УДК 338.246.8(470.5+571)

Одними из первых новостроек в Урало-Сибирском регионе стали предприятия, связанные с реализацией индустриального проекта «Урало-Кузбасс». Это позволило в годы Великой Отечественной войны в тыловых районах СССР организовать мощную военно-оборонную отрасль. Экономическое движение на восток продолжилось в послевоенные годы, которое выразилось в энергетическом, промышленном и транспортном строительстве.

Ключевые слова: *модернизация, мобилизация, экономика, Урал, Сибирь*

Движение Российского государства на восток всегда носило мобилизационный характер. В советский период оно стало более выраженным. Мобилизация населения и ресурсов, разработка специальной мобилизационной стратегии явились мощными факторами социально-экономического развития практически всех регионов СССР. Этому способствовала также сама организация советской государственной системы, устроенной на основе жесткого административного управления страной из единого политического центра.

Из первых мероприятий советской власти, сыгравших значительную перспективную роль в хозяйственном освоении Сибири и других восточных районов страны, можно назвать организацию всеобщего государственного планирования, которое со временем превратилось в главный механизм мобилизующего воздействия государства на общество. Мозговым и информационным центром советской экономической стратегии являлась Государственная плановая комиссия (Госплан) СССР, которая организовывала планирование в масштабе всей страны.

Острая необходимость в использовании мобилизационных методов проявилась уже в конце 1920-х и 1930-е гг., когда начали реализовываться идеи форсированной коллективизации сельского хозяйства, модернизации промышленности на базе индустриализации. Руководство страны объявило курс на

строительство социализма, что было обозначено в качестве главной цели на съездах ВКП(б), записано в директивах пятилетних планов. Государственная мобилизационная стратегия получила как идеологическое, так и административно-организационное основание и была подкреплена по всем направлениям.

Создание Урало-Кузнецкого комбината (УКК) заложило индустриальную основу экономики Урала и Сибири и создало условия для строительства предприятий военно-оборонного комплекса. В 1930-е гг. начала реализовываться идея создания в центре страны тылового района, равноудаленного как от западных, так и восточных границ. Первыми объектами УКК стали Магнитогорский и Кузнецкий металлургические комбинаты. К детальной разработке проектов основных производственных цехов и общезаводских сооружений привлекались ученые и авторитетные научно-технические организации страны.

При создании сибирской части УКК основная часть капиталовложений намечалась в формирование индустриальных отраслей: промышленность, энергетику, транспорт. Например, в 1930–1933 гг. в промышленное строительство в зоне УКК было затрачено около 3 млрд руб. в ценах 1930 г. Из них в тяжелую промышленность (группа «А») было вложено — 2,5 млрд, а формирующую фонд народного потребления (группа «Б») — около 285 млн руб. Примерно в том же направлении развивалось создание УКК и в 1934–1937 гг. Причем капитальные вложения с каждым годом планировались и реализовывались с ежегодным значительным увеличением. Так, если в 1930 г. в промышленное строительство в сибирской зоне УКК было вложено около 127 млн руб., то в 1935 г. — почти 1550 млн руб. Всего в 1930–1937 гг. в сибирскую индустриальную часть было вложено — более 22 млрд руб. или 85 % от всех затрат. В то время как на социально-культурное строительство в регионе формирования УКК было потрачено чуть более 1,5 млрд руб. (15%).¹

Стратегическая роль Урало-Кузнецкой программы состояла в том, чтобы превратить огромный Урало-Сибирский регион в индустриально развитый, обеспеченный новейшей промышленной и аграрной техникой. Рассчитывалось, что осуществление проекта изменит экономическую ситуацию, демографическую

---

¹ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 6. Д. 798. Л. 97–98.

структуру и социально-бытовые условия жизни населения. Модель Урало-Кузнецкого комбината вполне вписывалась в общую концепцию хозяйственного развития СССР, основанную на идее социалистического обобществления и создания в основном крупной промышленности в процессе индустриализации экономики страны. По своим масштабам и замыслу она вполне соответствовала политическим амбициям советского руководства в направлении социально-экономического переустройства общества. В ней отражалось стремление государственного управления доказать преимущества социалистического строя, в первую очередь в экономическом развитии.

Мобилизационный характер имело также освоение Арктики и Северного морского пути [см.: 2, с. 48–52; 1, с. 161–345]. Особенно ярко это проявилось в деятельности Главного Управления Северного морского пути, объединившем все работавшие ранее в Арктике организации, в том числе и Арктический институт, который исследование Северного морского пути обозначил своей главной научной задачей. Директор института О. Ю. Шмидт возглавил Управление, которое со временем стало многофункциональной государственной организацией в Арктике, осуществлявшей плановое руководство хозяйственным освоением обширной территории заполярных районов СССР. Особенностью деятельности этого органа государственного управления являлся его комплексный характер, выражающийся в соединении в одной системе научных, транспортных, промышленных и торговых функций, а также реализации специфических задач по развитию традиционных отраслей хозяйства и социально-культурному строительству в районах расселения коренных народов Севера.

В период Великой Отечественной войны восточные районы страны превратились в крупнейший арсенал страны, который получил свое дальнейшее развитие и в послевоенные годы, когда руководство СССР приняло решение о необходимости создания здесь новых отраслей военно-оборонной промышленности, производящих новейшие виды вооружения, в том числе реактивную и ракетную технику. Мобилизационный характер государственной политики СССР в организации экономики СССР вынужденно сохранялся в условиях откровенной демонстрации силы со стороны США, обострявшей международную обстановку в мире и запугавшей гонку вооружений большой разрушительной силы.

В послевоенные годы в модернизации экономики Урало-Сибирский регион также продолжал играть значительную роль. В основе мобилизационных решений советского правительства, направленных на индустриальное развитие Урала и Сибири была заложена идея дальнейшего развития тыловых районов. Здесь в центральной части СССР, богатой энергетическими и минерально-сырьевыми ресурсами, планировалось и дальше создавать комплексы крупных производств, имеющих оборонно-стратегическое значение. В рамках этой программы в Сибири была создана алюминиевая промышленность в основном на энергетической базе гидроэлектростанций Ангаро-Енисейского региона. Вопросы размещения алюминиевых заводов в богатых энергетическими ресурсами районах Сибири рассматривались еще в 1930–1940-е гг., однако к 1950 г. работал только Новокузнецкий завод. Активное проектирование других началось позже с постройкой первых мощных гидроэлектростанций и открытием в Сибири крупных месторождений нефелинов. Каждая из трех первых ГЭС (Иркутская, Красноярская и Братская), построенных на реках Енисей и Ангара, явились энергетическим сердцем мощных предприятий по производству алюминия. В 1962 г. был введен в эксплуатацию Иркутский алюминиевый завод, в 1964 г. выдал первые слитки Красноярский, а в 1966 г. — Братский.

В целом в советский период мобилизационные решения на первый план выдвигали преимущественно производственное развитие. В районах нового хозяйственного освоения Сибири, как правило, в приоритетном режиме строились крупнейшие в мире предприятия, энергетические объекты, создание же социальной инфраструктуры происходило во вторую очередь, что могло со всем основанием проявиться как сдерживающий фактор эффективности результатов освоения. Однако это противоречие в государственной политике сглаживалось разработкой особой мобилизационной стратегии, которая включала в себя как систему государственных мобилизационных мероприятий, так и механизмов их реализации. Деятельность государственного управления в хозяйственном освоении Урала и Сибири выступала неким компенсационным барьером в условиях недостатка финансовых и прочих материальных ресурсов, необходимых для полноценного комплексного социально-экономического развития регионов. Эти достижения позволили в 1990-е гг. за

счет Урала и Сибири решать общероссийские проблемы переходного периода.

Таким образом, в результате стратегии мобилизационной модернизации, примененной в экономике Урало-Сибирского региона, удалось обеспечить высокие темпы роста индустриального потенциала, сформировать достаточно действенные институты государственной мобилизационной политики в лице главных органов государственного управления, строивших свою деятельность на основе советского законодательства. Это позволяло долгие годы сохранять устойчивость государственной и политической системы в СССР.

Библиографический список

1. Комлева Е. В., Куперштох Н. А., Тимошенко А. И., Ламин В. А., Матханова Н. П., Шиловский М. В., Элерт А. Х. Россия в Арктике. Государственная политика и проблемы освоения. Новосибирск. 2017.

2. Тимошенко А. И. Советские инициативы в Арктике в 1920-е гг. (К вопросу о стратегической преемственности) // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 2. С. 48–52.

Albina I. Tymoshenko

Candidate of Historical Sciences, Institute of History,
Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)

E-mail: *timoshenkoai@ngs.ru*

Mobilization modernization of the USSR economy (on the example of the Ural-Siberian region)

One of the first new building sites in the Ural-Siberian region was the construction of enterprises related to the implementation of the Ural-Kuzbass industrial project. This made it possible to organize a powerful military-defense industry in the rear regions of the USSR during the Great Patriotic War. The economic movement to the east continued in the postwar years, it manifested itself in energy, industrial, and transport construction.

Keywords: *modernization, mobilization, economy, Urals, Siberia*

Ульянова Светлана Борисовна
д.и.н., Санкт-Петербургский политехнический университет
Петра Великого (Россия, Санкт-Петербург)
E-mail: oulianova@mail.spbstu.ru

**Советский индустриальный проект 1920-х гг.
в региональном измерении**

УДК 93/99 (4/9) 930.2 902

На основе проектного подхода рассматриваются региональные аспекты советской индустриализации в 1920-е гг. Показано изменение пространственно-географических характеристик российской промышленности в первой трети XX в. Проанализированы дискуссии о развитии «старых» промышленных центров — Ленинграда, Урала — в период нэпа. Представлены перспективы индустриального освоения окраинных районов страны.

Ключевые слова: *индустриальная история, история регионов России, индустриализация, Ленинград, Урал*

В последнее время в отечественной и зарубежной историографии широкое распространение получил проектный подход к анализу исторических процессов и явлений [1, с. 7–28; 2; 4]. Рассмотрение советской индустриализации 1920–1930-х гг. как политико-экономического проекта позволяет не только охарактеризовать динамику промышленного потенциала страны, но и показать значение социально-политического контекста, так как политические цели и интересы, не всегда отвечавшие экономической целесообразности, представляли собой важную предпосылку реализации советской индустриальной программы.

Индустриальная модернизация стала частью большевистских представлений о социалистическом будущем. В то же время в первой половине — середине 1920-х гг. индустриальное проектирование было подчинено целям развития сельского хозяйства, обеспечения смычки между городом и деревней, восстановления довоенного уровня производства на старых предприятиях. На географию промышленности существенно повлияло изменение границ страны, потеря в результате Первой мировой войны и революции важных индустриальных районов — Польши, Прибалтики, Финляндии. Мечты о грандиозных свершениях отходят на задний план.

Только во второй половине 1920-х гг. сочетание экономических факторов (кризисный характер нэпа, восстановление довоенного уровня производства, нарастающее аграрное перенаселение и пр.) и политических обстоятельств (внутрипартийные дискуссии, «военная тревога» 1927 г. и др.) сделали вновь актуальными грандиозные планы индустриального переустройства советского общества, в том числе и проекты создания новых промышленных центров, получившие отражение в первом пятилетнем плане.

Важным аспектом изучения советского индустриального проекта является анализ его регионального измерения, позволяющего представить пространственные решения советской индустриализации, а также некоторые особенности развития местной промышленности.

В Российском государственном архиве экономики (РГАЭ) хранятся разнообразные материалы (докладные записки о перспективах развития промышленности в 1920-е гг., индустриальном потенциале отдельных регионов, перспективные планы регионального развития промышленности, материалы совещаний с местными работниками и др.), позволяющие реконструировать изменение промышленной географии страны, индустриальные перспективы тех или иных центров и областей.¹ Разнообразные материалы местных архивов (Центральный государственный архив Санкт-Петербурга, Государственный архив Свердловской области, Государственный архив Ивановской области и др.), а также опубликованные источники (материалы периодической печати, публицистика, научные труды) представляют взгляды с «периферии».

Значимыми акторами советского индустриального проекта выступали местные политические руководители и хозяйственники. У них было собственное видение индустриальных перспектив своего региона, зачастую не совпадавшее с планами центра. Так, в конце 1924 — начале 1925 г. Северо-Западное промышленное бюро решительно выступило против планов ВСНХ по сокращению в Ленинграде тракторостроения (под тем предлогом, что

¹ См., напр.: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 9. Д. 21. Доклад профессора С. А. Федорова о восстановлении текстильной промышленности в России; РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 22. Д. 15. Материалы к составлению генерального плана по электрификации СССР на 1926/27–1940/41 гг.; РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 22. Д. 70. Общая характеристика обрабатывающей промышленности Сибири.

на юге страны его себестоимость ниже), электротехнической промышленности, с одной стороны, и строительства новых целлюлозно-бумажных и доменных производств — с другой.²

Другим примером острой дискуссии о перспективах регионального индустриального развития может служить полемика относительно перспектив уральской промышленности. Как пишет И. Нарский, «относительно благополучный регион, став одним из эпицентров гражданской войны с подвижными линиями фронтов и многочисленными сменами власти, за несколько лет между 1917 г. и началом 1920-х гг. превратился в руины с разрушенной промышленностью, разоренным сельским хозяйством, нищим, голодным населением» [1, с. 281]. Но еще до революции горнозаводская промышленность региона переживала кризис, с которым предстояло справиться новой власти. Тезис о «бесперспективности» этого старого индустриального района получил широкое распространение как в центральном хозяйственном аппарате, так и среди региональных руководителей других областей, например, Украины. В условиях ограниченной возможности инвестирования в тяжелую промышленность в 1920-е гг. между регионами велась острая борьба за ресурсы.

В годы нэпа наряду с крупными промышленными центрами общесоюзного значения существовали регионы с преобладанием местной промышленности — деревообработка (Архангельск), пищевая промышленность (Ставрополье, Оренбург, Дальний Восток и др.), кожевенная промышленность (Казань) и др. Здесь развитие фабрично-заводских предприятий было тесно связано с местным сбытом и местными источниками сырья и в значительной степени было ориентировано на поддержание «смычки» между городом и деревней. Многие хозяйственники по-прежнему видели в России аграрную страну, в которой развитие промышленности должно быть подчинено интересам сельского хозяйства. В записке о перспективном плане развития русской промышленности на ближайшие годы (1924) профессор А. Н. Долгов отмечал: «По отношению к основной цели, которая стоит в настоящее время перед Россией — возрождения новых производительных ее сил — возрождение русской промышленности есть задача частная. <...> Важный и необходимый для земледельческой России

---

² Торгово-промышленная газета. 1925. 3 янв.; 10 янв.

ее сельскохозяйственный подъем, вызывающий и рост производства промышленного сырья, улучшение и развитие путей сообщения, восстановление правильных взаимоотношений между городом и деревней и рост городского потребительского рынка, улучшение состояния русских финансов и вовлечение России в орбиту международных торговых отношений, — все это одинаково трудно осуществимо вне возрождения и последующего развития русской промышленности».³

Разработка первого пятилетнего плана не только дала толчок созданию новых промышленных центров на Урале, в Сибири, не только оживила «старые» индустриальные регионы, но и способствовала промышленному освоению новых территорий. Исследователи отмечают, что до конца 1920-х гг. в СССР преимущественно разрабатывались проекты сельскохозяйственной колонизации регионов азиатской России, развития там местной промышленности — переработка леса, рыбная промышленность, химическое производство и пр. [3]. Но в годы первой пятилетки в советском руководстве возобладал другой поход — окраинные регионы страны стали рассматриваться как ресурсная база развития общесоюзной промышленности. С таким подходом во многом оказалось связано развитие системы ГУЛАГа. Ее основу составляли крупные объекты, возведение и эксплуатация которых требовали массового применения неквалифицированной рабочей силы, как правило, в труднодоступных регионах, отличавшихся крайне неблагоприятными климатическими условиями и отсутствием элементарной инфраструктуры.

Библиографический список

1. 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика: сборник науч. трудов. Екатеринбург, 2016.
2. Безнюк Д. К. Постсоветское пространство: религия как социально-политический проект // Социология. 2011. № 1. С. 68–74.
3. Малявина Л. С. Первая конференция по изучению производительных сил советского Дальнего Востока (апрель 1926 г.) о перспективах и проблемах социально-экономического развития региона // Научный диалог. 2016. № 6. С. 182–195.
4. Dagnino E. Civic Driven Change and Political Projects // Civic Driven Change: Citizen's Imagination in Action. The Hague, 2008. P. 1–12.

³ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 3. Д. 5. Л. 199.

Svetlana B. Ulyanova

Doctor of Historical Sciences, Peter the Great St. Petersburg
Polytechnic University (Russia, St. Petersburg)
E-mail: oulianova@mail.spbstu.ru

The regional dimension of the Soviet industrial project of the 1920s

The paper examines regional aspects of the Soviet industrialization in the 1920s on the basis of the project method. The author focuses on changes in the spatial and geographical characteristics of Russia's industry in the first third of the 20th century. Discussions on the development of Leningrad and the Urals as "old" industrial centers are summarized. The prospect of the industrial development of the country's outskirts is analyzed.

Keywords: *industrial history, regional history of Russia, industrialization, Leningrad, Urals*

Филатов Владимир Викторович

д.и.н., профессор, Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
(Россия, Магнитогорск)
E-mail: v.philatov@mail.ru

Модернизация по-советски: уральская аграрная экономика в конце 1920–1930-х гг.

УДК 63(470.5) (0.9)

В докладе анализируется модернизация уральской деревни в годы коллективизации. Рассматриваются эффективность деятельности органов управления, материально-техническая база, меры по интенсификации производства, заготовительная политика, положение крестьянства. Выявлены итоги модернизации.

Ключевые слова: *Урал, модернизация, аграрная экономика, крестьянство, мобилизация*

Для исторической науки весьма важно определить особенности аграрных преобразований в переломные моменты истории. Значимые события произошли в экономике СССР в конце 1920–1930-х гг. Именно тогда окончательно было порвано с новой экономической политикой и взят курс на модернизацию промышленности и сельского хозяйства. В кратчайшие сроки предстояло вывести нашу страну в разряд экономически развитых держав.

Особая роль в этом амбициозном плане отводилась аграрной экономике. Село должно было в первую очередь обеспечить экспортной продукцией подъем индустрии и продовольствием население. Альтернативные предложения игнорировались и осуждались.

Ученые-аграрники внесли значительный вклад в разработку проблем модернизационных преобразований в уральском селе. Исследования Г. Е. Корнилова, посвященные аграрному переходу, обосновывают теоретические аспекты социалистических преобразований советской деревни. На конкретных примерах развития деревни он доказывает специфику региона в модернизации аграрной экономики [2; 3]. Научные изыскания историков существенно раздвигают горизонты познания процессов аграрных трансформаций в переломный момент российской истории [1; 4; 5].

Уральский регион, занимая ведущее место в экономике страны, оказался в эпицентре радикальных перемен в деревне. Мобилизационные нововведения властных структур проходили апробацию и на уральской земле.

Аграрный переход к новому состоянию сельской экономики требовал неординарных решений. Арсенал советских преобразований состоял в проверенных временем «военного коммунизма» чрезвычайных методах организации экономики. Силовые, мобилизационные способы внеэкономического воздействия на крестьян определяли букву и дух принимаемых решений, и их реализацию.

Аграрная экономика была тесно связана с проблемами социума. Хлебозаготовительный кризис 1927/28 г. и начало массовой коллективизации продемонстрировали истинные намерения советской власти. Ускоренное насильственное создание коллективных хозяйств на новой уставной основе с формальными элементами демократии, организация советских хозяйств, раскулачивание вынуждали селян против своей воли адаптироваться к иным условиям жизни и сельскохозяйственного производства.

Важную роль в модернизации играли система управления селом, методы руководства. Как показала практика, нестабильность руководящих кадров Урала, вызванная постоянными перемещениями, репрессиями, снижала результативность деятельности органов управления сельскохозяйственным производством. На Урале не была создана действенная, эффективная система повышения квалификации партийных, советских и земельных кадров.

Принимаемые решения руководящими структурами не учитывали возможности и потребности деревни. Прежде всего от сельских производителей требовали неуклонного выполнения партийно-государственных директив в ущерб интересам крестьянства. Любыми средствами должны были выполняться указания властей различного уровня от центральных органов до сельсовета.

Создание материально-технической базы определяло будущее деревни. Преимущественно ручной труд заменялся машинным. Значительные перемены происходили в тракторизации сельскохозяйственного производства. Особенностью этого важного для села процесса являлось то, что в конце 1920-х гг. в Уральской области на 100 работников сельского хозяйства механической тяговой силы приходилось в два раза меньше, чем на Средней Волге и почти в 3 раза меньше, чем в Сибири и по РСФСР. Это вызывалось, прежде всего, неудовлетворительной оснащённостью уральских колхозов тракторами. Если в РСФСР 22,2 % колхозов имели тракторы, то в Уральской области — 13,4 %.¹

Количество тракторов в Уральской области за первую пятилетку увеличилось в 3 раза — до 3,3 тыс., а во второй пятилетке в целом по Уралу их имелось 33,8 тыс.² За годы пятилетки увеличилась и мощность тракторного парка уральских МТС. Если в 1932 г. на 1 тыс. га посевов в уральских колхозах приходилось в среднем 7,5 л. с. (по стране — 12 л. с.), то к концу второй пятилетки в Свердловской области — 58 л. с., а в Челябинской — 88,5 л. с. (в СССР — 57 л. с.).³ К началу 1941 г. машинно-тракторный парк уральского сельского хозяйства возрос до 42,4 тыс. тракторов, 19,5 тыс. комбайнов и 15,5 тыс. грузовых автомашин.⁴ В то же время имелось немало претензий к деятельности МТС. В 1934 г. в Челябинской области лишь каждый пятый трактор был исправен, в Свердловской — каждый четвертый. Только в Башкирии каждый второй трактор был готов к работе.⁵

¹ Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV и XVI партийными съездами. Статистические сведения по сельскому хозяйству за 1927–1930 гг. М.; Л., 1931. С. 114–118.

² МТС во второй пятилетке. М., 1939. С. 11–15.

³ Социалистическое строительство Урала за 15 лет (Основные показатели). Свердловск, 1932. С. 45.

⁴ История народного хозяйства Урала: в 2 ч. Свердловск, 1988. Ч. 1. С. 185.

⁵ Машины и орудия в социалистическом сельском хозяйстве Союза ССР. М., 1936. С. 36.

Властные структуры принимали меры по интенсификации производства. Если в конце 1920-х гг. на Урале отмечено отставание от средних союзных показателей по внедрению многополья, травопольных севооборотов, зяби, ранних паров, то во второй половине 1930-х гг. положение улучшилось. В Уральском регионе увеличились сортовые посевы, активнее стали использовать удобрения, особенно минеральные [6, с. 66–72].

Не менее значимым в модернизации являлся человеческий фактор. Следовало мотивировать работников на высокопроизводительный труд и создать условия для его научной организации. Забывая о личных интересах колхозника при уравнительном распределении, едва ли возможно было поднять эффективность крестьянского труда и желание работать с наивысшей производительностью. Это наглядно проявлялось в выработке трудодней. Минимум трудодней (до 50) выработывал на Урале в 1930 г. каждый пятый колхозник. В 1936 г. так работал каждый четвертый колхозник, а в следующем году вновь произошел возврат к показателям начала 1930-х гг. Низкой оставалась денежная и натуральная оплата в расчете на один трудодень.⁶

Нереальные планы заготовок сельхозпродуктов и налоговые платежи ставили сельских производителей в незавидное экономическое положение. Партийно-государственные органы в этом случае оказывали своеобразную «помощь» — списывали долги по кредитам, снижали иногда размеры обязательных поставок и налоговых платежей. В то же время искусственно созданные коллективы в основе своей были нерентабельными. Для достижения плановых показателей постоянно возникали так называемые перегибы — административный нажим властных структур.

Итоги модернизации свидетельствовали, что намечаемые планы оказались невыполненными. Радикальное изменение хозяйственных структур села вместе с другими негативными моментами преобразований привели к сокращению основных видов скота. Поголовье лошадей за 1927–1940 гг. уменьшилось в 1,9 раза, крупного рабочего скота — в 1,4, рабочих лошадей за 1928–1939 гг. — в 2,4, коров за 1928–1940 гг. — в 1,4 раза [6,

⁶ Колхозы во второй сталинской пятилетке: стат. сборник. М.; Л., 1939. С. 35–39; Уральское хозяйство в цифрах. 1931–1932 гг. Свердловск, 1933. С. 177; ГАСО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 136. Л. 14–15; Ф. 2123. Оп. 1. Д. 133. Л. 223–223об.; РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 3. Д. 1593. Л. 1.

с. 96]. Валовой сбор зернобобовых культур за 1927–1933 гг. проходил неравномерно. Особенно низкие урожаи зерновых на Урале были получены в 1929 и 1931 гг. В период с 1934 по 1940 гг. в Уральском регионе относительно урожайными были 1937 и 1938 гг. Ускоренное социалистическое переустройство села, увеличение посевных площадей, не обеспеченное в большинстве своем агротехническими мерами, людскими и материальными ресурсами, организационные неурядицы и просчеты влияли на урожайность. Однако нельзя сбрасывать со счетов неблагоприятные природно-климатические условия 1931–1933, 1936, 1939 гг., которые усугубляли положение уральской деревни [7].

Итак, советская модернизация уральского села показала, что в сельском хозяйстве не произошло радикальных сдвигов в наращивании производства в течение 1930-х гг. Чрезвычайные меры по изъятию произведенной продукции не стимулировали заинтересованность селян в развитии производства. В конце 1920–1930-х гг. мобилизационная экономика даже в условиях роста материально-технического оснащения деревни не способствовала положительной динамике как в земледелии, так и в животноводстве.

Библиографический список

1. Алексеева Л. В. Северо-Западная Сибирь в 1917–1941 гг.: политическая, экономическая и культурная трансформация: дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2004.
2. Корнилов Г. Е. Аграрный переход в России в XX веке: особенности, темпы, результаты // История науки и техники. 2018. № 1. С. 78–92.
3. Корнилов Г. Е. Особенности аграрной политики сталинизма: колхозная жизнь после коллективизации // Российская история. 2018. № 4. С. 17–23.
4. Баранов Е. Ю., Корнилов Г. Е., Лабузов В. А. Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала. 1928–1934 гг. М., 2009.
5. Мотревич В. П. Организация труда в колхозах на Урале в 1930-е гг. // Аграрный вестник Урала. 2014. № 7. С. 63–65.
6. Филатов В. В. Уральское село, 1927–1941 гг.: динамика и темпы развития земледелия. Магнитогорск, 2006.
7. Филатов В. В. Уральское село, 1927–1941 гг.: динамика и темпы развития животноводства. Магнитогорск, 2006.

Vladimir V. Filatov

Doctor of Historical Sciences, Nosov Magnitogorsk State
Technical University (Russia, Magnitogorsk)
E-mail: v.philatov@mail.ru

Modernization in the Soviet way: the Urals agrarian economy in the late 1920s–1930s

The report analyzes the modernization of the Urals village during the years of collectivization. It considers the effectiveness of the government, the material and technical base, measures of intensifying production, procurement policy and the condition of the peasantry. The results of modernization are identified.

Keywords: *Urals, modernization, agrarian economy, peasantry, mobilization*

Челетти Давид

PhD in Economic History, профессор, Падуанский университет
(Италия, Падуя)
E-mail: david.celetti@unipd.it

Рим и Москва в межвоенный период. Аспекты экономических отношений между двумя «отдаленными партнерами»

УДК 94

В докладе рассматриваются аспекты итальянско-советских экономических отношений. В качестве примера представлен случай инвестиций компании Fiat-RIV в СССР. Подчеркивается важность советского рынка для итальянских фирм. Представлены перспективы для дальнейших исследований экономического, социального и культурного обмена между двумя странами.

Ключевые слова: *экономическая история, международная торговля, макроэкономика, итало-советские отношения, Советский Союз, Италия*

Аспекты итальянско-советских отношений в межвоенный период. Итальянско-советские отношения в фашистскую эпоху традиционно считаются маргинальными, ограничиваясь периодическими, незначительными экономическими операциями. Идеологические барьеры, политический антагонизм и, с середины 1930-х гг., итальянская поддержка Франциско Франко, а также подготовка ко Второй мировой войне держали бы эти страны на расстоянии.

В докладе рассматривается аспект итальянско-советских экономических отношений, опираясь на пример деятельности Fiat-RIV в Советском Союзе. Исследование подчеркивает важность советского рынка для итальянских фирм. Наконец, в документе представлены новые перспективы для дальнейших исследований по этому актуальному и до сих пор малоизвестному моменту прошлого экономического, социального и культурного обмена между двумя странами.

Крупные итальянские предприниматели, такие как Джованни Агнелли (Giovanni Agnelli), Адриано Оливетти (Adriano Olivetti), Феличе Гварнери (Felice Guarnieri) или Анджело Омодео, всемирно известный специалист по гидравлическим проектам, были одними из самых активных спонсоров советско-итальянской торговли в межвоенный период [3, р. 1–40]. Они возобновили итальянские проекты экономической экспансии в Восточной Европе, включая Россию, запланированные уже в начале XX в., а затем прерванные войной [2, р. 871–906]. Государственные и предпринимательские ассоциации, такие как Istituto Italiano per la Russia (Итальянский институт для России), Società Petrolea (Нефтяное общество), Compagnia Industriale Commercio Estero (Промышленная компания для внешней торговли) и Consorzio Esportazione Veicoli Ferroviari e Tramviari (Консорциум для Экспорт железнодорожных и трамвайных транспортных средств) поддерживали частных предпринимателей и активно действовали для расширения экономических операций между двумя странами [4, р. 1–19; 10, р. 269].

Джованни Агнелли, председатель автомобильной компании «Фиат», стал чрезвычайно влиятельной персоной во всем этом процессе. Он проявил живой интерес к России еще до войны, когда ему удалось заключить соглашения об экспорте грузовых и легковых автомобилей с царским правительством [6, р. 48–55]. После Революции его участие оставалось таким же сильным, как и прежде, и он стремился укрепить позиции «Фиата» всеми средствами [2, р. 871–906]. «Фиат» также активно финансировал присутствие Италии на Московской торговой ярмарке [1, р. 298–317]. Агнелли даже субсидировал социалистических эмигрантов, чтобы они продвигали интересы «Фиата» среди советских партийных лидеров. В 1929 г. более 19 % всего советского импорта легковых и грузовых автомобилей приходилось на фабрики «Фиата» [7,

р. 1–38]. В том же году грузовики начали выпускаться на Балтике по лицензии Фиата [11, с. 44, 244, 303, 336]. Это соглашение, до сих пор малоизвестное, раскрывает разумную коммерческую стратегию, направленную на преобразование прямого экспорта в более долгосрочное взаимодействие, включая передачу технологий [5, р. 45].

Случай Fiat-RIV компании. Этот подход становится все более очевидным в случае RIV, компании семейства Агнелли, специализирующейся на производстве шариковых подшипников [8, р. 731–766]. RIV начал продавать подшипники в Советском Союзе в середине 1920-х гг. К 1930 г. экспорт в СССР достиг шестидесяти процентов от общего объема производства компании. В том же году RIV подписал соглашение с советским правительством о строительстве в Московском промышленном поясе «крупнейшего в мире подшипникового завода». Проект включал в себя современные цеха, предназначенные для оптимизации передвижения людей и материалов внутри фабрики, а также для обеспечения максимального благополучия работников; «рабочий квартал» с помещениями, школами, медицинскими и развлекательными заведениями; установка всех необходимых машин самой современной технологии; и пятилетний контракт на техобслуживание с участием десятков инженеров, техников и специалистов. Завод, известный в России как ГПЗ-1 им. Л. М. Кагановича, был завершён в рекордные сроки — один год. Итальянский персонал оставался в стране постоянно, по крайней мере до конца 1935 г., но техническая поддержка в виде консультирования, проверки качества и технического обслуживания продолжалась вплоть до Второй мировой войны [8, р. 731–766].

Вместе с так называемой Миссией Амодео, инженерным проектом по мелиорации, ирригации и строительству электростанций [8, р. 731–766; 12, р. 126], опыт Fiat-RIV является одним из наиболее изученных случаев итало-советских деловых отношений в период фашизма. Он подчеркивает важность экономических связей между двумя странами, а также ограниченность современных итальянских научных работ по этой теме, которые не рассмотрели другие крупные инвестиции фирм такого значения, как Ансальдо (Ansaldo), Оливетти (Olivetti), влияние импорта из СССР на итальянскую экономику, ни социальные и культурные аспекты итальянско-советских связей [12, р. 126–128].

Дальнейшие исследования. Исследования, которые находятся в нашем распоряжении, отражают только широкие тенденции или концентрируются в основном на компании «Фиат». Тем не менее они подчеркивают потенциальные возможности этой темы и актуальность итало-советских отношений. Они также ставят под сомнение традиционное видение «разделенного мира». Однако научные работы до сих пор незначительно использовали доступные источники и эвристические возможности этой темы.

Исходя из этих предпосылок, дальнейшие исследования должны быть направлены, с одной стороны, на то, чтобы раскрыть реальную сущность итало-советских деловых отношений в 1920-х и 1930-х гг., и с другой — объединить экономические, культурные и социальные трансферты, чтобы создать понимание значения этих связей [9, p. 159–190; 10, p. 447–472].

В рамках таких исследований будет проанализирован итало-советский товарооборот, при этом особое внимание необходимо уделить прямым инвестициям Италии в Советский Союз с углубленным анализом заводов, построенных с использованием итальянского капитала на советской территории, а также предпринимателям, техническим специалистам и рабочим, которые фактически жили в стране. Этот последний аспект представлял бы собой мост, связывающий экономические, культурные и социальные аспекты (образ жизни, образование, политика, мода, религия и т. д.) жизни итальянцев в СССР и их отношений с местными жителями. Чтобы осветить эту тему в полном объеме, необходимо исследование русских источников и совместная работа с русскими специалистами.

Библиографический список

1. Attari P. La FIAT dal 1921 al 1926 // Belfagor. 1974. № 29 (3). P. 298–317.
2. Benegiano M., Nardone P. L'Ansaldo dei Perrone e la Russia Rivoluzionaria. 1917-1921 // Nuova Rivista Storica. 2016. С. III. P. 871–906.
3. Gli scambi Italo-Russi e le nuove possibilità offerte dal mercato russo. Camera di Commercio Italo-Orientale. Roma, год.
4. Il mercato russo e l'Italia. Camera di Commercio Italo-Orientale // La Gazzetta del Mezzogiorno. Roma, 1931. 22 agosto
5. Castronovo V. Fiat. 1899–1999. Milano, 1999.
6. Cazzola P. Il viaggio delle delegazione torinese in Russia nel 1913 // Cronache Economiche — Mensile a cura delle Camera di Commercio Industria Artigianato e Agricoltura di Torino. 1970. № 331. P. 48–55.
7. Cazzola P. Dalla Transiberiana alle Automobili. 45°Parallelo. 1971.

8. Cecchini M. Due missioni italiane in URSS, 1930–1936 // *Storia Contemporanea*. 1987. XVIII, (4). P. 731–766.

9. Liuzzi C. Cinema Sovietico e Schermi Fascisti // *Studi Storici*. 2000. № 41 (1). P. 159–190.

10. Quartararo R. Italia-URSS, 1917–1941: i rapporti politici. Napoli, 1996.

11. Quartararo R. Roma e Mosca. L'immagine dell'Urss nella stampa fascista (1925–1935) // *Storia Contemporanea*. 1996. № 27. P. 447–472.

12. Zani L. I rapporti con l'Urss // *L'economia italiana fra le due guerre*. Roma, 1985. P. 126.

David Celetti

PhD in Economic History, University of Padua (Italy, Padua)

E-mail: david.celetti@unipd.it

**Rome and Moscow in the interwar period.
Aspects of the economic relations
between two “Distant Partners”**

The article deals with aspects of Italian-Soviet economic relations. As an example, the case of Fiat-RIV's investments in the USSR is presented. The author stresses the importance of the Soviet market for Italian firms. New perspectives are presented for further research on economic, social and cultural exchange between the two countries.

Keywords: *economic history, international trade, macro-economics, Italian-Soviet relations, Soviet Union, Italy*

Шапошников Геннадий Николаевич

д.и.н., Уральский государственный медицинский университет

(Россия, Екатеринбург)

E-mail: history@usma.ru

Российские средства связи в 1917 г.

УДК 94(47)

В докладе анализируется состояние отрасли связи в период революции 1917 г. и меры Временного правительства по регулированию работы оперативных средств передачи данных. Делаются выводы, что отрасль на протяжении всего года входила в глубокий кризис, а политика революционной власти по развитию отрасли оставалась неэффективной. Несмотря на это, Временное правительство располагало необходимой информационной средой для управления страной.

Ключевые слова: *отрасль связи, революция 1917 г., экономика, информационная война*

Эффективность действий власти, степень ее влияния на массы, во многом зависит от контроля за транспортно-информационной инфраструктурой. В ходе социальных трансформаций в России, особенно революционных, это приобретает первостепенное значение. На это историки обратили внимание достаточно давно [1, с. 55].

Связистам, несомненно, принадлежит одна из главных заслуг в быстрой победе февральско-мартовской революции. С 23 февраля 1917 г. царское правительство ввело жесткую цензуру на все сообщения из Петрограда, а Петроградское телеграфное агентство (ПТА) перестало передавать известия (то есть «горячие новости»). Информационная блокада, при помощи которой царская администрация попыталась изолировать столицу, была прорвана связистами. Уже с 24 февраля петроградские связисты начали передавать сведения о беспорядках нелегально, по служебному обмену, в результате, страна стала полниться слухами. С 25–26 февраля, когда армия в Петрограде перешла на сторону восставших, циркулярные депеши о событиях в Петрограде пошли потоком по всей стране. Со 2 марта, после отречения Николая II, заработало Петроградское телеграфное агентство, которое стало передавать известия Петросовета и Временного правительства. Телеграфисты и радисты, непрерывно распространяли распоряжения новой власти. Они же обеспечили и прием известий из провинций. Не стал исключением и Урал. Неслучайно, один из участников тех событий дал высокую оценку местным средствам связи и связистам: февральская революция на Урал была привнесена по телеграфу в запечатанном конверте [8, с. 51]. Уже в первые дни марта проявились и особенности телеграфного обмена в переломные (революционные) эпохи: стремление всемерно использовать только оперативные средства связи, сокращению приема частных телеграмм за счет расширения правительственного обмена, усиленному использованию так называемых прямых проводов. Особое значение в это время приобрели и «горячие новости одного утра» — последняя, самая важная новостная информация, которая отражала расклад политических сил в стране.

В 1917 г. уровень валовой продукции отечественной промышленности снизился по сравнению с 1913 г. до 70 %, а по ряду отраслей группы Б — до половины [3, с. 147]. В глубоком кризисе в 1917 г. находилась и отрасль связи. В предкризисное, неустойчивое

состояние отечественные средства связи вошли еще в годы мировой войны. Поскольку российская армия не имела своей системы связи, как особого рода войск, то всю нагрузку по обеспечению информационного обмена фронта и тыла, а также оперативной полевой связи между частями в прифронтовой полосе и на позициях, пришлось нести почтово-телеграфному ведомству. За годы войны в армию ушло около 15 тыс. служащих ГУПиТ (из 51 тыс. работающих на 1 января 1914 г.). В армию было передано более 600 комплектов аппаратуры дальней телеграфной связи, силами гражданских связистов было протянуто более 75 тыс. верст новых телеграфных линий и телефонных проводов [4, с. 5, 7]. При этом военные нагрузки оказались явно не по силам отечественным средствам связи: на протяжении трех военных лет отрасль не получала необходимых средств, ремонты велись только на наиболее важных для государства магистралях. С 1916 г. прекратились и ремонтные работы, начался демонтаж аварийных линий. С этого времени все оборудование почтово-телеграфных контор работало на полный износ. Основные производственные фонды отрасли в 1913–1917 гг. сократились более чем в 5 раз [6, с. 4].¹

Кризисные явления проявились и на информационных коммуникациях Урала. Для примера укажем, что даже местный телеграфный обмен между губерниями и учреждениями края занимал по нескольку дней.² Исчерпывающую характеристику работы отрасли в 1914–1916 гг. дали уральские связисты. «Начало беспорядков в почто-телеграфном ведомстве, — писали они в ГУПиТ, — было положено нашей общей неготовностью к работе в военных условиях. Это привело к катастрофическим последствиям. Уход лучших кадров и передача оборудования в военно-полевые учреждения способствовали тому, что своевременная доставка корреспонденции стала невозможной. В уральских городах связисты спали на рабочих местах, не уходили домой неделями, но справиться с работой — не могли. Телеграфный обмен на Урале в годы войны удвоился, а линии и оборудование — сокращались. Это привело к невиданным ранее явлениям: письма шли быстрее телеграмм, правительственные телеграммы лежали без движения. Важные государственные операции подвергались немислимым

¹ Россия в 1913 г.: стат.-док. справочник. СПб., 1995. С. 32, 43.

² Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы. М.; Л., 1957. С. 25.

превратностям из-за плохой работы телеграфа. Распоряжения об отправке войск приходили позже сроков отправки».³

Временное правительство предприняло определенные усилия для стабилизации средств связи и поддержания информационного пространства страны. Пожалуй, главной мерой Временного правительства весны 1917 г. стала реорганизация высшего управления отраслью. 5 мая 1917 г. вся сеть связи России была выделена из МВД и подчинена новому министерству — Министерству почт и телеграфов. Первым его министром стал видный политик и лидер умеренных социалистов И. Г. Церетели [5, с. 91]. К сожалению, выделение средств передачи данных в отдельное министерство не изменило системы финансирования: как и в царские времена, действовал остаточный принцип распределения средств в информационные коммуникации. Достаточно отметить, что в 1917 г. отрасль получила всего 1,3 % от обыкновенных расходов госбюджета, что было явно недостаточно [2, с. 312].⁴

Министерство не смогло обеспечить и достойного материального достатка связистам, поддержать нормальные отношения с их профсоюзом. Фронтальное изучение протоколов заседаний Временного правительства весны–лета 1917 г. показывает, что министры, решали проблемы отрасли в пожарном порядке. Основной задачей Временного правительства были выяснение отношений с общественными организациями связистов и изыскание средств для повышения их заработной платы в условиях гиперинфляции.⁵ Не только реконструкция, но и текущие ремонты линий почти не велись.

На Урале средства связи также испытывали большие перегрузки: телефонный обмен в 1916–1917 гг. упал более чем в два раза, почтовые тракты в сельской местности не действовали. Волостные правления и крестьянские общины отказывались от их содержания. Связь с перебоями работала даже в крупных городах. Положение усугублялось развалом производственной

³ ГАРФ. Ф. 3527. Оп. 2. Д. 218. Л. 9.

⁴ Рассчитано по: Роспись общегосударственных доходов и расходов РСФСР на июль–декабрь 1918 г. М., 1919. С. 63.

⁵ Журналы заседаний Временного правительства. Архив новейшей истории. М., 2001. Т. 1 (март–апрель 1917 г.). С. 108, 161, 190, 194, 203; Т. 2. (май–июнь 1917 г.). М., 2002. С. 46, 137, 319, 369; Т. 3 (июль–август 1917 г.). М., 2004. С. 48, 195.

дисциплины, текучестью работников. Трагическую ситуацию в учреждениях связи края описал один их инженеров, работающих в администрации Пермского округа. «Работать стало невозможно, когда появились советы и месткомы, — писал он в МПиТ. — В их состав было избрано много неквалифицированных работников, чиновников низших разрядов, сторожей, почтальонов. Они охотно воспринимали льготы, выдвигали революционные лозунги, а деятельность администрации — парализована».⁶ В трудовых коллективах нарастали конфликты, увеличивались кражи и грубость по отношению к клиентам, а также использование служебного положения в личных целях (отправление телеграмм «вне очереди» за мзду и др.). С лета 1917 г. связисты Урала жили по принципу: почта и телеграф не для общества, а для служащих [7, с. 35]. В целом, на протяжении 1917 г. транспортно-информационная инфраструктура России вошла в глубокий системный социально-экономический кризис.

Плохая работа связи вызывала много нареканий у населения. Начиная с лета 1917 г. пресса самых различных политических направлений обрушила на Министерство почт и телеграфов и на работников связи шквал критики. «Революция принесла свободу и ее ложное толкование, — писала одна из популярных московских газет, — в результате расстройство почтово-телеграфного дела усиливается. МПиТ уже завалено жалобами». «Россия стонет от почтово-телеграфного безобразия, — вторили ей другие издания. — Из 10 посланных открыток по почте, в лучшем случае доходят одна — две. А сколько трагедий принесла посылка телеграмм почтой? Если до революции почта плохо, но работала, то сейчас (лето 1917 г. — Г. III.) вообще перестала. Положение с посылками писем и телеграмм хуже, чем во времена Николая I».⁷ Журналистка Н. А. Бучинская (Теффи) с присущим ей сарказмом, предложила брать деньги с МПиТ, когда граждане прибегают к услугам этого ведомства, чтобы хоть как-то вознаградить их за те мучения, которые они испытывают при отправке корреспонденции.⁸

В это время население прибегло к иным методам трансляции информации. Крупные хозяйственные и банковские структуры

⁶ ГАРФ. Ф. 3527. Оп. 2. Д. 218. Л. 8.

⁷ Московский листок. 1917. 29 июн.; Речь. 1917. 28 июн.; Русское слово. 1917. 16 июл.

⁸ Русское слово. 1917. 29 апр.

стали создавать свои каналы пересылки (посыльные, фельдъегерская связь и др.). В городах стали возникать частные предприятия по пересылке корреспонденции, причем объемы этого вида частной деятельности быстро рос. Население стало пересылать письма и другую корреспонденцию с оказией. В городах стали обычными объявления: «Еду в г. Оренбург, доставлю корреспонденции».⁹

Вместе с тем, несмотря на кризис отрасли связи, сеть общей связи действовала. До октября 1917 г. в стране функционировала правительственная связь и существовала информационная среда, необходимая власти для решения управленческих, военных и хозяйственных задач.

Библиографический список

1. Боффа Д. История Советского союза. М., 1994. Т. 1.
2. Волобуев П. В. Экономическая политика Временного правительства. М., 1962.
3. История социалистической экономики М., 1976. Т. 1.
4. Краткие сведения о деятельности ГУПиТ в условиях текущей войны. Пг., 1917.
5. Лебедев В. Н. Участие связистов в революционном движении России. М., 1974.
6. Любович А. Основные моменты строительства народной связи 1917–1927 гг. // Жизнь и техника связи. 1927. № 11.
7. Объединяя мир людей. Пермская связь. 60 лет. Пермь, 1998.
8. Подшивалов И. Гражданская война на Урале (опыт военно-исторического исследования). М., 1925.

Gennady N. Shaposhnikov

Doctor of Historical Sciences, Ural State Medical University
(Russia, Ekaterinburg)

E-mail: history@usma.ru

Russian communications in 1917

The report analyzes the state of the communications industry during the 1917 revolution and the measures of the Provisional Government to regulate communications. It is concluded that, throughout the year, the industry was descending deeper into crisis, and the policy of the revolutionary government for the development of the industry remained ineffective. Nevertheless, the Provisional Government had the necessary information environment to govern the country.

Keywords: *communications industry, 1917 revolution, economy, information war*

⁹ ГАРФ. Ф. 6871. Оп. 1. Д. 541. Л. 4.

Шильникова Ирина Вениаминовна

к.и.н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт общественных наук РАНХиГС
(Россия, Москва)

E-mail: shilnikova.i@gmail.com

**«Раскошеливайся, а то контрреволюционером
объявят»: реакция рабочих на кампании
по реализации внутренних госзаймов в СССР
(конец 1920-х — начало 1930-х гг.)¹**

УДК 947.084.6

В поисках средств, необходимых для проведения форсированной индустриализации, советское правительство со второй половины 1920-х гг. все большее значение придавало размещению госзаймов среди населения. В докладе анализируются факторы, влиявшие на выбор рабочих — поддержать эту инициативу власти, либо отказаться от участия в «займовых» кампаниях.

Ключевые слова: *индустриализация, внутренние государственные займы, наркомат финансов, профсоюзы, протест*

Провозглашение в конце 1920-х гг. курса на форсированную индустриализацию поставило перед советским руководством непростой вопрос об источниках ее финансирования. Внутренние госзаймы, размещаемые среди населения, должны были стать одним из способов покрытия расходов на строительство крупных промышленных объектов. В этих условиях стояла задача обеспечить активное участие советских граждан в «займовых» кампаниях. На сегодняшний день авторы немногочисленных публикаций, посвященных проблемам реализации внутренних госзаймов в СССР в 1920–1930-х гг., сходятся во мнении, что подписка на облигации носила «добровольно-принудительный» характер [2; 3; 5; 6]. При этом данные социально-политические кампании, явно ущемлявшие материальные интересы советских граждан, ставили последних перед весьма неприятным выбором: играть по правилам, предложенным властью, или попытаться защитить свои доходы от посягательств со стороны государства. Как и почему рабочий человек сталинской эпохи делал «добровольный» выбор, принимая решение подписаться на займ или отказаться

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-06-00702.

от приобретения облигаций? Этот вопрос до сих пор остается дискуссионным и слабо исследованным.

Источниковую базу исследования составили, преимущественно, архивные документы, хранящиеся в фондах ВЦСПС и ЦК отраслевых профсоюзов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). Среди опубликованных документов следует отметить информационные обзоры и сводки ОГПУ, дающие «широкую панораму социальной, политической и экономической жизни страны во всем ее многообразии» [6], в том числе сведения о настроениях различных групп населения в связи с кампаниями по реализации госзаймов.

Госзаймы в СССР в конце на протяжении длительного времени являлись не чрезвычайным ресурсом, к которому прибегают только в случае особой нужды, а постоянным источником финансирования народного хозяйства. Таблица показывает их долю в доходной и расходной части бюджета СССР в конце 1920-х — первой половине 1930-х гг.

Таблица

Государственные займы в СССР, 1927–1935 гг.

Год	Доходы бюджета СССР от госзаймов	в том числе займы, приобретенные		Расходы бюджета СССР по госзаймам
		населением	учреждениями и организациями	
1927/28	726,4 (9,9)	360,4 (4,9)	366,0 (5,0)	299,5 (4,2)
1928/29	724,8 (8,2)	261,3 (3,0)	463,5 (5,2)	317,5 (3,6)
1929/30	1278,4 (9,2)	656,0 (4,7)	622,4 (4,5)	405,7 (3,0)
1931	3268,8 (12,9)	1616,4 (6,4)	1652,4 (6,5)	408,3 (1,6)
1932	3921,7 (10,3)	2429,3 (6,4)	1492,4 (3,9)	961,8 (2,5)
1933	4407,5 (9,5)	3196,0 (6,9)	1211,5 (2,6)	1273,0 (3,0)
1934	4310,1 (7,4)	3396,8 (5,8)	913,3 (1,6)	1876,8 (3,4)
1935	4872,6 (6,5)	3756,7 (5,0)	1115,9 (1,5)	1798,0 (2,4)

Примечание: доходы и расходы бюджета указаны в млн руб., в скобках — доля (%) госзаймов в общей структуре доходов/расходов по бюджету СССР.

Источник: Государственный бюджет СССР: стат. сборник. М., 1955. Ч. 1. 1918–1937. С. 93, 94, 108, 126, 151, 162, 163, 180, 193.

На основе данных таблицы заметно, что начиная с рубежа 1920–1930-х гг. доля госзаймов, размещенная среди различных групп населения, неуклонно возрастала в сравнении с займами, приобретенными различными учреждениями и организациями. И в 1933 г. население дало 72,5 %, в 1934 г. — уже 78,8 % от общей суммы, полученной в бюджет за счет «займовых» кампаний.

В этих условиях важнейшей стала задача обеспечения максимального вовлечения граждан в кампании по подписке на госзаймы, выпускавшиеся в конце 1920-х — начале 1930-х гг. один за другим. Основная ставка делалась на рабочих, которые, по расчетам правительства, должны были не только сами подписаться на значительные суммы, но и обеспечить высокую активность подписки среди крестьян. «Займовые» кампании превращалась в дополнительный элемент соцсоревнования, проходившего между отдельными рабочими, цехами, предприятиями и целыми районами.

Реакция на рабочих на «займовые» кампании была различной: от энтузиазма, сопровождавшегося готовностью подписаться на суммы, превышавшие месячный заработок, до полного отказа от покупки облигаций. Причем, в последнем случае модели поведения также могли быть различны: кто-то стремился увильнуть от подписки, другие открыто обозначали и объясняли свою позицию. Что же заставляло рабочих даже в условиях жесткого давления со стороны профсоюзов и партийных организаций, отказываться от участия в «займовых» кампаниях?

Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что рабочие не высказывались принципиально против подписки на госзаймы. Они рассматривали этот вопрос в контексте снижавшегося уровня жизни, нараставшего дефицита продовольствия и товаров первой необходимости, введения карточной системы, роста рыночных цен (при том, что значительную часть продуктов приходилось покупать именно на рынке [1, с. 167, 168, 335]) и многочисленных вычетов из заработка на самые разные нужды. Нередко звучала фраза: «Дайте хлеба, и мы подпишемся на займы». Многие достаточно детально давали раскладку своего семейного бюджета, объясняя, что подписка на еще один займ обречет всю семью на голодное существование, окончательно лишит возможности купить теплую одежду детям, запастись дровами на зиму.²

² ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 13. Д. 522. Л. 19, 37об.; Оп. 14. Д. 628. Л. 16, 19.

Очень часто из уст рабочих звучали слова «обман» и «ловушка» применительно к практике реализации займов. Именно так они восприняли «реформу займов», когда в феврале 1930 г. было объявлено, что все облигации 1-го, 2-го и 3-го займов индустриализации подлежали обязательному обмену на облигации нового займа «Пятилетка в 4 года» [4, т. 8, ч. 1, с. 146, 161, 162]. Аналогично они расценивали кампанию по сдаче приобретенных ими облигаций на так называемое коллективное хранение, что лишало рабочих возможности продать их или заложить. В итоге получалось, что, оплатив облигации, они не могли ими распоряжаться.

Государственная политика по отношению к крестьянству оказывала заметное влияние на настроение рабочих, поскольку многие из них покинули деревню совсем недавно и сохраняли прочную связь с оставшимися там родственниками. Регулярно фиксировались случаи, когда уполномоченные по размещению займа производили аресты крестьян, отказывающихся от приобретения облигаций, «избиения и угрозы увеличить суммы налога, самообложения и зачислить в “контрреволюционеры”, в “врага Советской власти” и т. п.» [4, т. 6, с. 217]. Причем, реакция рабочих на такого рода информацию была различна: одни, опасаясь распространения подобных мер и на них, подписывались на требуемую сумму, а другие, наоборот, отказывались покупать облигации в знак протеста против подобных методов ведения «займовой» кампании.

Начиная с 1930 г. все жестче становится терминология и тон по отношению к тем, кто высказывал нежелание подписываться на новые займы или сдавать облигации на коллективное хранение. Если раньше речь шла чаще всего о «несознательности», «отсталости» отдельных рабочих, то теперь появились обвинения в антисоветских настроениях и контрреволюции. Сами же рабочие говорили, что несмотря на провозглашенную «добровольность» подписки, им приходится «раскошелиться», иначе «контрреволюционером объявят» [4, т. 7, с. 74]. Показательно, что в информационных сводках ОГПУ сообщения о массовой неявке на собрания и отказе голосовать за спущенные сверху резолюции все чаще попадали в раздел с названием «Деятельность антисоветского элемента». На целом ряде предприятий (в частности, в Ленинградской и Уральской областях) были зафиксированы случаи избиения «уполномоченных по займу», причем

в подобных акциях были замечены члены ВКП(б) [4, т. 8, ч. 1, с. 107, 109]. Распространявшиеся листовки, призывавшие к отказу от подписки на займы, содержали и антисоветские лозунги («Долой иго большевиков!» и др.) [4, т. 8, ч. 1, с. 135, 174]. Обвинение в антисоветской агитации и контрреволюции влекло за собой применение жестких мер уже не со стороны партийных и профсоюзных организаций, а со стороны карательных органов. Это приводило к постепенному отказу со стороны рабочих от открытого проявления несогласия с практиковавшимися методами реализации госзаймов, хотя скрытое недовольство и попытки уклониться от подписки продолжались на протяжении всего рассматриваемого периода.

Библиографический список

1. Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 19127–1941. М., 2008.
2. Пинаев С. М. «Займы индустриализации» конца 1920-х гг. и особенности их реализации // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2011. № 8 (100). С. 290–295.
3. Пинаев С. М. Поиск оптимальных вариантов проведения внутренних государственных займов СССР в 1920-е гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: История и политические науки. 2011. № 3. С. 140–144.
4. «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении дел в стране (1922–1934 гг.). М., 2002. Т. 6; М., 2004. Т. 7; М., 2008. Т. 8, ч. 1; М., 2013. Т. 9.
5. Страхов В. В. Внутренние государственные займы в СССР конца 1920-х–1930-е гг. // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2008. № 2 (19). С. 59–79.
6. Феофанов О. Е. Первые займы индустриализации как источник накопления капитала (по материалам Ярославской губернии) // Ярославский педагогический вестник. 2009. № 2. С. 249–251.

Irina V. Shilnikova

Candidate of Historical Sciences, National Research University
“Higher School of Economics”; The Russian Presidential Academy of
National Economy and Public Administration (Russia, Moscow)
E-mail: *shilnikova.i@gmail.com*

**“Fork out, or they will declare you a
counterrevolutionary”: workers’ reaction to the
campaign for the implementation of domestic state
loans in the USSR (the late 1920s — early 1930s)**

In search of the means necessary for carrying out the forced industrialization, the Soviet government from the second half of the 1920s attached ever greater importance to the placement of government loans among the population. The article analyzes the factors that influenced the choice of workers — to support this initiative of the authorities, or to refuse to participate in “loan” campaigns.

Keywords: *industrialization, domestic government loans, People’s Commissariat of Finance, trade unions, coercion, protest*

Шишкин Владимир Иванович

д.и.н., Институт истории СО РАН; профессор, Новосибирский
государственный университет (Россия, Новосибирск)
E-mail: *patric@academ.org*

**Механизмы и методы мобилизации ресурсов
Сибири в государственный бюджет России
в начале 1920-х гг.**

УДК 336.14(571)«192»

В начале 1920-х гг. прослеживаются два этапа, которые отличались механизмами и методами мобилизации ресурсов Сибири в государственный бюджет. В основном они совпадают с основными периодами советской экономической политики: военный коммунизм, 1920 — первая половина 1921 г. (продразверстки), переход к нэпу, вторая половина 1921–1922 г. (натуральные налоги).

Ключевые слова: *государственный бюджет, механизмы, методы, продразверстка, натуральные налоги*

В начале 1920-х гг. бюджетная политика советского правительства претерпела ряд существенных изменений. Прослеживаются,

как минимум, два этапа, отличавшихся друг от друга механизмами и методами мобилизации ресурсов Сибири в государственный бюджет. Эти этапы в принципе совпадают с двумя основными периодами советской экономической политики.

Первый из них — это короткий промежуток военного коммунизма, хронологически охватывавший 1920 — первую половину 1921 г. В это время в РСФСР произошел пересмотр советской бюджетной политики, который был направлен на замену денежного государственного бюджета единым хозяйственным планом, формировавшимся не в стоимостном выражении, а в натуральных показателях материальных ресурсов. Важнейшим из этих ресурсов являлось продовольствие, в первую очередь — хлебофураж, на который была объявлена государственная монополия. В результате деньги как универсальное средство обмена почти потеряли свое значение. В связи с ориентацией советского правительства на «материальный» бюджет финансовый аппарат утратил свою ключевую позицию в экономическом блоке органов государственной власти, а на первую роль выдвинулись органы планирования и продовольственный аппарат. Главным инструментом государственных заготовок стала назначаемая сверху продразверстка, для выполнения которой вводилась круговая порука — коллективная ответственность сельских обществ.

В конце 1919 — начале 1920 г. в Сибири была восстановлена Советская власть. Примерно до конца весны 1920 г. она проводила политику ограничения товарного рынка, разрешая непосредственным сельскохозяйственным производителям торговать имевшимися у них излишками только на официально допущенных базарах и рынках. В конце весны советские органы приступили к стремительной ликвидации товарно-рыночных отношений в Сибири, в том числе к закрытию базаров и рынков.

В государственных заготовках до февраля 1920 г. повсеместно использовался «самотек», при котором крестьяне добровольно по «твердым» ценам продавали государству свои излишки сельскохозяйственных продуктов. Его применение позволило получить находившемуся в стадии формирования советскому продовольственному аппарату не менее 3,5 млн пудов хлебофуража, значительная часть которого была вывезена в европейскую Россию.

С февраля 1920 г. «самотек» стал заменяться продовольственной разверсткой. Она вводилась в разное время в масштабах

отдельных губерний только на часть имевшихся излишков (от 50 до 75 % из урожая 1919 г.), проводилась в расчете на меры убеждения, без использования принудительных инструментов.

С лета 1920 г. в целях выполнения разверстки продорганы Сибири стали применять меры принуждения [1, с. 144–178]. Благодаря мощному нажиму, к августу 1920 г. в счет разверстки в Сибири было заготовлено 31,3 млн пудов. Это составило 47,6 % от назначенного на нее по разверстке, что было лишь немного (на 6,5 %) ниже общереспубликанского уровня, и равнялось 14,7 % всех хлебофуражных продуктов, полученных Наркомпродом в продовольственную кампанию 1919/20 г. 5,2 млн пудов заготовленного в Сибири хлебофуража продорганы передали частям Красной армии, 6,7 млн отправили в центральные районы РСФСР, 0,8 млн — на распределительные базы Наркомпрода [2, с. 84].¹

Специальным декретом Совнаркома от 20 июля 1920 г. в продовольственную кампанию 1920/21 г. сибирское крестьянство было обязано сдать государству все излишки хлебофуража. Их количество Наркомпрод определил в 110 млн пудов, что составляло четверть всех запланированных государственных заготовок. В целях выполнения правительственного задания был укреплен и милитаризован аппарат продорганов Сибири, среди населения проведена большая разъяснительная работа, в помощь продорганам в деревню направлены около 5,0 тыс. продотрядников ВЦСПС, 8,9 тыс. продармейцев, 21,6 тыс. членов уборочно-молотильных дружин. Широкомасштабное использование мер убеждения и принуждения позволило к 1 июля 1921 г. собрать 67,4 млн пудов хлебофуража. Это составило 61,2 % от назначенной разверстки, что на 8,1 % было ниже общереспубликанского показателя, и равнялось 22,1 % всего хлебофуража, который заготовил Наркомпрод. Около 25,0 млн пудов сибирского хлебофуража было вывезено в центральные и северные районы РСФСР и в ДВР.²

Отмена продразверстки и ее замена продналогом стали тем исходным пунктом, который потребовал пересмотра всей

¹ ГАНО. Ф. Р-288. Оп. 1. Д. 15, Л. 8; Три года борьбы с голодом. Краткий отчет о деятельности Народного комиссариата по продовольствию за 1919–1920 год. М., 1920. С. 29, 30.

² Отчет Сибирского Революционного Комитета о деятельности его за январь–июнь 1921 г. Новониколаевск, 1921. С. 1, 9, 16; Четыре года продовольственной работы. Статьи и отчетные материалы. М., 1922. С. 18, 134–135.

экономической и финансовой политики Советской власти. В РСФСР началась денационализация промышленности и торговли, возрождение частного предпринимательства, товарно-рыночных отношений и денег как универсального инструмента обмена. Бюджет постепенно стал приобретать финансовое наполнение, что потребовало восстановления роли и значения финансового аппарата, пересмотра механизмов и средств мобилизации ресурсов в государственный фонд.

Во второй половине 1921–1922 г. во всех этих направлениях в Сибири были сделаны в разной степени крупные и эффективные шаги. Они во многом детерминировались тем, что Поволжье и ряд других районов России постиг неурожай, а голод достиг катастрофической стадии. В этих условиях советское правительство рассматривало Сибирь как важнейший источник продовольствия и формирования «натуральной» части государственного бюджета.

В силу этого обстоятельства механизм мобилизации ставшего главным продовольственного ресурса, который был использован в Сибири, имел внутренне противоречивый характер. С одной стороны, в нем присутствовали черты налоговой системы: в качестве окладной единицы выступало крестьянское хозяйство; учитывалось количество едоков в семье, размер посевной площади и урожайность зерновых. С другой стороны, Наркомпрод установил урожайность и так называемые контрольные цифры размера налога для Сибири в целом и ее отдельных губерний, которые они должны были выполнить. Тем самым, размер налога — иногда до двора — определялся не столько снизу, сколько сверху.

Размер продналога по хлебофуражу на все губернии Сибири, кроме Алтайской, оказался меньше, чем было собрано по разверстке (69,3 %). Но продналог был более тяжелым, поскольку его предстояло выполнять из урожая только одного недородного 1921 г. В расчете на одну десятину посева продналог оказался выше разверстки. Все это объясняет трудности, с которыми он выполнялся, и методы, которые использовались для его сбора. Осенью 1921 г. на большей части территории Сибири были закрыты базары и рынки. В деревню были направлены большие агитационные силы, продотряды для принудительного обмолота и изъятия зернофуража. В помощь продработникам выделялись отряды Красной армии и коммунистические части особого назначения, войска внутренней охраны, милиция, выездные сессии

революционных трибуналов и народных судов. Фактически по методам сбора продналог 1921/22 г. в Сибири мало чем отличался от предшествовавшей ему продразверстки. Всего по продналогу было заготовлено 35,0 млн пудов хлебофуража, что составило 96,6 % от окончательно установленного Наркомпродом задания, причем около 20,0 млн пудов было вывезено в центральные районы РСФСР [3, с. 30–33].

Мобилизация хлебофуражных ресурсов Сибири в продовольственную кампанию 1922/23 г. частично осуществлялась по образцу предшествующего года. Наркомпрод задал важнейшие параметры, по которым должен был исчисляться единый натуральный налог на местах: удвоенная площадь посева, разряды урожайности по районам, эквиваленты замены одних продуктов другими и контрольные цифры площади пашни, подлежащей обложению.

На основе выявленных объектов обложения руководство Сибпродкома первоначально установило размер налогового обязательства, включавшего в себя единый натуральный налог, возврат долга за семенную ссуду и промсбор, в 42,0 млн пудов. Твердое задание Наркомпрода, полученное в Сибири позднее и включавшее в себя те же составляющие, оказалось меньше — 37,0 млн пудов. После этого Сибпродком снизил запланированную цифру до 39,0 млн. В итоге размер налога оказался меньше, чем в предыдущую продналоговую кампанию, в том числе на одного едока приходилось соответственно 7,4 и 6,0 пуда, на одно хозяйство — 44,0 и 34,0 пуда.

Но из-за сокращения посевной площади и количества поголовья скота единый натуральный налог оказался не на много легче продналога. Показателен такой факт: установленные Наркомпродом контрольные цифры площади пашни, подлежащей в Сибири обложению, выявить так и не удалось, хотя для этого на местах прибегли к приемам времен военного коммунизма: их разверстке по уездам, волостям, населенным пунктам и домохозяевам. Сбор хлебофуража также сопровождался усиленным нажимом на его держателей, в том числе с применением вооруженной силы. К концу ноября 1922 г. задание по сбору единого натурального налога в Сибири было выполнено. Всего в продовольственную кампанию 1922/23 г. сибирские крестьяне сдали около 45,0 млн пудов хлебофуража, весь излишек

которого сверх 39,0 млн составил фонд местных губисполкомов советов.³

Тем самым, механизмы и методы, которые использовала Советская власть в начале 1920-х гг. для мобилизации ресурсов Сибири в государственный бюджет, детерминировались в основном более общими представлениями советского руководства о путях и методах социалистического строительства в России. Вместе с тем на их выбор влияла как конкретная обстановка в стране в целом, так и понимание ресурсного потенциала Сибири и ее возможностей.

Библиографический список:

1. Гольман Д. Новый этап продработы // Три года борьбы за диктатуру пролетариата (1917–1920 гг.). Омск, 1920. С. 81–87.
2. Самсонов В. Три года продработы в Сибири // Жизнь Сибири. Новосибирск, 1922. № 3. С. 24–34.
3. Шишкин В. И. Социалистическое строительство в сибирской деревне (ноябрь 1919–март 1921 г.). Новосибирск, 1985.

Vladimir I. Shishkin

Doctor of Historical Sciences, Institute of History,
Siberian Branch of the RAS; Novosibirsk State University
(Russia, Novosibirsk)
E-mail: *patric@academ.org*

Mechanisms and methods of mobilizing resources of Siberia into the state budget of Russia in the early 1920s

In the early 1920s, there can be traced two stages, distinguished by mechanisms and methods of mobilizing resources of Siberia into the state budget. They basically coincide with the main periods of Soviet economic policy: war communism, 1920 — the first half of 1921 (*prodrazverstka* — surplus appropriation system), the transition to the NEP, the second half of 1921–1922 (natural taxes).

Keywords: *state budget, mechanisms, methods, prodrazverstka, natural taxes*

---

³ Отчет четвертого съезда губернских экономических совещаний Сибири, созданного Сибирским революционным комитетом 11–15 февраля 1923 г. Новониколаевск, 1923. С. 6, 18–22.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВП РФ — Архив внешней политики Российской Федерации
ГААК — Государственный архив Алтайского края
ГАЗК — Государственный архив Забайкальского края
ГАКО — Государственный архив Курской области
ГАНО — Государственный архив Новосибирской области
ГАРБ — Государственный архив Республики Бурятия
ГАРО — Государственный архив Рязанской области
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
ГАСО — Государственный архив Свердловской области
ГАСПИТО — Государственный архив социально-политической истории Тюменской области
ГАТ — Государственный архив в г. Тобольске
ОГАЧО — Объединенный государственный архив Челябинской области
ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
РГАНИ — Российский государственный архив новейшей истории
РГАНТИ — Российский государственный архив научно-технической документации
РГАЭ — Российский государственный архив экономики
РГАЭ — Российский государственный архив экономики
РГИА — Российский государственный исторический архив
РГИА ДВ — Российский государственный исторический архив Дальнего Востока
ЦГАМ — Центральный государственный архив г. Москва
ЦДООСО — Центр документации общественных организаций Свердловской области
ЦИА — Центральный исторический архив города Москвы

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

<i>Алексеев В. В.</i> Исторический вызов как предмет изучения	3
<i>Арсентьев Н. М.</i> Московское горное правление в истории российской индустриализации	9
<i>Артемов Е. Т.</i> От Сталина к Хрущеву: предпосылки изменения приоритетов в экономической политике	14
<i>Бородкин Л. И.</i> Неравенство доходов в России в XIX — начале XX вв.: сравнительный анализ историографических оценок ...	19
<i>Джозефсон П. Р.</i> Крупномасштабные проекты в российской истории в сравнительной перспективе с 1900 г. до наших дней: отличается ли путь России от путей Китая, Бразилии и США?	25
<i>Петров Ю. А.</i> Экономический рост поздней имперской России и система С. Ю. Витте	32
<i>Побережников И. В.</i> Проблемы и перспективы анализа российских модернизаций	37

СЕКЦИЯ 1. МЕТОДОЛОГИЯ, ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

<i>Аракчеев В. А.</i> Рост налогов и масштабы социально-экономического кризиса в России конца XVI — начала XVII в.: спорные проблемы	43
<i>Берсенёв В. Л., Горст А. П.</i> Неопубликованные статистические отчеты: от описания динамических рядов к клиометрическому анализу	48
<i>Гаврилов Д. В.</i> Место государственного планирования в экономическом развитии России XX — начала XXI вв.....	53
<i>Давыдов М. А.</i> О стереотипах традиционной историографии.....	59
<i>Кабакова Н. В.</i> Фонд «Омский обком ВКП (б)» Исторического архива Омской области о перестройке городского хозяйства в годы Великой Отечественной войны: содержание и возможности	65
<i>Кащенко С. Г.</i> Реформа 19 февраля 1861 г. на Севере России. Результаты исследований с применением компьютерных технологий..	70
<i>Красильников С. А.</i> Наука и ученые как мобилизационный ресурс сталинской системы	74
<i>Лизунов П. В.</i> Национализация петроградских коммерческих банков..	78

<i>Михеев М. В.</i> Советская историография социально-экономических проблем Урала 1945–1953 гг.	84
<i>Сенявский А. С.</i> Советская мобилизационная модель развития как инструмент индустриальной модернизации и экономического роста: институциональный аспект.....	90
<i>Солощенко Н. В.</i> Конструирование «нового рабочего» в годы первых пятилеток (контент-анализ материалов фабричных многотиражек)...	94
<i>Тагирова Н. Ф.</i> «Колея» исследовательского мышления и попытка ее преодоления в историко-экономическом анализе (применительно к аграрной истории)	99
<i>Тимофеев Д. В.</i> «Между общим и частным благом»: методология изучения экономических стратегий поведения «свободных состояний» в России XIX в.	104
<i>Трофимов А. В.</i> Советская экономическая модель и коррупция: к историографии проблемы	108
<i>Яхно О. Н.</i> Экономическое поведение в стиле модерн в зеркале российской прессы на рубеже XIX и XX вв.	113

СЕКЦИЯ 2. Экономика имперской России:

ПРОБЛЕМА ВЫБОРА МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ

<i>Абдуллаев Я. С. оглы.</i> Взаимоотношения российского и французского банковского капитала в 1914–1917 гг.: по материалам Акционерного общества Брянского завода и Русско-Азиатского банка	118
<i>Акульшин П. В.</i> Промышленность Центральной России в годы Первой мировой войны и эпохи «военного коммунизма» (1914–1920) (на материалах Рязанской губернии).....	123
<i>Анисимова Д. В.</i> Соотношение фондовых рынков России и Финляндии накануне Первой мировой войны.....	129
<i>Арсентьев В. М.</i> Россия у истоков индустриализации: трансформация моделей промышленного развития в первой половине XIX в.	134
<i>Батырбаева Ш. Д.</i> Промысловые занятия населения как основа становления предпринимательства и развития торговли в начале XX в. в Северном Кыргызстане	139
<i>Бессолицын А. А.</i> Экономическая программа С. Ю. Витте как модель перехода к индустриальному развитию России на рубеже XIX–XX вв. ..	144
<i>Богатырев Э. Д., Марискин О. И.</i> Становление и развитие системы дворянского земельного кредитования во второй половине XIX — начале XX в. (по материалам Среднего Поволжья)	149

<i>Бородина Е. В.</i> «А нынче я за делом ходить не могу»: экономические аспекты судопроизводства в Российской империи второй четверти XVIII в.	154
<i>Борщик Н. Д.</i> Создание и деятельность российских таможенных органов в Крыму (конец XVIII — начало XIX в.)	159
<i>Бугров К. Д.</i> Экономические проблемы российского Staatsroman: антимакиавеллизм, коммерция и добродетель в «Приключениях Фемистокла» Ф. Эмина (1763)	164
<i>Голикова С. В.</i> Финансирование «подготовительных работ по введению всеобщего обучения» в Пермской губернии: вклад государства и земства.....	169
<i>Дмитриева А. А.</i> Динамика биржевых котировок в конце XIX — начале XX в.: кризис 1899 г. и его преодоление	175
<i>Запорожченко Г. М.</i> «Экономика участия» в потребительской кооперация позднеимперской России: реализованные возможности и утраченные перспективы	180
<i>Зубков К. И.</i> Колонизация в истории России: экономика и геополитика.....	186
<i>Казакова-Анкаримова Е. Ю.</i> Общественные инициативы и эволюция институтов трудовой помощи в городах Урала в конце XIX — начале XX в.	191
<i>Кальмина Л. В., Плеханова А. М.</i> Концепция модернизации экономики Забайкалья в геополитической стратегии имперской / Советской России (1880–1920-е гг.)	198
<i>Керов В. В.</i> Экономические аспекты политических программ старообрядцев в марте–октябре 1917 г. и на выборах в Учредительное собрание	204
<i>Корчмина Е. С.</i> Что лучше для крестьянина: быть крепостным в центральной России или свободным в Сибири? Попытка оценки прожиточного минимума.....	209
<i>Кравцова Е. С.</i> Специфика деятельности податных присутствий в Российской Империи в конце XIX — начале XX в.....	217
<i>Кузнецов И. А.</i> Динамика урожая и валовой доходности зернового производства в губерниях Европейской России в 1884–1913 гг.: к постановке проблемы	222
<i>Мамаев А. В.</i> Проблемы экономического развития и интеграции Туркестана накануне революции 1917 г. в деятельности Госдумы и правительства	228

<i>Микитюк В. П.</i> Диверсификация производственной деятельности екатеринбургских предпринимателей во второй половине XIX — начале XX в.	234
<i>Морева О. В.</i> Экономика и чтение в конце XIX — начале XX в.	238
<i>Морозан В. В.</i> Аристократы и сановники — клиенты С.-Петербургской конторы Государственного банка	244
<i>Неклюдов Е. Г.</i> Проекты развития горнозаводской промышленности в России: взгляд из 1860-х гг.	247
<i>Нефедов С. А.</i> Реформы Петра I в контексте концепции «вызовов и ответов»	253
<i>Николаев А. А.</i> Сибирское маслоделие в контексте аграрно-индустриального типа модернизации России в первой трети XX в.....	257
<i>Пак Чжи-бэ.</i> Экспорт России в Великобританию в период континентальной блокады.....	264
<i>Пашков А. М. А. С.</i> Ярцов на Олонецких горных заводах	270
<i>Редин Д. А.</i> Налоговая реформа Петра Великого и административное обеспечение фиска	276
<i>Сагинадзе Э. О.</i> «Курорты суть источники народного национального обогащения»: правительственная политика Российской империи по развитию рекреационного потенциала Кавказа (1894–1917).....	280
<i>Саломатина С. А.</i> Коммерческие банки и торговля сельскохозяйственной продукцией в 1870–1890-е гг. (на примере Центрального Черноземья)	283
<i>Слепнёв И. Н. С. Ю.</i> Витге и тарифное регулирование железнодорожных перевозок хлебных грузов	288
<i>Степанов В. Л.</i> Государственное регулирование нефтяной промышленности России в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.)	293
<i>Суржикова Н. В., Михалев Н. А.</i> Между свободой и принуждением: организация труда беженцев в России 1914–1917 гг.	298
<i>Федосеев Р. В.</i> Основные показатели динамики дворянского землевладения во второй половине XIX — начале XX в. (по материалам Среднего Поволжья)	304
<i>Шумкин Г. Н.</i> Ответы на технологические вызовы в оборонной промышленности: модель и ее апробация (на материале производства артиллерийских орудий в середине XIX — начале XX в.).....	310

**СЕКЦИЯ 3. МОБИЛИЗАЦИЯ И МОДЕРНИЗАЦИЯ КАК ФАКТОРЫ
СОВЕТСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА**

<i>Алёткина Е. Ю.</i> Динамика и дифференциация заработной платы в советской нефтедобывающей промышленности в 1950–1980-х гг. (по материалам промышленного объединения «Татнефть»).	316
<i>Андреенков С. Н.</i> Производство зерна в Новосибирской области в 1990-е гг.	319
<i>Баканов С. А.</i> Уровень благосостояния советского населения в годы семилетки в оценках Госэкономсовета и Центрального статистического управления СССР	324
<i>Бедель А. Э.</i> Обогащение урана: проблемы и решения отечественной науки и промышленности	329
<i>Быстрова И. В.</i> «Кормление медведя»: роль программы ленд-лиза в мобилизации и модернизации экономики СССР в годы Великой Отечественной войны	334
<i>Водичев Е. Г.</i> Территориальные проекции советской научно-технической политики: возможности и пределы мобилизационной парадигмы в послевоенные годы	341
<i>Демчик Е. В., Гряникова Г. А.</i> Продуктовый дефицит в изобильном крае: к вопросу о феномене советской торговли 1960–1970-х гг.	346
<i>Ежов А. О.</i> Титановое производство на Урале: проблема становления..	351
<i>Запарий Вас. В.</i> Тенденции модернизации танковой промышленности Урала в условиях конверсии: 1945–1950 гг.	356
<i>Запарий В. В.</i> Эволюция управления промышленным производством в СССР: от ВСНХ до отраслевых министерств 1917–1991 гг. К постановке проблемы	362
<i>Ильиных В. А.</i> Сельское хозяйство Сибири в 1970–1980-е гг.: застой или структурная перестройка	367
<i>Карпов В. П.</i> Проблемы геологического обеспечения российских арктических проектов: исторический аспект	372
<i>Комгорт М. В.</i> «Широта и узость сибирских горизонтов»: геологическая наука и производственная геология в борьбе за сибирскую нефть	377
<i>Кондрашин В. В.</i> Механизмы взаимодействия союзного центра и республиканского руководства Беларуси в 1943–1945 гг. по вопросам восстановления сельского хозяйства республики	383
<i>Конов А. А.</i> Модернизация железнодорожного транспорта на Урале в 1956–1991 гг.	388

<i>Корнилов Г. Е.</i> Аграрный вызов России в XX веке: долгий поиск ответа	393
<i>Лаврик Л. А.</i> Торговая политика местных правительств в дальневосточном регионе в условиях политического кризиса (1917–1922)	399
<i>Мельников Н. Н.</i> Производственные ресурсы советского танкостроения: проблемы становления промышленной базы танкопрома в начале войны (1941–1942)	405
<i>Мельникова Н. В.</i> Подготовка кадров для советского атомного проекта	410
<i>Мухин М. Ю.</i> Складывание системы органов мобилизационной подготовки промышленности в Советской России и СССР в 1921–1927 гг.	415
<i>Пасс А. А.</i> Огосударствление кооперативной промышленности в СССР (1956–1960)	420
<i>Пивоваров Н. Ю.</i> Советская внешняя торговля во второй половине 1950-х — начале 1960-х годов: в поисках новых стратегий	424
<i>Пискунов С. А.</i> Имперская и советская политики переселения: преемственность или разрывы?	429
<i>Попов А. А.</i> Торгово-экономические отношения СССР и европейских социалистических стран и вторая волна индустриализации (1950–1960-е гг.)	434
<i>Поршинева О. С.</i> «Новый человек» как феномен советского проекта модернизации 1920–1930-х гг.: замыслы и реальность	439
<i>Прищепа А. И.</i> Некоторые аспекты истории урбанизации ХМАО — Югры в 1960–1980-е гг.	444
<i>Пушкарева Н. Л.</i> История включения советских женщин в экономическую жизнь страны и их современное положение в ней (1945–2015).....	449
<i>Пьянков С. А.</i> Автомобильная промышленность Урала в первое послевоенное десятилетие (1946–1955): проблемы производства и кадровый потенциал.....	456
<i>Рышков В. М.</i> Продовольственный рынок Сибири во второй половине 1918–1919 гг.: пространственные и отраслевые модели	461
<i>Санникова Я. М.</i> Традиционное хозяйство Арктики в период первых постсоветских трансформаций (на примере Якутии 1990-х гг.)	466
<i>Симонов М. А.</i> Развитие Уральского экономического района в проекте генерального хозяйственного плана СССР на 1951–1970 гг.	470

<i>Соколов А. С.</i> Денежное обращение СССР в условиях реализации второго пятилетнего плана (по материалам издания Лиги Наций «Валюта и банки»)	477
<i>Соловенко И. С.</i> Выбор стратегии развития угольной промышленности России в 1990-е гг.	481
<i>Сперанский А. В.</i> Оборонно-промышленный комплекс Урала как фактор Великой Победы над фашизмом в годы Второй Мировой войны.....	486
<i>Сухова О. А.</i> Хозяйство и практики социального взаимодействия в советской деревне в контексте мобилизационной экономики СССР в 1930-е — начале 1950-х гг.	491
<i>Тимошенко А. И.</i> Мобилизационная модернизация экономики СССР (на примере Урало-Сибирского региона	497
<i>Ульянова С. Б.</i> Советский индустриальный проект 1920-х гг. в региональном измерении.....	502
<i>Филатов В. В.</i> Модернизация по-советски: уральская аграрная экономика в конце 1920–1930-х гг.....	506
<i>Челетти Д.</i> Рим и Москва в межвоенный период. Аспекты экономических отношений между двумя «отдаленными партнерами»	511
<i>Шапошников Г. Н.</i> Российские средства связи в 1917 г.	515
<i>Шильникова И. В.</i> «Раскошеливайся, а то контрреволюционером объявят»: реакция рабочих на кампании по реализации внутренних госзаймов в СССР (конец 1920-х — начало 1930-х гг.).....	521
<i>Шишкин В. И.</i> Механизмы и методы мобилизации ресурсов Сибири в государственный бюджет России в начале 1920-х гг.	526

Научное издание

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ
И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ

Материалы Всероссийской научной конференции
с международным участием
Екатеринбург, 25–26 сентября 2019 г.

Ответственный редактор
Е. Т. Артемов

Корректоры
Н. А. Бабенкова, А. С. Кузьмина
Техническое редактирование
А. С. Кузьмина
Компьютерная верстка
Н. А. Бабенкова

Подписано в печать 01.07.2019. Формат 60x90/16
Печать офсетная. Бумага ВХИ 80 г/м. Гарнитура Georgia
Уч. изд. л. 26,5. Усл. печ. л. 33,75
Тираж 300 экз. Заказ № 9910

Отпечатано в типографии ООО Универсальная типография
«Альфа-Принт»
620049, г. Екатеринбург, пер. Автоматики, 2ж